

ВОЕННЫЕ
XX ТАЙНЫ
ВЕКА

Е.А. ГОРБУНОВ

СХВАТКА
С ЧЕРНЫМ
ДРАКОНОМ

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Annotation

В 1930-е годы Советский Союз оказался на грани войны с Японией, имперские амбиции которой простирались от Байкала и Приморья до Китая и европейских колоний в Южных морях. Ожесточенные военные схватки на Хасане и Халхин-Голе были пробой сил и желанием определить мощь северного соседа. Сокрушительный разгром в этих сражениях и военное превосходство СССР на Дальнем Востоке заставили военное руководство империи повернуть на Юг. В этих условиях деятельность разведки имела решающее значение для принятия оптимальных и верных решений. Благодаря профессионализму разведчиков СССР сумел своевременно перебросить войсковые соединения на Дальний Восток, и это удержало Японию от нападения, увязшую в то время и затяжной войне с Китаем.

В книге военного историка Е. А. Горбунова на основе огромного массива документов рассказывается о тайной войне на Дальнем Востоке в 20-30-е годы XX столетия.

-
- [Евгений Александрович Горбунов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Японская разведка против Советского Союза](#)
 - [План «Оцу»\[1\]](#)
 - [Перед прыжком](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Захват Маньчжурии](#)
 - [В столице империи](#)
 - [Коминтерн против Японии](#)
 - [Разведка вступает в бой](#)

- [Информация военной разведки в 1933 г.](#)
 - [Операция «Рамзай» \(1933—1935 годы\)](#)
 - [Операция «Мечтатели»](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Токийская резидентура ИНО ОГПУ \(30-е годы\)](#)
 - [Параллельная резидентура Разведупра](#)
 - [Операция «Рамзай» 1936—1937 годы](#)
 - [Тайная война](#)
 - [Баланс сил к 1937 году](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Маньчжурские партизаны](#)
 - [Перебежчики \(Фронт и Люшков\)](#)
 - [«Дракон» поднимает голову](#)
 - [Разгром ИНО в 1939 году](#)
 - [Но разведка доложила точно...](#)
 - [Баланс сил \(1938—1940 годы\)](#)
 - [«Китайская карта»](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Север или Юг](#)
 - [Группа «Рамзай» информирует. 1941 год](#)
 - [Информация из Токио](#)
 - [После Зорге](#)
 - [Заключение](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

**Евгений Александрович
Горбунов
СХВАТКА С ЧЕРНЫМ
ДРАКОНОМ.
Тайная война на Дальнем
Востоке**

Предисловие

*Старейшему разведчику России –
Борису Игнатьевичу Гудзю в год его
столетнего юбилея посвящается.*

Автор

Эта книга – историческое исследование. Но у нее есть свой герой. Это старейший разведчик России Борис Игнатьевич Гудзь, которому в августе 2002 года исполняется ровно сто лет. Биографии разведчиков и у нас, и во всем мире хранятся за семью печатями. Но даже не заглядывая в личные дела, хранящиеся в архивах Главного разведывательного управления (ГРУ) или Службы внешней разведки (СВР), можно утверждать, что в этих архивах нет биографий сотрудников разведки, доживших до столетнего юбилея.

Борис Игнатьевич проработал в контрразведке и разведке только 14 лет, с 1923 по 1937 год. Он работал в знаменитом контрразведывательном отделе под руководством начальника КРО Артузова, участвовал в операции «Мечтатели», которая проводилась в Восточно-Сибирском крае в начале 1930-х годов, был резидентом политической разведки (ИНО ОГПУ) в Токио в 1934—1936 годах, работал в аппарате военной разведки с такими асами разведки, как Артузов и Карин. Весной 1937-го в звании «полковой комиссар» его выгнали из Разведупра со стандартной формулировкой того времени – «за связь с врагом народа». Выгнали, и «всевидающие органы» НКВД на какой-то срок забыли о его существовании. И это спасло ему жизнь. Полковник навсегда расстался с разведкой и

пересел за баранку московского автобуса. Такова биография главного героя. И можно смело сказать, что без его помощи и поддержки не было бы этой книги.

* * *

С разведчиками знакомятся, как правило, случайно. Это относится и к читателям, берущим в руки очередную книгу о разведчике, и к авторам, пишущим такие книги. Мое знакомство с разведчиком состоялось в конце 1982 года и тоже случайно.

Отрывок из будущей книги Т. К. Гладкова и Н. Г. Зайцева

«И я ему не могу не верить...» об А. Х. Артузове был опубликован в «Неделе» в ноябре 1982 года. В эпизоде на газетных страницах рассказывалось о поимке Сиднея Рейли – аса английской разведки. Новый фактический материал о деятельности Артузова произвел сильное впечатление. Попытка связаться с Гладковым через редакцию «Недели» увенчалась успехом, и через некоторое время состоялась встреча с автором.

Разговор вначале немного настороженный. Со стороны Гладкова вполне естественные вопросы: чем занимаюсь, что пишу, над чем работаю. Вскоре напряжение спадает и беседа становится свободной и непринужденной. Он рассказывает некоторые эпизоды из будущей книги. Работа чекистов, особенно таких, как Артузов, интересна для любого. Я не представляю исключения и поэтому с трудом сдерживаюсь, чтобы не засыпать собеседника кучей вопросов.

Он говорит об учениках Артузова, о проведенной ими в Забайкалье в начале 1930-х годов операции «Мечтатели», в результате которой несколько лет чекисты водили за нос белоэмигрантские центры в Маньчжурии и японскую разведку, а закончили ее тем,

что выманили из-за кордона трех японских агентов. И тут прозвучали фамилии Кобылкина, Переладова и Олейникова, знакомые уже мне по материалам Токийского судебного процесса над японскими военными преступниками.

Трудно передать впечатление от услышанного. Для меня впервые Случай (здесь, пожалуй, уместно написать это слово с большой буквы) свел воедино выступление советского обвинителя на Токийском процессе в 1947 году, где он упоминал эти же фамилии, и рассказ писателя в 1982 году, раскрывающий тайну этих разведчиков. И хотя между событиями прошло 35 лет, все совпало.

Небольшая пауза – и затем фраза, которая еще тогда определила дальнейшую работу над этой книгой.

– В Москве живет один из руководителей этой операции Борис Игнатьевич Гудзь. Если хотите, я постараюсь уговорить его встретиться с Вами. Он может рассказать много интересного и об операции, и о периоде 1930-х годов, которым Вы, судя по нашему разговору, интересуетесь.

Конечно, я не раздумывая дал согласие. Но тут же возник и вполне естественный вопрос:

– Кто такой Борис Игнатьевич?

– Старый чекист, полковой комиссар, ученик Артузова. Работал в центральном аппарате ОГПУ в 1920 – 1930-х годах, затем более двух лет на оперативной работе в Восточной Сибири. Профессионал, один из консультантов телефильма «Операция „Трест“». Сейчас ему 80, но память великолепная. Мягкий, обаятельный человек, и если согласится на встречу, то Вы не пожалеете.

Договорились, что я позвоню через неделю и узнаю результат переговоров.

Телефонный разговор через неделю:

– Борис Игнатьевич согласился увидеться с Вами. Запишите телефон и договоритесь о встрече.

– Можно сослаться на Вас в разговоре?

– Да, скажите, что телефон получили от меня.

Было желание сразу же воспользоваться полученным телефоном, но удалось сдержаться. Нужно было продумать разговор, наметить вопросы, подумать, с какими материалами идти к старому чекисту, о чем говорить с ним. Телефонный разговор был коротким. Записываю адрес и отправляюсь в путь. Метро «Кропоткинская», далее по Кропоткинской, сворачиваю в Чистый переулок. Великолепно сохранившийся дореволюционный дом, типичный для улиц и переулков центральных районов Москвы.

Как выглядят живые чекисты, работавшие в 1920-х и 1930-х годах? Этот вопрос не выходил из головы, пока старенький лифт, поскрипывая, поднимал меня на четвертый этаж. Вопрос не праздный для нашего поколения, родившегося в начале 1930-х. Чекистов, сражавшихся на тайном фронте против белогвардейских центров и иностранных разведок, приходилось видеть в то время только в известных фильмах, поставленных по романам Ардаматского и Никулина. Но там были актеры, а сейчас будет встреча с живым человеком из межвоенного двадцатилетия. Нажимаю кнопку звонка и смотрю на часы – время выдержано точно. При таких встречах малейшее опоздание недопустимо. Дверь открывает мужчина среднего роста. Подтянутая фигура явно не соответствует возрасту. Густые, с проседью волосы, внимательные глаза, небольшие усы, крепкое и энергичное рукопожатие. Представляемся друг другу и проходим в большую по современным меркам комнату. Окно во всю стену. С левой стороны два больших старинных книжных шкафа. Большой, тоже довоенного изготовления, стол.

Первые «пристрелочные» и немного настороженные вопросы Бориса Игнатьевича. Чем занимаюсь, чем интересуюсь, над чем работаю. Отвечаю подробно, стараюсь не волноваться, хотя это удается с трудом. Говорю о деятельности японской разведки против Советского Союза, о документах Токийского трибунала, с которыми удалось познакомиться. Меня тогда интересовала тайна Иркутского процесса, и я показываю ему то место в документах, где упоминались фамилии Кобылкина, Переладова и Олейникова.

– Да, все трое были пропущены через границу и взяты уже в Иркутске на конспиративной квартире «подпольной» организации. Операция имела шифр «Мечтатели».

– Вы принимали участие в этой операции?

– Самое непосредственное.

– Сколько времени длилась операция?

– Ко времени моего приезда в Иркутск идея операции была сформулирована и некоторые мероприятия по ней намечены. Значит, с 1931 по 1935 год. Конечный результат операции – Иркутский судебный процесс.

Когда я пытался в то время в беседах с Гудзем узнать более подробно его биографию, он сразу же уходил в сторону и переключался на другие темы. И дело было не только в скромности. Во времена Андропова и Черненко откровенность не поощрялась, а любое упоминание о работе в разведке, особенно под дипломатической «крышей», было немыслимо. И только потом, суммируя его ответы на многочисленные вопросы, удалось составить краткую биографическую справку. Мои заметки о жизни и деятельности старого чекиста получились сухими и конспективными. Понимая это, я пытался с помощью наводящих вопросов выяснить что-то новое. Но каждый раз наталкивался на

мягкую улыбку из-под усов и фразу: «Подробности не для печати».

Родился он в 1902 году в семье агронома, социал-демократа с 1898 года Игнатия Гудзя. Учился в Тульском коммерческом училище. Окончил его в 1918 году и поступил в горную академию, где и проучился один год. Осенью того же года состоялась встреча, определившая дальнейшую судьбу Гудзя. Артур Христианович Артузов, работавший тогда в военном контроле, знал семью Гудзей с 1900 года и обратил внимание на шестнадцатилетнего юношу. В его служебном кабинете Борис Игнатьевич тогда же познакомился с М. С. Кедровым. Оба были в черных косоворотках, подпоясанные ремнями, брюки заправлены в сапоги. Оба с черными бородами. В их облике было что-то сходное с народовольцами 1880-х Желябовым и Морозовым. Неудивительно, что для юноши, много читавшего о «Народной воле», такая встреча запомнилась на всю жизнь. Желание работать с такими людьми было огромным, но уж слишком юным он был для работы в военной контрразведке.

В 1919 году Гудзь вступает добровольцем в Красную Армию. Получены форма, документы... И начинается кочевая жизнь в отряде военных проводников и сопровождение воинских грузов для Северного и Западного фронтов. Потом получил назначение дежурным адъютантом Управления снабжения Западного фронта: нужно было следить за графиком доставки грузов армиям фронта и проталкивать эшелоны. Затем учеба в школе военных мотористов Московской автомобильной бригады, демобилизация, учеба в Горной академии и работа шофером в НКПС. Повзрослел, вступил кандидатом в партию, стал разбираться в политической обстановке. Летом 1922 года опять встречи с Артузовым. Перед ним был уже не романтический юноша, а набравшийся жизненного

опыта и многое повидавший молодой человек. Гудзь произвел хорошее впечатление, и Артузов предложил ему перейти на работу в контрразведывательный отдел ОГПУ.

Рекомендации Гудзю дали крупный партийный деятель А. Д. Цурюпа и сам Артузов. Кроме того, партийная организация с его прежнего места работы дала направление на работу в ОГПУ. Только после этого назначение было утверждено зампредом ОГПУ И. С. Уншлихтом. В январе 1923 года в пятом отделении КРО появился новый молодой уполномоченный. Это отделение ведало тогда оперативно-агентурной охраной государственной границы и борьбой с контрабандой. Вскоре Гудзь был включен в рабочий аппарат специальной комиссии по проверке состояния пограничной охраны на советско-польской и советско-румынской границах. Комиссию возглавлял Артузов. Поездка на границу, знакомство со службой пограничников, непосредственное общение с Артузовым во время командировки дали очень многое. Постепенно приобретались навыки чекистской работы, накапливался опыт. Потом участие в ликвидации антисоветской группы в Главном таможенном управлении Наркомвнешторга и крупной контрабандистской организации среди железнодорожного персонала, обслуживающего транссибирский экспресс, курсировавший через Маньчжурию.

В конце 1923 года Гудзь был переведен в шестое отделение КРО. Здесь был другой профиль работы: наблюдение за всеми агентурными, в том числе легендированными, разработками белогвардейской контрреволюции, как внутренней, так и внешней; подготовка всей документации по руководству этими разработками со стороны КРО. И, конечно, отличное знание всех тонкостей этих разработок.

Многочисленные командировки для ведения агентурных и следственных дел на Северном Кавказе, Украине, в Закавказье, Ленинградском и Приволжском военных округах; поездки в Тулу, Калинин, Баку и другие города. Постоянное общение с такими мастерами контрразведки, как Артузов, Федоров, Демиденко, Пузицкий, Ольский, Стырне. Они направляли в командировки молодого уполномоченного, перед ними он и отчитывался. Это была отличная школа, заменявшая отсутствие специального чекистского образования. Знания и опыт, полученные на этой работе, позволили ему потом справиться с разработкой и осуществлением операции «Мечтатели».

В 1926 году по заданию помощника начальника КРО Стырне состоялась первая заграничная командировка. Связана она была с легендированной разработкой «Ласточка», по типу операции «Трест», которая осуществлялась Полпредством ОГПУ Северо-Кавказского края. Маршрут: Одесса – Стамбул – Пирей – Порт-Саид – Смирна – Стамбул – Одесса. Плыл на советском пароходе под видом корреспондента. Помимо вопросов, связанных с легендированной разработкой, нужно было выяснить систему паспортного и пропускного режима в этих портах, возможного выброса или приема агентуры.

В 1927 году Артузов был назначен заместителем начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. Вместе с ним перешел на работу в это управление и Гудзь, в должности старшего уполномоченного СОУ. Ведение агентурных разработок по заданиям Артузова и второго заместителя начальника СОУ Терентия Дерибаса, командировки в составе оперативных групп в Ленинград и Смоленск. Было и еще одно обстоятельство: во время работы в СОУ Гудзь очень внимательно изучал уникальные разведывательные

материалы, поступавшие в адрес Артузова. Это позволило ему использовать полученные знания в будущей работе и в Восточной Сибири, и в Токио. В 1929 году он возвращается, по личной просьбе, обратно в КРО тоже старшим уполномоченным. Опять ведение агентурных и следственных дел по борьбе с белогвардейским терроризмом. Участие в операции по ликвидации террористической группы офицеров-кутеповцев во главе с Потехиным. К 1931 году за плечами было уже восемь лет работы в центральном аппарате ОГПУ под руководством выдающихся чекистов. Если поездку за границу под руководством Артузова можно считать первым курсом его «университета», то два года работы в СОУ – это уже второй курс. Полученный опыт, знания, навыки, знакомство с методикой разработки и ведения легендированных операций – такое тогда невозможно было получить ни в одном учебном заведении. Молодой человек, пришедший на Лубянку в начале 1923 года, превратился в работника, хорошо овладевшего своей нелегкой профессией.

Казалось бы, впереди перспективная и увлекательная работа в центре при поддержке Артузова, к которому можно всегда обратиться за советом и помощью, дальнейшее продвижение по служебной лестнице. И вдруг резкий поворот, смена служебных ориентиров, желание уехать из Москвы на Восток, в пограничные районы Забайкалья. Уехать не на месяцы, а на годы. Чем это вызвано, в чем причина? Вот об этом, о причинах ухода из Центра на периферию, мой разговор с Борисом Игнатьевичем.

* * *

Та же квартира, те же книжные шкафы и полки, тот же массивный стол, за которым он продолжает работать. Но за окном апрельское солнце не 1983, а 1997 года. Прошло 14 лет после первой встречи. Мой собеседник постарел – девяносто пятый год для любого человека почтенный, но держится бодро. Изредка ходит в архив, работает со сценаристом, готовящим сценарий документального фильма об Артузове. Новых книг на полках и папок с материалами значительно прибавилось – в начале 1990-х он весьма активно работал в архивах.

– Борис Игнатьевич, чем был вызван такой переход от привычной обстановки, устоявшейся работы, к совершенно новой работе, да еще в Сибири?

– В 1930 – 1931-м годах я был помощником начальника отделения 6-го отдела КРО и секретарем парторганизации КРО, был непосредственным свидетелем критического отношения Ольского и Стырне к липовым делам в ОГПУ, и к делу «Весна» в частности. Я и мой ближайший товарищ Агаянц сильно переживали снятие Ольского с работы и прибытие вместо него главного липача Леплевского. Работа в таких условиях была просто невозможной, и я вместе с Агаянцем попросил направить нас на работу во вновь созданное Полпредство ОГПУ в Восточной Сибири.

– Что предшествовало этому решению?

– Конечно, о скороспелом решении речи не было. Разговаривали с Агаянцем, думали, рассуждали, прикидывали варианты. Да и ехали, как говорится, не на пустое место, в неизвестность. Начальником Особого отдела Полпредства был назначен бывший начальник 6-го отделения КРО А. М. Борисов, а его замом – И. Ф. Чибисов, помощник начальника 5-го отделения КРО. Это отделение специализировалось по контрразведке против Японии. Когда Борисов работал в КРО, он был моим непосредственным начальником, мы хорошо знали

друг друга. Он приезжал в Москву, беседовал со мной, предлагал перейти на работу в Особый отдел Полпредства. Такое предложение со стороны хорошо известного мне работника, прошедшего школу Особого отдела и КРО в центральном аппарате, имело большое значение. Он мог быть для меня вполне авторитетным руководителем, и мы могли работать, понимая друг друга с полуслова.

Гудзь в беседе упомянул об операции «Весна». Чтобы читателю была ясна суть дела, надо сказать об этой операции более подробно.

Оппозиция в отношении Ягоды возникла в 1929 – 1931-м годах среди руководящих чекистов на фоне липовых дел Экономического управления ОГПУ по «вредительству». В состав этой группы входили Меесинг, Ольский, Евдокимов, Воронцов, Стырне, Пиляр. Кульминация конфликта пришлась на лето 1931 года по малоизвестному в исторической литературе, но значительному по масштабу сфальсифицированному ГПУ Украины делу «Весна».

Вдохновителями и организаторами этого дела были Балицкий, Леплевский и другие из ГПУ Украины, при явном одобрении Ягоды. С их стороны была попытка раздуть это дело и довести его до процесса по типу «Промпартии».

В числе арестованных оказались такие военные специалисты, как Верховский, Лингау, Лукирский, Свечин, Снесарев, Какурин – все бывшие офицеры российской армии. Ольский и Евдокимов, расследовав это дело, вынесли оценку – «дело липовое». Ягода учитывал, что еще раньше Евдокимов, Ольский и ряд других крупных чекистов опротестовали некоторые другие дела и что они собираются довести до сведения ЦК то, что ОГПУ становится на путь явно необоснованных репрессий. Он проинформировал об «оппозиции» Кагановича и вместе с ним

проинформировал Сталина об угрозе курсу на разгром «вредителей».

На совещании в ЦК Сталин поддержал Кагановича и Ягоду. В августе 1931 года было принято решение – «бунтарскую» группу в ОГПУ разогнать, «актив» уволить и перевести на работу в гражданские учреждения.

В это время Ольский был начальником Особого отдела, Евдокимов – начальником СОУ, Мессинг – заместителем председателя ОГПУ, а Воронцов – начальником Главного управления погранохраны.

Несостоятельность обвинений участников по делу «Весна» была известна. От арестованного преподавателя Военной академии Бажанова были получены показания о том, что в состав московского контрреволюционного центра входили С. А. Пугачев и Б. М. Шапошников. На очной ставке в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе Шапошников и Пугачев изобличили Бажанова в оговоре. В результате Пугачев, который был арестован в связи с показаниями Бажанова, был тут же освобожден.

– Были ли какие-либо другие причины для отъезда?

– У меня и Агаянца было горячее стремление скрестить шпаги с японской разведкой, которая в обстановке конца 1931 года явно угрожала нам. Хотелось не заниматься липовыми делами, а заниматься ими нас могли заставить, но продолжать честно работать. Поэтому и решили отправиться в Восточную Сибирь.

– Борис Игнатьевич, в прошлые годы Вы об этом не рассказывали.

– В прошлые годы время было другое. О своей разведывательной работе в Японии я Вам тогда тоже ничего не рассказывал.

– Вашу фразу «подробности не для печати» хорошо помню.

– Вот именно. Не обо всем тогда можно было говорить.

В последние месяцы 1931 года новый начальник ИНО ОГПУ Артузов все чаще подходил к географической карте, висящей на стене его кабинета. Взгляд упирался в дальневосточные границы Союза. Огромный регион от Байкала до Владивостока и извилистая лента границы, протянувшаяся на тысячи километров. К этой границе после начала оккупации Маньчжурии частями Квантунской армии продвигались японские войска. Островная империя закреплялась на азиатском материке, захватывая одну из провинций Китая и создавая плацдарм для дальнейшей агрессии против Советского Союза. Обстановка в дальневосточном регионе менялась для нашей страны и менялась в худшую сторону. Конечно, обороной дальневосточных границ занималось военное ведомство. Как начальник ИНО, Артузов хорошо знал о тех мероприятиях по усилению войск ОКДВА, которые военное руководство страны начало проводить сразу же после 18 сентября – даты начала оккупации Маньчжурии.

Но если мероприятия по военному усилению дальневосточных рубежей шли по линии Наркомата по военным делам, то все мероприятия по установлению прочного заслона против проникновения японской и находящейся на службе у империи белогвардейской агентуры на советскую территорию ложились на плечи ОГПУ. И здесь активной и успешной деятельности ИНО придавалось большое значение. Границы в Приморье и по Амуру были прикрыты прочно. Полномочное представительство ОГПУ в Дальневосточном крае существовало давно. Полпред Терентий Дерибас, назначенный в Хабаровск, был опытным руководителем. Во главе иностранного и контрразведывательного отделений Особого отдела стояли квалифицированные сотрудники с многолетним стажем работы, отлично

знавшие специфические особенности дальневосточного региона. Имелась и своя агентура в пограничной полосе Маньчжурии, «освещавшая» центры японской разведки и белогвардейскую эмиграцию.

А в Забайкалье положение было гораздо сложнее. Восточно-Сибирский край, куда вошли Читинская область и Бурят-Монгольская республика, граничившие с Маньчжурией, был образован в 1930 году. Аппарат Полпредства ОГПУ только еще формировался, и опытных и квалифицированных сотрудников не хватало. Артузов хорошо знал и Борисова, и Чибисова, с которыми работал в КРО, и мог на них положиться. Но два надежных работника не могли «тянуть» работу всего отдела. Рассчитывать на местные чекистские кадры не приходилось. Нужны были годы упорной оперативной и агентурной работы, чтобы они стали мастерами своего дела. Но времени для такой подготовки квалифицированных кадров не было. И пятьсот километров забайкальской границы не были обеспечены от действий японской разведки ни оперативным, ни агентурным прикрытием. О том, как поправить положение, как закрыть эту брешь, и думал начальник ИНО, стоя у географической карты.

В кабинет вошел секретарь.

– Артур Христианович, Гудзь и Агаянц в приемной, просят принять их.

– Очень хорошо, зовите.

Вышел из-за стола, поздоровался с обоими чекистами, усадил за длинный стол для заседаний. Сам сел рядом. Не любил начальник разведки разговаривать с людьми, восседая за массивным письменным столом. Даже когда собиралось довольно много сотрудников, садился вместе со всеми или ходил по своему большому кабинету. О предполагаемой поездке он знал: Гудзь уже приходил советоваться. И если они окончательно решатся, то это будет то, что нужно. Два опытных

сотрудника Центра смогут успешно руководить важнейшими отделениями Особого отдела Полпредства. А с Борисовым они сработаются: отлично знают друг друга.

– Догадываюсь, о чем будет разговор. Все обдумали и решили ехать?

– Решили, Артур Христианович.

– Правильно. Обстановка в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сейчас весьма напряженная. Захват Японией Маньчжурии, выход войск Квантунской армии к дальневосточным границам страны и создание плацдарма агрессии на азиатском материке означают резкую активизацию деятельности белогвардейских центров в Маньчжурии. Такие организации, как РОВС(А) под руководством генерала Шильникова и Русская фашистская партия Родзаевского, получили новых хозяев, большие субсидии и активизировали свою разведывательно-диверсионную деятельность против Восточной Сибири и Дальнего Востока. Здесь складывается положение, аналогичное положению в Европе в начале 1920-х годов. В этих условиях белогвардейские центры должны будут проявить максимум активности, и мы несомненно столкнемся с различными попытками проникновения на нашу территорию вражеской агентуры. Но успех этой агентуры может быть только при условии, что она будет опираться на какие-то связи на нашей территории. Без этих связей агентура противника едва ли сможет добиться заметных успехов в своей разведывательной и диверсионной деятельности. Поэтому сохраняется обстановка, при которой мы можем создать свои связи или овладеть уже имеющимися связями противника на нашей территории и на этой основе развивать легенду, чтобы принять на себя по нашему каналу активность противника и локализовать ее.

– Артур Христианович, как Вы считаете, стоит ли нам в Забайкалье попробовать легендировать антисоветскую организацию по модели «Треста», или это всего лишь старая история? – спросил Гудзь.

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос ответил Артузов. И добавил: – Мне кажется, что в идее «Треста» остались неисчерпанными многие потенциальные возможности. Тут дело не в самой модели как таковой, хотя она превосходна, а в вашем чекистском мастерстве, если хотите, артистизме исполнителей главных ролей, в точном учете и психологии противника, и местных условий.

Он засмеялся.

– Я понимаю, к чему Вы клоните, Борис Игнатьевич. Хотите создать свой маленький «Трест»? Что ж, благословляю. Только не копируйте слепо, вносите новое, свое, учитывающее специфику местных обстоятельств. Все дело будет зависть от артистичности ваших людей, их умения до предела правдиво строить легенду. Таким образом, все будет зависеть от квалификации чекистов и их секретных помощников. Обстановка на наших сибирских границах несомненно будет благоприятствовать как противнику, вышедшему непосредственно на нашу границу, так и нам, поскольку мы столкнемся с активностью противника, которую легче будет направить по нашему каналу.

Артузов встал, еще раз подошел к карте, провел рукой по забайкальской границе, повернулся к чекистам.

– Что же касается метода легендирования применительно к Восточной Сибири, то я считаю, что в операциях «Трест» и «С-2» были заложены большие потенциальные возможности, которые не до конца использованы. Тем более что границу с «независимым» государством Маньчжоу-Го можно использовать для

различных разведывательных завязок как против японских разведывательных органов, так и против белогвардейских центров в Харбине.

Начальник ИНО высказал свое мнение о методах работы контрразведки в Забайкалье и Восточной Сибири. Высказался и о методике легендирования.

Чтобы все было ясно и понятно читателю, несколько замечаний на эту тему.

Контрразведывательные операции ОГПУ «С-2» и «Трест» закончились успешно. Борис Савинков и Сидней Рейли были выведены на территорию Советского Союза и получили по заслугам. То, что оба они и целый ряд их ближайших помощников поверили в легенду, говорит о том, что все комбинации легенды были проведены на высоком профессиональном и артистическом уровне, на высоком психологизме. Обстановка действий была создана в полном соответствии с действительными жизненными приемами подпольных организаций, которые чекисты отлично знали. Логика построения всех комбинаций, их реальность и обоснованность пленяли без остатка этих матерых контрреволюционеров и разведчиков. Но при этом нужно было сразу учитывать их агрессивность и стремление во что бы то ни стало нанести вред Советскому Союзу. Эта неослабевающая ненависть к победившей революции и требования закордонных «хозяев» толкали их на активные действия, но в известной степени и притупляли их бдительность.

Методика легендирования и создания мнимых «контрреволюционных» организаций была уже хорошо разработана. Известная читателю по книге Никулина и телевизионному фильму операция «Трест» закончилась весной 1927 года. И закончилась не потому, что изжила себя, как это писали в книге и утверждали в фильме. Стауниц-Оперпут, один из главных участников операции, был сексотом ОГПУ и работал в «Тресте» с

1922 года. Чекисты доверяли ему, и об этой операции он знал почти все. И когда он весной 1927 года бежал в Финляндию и объявил, что готовится публиковать разоблачительные материалы о деятельности ОГПУ, «Трест» кончился.

Основная статья, в которой он выложил все, что ему удалось узнать за пять лет работы в организации, была опубликована в рижской белоэмигрантской газете «Сегодня» 17 мая 1927 года. Он писал, что «Трест» был создан ГПУ в январе 1922 года и возглавлялся, в разное время, помощником начальника КРО Виктором Кияковским. В «Тресте» также участвовали заведующий отделом Главлита Александр Ланговой, секретарь Синода Новиков, сестра жены Стырне Мария Кокушкина. Оперпут указывал фамилии, под которыми они были известны в «Тресте».

Он писал: «Основное назначение данной легенды – ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять зарубежные антисоветские организации в желаемое для ГПУ русло...» Оперпут утверждал, с достаточным знанием дела, что благодаря таким легендам (имелся в виду не только «Трест», но и другие легендированные организации, существовавшие одновременно с ним) значительные суммы, ассигнованные штабами на разведку, попадали в ГПУ. В статье было сказано и о существовании в Разведывательном управлении Штаба РККА дезинформационного бюро, которое готовило дезинформационные материалы для иностранных штабов военного, политического и экономического характера.

Статья Оперпута в газете «Сегодня» была перепечатана другими газетами и журналами. Со своими суждениями и оценкой деятельности Оперпута выступил еженедельник «Борьба за Россию». Шум был поднят большой, и его нельзя было не заметить.

Разведки Англии, Франции, Польши и, конечно, Японии по достоинству оценили откровения «советского Азефа», как именовала Оперпута русская эмигрантская печать. Конечно, Оперпут не знал всего в работе «Треста», но и того, что он знал и о чем сказал, было достаточно, чтобы метод легендирования был полностью раскрыт и стал известен разведцентрам крупнейших держав мира.

Казалось бы, и вполне логично, что на этом методе контрразведывательной работы нужно поставить крест и начать разработку принципиально новых форм борьбы с белой эмиграцией и иностранными разведками. У некоторых чекистов после завершения этих операций возникали сомнения, а можно ли в дальнейшем применять в операциях против зарубежных белогвардейских центров метод легендирования. Были сомнения и у чекистов, решивших отправиться в Восточную Сибирь, и у работников ОГПУ, ведущих борьбу на других стратегических направлениях невидимого фронта. Поэтому вполне естественной была встреча с Артузовым и просьба высказать свое мнение о возможности применения метода легендирования, но уже в конкретных условиях начала 1930-х годов в Восточной Сибири.

После беседы Артузов написал служебную записку, и в одном из подразделений ИНО чекистам выдали немецкую «Лейку» с полным набором печатных и фотоувеличительных приспособлений и два маузера с солидным запасом патронов. Для того времени это было вершиной технического оснащения сотрудников, отправлявшихся в далекий путь.

Но был еще один и, пожалуй, самый ценный «подарок», который они получили от Артузова перед отъездом. Это была фотокопия доклада, с точным переводом, доклада Канда Масатанэ. Ее показал Артузов контрразведчикам во время беседы. «План

стратегических мероприятий» Японии был рассчитан на многолетний период, и его основные положения, раскрывающие систему разведывательной и диверсионной деятельности против дальневосточных районов страны, были действительны и в начале 1930-х годов. В те годы такие документы входили в разряд совершенно секретной разведывательной информации, о существовании которой знало очень мало сотрудников ОГПУ. Доклад был отправлен в Иркутск, хранился в сейфе Особого отдела и использовался при разработке и осуществлении операции «Мечтатели».

* * *

Дальневосточный регион всегда привлекал пристальное внимание политиков, дипломатов, военных и, конечно, разведчиков. События на огромной территории от Байкала и Владивостока до Токио всегда влияли на мировую политику и учитывались не только в политических салонах и дипломатических кабинетах, но и в генеральных штабах и разведывательных центрах крупнейших мировых держав. Все, что происходило на просторах этого региона, учитывалось в Москве, Токио, Лондоне, Париже и, конечно, в Вашингтоне. Захват в 1931 году Японией Маньчжурии и создание в этом районе базы континентальной агрессии оценивались уже в то время как первый очаг Второй мировой войны. Необъявленная война между Японией и Китаем, начатая в июле 1937-го и продолжавшаяся до конца Второй мировой войны, была скромно названа в Японии «инцидентом», а Китаю она стоила миллионов человеческих жизней. На фоне этих масштабных событий пограничные конфликты между Японией и Советским Союзом у Хасана и на Халхин-Голе выглядели очень скромно и, казалось бы, не

заслуживали пристального внимания. Но это только казалось.

После эвакуации японских оккупационных войск из Владивостока в 1922 году и подписания Пекинской конвенции 1925 года между Советским Союзом и Японией были установлены нормальные дипломатические отношения. Заработали посольства и консульства, начали развиваться торговые отношения, и вроде бы ничего не омрачало мира и спокойствия в этом регионе.

Но, несмотря на внешнее благополучие, тайная война между разведками продолжалась, не утихая ни на один год. Тайный фронт не знал перемирия. Даже тогда, когда дипломаты обеих стран демонстрировали друг другу и мировому сообществу свое миролюбие, сражения тайного фронта были в полном разгаре. И воевали не только разведки. Тайные сражения велись и в генштабовских кабинетах, когда на стратегические карты наносились стрелы сокрушительных ударов по воображаемому противнику. И это было характерно не только для японского генштаба, который стремился переиграть позорный финал дальневосточной оккупации 1918—1922 годов и смыть пятно с мундира «непобедимой» японской армии. В Москве после оккупации Маньчжурии и наращивания сил своей дальневосточной группировки войск тоже готовились к тому, чтобы смыть позор проигранной русско-японской войны и вернуть все утраченное: южный Сахалин, Курилы, КВЖД и доминирующее влияние в Северной Маньчжурии.

Готовились серьезно и основательно. Создавали военно-промышленный комплекс в Дальневосточном регионе, чтобы во время будущей русско-японской войны не зависеть от перебросок по единственной Транссибирской магистрали. Авиационные заводы в Иркутске и Комсомольске-на-Амуре так же, как и

крупнейший судостроительный комплекс в том же Комсомольске, тому примеры. На создание военно-промышленного комплекса в оккупированной Маньчжурии Москва отвечала созданием такого же комплекса на Дальнем Востоке. Чтобы обезопасить себя от возможных налетов японской авиации на Транссиб во второй половине 1930-х, началось проектирование и строительство Байкало-Амурской магистрали. Так же, как и в Маньчжурии, в глухих таежных районах подальше от любопытных глаз агентуры японской разведки развертывалось строительство складов для мобилизационных запасов на год ведения дальневосточной войны. В общем, с нашей стороны делалось то же самое, что и по ту сторону Амура и Уссури. И ответ на вопрос, актуальный и для Москвы и для Токио: у кого больше сил и средств и кто сильнее в Дальневосточном регионе, должны были дать разведки. Японская разведка активно действовала на советской территории. Обе наши разведки, политическая и военная, покрыли густой агентурной сетью Маньчжурию и Корею и стремились проникнуть на японские острова. На этом участке тайного фронта сражения были в полном разгаре и в 1920-х, и в 1930-х годах.

От разведчиков не отставали и стратеги в генштабах Токио и Москвы. Различные варианты японского плана «ОЦУ» – плана нападения на Советский Союз хорошо известны историкам. О советских планах войны с Японией, планах не менее агрессивных, пока еще ничего не известно. Не случайно в Российском государственном военном архиве (РВВА) документы Оперативного управления Генштаба РККА не рассекречены даже за период 1920-х годов. Если бы это случилось, то на страницах печати появились бы планы войны с государствами, с которыми Советский Союз поддерживал в те годы нормальные дипломатические и

добрососедские отношения. И Япония не являлась бы исключением. Ударные группировки тяжелой и дальнебомбардировочной авиации – Авиаационные армии особого назначения (АОН) были развернуты в середине 1930-х в европейской части страны и нацелены против западных соседей. Но точно такая же группировка АОН была развернута на Дальнем Востоке на аэродромах под Владивостоком и нацелена против Японии. Тяжелые бомбардировщики могли взлететь с советских аэродромов, долететь до Токио, отбомбиться и вернуться обратно. Для граждан Советского Союза наличие такой группировки было одной из важнейших военных тайн. Но для японского генштаба и для генштабов крупнейших мировых держав наличие АОН у Владивостока никогда не было военной тайной, как и то, что наличие такой армии было одной из составляющих наступательных, а не оборонительных планов Советского Союза на Дальнем Востоке.

Автор считает, что сражения на тайном фронте между тремя разведками, военными ведомствами двух стран и их генеральными штабами в 1920-х и 1930-х годах велись на равных. Дипломатия обеих сторон прикрывала дипломатическим флером подготовку к войне, сосредоточение крупных группировок, диверсии, террор, действия разведок на территории друг друга. Япония была грозным хищником. Но таким же хищником был и Советский Союз, который готовил большую войну в дальневосточном регионе не только для того, чтобы вернуть потерянное в начале века, но и для того, чтобы урвать кусок, который никогда не принадлежал российской империи.

И последнее. В начале 20-го века в Японии было создано тайное общество «Черного Дракона». Оно занималось провидением тайных разведывательных операций на Азиатском континенте в предверии новых военных операций. Очень многие ведущие сотрудники

японской военной разведки вышли из этого общества, пройдя в нем солидную разведывательную школу. Поэтому автор и счел возможным дать такое название книге, ассоциируя японскую военную разведку с этим тайным обществом, имевшим большое влияние в Японии.

Глава первая.

1925 - 1931 годы. Схватка трех бульдогов под ковром

25 февраля 1926 года японские города оделись в траурный наряд. Умер император Японии Иосихито, ушла в прошлое эра Тайсё. На престол вступил молодой император Хирохито. Началась новая эра - эра Сёва. Нового императора, приступившего к осуществлению государственных дел, нужно было посвятить во внешнеполитические и экспансионистские планы империи. Эту задачу взял на себя премьер-министр Японии Танака, правительство которого пришло к власти весной 1927 года.

Барон, отставной генерал, премьер-министр Гиити Танака занимал одновременно и должность министра иностранных дел. Он принадлежал к древнему самурайскому роду и, как потомственный самурай, гордящийся своей родословной, хранил приверженность к прошлому, стремясь умножить славу воинственных предков. Превыше всего он ставил военную профессию и клан, к которому принадлежал. Послужной список генерала был обычным для представителя самурайского рода. Кадетский корпус и первый офицерский чин; служба в войсках и учеба в академии генерального штаба. После академии военная служба за пределами империи, в Китае и Корее. Затем участие в войне с Россией, опять служба, новые воинские звания и ордена с экзотическими названиями. И вот он уже военный министр и возглавляет японскую интервенцию на Дальнем Востоке...

Отдав более сорока лет военной службе, генерал вышел в отставку, занявшись политической

деятельностью. Он становится председателем партии сейюкай, самой правой и реакционной партии в империи, опиравшейся на круги японской аристократии и крупного капитала. Эти агрессивные круги и выдвинули отставного генерала на пост премьер-министра империи, сделав его вторым человеком в стране после божественного императора.

Мировоззрение барона полностью соответствовало самурайским традициям, принципам «Кодо» – политике захвата чужих земель, как далеких, так и близких, «Хако Итио» – восемь углов под одной крышей, то есть политике мирового господства расы Ямато, которую проповедовал еще легендарный император Дзимму, и, конечно, «Бусидо» – кодексу самурайской чести. Как у истинного самурая, суровость воина сочеталась в бароне с холодной расчетливостью, гибкостью ума и свойственной японцам лирической склонностью к созерцанию прекрасного.

В июне 1927 года премьер-министр созвал конференцию по делам Востока. Проводили ее за закрытыми дверями под покровом непроницаемой тайны. Пригласили членов кабинета, некоторых дипломатов, служивших в Китае, а также высокопоставленных военных: командующего Квантунской армией, начальника генштаба и руководителей военного и морского министерств. И, конечно, на совещании присутствовали представители крупнейших концернов и банков, заинтересованные в «освоении» богатств Востока, и в первую очередь Китая. На конференции высказывались различные предложения, пожелания, планы. Все сказанное необходимо было систематизировать, обобщить и, сгладив возникшие противоречия, объединить в план внешнеполитической экспансии. Этим и занялся генерал-премьер, составляя свой печально знаменитый меморандум.

Документ был адресован императору – «сыну неба». И, естественно, форма обращения к нему была самой почтительной: «Премьер-министр Танака Гиити от имени Ваших многочисленных подданных низжайше вручает Вашему Величеству меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». Но это было только обращение – дань верноподданной почтительности божественному микадо. Дальше шел деловой текст без каких-либо лирических отступлений.

Планы этапов экспансии в борьбе за передел мира излагались в документе с военной четкостью и предельно откровенно. Никакого камуфляжа, никаких завуалированных форм изложения. Конечная цель – мировое господство! Сейчас, когда во всех подробностях стали известны бредовые планы Гитлера, этим трудно кого-то удивить. Но меморандум писался в 1927 году, за несколько лет до прихода Гитлера к власти, так что первенство в составлении подобных планов принадлежало японским милитаристам и их хозяевам, сидевшим в офисах корпораций и банков.

Первый раздел меморандума был озаглавлен: «Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии». Агрессоры всегда хорошо знают географию, и для того чтобы понять, почему отставной генерал начал именно с этих районов, достаточно лишь взглянуть на географическую карту. Провинции Маньчжурии огромным клином вдаются в территорию Советского Союза, занимая выгодное положение по отношению к районам Забайкалья, Приамурья и Приморья. 3,5 тысячи километров границ Маньчжурии проходят рядом с самыми развитыми и заселенными районами советского Дальнего Востока. Плодородные земли у берегов Амура, такие крупные города, как Владивосток, Хабаровск и Благовещенск, линия Транссибирской магистрали – все это находится у самой границы. Захват Маньчжурии и использование ее в качестве плацдарма агрессии

позволило бы ударным группировкам японской армии наносить удары по любым дальневосточным районам. В случае успеха можно было бы перерезать Амурскую и Уссурийскую железные дороги и захватить Приморье.

Захват Монголии, а под этим названием подразумевались районы Внутренней Монголии Китая и территория Монгольской Народной Республики, также сулил агрессору заманчивые перспективы. Оккупация Внутренней Монголии позволяла выйти к Великой Китайской стене, крупнейшим городам и густонаселенным районам Китая. И именно с этого плацдарма в 1937 году началась необъявленная война Японии против Китая, продолжавшаяся до разгрома японских милитаристов в августе 1945 года. Овладение же, в случае успеха, территорией МНР выводило агрессора в район Байкала. Это открывало перед ним возможность перерезать Транссибирскую магистраль в самом уязвимом месте – районе байкальских туннелей и в случае выхода японских войск к Иркутску отторгнуть Дальний Восток от Советского Союза.

Японский премьер-министр при составлении меморандума не страдал отсутствием воображения. Планы его были грандиозными – огромная азиатская континентальная империя, а затем и мировое господство. «... Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай», – уверял он в меморандуме. Отставному генералу казалось, что захвата Китая будет достаточно, чтобы обеспечить господство на всем Азиатском материке: «Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малые страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права». Сказано цинично, откровенно и в полном соответствии с желаниями

истинных хозяев островной империи, выразителем взглядов которых и был Танака.

Были расписаны все этапы агрессии, определена последовательность захвата стран и континентов. Вот выдержка из этого документа: «Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы». Барон мыслил с солдатской прямолинейностью, когда в одном из разделов меморандума писал: «Под предлогом того, что Красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше продвижение в районы Северной Маньчжурии и захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны».

Хотя в те годы с севера Стране восходящего солнца никто не угрожал, война с Советским Союзом представлялась в этом документе неизбежной: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с Красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, какую мы играли в русско-японской войне... В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией...»

Под меморандумом стояла дата – 7 июля 1927 года. 25 июля он был представлен императору Хирохито. Ознакомившись с планом завоевания мирового господства, император одобрил документ. Генеральный штаб в Токио и штаб Квантунской армии в Порт-Артуре, получив меморандум, взяли его положения за основу при разработке планов будущей войны.

Автор меморандума, будучи премьер-министром и одновременно министром иностранных дел, должен был тщательно скрывать свои мысли и планы при общении с иностранными дипломатами, аккредитованными в столице империи. И особенно при встречах с

советскими дипломатами. Нужно было играть в миролюбие и выдавать черное за белое. Одна из таких встреч состоялась 8 марта 1928 года, через семь с половиной месяцев после вручения меморандума императору. Газеты тех лет не сообщали ни о содержании беседы полпреда СССР в Японии А. А. Трояновского с Гиити Танака, ни о самом факте встречи. Запись беседы была отправлена полпредом в Москву, и только в 1966 году, когда МИД СССР выпустил очередной том документов внешней политики, этот документ, прекрасно характеризующий японского премьер-министра, стал достоянием историков.

Инициатива встречи принадлежала советскому полпреду. Танака согласился на нее, изъявив желание прийти в советское полпредство, как он выразился, «запросто, пешком, дабы слишком частыми разговорами не вызвать ревность со стороны послов других государств и не создать почву для излишних разговоров». Так он и сделал, придя на встречу только в сопровождении переводчика. В полпредстве был накрыт стол, и премьер-министра угощали по русскому обычаю блинами с икрой. Трояновский свободно владел французским языком, и переводчик переводил беседу с французского на японский. Беседовали два часа.

– Я хотел бы иметь с господином послом неофициальный, совершенно частный и совершенно откровенный разговор, – начал беседу Танака. – Я бы просил его говорить мне все, что он думает по поводу русско-японских отношений, как приятное, так и неприятное, начистоту, не как дипломат с дипломатом, а как частное лицо, желающее устранить все недоразумения и создать почву для укрепления дружбы между Японией и СССР. Я, не будучи дипломатом по профессии, предпочитаю такие разговоры, полагая, что они больше способствуют сближению, чем переговоры, связанные с разного рода формальностями. И вообще

мне, как человеку военному, весьма тяжелы разного рода протокольные дела.

– Я буду говорить совершенно откровенно, – ответил советский полпред, – следуя предложению господина премьер-министра, и прошу его не обижаться, если действительно кое-что из сказанного мною будет ему не совсем приятно. У нас в СССР еще не вполне изгладился неприятный осадок от недавнего прошлого и в настоящее время имеются кое-какие опасения... Кое-какие отдельные заявления, имевшие место здесь, в Токио, кое-какие намеки... все это дает повод для недоразумений, создает почву для разного рода предположений и затрудняет благоприятное решение целого ряда конкретных вопросов тем, что заставляет думать о каких-то широких планах Японии в отношении нашего Дальнего Востока.

Отставной генерал явно переигрывал, изображая простого солдата, чуждого дипломатических церемоний. Откровенности и искренности в его словах не было, конечно, и в помине. Трояновский, естественно, не обольщался на этот счет. В то время меморандум еще не был ему известен, но общая тенденция японской политики по отношению к советскому Дальнему Востоку была для него ясна. Танака почувствовал это и попытался вернуть беседу в спокойное русло пустых, ничего не значащих заверений.

– Это не более как недоразумение. Я торжественно заявляю, – сказал он, – что никаких намерений и планов, даже самых отдаленных, в какой-либо мере напоминающих политику территориальных захватов, нападений на СССР, интервенций или чего-либо тому подобного у японского правительства нет, что никаких инструкций кому бы то ни было предпринимать что-либо в этом направлении, никаких пожеланий никогда японское правительство и я никому не давали. Никаких

мыслей относительно нападений на СССР и территориальных захватов у нас нет и быть не может. Я это совершенно открыто и твердо заявляю. Это, несомненно, какое-то недоразумение.

– Я лично тоже в этом убежден. Я тоже думаю, что это недоразумение, – продолжал Трояновский. – Я нисколько не сомневаюсь в том, что у японского правительства не может быть каких-либо захватнических планов, но и само существование таких планов могло бы иметь очень тяжелые последствия и для нас, и в неменьшей степени для Японии. Существование таких планов омрачило бы наши взаимоотношения, создало бы тяжелую атмосферу для всякого рода переговоров. Я не думаю, чтобы это было выгодно для Японии. А существование таких планов привело бы к борьбе не на жизнь, а на смерть, ибо при всей силе и мощи японского народа, в особенности его армии, всякий знает, что мы тоже умеем за себя постоять и в обиду себя не дадим.

– Я думаю, что на эту тему много не стоит говорить. Вопрос совершенно ясен. Я уже сказал, что на этот счет Советское правительство и господин посол могут быть совершенно спокойными и выкинуть из головы всякие мысли о каких-либо агрессивных планах со стороны Японии...

«Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли» – это основное правило дипломатии отставной генерал усвоил очень хорошо, хотя и кичился солдатской прямоотой и откровенностью. Его задачей было убедить полпреда, что северному соседу ничего не угрожает, что в Москве могут быть спокойны и заниматься своими европейскими делами без оглядки на дальневосточные границы Союза. Что при этом черное выдается за белое, а агрессивные планы, изложенные в меморандуме за миролюбивую политику, премьера нисколько не смущали. В дипломатии такие

понятия, как открытость, честность, верность своему слову, стоили очень немного. Главное – высшие интересы своей страны. Этим и руководствовался Танака во время беседы с полпредом.

В беседе с японским премьер-министром советский полпред был дипломатичным, хотя и достаточно откровенным. В миролюбие отставного генерала верилось слабо, и поэтому предупреждение любителям военных авантур было высказано Трояновским вполне определенно. Но тогда шел только 1928 год, японские войска еще не стояли у дальневосточных границ нашей страны, не было еще ни нарушений границ, ни провокаций. Все это было в будущем...

* * *

Пока дипломаты беседовали, высказывая и выслушивая миролюбивые заявления, разведки обеих стран уже вели тайную войну на дальневосточном фронте. Началась эта война за несколько лет до того, как был составлен знаменитый меморандум, и конец ее не просматривался даже в отдаленном будущем. Тайный фронт на Дальнем Востоке не знал мира.

Харбин – один из самых больших городов Маньчжурии. Крупнейший железнодорожный узел на Китайско-восточной железной дороге, крупный речной порт на Сунгари. Но также и крупнейший центр белой эмиграции, где сосредоточены многочисленные русские партии, союзы и общества, члены которых мечтают переиграть результаты гражданской, после которой их выкинули из России, и вернуться домой на белом коне. Всего этого для политической разведки достаточно, чтобы иметь в таком городе мощный разведывательный центр со своей резидентурой и разведывательной сетью. Но была и еще одна причина для пристального

внимания к этому городу. Здесь находилась Харбинская военная миссия Японии. Под этим довольно невинным названием скрывался крупнейший на азиатском материке центр японской военной разведки. Щупальцы этой организации охватывали всю Маньчжурию, Корею, Внутреннюю Монголию и Монгольскую Народную Республику, районы Китая. Под контролем миссии находились почти все белоэмигрантские организации в Маньчжурии. Члены этих организаций использовались для агентурной работы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Из их числа формировались диверсионные группы, забрасываемые через Амур на советскую территорию. В стенах миссии разрабатывались и осуществлялись разведывательные операции, направленные не только против азиатских стран, но и против Советского Союза. Все это было хорошо известно в Москве. И в здании на Лубянке создавали свой мощный разведывательный центр – харбинскую резидентуру.

В эту резидентуру Москва направляла свои лучшие кадры, уже прошедшие школу гражданской войны и нелегальной работы в других странах. Одним из них был Федор Карин – резидент харбинской резидентуры в 1924—1926 годах. До Харбина он уже работал нелегалом в Румынии, Австрии и Болгарии. Его замом был знаменитый в будущем разведчик – нелегал Василий Зарубин. В эту же резидентуру в 1924 году был направлен один из опытных контрразведчиков, отличившийся в операции «Синдикат-2», Василий Пудин. Он специализировался на добывании японских и китайских шифров. За два года работы в Харбине ему удалось добыть до 20 шифров, а также сотни секретных японских документов, многие из которых докладывались высшему политическому и военному руководству страны.

О Пудине писали мало. Поэтому стоит сказать об этом разведчике несколько слов, используя документы его личного дела. Родился 9 февраля 1901 года в деревне Клусово Дмитровского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Окончил трехклассную сельскую школу. Уже после войны в 1946 году он писал в автобиографии: «... В 1916 году я начал самостоятельную трудовую жизнь, работая чернорабочим у разных предпринимателей в Дмитрове и Москве. В октябре 1919-го добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в боях против белогвардейских банд Врангеля и Шкуро в составе 4-го ударного отряда при Реввоенсовете 9-й армии. С 1920-го по июнь 1921-го работал помощником коменданта в Ревтрибунале 9-й армии Кавказского фронта и войск Донской области...»

После ликвидации Кавказского фронта Пудин был направлен в Москву. С лета 1921-го по 1923-й работал уполномоченным по информации МЧК. В 1923-м был переведен на работу в знаменитый Контрразведывательный отдел и в 1924-м направлен в Харбинскую резидентуру.

После возвращения в Москву в 1926 году работал в ИНО ОГПУ, но в 1927 году был опять переведен в КРО, где и проработал до 1930 года. В 1930—1932 годах работал уполномоченным Особого отдела и с этой должности был направлен в командировку в Монголию, где находился с 1932 по 1934 год. В 1932 году в Монголии погиб сотрудник ОГПУ Кияковский, и, возможно, Пудин прибыл в Улан-Батор по линии Особого отдела, чтобы заменить погибшего товарища. Во всяком случае, к ИНО эта командировка отношения не имела. После возвращения в Москву в 1934—1936 годах работал оперативным уполномоченным 7-го отдела ГУГБ НКВД (бывший ИНО) и в 1936 году был направлен в Болгарию. В Софии работал под

дипломатической «крышей» заместителем резидента. Используя свой успешный опыт работы в Харбине, завербовал на материальной основе крупного японского дипломата, через которого добыл японский дипломатический цифр. Такое ценное приобретение позволило в начале войны читать дипломатическую переписку между Берлином и Токио. Вернувшись в 1938-м в Москву, окончательно переходит на работу в разведку. В 1938—1940 годах он работал заместителем начальника отделения 5-го отдела ГУГБ, а в 1940—1941 годах – уже начальником отделения этого отдела. Один из немногих старейших работников, которого, к счастью, обошли репрессии.

Характерный штрих в работе Харбинской резидентуры. И Карин, и Пудин покинули Харбин и вернулись в Москву в 1926 году. Случайное совпадение или угроза провала? На этот вопрос сейчас нельзя дать определенного ответа – документов нет. Но факт отъезда ведущих сотрудников резидентуры в одном и том же году симптоматичен, и предположение об угрозе провала можно высказать.

В 1930-е годы фамилия Карина стояла в одном ряду по присвоенным персональным воинским званиям с такими фамилиями асов разведки, как Берзин, Артузов и Штейнбрюк. Как и им, ему было присвоено звание «корпусный комиссар», что соответствует теперешнему званию генерал-лейтенант. Четыре генерала разведки, руководившие работой Разведупра в 1934—1937 годах. В августе 1937-го трое из них: Артузов, Карин и Штейнбрюк – были расстреляны в один день «в особом порядке». О Карине, и особенно о Штейнбрюке, почти ничего не пишут.

Вот небольшая биографическая справка о харбинском резиденте, составленная по немногим архивным документам.

Родился Карин в 1896 году в селе Суслены Бессарабской губернии. О его жизни до 1919 года никакой информации нет. В январе 1919-го, после оккупации Бессарабии Румынией в 1918 году, уехал в Киев. Работал в одном из советских учреждений по заготовкам. Тогда же вступил в РКП(б). Весной в Киев из Москвы приехал секретарь Бессарабского бюро при ЦК РКП(б) Хоровой (Гринберг). Хоровой познакомился с Каринным. Очевидно, он понравился московскому представителю и тот предложил ему должность своего секретаря. Позднее Хоровой переехал в Одессу, где была сформирована Бессарабская ЧК. По его рекомендации Карин назначен заместителем начальника контрразведывательного отдела. Потом был фронт и командование эскадроном в бессарабской бригаде. Был ранен и после госпиталя направлен в Киев, где был назначен комиссаром одного из отделов Всеукраинского уголовного розыска. При наступлении белых на Киев был направлен в Особый отдел 12-й армии. С августа 1919-го стал работать в органах ЧК и ОГПУ. Такая вот биография за один год.

Способного бессарабца, владевшего английским и немецким языками, заметили, и в 1920-м он вместе с Артузовым участвует в операции против Игнатия Сосновского и агентуры Польской организации войсковой. С 1922 года начинается его нелегальная агентурная работа. Румынским он владел хорошо, и его решили использовать для работы в этой стране. Но агентурного опыта еще не было, и, очевидно, он попал под подозрение румынской контрразведки. Пришлось в июне 1922-го перебраться в Австрию, а потом в Болгарию. Для Карина начались 11 лет агентурной работы во многих странах мира. В марте 1924-го его направляют резидентом ИНО в Харбин под «крышей» сотрудника генерального консульства. С ноября 1926-го по июль 1928-го нелегальная работа в США. В 1928—

1931 годах он нелегальный резидент ИНО во Франции, а с 1931 по 1933 год нелегальный резидент в Германии. За время работы объездил полмира, работал во многих странах, опыта и квалификации хватило бы на несколько нелегалов. Осенью 1933-го возвращается в Москву и начинает работать в центральном аппарате политической разведки – ИНО ОГПУ. И опять вместе с Артузовым.

Не удивительно, что начальник ИНО очень высоко ценил одного из своих помощников. В аттестации на Карина за 1933 год он писал: «... Один из наиболее опытных и квалифицированных руководителей разведки в условиях подполья. Прекрасный конспиратор, смелый, инициативный оперативник... За блестящую разведывательную деятельность имеет две высшие награды ОГПУ – два знака почетного чекиста, а также был представлен к ордену Красного Знамени. Последняя должность у Карина – начальник центрального отделения ИНО с правом помощника начальника ИНО, с присвоением 12-й категории. Считаю Карина в первой десятке лучших организаторов разведки ИНО». Этот документ был подписан Артузовым 14 ноября 1934 года.

В Харбинской военной миссии работали лучшие военные разведчики японского генштаба. Это были профессионалы высшего класса с отличной подготовкой. Но и у них имелись недостатки, которые были подмечены советской разведкой и полностью использованы. Высокомерие, презрение к местному китайскому населению, недооценка возможностей иностранных разведок в Харбине – все это позволило сотрудникам Харбинской резидентуры нащупать слабые места в работе японских разведчиков и в первую очередь в пересылке служебной и дипломатической почты. На главных пунктах линий почтовой связи, через которые следовала японская секретная почта, была

внедрена агентура. В основном здесь использовались местные китайские почтовые служащие. Получаемые через них пакеты вскрывались, просматривались, наиболее ценные документы фотографировались. После заделки пакетов японская секретная почта следовала по своим маршрутам.

Агентурная сеть Харбинской резидентуры ИНО успешно работала, поставляя в Москву ценнейшую разведывательную информацию. В первой половине 1927 года советским разведчикам удалось получить копию подробной докладной записки, которая была представлена начальнику Харбинской военной миссии генералу Савада. Документ был получен из японских источников агентурой ИНО. Автором этого документа был бывший начальник Российской академии генерального штаба генерал-лейтенант Андогский. Японский генерал ознакомился с запиской и переправил ее в генеральный штаб в Токио и в штаб Квантунской армии. Автор записки выражал взгляды той части русской эмиграции, которая связывала свои надежды на «освобождение» России с вооруженным выступлением Японии против Советского Союза.

Андогский писал в своем докладе о развале в стране, о слабости государственного и общественного строя. По его мнению, вторжение послужит сигналом к всеобщему восстанию в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В этой же записке автор предусматривал и поход в Монголию, чтобы, захватив территорию МНР, создать базу для последующих операций против Забайкалья. Исходным районом для этого похода он предлагал избрать район Халхин-Гола. В записке наряду с общими положениями был и детальный план военных операций на советской территории, иллюстрированный картами, схемами, таблицами.

Но, пожалуй, наиболее успешной и эффективной операцией ИНО на Дальнем Востоке во второй половине

1920-х годов можно считать получение Харбинской резидентурой фотокопии знаменитого меморандума Танака. После того как меморандум был вручен императору и одобрен им, его размножили в нескольких экземплярах и разослали в разные города для ознакомления и внесения «конструктивных» дополнений. Один из экземпляров меморандума с сопроводительным письмом генштаба был получен Харбинской военной миссией летом 1927 года. В сопроводительном письме говорилось об абсолютной секретности документа и необходимости срочно вернуть его в генштаб с замечаниями и дополнениями. Именно этот документ попал в руки агентуры ИНО и был сфотографирован.

Советским разведчикам и раньше приходилось иметь дело с совершенно секретными японскими документами. Перехватывали они и различные варианты планов агрессии в Маньчжурии, МНР, Северном Китае. Но даже они, привыкшие ничему не удивляться, были поражены тем масштабом захватов огромных территорий, которые планировались в этом меморандуме. В его подлинности сомнений не было. И не только потоку, что в сопроводительном письме генштаба подчеркивалось серьезное значение, которое придавало японское правительство этому документу. В харбинской резидентуре был профессор-японовед Макин, специалист высочайшей квалификации, отлично знакомый с секретной японской документацией. Исследовав текст меморандума, он обратил внимание разведчиков на ряд признаков подлинности этого документа.

Фотокопия меморандума была переправлена в Москву. Существуют две версии публикации этого документа. Официальная версия, опубликованная во втором томе «Очерки истории российской внешней разведки», сообщает о том, что он был опубликован в

1929 году в китайском журнале «Чайна критик». Другая, более ранняя, версия была опубликована в сборнике «Линия огня», изданном в 1982 году. Автор придерживается второй версии публикации. По этой версии, в 1927 году взаимоотношения Японии и США были очень напряженными. И в Москве решили воспользоваться благоприятной для СССР обстановкой и опубликовать фотоклише и английский перевод документа в американских газетах. Вся центральная американская пресса опубликовала текст меморандума, подробно комментируя новый план японской агрессии. Публикация этого секретнейшего документа стала мировой сенсацией. В Токио переполошились. Все органы контрразведки, поднятые по тревоге, получили приказ: выявить источник утечки информации. Но при передаче в прессу номер экземпляра документа был предусмотрительно закрыт. Поэтому можно было предположить, что фотокопия была сделана и в Токио, и в Сеуле, и на Формозе, и в других городах, куда документ был послан для ознакомления. Точного ответа на вопрос, как фотокопия меморандума попала на страницы американских газет, японской контрразведке получить так и не удалось. Было только высказано предположение, что здесь «сработала» американская разведка. Деятельность советской разведки в Харбине японские контрразведчики из Токио вскрыть не смогли.

Японская колония Корея еще в 1920-е годы привлекала внимание советской разведки. Расположенная на полуострове Корейская армия, а также сам полуостров как плацдарм возможной агрессии на материке способствовали тому, что в Москве этому району уделяли почти такое же внимание, как и Маньчжурии. В 1927 году в Сеул легальным резидентом ИНО был направлен сотрудник ИНО Иван Чичаев. В 1928-м он вербует японского офицера, служившего в жандармерии «Абэ». Со временем этот

офицер стал ценнейшим источником информации Сеульской, а потом и Харбинской резидентур ИНО. Через него был еще раз получен текст знаменитого меморандума Танака, а также приобретена очень ценная агентура в Сеуле.

В конце 1920-х начал создавать свою агентурную сеть в Корее и Разведупр. Первым резидентом под «крышей» секретаря генконсульства в 1928 году в Сеул прибыл Эрнест Эсбах. Он родился в 1897 году в Курляндской губернии. В 1916 году окончил рижскую гимназию и в 1918-м вступил в РККА. Воевал до 1922 года. Был начальником партизанского отряда, помощником командира батальона, начальником штаба группы войск, помощником начальника штаба дивизии по оперативной части. С 1922 по 1927 год учился в Военной академии на основном и восточном факультетах. После окончания академии был направлен в распоряжение Разведупра. В Корее работал резидентом до 1933 года.

* * *

На столе начальника Разведывательного управления лежало несколько папок с документами. Расшифрованные сообщения военных разведчиков из Лондона, Варшавы, Риги, Ревеля, Гельсинфорса, фотокопии дипломатических документов, которым по их содержанию была противопоказана публикация в официозах европейских стран, материалы, поступающие из информационного отдела Наркоминдела, обзоры западноевропейской прессы, разведсводки «соседей» – Иностранного отдела ОГПУ.

Берзин внимательно просматривал каждую страницу, сопоставляя факты, прогнозы, предположения. Помогало то, что, будучи до своего

назначения начальником Управления руководителем отдела агентурной разведки, он хорошо разбирался в работе разведывательной сети, которой постепенно, шаг за шагом, покрывались страны Европы и, в первую очередь, наши возможные противники.

Но сейчас начальника Управления тревожило другое направление. Его взгляд все чаще и чаще обращался к тому участку стратегической карты, висевшей на стене, где были обозначены дальневосточные рубежи страны. Маньчжурия давно привлекала его внимание, и не только потому, что она была одним из центров самой отборной в своей ненависти к новой России белой эмиграции. За эмиграцией пристально наблюдали, и ее провокации на дальневосточных границах получали должный отпор. Берзина очень интересовала южная часть Маньчжурии – Квантунский полуостров, где хозяйничали генералы японской империи, воспитанные на победах в русско-японской войне, и южная часть КВЖД от Харбина до Порт-Артура, которую «охраняли» отборные части Квантунской армии.

В этом южном углу Маньчжурии и нужно было создать резидентуру разведки, которая располагала бы разведывательной сетью, охватывающей и железную дорогу, и полуостров. Берзина интересовала Квантунская армия как серьезная военная сила, способная оказывать влияние на политическую обстановку в Маньчжурии. А от политического климата в этом районе Китая зависела безопасность дальневосточных границ Союза. Вполне реальной была и совместная деятельность японской и британской разведок в этом районе. Такой союз двух крупных разведывательных сил, которые, несмотря на разногласия между их правительствами, всегда были готовы объединиться, когда речь шла о действиях против СССР, представлял очень серьезную угрозу для страны. Сорвать планы совместных действий, отвести

угрозу – в этом Берзин видел одну из основных задач разведки.

Он подыскивал человека, которого собирался направить резидентом в Южную Маньчжурию. К нему он присматривался, когда молодой политработник учился на основном курсе Военной Академии. Присматривался и рекомендовал весной 1921-го на должность начальника разведотдела у Блюхера, который тогда командовал армией Дальневосточной республики. Такое тогда было правило: летнюю практику слушатели проходили на фронтах в действующей армии. В 1922-м, после окончания Академии, состоялась обстоятельная беседа о дальнейшей работе в разведке и рекомендация поступить на Восточное отделение Академии. И вот после окончания отделения вопрос о работе в Разведупре был решен окончательно.

Берзин достал из личного дела и еще раз перечитал характеристику, полученную Сухоруковым после окончания Академии:

«26 лет. Из рабочих, член партии с июня 1917 года. В Красной Армии работник масштаба комиссара дивизии. Окончил Военную Академию в 1922 году. Успеваемость вполне удовлетворительная. Энергичен, со значительной инициативой, решителен и настойчив. Способности хорошие. Недостаточно выдержан и несколько резок. Востоком интересуется. Годен для самостоятельной, ответственной военной и политической работы по Востоку...»

После окончания восточного отделения Сухоруков проходил спецподготовку в другом городе. Курсы усовершенствования по разведке были замаскированы

под обычную пехотную школу, которых было много в центральных районах страны. Здесь проходили первоначальную специальную подготовку командиры, зачисленные в кадры военной разведки.

Берзин приезжал туда, знакомился с учебным процессом, проверял, хорошо ли слушатели усваивали специальные дисциплины. А таких дисциплин, несмотря на сжатые сроки обучения, было достаточно.

Во время встречи сказал:

– После окончания курсов вернешься в Москву. В управлении не появляйся. Незачем лишний раз мозолить глаза. Когда будет нужно, вызову. А пока отдыхай. Учти, что потом будет не до отдыха.

И вот сегодня утром посыльный принес записку. Встреча в Управлении в 12 часов, костюм штатский.

В переулке Сухоруков еще издали увидел трехэтажный дом, окрашенный в шоколадный цвет. Здание очень нравилось ему. Подумал: кто до революции жил здесь, где сейчас владелец дома, и, если жив, представляет ли, какое учреждение сейчас занимает его? Два раза прошел мимо здания, с которым теперь связана его судьба на всю жизнь.

Войдя в подъезд, предъявил удостоверение молодому командиру у барьера. Рядом с ним стоял мужчина в сером, отлично сшитом костюме явно заграничного покроя. Светлые волосы, зачесанные назад, и внимательно смотревшие на него глаза показались знакомыми. Напрягая память, вспомнил, что видел его один раз на восточном отделении вместе с представителем Управления Звонаревым, читавшим курс агентурной разведки. Тогда он сидел в стороне, молча слушал лекцию и внимательно приглядывался к слушателям.

– Здравствуйте, Василий Тимофеевич. Рад видеть Вас в Управлении. Ян Карлович уже ждет.

Незнакомец говорил с легким акцентом. Чувствовалось, что русский язык для него не родной. Рукопожатие было крепким, при этом он слегка улыбнулся, и лицо сразу стало мягче, утратив то суховатое выражение, которое было вначале.

Молча поднялись на второй этаж и прошли по коридору в приемную. Секретарь, Наташа Звонарева, радушно поздоровалась с его спутником. Очевидно, он часто бывал в Управлении и его здесь хорошо знали. На Сухорукова посмотрела внимательно, вежливо ответила на его приветствие и показала глазами на дверь кабинета начальника Управления, в котором он уже однажды был перед окончанием курса Академии. Тогда в этом кабинете и решилась его судьба. Кадровый военный, комиссар гражданской войны сменил профессию, став военным разведчиком.

С того времени почти ничего не изменилось в просторном кабинете. Тот же большой письменный стол с папками документов и стаканом, из которого высывались остро отточенные цветные карандаши. С правой стороны столик с двумя телефонами: городским и местным. Массивный сейф, выпущенный немецкой фирмой в начале века для какой-нибудь солидной банковской конторы, на массивных львиных лапах, с циферблатом цифрового замка, и стратегическая карта, занимавшая всю стену. Те же мягкие кресла, в которые Берзин всегда усаживал посетителей во время разговора. Прибавился только еще один книжный шкаф, за стеклами которого стояли различные справочные издания, выпущенные военным ведомством и необходимые начальнику Управления для повседневной работы.

– Здравствуй, Василий! Слышал о твоих успехах. Курс ты окончил хорошо. Хотя подготовка и была короткой, на более длительную сейчас, к сожалению,

нет времени, она может пригодиться в твоей новой работе. А теперь само задание.

Он вышел из-за стола, подошел к стене и отдернул штору. За шторой висела крупномасштабная карта Дальнего Востока: Забайкалье, Приморье, Маньчжурия с Ляодунским полуостровом, в южной точке которого была военно-морская база. Железные и шоссейные дороги, реки, горные хребты и долины. Отлично выполненная карта давала полное представление об этом огромном крае. Пользуясь остро отточенным карандашом как указкой, Берзин показал большой район южной Маньчжурии.

– Вот поле твоей деятельности, Василий. Мукден, Южно-Маньчжурская железная дорога, полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Квантунская армия. Армия небольшая, но отборная, лучшие офицерские кадры японской армии, причем, учти, самые реакционные. Так что возможность провокаций против китайских войск не исключается. Это для тебя враг номер один. И враг номер два – англичане, точнее, «Сикрет Интелинженс Сервис». Не удивляйся. У Англии в Китае огромные интересы во всех сферах, и английская разведка активно действует во всех районах этой страны, в том числе и в Маньчжурии. При этом надо учитывать, что Англия и Япония долгие годы были союзниками и вместе воевали против Германии. Контакты между японской и английской разведками в прошлом были, сохранились они, возможно, и сейчас, особенно в районе, примыкающем к нашим дальневосточным границам и имеющем такую силу, как белая эмиграция, готовую служить тому или другому хозяину, а может быть, и обоим сразу.

– Нужно создать в этом стратегически важном районе мощную разведывательную сеть, – продолжал Берзин. – И не для текущей разведывательной работы, для этого достаточно и имеющейся агентуры, а с

перспективой на будущее. Для дальнейшей агрессивной политики японской военщине нужен плацдарм на материке, и если этим плацдармом станет Маньчжурия, то японские войска могут появиться и у наших дальневосточных границ. А это огромная угроза, и вот именно тогда и вступит в действие разведывательная сеть в южной Маньчжурии. Так что твоя работа по ее созданию – с перспективой на будущее. Вот, пожалуй, основные указания. И еще одно: опыта разведывательной работы за рубежом у тебя нет, и, чтобы уменьшить возможность провала, придется воспользоваться дипломатической «крышей». Поедешь в Мукден под видом вице-консула. Дипломатические обязанности у тебя будут необременительные, так что хватит времени для основной работы. Внимательно изучи все материалы по Японии и Маньчжурии, которые имеются в управлении, и познакомься с Салныным. Он недавно вернулся из Маньчжурии и может рассказать много интересного о положении в этом районе.

– А белогвардейская эмиграция в Маньчжурии?

– Это не твоя забота, Василий. Белогвардейскими организациями и в Харбине, и в Мукдене будут заниматься другие люди. У тебя своя работа, и работа долгая. Так что на скорое возвращение не рассчитывай. Удачи тебе, Василий. Встретимся после задания.

Сухоруков впервые услышал эту фразу, которой начальник управления провожал своих разведчиков, отправлявшихся за рубеж. Позднее, через несколько лет, работая после командировки в Китай рядом с Берзиным, он не раз слышал эту фразу, когда при нем другие разведчики уходили за кордон и в те же самые районы, где работал и он. И сейчас, и потом его всегда волновала та вера в своих людей, в благополучный исход разведывательной операции, которую Берзин вкладывал в эту скупую прощальную фразу.

Поднялись, пожали друг другу руки. Берзин улыбнулся, посмотрел в глаза новому разведчику, и тот молча вышел из кабинета.

Документы

Из приказа Реввоенсовета по личному составу № 268 от 4 сентября 1924 года:

«Назначается:

окончивший Военную Академию в 1922 году Сухоруков Василий Тимофеевич в распоряжение Разведывательного управления».

Из приказа Реввоенсовета по личному составу № 485 от 18 декабря 1924 года:

«Увольняется в бессрочный отпуск за откомандированием вне военного ведомства состоящий в распоряжении Разведывательного управления Сухоруков Василий Тимофеевич».

Из беседы автора с полковником Сухоруковым в 1973 году:

– Василий Тимофеевич, как Вы отнеслись к тому, что для успешной разведывательной работы в Маньчжурии Вам предоставили дипломатическую «крышу»?

– Отношение к этому было нормальным. Мы хорошо знали, что многие иностранные дипломаты, аккредитованные в нашей стране, ведут разведывательную работу. Некоторые консулы и вице-консулы западных стран в наших крупнейших городах были резидентами своих разведок. Дипломатические паспорта предохраняли их от неприятностей, но ОГПУ уделяло им самое пристальное внимание. И если послы иностранных государств с первых дней советской власти начали заниматься организацией заговоров

против нашей республики и вести разведывательную работу, то мы имели полное моральное право использовать для наших разведчиков дипломатическую «крышу».

– То есть использовать их же оружие?

– Да, тем более что такая «крыша» обеспечивала безопасность резидента и, конечно, способствовала его успешной работе особенно вначале, когда опыта почти не было.

– Но ведь соответствующие полицейские службы держали под пристальным наблюдением всех наших крупных дипломатических работников. Фигура вице-консула не осталась бы без внимания. Выражаясь языком современных детективных романов, Вы были под колпаком.

– Ну, здесь многое зависело от резидента. Если бы он не смог выбраться из-под колпака полицейской слежки, то ему вряд ли стоило приезжать на разведывательную работу в другую страну. Конечно, вначале не всегда удавалось уходить из-под наблюдения. Но опыт постепенно накапливался, да и китайская полиция по своей профессиональной подготовке находилась на более низком уровне, чем полиции европейских государств. Так что все постепенно наладилось.

– Всегда ли резидент имел дипломатическую «крышу»?

– Конечно, нет. Один из наших крупных разведчиков, кстати, в начале 1920-х тоже работавший в Китае, Христофор Салнын, никогда не пользовался дипломатическим прикрытием. Были и другие разведчики, которые, будучи резидентами в течение многих лет, всегда находились на нелегальном положении. Здесь многое зависело от индивидуальных особенностей разведчика, его опыта, характера, вкусов, желаний. «Старик» не действовал по шаблону, а всегда

учитывал все, прежде чем определял форму деятельности резидента.

Сухоруков был откомандирован в Наркоминдел. После оформления всех документов – дальняя дорога. Транссибирским экспрессом до Харбина и далее до Мукдена. И началась работа легального резидента военной разведки. Конечно, вначале помогали и подсказывали более опытные сотрудники консульства. Постепенно освоился с обстановкой, вошел в ритм работы. Берзин не торопил, давал возможность набраться опыта и разведывательных знаний. Постепенно работа пошла. Но в начале 1925 года начались неприятности, и не от китайской полиции или контрразведки, а от своих. Угроза провала появилась оттуда, откуда ее никто не ждал ни в Москве, ни в Мукдене.

Известный в свое время журнал «Огонек» начал издаваться в 1924 году. Журнал быстро завоевал популярность, его выписывали и читали в разных странах. И в одном из номеров журнала в конце 1924 года был помещен отлично выполненный снимок выпускников Военной академии и ее восточного отделения. На отделении готовили высококвалифицированных работников для военно-дипломатической, то есть разведывательной работы в странах Востока. После окончания отделения выпускники распределялись между Разведупром, ОГПУ и Коминтерном и назначались за рубеж, конечно, не на рядовую разведывательную работу.

В феврале 1925 года Берзин получил письмо от Харбинского резидента Разведупра. В письме было и несколько строк, посвященных огоньковской фотографии. «Из Шанхая в свое время прибыл сюда иллюстрированный журнал „Огонек“, где сфотографирован последний выпуск Военной академии и восточного отдела. Прекрасный снимок. Особенно, как

назло, хорошо вышли восточники. Тов. Муклевичу не мешало бы охладить пыл и страсть к фотографированию окончивших Восточный отдел. На опыте приходится убеждаться, что этим мы очень помогаем противнику расшифровывать приезжающих сюда на работу наших товарищей».

Берзин сразу же оценил опасность для зарубежной работы Разведупра, связанную с подобными публикациями в популярных журналах. 10 февраля он подписал письмо первому заместителю наркома И. С. Уншлихту, который непосредственно руководил работой Разведупра. Сообщая Уншлихту выписку из письма харбинского резидента, Берзин просил дать соответствующее распоряжение начальнику Военной академии воздержаться от помещения фотографий слушателей, особенно Восточного отдела, в легальных изданиях. Он хорошо понимал, что все наши открытые органы печати находятся под контролем разведок и контрразведок крупнейших стран мира и что подобные публикации фотографий недопустимы. Если такая практика будет продолжаться, писал он в письме, то «использование слушателей Восточного отдела на секретной зарубежной работе станет почти невозможным».

14 февраля комиссару Военной академии Р. Муклевичу было отправлено письмо, подписанное Уншлихтом, с запрещением помещать в газетах и журналах снимки слушателей Военной академии, и в первую очередь Восточного отдела. Для сведения Муклевича, хотя он и сам хорошо об этом знал, сообщалось: «Часть слушателей Восточного отдела попадает на нелегальную и конспиративную работу в страны Востока, ввиду чего неизбежны случаи расшифрования неофициальных зарубежных работников».

Для Сухорукова, а именно фотография его выпуска была помещена в «Огоньке», все закончилось благополучно. Но в этом выпуске было 32 человека. 10 человек поступили в распоряжение Разведупра, три человека были отданы отделу международных связей Коминтерна, несколько человек ушло в ОГПУ. Повлияла ли публикация в «Огоньке» на их судьбу? Был ли кто-либо расшифрован иностранными контрразведками по этой фотографии? Сейчас об этом можно только гадать.

Сухоруков продолжал успешно работать резидентом, расширяя агентурную сеть в южной Маньчжурии и получая ценную информацию о частях Квантунской армии. Донесения отправлялись в Москву, а их копии – в советское посольство в Пекине – военному атташе. Его разведывательная работа продолжалась до весны 1927 года. После налета китайской полиции на советское посольство в Пекине 6 апреля были захвачены многочисленные документы военного атташата, в том числе и донесения Сухорукова. Его фамилия стала известна китайской полиции. На волне антисоветской истерии его дипломатический паспорт не мог уже служить гарантией безопасности. Летом 1927 года в Китае арестовывали и бросали в тюрьму советских дипломатов невзирая на дипломатический иммунитет.

Резидент был полностью расшифрован, и это хорошо поняли в Москве. Как только в Разведупре стало известно о пекинском налете, Сухорукову была отправлена шифрованная радиограмма с приказом: немедленно исчезнуть из Мукдена. Основной путь ухода: поездом до советской границы был опасен. Китайская полиция проводила повальную проверку документов во всех поездах, следовавших в Советский Союз. Резидента могли опознать (его фотографии в китайской полиции имелись), арестовать и посадить с поезда на любой станции. Поэтому, как вспоминал

потом Сухоруков, он избрал другой путь ухода. Поездом до Квантунского полуострова, находившегося под юрисдикцией Японии, и порта Дальний. А оттуда пассажирским пароходом в Японию, где его дипломатический паспорт гарантировал полную безопасность. Из Японии обычным пассажирским рейсом до Владивостока. После того как страсти, вызванные пекинским налетом улеглись, другой резидент прибыл в Мукден, принял созданную Сухоруковым агентурную сеть и продолжил работу.

К 1925 году в Маньчжурии уже было создано несколько резидентур военной и политической разведок. В Харбине были две резидентуры: Иностранного отдела ОГПУ и Разведупра. Создавалась Мукденская резидентура под руководством Сухорукова. Были, очевидно, легальные и нелегальные резидентуры наших разведок и в других крупных городах этого региона, о которых пока еще ничего не известно. В Москве решили скоординировать деятельность всех резидентур в Маньчжурии и направить туда опытного специалиста, имевшего достаточно большой опыт работы в разведке. По воспоминаниям Сухорукова, таким координатором разведки в Маньчжурии был назначен в начале 1925 года Арвид Янович Зейбот.

Об этом человеке до сих пор ничего не известно. С весны 1921-го до марта 1924 года он возглавлял военную разведку, и именно его сменил Ян Берзин, возглавив на 11 лет стратегическую разведку РККА. Поэтому стоит сказать об этом человеке несколько слов.

Как и его предшественник на посту начальника военной разведки Ян Ленцман, Арвид Зейбот тоже латыш. Но значительно моложе – родился в 1894 году. Кончил гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета. По профессии математик-статистик. В царской армии не служил. В партии с 1913 года. В Красной Армии с марта 1919-го по

мобилизации ЦК компартии Латвии. И сразу же высокая должность – помощник начальника политотдела 15-й армии. Затем несколько месяцев был начальником политотдела этой же армии и секретарем заграничного бюро компартии Латвии. В августе 1920-го переведен в Москву и сразу же назначен помощником Ленцмана. Чем руководствовались при этом назначении? Военного образования не было – даже ускоренного курса военного училища не имел. Боевого опыта тоже не было. На вопрос анкеты об участии в военных действиях красноречивый ответ: «В сражениях не участвовал. Так при отступлении из Риги немного приходилось». Человека в 27 лет без военного образования и боевого опыта, с сугубо мирной профессией – в заместители, а потом в апреле 1921-го – в начальники военной разведки огромного государства!

Удивительно не то, что назначили, а то, что продержался на этом посту три года. Разведку не любил, никакого влечения к этой трудной профессии не имел и из разведки рвался на гражданку. В марте 1924 года ему это удалось. Был демобилизован и направлен в распоряжение ЦК партии. Конечно, за три года работы в разведке опыта и навыков набрался, и в ЦК сочли это достаточным, чтобы поручить ему новую ответственную разведывательную работу уже за рубежом. Зейбота прикомандировали к Наркоминделу, сменили ему фамилию и оформили все документы для работы в дипломатическом ведомстве. 27 января 1925 года члены Политбюро на своем заседании рассматривали «Просьбу НКВД об утверждении т. Гранта (Зейбота) А. Я. Генконсулом в Харбин». Возражений не было и просьбу удовлетворили. Протокол заседания подписал секретарь ЦК Иосиф Сталин. Так в Маньчжурии под дипломатической «крышей» появился координатор советских разведок. Вопросы деятельности составных

звеньев своей разведывательной триады Сталин уже тогда решал на высшем партийном уровне.

Японская разведка против Советского Союза

В разведывательном управлении генштаба империи разрабатывались подробные, рассчитанные на долгие годы планы разведывательной, подрывной и диверсионной деятельности против Советского Союза. Такая деятельность в конце двадцатых и в тридцатых годах была одним из важнейших элементов подготовки к захвату советских дальневосточных территорий. Тайная война против нашей страны велась непрерывно, настойчиво, не ослабевая ни на один день. Она не знала перемирий. Задолго до того, как в мае 1939 года первые залпы необъявленной войны нарушили предрассветную тишину на Халхин-Голе, сражения на этом тайном фронте были в полном разгаре.

В 1925 году дипломатические представители Советского Союза и Японии подписали в Пекине конвенцию, определявшую основные принципы мирных взаимоотношений между двумя странами. Япония приняла на себя обязательства не поддерживать ни прямо, ни косвенно никаких организаций и группировок, деятельность которых была бы направлена против СССР. Был подтвержден Портсмутский мирный договор, заключенный между Россией и Японией после русско-японской войны. По этому договору Япония была обязана не проводить никаких военных приготовлений в Маньчжурии и Корее и не использовать принадлежащую ей Южно-Маньчжурскую железную дорогу в военных целях. Между двумя странами были установлены нормальные дипломатические отношения, и, казалось, ничто не должно было омрачить добрососедских отношений

между Советским Союзом и Японией. Но в действительности все было иначе.

В апреле того же 1925 года в штаб Квантунской армии, расположенный в Порт-Артуре, прибыл из Токио майор японской армии Канда Масатанэ. Офицер имел рекомендации начальника разведывательного отдела генштаба, что уже говорило о многом, и направлялся в Харбинскую военную миссию, где он должен был заниматься вместе с сотрудниками миссии сбором стратегически важных сведений о Северной Маньчжурии и СССР.

Скромный майор, в течение года проработавший до этого в разведывательном отделе генштаба, оказался ревностным служакой. По собственной инициативе, разумеется, почтительно испросив разрешение своего разведывательного начальства, которым подобные инициативы всячески поощрялись, он решил заняться разработкой плана основных мероприятий подрывной деятельности против Советского Союза. В какой мере подобная деятельность соответствовала заключенной конвенции и нормализации отношений между двумя странами, его не интересовало.

В конце 1927 года Канда Масатанэ закончил разработку подробного и обстоятельного доклада, где каждое положение было взвешено и тщательно продумано. Документ занимал 50 страниц убористого текста и был озаглавлен «Материалы по изучению подрывной деятельности против России». Отпечатанный в нескольких экземплярах, он был направлен с соответствующими грифами секретности в штаб Квантунской армии и генеральный штаб, где ему удалось произвести соответствующее впечатление. Скромный майор был замечен, и это позволило ему сделать в дальнейшем блестящую карьеру. К концу Второй мировой войны он был уже генерал-лейтенантом и увешан почти всеми орденами островной империи.

Доклад был программой разведывательных, диверсионных и подрывных мероприятий против Советского Союза, причем эта программа предназначалась как для мирного, так и для военного времени. Первый раздел документа назывался «Общие принципы подрывной деятельности против России». В этом разделе отмечалось: «В будущей войне подрывная деятельность будет играть чрезвычайно важную роль». «Поэтому, – указывал автор, – работа, включающая в себя подрывную деятельность против России, весьма многообразна, и эта деятельность должна охватывать весь мир». Автор доклада рекомендовал принять меры к обострению национальной, идеологической и классовой борьбы внутри нашей страны. Предлагалось «подстрекать государства, лежащие на западных и южных границах Союза, угрожать ему таким образом, чтобы не дать возможности перебросить на Дальний Восток большую армию. При помощи экономической блокады мешать ввозу в Союз материальных средств и, в частности, предметов военного снаряжения». Рекомендовалось также разрушать транспортные сооружения, телеграфную связь, задерживать мобилизацию и концентрацию армии. Главная ставка при этом делалась на сибирские железные дороги. Таковы были общие рекомендации первого раздела доклада.

Второй раздел доклада был посвящен разработке важнейших мероприятий по подрывной деятельности на территории Восточной Сибири. Здесь предусматривалось ведение антисоветской агитации и пропаганды, засылка на советскую территорию антисоветских групп, чтобы мешать в военное время действиям частей Красной Армии. Предлагалось «в связи с развитием общего военного положения создать на русской территории антисоветское правительство и побудить свергнуть советскую власть одновременно в

Сибири и на Кавказе». Предусматривалось «сделать Внешнюю Монголию антисоветской», то есть свергнуть демократическое правительство Монгольской Народной Республики.

В приложении к докладу были разработаны «Важнейшие мероприятия мирного времени на Дальнем Востоке в связи с подрывной деятельностью против России». Среди этих мероприятий предусматривалось создание за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против Советского Союза.

Майор не очень стеснялся в выборе способов диверсионной деятельности на советской территории. Его не смущало и то, что эти способы предназначались для действий против соседнего государства, с которым, и он это хорошо знал, Япония в те годы поддерживала нормальные дипломатические отношения. В докладе указывалось: «В том случае, если нельзя будет устроить официальные разведывательные органы, необходимо отправлять в Россию японских разведывательных агентов под видом дипломатических чиновников. Если же и это будет невозможно, то тогда нужно будет отправлять переодетых офицеров». Задачи в докладе ставились в весьма широком масштабе: «Так как сфера применения подрывных мер против России должна охватывать весь мир, то и органы подрывной деятельности должны быть распространены на оба материка». Доклад был составлен со знанием дела, откровенно, вещи в нем назывались своими именами. Естественно, что такой документ произвел впечатление в генеральном штабе.

Доклад Масатанэ можно было бы выдать за личную инициативу офицера разведки и не принимать его всерьез при обвинении японской военщины, если бы подобные документы не подкреплялись официальной секретной документацией, проходившей через

министерство иностранных дел Японии. Еще до того, как доклад Масатанэ был отправлен в Токио и Порт-Артур, японский военный атташе в Советском Союзе Мицутаро Камацубара, будущий генерал и командир 23-й пехотной дивизии, разгромленной на Халхин-Голе, получил из Токио запечатанный сургучными печатями, прошитый и снабженный предостерегающими надписями пакет. В этом пакете, переправленном через министерство иностранных дел, была достаточно красноречивая инструкция генштаба с грифом «Совершенно секретно» за номером 908, датированная 6 октября 1927 года. В ней военному атташе, возглавлявшему резидентуру, находившуюся в Советском Союзе, предписывалось заняться изучением организаций, обществ и отдельных лиц, которых можно было бы использовать для получения разведывательной информации, проведения антисоветской пропаганды и подрывной деятельности, и давались практические указания по организации подрывной работы в СССР. Документ был подписан помощником начальника генштаба и будущим подсудимым Токийского трибунала Дзиро Минами. Если учесть дату его составления, станет ясно, что в то время японские разведчики предусматривали возможность использования для шпионажа и подрывной деятельности в Советском Союзе троцкистских организаций.

Этот документ, будучи официальным, естественно, привлек к себе внимание обвинения на Токийском процессе. При допросе на вопрос обвинителя: «Не было ли обычной практикой инструктировать военных атташе, что они должны заниматься шпионажем и подрывной деятельностью?», подсудимый Минами, подписавший эту инструкцию, ответил: «Такими глупыми делами я никогда не занимался». Когда же он был уличен фотокопией документа, то ему ничего не

оставалось, как признать, что в действительности он очень даже занимался этими «глупыми делами», и добавить: «Я думаю, что было послано много таких писем».

В соответствии с положениями доклада майора Масатанэ разведывательный отдел генштаба начал практическую разработку мероприятий подрывной и диверсионной деятельности против СССР, стремясь, как это и было предусмотрено в докладе, распространить сферу применения этих мероприятий на весь мир. В инспекционную поездку по американскому и европейскому континентам отправился начальник разведывательного отдела генштаба генерал-лейтенант Иванэ Мацуи, занявший в 1946 году, так же как и Минами, место на скамье подсудимых Токийского трибунала.

В апреле 1929 года Мацуи, разумеется под другим именем и с другими документами, прибыл в столицу Веймарской Республики. После его приезда японский военный атташе в Германии развил бурную деятельность. В европейские столицы полетели шифрованные телеграммы: японские военные атташе в Европе созывались на чрезвычайно важное совещание. Вскоре японские разведчики, снабженные дипломатическими паспортами и пользующиеся дипломатической неприкосновенностью, приехали в Берлин из Великобритании, Франции, Польши, Австрии, Италии, Советского Союза и даже Турции.

Мацуи выступил на совещании с обстоятельным докладом о расширении шпионской и подрывной деятельности против Советского Союза. После этого на совещании обсуждались вопросы о способах, методах и организации диверсий, которые должны будут проводиться из европейских государств во время войны с Советским Союзом. Большое внимание было уделено положению русских белоэмигрантов в Европе с учетом

их возможного использования в будущем. Обсуждался и вопрос об агентурно-разведывательной работе против СССР, проводимой японскими военными атташе в Европе. В целом на совещании разрабатывалась долговременная, рассчитанная на многие годы стратегия шпионажа, диверсий и террора против Советского Союза.

Может быть, и само совещание в японском посольстве в Берлине, и фамилии его участников так навсегда и остались бы одной из сокровенных тайн японской разведки, но некоторые из присутствующих делали по ходу совещания заметки. Записи одного из участников совещания удалось сфотографировать советскому агенту, и пленка попала в Москву. Поэтому в 1946 году, когда на Токийском процессе началось представление документов по советской фазе обвинения, фотокопии заметок, сделанных в Берлине в 1929 году, были приобщены к делу. Генерал Мацуи, как профессиональный разведчик, конечно, отлично помнил и совещание, которое он провел 17 лет тому назад, и те вопросы, которые на нем обсуждались. Но он хорошо помнил и то, что разоблачение на суде его роли как одного из организаторов подрывной деятельности против Советского Союза может только ухудшить его положение на скамье подсудимых. Поэтому при первом же упоминании о совещании во время допроса его начала «подводить» память, хотя после представления неопровержимых доказательств ему ничего не оставалось, как во всем сознаться. Вот выдержка из протокола этого допроса.

«**Вопрос.** Какие решения были приняты на конференции японских военных атташе в Европе, созванной в Берлине в 1929 году?

Ответ. В 1929 году я в качестве начальника второго отдела генштаба был в Америке и в Европе. Когда я был в Берлине, я созвал конференцию всех военных атташе

Японии в европейских государствах. На конференции решались текущие вопросы. Мы не касались каких-либо политических вопросов.

Вопрос. Вам предъявляется документ-фотокопия заметок, касающихся работы этой конференции. Рассматривались ли на конференции вопросы, указанные в документе?

Ответ. Прочитав этот документ, я пришел к выводу, что эти заметки были сделаны одним из участников конференции. Они, по-видимому, верно отражают содержание некоторых вопросов, рассматривавшихся на конференции».

Во время допроса Мацуи прозвучала фамилия Хасимото. Это было не случайно. В 1929 году в звании майора Кингоро Хасимото был военным атташе в Турции, в 1930 году он вернулся в Токио и занял пост начальника русского сектора второго отдела генштаба. Хасимото был одним из видных организаторов фашистского движения в Японии. Такие известные общества, как «Сакуракай» («Общество цветущей вишни») и «Дайниппон Сейненто» («Молодежная партия Великой Японии»), во многом были обязаны своим возникновением этому неутомимому фашистскому лидеру, которого японская печать называла «японским Гитлером». Хасимото был активным участником военно-фашистских путчей в Японии в мае 1932 года и в феврале 1936 года. После февральского путча уже в звании генерал-майора он был уволен в резерв и занялся активной политической деятельностью. После войны вместе с другими военными преступниками ему пришлось занять место на скамье подсудимых.

Военный атташе Японии в Турции Хасимото в первую очередь интересовался Кавказом как ареной подрывной и диверсионной деятельности против Советского Союза. 15 ноября 1930 года им был закончен и подписан доклад, одно заглавие которого говорило

уже о многом: «Положение на Кавказе и его стратегическое использование для диверсионной деятельности против СССР». Документ был зарегистрирован под номером 5, адресован помощнику начальника генштаба генерал-лейтенанту Окамото и полностью соответствовал указаниям, полученным от Мацуи на совещании в Берлине. Автор доклада утверждал, что Кавказ «безусловно, представляет собой важнейший район с точки зрения военных планов Японии, направленных против СССР». Система диверсий, разработанная в докладе, должна была «вызвать обострение отношений между отдельными народностями Кавказа и в результате создать хаотичную обстановку на Кавказе». Так как своих вооруженных сил для захвата Кавказа у Японии не было, то расчет строился на том, что союзные с островной империей державы, в первую очередь имелась в виду Англия, воспользовавшись созданной японской разведкой хаотичной обстановкой, овладеют Кавказом «методом военной оккупации».

Фотокопия этого важнейшего документа была получена, очевидно, от того же агента политической разведки. Соответствующие меры против происков японских шпионов и диверсантов на Кавказе были приняты, а после войны этот документ был использован советским обвинением на Токийском процессе.

Документы, которые цитировались выше, были предъявлены советским обвинением Токийскому международному трибуналу. Авторы этих документов, сидевшие на скамье подсудимых или вызванные в качестве свидетелей, признавали подлинность фотокопий, на которых были их подписи и личные печати. Вопросы адвокатов подсудимых и судей западных стран о том, как были добыты столь ценные свидетельства разведывательной и диверсионной деятельности, как правило, оставались без ответа. В

лучшем случае выдавалась ложная версия, которую невозможно было проверить. Советская политическая разведка делала все, чтобы скрыть источники своей информированности. И после войны об этом не говорилось ни слова. Доступ к стенограммам заседаний трибунала в 50 – 70-е годы имели немногие историки, и они, как правило, не проявляли излишнего любопытства. И только после августа 1991-го в печати появилось сообщение, приоткрывающее завесу этой тайны. Журнал «Новое время» опубликовал статью, в которой, не указывая конкретных фамилий, сообщил о том, как действовал специальный отдел ОГПУ, осуществлявший наблюдение за сотрудниками японского посольства в Москве.

В середине 1920-х годов в недрах обширного ОГПУ начали создаваться структуры для наблюдения и проникновения в иностранные посольства в Москве. Создавались службы наружного наблюдения за иностранными дипломатами, и в первую очередь, за военными атташе и сотрудниками их аппарата. Агентура ОГПУ под видом обслуживающего персонала, слуг, учителей и особенно учительниц, конечно, молодых и привлекательных, внедрялась в иностранные посольства и миссии. Ничего нового и необычного в этой деятельности не было. Во всех крупнейших столицах мира иностранные посольства находились под «колпаком» контрразведки, и Москва не составляла исключения. Да и солидный опыт имелся. Еще перед Первой мировой войной российская военная контрразведка держала под наблюдением многочисленные посольства иностранных государств в Петербурге. И не только будущих противников в мировой войне, что было вполне естественно, но и союзников. В 1910 году удалось получить фотокопию доклада английского посла своему правительству. Так что опыт наблюдения и проникновения в иностранные

посольства был, да и специалисты этого деликатного дела, очевидно, остались и могли дать соответствующие консультации.

Поэтому во второй половине 1920-х годов, когда начали «разрабатывать» сотрудников японского военного атташата в Москве, действовали по уже хорошо проверенной методике. Одному из помощников, а может быть, секретарей военного атташе, подставили молодую и красивую учительницу русского языка, конечно агента ОГПУ. Одновременно с уроками начались и развлечения: походы в рестораны, загородные прогулки, встречи на частных квартирах и т. д. Все эти «развлечения» фиксировались, и когда компромата набралось достаточно, то дипломата пригласили на беседу. В общем, в ОГПУ действовали по хорошо отработанной во многих странах методике.

Вербовка состоялась, и у ОГПУ появился ценнейший источник получения военной и военно-политической информации в японском посольстве в Москве. Все фотокопии документов, предъявленные на Токийском процессе советским обвинением, были получены по этому каналу информации. Источник оберегали очень тщательно. Даже после окончания Второй мировой войны были приняты все меры предосторожности, чтобы отвести малейшую угрозу разоблачения от этого человека, увести в сторону возможные попытки расследования со стороны американской разведки. По уставу Токийского трибунала, любой документ обвинения или защиты должен был иметь сертификат или удостоверение, подтверждающее источник, откуда этот документ был получен. И чтобы увести в сторону излишне любопытных, к докладу Хасимото о Кавказе была приложена справка. На бланке генштаба Красной Армии, снабженном соответствующими печатями и подписями, было сказано, что «документ в фотокопии был добыт советской военной разведкой в японском

генштабе в 1935 году». Конечно, в 1935 году у Разведывательного управления не было в японском генштабе источников, способных получать фотокопии таких ценнейших документов.

План «Оцу»^[1]

В столице Третьего рейха в кабинете министра иностранных дел на приеме находился посол островной империи в Германии генерал Осима. Аристократ из древнего самурайского рода, кадровый военный и профессиональный разведчик, бывший военный атташе, он был назначен на этот пост еще до начала войны. Во время беседы посол произнес одну фразу, которую педантичные немецкие дипломатические чиновники запротоколировали и сохранили в архиве министерства. После войны эту запись беседы обнаружили и представили Токийскому трибуналу в качестве доказательства обвинения. Осима заявил тогда Риббентропу: «... Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы генштаба разрабатываются для наступления на Россию и все снова направлено на это наступление».

Бывший ведущий сотрудник японского генштаба знал, конечно, много, и его словам в такой доверительной беседе можно было верить. Беседа происходила 18 апреля 1943 года. Значит, примерно с 1923 года, то есть сразу же после того, как японским войскам пришлось оставить Владивосток и убраться из Приморья, в генштабе начали планировать новую войну против своего северного соседа.

Уже в следующем году после эвакуации японских войск из Приморья в Токио начались совещания военно-политического руководства под председательством императора. На совещаниях вырабатывали новую внешнеполитическую стратегию действий на будущее. Были определены два главных направления японской экспансии – северное и южное. Южное (морское) направление предусматривало в перспективе войну с США за господство на Тихом океане. Северное

(сухопутное) направление предусматривало в будущем захваты на азиатском материке и в перспективе войну с Советским Союзом для захвата северного Сахалина, Камчатки и в первую очередь Приморья и Приамурья. В соответствии с рекомендациями совещания у императора Генштаб начал разработку планов новой войны.

Первый вариант нового плана был разработан уже в 1923 году. По этому варианту предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важнейшие районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский». Такие были замыслы в начале 1920-х. Но для их осуществления нужны были годы упорного труда и, конечно, благоприятная обстановка и внутри Японии, и за ее пределами.

К концу 1920-х годов разработка этих планов и в Токио, и в штабе Квантунской армии на материке была в полном разгаре. Кто мог знать о них? В первую очередь командующий Квантунской армией и начальник его штаба. Под любым документом, который отправлялся в Токио из Порт-Артура, где размещался тогда штаб армии, стояли их подписи и личные печати. Ясно было и то, что для осуществления этих планов нужен был плацдарм на материке, примыкающий к советским дальневосточным границам. Ляодунского полуострова, которым владела Япония, для будущей агрессии против Советского Союза было явно недостаточно. Таким плацдармом могла быть только Маньчжурия. И планы захвата этого обширного района Китая, которые разрабатывались в штабе Квантунской армии, были частью плана войны против Советского Союза.

В июле 1928 года штабные офицеры Квантунской армии ожидали на набережной Порт-Артура японский пароход из Токио. По трапу сошел небольшого роста офицер с погонами полковника, который представился встречавшим как Мияке Мацухара, новый начальник штаба Квантунской армии. Полковник прослужил в этой должности до лета 1932 года и принимал непосредственное участие в разработке планов нападения на Советский Союз и в захвате Маньчжурии. Затем он служил в Токио, а в конце войны был опять переведен в Маньчжурию, где после разгрома Квантунской армии и попал в плен уже в чине генерал-лейтенанта. В своих показаниях, принятых Токийским трибуналом в качестве документа обвинения, он заявил, что «план операций, который должен был привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР, имевшегося в японском генштабе. Впервые о существовании плана нападения на СССР я узнал, прибыв в июле 1928 года на должность начальника штаба Квантунской армии». Признание красноречивое! В 1928 году план нападения на Советский Союз уже лежал в сейфах генштабовских кабинетов.

В последующие годы разработка различных вариантов плана нападения на нашу страну продолжалась. Учитывалось изменение обстановки на Азиатском континенте, обороноспособности Советского Союза, позиция западных держав.

Во второй половине марта 1931 года по Северной Корее и просторам Маньчжурии путешествовал представительный господин. Но интересовался он не достопримечательностями и красотами природы, а железнодорожными мостами, туннелями, аэродромами. Документы, которые он предъявлял местным властям, были в полном порядке, и китайские полицейские очень

удивились бы, узнав, что этот респектабельный господин путешествовал по приказу, подписанному в генштабе империи.

Начальник генштаба подписал приказ 16 марта 1931 года. Полковнику Сигеясу Судзуки предписывалось обследовать общее положение в Маньчжурии и особенно вдоль железнодорожных линий, идущих к дальневосточным границам Советского Союза. При выполнении этой задачи он должен был держать связь со штабами Квантунской и Корейской армий. К приказу была приложена инструкция, подписанная начальником оперативного отдела генштаба, уточнявшая задачи полковника. В инструкции указывалось, что для проведения военных действий по плану «ОЦУ» необходимо произвести общий обзор районов северной Маньчжурии с точки зрения возможного использования там японских войск и, в частности, установить «ценность», то есть пропускную способность железных дорог Сыпингай-Таоань и КВЖД. Кроме того, Судзуки должен был изучить вопрос об аэродромах в Маньчжурии и оценить эффективность применения японских войск в районах северной Кореи.

И приказ, и инструкция, а их содержание стало известно только после войны на Токийском процессе, были достаточно красноречивы. Полковник японского генштаба должен был обследовать территорию другого государства с целью подготовки агрессивных действий японской армии. И районы северной Маньчжурии и северной Кореи, и направление железнодорожных линий свидетельствовали о том, что военные действия по плану «ОЦУ» должны были быть направлены против дальневосточных границ Советского Союза. В этих документах впервые был назван шифр планов агрессии против нашей страны.

К каким же выводам пришел японский полковник, обследовавший чужую страну с фальшивыми

документами? В первом разделе своего доклада, сравнивая возможности западной части КВЖД и дороги Сыпингай-Таоань с точки зрения передвижения главных сил японской армии в ходе военных действий по плану «ОЦУ», он приходит к выводу о целесообразности их использования в районе железной дороги Сыпингай-Таоань. Но наиболее интересными являются общие замечания доклада, раскрывающие содержание и направление главных ударов в соответствии с планом «ОЦУ». Полковник Судзуки был хорошо знаком с этим документом, хранившимся в сейфах японского генштаба, и в своем докладе разгласил, может быть и невольно, тайну тайн японской военщины.

По этому плану военные действия в Приморье предусматривали высадку главных сил японской армии на побережье восточнее Владивостока, причем части, дислоцировавшиеся в северной Корее, согласовав свои маневры с главными силами, должны были действовать самостоятельно. Полковник считал целесообразным, чтобы основные силы после высадки продвигались вперед к району Спасск-Никольск-Уссурийский и при поддержке частей из северной Кореи вели операции в обход Владивостокской крепости.

Итак, первая цель агрессии – советское Приморье; захватить Владивосток и все побережье, лишить Советский Союз выхода к Тихому океану – первоочередная задача. И требование генерала Минами, бывшего тогда военным министром, «превратить Японское море в Японское озеро» было не благим пожеланием, а опиралось на конкретные, уже разработанные планы агрессии.

Хотелось бы подчеркнуть, что это были только планы. До прямой агрессии и даже до угрозы агрессии было еще очень далеко. Можно понять стремление японских генералов в Токио и в Порт-Артуре рассчитаться за бесславное возвращение в Японию в

1922-м после эвакуации из Приморья. Это было первое поражение японской армии, и офицерский корпус переживал его очень болезненно. Отсюда и стремление взять реванш как можно скорее хотя бы на бумаге в виде плана будущей войны. Для середины 1920-х вариант плана «ОЦУ» можно было считать наиболее оптимальным. При отсутствии плацдарма в Маньчжурии вести сухопутные операции можно было только через советско-корейскую границу, используя дивизии Корейской армии. А высадка крупного морского десанта в Приморье при полном отсутствии у Советского Союза флота и береговой обороны побережья представлялась вполне реальной операцией с хорошими шансами на успех. Владивостокская крепость при отсутствии необходимых запасов не могла бы долго продержаться в случае ее блокады.

Стратеги из японского генштаба, разрабатывавшие этот план войны, учитывали в полной мере и международный фактор. Обстановка на западных границах Союза была тревожной. Взаимоотношения с западными соседями: Польшей, Финляндией, Румынией ухудшились до предела, и «первая военная тревога», как называли этот период наши военные историки, была в полном разгаре. Все скудные военные ресурсы были брошены на укрепление западных границ. В случае одновременного военного конфликта на Западе и Востоке, а с таким вариантом считались в Штабе РККА, Дальний Восток не мог рассчитывать на получение резервов из центральных районов страны и должен был обходиться только своими очень незначительными силами. В случае такого конфликта могла возникнуть ситуация времен Гражданской войны, когда основные военные операции проводились в центральных районах страны, а все, что было на территории за Байкалом, было оставлено на потом.

И еще одно обстоятельство надо было учитывать при анализе обстановки конца 1920-х годов. Военные круги и военная партия не были тогда еще так сильны, как десять лет спустя, когда генералы, имея огромную армию и мощный маньчжурский плацдарм, становились премьерами и определяли внутреннюю и внешнюю политику империи. В те годы во главе страны стояли другие трезвомыслящие люди, которые учитывали Пекинскую конвенцию 1925 года, вывод японских войск с северного Сахалина и установление дипломатических и добрососедских отношений со своим северным соседом. В этих условиях, с учетом международного престижа империи, ни о каком внезапном военном конфликте с Советским Союзом не могло быть и речи. И это хорошо понимали и в Токио, и в Москве. Тем более что никакого реального союзника в Европе пока еще не было, а начинать в одиночку новую интервенцию, хорошо помня о результатах предыдущей, было боязно.

Поэтому все варианты плана «ОЦУ», во всяком случае до второй половины 1930-х, можно рассматривать как обычные штабные разработки, которые хорошо выглядят на бумаге и очень далеки от действительности. Подобными разработками в межвоенные десятилетия занимались все генштабы крупнейших государств мира. В тиши генштабовских кабинетов разрабатывались планы войны на все случаи жизни. И Штаб РККА в этом отношении не являлся исключением. В Москве планировались варианты наступательной войны против государств, с которыми в то время поддерживались нормальные добрососедские отношения. Так что отношения, например, с Ираном и Афганистаном, поддерживались, а планы войны на всякий случай разрабатывались. И никого в Штабе РККА это не смущало, и никто не высказывал протестов. Просто командиры оперативного управления занимались своим делом и своей работой, очевидно,

чтобы не потерять квалификацию при разработке в будущем более серьезных планов войны.

Перед прыжком

1931 год был для Дальнего Востока особенным годом. Руководство армии и генштаба готовилось к важным мероприятиям, которые должны были на годы вперед определить обстановку на азиатском континенте и повлиять на судьбу многих стран. Через девять лет после того, как японские солдаты были вынуждены уйти из Приморья, в Токио снова решили попробовать закрепиться на континенте. Но на этот раз в точном соответствии с положениями меморандума Танака решили начать с Маньчжурии. Японской армии был нужен большой плацдарм на континенте, где можно было бы развернуться и создать базу агрессии: разместить крупную ударную группировку и создать сеть аэродромов для формирования мощного воздушного кулака, способного решать оперативные задачи. Квантунский полуостров, полученный в аренду после русско-японской войны, был забит войсками Квантунской армии и не годился для этих целей. И взоры японских генералов в Токио и Порт-Артуре все чаще устремлялись за его пределы на бескрайние просторы Китая.

Три китайские провинции – Хэйлунцзян, Гирин и Ляонин – составляли обширный район Северо-Восточного Китая. Здесь проживали десятки миллионов жителей, были богатые залежи угля, железной руды и других полезных ископаемых, так необходимых островной империи для ведения захватнических войн. На севере по Аргуни и Амуру и на востоке по Уссури Маньчжурия граничила с Советским Союзом, на западе – с МНР и китайской провинцией Жэхэ, на юге по реке Ялу – с Кореей, в то время колонией Японии.

Если посмотреть на крупномасштабную карту Маньчжурии, то можно увидеть железнодорожную магистраль, прорезающую всю ее территорию с северо-запада на юго-восток. Начинаясь у пограничной станции Маньчжурия, магистраль через Харбин проходит к Владивостоку. От Харбина по территории южной Маньчжурии через Мукден к Дальнему и Порт-Артуру была проложена другая железнодорожная магистраль. Обе дороги были построены Россией и обошлись русскому народу в сотни миллионов рублей. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) к началу 1930-х годов принадлежала Советскому Союзу и находилась под совместным советско-китайским управлением. Это было коммерческое предприятие, доход от которого распределялся между советским и китайским правительствами. Дорога не должна была использоваться в военных целях. Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) после русско-японской войны 1904—1905 годов принадлежала Японии, и ее охрану несли специальные батальоны японских охранных войск. На Ляодунском полуострове были размещены отборные части островной империи, отлично вооруженные и обученные. Это была Квантунская армия – передовой отряд для будущих завоеваний.

В начале 1930-х годов в Китае продолжала сохраняться довольно сложная политическая обстановка. После поражения революции 1925—1927 годов власть в стране захватили сторонники национальной партии (гоминьдан). Гоминьдановское правительство во главе с Чан Кайши, располагавшееся в Нанкине и представлявшее, главным образом, интересы крупной буржуазии, вело упорную борьбу против милитаристских клик, контролировавших Северный Китай и другие районы страны. С другой стороны, оно вынуждено было все больше внимания обращать на борьбу против революционного движения,

и прежде всего против советских районов, созданных в 1928—1930 годах под руководством Китайской коммунистической партии в Южном и Центральном Китае.

Правителем и командующим вооруженными силами Маньчжурии был Чжан Сюэ-лян – сын диктатора Маньчжурии Чжан Цзо-линя, погибшего 4 июня 1928 года при взрыве поезда, организованном группой офицеров Квантунской армии. Он, как и другие милитаристы, принимал активное участие в борьбе с нанкинским правительством, хотя в декабре 1928 года и объявил о признании его власти. Под его командованием было около 300 тысяч человек, однако они были неудачно дислоцированы, и в случае внезапного выступления частей Квантунской армии против Маньчжурии ее правитель не мог противопоставить японским войскам достаточно крупные силы. Вооружены китайские части были плохо, слабой была и их боевая подготовка. Во всех отношениях они значительно уступали частям Квантунской армии.

Советская военная разведка и в Москве, и в Хабаровске внимательно следила за событиями в этом районе. После конфликта на КВЖД в 1929 году в Советском Союзе были военнопленные: китайские солдаты и офицеры. После урегулирования конфликта они были возвращены в Маньчжурию. Но перед отправкой с ними «поработали» и сотрудники ОГПУ, и сотрудники военной разведки – разведотдела штаба ОКДВА. Упустить такой удобный случай было нельзя. Оба ведомства, соревнуясь друг с другом, фильтровали пленных, вербуя для себя агентуру, которая в будущем могла бы достаточно подробно освещать события в Маньчжурии. Очевидно, от этой агентуры была получена в 1930-м и начале 1931-го та информация, которая закладывалась в военно-политические сводки

по Японии и Китаю, регулярно выпускавшиеся разведотделом Штаба ОКДВА. Первые экземпляры сводок ложились на стол командующего ОКДВА Блюхера, позволяя ему быть в курсе событий за Амуром и Уссури.

В сводке № 8 от первого января отмечалось, что с усилением общей агрессивности внешней политики Япония активизирует свою деятельность и в Маньчжурии. Во всех крупных пунктах трассы КВЖД японская разведка увеличивает сеть своей агентуры. Отмечались также и упорные слухи о подготовке Японией какой-то грандиозной провокации в Маньчжурии. Очевидно, что-то из разрабатываемых японским генштабом планов просочилось наружу и стало предметом обсуждения в китайских и эмигрантских кругах, а разведка всегда прислушивалась к подобной информации. Агентура также подтверждала сведения о намерении Японии усилить свои вооруженные силы в Маньчжурии для обеспечения проведения своей агрессивной политики. В генштабе решили перебросить в Маньчжурию дивизию, усиленную кавалерийской и артиллерийской бригадами, а также еще один авиаполк. Переброску этих войск планировали осуществить в начале 1931 года. Такая переброска крупной группировки на материк значительно усиливала численность Квантунской армии, нарушая все статьи Портсмутского договора. В китайских военных кругах предполагаемое усиление японских войск было расценено как намерение японского правительства оказать давление на Мукден и как переход к более активной политике в Маньчжурии.

Анализ имевшейся в разведотделе информации позволял сделать вывод: «Экономический кризис в Японии и стремление Китая, в частности Мукденской группировки, вести независимую от Японии политику, толкает японское правительство на усиление агрессии

в Маньчжурии как против Китая, так и против СССР. Отмечается увеличение военных сил в южной Маньчжурии, усиление разведывательной деятельности и организация белых банд...»

В сводке № 10 на 1 марта отмечалось, что японская разведка усиленно вербует новых агентов по всей трассе КВЖД и что в последнее время Япония проявляет особый интерес к западной линии КВЖД, идущей от Харбина к советскому Забайкалью. Подчеркивалось, что эти сведения заслуживают доверия, то есть получены от проверенного и надежного источника. В заключении сводки указывалось: «Все, вместе взятое, заставляет прийти к определенному выводу о крайней серьезности положения в северной Маньчжурии. Подготовка новой провокации весной этого года идет усиленными темпами». Сводка была подписана начальником 4-го (разведывательного) отдела штаба ОКДВА Карповым. Это был псевдоним будущего героя Сталинградской битвы Чуйкова. В 1931-м он возглавлял военную разведку на Дальнем Востоке. Обстановка в регионе накалялась, и разведчики верно зафиксировали нарастание тревожных событий. В сроках ошиблись на полгода – агрессия началась осенью. Но у Москвы и у Хабаровска было время подготовиться и принять необходимые меры.

Интересно отметить, что разведотдел в Хабаровске занимался не только составлением сводок и анализом военно-политической обстановки. В архивном деле между разведсводок лежит любопытный документ, весьма характерный для начала 1930-х. Это статья, напечатанная в харбинской эмигрантской газете «Русское слово» от 24 января 1931 года. В передовице под заголовком «Второй лик пятилетки» говорится о назначении Сталина членом Совета Труда и Оборона и отмечается, что это назначение произвело во всех

кругах Советского Союза огромное впечатление. Этому назначению, пишет газета, предшествовало появление книги Ворошилова «Сталин и Красная Армия», в которой «Ворошилов доказывает, что Сталин является не только выдающимся организатором партии, но имеет и исключительные военные заслуги, что ему принадлежит мысль и осуществление организации 1-й Конной армии и ему обязана она своими победами».

Газета писала: «Вслед за Ворошиловым выступил и Егоров, ныне командующий Белорусским военным округом, а во время гражданской войны бывший командующий Юго-Западным фронтом. Он точно так же подчеркивал выдающиеся стратегические и военные таланты Сталина и утверждал, что не только организация 1-й Конной, но и выработка стратегического направления принадлежит Сталину, у которого, таким образом, должен быть признан наряду с другими необычайными качествами выдающийся военный гений».

Основной вывод в передовице заключался в том, что назначение Сталина в СТО приобретает огромное значение именно с точки зрения милитаристской, ибо, как известно, задача СТО заключается прежде всего в руководстве обеспечением нужд армии и удовлетворении требований обороны. Харбинские эмигрантские газеты регулярно поступали в Хабаровск, и эта статья была, конечно, не единственная, которая легла на стол Блюхера. Разведка, конечно, с грифом «секретно» регулярно снабжала командующего эмигрантской периодикой.

* * *

У документов, которые добывает разведка, разная судьба. Некоторые остаются в Центре и используются

при составлении докладов и аналитических записок, предназначенных руководству страны. Другие, более важные, с сопроводительными письмами отправляются «наверх» и ложатся на столы государственных, партийных, военных или дипломатических руководителей. Их читают, изучают и, если необходимо, по ним принимаются решения на высшем государственном, военном или дипломатическом уровне. После этого они оседают в личных архивах руководителей страны. Некоторые из этих документов с соответствующими резолюциями или пометками возвращаются обратно в аппарат той разведки (политической или военной), которая их отправила руководству страны для дальнейшей работы с ними. Затем они поступают в архив разведки и становятся недоступными для независимых исследователей. Архив разведки – святая святых ведомства и никогда ни при каких обстоятельствах чужака и близко не подпустят к его дверям. И здесь не имеют значения ни законы о рассекречивании в связи со сроком давности, ни череда десятилетий, прошедших после получения документа. К примеру: в архиве знаменитого ГРУ (Главного разведывательного управления), а там все документы секретны или совершенно секретны, хранятся документы военной разведки Российской империи периода 80-х годов прошлого века. Четыре войны прошло, империя исчезла, ее преемник Советский Союз развалился, а документы столетней давности засекречены до сих пор. Какой смысл в этом – известно только руководству разведки. Исследователям знать этого не дано.

У Службы внешней разведки такое же положение. В архиве стеллажи забиты папками с фотокопиями подлинных документов «Форин Офис» и других английских учреждений, полученных перед Второй мировой войной от членов знаменитой кембриджской

пятерки – и ни одной так нужной историкам публикации. Ни одной публикации по документам 1920-х годов и первой половины 1930-х, когда разведкой руководил Артузов. А что касается периода 1940—1941 годов, то, сообщая в печати агентурные донесения, вообще не указывают, кому они докладывались и на какой высокий уровень шла эта ценнейшая информация, если она туда шла, а не отправлялась в мусорную корзину. Двухтомник документов «1941 год» является характерным примером такого использования разведывательной информации политической разведки. Десятки агентурных донесений – и ни одного адресата, ни одной фамилии того, кому она была доложена, если была доложена, а не осела в архиве разведки. Ведь не имея никаких данных о прохождении информации «наверх», исследователь может предположить и такой вариант. И остается только одно – искать информацию разведки в других архивах, «копать» в архивах государственных, не связанных с ограничениями ведомственных архивов, а также писаными и неписаными законами разведки.

В июле 1931 года в японском посольстве в Москве произошла знаменательная встреча, которой суждено было войти в историю и японской разведки, и японо-советских отношений. В кабинете посла встретились посол Хирота, военный атташе подполковник Касахара и генерал-майор Харада. Генерал был командирован в Европу японским генштабом с особыми заданиями, связанными с подготовкой к выступлению в Маньчжурии, и ехал сухопутным путем транссибирским экспрессом Владивосток – Москва. Беседа была откровенной, и все присутствующие высказывались без всяких недомолвок, называя вещи своими именами. После беседы Касахара составил два документа. Он написал памятную записку о мнении японского посла Хирота и отправил ее начальнику генштаба. Вторым

документом был конспект доклада, представленного генерал-майору Харада, в котором военный атташе высказал свое мнение о положении в Советском Союзе, о вооруженных силах и о перспективах возможной войны между Японией и СССР.

Сотрудник японского военного атташата, завербованный ОГПУ, сфотографировал документы, и фотокопии попали в Особый отдел. Там сделали перевод, который и пролежал в отделе до 31 декабря. В конце года, когда стало ясно, что японская агрессия в Маньчжурии продолжает расширяться, продвигаясь на Север, Сталин, очевидно, затребовал информацию от своих разведок о дальнейших планах Японии и ее действиях на азиатском материке. И руководство ОГПУ 19 декабря 1931 года представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо за № 4183, подписанное зампредом ОГПУ Балицким, начиналось фразой: «Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР». Документы были представлены с грифами «Совершенно секретно, документально, перевод с японского».

Очевидно, для генсека это был первый серьезный и обстоятельный материал о планах Японии и о возможной войне империи против Советского Союза. И изучал он его, если судить по многочисленным пометкам, очень внимательно. Затем материалы, как особо важные, попали в его личный архив, где и пролежали до 1998 года, когда были рассекречены и стали доступны исследователям.

Первым документом было резюме беседы посла Хирота с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 года. Этот короткий документ стоит привести полностью:

«Посол Хирота просит передать его мнение начальнику Генштаба Японии относительно

государственной политики Японии:

"По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент.

Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью"».

Мнение посла, к тому же высказанное начальнику генштаба, о необходимости войны с государством, в котором он был аккредитован и с которым поддерживались нормальные дипломатические отношения, заслуживало внимания, и Сталин отчеркнул весь абзац, поставив против него цифру «один».

Конспект доклада Касахара, представленный генералу на восьми страницах, также был тщательно прочитан и изучен, если судить по многочисленным пометкам Сталина. В первом разделе доклада дается оценка общего положения в Советском Союзе и отмечается: «СССР в настоящий момент энергично проводит пятилетний план строительства социализма. Этот план ляжет в основу грядущего развития Советского государства. Центральное место в этом плане занимает тяжелая индустрия, в особенности те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением обороноспособности страны...» Во втором разделе, где анализируется состояние вооруженных сил СССР, военный атташе дает оценку военной политике страны, отмечая при этом: «В принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооруженные силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед интервенцией. Рассуждения о том, что

постоянное прокламирование внешней угрозы является одной из мер внутренней политики, имеющей целью отвлечь внимание населения, вполне резонны, но все же основным стимулом в деле развития вооруженных сил СССР является страх перед интервенцией».

Касахара правильно подметил основные положения в развитии вооруженных сил страны. После первой военной тревоги 1926—1927 годов, когда стало ясно, что воевать нечем (современной авиации и современных танковых войск не было), все усилия в пятилетнем плане были направлены на то, чтобы создать техническую базу для отпора возможной агрессии.

После анализа развития военно-воздушных сил и бронетанковых войск СССР Касахара приходит к выводу: «Не подлежит никакому сомнению, что Советский Союз в дальнейшем, по мере развития экономической мощи и роста вооруженных сил, начнет переходить от принципа пассивной обороны к агрессивной политике». Вывод, надо признать, если подходить объективно к истории страны, был правильным. В 1939—1940 годах, когда военная мощь многократно возросла по сравнению с 1931 годом, внешняя политика стала жесткой и агрессивной. Судьба прибалтийских республик, Польши, Финляндии и Бессарабии – наглядный пример такой политики. Но это в будущем, а в 1931-м обстановка была другой.

Японский разведчик с дипломатическим паспортом дает свою оценку в дальневосточном регионе: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом». Именно этот абзац

был подчеркнут Сталиным, когда он внимательно читал доклад. Касахара предлагал воспользоваться подходящим моментом и попробовать добиться своих целей мирным путем. Очевидно, он имел в виду покупку, в первую очередь Приморья, за умеренную плату: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же, паче чаяния, возникнет война, то она не представит для нас затруднений». И в будущем подобные предложения о покупке чужих земель появлялись на страницах японской прессы, когда предлагали купить у Советского Союза северную часть Сахалина также по умеренной цене. Конечно, текст доклада не предназначался для Сталина, и автору в страшном сне не могло присниться то, что он с ним ознакомится. Поэтому можно только представлять, что чувствовал руководитель, а к тому времени и диктатор огромной страны, читая эти строки. На полях против них появилось его замечание: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотнем всякое издевательство?» Предложение Касахара о «покупке», подкрепленное штыками армии и орудийными стволами флота, сильно задело Сталина. Автор просмотрел в архиве несколько сот страниц информации, которые легли на стол Сталина, но больше нигде не встречал такой эмоциональной оценки.

Как оценивать подобный доклад с точки зрения истории? Любой военный атташе – разведчик и сотрудник генштаба. И его предложение, в данном случае воспользоваться благоприятной обстановкой и начать войну, в какой-то мере выражало точку зрения руководства генштаба. Японский офицерский корпус всегда был агрессивно настроен по отношению к северному соседу. А после неудачной интервенции, когда пришлось, ничего не добившись, с позором

возвращаться на острова и подсчитывать потери и убытки, эта агрессивность вспыхнула с новой силой. Интервенция на советском Дальнем Востоке была первым поражением японской армии с момента ее создания. И офицеры армии, и в первую очередь офицеры генштаба и Квантунской армии, горели желанием взять реванш, выбрав удобный момент. Военному атташе казалось, что удобный момент наступил, и он откровенно высказал свое мнение в докладе. Высказывать мнение о положении в стране пребывания было его прямой обязанностью. Подобные оценки давали военные атташе многих стран. И если исследователи когда-нибудь доберутся до докладов советских военных атташе начальнику Генштаба или наркому, то там тоже можно будет найти много весьма откровенных высказываний. Так что Касахара был не одинок, и нельзя судить его слишком строго за высказанные пожелания. Тем более что в 1931-м это были только пожелания, и до их практического осуществления должны были пройти годы и годы тяжелого труда по увеличению и усилению японской армии. Выражаясь современным языком, доклад был чем-то вроде протокола о намерениях – не более. Но это теперешние оценки, а тогда подобные высказывания оценивались по-другому.

История с двумя документами, добытыми разведкой, имела и продолжение. В январе 1932-го во влиятельной японской газете «Ници-ници» появилась серия статей под общей шапкой «Оборона японской империи». Автором был генерал-лейтенант Хата, советник военного министерства Японии. Зимой 1931-го начались первые мероприятия по усилению ОКДВА. На Дальний Восток потянулись воинские эшелоны, и это сразу же было замечено агентурой японской разведки. Поэтому в статьях Хата появились фразы о том, что «СССР обладает достаточной мощностью, чтобы протянуть руку на

Восток» и произойдет «усиление военной активности» СССР после выполнения первой пятилетки. Основным вывод генерал-лейтенанта: «Совершенно бесспорно то обстоятельство, что СССР является крупной угрозой для Японии с точки зрения национальной обороны». Информация об этих статьях поступила в Москву от корреспондента ТАСС в Токио в начале января 1932 года.

Прогноз в этих статьях был определен правильно. Начиная с 1932 года дальневосточная группировка советских войск усиливалась значительно быстрее, чем группировка Квантунской армии. В результате выполнения первой и особенно второй пятилетки Советский Союз стал обладать достаточной мощностью, чтобы протянуть руку на Восток. В соревновании «кто кого» империя проиграла. В итоге к 1937 году советские войска на Дальнем Востоке превосходили Квантунскую армию в полтора раза при абсолютном превосходстве в средствах подавления: артиллерии, авиации и танках. Поэтому вывод статьи о том, что СССР является крупной угрозой для Маньчжурии, но не для японских островов, был правильным. Но в 1931-м статьи вызвали недовольство в Москве. Конечно, Хата был не одинок в своих выступлениях. В Японии хватало и других авторов, которые на страницах газет и журналов выступали с тех же позиций. Но Хата был крупным военным чиновником и поэтому в Москве решили сделать ответный ход.

4 марта 1932 года в советском официозе – газете «Известия» была опубликована передовая статья «Советский Союз и Япония». В статье стандартные фразы о миролюбии Страны Советов, о росте японских провокаций. В качестве антисоветской интриги было представлено заявление представителя японского МИДа о неизбежности военного столкновения между Советским Союзом и Японией. Статья отмечала рост

агрессивных намерений японских милитаристских кругов и предостерегала любителей военных авантур, заявляя: «Советское правительство вело, ведет и будет вести твердую политику мира и невмешательства в происходящие в Китае события...» Это была бы обычная передовица, в которой говорилось о миролюбии, если бы не одно обстоятельство.

Для доказательства агрессивной политики Японии в Маньчжурии в статье цитировались два документа. Именно те два документа, которые были добыты политической разведкой и легли на стол Сталина. Оба абзаца, отмеченные генсеком, полностью вошли в статью. Резюме посла было опубликовано полностью. Конечно, отрывки из японских документов попали в редакцию газеты из сталинского кабинета и именно он решал, что надо напечатать в «Известиях». Такая публикация, когда в официозе ссылались не на японских авторов, выражавших собственное мнение, а на документы, появилась в советской печати впервые. И она явилась поводом для дипломатического демарша с японской стороны.

На следующий день состоялась беседа заместителя Наркома иностранных дел Карахана и посла Японии Хирота. Содержание беседы в советских газетах тогда не публиковалось. Этот дипломатический документ был опубликован только в 1969 году в очередном 15-м томе Документов внешней политики. Беседа в основном касалась положения на КВЖД, но говорили и о статье в «Известиях». Посол попал в пикантное положение. Он отлично помнил содержание своего предложения начальнику генштаба и, конечно, узнал текст, опубликованный в передовице. И в то же время ему приходилось делать вид, что к этому тексту он отношения не имеет. Вот выдержка из записи беседы:

«**Хирота.** Вчера в официальной газете опубликована статья, в которой сказано, что советская сторона

располагает документами, которые касаются разных серьезных вопросов. Посол сожалеет, что создается атмосфера, которая волнует общественное мнение, нужно устранить такую атмосферу.

Карахан. Неверно, что дело в статье. Статья «Известий» является ответом, отражением фактов, уже в течение месяцев создаваемых в Маньчжурии, среди белых, у корейской границы. А документы, приведенные в статье, также написаны раньше самой статьи. Так что неправильно искать источник «атмосферы» в самой статье. А если Вы вспомните серию статей Хата, выступления Кухара и ряд других агрессивных выступлений японских деятелей, Вы согласитесь, что вредную атмосферу создают с японской стороны.

Хирота. Да, но у нас опубликовывают только личные мнения, а у вас перевозят войска.

Карахан. Мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны – это факт. И это совершенно естественно после всех фактов последних месяцев усиления агрессивной деятельности белогвардейцев против СССР, многочисленных агрессивных против СССР выступлений японских деятелей, когда рядом у границ СССР происходят факты, о которых Вы знаете лучше меня. Вы должны согласиться, что позиция, занятая статьей «Известий», совершенно правильна. Мне казалось, что вы должны были отнестись с полным и искренним уважением к мнению, высказанному в этой статье.

Хирота. ... в статье вашей газеты есть документы, из которых видно, что японская сторона имела заднюю мысль и придерживается агрессивной политики и что Япония имеет намерения вмешиваться в дела СССР.

Если это случилось, значит японский дипломат, находящийся в СССР, не разъяснил энергичным образом, что у Японии нет никакого намерения

вмешаться в дела СССР. Надо создавшуюся атмосферу очистить.

Я жалею больше всего о том, что в статье «Известий» пишут, что располагают документами, в которых некоторые отдельные лица пишут о том, чтобы как можно скорее начать войну против СССР.

Опираясь на такое мнение частных лиц, СССР перебрасывает свои войска. С одной стороны, мнение частных лиц, а с другой – войска.

Карахан. Во-первых, газета пишет, что это мнение очень ответственных людей, так что с ними надо серьезно считаться. Во-вторых, если мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны, это не нарушает наших обязательств по существующим договорам. В-третьих, я не думаю, чтобы в Японии это усиление наших гарнизонов могло бы возбудить какие-либо вопросы, когда известно, что японские войска находятся за пределами своей территории и на КВЖД и у советско-корейской границы...

Хирота. Меня беспокоит статья «Известий». У советской стороны есть документ, который дал основание для отправки войск. Это создает атмосферу нехорошую».

Конечно, Карахан как первый зам. Литвинова знал многое. И содержание японских документов, и их авторы ему были известны. Сказать Хирота, что он автор одного из документов, заместитель наркома не мог. И два дипломата соревновались друг с другом. Японский дипломат делал все, чтобы не выдать своего авторства. Советский дипломат, видя что тот нагло врет, должен был делать вид, что не догадывается об этом. Старое правило: «язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли» действовало в полной мере.

Хирота сделал блестящую карьеру. Он был министром иностранных дел и некоторое время

премьером. После войны вместе с другими японскими военными преступниками сел на скамью подсудимых. Судил его Международный трибунал для Дальнего Востока. И во время суда опять появились эти же документы. Их фотокопии были представлены трибуналу советским обвинением. И Хирота, и выступавший в качестве свидетеля Касахара признали их подлинность. Советский обвинитель Голунский в своем выступлении в октябре 1946 года дал такую оценку этому документу: «В первой половине 1931 года, когда еще только разрабатывался план захвата Маньчжурии и подготавливалось его осуществление, японским генштабом был командирован в Европу генерал-майор Харада. Есть все основания предполагать, что одной из главных целей его командировки было изучение ситуации в Европе в связи с проводившейся в то время подготовкой к активизации японской агрессивной политики. Из записи беседы (Харада – Хирота) можно убедиться в том, что еще летом 1931 года вопрос о нападении на СССР стоял в повестке дня не только у руководителей японской военщины, но и у японских дипломатов. Этим документом мы докажем, что японское правительство и генштаб точно знали от своих официальных представителей в Москве, что Японии со стороны СССР ничего не угрожает и, следовательно, все разговоры об обороне являлись только маскировкой, замышлявшей агрессию».

В заключительной речи обвинения упоминается также резюме беседы Хирота и дается его оценка: «Большое значение при разработке в Токио планов войны против СССР, несомненно, имела информация, исходившая от японского посла и от японского военного атташе в Москве. Подсудимый Хирота в бытность его японским послом в Москве в 1931 году передал начальнику генштаба свои предложения: „...

придерживаться твердой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с Советским Союзом в любой момент, когда это понадобится. Целью, однако, является не столько защита против коммунизма, сколько захват Дальнего Востока и Сибири». Здесь Хирота с полной откровенностью высказал суть агрессивной политики, которая проводилась Японией в то время и в последующие годы и руководителем которой он сам был впоследствии на протяжении нескольких лет, являясь премьером и министром иностранных дел».

И, наконец, об этом же документе говорится и в приговоре трибунала: «Когда в 1924 году Окава впервые предложил планы территориальной экспансии, он агитировал за оккупацию Сибири. Хирота, бывший послом в Москве в 1931 году, придерживался того же мнения. Он выразил тогда ту точку зрения, что независимо от того, намеревается ли Япония нападать на СССР или нет, она должна проводить твердую политику в отношении этой страны и быть в любое время готовой к войне. Основной целью подобной готовности являлось, по его мнению, не столько оборона против коммунизма, сколько завоевание Восточной Сибири». Да, дорого обошлось Хирота мнение, высказанное начальнику генштаба, добытое разведкой и отмеченное Сталиным.

И вот за несколько месяцев до начала агрессии, в июле 1931 года, Высший военный совет империи рассматривает и утверждает проект реорганизации армии, основной целью которого являлось оснащение войск новейшей военной техникой и расширение производственных мощностей военной промышленности. Реорганизация армии, согласно этому проекту, была рассчитана на семь лет (1932—1938), но в Токио торопились и реорганизацию начали уже в 1931 году, ведя ее усиленными темпами. Основное внимание

уделялось усилению военно-воздушных сил и противовоздушной обороны, а также механизации и моторизации армии на основе производства современной техники.

К июлю 1931 года в штабе Квантунской армии была завершена разработка плана оккупации Маньчжурии. План был направлен в генштаб и в том же месяце утвержден его начальником. После проведения целого ряда совещаний с дипломатами и представителями монополий армейское командование приступило к практическому воплощению этого плана в жизнь.

Закончился первый этап планировавшейся японской агрессии, выразившийся в подготовке к захвату плацдарма на континенте. Интересно отметить, что в приговоре Токийского трибунала, этом итоговом документе тщательной трехлетней работы юристов многих стран, было зафиксировано, что «военные планы японского генштаба с начала рассматриваемого периода (с 1928 года) предусматривали в качестве первого мероприятия оккупацию Маньчжурии. В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против СССР».

В состав Квантунской армии перед вторжением входила 2-я пехотная дивизия и шесть отдельных батальонов охранных войск ЮМЖД. Пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки дивизии были расквартированы в крупнейших городах южной Маньчжурии. Общая численность армии составляла около 15 тысяч человек. По плану, разработанному штабом Квантунской армии, проведение операции возлагалось именно на эти части. Мобилизация дивизий, расположенных на островах, и их переброска на континент не предусматривались. И хотя китайские войска, дислоцировавшиеся в Маньчжурии, обладали

огромным численным превосходством, в штабе Квантунской армии не сомневались в победе. На всякий случай в боевую готовность были приведены части 19-й и 20-й пехотных дивизий, расположенных в Корее, а в метрополии были подготовлены к отправке одна дивизия и одна пехотная бригада.

Согласно расчетам, сделанным в Токио, войну нужно было закончить в кратчайший срок, используя раздробленность китайских вооруженных сил в Маньчжурии. Все операции должны были освещаться в прессе только как карательные экспедиции, употреблять слово «война» на страницах газет запрещалось. И японскому народу, и мировому общественному мнению все боевые действия преподносились только как инцидент, имеющий чисто внутренний характер. Подобная трактовка событий должна была устранить повод для вмешательства в войну других государств. Особое значение придавалось тому, чтобы привлечь на свою сторону отдельных китайских генералов с их армиями и натравить их друг на друга. Первым этапом плана предусматривался захват китайских городов, расположенных на трассе ЮМЖД. После этого, если ни Лига Наций, ни США не вмешаются в конфликт, должен был последовать захват остальной территории Маньчжурии.

Японская военщина тщательно готовилась к захвату Маньчжурии, сохраняя свои приготовления в глубокой тайне. И все-таки на страницах газет иногда появлялись тревожные, как предвестники бури, сообщения.

5 сентября 1931 года корреспондент ТАСС сообщил из Токио, что японские газеты в течение последнего времени поднимают большой шум вокруг убийства во Внутренней Монголии капитана японского генштаба Накамура. По их сообщениям, капитан совместно с двумя спутниками занимался исследованием

Хинганского хребта и был убит китайскими солдатами. В кругах военного министерства, как сообщили те же японские газеты, открыто говорят о необходимости в ответ на убийство Накамура оккупировать часть маньчжурской территории.

7 сентября в Москву из Шанхая поступает короткое сообщение корреспондента ТАСС, которое не оставляет сомнений в том, как развернутся события в ближайшие дни: «Как сообщают из Маньчжурии, мукденские правительственные круги (правительство Маньчжурии. – Е. Г.) встревожены увеличением японских гарнизонов в Корее и Маньчжурии на одну дивизию и организацией около Дайрена военно-воздушной базы. Мукденские китайские газеты расценивают эти мероприятия как переход японской политики на путь вооруженного захвата Маньчжурии».

Глава вторая.
1931 - 1935 годы. Прыжок на
континент

Захват Маньчжурии

К 17 сентября все части Квантунской армии, расквартированные на Ляодунском полуострове и в городах Южной Маньчжурии, были приведены в полную боевую готовность. В этот же день приказ о приведении в боевую готовность корейской группы войск японской армии получил из Токио генерал-губернатор Кореи Угаки.

Повод для разжигания конфликта был найден с помощью японских диверсантов. Они заложили взрывчатку в вагон одного из поездов на ЮМЖД и взорвали его в ночь на 19 сентября, когда он находился в пути севернее Мукдена. Состав сошел с рельсов, что для японского командования оказалось достаточным, чтобы отдать приказ о начале военных действий. Дальше события развивались согласно разработанному плану. В 8. 20 утра 19 сентября на месте взрыва две роты японских солдат, вышедшие на полотно железной дороги, были обстреляны китайской полицейской охраной. Они ответили огнем и сбили охрану с дороги. В 9. 00 в Мукдене на казармы китайских войск и на китайский военный аэродром обрушились тяжелые снаряды японских морских орудий. На сонных китайских солдат рушились перекрытия и стены. На аэродроме горели самолеты и ангары. Китайские войска и охранная полиция, а их общая численность составляла около 10 тысяч человек, не выдержали артиллерийского огня и разбежались, а китайские летчики покинули аэродром. И хотя японских солдат было всего лишь около 500, они заняли основные военные объекты Мукдена и центральные кварталы города.

Через полчаса после «разрушения» пути около Мукдена командир японского гарнизона в Чанчуне, втором по величине городе Маньчжурии, «почувствовал» угрозу своим войскам со стороны китайского гарнизона города, мирно спавшего в своих казармах. Он приказал начать выступление японских частей в 3 часа ночи 19 сентября. Однако на этот раз японские расчеты не оправдались. Китайские солдаты по собственной инициативе, не дожидаясь приказов командиров, оказали японским войскам упорное сопротивление и заставили их отступить на исходные позиции. Вскоре под прикрытием артиллерийского огня японские части вновь перешли в наступление и лишь к середине дня город был ими захвачен. Потери японских войск составили в Чанчуне около 400 человек убитыми и ранеными.

К вечеру 20 сентября все крупные города к северу от Мукдена до реки Сунгари были захвачены японскими войсками. Китайские части в беспорядке отступили на северный берег реки. Операция была проведена молниеносно, и это еще раз указывало на то, что план агрессии был разработан заранее и во всех деталях. После войны, когда стали известны многие документы, выяснилось, что по плану, разработанному в генштабе, завершением первого этапа боевых действий являлся выход японских войск на рубеж Сунгари. Дальнейшие операции в Северной Маньчжурии планировалось провести позднее, когда будет ясна реакция китайского правительства, а также Англии, Франции, США и Германии по поводу захвата Японией Южной Маньчжурии.

Что же произошло в это время в столице островной империи? Узнав о начале агрессии, премьер-министр Японии Вакацуки, занимавший более сдержанную позицию во внешней политике страны, почтительно испросив аудиенцию у «сына неба», изложил ему

позицию правительства. Премьер-министр предлагал прекратить агрессию и вернуть войска на Ляодунский полуостров. Вразумительного ответа от императора не последовало. Тогда Вакацуки пришлось обратиться к военному министру генералу Минами, которому подчинялись генштаб и командующий Квантунской армии и который имел право дать приказ о прекращении наступления и отводе войск. Но генерал ответил премьеру, что «отступление не в традициях японских воинов». Приказ об отводе войск может оказать отрицательное моральное воздействие на японских солдат, и поэтому речь может идти только о продолжении наступательных операций в Северной Маньчжурии. Чтобы успокоить премьера, генерал заявил, что «операции в Маньчжурии предприняты не только в целях защиты жизни и интересов японских граждан и их собственности в этом районе, но и в целях создания барьера на пути распространения коммунизма, в целях предотвращения советской угрозы интересам Японии и других великих держав в Китае». Пугалом антисоветской угрозы размахивали в Токио еще в 1931 году, когда для такой угрозы не было никаких оснований.

Первые сообщения о событиях в Маньчжурии поступили в Москву из Шанхая, Токио и других городов днем 19 сентября. Сообщения были тревожные: боевые действия частей Квантунской армии начались в непосредственной близости от КВЖД. Все это не могло не беспокоить руководство Наркоминдела, и в тот же день в девять часов вечера японский посол Хирота был приглашен к заместителю наркома Карахану.

Карахан сообщил послу о занятии японскими войсками Мукдена и боях в Маньчжурии и поинтересовался, имеется ли у него какая-либо информация на этот счет. Никакой серьезной информации у японского дипломата не оказалось. Он

лишь сказал, что в единственной телеграмме, полученной посольством, сообщалось, что в Мукдене никакого сражения не было и там «все благополучно». Заместитель наркома ответил послу, что его информация значительно более скудна, чем та, которой уже располагают в Москве. Хирота было заявлено, что событиям в Мукдене советской стороной придается самое серьезное значение, и от имени правительства СССР его попросили дать разъяснения в связи с тревожными событиями в Маньчжурии.

Но никаких разъяснений со стороны японского посольства не последовало. 22 сентября Хирота был приглашен уже к наркому иностранных дел Литвинову, но и на этой встрече он утверждал, что никакого ответа из Токио якобы до сих пор не получал. И лишь 25 сентября, во время новой встречи с Литвиновым, о которой попросил наркома сам посол, Хирота сообщил, что получил от своего правительства информацию о положении в Маньчжурии.

Согласно его словам, японское правительство приняло первоначальное решение о нерасширении военных действий и японские войска в настоящее время оттянуты в зону ЮМЖД. Их численность составляет 14 400 человек. Японские части первоначально были двинуты в маньчжурскую провинцию Гирин, но позднее большая часть их была оттянута в Чанчунь, в район ЮМЖД. Японский посол заявил, что в Мукдене и других местах нет военной оккупации и в них функционирует старое управление. Что касается слухов о посылке Японией войск в Харбин, то такие слухи вздорны. Посол заверил наркома иностранных дел, что у Советского правительства не должно быть поводов для беспокойства, так как положение постепенно смягчается.

Эта информация явно не соответствовала действительности, и японского дипломата можно было

уличить во лжи. Но поскольку это было официальное заявление, то оно было принято советской стороной к сведению.

13 октября 1931 года правителю Маньчжурии Чжан Сюэ-ляну командованием Квантунской армии был предъявлен ультиматум, совершенно неприемлемый для китайской стороны. Япония требовала организации в Маньчжурии и Внутренней Монголии «независимого» правительства, перехода всех китайских железных дорог в Маньчжурии под полный контроль концерна ЮМЖД, передачи в полное распоряжение Японии крупнейших городов Маньчжурии, запрещения китайским войскам находиться в Мукдене и Гирине. Японские войска, получив подкрепление из Кореи, стремились продвинуться к северу, ведя наступление вдоль трассы ЮМЖД. После первоначальных успехов штаб Квантунской армии спланировал Цицикарскую операцию. Цицикар был крупным экономическим центром Северной Маньчжурии и находился на стыке важнейших оперативных направлений. Его захват давал возможность японским войскам перерезать трассу КВЖД и продвигаться вдоль железной дороги к советским границам в северо-западном и юго-восточном направлениях.

К концу октября почти вся Южная Маньчжурия была захвачена японскими войсками. К этому времени уже стало ясно, что никакого вмешательства в японо-китайские дела со стороны других империалистических стран не предвидится и Япония могла действовать совершенно свободно, не опасаясь никаких последствий. На заседаниях Лиги Наций велись бесконечные дискуссии, навязанные Японией о ее праве вести карательные операции для обеспечения «безопасности японских граждан», и конца этим дискуссиям не было видно. США, видя, что их экономическим интересам в Китае ничего не угрожает и

что острое японской агрессии направлено на Север против советских дальневосточных границ, также не вмешивались в маньчжурские события. В Вашингтоне ничего не имели против того, чтобы войска Квантунской армии продвигались на север подальше от сфер влияния США в Центральном Китае.

Интересно мнение американского посланника в Китае Джонсона. В своем донесении в Вашингтон, датированном 13 января 1932 года, он писал: «Я все больше и больше убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских. Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным». Учитывая международную обстановку, правительство Японии, чтобы развязать себе руки для дальнейшей агрессии на Азиатском континенте, демонстративно вышло из Лиги Наций в марте 1933 года.

Нейтральную позицию заняло и нанкинское правительство Чан Кайши. Чжан Сюэ-лян, рассчитывая вести с ним борьбу за власть, отдал приказ своим войскам отойти в Северный Китай, и они фактически не оказывали сопротивления японским частям. Международная обстановка давала возможность японской военщине расширять агрессию в северном направлении, не опасаясь большой войны, к которой Япония еще не была готова. К этому времени части Квантунской армии были усилены двумя пехотными дивизиями. В южноманьчжурских портах разгружались транспорты с танками, самолетами, орудиями и другой военной техникой.

Для того чтобы начать наступление на Цицикар, нужен был предлог, который выглядел бы солидно в

глазах мирового общественного мнения. Поступили просто. Купили за юани или иены, сейчас этого уже не установить, «генерала» Чжан Хай-пяна, обосновавшегося в городе Таонань. Организовав на японские деньги «армию» в 6 тысяч человек, он двинул ее на Цицикар, который обороняли китайские части под командованием генерала Ма. В коротком бою воинство «генерала» было разбито и отброшено от города, но во время боев были взорваны три моста на железной дороге Таонань – Цицикар. Дорога принадлежала японцам, и повод для нового наступления был вполне подходящим. Если из-за одного взрыва на железной дороге захватили всю Южную Маньчжурию, то из-за трех взорванных мостов можно было, по мнению японского командования, захватить такой город, как Цицикар. Тем более что части генерала Ма вели оборонительные работы вокруг Цицикара, а это «угрожало безопасности японской армии». Задача уничтожения китайских частей не ставилась, чтобы иметь в дальнейшем предлог для их преследования и движения японских войск на север к советским границам.

В состав группировки по захвату Цицикара входило около 10 тысяч солдат и офицеров, легкие и тяжелые орудия, бронемашины, танки, бронепоезда, самолеты. И хотя ее численный состав уступал армии генерала Ма, она значительно превосходила ее в боевой технике. Наступление на Цицикар началось 2 ноября и закончилось 19 ноября вступлением японских войск в город. В результате японские передовые отряды вышли на КВЖД, получив возможность продвигаться вдоль этой железнодорожной магистрали на северо-запад и юго-восток к границам Советского Союза.

Следующей целью японской агрессии в Маньчжурии был захват Харбина, которому командование Квантунской армии придавало исключительно важное

значение. Этот крупнейший политический и экономический центр Северной Маньчжурии насчитывал в то время около 400 тысяч жителей. Он был расположен на берегу судоходной Сунгари и являлся крупным речным портом и железнодорожным центром на стыке КВЖД, ЮМЖД и Хухайской железной дороги, идущей к Благовещенску.

При разработке плана захвата Харбина японское командование полностью использовало цицикарский опыт. Осуществить этот план должны были все та же 2-я пехотная дивизия и приданные ей для усиления технические части, которые и овладели Цицикаром. К 3 февраля 1932 года, переброшенные на автомобилях из Чанчуня, они вышли на исходные позиции южнее Харбина. А утром 4 февраля 74 японских орудия, сосредоточенные на трехкилометровом участке прорыва передовых позиций противника, открыли огонь по китайским войскам. Их поддержали два бронепоезда, а с воздуха бомбардировку проводили 36 самолетов. Под прикрытием артиллерийского огня 26 танков и бронемашин перешли в атаку вместе с японской пехотой. На следующий день началась артиллерийская подготовка, бомбардировка и штурм главной линии обороны Харбина. Днем 5 февраля японские части полностью овладели городом.

После падения Харбина японское командование начало проводить Хинганскую операцию, основная цель которой заключалась в захвате западной ветки КВЖД от Цицикара до пограничной станции Маньчжурия, перевалов через Большой Хинган и выхода к забайкальским границам страны.

К осени 1932 года почти вся территория трех северо-восточных провинций Китая была захвачена японскими войсками. А еще в начале этого года, 18 февраля, была провозглашена независимость нового государства Маньчжоу-Го, в состав которого вошли

провинции Маньчжурии. Под руководством японских советников было создано правительство этого «независимого» государства, во главе которого был поставлен марионеточный император Пу И, вывезенный из Китая японской разведкой. На территории нового государства при помощи японских штыков, террора и насилия удалось достигнуть «умиротворения». Японские монополии начали «освоение» этой огромной территории, где они чувствовали себя полными хозяевами. Основные силы правителя Маньчжурии Чжан Сюэ-ляна отошли, не оказывая серьезного сопротивления, в провинцию Жэхэ. Только в двух районах на участках КВЖД, примыкавших к Забайкалью и Приморью, китайские части продолжали оказывать вооруженное сопротивление продвигавшимся к советским границам частям Квантунской армии.

В августе 1932 года правительством Пу И было объявлено, что китайская провинция Жэхэ является частью государства Маньчжоу-Го и что пребывание там китайских войск следует рассматривать как «нарушение суверенитета» этого государства. Подобные утверждения поддерживались и поощрялись в штабе Квантунской армии. Новый командующий армией генерал Муту, сменивший «героя» оккупации Маньчжурии генерала Хондзио, заявил: «Провинция Жэхэ должна быть подчинена Маньчжоу-Го путем ли соглашения с китайским правительством, путем ли вооруженной силы». Но новый район нужно было завоевать, а свободных сил для этого в 1932 году не было. Все части Квантунской армии были заняты проведением операций против китайских войск в Маньчжурии и только к 1933 году, когда были разгромлены все антияпонские генеральские «армии», часть сил Квантунской армии удалось перебросить к границам провинции Жэхэ.

Основная задача, которую ставило командование Квантунской армии перед частями, действовавшими в Жэхэ, – разгромить находившиеся в провинции «армии» китайских генералов и уничтожить партизанские отряды. Захват и присоединение к Маньчжоу-Го Жэхэ позволяли частям Квантунской армии выйти на подступы к Северному Китаю и Чахару и продолжать дальнейшую агрессию как против Китая, так и против МНР, охватывая границы республики с юго-запада.

20 февраля 1933 года японское наступление на провинцию Жэхэ началось. Китайские войска почти не оказывали сопротивления. Некоторые части отходили под натиском превосходящих японских сил, другие переходили на сторону японской армии вместе со своими командирами. Партизанские отряды после налетов японской авиации и первых же встречных боев или отходили на запад, или рассеивались по деревням. К 6 марта столица провинции город Чэндэ и основные административные центры были захвачены японскими войсками. Китайские части отошли за Великую китайскую стену и в провинцию Чахар.

После оккупации Жэхэ японские части начали продвигаться в провинцию Хэбэй. К концу мая 1933 года передовые японские части подошли к Пекину и Тяньцзиню. Однако силы Квантунской армии тоже были измотаны в непрерывных боях. В этой обстановке правительство Японии согласилось на мирные переговоры с правительством Чан Кайши. 31 мая 1933 года было подписано соглашение о перемирии. Китайское правительство признавало японский контроль над северо-восточными провинциями и частью северного Китая. Подписанием этого перемирия завершился первый этап японской агрессии на Азиатском континенте.

В столице империи

В 1932 году, когда части японской армии продвигались к дальневосточным границам Советского Союза, в генштабе островной империи и в штабе Квантунской армии вынимали из сейфов папки с планами нападения на СССР, разработанными еще в конце 1920-х годов. В планы вносились коррективы, изменения и дополнения с учетом выхода японских дивизий к дальневосточным рубежам страны. В портах Японии под погрузкой стояли военные транспорты, с островов на континент для подкрепления Квантунской армии перебрасывались танки, самолеты, орудия, боеприпасы. Началось формирование нескольких новых дивизий для отправки в Маньчжурию. Япония усиленно готовилась. Чтобы удержать проглоченный кусок Китая и подготовиться к новой агрессии на континенте, нужны были солидные силы. Квантунская армия была слаба для этого, и требовалось значительно усилить и ее численность, и техническое оснащение ее частей.

Но если в штабах только еще готовились к войне, то на страницах японских журналов и газет уже воевали. Журналисты, промышленники, высокопоставленные чины военного министерства выступали с воинственными статьями, призывая к походу на Север и расписывая подробности военного конфликта. Даже некоторые дипломаты, которым по роду их деятельности была положена сдержанность в высказываниях и суждениях, не отставали от других на этом неблагоприятном поприще.

Антисоветская кампания в японской печати проводилась в марте – мае 1932 года и была связана с японскими провокациями на КВЖД и мерами, предпринятыми Советским правительством по

укреплению дальневосточных границ страны. Затем в конце этого года она была продолжена в связи с восстановлением дипломатических отношений между Китаем и СССР. «Грядущая война с СССР», «Угроза со стороны СССР» – подобных заголовков было достаточно на страницах влиятельных японских газет. 16 и 17 июня в газете «Буесю симбун» была опубликована статья Окала Мукус «Неизбежность японо-советской войны» с подзаголовком: «Выгодно воевать скорее». С 28 июня по 7 июля влиятельная «Токио майнити» предоставила свои страницы Накояма Сиро, который выступил с большой статьей «Грядущая война с СССР и тихоокеанская война», выдвигая тезис о «вечной неизбежности войны с СССР». В ряде номеров газеты «Нихон» в мае 1932 года печаталась статья Камэити «Война с Америкой или СССР?».

26 и 27 июля 1932 года газета «Джапан адвертайзер» опубликовала статью военного министра генерала Араки «О задачах Японии». Развивая идеи меморандума Танака, Араки писал о необходимости распространения «японской национальной морали» не только в Азии, но и во всем мире любыми средствами и даже путем войны. Большим препятствием на этом пути он считал Внешнюю Монголию, то есть МНР, а также Восточную Сибирь. Подобное высказывание члена кабинета воспринималось как призыв к войне с СССР и вызвало дипломатический демарш со стороны полпреда Советского Союза в Японии Трояновского. 27 июля он посетил японского министра иностранных дел Утида и обратил его внимание на эту статью.

В конце 1932 года в советском полпредстве в Берлине хорошо информированный американский журналист Никербокер заявил во время беседы с руководителем отдела печати полпредства об убеждении американского правительства, что Япония сначала совершит нападение на СССР с целью захвата

советского Дальнего Востока и укрепления своего тыла и только после этого начнет подготавливаемую ею грандиозную битву с США за Тихий океан. Советский полпред в Англии Майский в своем донесении в НКВД от 10 марта 1933 года отмечал, что, по мнению английских консервативных кругов, захват Японией Маньчжурии может привести к войне между СССР и Японией, а это было бы «настоящим благодеянием истории». Так думали в Лондоне.

26 мая 1932 года к власти в Токио пришел кабинет Сайто. У нового премьер-министра не было разногласий с полковниками и генералами из штаба Квантунской армии. Поэтому новый кабинет принял политику армии в отношении только что созданного государства Маньчжоу-Го и решил осуществлять под руководством Японии экономическое развитие этой «страны». Однако сразу признавать независимость своей марионетки было опасно, так как следовало учитывать возможную негативную реакцию крупнейших мировых держав. Но уже в сентябре 1932 года Тайный совет Японии принял решение о том, что не следует опасаться международных последствий, которые может вызвать такой шаг. С одобрения Тайного совета между Японией и правительством Маньчжоу-Го было заключено соглашение, которое, как отмечалось в приговоре Токийского трибунала, считалось целесообразной мерой, обеспечивавшей расширение сферы японского влияния на континенте.

В июле 1933 года губернаторы японских префектур на одном из совещаний внимательно слушали выступление военного министра генерала Араки. Речь была чрезвычайно важной. Министр, выражавший взгляды наиболее агрессивных и экспансионистских кругов армии, развивал перед губернаторами внешнеполитическую программу японской военщины. Высказав намерение осуществить вооруженное

завоевание Японией Восточной Азии, не забыл оратор и своего дальневосточного соседа. «Япония должна неизбежно столкнуться с СССР, – заявил он. – Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военных методов территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

В этой речи Араки высказался также по вопросу о так называемой «национальной обороне», осуществление которой позднее стало основным принципом экспансионистской внешней политики Японии. По словам генерала, национальная оборона не должна ограничиваться обороной самой Японии, она должна включать в себя завоевание других стран путем применения вооруженной силы.

Но генерал не ограничивался одними только выступлениями на официальных совещаниях. В том же году в своей статье «Миссия Японии в эру Сёва» он призывал к оккупации Внешней Монголии, как тогда называли в иностранной прессе МНР. Он заявил, что «Япония не желает, чтобы такой неопределенный район, как Монголия, существовал около сферы ее влияния. Монголия обязательно должна быть Монголией Востока». В беседе с корреспондентом газеты «Геральд трибюн» 28 августа 1933 года Араки угрожал нашей стране «ударом со стороны Японии». Последовал ли новый дипломатический демарш со стороны советского полпреда или он махнул рукой на очередное выступление воинственного генерала – неизвестно.

Английский военный атташе в Токио Джеймс в своей записке в Лондон, датированной 21 октября 1933 года, отмечал, что военные круги, которые представляет Араки, считают, что лучше «начать войну против России раньше, чем позже». Американский посол в Токио Грю также писал 18 июля 1933 года, что, по его мнению, японская военщина может принять решение «выступить прежде, чем Советская Россия станет сильнее».

Показательно в этом плане донесение в Берлин германского военного атташе в Москве полковника Гартмана после его беседы 20 ноября 1933 года со своим японским коллегой. В донесении полковник отмечал, что, если верить высказываниям японского военного атташе, Япония может начать военные действия против СССР уже весной 1934 года. По его мнению, удар должен был наноситься через Монголию на Иркутск, то есть в обход группировки советских войск, сосредоточенной в Забайкалье. В своем следующем донесении от 10 января 1934 года Гартман также указывал на то, что Япония намечает «вооруженное столкновение с Россией» и что японская армия «считает себя достаточно сильной для вооруженного столкновения с Советским Союзом». По его наблюдениям, в Японии господствует убеждение, что «конфликт неизбежен, и затяжка только осложнит положение».

К 1933 году военно-политическое положение Японии значительно изменилось. Обширная территория трех китайских провинций, на которых было создано «независимое» государство, находилась в полном подчинении штаба Квантунской армии. Первая фаза знаменитого меморандума Танака, предусматривавшая захват Маньчжурии, была выполнена. В точном соответствии с основными положениями этого меморандума началось планирование следующих этапов агрессии на континенте. Офицерам генштаба и штаба Квантунской армии уже виделись новые обширные территории, по которым, почти не встречая сопротивления, маршируют солдаты императорской армии.

Очередной вариант уточненного и детализированного плана «ОЦУ» был разработан уже в 1933 году. Для ведения войны против СССР предполагалось сформировать 24 дивизии, оснащенные

новейшей военной техникой. Войну планировалось начать с удара в восточном направлении, чтобы отрезать, а затем захватить советское Приморье. После того как эта операция успешно завершится, ударная группировка японских войск должна была нанести удар в северном направлении, выйти к южному берегу Байкала, перерезать Транссибирскую магистраль и овладеть всем Дальним Востоком.

В 1934 году был разработан новый вариант плана войны. В отличие от предыдущего он предусматривал начало наступления еще до прибытия в Маньчжурию японских дивизий из метрополии. Считалось, что наличных сил Квантунской армии будет достаточно, чтобы начать войну с СССР. В этом варианте плана уже была учтена возможность ведения военных действий одновременно против Советского Союза и Китая. Сил для ведения войны с двумя державами было явно недостаточно, но это не смущало стратегов из генштаба империи. Аппетиты японской военщины росли из года в год.

Для продолжения агрессии необходимо было укрепление маньчжурского плацдарма. И такие работы начались сразу же после завоевания северо-восточных провинций Китая. В первую очередь, следовало значительно увеличить количество казарм в Маньчжурии, чтобы иметь возможность быстро перебросить туда новые дивизии. Для каждой дивизии, развернутой по штатам военного времени, нужен был небольшой городок с казармами для солдат, помещениями для офицерского состава, складами, гаражами, полигонами для боевой подготовки и т. д. А все казарменные помещения в Маньчжурии в 1931 году могли вместить только 100 тысяч человек, и это, конечно, не соответствовало целям дальнейшей японской агрессии.

В результате развернувшегося интенсивного строительства к 1937 году в Маньчжурии можно было уже разместить до 12 усиленных пехотных дивизий численностью от 24 до 29 тысяч человек каждая. Причем половина всех казарм была построена в районах, прилегающих к Приморью, то есть на направлении главного удара по различным вариантам плана «ОЦУ».

Для быстрой переброски на континент необходимого числа дивизий нужно было иметь в Маньчжурии хорошо развитую сеть железных и шоссейных дорог, которые должны были идти от корейских портов и портов южного побережья Маньчжурии в направлении к советским границам. Такое строительство началось сразу же после создания «независимого» государства. Направление построенных железных и шоссейных дорог свидетельствовало о явно агрессивном характере проводимого строительства. Все новые железнодорожные линии, построенные в Маньчжурии в 1932—1937 годах, не имели никакого экономического значения, так как проходили по малонаселенным районам, где не имелось и не строилось никаких промышленных предприятий.

Также интенсивно велось строительство в Маньчжурии аэродромной сети. До оккупации там было только пять аэродромов, в 1936 году их количество увеличилось до 43, а общее количество авиационных объектов – до 150. Построенные объекты превышали потребности Квантунской армии. Большинство из них располагалось у наших границ, и они были рассчитаны на быструю переброску из метрополии крупной авиационной группировки, предназначенной для массированного удара по дальневосточным районам Советского Союза.

Форсированное военное строительство началось в начале 1930-х годов и в Северной Корее, в районах,

прилегающих к советским дальневосточным границам. В середине 1930-х годов во всей Корее могло быть размещено семь пехотных дивизий, в том числе в Северной Корее – пять. Количество аэродромов было увеличено там с 8 до 21. Северная Корея в военном отношении составляла единое целое с маньчжурским плацдармом, а вся военная подготовка в этом районе в 1930-е годы была нацелена на осуществление агрессии против Приморья.

Квантунская армия до агрессии в Маньчжурии имела численность в 10 400 человек, что было строго лимитировано Портсмутским мирным договором, заключенным после русско-японской войны. Но сразу же после начала военных действий на континенте все договорные ограничения были отброшены в сторону. Началось усиление японских вооруженных сил в Маньчжурии. К концу 1931 года численность Квантунской армии была увеличена более чем в шесть раз и составила 65 000 человек. Через год она увеличилась еще в полтора раза, достигнув почти 100 тысяч человек. Затем происходит ее дальнейший рост, и к концу 1934 года в Маньчжурии сосредотачивается 144 тысячи японских солдат и офицеров. Казалось бы, сухие, ничего не значащие цифры. Но если учесть, что, по данным японского генштаба, прозвучавшим на заседаниях Токийского трибунала, общая численность японской армии за этот же период оставалась неизменной и составляла 230 тысяч человек, то цифры заговорят сами за себя. К силам Квантунской армии следует добавить численность японских войск в Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, которые также могли быть использованы против советских дальневосточных границ. В результате на континенте к началу 1935 года против Советского Союза сосредоточились 180 тысяч японских войск, то есть около 80 процентов всей японской армии.

В 1934 году в Маньчжурии находились три пехотные дивизии, одна пехотная и четыре охранные бригады, две кавалерийские бригады, полк связи, железнодорожный, три танковых полка, которые впервые начали формироваться в 1932 году, тяжелые артиллерийские полки, а также различные технические части и подразделения жандармерии. Все войска были укомплектованы по штатам военного времени. Квантунская армия имела на вооружении 300 самолетов современных типов, сведенных в три полка, около 200 танков и 100 бронемашин, 20 бронепоездов и несколько десятков тяжелых полевых орудий. В Северной Корее недалеко от советских границ располагались две пехотные дивизии, в провинции Жэхэ и во Внутренней Монголии – еще две.

В целом на Азиатском континенте в 1934 году находилось семь японских пехотных дивизий, которые, в отличие от дивизий, расквартированных на японских островах, имели численный состав более 20 тысяч человек. Одна японская пехотная дивизия соответствовала по численности стрелковому корпусу Красной Армии. Однако у наших дальневосточных границ в любой момент могли появиться и другие японские части, переброшенные из метрополии. Иностранные военные эксперты подсчитали, что в случае возникновения острой конфликтной ситуации на Дальнем Востоке все 17 японских пехотных дивизий, укомплектованных по штатам военного времени и получивших тяжелое вооружение с маньчжурских складов, могли оказаться у советских дальневосточных границ через три недели после начала переброски. При этом следует учитывать, что огромный советский дальневосточный край, от Байкала до Владивостока, связывала с центральными районами страны одна линия железной дороги.

После начала агрессии в Маньчжурии план реорганизации армии Японии начал осуществляться ускоренными темпами. Авиационные заводы страны работали на полную мощность. С их конвейеров сходили современные по тому времени истребители и бомбардировщики. Только в 1932 году военно-воздушные силы получили 600 новых самолетов. Большинство из них было переправлено в Маньчжурию, где формировались новые авиационные полки. Заработали конвейеры и на японских заводах, выпускавших танки отечественных образцов. В стране увеличивался выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения.

После захвата Маньчжурии начался новый этап подготовки Японией войны против Советского Союза. Это хорошо понимали в коммерческих офисах западных стран. Поэтому предложения военного ведомства Японии о закупке новейшей военной техники встречали там поддержку и полное понимание. Английские военные концерны направили в 1931 году в Японию самых разнообразных вооружений на общую сумму в 216 тысяч фунтов стерлингов, а в 1932 году – на 230 тысяч. Франция и Чехословакия поставляли островной империи танки, тяжелые орудия, пулеметы, винтовки. Германия поставляла взрывчатку. Из США везли через Тихий океан авиамоторы и стрелковое вооружение. В общем, поставляли все, в чем нуждалась империя, надеясь увидеть в скором будущем ее схватку с северным соседом.

Проводившееся усиление Квантунской армии в ее штабе считали все-таки недостаточным. Поэтому там решили сформировать еще собственную армию «независимого» государства, объявив мобилизацию местного населения. Армия Маньчжоу-Го к 1934 году имела уже 26 пехотных и 7 кавалерийских бригад общей численностью около 70 тысяч человек. Японские

офицеры занимали в ней все командные посты. Для вооружения частей использовалась старая японская военная техника. Новейшее вооружение китайским солдатам, насильно мобилизованным под знамена марионеточного императора Пу И, не доверяли. Боеспособность маньчжурских частей, и это было подтверждено во время столкновений на монгольской границе в 1935 и 1936 годах, была очень низкой. Воевать за чуждые им интересы китайские солдаты не хотели.

Японская военная литература начала 1930-х годов имела одну характерную черту, которая отличала ее от военной литературы других стран. Это развязность, хвастовство и пренебрежение к военным возможностям своего будущего противника, которым считался Советский Союз. Во всех изданиях, выходивших в Японии в 1930—1931 годах, война против СССР представлялась как второе издание русско-японской войны 1904—1905 годов. В декабре 1931 года, когда части Квантунской армии, продвигаясь на север к советским границам, заняли Цицикар и перешли линию КВЖД, японский военный писатель Хирота, считавшийся крупным авторитетом в военных делах, выпустил книгу под заголовком «Красная Армия как наш враг». Хвастовства в книге было много, а война против СССР изображалась там как легкая военная прогулка.

В предисловии автор ставил вопрос: «Когда наша армия заняла Цицикар, то со стороны Особой Дальневосточной не последовало никаких действий. Быть может, Красная Армия уже знает, что ей ничего не добиться в борьбе с японской армией?» Картина, которую затем рисовал Хирота, точно соответствовала общей направленности японской военной литературы того времени. Ему представлялось, что японские самолеты, как коршуны, налетают на советскую

территорию и душат «советских голубей», что они громят советскую «деревенскую авиацию», разрушают станции и железнодорожные магистрали. По его мнению, вскоре после начала боев Сибирь будет отрезана от Москвы, а Реввоенсовет в Москве растеряется и не будет знать что делать.

Но вот проходит всего полтора года, и в августе 1933-го тот же Хирота выпускает новую книгу «Как мы будем воевать». О «коршунах» и «голубях» в ней нет уже речи, а Красная Армия называется «большой силой». Особую тревогу у автора вызывает группировка советской тяжелобомбардировочной авиации, размещавшейся в районе Владивостока. Он понимает, что советские тяжелые бомбардировщики могут угрожать не только тылу «победоносной» японской армии, но и метрополии. Подобная ситуация мало напоминала легкую военную прогулку, и неудивительно, что Хирота в своей книге ставит вопрос о необходимости уничтожить Владивосток как базу советской авиации даже ценой потери всех японских самолетов. Те же опасения о налете советской авиации на японские острова он высказал и в другой книге – «Записки о предстоящей русско-японской войне», выпущенной в январе 1934 года. Такая эволюция взглядов на будущую войну против СССР, которую планировали в Токио, была весьма характерна. Японской военщине пришлось считаться и с растущей мощностью Советского Союза, и с усилением Красной Армии на дальневосточных рубежах страны.

К этому времени первый этап континентальной агрессии, предусмотренный меморандумом Танака, был завершен. И в генштабе, и в штабе Квантунской армии на стратегических картах уже появились новые стрелы, нацеленные на другие территории. Но к большой войне с Советским Союзом Япония еще не была готова, что начали понимать даже такие «писатели», как Хирота.

Поэтому взоры японских стратегов обращались на запад и юг. Здесь лежали обширные территории, захватить которые, как думали и в Токио, и в Чанчуне, будет намного легче.

Пока журналисты в Токио «воевали», в разведотделе генштаба занимались более серьезными делами. И в Москву продолжали поступать документы о деятельности японской разведки. Захват Маньчжурии и выход дивизий Квантунской армии к дальневосточным границам способствовал усилению мероприятий японской разведки против СССР как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Можно привести несколько документов, полученных из японского посольства и после окончания войны предъявленных Токийскому трибуналу.

8 октября 1932 года специальные курьеры генштаба повезли в Париж пакет, адресованный военному атташе Японии во Франции Касаи Хейдзюро. В пакете находился документ, содержащий указания относительно плана подрывной деятельности. В документе говорилось, что в области диверсионной работы военный атташе во Франции будет руководить всеми военными атташе в Европе и Турции. Военный атташе должен был разработать необходимые планы диверсионной деятельности и доложить их начальнику генштаба к 10 апреля 1933 года. При разработке планов нужно было определить необходимые расходы. Предусматривалось, что ограничений в деньгах не будет и любая сумма в иенах будет перечислена на счет военного атташе. Под этим документом стояла подпись начальника генштаба принца Котохито. Три дня раньше подобный же документ тоже со специальными курьерами был отправлен в Москву военному атташе Японии Кавабэ Торасиро. Подписанный заместителем начальника генштаба Мадзаки, он содержал указания по плану подрывных действий. Подполковнику Кавабэ

сообщалось, что он будет работать под руководством военного атташе во Франции и ему будет поручено проведение диверсионных мероприятий. Кавабэ должен был также ознакомиться с инструкциями по диверсионной деятельности, которые получил военный атташе во Франции. Подрывная и диверсионная машина японской разведки в Европе, направленная против СССР, набирала новые обороты.

К этим указаниям, направленным в Париж и Москву, были приложены «Основные положения плана подрывной деятельности», также разработанные генштабом. В этом документе первая глава имела название «Война с Советским Союзом», вторая – «Война с Китаем» и третья – «Война с США». Для того, чтобы как можно скорее сокрушить боеспособность СССР после начала военных действий, намечалось провести следующие мероприятия: организовать сепаратистское движение в Грузии, Азербайджане и на Украине, поднять с помощью эмигрантских антисоветских организаций восстания в различных частях Советского Союза. По этому плану нужно было добиться того, чтобы Франция, Польша, прибалтийские страны, Турция начали проведение со своей территории диверсионных мероприятий против СССР. Если бы это не удалось, то предусматривалось осуществление диверсионных мероприятий японской разведкой с территории этих стран. При этом отмечалось, что, как только появится возможность начать военные действия, сеть диверсионных и разведывательных органов в Европе и Турции должна быть усилена. Планы, как видим, были солидными и разрабатывались с учетом различных ситуаций и чуть ли не на все случаи жизни.

Во многих документах японского генштаба о деятельности японской разведки основное внимание уделялось вопросам и мероприятиям, связанным с диверсионной и террористической деятельностью.

Конечно, в этой разведке, как и в других крупнейших разведках, занимались и созданием агентурной сети на территории будущих противников, и получением необходимой генштабу для планирования будущей агрессии разведывательной информации. Аналитики из разведотдела обрабатывали, систематизировали и анализировали полученную информацию, представляя свои выводы и предположения высокому генштабовскому начальству. Все это было, но все-таки террору и диверсиям, причем в мирное, а не в военное время, в японской разведке отдавали предпочтение перед другими методами действий.

На терроре и диверсиях было воспитано целое поколение выдающихся разведчиков островной империи. Можно вспомнить знаменитого «дальневосточного Лоуренса» – полковника, а затем генерала Доихара Кендзи и его классически проведенный в 1928 году диверсионный акт со взрывом поезда правителя Маньчжурии маршала Чжан Цзолиня. Другой диверсионный акт, проведенный также с участием Доихара, по взрыву железнодорожного полотна под Мукденом в сентябре 1931 года послужил причиной для начала оккупации Японией Маньчжурии. Подобных примеров было достаточно много и в последующие годы. И если в Европе оружием таких разведок, как английская или французская, был ум, то на Востоке чаще всего предпочтение отдавалось взрывчатке, пуле и яду. Поэтому неудивительно, что японская разведка пыталась перенести свои «специфические» методы работы на европейский континент.

Коминтерн против Японии

В 1932-м, когда события на Дальнем Востоке развивались по нарастающей и части Квантунской армии продвигались на север к Амуру и Уссури, в тайную войну в этом регионе вмешалась еще одна сила. Рука об руку с обеими разведками начала действовать третья сила – партийная разведка Коминтерна. Отдел международных связей (ОМС), успешно работавший в Европе и Китае, начал действовать и против Японии. Вот только несколько документов, выявленных в фонде Коминтерна.

В 1932-м в Москве считали угрозу войны на Дальнем Востоке вполне реальной. И в Исполкоме Коминтерна подготовили к 12-му пленуму специальный документ: «Проект резолюции о дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции». При этом, как и в 1931-м, главным врагом по-прежнему считали Францию. Антифранцузские тенденции во внешней политике и «угроза войны со стороны Франции», определенные процессом «Промпартии», продолжали действовать в полной мере. Для большей убедительности Францию объявили союзницей Японии, которая готова ударить с Запада в то время, когда Япония нанесет удар на Дальнем Востоке. Вот только один пассаж из этого документа: «... Прошедшее при полной поддержке Франции нападение японского империализма на Китай является началом новой мировой империалистической войны. Японский империализм выступает в военно-политическом союзе с международным жандармом версальской системы, с главным подстрекателем и организатором империалистической войны и интервенции в СССР, с

французским империализмом. Совместными силами они готовятся взять в клещи с Запада и Востока СССР...»

Проект резолюции о дальневосточной войне был датирован 6 августа. Интересно, что в этот же день в Париже Полпред СССР Довгалецкий беседовал с премьером Франции Эррио. В беседе затрагивались переговоры между Францией и СССР о заключении пакта о ненападении. Премьер сообщил полпреду, что кабинет министров единогласно поручил ему и министру торговли Дюрану заключить пакт и торговое соглашение. Пакт о ненападении между двумя странами был подписан в ноябре 1932-го. Вот такие странности. Или коминтерновские чиновники не знали истинного состояния советско-французских взаимоотношений, а должны были знать, либо сознательно нагнетали антисоветскую истерию. Очевидно последнее. В документе отмечалось, что страна строящегося социализма одержала решающие победы, а капиталистический мир, вследствие мирового экономического кризиса, откатился назад на целые десятилетия. Вывод: «Вследствие этого империалистические державы и, в первую голову Франция и Япония, заключившие уже военно-политический союз, прилагают все усилия, чтобы реорганизовать, расширить, укрепить антисоветский блок, чтобы нанести решительный военный удар базису мировой пролетарской революции, чтобы уничтожить первое в мире рабочее государство...» Для большей солидности к Франции и Японии составители добавили и остальные страны.

Вот еще одна выдержка из этого документа: «...Английский империализм поддерживает все планы интервенции в СССР и организует ее на Ближнем и Среднем Востоке. США пытаются спровоцировать японо-советскую войну, чтобы, ослабив обоих противников, укрепить свое положение на Тихом

океане. В Польше, Румынии и в прибалтийских странах военные приготовления под руководством французского генерального штаба идут с максимальной напряженностью. Очагом военной интервенции в настоящее время является Маньчжурия, которая превращена усилиями японского империализма при поддержке Франции в плацдарм для нападения на СССР. На восточных и юго-восточных границах СССР империалисты также пытаются создать базис для диверсионных выступлений против СССР (Тибет, Афганистан, Синцзянь и т. д.)».

Составителей проекта резолюции не смущало то, что с Финляндией договор о ненападении был подписан в январе, с Латвией – в феврале, а с Эстонией – в мае 1932 года. Свалив в одну кучу оборону Шанхая частями китайской армии, партизанское движение в Маньчжурии, успехи индустриализации в СССР, а также «бдительность трудящихся СССР, сплотившихся вокруг советской власти под руководством ВКП(б), авторы пришли к выводу: „... растущая революционная активность трудящихся масс всего мира отсрочила вооруженное нападение на СССР со стороны японской военщины и одновременно готовящееся нападение на СССР Франции и ее вассалов с Запада. Однако эту отсрочку только оппортунисты могут рассматривать как ослабление опасности военной интервенции против СССР. Над СССР нависла и висит непосредственная угроза новой интервенции“.

В общем, война на пороге, интервенция грозит первому в мире социалистическому государству, и поэтому, коммунисты и трудящиеся всех стран, вставайте, сомкнув ряды, на защиту СССР. Но в Европе, особенно после заключения договоров о ненападении между Советским Союзом, его западными соседями и Францией, все было спокойно. Никто не бряцал оружием, не проводил мобилизаций и не собирался в

крестовый поход. Франция не заключала никакого военного союза с Японией, не собиралась брать в клещи СССР, а ее военные планы, по заключению аналитиков советской военной разведки, были сугубо оборонительные. В 1932-м никакой войны на европейском континенте не пахло.

После такого вступления в документе даются основные тезисы к руководству для компартий разных стран. Но и в тезисах мелькает так полюбившееся в Москве слово «интервенция». 12-й пленум ИККИ считает важнейшей задачей всех компартий организацию борьбы «за защиту Китая, за защиту СССР против интервенции». Конец относительной стабилизации «знаменует собою ускоренное приближение новых войн и интервенции», вся международная обстановка в любой момент может разразиться военным столкновением, утверждается в тезисах, и конечно же, «всякая недооценка военной опасности, всякая оппортунистическая пассивность отражает влияние социал-демократии и пацифизма на коммунистов».

После составления и принятия подобных деклараций в штабе мировой революции перешли к составлению более конкретных документов с рекомендациями для действий компартий в случае начала войны. Уже после пленума ИККИ была составлена «Краткая записка о задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами». Но хотя в записке говорилось о действиях компартий в случае войны в Европе, такие же планы разрабатывались и на случай войны с Японией. Действия компартий были одинаковыми и на Западе, и на Востоке. В записке отмечалось, что общему напряжению сил противника недостаточно будет противопоставить напряжение только одного СССР, необходимо участие рабочего класса и крестьянства воюющих с СССР стран в

практической борьбе. Такая совместная борьба вместе с действиями Красной Армии обеспечила бы, по мнению авторов записки, победу в предстоящей вооруженной схватке.

А дальше уже следовали практические рекомендации по действиям в тылу противника: «... во-первых, нарушение оперативных планов и мобилизационного развертывания противника, во-вторых, подрыв его материально-технической базы и, в-третьих, максимальное содействие развязыванию внутренних противоречий в стране противника в социальном и национальном направлениях». Для осуществления этих мероприятий предлагалась организация забастовок и саботажа на военных и промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, а также разрушение путей сообщения и средств связи. Предусматривались также взрывы военных складов. В общем, обычная диверсионная деятельность, так хорошо знакомая по годам гражданской войны и первым послевоенным годам активной разведки, когда диверсионные отряды действовали на территории Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Болгарии.

В этом же документе определялись и задачи. Причем задачи, как в мирное время (подготовительный период), так и в военное время (период действий). До начала войны предусматривались подбор и подготовка людей в первую очередь из рабочих и крестьян, а также использование национальных противоречий и национально-освободительного движения. Считалось, что, используя освободительное движение, «можно достигнуть гораздо больших результатов, чем на фоне классовой борьбы». В Москве полагали, что умелый подход к национальному вопросу в таких странах, где национальные меньшинства играют крупную роль, может создать кроме возможности организации

восстаний базу для выполнения отдельных диверсионных задач в военное время.

В мирное время предусматривалось также и изучение объектов, на которых предстояло действовать во время войны. Все, что должно было быть выведено из строя, взорвано и уничтожено, тщательно изучалось еще в мирное время. Сюда входило изучение важнейших стратегических железнодорожных магистралей и крупных морских портов, военных заводов и складов, а также промышленных предприятий, которые будут играть главную роль в случае войны в деле снабжения армий. Иными словами, в мирное время должна вестись тщательная и всесторонняя разведка всей страны, определявшей как вероятный противник в будущей войне. И конечно же, накопление еще в мирное время необходимых средств на территории будущего противника. Имелись в виду запасы стрелкового оружия: пистолетов, винтовок, автоматов, гранат и, конечно же, взрывчатки для подрыва объектов железнодорожного транспорта, складов и вывода из строя телефонной и телеграфной связи.

Предусматривалось, что с приближением войны необходимо будет организовать активные выступления: массовые протесты, демонстрации и забастовки. А к моменту развертывания армий противника переходить к актам саботажа, крестьянским вооруженным выступлениям, партизанским действиям и национальным революциям. В записке отмечалось: «Перечисленные выше формы активного содействия Красной Армии являются основными формами, которые нужно заранее организационно подготовить и планомерно осуществить».

«Краткая записка...» с грифом «Сов. секретно» была общей директивой для разработки более конкретных рекомендаций для каждой страны, которая могла

рассматриваться как возможный противник в будущей войне. Это относилось не только к будущим противникам на Западном театре военных действий, но и к дальневосточному региону. Были составлены подробные карты с обозначением важнейших стратегических объектов для уничтожения в Корее, Маньчжурии и в самой Японии. К картам по каждой стране прилагались объяснительные записки. Очевидно, для конспирации все разведывательные, диверсионные и партизанские действия на территории соседних стран и в мирное, и в военное время именовались антивоенными действиями. Вот некоторые выдержки из «Объяснительной записки к объектам антивоенных действий Японии». «Зависимость от импорта горючего и боязнь быть отрезанными от источников импорта в военное время заставляет Японию накапливать громадные запасы нефти и прочих нефтепродуктов уже в мирное время. Большая часть этих запасов размещается в крупных нефтехранилищах». По имевшимся в Москве данным, 80% запасов нефти принадлежали морскому ведомству и были сосредоточены в 11 нефтехранилищах, из которых 6 были расположены под землей. Эти хранилища, по мнению авторов записки, «всегда остаются уязвимыми и представляют прекрасные объекты для действий антивоенных сил». Основной вывод: «Разрушение (поджог) крупнейших нефтехранилищ может парализовать действия новых боевых средств (авиация, танки) и морского флота, особенно если оно будет комбинировано с подводной блокадой Японии».

Диверсии на крупных хранилищах горючего являлись основными в действиях «антивоенных» сил. Вторыми по значению и уязвимости для диверсионной деятельности считались транспортные системы Маньчжурии, Кореи и самой Японии. В записке

отмечалось: «Важнейшие железные дороги в самой Маньчжурии проходят по районам, охваченным широким партизанским движением, и уже теперь являются важнейшим объектом действий антияпонских сил. В военное время они представляют прекрасный объект для антивоенных действий». Очень перспективным для диверсионных действий в военное время считались порты Японии, Маньчжурии и Кореи, а также железные дороги Кореи и самой Японии. Большое значение придавалось разрушению линий связи и высоковольтных линий электропередач, снабжающих электроэнергией крупные индустриальные центры на японских островах.

В записке отмечалось, что жестокий экономический кризис в самой Японии, захват и грабеж Маньчжурии, колониальная эксплуатация Кореи создают чрезвычайно благоприятную обстановку и для антивоенных действий, и для комплектования антивоенных организаций. Японской компартии предлагалось: «... серьезно заняться антивоенной работой, поддерживая и руководя партизанским движением в Маньчжурии, подготавливая широкую антивоенную организацию на время антисоветской войны, имея в виду во всех формах политической и экономической борьбы пролетариата и крестьянства объекты антивоенных действий». А для этого рекомендовалось заблаговременно создавать строго законспирированные антивоенные ячейки, снабжая их необходимыми средствами, разумеется из средств Коминтерна, так как своих средств у японской компартии, находившейся в глубоком подполье, конечно, не было. При этом японские коммунисты должны были помнить: «Хорошо организованная и своевременно проведенная антивоенная работа будет иметь большое значение в предстоящей решающей схватке двух систем. Для большего ее эффекта

необходима тщательная увязка плана антивоенных действий с действиями Красной Армии и действиями морского и воздушного флотов». Чтобы документ не выглядел категоричной директивой и инструкцией к конкретным действиям, которые диктуются из штаб-квартиры Коминтерна, в заключительном абзаце говорится: «План антивоенных действий не следует рассматривать как конкретную директиву к действию, а лишь как образец, который помог бы японской компартии в составлении действительных планов антивоенных действий». Японским коммунистам предлагалось по данному образцу самим разработать и осуществить планы диверсий и саботажа в собственной стране.

Вот такие рекомендации давались японской компартии. Если в этом документе термин «антивоенный» заменить истинным значением: разведывательный, диверсионный и партизанский, то все становится на свои места и документ выглядит как директива по организации «пятой колонны» в Японии, Маньчжурии и Корее, хотя этот термин появился только через несколько лет после составления этого документа. Через несколько лет в середине 1930-х появились и диверсионные отряды «Асано», которые были созданы японской разведкой для тех же целей – диверсий на советской территории во время войны. Очевидно, что это был в какой-то мере ответ на советские замыслы и планы в отношении Японии. Узнала ли о коминтерновских планах что-либо японская разведка? Об этом сейчас можно только гадать.

Мне могут возразить: а не являются ли подобные документы плодом кабинетного творчества, когда желаемое принимается за действительное, а результат такой работы ложится в ящик письменного стола? Ведь для практического претворения в жизнь подобных рекомендаций нужны большие деньги и опытные люди.

Что касается денег, то Коминтерн был достаточно богатой организацией и денег для подрывной и диверсионной работы там не жалели еще со времен «германского Октября». А что касается людей, то инструкторов партизанского движения, минеров, диверсантов, радистов и прочих народ, необходимый для активных или «антивоенных» действий во время войны, начали готовить в Союзе еще за несколько лет до разработки таких документов.

Еще в 1927 году было принято решение о создании специальных курсов для подготовки специалистов по «антивоенным» действиям из числа членов различных компартий. Отобранных, проверенных и перепроверенных коммунистов посылали в Союз, и там в течение нескольких месяцев сотрудники военной разведки, имевшие богатый боевой опыт, преподавали им науку вооруженной борьбы. Для нормального и стабильного функционирования подобных учебных заведений нужен был постоянный приток свежих кадров из компартий соседних стран. Об этом и беспокоилось руководство военной разведки.

12 января 1928 года начальник Управления Берзин в докладе своему непосредственному начальнику первому заместителю председателя Реввоенсовета Уншлихту писал: «Все усилия 4-го Управления в области подготовки диверсионной работы на случай войны в конечном итоге не приведут к желательному результату, если нам не будет оказано соответствующее содействие со стороны соседних с нами компартий», то есть если компартии не будут присылать в Союз своих представителей для обучения и подготовки к будущим диверсионным действиям. Диверсанты из числа советских граждан могут успешно работать только в ближнем тылу. А вот успешная диверсионная работа в глубоком тылу доступна только соответствующим компартиям. Члены этих партий еще

в мирное время должны обследовать и подготовить для диверсионных действий железнодорожные объекты, военные заводы и склады амуниции и вооружения. Также в мирное время коммунисты должны были вести работу по разложению армий противника. В докладе также отмечалось: «При переговорах с представителями соответствующих компартий мы выяснили с их стороны готовность развернуть указанную работу, поскольку она не выходит из пределов намеченной партией работы по военной линии...»

Желание работать у компартий было, а вот подготовленных кадров не было. Поэтому руководство военной разведки предложило компартиям «оказать содействие по подготовке нужных работников». Переговоры на эту тему были проведены с поляками, финнами, эстонцами, латышами и румынами. И в Москву начали прибывать представители этих компартий. Кадры были получены и в Москве: в начале 1928 года были созданы шестимесячные курсы для их обучения. В программе курсов серьезное внимание было обращено на методы агитации и пропаганды в войсках, на тактику партизанских действий, на подрывное дело и основные принципы вооруженного восстания. Уншлихт утвердил представленную ему программу обучения и смету расходов, и курсы начали действовать.

Конечно, в 1928-м до начала японской агрессии на континенте было далеко, и вопрос о привлечении японских или корейских коммунистов для обучения на курсах еще не возникал. Но к 1932-му, когда обстановка на Дальнем Востоке прояснилась, решили использовать для обучения японских, китайских и корейских коммунистов. И если судить по сохранившимся в архиве Коминтерна обширным материалам по Маньчжурии, Корее и Японии, коммунисты из этих стран успешно прошли обучение в Москве. Подробные схемы и карты,

на которых отмечены предназначавшиеся для диверсий железнодорожные станции, мосты и туннели, склады, аэродромы, военные заводы и крупные нефтехранилища; подробные записки по диверсионным действиям в Маньчжурии, Корее и Японии – весь этот обширный материал, лежавший в коминтерновских сейфах и ждавший своего часа в случае начала войны, свидетельствует о том, что подготовка к активным «антивоенным» действиям на Дальнем Востоке шла полным ходом. Курсы преобразовали в школы, функционировавшие при Исполкоме Коминтерна, и эта организация активно готовилась к возможной войне на Дальнем Востоке.

Разведка вступает в бой

В 1932 году, когда угроза военного конфликта на Дальнем Востоке была достаточно серьезной, информация, получаемая из японского посольства, имела первостепенное значение. Все поступавшие оттуда документальные материалы посылались из Особого отдела только наркомвоенмору Ворошилову и хранились в его секретариате в особой папке. 23 июня Ворошилов получал дешифрованную телеграмму из Токио, которая была послана японскому военному атташе в Москве. В телеграмме сообщалась дислокация частей Квантунской армии. В этот же день наркому были переданы задания, полученные японским военным атташе подполковником Кавабэ из разведотдела японского генштаба. Подполковнику предписывалось изучать вопросы, связанные с развитием военно-воздушных сил СССР: систему организации, технические данные самолетов и моторов, тактику действий авиационных частей. 10 июня наркому были посланы бюллетени японского генштаба по СССР за апрель и май 1932 года, а также сводки морского штаба Японии по СССР с имевшейся в Токио информацией об усилении советских военно-морских сил на Дальнем Востоке.

В этих документах довольно точно фиксировались переброски сухопутных и воздушных частей Красной Армии на Дальний Восток из районов европейской части страны. Отмечались секретные источники (агентура) в Забайкалье и Приморье, которые сообщали о появлении в их районах новых частей. Отмечалась и информация, поступавшая из Москвы. Московские источники японской разведки были весьма осведомленными. От них поступала информация о числе стрелковых дивизий

на Дальнем Востоке, их нумерации, фамилии командиров всех дивизий. Но информация о частях РККА на Дальнем Востоке поступала в Токио не только из Москвы и агентуры на Дальнем Востоке. Очень тесные контакты были у японских военных атташе в Варшаве и Риге с разведывательными отделами генштабов Польши и Латвии. В бюллетенях по СССР японского генштаба, которые получал японский военный атташе в Москве, и через Особый отдел ОГПУ Ворошилов, часто отмечалось, что разведывательная информация получена по данным польского или латвийского генштаба. Ценную информацию о Красной Армии получал японский военный атташе и от турецких военных кругов.

Разрозненные сведения о частях Красной Армии на Дальнем Востоке были суммированы в «Военном бюллетене по СССР № 32 от 25 апреля 1932 года». Перевод этого документа с грифами «Совершенно секретно» и «Документально» также был послан Ворошилову из Особого отдела 10 июня. Контрразведчики сработали оперативно, и ценнейшая информация легла на стол наркома. В этом бюллетене наиболее полно была показана численность и дислокация советских войск на всей обширной территории от Иркутска до Владивостока. Забайкалье, Приморье, район Хабаровска, Сахалин – во всех этих районах была указана и численность, и нумерация наших частей.

Иностранные дипломатические представители в Москве в этом году внимательно следили за изменением военно-политической обстановки в дальневосточном регионе, строили свои прогнозы, высказывали свои суждения и, конечно, обменивались мнениями в разговорах друг с другом. Одно из таких мнений, зафиксированное в «Бюллетене по СССР № 4 от 22 февраля 1932 года», было доложено Ворошилову:

«По словам представителя Чехословакии в Москве, за последнее время не только в высших военных кругах Советского Союза, но и в партийных кругах все чаще и чаще раздаются голоса с требованием поддержать престиж СССР и взять более твердый политический курс. Во главе этого движения стоят: Молотов (председатель СНК), Ворошилов (НКВД), Енукидзе (видный партийный деятель), но Сталин (фактический диктатор), считаясь с общим положением страны и из соображений выполнения пятилетнего плана, возражает против твердой политики». Очевидно, в Токио серьезно отнеслись к высказыванию чехословацкого представителя, если включили его мнение в бюллетень генштаба.

Сейчас историкам еще трудно представить весь объем разведывательной информации, которую получал Сталин после оккупации Маньчжурии. В сталинском фонде Архива Президента Российской Федерации (фонд 45, опись 1) рассекречены пока еще только четыре дела с информацией ИНО ОГПУ и информацией Особого отдела ОГПУ за период с 1932 по 1935 год. Если верить некоторым достаточно хвастливым публикациям историков Службы внешней разведки о том, что Сталину клали на стол сотни листов полученных разведкой документов, тогда то, что сейчас рассекречено – капля в море разведывательной информации, получаемой генсеком. К тому же среди рассекреченных папок разведывательной информации нет ни одной папки с информацией Разведупра. Трудно поверить, что такая мощная разведывательная организация не представляла ему обзорные и политические доклады и имеющиеся в Управлении документы. Если бы у Берзина было чем похвастаться, то он, конечно, не упустил бы возможности и положил бы на стол «хозяина» все наиболее ценное, что у него было. Так что разведупровская информация была у

Сталина, но пока она не рассекречена и недоступна историкам и исследователям.

Информация политической разведки поступала из двух источников. Первый – информация агентуры ИНО, включая и документальную информацию. Вторым источником – информация Особого отдела. Этот отдел имел свою агентуру в иностранных посольствах в Москве. Имел и свою службу по вскрытию и фотографированию дипломатических вализ. Особенно это касалось японской дипломатической почты, которая отправлялась экспрессом Москва – Владивосток. Отлично работали и сотрудники Специального отдела, руководимого Глебом Бокием, который занимался перехватом и дешифровкой иностранных дипломатических телеграмм и радиogramм. Эти разнообразные источники информации позволяли ОГПУ докладывать высшему политическому, военному и дипломатическому руководству страны подробную информацию о замыслах и действиях основных противников: Германии и Японии, а также правительств Англии, Франции, Италии и США. Источников информации у этой организации было гораздо больше, чем у военной разведки, и в начале 1930-х в извечном соперничестве двух разведок ОГПУ явно переигрывало Разведупр. Если проанализировать рассекреченную разведывательную информацию ОГПУ, которая была доложена Сталину в 1932—1935 годах, то получится достаточно впечатляющая картина.

Первое сообщение в 1932-м году было направлено Сталину начальником ИНО Артузовым 29 января. На первой странице документа, озаглавленного «Деятельность и планы 2-го отдела французского генштаба», рукой Артузова надпись: «Тов. Сталину. Донесение вновь привлеченного агента, связанного с одним из отделов генштаба». Очевидно, ИНО удалось завербовать одного из офицеров французского

генштаба, который в своем первом сообщении выдал информацию о деятельности генштаба в связи с событиями в Европе. Через три месяца, 19 марта, Сталину было направлено второе сообщение этого же источника. В нем сообщалось: «В результате последней встречи с известным Вам источником получены нижеследующие дополнительные сведения...» Источник, очевидно, достаточно крупный офицер генштаба, успел за это время побывать в Варшаве, где беседовал с начальником штаба польской армии генералом Гонсяровским. Во время беседы польский генерал сообщил ему, что осенью 1931-го во время посещения Варшавы группой высокопоставленных японских офицеров между польским и японским генштабами было заключено письменное соглашение. «Гонсяровский отметил, что согласно этому соглашению Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться по территории СССР». Документ подписали заместитель председателя ОГПУ Балицкий и начальник ИНО Артузов.

Если судить по многочисленным пометкам и подчеркиваниям, Сталин очень внимательно ознакомился с полученным документом. Это был характерный стиль генсека по отношению к разведывательной информации, которую поставляли ему обе разведки. Внимательное изучение всех без исключения получаемых документов, подчеркивание наиболее важных мест и свои комментарии на полях. И необходимость держать всю полученную информацию под рукой, то есть в своем личном архиве. На каждом документе, полученном от политической разведки, в верхнем левом углу подпись его рукой: «В мой арх. И. Ст.». В информации от 19 марта он подчеркнул абзац о заключении соглашения между польским и японским генштабами. Очевидно, для него это была первая информация о возможной военной угрозе с Запада и

Востока. И, конечно, учитывая эту информацию и возможность заключения союза между двумя странами в Европе и Азии, советская дипломатия пошла на уступки при заключении советско-польского договора о ненападении летом 1932-го. Взаимосвязь между информацией разведки и активностью советской дипломатии очевидна.

28 февраля на стол Сталина легла очередная информация ОГПУ. Сопроводительное письмо было подписано зампредом ОГПУ Балицким. В конце документального материала стояла фраза: «По Особому отделу». На этот раз сработала агентура в японском посольстве в Москве. Балицкий просил Сталина лично ознакомиться с подлинным документом, составленным японским военным атташе в Москве Касахара Юкио 29 марта 1931 года. Документ был озаглавлен: «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза» и направлен в генштаб в Токио. Балицкий писал: «Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят генерал-лейтенант Араки (автор лозунга „Забайкалье – японо-русская граница“) и Хасимото – начальник русского сектора генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов». Подчеркивалось также: «Касахара на днях выезжает в Японию, где он получает ответственное назначение в японском генштабе». В Особом отделе были на учете все иностранные военные атташе в Москве, и личность японского подполковника была хорошо известна. В этом документе официальный военный представитель империи в Москве за полгода до начала оккупации Маньчжурии предлагал генштабу как можно скорее начать войну против Советского Союза.

Сталин очень внимательно читал этот доклад. Многочисленные подчеркивания, отчеркивание

отдельных абзацев и фраз, нумерация подчеркнутых мест. Он взял из архива предыдущий документ с резюме посла Хирота и, добавив два отрывка из доклада Касахара, получил материал для статьи в «Известиях», наделавшей столько шума и в 1932-м, и после войны во время Токийского процесса, когда этот документ был предъявлен советским обвинением в качестве доказательства подготовки Японии к войне против Советского Союза. Из первого раздела доклада «О политике в отношении СССР в аспекте японо-советской войны» он выделил абзац, обозначив его цифрой два: «... японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается все более благоприятной для них. Я считаю необходимым, чтобы имперское правительство повело бы политику с расчетом как можно скорее начать войну против СССР».

Во втором разделе японский военный атташе рассматривал «Первоочередные вопросы, связанные с проведением войны с Советским Союзом». Здесь Сталин цифрой три обозначил подчеркнутый им абзац: «Вполне возможно, что, несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий, нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада. В

том случае, если мы остановимся на забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Забайкальский край и Дальний Восток полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий». (Предложения подчеркнуты Сталиным.)

Отметил он также абзац и в разделе «Стратегическая пропаганда»: «Ввиду того что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на Советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путем которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых группировок внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций...» (Предложения подчеркнуты Сталиным.) Все, что им было отмечено, и составило документальную основу статьи в «Известиях». На сопроводительном письме резолюция Сталина: «Из рук в руки. Членам ПБ (каждому отдельно) с обязательством вернуть в ПБ. Ст.». И рядом, под словом «Читал», подписи Ворошилова, Молотова, Куйбышева и Ягоды. Так что можно не сомневаться, что статья в «Известиях» появилась по решению Политбюро.

Опытный разведчик Касахара понимал, что разведка должна действовать против главного противника со всех направлений: не только с Дальнего Востока, но и с Юга, используя Афганистан и Персию, и из Европы. Поэтому он предлагал военной разведке империи

заняться не только сбором сведений об СССР из европейских стран, и в первую очередь в Прибалтике, Польше и Румынии, но и проведением политических комбинаций против СССР. По его мнению, разведка вместе с дипломатией должна была сделать все возможное, чтобы вовлечь наших западных соседей в конфликт в случае войны Советского Союза с Японией. Поэтому он предлагал учредить должность военного атташе, с соответствующим штатом сотрудников, в Румынии. Подполковник считал, и свое мнение высказал в докладе, что Румыния имеет громадное значение с точки зрения проведения политических комбинаций, так как: «В случае войны с Советским Союзом Румыния вместе с Польшей будет сковывать акции Красной Армии против нас. Исходя из наших военно-оперативных планов против СССР нам нужно будет хорошо знать ситуацию в этой стране и иметь правильное представление о румынской армии».

При ознакомлении с объемистым докладом (20 страниц машинописного текста) Сталин обратил внимание на раздел, посвященный дальнейшему развитию вооруженных сил империи. При этом военный атташе рассматривал два варианта развития. Первый – организация вооруженных сил с таким расчетом, чтобы быть готовым к войне с Советским Союзом в любой момент. И второй вариант – постепенное изживание дефектов в деле обороны империи с тем, чтобы через 10 лет завершить программу вооружения армии. И опять карандаш генсека подчеркивал наиболее важные слова доклада: «Вопрос заключается в том – какая установка должна быть принята. Если будет взят курс на скорейшее начало войны с СССР, нужно принять первое положение. Второе положение может быть взято в том случае, если не будет определен точно срок войны с СССР. Нам нужно иметь в виду то, что в настоящий момент или в ближайшем будущем СССР в

случае войны с Японией будет лишен возможности развернуть военные операции большого размаха».

Через несколько дней, 4 марта, Балицкий посылает Сталину еще две докладные записки Касахара, посланные в генштаб: «Проблема сокращения вооружений с точки зрения взаимоотношений с СССР» и «Увеличение вооружений в СССР и его специфическое положение в вопросе о сокращении вооружений». Балицкий писал, что составление первой записки было приурочено к проезду через Москву группы членов японской военной делегации на конференцию по разоружению во главе с начальником оперативного отдела генштаба генерал-майором Татэкава. Так что «творчество» японского военного атташе было хорошо известно Сталину.

В июне 1932-го Сталин был в отпуске. В Москве на «хозяйстве» остался Лазарь Каганович, который вел очередные заседания Политбюро. Ему и было адресовано новое письмо Бадицкого, в котором он сообщал, что дополнительно направляет переводы с подлинных японских документов. На этот раз у ОГПУ был солидный «улов», в 12 машинописных страниц. Политическому руководству страны была представлена перехваченная и расшифрованная переписка между новым японским военным атташе в Москве Кавабэ с японскими военными атташе в Берлине и Варшаве, а также решение совещания японских военных атташе в Стамбуле, Москве, Варшаве и Риге. Японские разведчики с дипломатическими паспортами обсуждали вопрос об активизации разведывательной работы против Советского Союза и свои рекомендации направили начальнику второго (разведывательного) отдела японского генштаба в виде шифрованной телеграммы. Эта телеграмма была также перехвачена, расшифрована и направлена в Политбюро. Была в этой подборке документов и шифрованная переписка штаба

Квантунской армии с японским военным атташе в Москве, и телеграммы японских военных атташе в Лондоне и Москве в Токио, адресованные помощнику начальника генштаба.

Каганович прочитал все полученные материалы и на сопроводительном письме наложил резолюцию: «В круговую, членам ПБ. Л. Каганович». На одном из заседаний Политбюро с материалами знакомились все присутствующие и на сопроводилровке появились подписи Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Андреева, Калинина и Микояна. После этого материалы были отправлены в личный архив Сталина.

Что же содержалось в этих материалах и о чем были проинформированы члены Политбюро? Японский военный атташе в Берлине сообщал 19 мая своему коллеге в Москве: «Имеется возможность купить здесь шифротелеграммы Коминтерна, зашифрованные по ныне действующему коду, а также кодовую книгу...» В ответной телеграмме Кавабэ ответил, что этот материал является чрезвычайно ценным для Токио, а также поблагодарил за присылку добытых в Берлине агентурных сведений о РККА. 31 мая из японского посольства в Москве в Варшаву ушла телеграмма (перехваченная и расшифрованная). Кавабэ просил своего коллегу проинформировать его о событиях в Польше. 2 июня японский военный атташе в Варшаве ответил ему (эта телеграмма также была перехвачена и расшифрована), что посланные недавно польским генштабом на Украину более 20 секретных агентов были все поголовно арестованы ГПУ, а также сообщил: «В результате следствия, предпринятого польскими властями, выяснено, что два секретаря польгенштаба были подкуплены СССР и передавали советской стороне через одну кельнершу в кафе секретные документы. Военно-полевой суд приговорил обоих к немедленному расстрелу».

Для того чтобы усилить разведку Советского Союза с Запада, было проведено совещание японских военных атташе, аккредитованных в Стамбуле, Москве, Варшаве и Риге. В рекомендациях, выработанных по итогам совещания и посланных начальнику 2-го отдела генштаба, предлагалось сосредоточить всю разведку на СССР в советской секции отдела, увеличив ее численность по примеру поляков до 16 человек. Предлагалось также всю разведку, которая будет проводиться на СССР со стороны всех граничащих с ним западных государств, объединить в руках военного атташе в Польше. Предлагалось также воспользоваться хорошим отношением между военным ведомством и МИДом империи для реализации проекта размещения в важнейших пунктах Дальневосточного края и Сибири офицеров разведки в качестве сотрудников консульств.

Публикация 4 марта в «Известиях» передовой статьи с выдержками из японских документов произвела сильное впечатление и в Токио, и в японском посольстве в Москве. Касахара сразу же понял, что он стал «героем» публикации. Для опытного разведчика, каким был военный атташе, это был грубый просчет. И чтобы как-то смягчить впечатление от публикации, в которой его выставили в неприглядном виде, он отправил 7 апреля телеграмму начальнику разведывательного управления генштаба за № 21, в которой сообщил: «Имеются основания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом». Прав ли был военный атташе? Получил ли Особый отдел фотокопию его доклада, также предъявленную советским обвинением Токийскому трибуналу, от своей агентуры в японском посольстве в Москве или от вскрытия дипломатической вализы в экспрессе Москва – Владивосток, пока неизвестно. И вряд ли в обозримом

будущем удастся установить истину – Центральный архив ФСБ надежно хранит свои тайны.

Наиболее ценной и имеющей значение для членов Политбюро была телеграмма № 616 от 19 апреля, отправленная Кавабэ начальником штаба Квантунской армии. Эта телеграмма также была перехвачена и расшифрована. В телеграмме давался анализ обстановки в Маньчжурии и на советской границе. Сообщалось, что СССР в данный момент не намерен затевать вооруженный конфликт с Японией в Северной Маньчжурии. В телеграмме отмечалось: «Квантунская армия исходя из общей политики по возможности будет стремиться к установлению дружеских взаимоотношений с СССР и воздерживаться от мер, которые могут нервировать последних...» Информация была исключительной важности, исходила из такого ценного, хотя и невольного источника, как начальник штаба армии, и подтверждала предположения некоторых советских политических и военных деятелей, утверждавших, что в 1932-м войны не будет. В Москве могли вздохнуть с облегчением. Разрозненные и разобщенные китайские войска отступали в западном, восточном и северном направлениях к советским границам. Части Квантунской армии готовились к очищению Маньчжурии от китайских войск, и начальник штаба сообщал военному атташе об этом и уточнял в телеграмме: «В целях укрепления основ маньчжурской государственности Квантунская армия предполагает в скором времени выдвинуть сравнительно крупные силы к советским границам для очищения пограничных районов от мятежников». Иными словами, готовилось крупное наступление японских войск, и Квантунская армия выходила к советским границам на всем протяжении от Забайкалья до Владивостока. Подразумевалось, что пересекать границу и вступать на советскую территорию японские части не собираются.

Сил для этого у Квантунской армии в 1932-м еще не было. Надежных сил, чтобы дать сокрушительный отпор в случае нарушения советских границ весной 1932-го, не было и у ОКДВА. Весной 1932-го мероприятия по усилению дальневосточной группировки только начинались, и до их завершения было еще очень далеко.

На следующий день Кавабэ отправил две телеграммы начальнику штаба Квантунской армии. В конце апреля и в мае он отправил также три телеграммы помощнику начальника генштаба. Все эти документы были перехвачены, расшифрованы и доложены Кагановичу и членам Политбюро. Военный атташе внимательно следил не только за событиями и обстановкой в Москве, что он обязан был делать по своей должности, но и за обстановкой внутри Японии. И не только следил, но и давал свои оценки и рекомендации, конечно, в весьма почтительной форме. В телеграмме от 25 мая за № 25 он писал: «Позволю себе, находясь в центре СССР, следящего с большим вниманием за ситуацией внутри империи, высказать в порядке мнения „лягушки, сидящей в колодце“, следующее...» И эта дипломатическая лягушка квакала, высказывая вполне верные суждения.

В своих телеграммах начальнику штаба Квантунской армии он, в частности, отмечал: «2) Можно считать, что СССР уже отказался от мысли распространять свое политическое влияние на Северную Маньчжурию. Но что касается оставления в своих руках КВЖД, то будет правильным считать, что Советский Союз по-прежнему проявляет большую привязанность к этой дороге... Я полагаю, исходя из внешней и внутренней ситуации, что программа действий Вашей армии сводится к тому, чтобы как можно меньше нервировать Советский Союз и сводить к минимуму угрозу в отношении советских границ. Коль

скоро существует такая линия поведения, мы должны декларировать перед всем миром смысл акций японских войск и заставить представителей советского правительства ясно понять нашу линию». И в конце телеграммы добавлял: «Выражаю пожелание, чтобы все наши военно-оперативные мероприятия гармонизировались с этой декларацией». Оценки были высказаны трезвые и соответствовали реальному соотношению сил между двумя государствами в то время.

В телеграмме от 20 апреля, направленной в Токио, он приводит мнение сотрудника английского генштаба: «Генштаб Англии, считая, что СССР не предпримет никаких активных мер, если только Япония не вызовет его на войну, по-прежнему оптимистически оценивает существующую ситуацию». А в телеграмме от 31 мая, также направленной в Токио, он говорит о публикациях японской печати, отмечая, что представители Советского правительства весьма чутко реагируют на все заявления японских политических деятелей и на высказывания в прессе относительно японо-советских отношений. Предложения Кавабэ были весьма разумными: «... Исходя из этого считаю, что, если наше правительство, руководя прессой, искусным образом смягчит тон японской печати в отношении СССР, то это даст весьма разительный эффект наряду со спокойными и в то же время твердыми декларациями японского правительства».

Подборка японских документов, отправленная Балицким Кагановичу, была неоднородной по содержанию. Большинство из них представляли информацию разведки тактического характера и вряд ли были интересны для членов Политбюро. Очевидно, зампред ОГПУ решил «показать товар лицом», собрал и отправил «наверх» все, что у него было под рукой. К тому же вся эта документальная информация была получена Особым отделом. Политическая разведка (ИНО

ОГПУ) не имела к получению этих документов никакого отношения.

Судя по рассекреченным делам личного архива Сталина, документы политической разведки появились только в 1933 году. Конечно, это была не вся информация ИНО, которая попадала на стол к генсеку. Сталин отправлял в свой личный архив только наиболее ценную и интересную информацию, которая постоянно должна быть под рукой. Остальная разведывательная информация после ознакомления и внимательного чтения возвращалась обратно в те ведомства, которые ее предоставляли.

19 мая 1933 года зампред ОГПУ Яков Агранов, курировавший работу разведки, представил Сталину три доклада английского посла в Токио в «Форин Офис», полученные по каналам разведки, очевидно, в Лондоне. 5 января 1933 года английский посол в Токио Диндлей высказал в докладе свое мнение о военных приготовлениях в Японии. Отмечая резкое увеличение производства военной техники в Японии, посол привел к выводу: «Несмотря на то, что наша информация не позволяет сказать, что столкновение с Россией должно произойти в ближайшем будущем, я все же сомневаюсь, чтобы такие большие военные приготовления могли иметь место в предвидении действий, направленных против одного только Китая». Сталин подчеркнул этот вывод синим карандашом. К письму английского посла был приложен меморандум английского военного атташе в Токио о производстве военных материалов, в котором он, используя информацию, «полученную из совершенно достоверных источников», констатировал: «... Я прихожу к тому мнению, что теперешняя активность и решение о перевооружении японской армии направлены главным образом против России...» Эти слова также были подчеркнуты Сталиным. В конце

этих полученных политической разведкой документов стояла подпись начальника ИНО Артузова.

Второй доклад посла, адресованный Джону Саймину, был написан 9 декабря 1932 года. Посол, после бесед с военным и военно-морским атташе, высказал свое мнение о возможности советско-японской войны. При этом он обратил внимание на расхождение во взглядах между командованием сухопутной армии и военно-морского флота империи. Конечно, ничего нового в этих расхождениях не было, и они были достаточно хорошо известны. Но на этот раз их высказывал английский посол, да еще в секретном документе, полученном по каналам разведки. И Сталин обратил на это внимание. Тем более что документ был подписан руководителем разведки Артузовым, а к мнению этого профессионала он прислушивался. Поэтому его карандаш подчеркнул основные положения доклада посла: «Если говорить об армии, то среди всех хорошо информированных военных атташе в Токио существует единодушное мнение: японские армейские круги убеждены в том, что война с Россией рано или поздно неизбежна». Отметил он и взгляды морских кругов, высказанные в докладе: «Морское командование придерживается других взглядов. Россия в настоящий момент слишком слаба на море для того, чтобы считаться потенциальным противником японского флота». Обратил Сталин внимание и на оценку Владивостока, но как базы не военно-морского, а воздушного флота: «Если рост авиации будет продолжаться такими же темпами, как до сих пор, то недалеко то время, когда Владивосток станет базой, откуда будут возможны разрушительные воздушные рейды на города японского архипелага».

26 ноября 1933 года Агранов представил Сталину доклад американского посла в Токио Джозефа Грю, посланный в Вашингтон 14 сентября. Посол сообщал,

что на пост министра иностранных дел назначен барон Хирота, бывший посол в Москве. Посол характеризовал барона как ревностного приверженца политики генерала Араки, выступающего против примирения на внешнем фронте. Лозунг Араки «Азия для азиатов» стал кредо барона во внешней политике империи. Посол в своем докладе отметил, что в дипломатических кругах в Токио ходят упорные слухи о том, «что русские разведывательные органы (очевидно, имеется в виду КРО ОГПУ) застигли некоторых из японских агентов на месте преступления и добились от них признаний, которые сделали невозможным дальнейшее использование Хирота на его дипломатическом посту...». Так ли было на самом деле и не был ли отзыв Хирота из Москвы связан со статьей в «Известиях» – ответа на этот вопрос пока нет. И опять карандаш Сталина подчеркивал те места доклада, в которых говорилось о возможной войне между Японией и Советским Союзом. Вот только несколько выдержек из доклада посла, на которые он обратил внимание: «Но теперь они готовятся к выступлению против России...», «Токио пытается спровоцировать Советский Союз на войну без того, чтобы затронуть США...», «Я уже много раз сообщал Вам, что общественное мнение считает русско-японский конфликт неизбежным...»

* * *

1934 год, судя по документам дел № 186 и 187 сталинского архива, был более богатым по количеству документов, касающихся Японии и представленных ГПУ. Но Сталину приходилось иногда читать не только информацию политической и военной разведок, но и другие документы, связанные с деятельностью Спецотдела ОГПУ. Вот один, достаточно характерный

пример. Фактический руководитель ОГПУ, хотя и числившийся заместителем, Генрих Ягода отправил 17 февраля 1934 года очередное письмо Сталину. Суть письма была следующей. Спецотдел ОГПУ, руководимый Глебом Бокием, перехватил и расшифровал телеграмму японского военного атташе в Москве полковника Кавабэ в адрес японского генштаба. Телеграмма из японского посольства была послана 13 февраля и уже через четыре дня ее текст был известен Сталину.

Ягода обращал внимание Сталина на места в телеграмме: «... Это предположение основывается на моих беседах с начальником отдела внешних сношений Смагиным, с которым я непосредственно связан по служебной линии», и этому сообщению Кавабэ придавал «серьезное значение». Текст телеграммы, приведенный Ягодой, выглядит достаточно безобидно. Смагин в это время занимал должность начальника отдела внешних сношений наркомата и начальника 4-го отдела Разведупра и по обеим должностям имел вполне официальные контакты со всеми иностранными военными атташе, аккредитованными в Москве. Ничего предосудительного в таких контактах не было. Любой военный атташе в стране пребывания обязан был иметь контакты с официальными представителями военного ведомства. Ничего странного не было и в близких контактах Смагина с сотрудниками японского военного атташата – вся его служба в РККА была связана с Дальним Востоком и Японией.

Он вступил в Красную Армию добровольцем в 1918 году на Дальнем Востоке. До этого служил в русской армии в Маньчжурии, имея чин прапорщика. Во время гражданской войны находился на командных должностях, дважды попадал в плен к японцам, а также находился на нелегальном положении на территории, занятой бандой атамана Семенова. С 1926

по 1931 год Смагин был сначала помощником, а затем военным атташе в Японии. Ягода в докладе Сталину привел такой случай: «В период пребывания Смагина в Японии в должности помощника военного атташе имел место установленный лично военным атташе тов. Примаковым следующий случай. Капитан разведки Японского Генштаба Унаи, будучи в состоянии сильного опьянения, назвал в беседе с тов. Примаковым особо законспирированный псевдоним Начальника Разведывательного Управления Штаба РККА тов. Берзина („Воронов“), по которому адресовалась из Токио совершенно секретная корреспонденция нашего военного атташата. Одновременно тот же капитан Унаи выболтал содержание одного из секретных докладов тов. Примакова в Штаб РККА. Псевдоним „Воронов“ был в нашем военном атташате в Японии известен только тов. Примакову и его помощнику Смагину. Тов. Примаков сообщил об этом случае в Штаб РККА как о чрезвычайно подозрительном, но по существу это явление расследовано не было».

В июле 1933 года Смагин был назначен начальником отдела внешних сношений штаба РККА. Но в ОГПУ не забыли о сообщении Примакова, и, очевидно, за ним было установлено негласное наблюдение. Ягода сообщал Сталину: «Нами точно установлено, что Смагин в январе 1934 года, пользуясь своими личными служебными возможностями, взял у рядового сотрудника 4-го Управления на дом на три дня 57 карточек секретного агентурного материала о Японии и 29 карточек по Китаю, что к его текущим служебным обязанностям не имеет никакого отношения». Было ли это на самом деле, или это была очередная выдумка будущего наркома внутренних дел? Если бы Смагин действительно работал на японскую разведку, то у него хватило бы ума не брать на дом карточки с секретной информацией – знал ведь, что все руководящие

разведупровцы находятся под «колпаком» у Особого отдела. Неубедительно выглядит и утверждение Ягоды о том, что за время работы Смагина в должности начальника отдела внешних сношений, связанной с постоянным общением с корпусом военных атташе, наблюдается явно выраженная личная близость и симпатии, проявляемые им по отношению к представителям японского военного атташата, и в частности к полковнику Кавабэ.

Если человек несколько лет провел в какой-то стране, то его тяга к официальным представителям этой страны вполне объяснима, и криминала в этом нет.

Но наблюдение за Смагиным продолжалось, а его контакты с японским военным атташатом и другими иностранцами сводили слежку на нет. Поэтому Ягода внес свое предложение: «Ввиду изложенного полагал бы целесообразным отстранить Смагина В. В. от занимаемой им должности Начальника Отдела Внешних сношении Штаба РККА и Начальника 4-го Отдела 4-го Управления с тем, чтобы иметь возможность в ближайшее время проверить по существу поведение и роль Смагина в отношении японцев». Если бы его предложение было принято, то судьба Смагина была бы решена. Нашлись бы и компромат, и причина для ареста. А после ареста из него бы выбили любые признания, нужные для суда. Но в начале 1934-го убедить Сталина в виновности человека одной докладной запиской было еще очень трудно. На первой странице этого документа рукой Сталина фраза: «Переговорить с Ворошиловым». С Климом он переговаривал, и наркому удалось отстоять своего разведупровца. Такое впечатление, что до убийства Кирова Ворошилов был более решительным в защите своих людей перед «органами». Очевидно, сломался он после выстрела в Смольном.

11 марта Ягода направил Сталину очередной японский разведывательный материал. В сопроводительном письме он писал: «Направляю при этом документальный агентурно изъятый японский материал, направленный японским военным атташе в Турции в адрес Генерального Штаба Японии в Токио. Документ представляет оценку возможности использования мусульманских государств по линии политико-стратегических мероприятий против СССР, а также соображения по поводу проведения необходимых мер в мирное время». Доклад был составлен японским военным атташе в Турции Канда Масатанэ. Судя по тому, что текст доклада нашего старого знакомого был завизирован начальником Особого отдела Гаем, фотокопия этого документа была получена агентурным путем в японском посольстве в Москве. Канда Масатанэ за эти годы превратился из скромного офицера японской разведки в военного атташе в Турции. Но по-прежнему он находился около советских границ и продолжал заниматься разведкой против СССР. В январе 1934-го он совершил поездку в Ирак, Сирию, Палестину и Египет. Основная задача – попытка использовать мусульманский мир против Советского Союза. Японская разведка еще в 1930-е годы хорошо понимала значение дестабилизации в Кавказском и Среднеазиатском регионах.

В предисловии своего доклада военный атташе отмечал: «... в связи с напряжением наших взаимоотношений с СССР, возникает необходимость введения наших политико-стратегических мероприятий в стадию конкретизации. Считаю также, что нынешняя ситуация в Европе требует, чтобы наша империя как можно скорее обратила внимание на использование мусульманских государств». В генштабе продолжали готовиться к войне и, чтобы исключить усиление Дальневосточной группировки Красной Армии во время

войны, планировали организацию подрывных и диверсионных мероприятий в Кавказском и Среднеазиатском регионах, рассчитывая, что для подавления возникших беспорядков туда будут направлены значительные военные силы.

Изменившаяся в 1934 году обстановка в Европе оценивалась военным атташе как улучшение военно-политического положения на западных границах СССР. В докладе есть соответствующий абзац: «Улучшение внешнеполитических отношений между СССР, с одной стороны, и Польшей, Францией и другими европейскими государствами – с другой, отнюдь не носит долговечного характера. Однако, предполагая в ближайшем будущем возникновение войны с СССР, мы должны быть готовы к тому, что эта война начнется в общем при тех международно-политических условиях, которые существуют в данный момент». Интересно, что этот пассаж был отмечен Сталиным при просмотре документа. На полях он поставил знак вопроса. Подчеркнул генсек и еще одну фразу доклада: «Чтобы Япония утвердила свою мощь, мусульмане должны помочь ей в войне с СССР, которую она прежде всего имеет в виду провести». Основной вывод доклада Масатанэ был следующим: «... Нашей целью должно явиться использование религиозных чувств мусульман, возбуждение вражды против СССР, объявившего войну религии. Мы должны растолковать мусульманам смысл нашей священной войны против Советского Союза и заставить их оказать нам моральную и конкретную поддержку».

Сталин, конечно, помнил публикацию в «Известиях» от 4 марта 1932 года. И у него появилась идея повторить удачный опыт. Поэтому доклад Масатанэ вместе с сопроводительной запиской Ягоды был отправлен Карлу Радеку с резолюцией Сталина: «т.

Радеку. Не стоит ли опубликовать, может быть с некоторыми пропусками? И. Ст.».

Радек, ознакомившись с докладом, ответил 17 марта. Привожу ответ полностью.

«Дорогой товарищ Сталин,

1. Не зная состояния наших переговоров с ними и Вашей оценки военной опасности, я стесняюсь иметь суждение о целесообразности печатанья.

Печатанье документа имеет одно преимущество: показывает опасность стране и миру. Но это можем достигнуть и другими средствами, в то время как напечатание вещь очень острая.

2. Если считаете нужным печатать, то, думаю, лучше без сокращения. Сокращать стоит, если бы надо было выбросить для нас не подходящее, а такого не нашел. Жду указания.

Сердечный привет

К. Радек».

Очевидно, доводы Радека показались Сталину убедительными. Публикации в печати не последовало и его ответ с резолюцией: «Мой архив. И. Ст.» был положен в папку документов политической разведки.

Радек был прав. Ничего конкретного, говорящего о разведывательной, подрывной и диверсионной деятельности против Советского Союза в докладе не было. И публикация его в открытой печати означала бы только факт успешной работы нашей разведки, которая может получать документы японских военных атташе не только в Москве, но и в других странах. Но так как с публикацией 4 марта ОГПУ уже «засветилось», то вряд ли стоило «светиться» вторично и еще раз

настораживать военного атташе и разведывательный отдел японского генштаба. Внимательное изучение доклада показывает, что этот документ в отличие от документа, опубликованного 4 марта, не обладал большой «убойной силой». Общие рассуждения о привлечении стран мусульманского мира к борьбе против Советского Союза говорили о том, что эта проблема ставилась в общем, перспективном плане перед руководством японской разведки. Содержание второй главы доклада, где говорилось о мерах, которые следует проводить в мирное время по линии использования мусульманских государств, касалось дипломатических и экономических взаимоотношений Японии с мусульманскими государствами, к нашей стране отношения не имело. Но, очевидно, по каким-то неизвестным пока причинам до использования этих государств в мирное время против Советского Союза дело так и не дошло. Эта проблема стала актуальной только в самом конце XX века.

В начале 1934-го начальник генштаба разослал военным атташе, аккредитованным в сопредельных с Советским Союзом странах, директиву о предоставлении соображений по вопросу о проведении политико-стратегических мероприятий против СССР. В соответствии с этой директивой военный атташе Японии в Москве подполковник Кавабэ направил начальнику генштаба докладную записку о плане политико-стратегических мероприятий. Документ был направлен в Токио в апреле с грифом: «Чрезвычайно секретно. экз. № 3 (из четырех)».

Сталин подучил перевод этого документа 23 августа с сопроводительным письмом, подписанным зампредом ОГПУ Яковом Аграновым. Первый раздел документа касался национальностей, входящих в состав Советского Союза, и являлся дополнением к донесению от октября 1933 года – «Изучение национального

вопроса в Советском Союзе». Подполковник давал свои характеристики украинцам, белорусам, грузинам, армянам, казахам, татарам. Любопытна его характеристика горных племен Кавказа: «... чеченцы, черкесы, осетины и другие горные племена весьма малочисленны и в политическом отношении серьезного значения не имеют, но они отличаются высоким чувством национального достоинства и тягой к независимости; стойко сохраняют свою самобытность, находясь под властью того или иного правительства и государства, упорно придерживаются своих примитивных племенных традиций, весьма воинственны, до сих пор культивируя обычаи кровной мести». Емкая характеристика, актуальная и сегодня.

Военный атташе Японии занимался не только межнациональными отношениями и проблемами, но и пристально следил за внутривнутриполитической обстановкой. В документе есть специальный раздел: «Политические враги Сталина». В этом разделе один абзац был подчеркнут генсеком. Ссылаясь на информацию, полученную от своей агентуры, Кавабэ писал: «По нашим агентурным данным, остатки троцкистов и оппозиционно-настроенные в отношении Сталина продолжают подпольную деятельность и стремятся к тому, чтобы, преодолев все препятствия, связаться со своими единомышленниками за границей. Некоторые из них под лозунгом 4-го Интернационала ставят задачей свергнуть нынешнюю власть и поставить Троцкого. Хотя сила влияния Сталина сейчас достигла предельной степени, все же, если его политика хотя бы в какой-нибудь части в дальнейшем обнаружит свою несостоятельность и начнутся перебои в проведении его политики, не исключена возможность, что немедленно возникнут антисоветские тенденции. Сталин имеет ряд достоинств, соответствующих великому политику, но он имеет в то же время

политических врагов. С точки зрения политико-стратегических мероприятий, мы должны принять все меры к тому, чтобы наметить наиболее влиятельную группу его политических врагов и установить с ней контакт. Убежден, что это вовсе не является невозможным».

Можно не сомневаться, что это был не единственный документ, в котором говорилось о том, что разведка потенциального противника, в данном случае Японии, пыталась установить контакт с политическими противниками Сталина. И это были не «признательные показания, полученные в лубянском подвале, истинную цену которым он хорошо знал, а свидетельство опытного профессионального разведчика, который, конечно, не догадывался, что его сверхсекретный доклад может быть прочитан в кремлевском кабинете Сталина. И документальное свидетельство иностранного разведчика не прибавляло доверия Сталина к политическим оппонентам, с которыми он боролся за власть в стране.

А 5 сентября поступила информация от политической разведки. В донесении сообщалось, что ИНО получило агентурное сообщение «от серьезного польского источника». Фамилия источника, конечно, не указывалась даже в донесении, адресованном Сталину. В первом разделе донесения говорилось о польско-германо-японских отношениях. Судя по информации, полученной в Москве, намечался военный альянс трех стран, направленный против Советского Союза, и это очень встревожило Сталина. Он внимательно прочел донесение, отчеркивая основные абзацы. Перспектива возможного военного конфликта на Западе и на Востоке его не радовала, а развивающиеся контакты между Германией и Польшей вызывали тревогу.

По информации, которую источнику удалось получить у начальника главного штаба генерала

Гонсиоровского, «Пилсудский нажимает на японцев (через министра иностранных дел Бека и Гонсиоровского), чтобы они провоцировали СССР возможно скорее и активнее, однако не для того, чтобы немедленно, еще в этом году вызвать войну между Японией и СССР, а для того, чтобы ослабить просоветские настроения во Франции, напугать Францию возможностью войны на Дальнем Востоке и показать ей, что СССР для Франции не союзник». Гонсиоровский, очевидно, в беседе с источником, утверждал, что Пилсудский в июле получил письмо от генерала Араки. Воинственный генерал писал польскому маршалу, что японцы медлят начинать войну только исходя из состояния японской авиации, для усиления которой Японии нужно еще обождать с войной до марта 1935 года. Но если Польша и Германия, сообщал генерал, дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно. В донесении сообщалось также, что в октябре в Берлин приедет японская военная миссия для пересмотра польско-японского военного соглашения 1931 года и для заключения нового соглашения. В Берлин для ведения этих переговоров должен прибыть Гонсиоровский, также с военной миссией. Столица Германии была выбрана для того, чтобы не «светиться» в Варшаве и не настораживать Москву.

Если судить по объему донесения (16 страниц машинописного текста с подписью начальника ИНО Артузова в конце), источник был весьма солидным и обладал большими связями в Варшаве. В разделе документа о польско-германских отношениях Сталин подчеркнул то место, где говорилось о том, что 27 июля между Пилсудским и Гитлером заключено новое «джентльменское соглашение». Одним из пунктов этого

соглашения была договоренность: «В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества – Польша и Германия заключают с Японией военно-оборонительные союзы». Этот пункт в документе также был отмечен Сталиным. Осенью 1934-го угроза союза трех стран против СССР была достаточно серьезной, и политической разведке удалось своевременно получить информацию о возможности такого союза.

В конце 1934 года, судя по немногим рассекреченным документам, порадовала Сталина и военная разведка. 9 сентября ему на стол положили перевод текста фотоснимка с копии доклада германского военного атташе в Токио полковника Отта. Доклад был датирован 30 июля, с ним был ознакомлен посол Дирксен. В документе рассматривался вопрос о влиянии морских кругов на внутреннюю и внешнюю политику империи. Извечный спор между армией и флотом о первенстве при определении внешнеполитического курса Японии и направлении агрессии на Север или Юг интересовал не только советскую разведку, но и военного атташе, будущего союзника по антикоминтерновскому пакту. Интересовались этим и в министерстве рейхсвера, и Отт, систематизировав всю имевшуюся у него информацию, отправил доклад в Берлин. С копией доклада познакомился Рихард Зорге, сфотографировал ее, и пленка была отправлена в Москву. Это был первый рассекреченный к настоящему времени документ Зорге, доложенный Сталину. Сопроводительки на этот раз не было, и на первой странице рукой первого заместителя начальника Разведупра Артузова две надписи: «Тов. Сталину» и «Послано также тов. Ворошилову».

Второй документ военной разведки (из рассекреченных), доложенный Сталину, был датирован 8 декабря. Это было приложение к морскому

донесению, которое составил помощник военного атташе по морским вопросам. Документ был получен агентурным путем в германском посольстве в Москве. Немецкий военный дипломат встретился со своим японским коллегой – японским морским атташе капитан-лейтенантом Накаси, и тот сообщил ему свою оценку политического положения на Дальнем Востоке. По мнению японского дипломата, «не приходится ожидать вооруженного конфликта между СССР и Японией ни зимой, ни будущей весной, если, конечно, не произойдет какого-нибудь непредвиденного случая. Обе стороны нуждаются в мире...». Он считал, что обе стороны видят друг в друге вероятного противника и остается открытым вопрос, вызывается ли эта боязнь действительным незнанием положения и сил противника или же какими-нибудь другими причинами. Капитан-лейтенант утверждал в беседе, что мир в этом регионе можно считать обеспеченным до весны 1935 года. А вот дальнейший ход развития событий остается неизвестным и ненадежным. Оценка обстановки достаточно оптимистичная, особенно если учесть, что ее высказал морской офицер. А интересы военноморского флота лежали далеко от Владивостока, в зоне южных морей.

* * *

Когда знакомишься с документами политической разведки, положенными на стол Сталина, с его резолюциями, подчеркиваниями, отчеркиваниями отдельных абзацев, видишь то, на что он обратил внимание, чем заинтересовался, что для него было важным в дальневосточных делах. И можно представить, что же для него было главным во взаимоотношениях с Японией. Конечно, рассекреченных

документов разведки явно недостаточно, чтобы сделать однозначные выводы, тем более что неизвестны аналитические обзоры Разведупра, касающиеся проблем дальневосточного региона. А такие обзоры, конечно, были, и Сталину они докладывались. А из всего известного пока исследователям можно сделать главный вывод – для Сталина основной в эти годы была угроза войны с Японией. А в 1934 году – угроза коалиции трех стран (Германия, Япония и Польша) и возможность войны на два фронта. А к такой войне на два фронта в первой половине 1930-х страна еще не была готова.

Может быть, поэтому Сталин во всех документах, которые ему докладывали, искал и, конечно, находил подтверждение своему убеждению о неизбежности войны с Японией. Конечно, Сталин думал о будущей войне с империей. Ни о каком миролюбии с его стороны, – политику на Востоке определял только он, – не могло быть и речи. Возрождая былую славу и мощь российской империи и смотря с вожделием на утраченные на Западе земли, которые он получил в 1939 – 1940-х годах, диктатор не забывал и о Востоке. Но для того, чтобы получить обратно все, что было утрачено там после поражений 1905 года, нужна была новая победоносная война с Японией. А к такой войне в первой половине 1930-х Советский Союз еще не был готов. Япония же, особенно высшее офицерство армии, подойдя вплотную к советским дальневосточным границам на огромном протяжении, могла ввязаться в новую военную авантюру.

Информация военной разведки в 1933 г.

Во время конфликта на КВЖД в 1929 году и в последующие годы на Дальнем Востоке был создан крупный центр агентурной разведки оперативно-тактического характера. ОКДВА была армией только по названию. Фактически в начале 1930-х, когда началось усиление дальневосточных рубежей, это был очень крупный и по территории, и по количеству войск пограничный военный округ. В Хабаровске находились командование и штаб армии, а в штабе – разведывательный отдел, закамуфлированный под номером четыре по аналогии с 4-м Управлением Штаба РККА.

Летом 1932-го начальник Разведупра Берзин назначил в Хабаровск своего соотечественника Августа Гайлиса (Валина) на должность начальника отдела штаба армии. Он родился в 1895 году. В РККА с 1918-го, в разведке с 1920-го. Вначале помощник заведующего разведкой 4-й армии, потом в Разведупре был заведующим сектором информационно-статистического отдела. В 1923-м оканчивает Военную академию и направляется на нелегальную работу в Латвию. С 1926 года полем его деятельности становится Восток. В 1926—1927 годах он секретарь Китайской комиссии Политбюро, а в 1930—1931 годах был военным советником ЦК Компартии Китая. В 1931—1932 годах был помощником начальника агентурного отдела Разведупра и с этой должности отправился в Хабаровск. На посту начальника разведки ОКДВА находился до апреля 1937-го, а потом был вызван в Москву и несколько месяцев до дня ареста 26 июля руководил 2-м восточным отделом Разведупра. Через три месяца, 26

октября, комбриг Гайлис был расстрелян. Оборвалась жизнь еще одного крупного разведчика, так много сделавшего для военной разведки на Востоке.

Помощником Гайлиса Берзин подобрал тоже латыша, но постарше и поопытнее. Христофор Салнынь родился в Риге в 1885 году, а в РСДРП вступил в 1902-м. Такого партийного стажа не было ни у кого в военной разведке. Участник первой русской революции, из-под ареста бежал, и с 1908 по 1920 год – в эмиграции. В 1920-м выехал на Дальний Восток. На разведывательной работе в Китае находился до 1923 года. В 1923 году переброшен в Германию. Готовился «германский Октябрь», и в эту страну направляли тех, кто имел боевой и революционный опыт. Того и другого у Салныня было в избытке, и он занимался созданием нелегальной боевой организации Компартии Германии, организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети подпольных складов оружия. В 1926—1929 годах опять на Востоке – резидент в Китае. Участник конфликта на КВЖД – руководитель диверсионной работы в тылу китайских войск. В 1930—1932 годах – разведывательная работа в странах Центральной и Восточной Европы. В декабре 1931-го в очередной аттестации Берзин так характеризовал этого крупного и опытного разведчика: «Весьма опытный и развитый работник разведки. Общая подготовка средняя, специальная военная – слабая. Специализировался по вопросам партизанской войны и подрывного дела. Обладает твердым характером и сильной волей. В трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью. Быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их своей воле. Любит дисциплину и сам дисциплинирован. С подчиненными тактичен, пользуется авторитетом и любовью...»

С Гайлисом он проработал в Хабаровске до 1936-го. Получил звание бригадного комиссара, что соответствует комбригу, и в начале 1936-го был отозван в Москву. В Разведупре возрождали активную разведку, и в феврале 1936-го Салнынь был назначен заместителем начальника спецотделения «А». С июня 1937-го по март 1938-го он в Испании – советник 14-го партизанского корпуса по организации диверсий и партизанского движения. Затем отзыв в Москву, арест 21 апреля и расстрел 8 мая 1939 года. Так закончилась жизнь еще одного участника разведывательной работы на Дальнем Востоке.

Со времен российской империи пограничные военные округа имели свою агентурную сеть на территории сопредельных стран. Эта сеть обслуживала территорию в тактической зоне на глубину до 250 километров и отслеживала все изменения в пограничных гарнизонах и крепостях, а также внимательно следила за развитием железнодорожного строительства, которое велось по направлению к границам империи. Под пристальным наблюдением агентуры были также и перемещения войск в пограничных районах. В результате такой деятельности в штабах пограничных округов хорошо знали обо всем, что происходило за линией границы. После окончания Гражданской войны и установления границ на Западе и Востоке Разведупр взял на вооружение этот уже проверенный метод наблюдения за погранзоной возможных противников. Разведотделы западных пограничных округов: Ленинградского, Белорусского и Украинского «просматривали» территорию Финляндии, прибалтийских стран, Польши и Румынии, а южных округов: Закавказского и Среднеазиатского, пограничные районы Турции, Ирана и Афганистана. Это была обычная практика повседневной разведывательной работы в мирное время. На

протяжении межвоенного двадцатилетия эта отработанная и проверенная десятилетиями система давала обильную информацию, которая учитывалась при боевой и организационной подготовке войск округов. Поступая в Москву, она существенно дополняла информацию стратегической военной разведки.

Разведотдел штаба ОКДВА не составлял исключения. После начала японской агрессии в Маньчжурии к уже имевшейся агентуре военной разведки в этом регионе добавляются новые резидентуры и агентурные сети. Идет не только наблюдение за усилением и перемещением частей Квантунской и Корейской армий, но и проникновение в структуру японских военных органов на азиатском континенте. Информационный сектор отдела очень внимательно отслеживал всю иностранную прессу, которая поступала в Хабаровск из многочисленных советских консульств в Маньчжурии, Корее и Японии. Вся собранная информация систематизировалась и анализировалась в военно-политических бюллетенях разведотдела. Это позволяло командованию ОКДВА, и в первую очередь Блюхеру, быть в курсе политических и военных событий в дальневосточном регионе.

Информация военной разведки, полученная от агентуры в Маньчжурии и Корее, дополнялась анализом иностранной прессы и информацией, получаемой из Москвы. Все это обобщалось в ежемесячных военно-политических бюллетенях, которые подписывал начальник 4-го отдела штабе ОКДВА Валин. Вот анализ только нескольких бюллетеней за 1933 год.

В бюллетене № 3 от 28 марта указывалась выявленная агентурой дислокация японских войск в Маньчжурии. На западной ветке КВЖД в Хайларе дислоцировалась 1-я кавалерийская бригада. В районе Цицикара – части и штаб 14-й пехотной дивизии. В

Харбине располагался один из полков 10-й дивизии, остальные части дивизии находились на восточной ветке КВЖД от Мулина до станции Пограничная около советско-маньчжурской границы. Отмечались также переброски из этих частей сводных отрядов в китайскую провинцию Жэхэ, где в то время шли бои с частями китайской армии.

В бюллетене № 4 от 5 мая давалась оценка общей обстановки в Маньчжурии. Отмечалось, что в Маньчжурии сейчас нет серьезной организованной силы, могущей иметь решающее значение в антияпонской борьбе. Все вооруженные формирования китайской армии или были разгромлены, или вытеснены на советскую территорию. Подчеркивалось, что это положение составляет важнейший момент для правильной оценки современной военной и политической обстановки в Маньчжурии и внешней политики японского империализма. Вся Маньчжурия и провинция Жэхэ, захваченная в начале 1933 года частями Квантунской армии и присоединенная к Маньчжоу-Го, находилась под полным контролем японских войск. В этом же бюллетене отмечалось, что части, выделенные из составе 14-й и 10-й пехотных дивизий, вернулись из Жэхэ в Маньчжурию и обе дивизии уже в полном составе были сосредоточены в местах своей постоянной дислокации.

В бюллетене сообщалось, что с 28 марта по 1 апреля в Токио была проведена конференция командиров дивизий. Было решено переориентировать высший комсостав японской армии в связи с ее реорганизацией и сложившейся междунеродной обстановкой. С докладами на конференции выступили военный министр генерал Араки и заместитель начальника генштаба генерал Мадзаки. В бюллетене отмечалось, что информация о конференции была получена агентурным путем, хотя и не указывалось, получена ли

она из Москвы или добыта агентурой разведывательного отдела. Мадзаки в своем докладе отметил: «На отпущенные правительством средства в текущем году удастся перевооружить только часть дивизий, и полная реорганизация будет закончена только к весне 1935 года...» В его докладе также было отмечено, что в связи с реорганизацией армии генштабом перерабатываются мобилизационные и оперативные планы. На конференции также была признана недостаточность информации о Советском Союзе и ее неточность. Поэтому было решено усилить разведку СССР по линии военных атташе, консульств и другими способами как в самой стране, так и за ее пределами. Как видно, информация о конференции была достаточно подробной. Может быть, отчет о конференции был послан в Харбинскую военную миссию, где у военной разведки были агентурные возможности? Возможно, но это следует отнести к разряду предположений автора, документальных доказательств нет.

К лету 1933 года в Японии уже достаточно серьезно воспринимали угрозу воздушного нападения на острова со стороны Японского моря в случае конфликта с Советским Союзом. В том же бюллетене отмечалось: «По агентурным данным, в районе плоскогорий и в районе Японских Альп проводятся большие работы по созданию оборонительной базы для защиты от воздушного нападения со стороны японского моря. В этих горных районах устанавливаются звукоулавливатели, зенитные орудия, посадочные площадки, строятся ангары для истребительной авиации. Построена горная дорога для перевозки орудий. Районы засекречены, и на их границах расставлены посты».

Более подробно оценка международного положения Японии и подготовки ее к войне была дана в

следующем номере бюллетеня (№ 5 от 5 июня 1933 года). В нем отмечалось, что «по совершенно проверенным агентурным данным, часть японских руководящих военных кругов в начале мая считали возможным прибегнуть к военной силе в случае невыполнения нами требований Маньчжоу-Го по вопросу о КВЖД». Такая антисоветская активность Японии, по мнению разведотдела, питалась в значительной степени возросшими надеждами на ухудшение международного положения Советского Союза. В особенности японская военщина возлагала надежды на поддержку Англии и на использование антисоветских настроений, развязанных в Германии гитлеровским переворотом. В Японии планировали возрождение японо-английского союза по типу союза, который помог Японии в русско-японской войне. Но это были только японские пожелания.

В бюллетене указывалось, что задача дипломатической изоляции СССР и сколачивание антисоветского блока не может еще считаться решенной. Отмечалось также, что среди японской военщины растет убеждение в том, что военная мощь СССР выросла и поэтому задача войны один на один против СССР может оказаться для Японии непосильной. Это начали понимать даже в высших военных кругах Японии. В бюллетене приводилась информация, полученная по агентурным каналам: командующий Квантунской армией генерал Муто высказал перед японским правительством ту точку зрения, что хотя СССР и переживает некоторые внутренние экономические затруднения, но военная мощь Союза не может подвергаться никаким сомнениям. Поэтому, заявил генерал, Япония не должна прибегать сейчас к методам грубого давления на СССР, а должна разрешать спорные вопросы на данном этапе дипломатическим путем и продолжать работать над

усилением своей армии в Маньчжурии и увеличением средств боевой техники. Подобные высказывания говорили о том, что Япония еще не готова к войне один на один с Советским Союзом, что подготовка будет долгой и что требуются годы, чтобы создать военно-экономическую базу для большой войны. В начале 1930-х империя начала подготовку к такой войне.

Интересна оценка, которая была дана в этом номере бюллетеня кабинету Сайто: «Кабинет Сайто, проводивший выход Японии из Лиги Наций, санкционировавший дальнейшее развитие японских военных операций в Жэхэ, Чахаре и Северном Китае, поощрявший провокационные выступления против СССР по вопросу о КВЖД, сумевший провести через парламент огромный военный бюджет, в настоящее время удовлетворяет военщину, ибо она имеет возможность развивать намеченными ею темпами подготовку к большой войне».

В этом же бюллетене отмечалось и усиление японской армии на 4 дивизии, и создание в Маньчжурии в районе Хайлара мощной кавалерийской группы в составе двух кавалерийских бригад, конной артиллерии, бронемашин и моторизованной пехоты. Эта группа в случае войны должна была действовать как оперативное соединение, нанося удар по Забайкалью. В бюллетене № 6 от 20 июля отмечались переброски и дислокация японских войск в Маньчжурии. 4 пехотные дивизии, одна пехотная бригада и две кавалерийские бригады – вот те японские войска, которые были вскрыты разведкой штаба ОКДВА. Корейская армия, состоящая из двух дивизий и частей усиления, не увеличивалась и оставалась в местах прежней дислокации. Особое внимание разведка уделяла формированию маньчжурских кавалерийских частей и созданию мощной группировки конницы. В бюллетене отмечалось: «Наличие на Забайкальском направлении

двух кавалерийских бригад и формирование монгольской конницы указывают на стремление японцев создать в этом районе нечто вроде конной армии. Сейчас обе кавалерийские бригады объединяются общим командованием генерала Усами со штабом кавалерийской группы. По агентурным данным, осенью этого года в Маньчжурию будет переброшена из Японии 2-я кавалерийская бригада».

В бюллетене № 7 от 25 августа аналитикам из разведотдела пришлось признать несостоятельность прежних утверждений (1931—1932), когда Францию считали вдохновителем и организатором нового антисоветского крестового похода. В августе 1933-го уже отмечалось: «... Франция, которая до начала этого года последовательно поддерживала японские выступления на Дальнем Востоке, сейчас, после фашистского переворота в Германии и дипломатического сближения с СССР, повернула фронт против Японии...» В бюллетене № 9 от 12 октября давалась оценка военно-политического положения в Маньчжурии. По полученной оттуда информации, японская военщина, являющаяся хозяином положения в Маньчжурии, считает, что главная задача заключается в возможно более быстром оборудовании маньчжурского плацдарма для развертывания здесь в момент большой войны против СССР двухмиллионной японской армии. Цифра в два миллиона явно не соответствовала действительности и была фантастической. Даже к началу 1942-го, когда началась война с США и империя была полностью милитаризована, Квантунская армия, и то только на короткий срок, достигла численности в один миллион человек. На этот раз военная разведка явно ошиблась, приняв за истину чье-то необдуманное высказывание.

Агентура внимательно следила за формированием кавалерийской группы. В бюллетене отмечалось, что, по

агентурным данным, окончательно установлено формирование кавалерийской группы под командованием генерала Усами со штабом в Таонане. В этом же бюллетене было зафиксировано, что, по последним агентурным данным, японское командование настойчиво занимается исследованием путей, идущих от границы к Гродеково, проявляя особый интерес к военному строительству на советской территории. Кроме переброски агентов на советскую территорию, японская разведка производит тщательный опрос перебежчиков с советской стороны. Производились также аэрофотосъемки советской пограничной полосы с высоты 200—300 метров. Противодействовать активизации японской разведки в тот период было практически невозможно. Граница, протяженностью в тысячи километров по берегам Амура и Уссури, не была оборудована так, как она оборудуется сейчас. Местное население, в основном амурские и уссурийские казаки, знало границу не хуже пограничников. И удержать их от переправы на другой берег пограничных рек, особенно после начала массовой коллективизации, не удавалось. Сколько людей, бросив все и рискуя жизнью, бежало в Маньчжурию? Об этом мы, очевидно, никогда не узнаем. Не узнаем также и о том, сколько раз японские самолеты нарушали советское воздушное пространство. Конечно, наша авиация отвечала тем же, и наши самолеты так же летали над маньчжурской территорией, производя аэрофотосъемки. Здесь противодействие шло на равных – кто сфотографирует больше.

Агентурная разведка держала под контролем всю территорию Маньчжурии. Отмечались переброска частей 6-й пехотной дивизии из Маньчжурии обратно в Японию и наличие в захваченной провинции Жэхэ 8-й пехотной дивизии и смешанной бригады японских

войск. К ноябрю 1933-го, по данным советской военной разведки, в Маньчжурии в составе Квантунской армии оставалось только две пехотные дивизии (10-я и 14-я), одна смешанная бригада и кавалерийская группа, о которой сообщала агентура. Для такой обширной территории – немного. Общая численность армии, по японским документам, – 94 тысячи человек – только для выполнения полицейских функций в захваченной стране. Говорить об агрессивности и возможном нападении на северного соседа было бы наивно. И в штабе Квантунской армии о таком нападении наверняка не думали, несмотря на все разработки вариантов плана «ОЦУ» в японском генштабе. В целом военная разведка в дальневосточных районах в тактическом и оперативном направлениях выполняла свои задачи и регулярно информировала командование ОКДВА. Но получение информации стратегического характера ей было, конечно, не под силу. Для получения такой информации нужны были разработки специальных разведывательных операций в штаб-квартире военной разведки в Большом Знаменском переулке, дом 19.

Операция «Рамзай» (1933—1935 годы)

Любая разведывательная операция любой разведки не начинается на пустом месте. Нужны серьезные события в дипломатической, политической или военной областях, которые дали бы толчок для возникновения идеи операции и определили бы ее замысел. Операция «Рамзай» – не исключение. События, начавшиеся 19 сентября 1931 года в Маньчжурии, привлекли к этому району внимание всего мира. Первый очаг Второй мировой вспыхнул на азиатском континенте за восемь лет до начала войны в Европе. Встрепенулись и наострили уши разведки крупнейших стран мира: английская, французская, американская. Японская разведка развернулась в полную силу. Лучшие ее представители – такие как Доихара и Итагаки – отправились на азиатский континент в сопровождении целой толпы более мелких разведчиков.

В «шоколадном домике» – штабе советской военной разведки – внимательно следили за событиями. Для получения более точной информации использовалась китайская резидентура Рихарда Зорге. Но пока неясно было, как развернутся дальнейшие события. После захвата южной Маньчжурии японские войска могли повернуть и на запад, в сторону китайской провинции Чахар, чтобы получить выход к центральным районам Китая. В этом случае необходимо было усиливать разведывательную сеть и создавать новые резидентуры в этой стране. Конечно, в Москве не исключали и такой вариант, когда японская агрессия на материке распространялась бы в северном направлении, к границам Советского Союза. Но в последние месяцы 1931 года ясности еще не было.

К 1933 году Маньчжурия была захвачена. Разрозненные части китайской армии были прижаты к советской границе в Забайкалье и Приморье. Зимой 1933-го через границу переходили тысячи китайских солдат и офицеров. Их интернировали, размещая в лагерях. Солдат и младших офицеров использовали в качестве рабочей силы. 9 марта по прямому проводу в штаб ОКДВА в Хабаровске был направлен сов. секретный приказ № 008сс. Командованию армии приказывалось:

1) Впредь интернировать только высший и старший начсостав.

2) Всех остальных при переходе границы разоружать и предупреждать, что кормить и содержать не будем и что они должны или немедленно стать на работу, или убираться обратно, откуда пришли. В случае отказа от работы – ни в коем случае на нашей территории не оставлять, а гнать в шею подальше от границ...»

Под приказом стояли подписи наркома Ворошилова и зампреда ОГПУ Ягоды.

К весне 1933 года японская разведка, получив маньчжурский плацдарм и прямой выход к советским дальневосточным границам, начала активную разведывательную и диверсионную деятельность против дальневосточных районов страны, используя свои филиалы в крупнейших маньчжурских городах. Филиалы были прикрыты вывесками военных миссий и руководили многочисленными белоэмигрантскими организациями в Маньчжурии, используя членов этих организаций в качестве своей агентуры. Обо всем этом знали в Разведывательном управлении Штаба РККА. И руководитель военной разведки Берзин, и его ближайшие помощники понимали, что активность японской разведки будет нарастать. Такой была

обстановка, когда началось осуществление операции «Рамзай».

Каким был центральный штаб военной разведки к 1933 году? У этой организации было много названий. Во время Гражданской войны военную разведку закамуфлировали под невинным названием Регистрационного управления, или, по принятой тогда сокращенной терминологии, – «Региструпр». После окончания Гражданской, в период бурного сокращения Красной Армии, управление ликвидировали, штаты военной разведки сократили и в штабе РККА появился скромный Разведотдел. В 1924 году, когда началась военная реформа, поняли, что палку перегнули, и отдел развернули в Разведывательное управление, или, сокращенно, Разведупр. В 1926 году, очевидно для большей секретности, все управления штаба РККА переименовали в номерные. Разведупру достался порядковый номер «4», и с этого года в штабе появилось безликое 4-е Управление. И хотя подобный камуфляж никого не мог ввести в заблуждение, а иностранные разведки тем более, это безликое название сохранилось до 1934 года. Но, несмотря на смену вывесок, и в руководстве Наркомата, и в разговорах высшего командного состава название «Разведупр» укоренилось прочно. Так что это название можно принять и современным исследователям.

Управление имело пять отделов – войсковой разведки, агентурный, информационно-статистический, по связям с иностранными военными атташе и дешифровальный. Общее число сотрудников, включая технический и обслуживающий персонал – 120 человек. Но это по штату, а к ним 350 секретных сотрудников, или «прикомандированных», как они числились в официальных документах. Ближайшие помощники Берзина: начальник агентурного отдела Борис Мельников и начальник информационно-

статистического отдела Александр Никонов. Еще один помощник – «для особых поручений» – Василий Давыдов. С ними Берзин начал разработку операции «Рамзай».

Если о Давыдове кое-что писали в статьях и книгах о Зорге, то о двух начальниках отделов читателям ничего не известно. Ни в одной статье или книге они даже не упоминаются. Об одном из них стоит сказать несколько слов.

Борис Мельников – старый разведупровец, работавший в Управлении еще в начале 1920-х и прекрасно знавший Дальний Восток, Японию, Китай, Монголию. У этого человека была богатая биография, даже по меркам того бурного времени. Родился в Забайкалье в 1895 году. Из крестьянской семьи. Учился в начальном городском училище и в реальном училище. В 1915 году поступил на первый курс Петроградского политехнического института на кораблестроительное отделение. Но через год призвали на военную службу и отправили в Михайловское артиллерийское училище, которое и окончил в 1917 году. Была у парня мечта – строить корабли. Об этом откровенно и написал в анкете всероссийской переписи членов РКП(б) в 1922-м. Но вместо дальнейшей учебы и осуществления своей мечты пришлось осваивать профессию разведчика. С начала Февральской революции принимал в ней активное участие, находясь в это время в Петрограде. В партию вступил в 1916 году. После окончания училища был отправлен на военную службу в Иркутск. Там избрали членом Иркутского Совета солдатских и рабочих депутатов. Во время Октябрьской революции был назначен Советом начальником иркутского гарнизона, и под его командованием войска гарнизона взяли власть в городе в декабре 1917-го. За руководство восьмидневными боями за Иркутск в феврале 1933 года был награжден орденом Красного

Знамени. Представление к награждению подписали Постышев, Блюхер и Берзин.

После восстания чехословаков вступил в Красную Армию, пошел на фронт. И началась война Гражданская. Попал в плен к японцам, сидел в тюрьме в Хабаровске и после освобождения в декабре 1918-го эмигрировал в Китай. Год находился в эмиграции в Китае и Японии. После возвращения в начале 1920-го был командирован на Амур: комиссар штаба Амурского фронта, член Реввоенсовета Восточного фронта, комиссар 2-й Амурской армии, командующий войсками Приамурского военного округа. Комиссарские должности были прикрытием для руководства разведывательной деятельностью и против белых, и против японских оккупационных войск на Дальнем Востоке. В начале 1921-го Мельников откомандировывается в распоряжение Реввоенсовета Сибири и назначается Помначразведупра Сибири. Началась работа в военной разведке уже на более высоком уровне. Летом 1922-го его откомандировывают в Москву в Разведупр Республики. Центральному аппарату военной разведки нужны были люди с боевым опытом, хорошим образованием, знающие языки (а английским он владел свободно), обстановку в зарубежных странах и имевшие опыт разведывательной работы.

Тогда-то впервые и встретились заместитель начальника Управления Берзин и новый сотрудник, назначенный начальником восточного отделения агентурной части. Год работы в Москве под его руководством дал многое: опыт, навыки разведывательной деятельности, расширение кругозора разведчика. В мае 1923-го, как он писал в автобиографии: «... командировка на секретную работу в Китай».

Весной 1924-го Мельниковым заинтересовались в Наркоминделе. Дипломатам нужен был заведующий отделом Дальнего Востока: образованный, знающий хотя бы один иностранный язык и, главное, хорошо знающий обстановку в этом регионе. Наркоминдел Чичерин обратился к Берзину, и новый начальник Разведупра дал отличную характеристику своему сотруднику: «... В разведке специально по Дальнему Востоку работает с 1920 года. Лично побывал в Японии, Китае и Монголии. Изучил и знает во всех отношениях как Китай, так и Японию. Весьма развитый и разбирающийся в сложной обстановке работник, не увлекающийся и не зарывающийся. Политически выдержан. Большая работоспособность и инициатива». Но при этом он добавлял: «Затруднение с его откомандированием в Ваше распоряжение только в том, что на Востоке нам нечем его заменить...» Способных и опытных работников не хватало в то время ни дипломатам, ни разведчикам. И началась многомесячная тяжба двух ведомств, в которую вмешались сотрудники Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б). Пришлось Берзину разъяснять цековским аппаратчикам: «Разведупр настолько беден людьми, что не может выделить для других учреждений людей, если этого не требуют интересы республики». Но все-таки он согласился, чтобы Мельников временно поработал начальником отдела Дальнего Востока, полагая, что полученный дипломатический опыт пригодится в его дальнейшей разведывательной работе.

Несколько месяцев дипломатической работы Мельникова прошли, и в сентябре 1924-го Берзин потребовал вернуть обратно своего сотрудника. Но дипломаты уже считали его своим и расставаться с новым способным работником не желали. 8 сентября Чичерин обращается с письмом к секретарю ЦК

Кагановичу в котором пишет: «Разведупр покусается на отнятие у нас заведующего отделом Дальнего Востока т. Мельникова. Я не только самым решительным образом против этого протестую, но рассчитываю на Ваше содействие и убедительно прошу Вас помочь в этом деле». Ввел в действие «тяжелую артиллерию» и Берзин, убедив своего куратора Уншлихта обратиться в Учетно-распределительный отдел ЦК. В письме от 18 сентября он, мотивируя отзыв Мельникова из Наркоминдела, указывал: «Разведупру, в силу объективных условий, необходимо срочно заменить ряд ответственных работников на западе, для чего требуются люди с военной подготовкой, знанием языков и солидным опытом разведработы. Таковых работников в резерве Разведупра не имеется, не может их выделить и армия». Мельникова готовили к серьезной разведывательной работе в Европе, и за него Берзин дрался до конца, используя все средства воздействия на кадровиков из ЦК.

На этот раз история с Мельниковым закончилась компромиссом. В течение двух лет он совмещал дипломатическую работу с разведывательной, работая и в Наркоминделе, и в Разведупре. С 1926 года ему пришлось заниматься только дипломатической работой. С 1920 по 1931 год он – генеральный консул в Харбине, а в 1931 году – поверенный в делах Полпредства СССР в Японии. Но Берзин надеялся вернуть Мельникова обратно в Разведупр, и в начале 1932-го ему это удалось. Может быть, он использовал вес и влияние нового зампреда Реввоенсовета Яна Гамарника в цековских кабинетах, а может быть, помог и Ворошилов. Мельников вернулся в «шоколадный домик», в котором начинал свою работу в разведке десять лет тому назад. Но вернулся зрелым квалифицированным работником, обогащенным большим опытом дипломатической работы и

ценнейшими знаниями проблем Дальнего Востока. В Управление пришел человек, способный успешно руководить агентурной работой и курировать дальневосточное направление деятельности военной разведки.

Таким был человек, возглавлявший агентурный отдел во время планирования операции «Рамзай» и принимавший непосредственное участие в разработке этой операции.

Почему в литературе о Зорге не упоминается эта фамилия? Ответ могли бы дать сотрудники Главного Разведывательного Управления, разрабатывавшие в 1964—1965 годах «образ» первого советского разведчика, о котором разрешили писать советской прессе. Можно не сомневаться, что все газетные и журнальные статьи, а также книги, написанные в те годы, тщательно просматривались в кабинетах этой организации и из них выкидывалось все, что не соответствовало заданному «образу». Наивно думать, что журналистам и писателям предоставили папки с документами операции «Рамзай» и позволили их использовать в своей работе. Время было не то, хотя и сейчас, в 2000-м, ни один историк не может надеяться на то, что ему удастся заглянуть в эти папки.

Фамилия Мельникова в те годы не вписывалась в заданную идеологическую схему. И его заменили Оскаром Стиггой – человеком, далеким и от проблем Востока, и от разработки операции «Рамзай». С 1931 года Стигга возглавлял научно-техническую разведку Разведупра, работал в крупнейших европейских странах, создавая там свои опорные пункты и свою агентурную сеть. Вполне возможно, что он мог оказать какую-то помощь Зорге в Германии, используя свои возможности в этой стране, не более того. Но читателю в те годы нужно было показать помощников и соратников руководителя советской военной разведки.

Не мог Берзин один, не советуясь, не обмениваясь мнениями и не дискутируя ни с кем, разработать такую операцию. В такую гениальность «Старика» не поверили бы даже тогда. И ввели в «оборот» фамилии Стигги и Давыдова, чтобы создать представление о сплоченном коллективе единомышленников.

Если бы в те годы назвали фамилию Мельникова, то появились бы, естественно, вопросы и у журналистов, и у читателей о его дальнейшей судьбе, и тогда надо было бы сказать, что после работы в Разведупре он перешел на работу в отдел международных связей Коминтерна, то есть в партийную разведку. А существование этого засекреченного отдела и ротацию руководящих кадров военной, партийной и политической разведок в те времена охраняли, как государственную тайну. Так же, как ни малейшим намеком тогда не писали о том, что Зорге работал в том же ОМСе с 1925 по 1929 год и пришел к Берзину по рекомендации руководителя ОМСа Пятницкого уже опытным нелегалом и конспиратором, а не кабинетным ученым, в котором Берзин распознал будущего гениального разведчика.

* * *

К 1933 году Маньчжурия была полностью захвачена частями Квантунской армии. И началось вооруженное противостояние двух сил. Япония создавала плацдарм на азиатском материке, готовясь к будущей схватке за господство в Азии. На территории «независимого» государства строились аэродромы, способные принять тысячи самолетов из метрополии. Новые военные городки могли вместить дивизии императорской армии, перебрасываемые с японских островов. Новые железные и шоссейные дороги тянулись к Забайкалью,

Амуру и Приморью. На другом берегу Амура делали то же самое. В тайге строились аэродромы, на которые перебрасывались истребительные и бомбардировочные авиабригады из европейской части Союза. В построенных военных городках размещались прибывшие из других районов страны пехотные и кавалерийские части. По Транссибирской магистрали на Восток шли эшелоны с новейшей боевой техникой. Для удобства развертывания в случае войны к границе прокладывались железнодорожные ветки и грунтовые дороги. Шло негласное соревнование между двумя странами – кто сделает больше. Больше построит аэродромов, казарм и дорог, больше сосредоточит военной техники и войск. В чью пользу будет баланс сил в этом регионе. И в этом соревновании островная империя проигрывала. Советский Союз еще в 1932 году захватил инициативу, создав перевес сил и в войсках, и, особенно, в военной технике по сравнению с Квантунской армией. И эту инициативу он не выпускал из своих рук до августа 1945-го, когда загремели первые залпы советско-японской войны. Пожалуй, одна из причин превосходства СССР в создании мощного военного кулака на Дальнем Востоке была в том, что Япония создавала плацдарм и наращивала силы на захваченной территории у чужих границ, а Советский Союз делал то же самое на своей территории и у своих границ.

В этих условиях в Москве должны были знать о Японии все. Поэтому при разработке операции «Рамзай» были определены те основные задачи, которые ставились группе Зорге. Перечень этих задач пока известен только по его тюремным запискам. Причем вместе объединены и задачи, которые ставились при разработке операции в начале 1933-го, и те задачи, которые были сформулированы летом 1935-го, через полтора года после начала работы разведывательной

группы, когда обстановка в Токио была уже совсем другой. Никаких уточнений о том, какие задачи были сформулированы вначале, а какие потом, когда в Центре была проанализирована работа группы, в записках нет. Здесь можно высказать только предположения.

Первой и основной задачей было: «Пристально следить за политикой Японии по отношению к СССР после Маньчжурского инцидента, тщательно изучать вопрос о том, планирует ли Япония нападение на СССР». Зорге считал, что выполнение этой задачи было целью его командировки в Японию. Это подтверждается и тем, что во время второй московской встречи в 1935 году уже новый начальник Разведупра Урицкий также подчеркнул важность первостепенного выполнения именно этой задачи. В Москве с большим недоверием относились к политике Японии в отношении Советского Союза. После 19 сентября 1931 года роль японских военных кругов, и в первую очередь командования Квантунской армии, во внешней политике империи резко возросла. Без их ведома и согласия не принималось ни одно серьезное внешнеполитическое решение. А их агрессивность по отношению к Советскому Союзу была хорошо известна.

В агрессивности японских планов по отношению к СССР в Москве не сомневались. Но для осуществления этих планов нужна была сильная, оснащенная современной техникой армия, а в начале 1930-х такой армии у империи не было. И сразу же после начала оккупации Маньчжурии в Японии начали разрабатываться и осуществляться программы по развитию военно-воздушных сил и механизации и моторизации армии. Поэтому второй основной задачей, поставленной в 1933-м и подтвержденной в 1935-м было: «Осуществление тщательного наблюдения за реорганизацией и наращиванием японских сухопутных

войск и авиационных частей, которые могут быть направлены против Советского Союза». Эта задача была связана с первой, и касалась она в первую очередь планов войны против СССР, проблем реорганизации сухопутных войск и развития военно-воздушных сил, а также вопросов механизации и моторизации. Но для выполнения этой задачи нужно было добывать секретную военную информацию, а таких возможностей в 1933 году у Зорге еще не было. Поэтому эта задача могла быть поставлена, вероятно, летом 1935-го во время его второго визита в Москву, когда и состав группы расширился, и возможностей для получения секретной информации у Зорге стало больше.

Информация Зорге касалась, в основном, общих военных проблем империи. Данные по маньчжурскому плацдарму и Квантунской армии были отрывочными и неполными. Но эта информация перекрывалась большим объемом разведывательных данных, которые поступали в Хабаровск от источников тактической агентурной разведки 4-го (разведывательного) отдела штаба ОКДВА. Сеть тактической агентурной разведки очень плотно накрывала всю Маньчжурию и Корею, и о численности, вооружении и дислокации японских частей в этих районах в Хабаровске знали все. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть комплекты разведывательных сводок штаба ОКДВА за 1934—1935 годы, подписанных начальником разведотдела Карповым. Эта фамилия была псевдонимом будущего героя Сталинграда и Берлина Маршала Советского Союза Чуйкова.

Третьей по важности задачей Зорге считал изучение и анализ японо-германских отношений, которые после прихода Гитлера к власти должны были стать более тесными. В начале 1933-го, когда разрабатывался план операции, слишком рано было предсказывать тесное сближение между этими двумя странами, направленное

против СССР. Возможности получения конкретной информации по этой проблеме в германском посольстве также не просматривались. Никаких подходов к посольству в 1933 году Зорге также не имел. Очевидно, задача была сформулирована летом 1935-го, когда тесное сближение двух агрессоров в будущем уже ни у кого не вызывало сомнений. Но тогда этой проблемой занимались не только разведчики, но и наши дипломаты в Берлине и Токио. Причем дипломаты информировали не только свое руководство, но и руководство Наркомата Оборона. Такая дублирующая информация позволяла дать более точную оценку разведывательной информации, поступающей от Зорге.

Вот только один пример. В апреле 1934 года Полпредство СССР в Германии направило в Москву обзор информации на тему: «Германия и Япония в освещении германской фашистской прессы». В предисловии говорилось: «Предполагаемый очерк представляет продолжение той серии работ по изучению восточной политики германского фашизма, которая в 1933 году была начата в Полпредстве». В обзоре рассматривались историческое и идеологическое обоснование германо-японской дружбы, проблема угрозы коммунизма, оправдание японской агрессии на материке и политическая поддержка Японии в ее внешней политике. Солидное исследование на 40 страницах охватывало весь спектр германо-японских отношений.

Четвертой задачей было: «Непрерывно добывать сведения о японской политике в отношении Китая». Это было продолжением разведывательной и аналитической деятельности, которую Зорге проводил в Китае, но уже на новом месте и с японских позиций. В Москве считали, что взаимоотношения Японии и СССР во многом зависят от того, как будет развиваться политика империи в отношении к этой огромной

страны. Ухудшение этой политики и возможный конфликт между двумя странами, а такая возможность не исключалась, означали поворот японской агрессии на континенте с севера на запад и ослабление угрозы дальневосточных границ. Японо-китайская проблема была хорошо известна Зорге, и продолжением ее исследования он мог заняться сразу же по приезде в Японию. Вполне возможно поэтому, что эта задача была сформулирована и поставлена перед ним еще в 1933 году.

К этой задаче примыкала и проблема политики Японии по отношению к Англии и США. В середине 1930-х до начала японо-китайского конфликта в Москве верили в возможность войны Японии с Советским Союзом при поддержке Англии и США. Такие опасения, особенно после инцидентов на границах в 1935—1936 годах, были. И только после августа 1937-го, когда острие японской агрессии было повернуто на Запад, в Москве поняли, что угроза нападения на Дальний Восток при поддержке Англии и США отодвигается в далекое будущее. Но в 1935-м, а эта задача ставилась именно тогда, обстановка в этом районе была достаточно тревожной.

Шестой задачей было: «Постоянно следить за ролью военных в определении внешнеполитического курса Японии, уделяя пристальное внимание тем тенденциям в армии, которые влияют на внутреннюю политику...» Своевременность постановки этой задачи наглядно проявилась после путча 26 февраля 1936 года. Эта задача была поставлена потому, что японские военные играли главную роль во всех областях японской политики, особенно в иностранных делах. После начала захвата Маньчжурии влияние армии на все стороны жизни Японии резко возросло, и это очень тревожило Москву. Причиной такой обеспокоенности было и то, что начиная с русско-японской войны японские военные

лидеры считали Россию, а затем Советский Союз своим реальным противником на азиатском континенте. В 1935 году, когда ставилась эта задача, в Разведупре не предполагали, что к 1941 году на политическую арену выйдет другая мощная военная сила – военно-морской флот империи.

И, наконец, последней, седьмой, задачей было наблюдение за развитием тяжелой, и в первую очередь военной, промышленности. Сухопутные войска были слабо оснащены новейшей военной техникой, и Япония значительно отставала от таких развитых стран, как США, Англия, Франция, Германия. Автомобильная и тракторная промышленность, а также производство самолетов, танков, тяжелой артиллерии были развиты очень слабо. Поэтому развитию военной промышленности уделялось первостепенное значение. И Москве было очень важно знать, с какой военной техникой придется столкнуться дальневосточным дивизиям на полях Маньчжурии в будущей войне.

Таковы были задачи, разработанные для операции «Рамзай». Конечно, невозможно было в 1933-м поручить группе выполнение всех семи задач. И объем работы был слишком велик, и группа была вначале малочисленной. Да и первоначально определенный срок командировки в два года (по утверждению западных авторов) не позволял выполнить в полной мере весь объем задач. Так что из семи пунктов разведывательной программы, о которых писал Зорге, в 1933-м было намечено не более трех. Остальные пункты были добавлены уже летом 1935-го, через полтора года после начала работы, когда и состав группы был другим, и условия работы Зорге изменились в лучшую сторону.

Несколько слов о людях, с которыми встречался Зорге при разработке операции. В своих записках он писал: «Радек из ЦК партии с согласия Берзина

подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение длительного времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии...» Карл Радек был тогда начальником бюро международной информации ЦК ВКП(б). В этой организации концентрировалась вся международная информация, приходящая в Москву как по каналам ТАСС («Бюллетени иностранной информации не для печати»), так и из Наркоминдела. Лев Борович работал у Радека ответственным секретарем. Оба они были очень информированными людьми и прекрасно разбирались во всех международных проблемах.

Неудивительно, что Зорге, беседуя с ними, мог получить подробнейшую информацию по вопросам, касающимся Дальнего Востока и Японии. О Карле Радеке писали много. А о Льве Боровиче («Алексе»), кроме фамилии, почти ничего неизвестно. И о нем стоит сказать несколько слов.

Он родился в 1896 году в Лодзи (Польша) в семье фабриканта. Учился в гимназии. В 1916 году, спасаясь от призыва в германскую армию, уезжает из Лодзи в Баку. Поступает в Бакинское политехническое училище, которое и оканчивает в 1917 году. Родители и сестра остаются в Польше. В РККА вступил добровольцем в сентябре 1918-го. Красноармеец, потом командир отделения и взвода. Затем Московские военно-инженерные курсы и после их окончания отправка на фронт в отдельную бригаду особого назначения при Реввоенсовете Западного фронта. Бригада была укомплектована военнопленными-интернационалистами, являлась последним резервом Реввоенсовета и была одним из первых заградительных отрядов в Красной Армии. В этой бригаде Борович прошел путь от начальника связи батальона до заместителя комиссара бригады. В 1920 году Борович

уже работал в Регистрационном управлении Западного фронта, а с 12 января 1921 года был переведен в Региструпр в Москву. И сразу же после короткой подготовки первая заграничная командировка, затянувшаяся на годы.

Весной 1921-го под видом возвращавшегося на родину румынского солдата через Штетин прибыл в Германию. В мае 1921-го был командирован в Вену как помощник резидента. В начале 1923-го отозван в Берлин. В сентябре 1923-го, во время подготовки восстания в Германии, переправлял Карла Радека в Германию из Праги. Несколько месяцев летом 1924-го был резидентом в Праге, а в сентябре 1924-го был назначен помощником резидента в Варшаве. В конце 1924-го из-за слабой конспирации и других ошибок провалились несколько сотрудников нелегальной сети военной разведки в Варшаве. Тень подозрения могла пасть и на Боровича. Ему пришлось покинуть Польшу в январе 1925-го и вернуться в Москву. Два года работы во втором агентурном отделе Разведупра, вначале заведующим сектором, а потом помощником начальника отдела, курсы усовершенствования по разведке. И в октябре 1927-го вновь с агентурным заданием уезжает на несколько лет за рубеж, на этот раз резидентом в Вену. После возвращения из второй зарубежной командировки в 1930 году увольняется в резерв РККА и откомандировывается для работы в ВСНХ. В мае 1932-го его забирает к себе в бюро международной информации ЦК партии Карл Радек. Познакомились и подружились они еще в 1921-м в Берлине, во время первой поездки Боровича в Европу. У Радека он и проработал ответственным секретарем бюро два года.

* * *

На стол начальника Разведупра легла радиограмма, полученная из Шанхая: «Рихард выехал 12 ноября из Шанхая в Японию. 21-го должен быть во Владивостоке». На этой радиограмме Берзин написал: «Нужно предупредить Владивосток. 15 ноября 1932 года». Резидент Разведупра в Шанхае Рихард Зорге возвращался в Москву.

Чем объяснить возвращение шанхайского резидента именно в ноябре 1932-го? Биографы Зорге обходят этот вопрос молчанием. Пишут о приходе Гитлера к власти, о доверии, оказанном Зорге, о разработке операции «Рамзай», выполнение которой можно доверить якобы только Зорге. Версий выдвигается много, а объяснений и, главное, доказательств мало.

Версия о приходе Гитлера к власти не выдерживает критики. Решение об отзыве Зорге было принято в Москве в начале ноября, за три месяца до знаменитой даты 30 января 1933 года, когда Гитлер пришел к власти и стал канцлером. В калейдоскопе событий того бурного времени ни один руководитель разведки, и Берзин не исключение, не мог за три месяца предвидеть такое развитие событий. Вопрос о доверии именно Зорге также можно поставить под сомнение. Такой вариант был бы возможен, если бы он блестяще и безошибочно работал в Китае и его дальнейшее перемещение в Японию на более ответственную работу выглядело бы как своего рода «поощрение». Но истинная причина отзыва хранится в архиве ГРУ, и ни один из советских биографов Зорге о ней не упоминает. Остается только строить предположения.

В те годы людей не хватало, и выполнение одним разведчиком различных задач, можно назвать их партийно-разведывательными, было широко распространенным явлением и часто приводило к серьезным провалам. Социальная база и методы решения этих задач были различными. Партийно-

политическая работа требовала широкой массовой базы и большого числа участников движения, тогда как разведывательная – нуждалась в узком круге специально подобранных и хорошо законспирированных от контрразведки и полицейского сыска людей. Подобное совмещение индивидуальной и массовой деятельности в прошлом не раз приводило к преждевременному раскрытию самых законспирированных структур. Неслучайно во все времена лучшим разведчиком считался тот, кто работал в одиночку, без громоздкой сети вспомогательных звеньев.

Но Зорге был коминтерновцем, сотрудником партийной разведки, человеком, занимавшимся партийно-политической работой и в Германии, и в течение четырех лет работы в Коминтерне. Когда он пришел в Разведупр в 1929 году, навыков и опыта работы в военной разведке у него не было. И Берзину приходилось часто предупреждать Зорге не отвлекаться на партийно-пропагандистские кампании, не склоняться к массовому привлечению к разведывательной работе людей исходя только из морально-политических мотивов и тем более не поручать одному и тому же лицу решение совершенно разных задач, что с трудом удавалось Зорге и таило в себе огромную опасность. И это было характерно для Китая, где сотрудники военной разведки работали в тесном контакте с представителями отдела международных связей Коминтерна, несмотря на то что такое сотрудничество было запрещено.

Генерал-майор Иванов в своей неопубликованной рукописи о Зорге высказывает свою версию причин отзыва Зорге из Китая: «Мы точно не знаем причин возвращения Зорге в Москву именно в конце 1932 года и почему он не продолжал оставаться и работать далее. Неизвестно также и о том, настаивал ли он сам на

скорейшем возвращении. Можно лишь предположить, что трехлетний срок пребывания в Шанхае был достаточен для решения первых организационных задач, и, по всей вероятности, он заслуживал перерыва в работе и отдыха в нормальных условиях. Возможно, предстояла переориентировка Зорге на другое направление, например в Японию, возможно, что появились какие-либо признаки неблагополучия. Сам Зорге никому и никогда об этом не говорил».

Иванов считал, что отдельные симптомы неблагополучия в позиции Зорге как резидента просматривались уже в 1932 году. Летом 1932 года в Италии провалился сотрудник Разведупра Лев Маневич (знаменитый «Этьен»), который мог знать Зорге по Управлению. В этом же году японские спецслужбы арестовали в Бейпине источник Ходзуми Одзаки по подозрению в шпионаже в пользу компартии Китая. Контакты Зорге с Одзаки не были ни для кого тайной, и тень подозрения могла пасть на резидента. И, наконец, накануне отъезда Зорге в Москву его навестил шеф секретной службы Компартии Кан Син и предупредил, что в разведывательную сеть проник провокатор. Сам факт того, что шефу секретной службы были известны нелегальный резидент Разведупра и его адрес, говорил о неблагополучии в системе конспирации резидентуры.

Версию генерала разведки хотелось бы дополнить следующим фактом. В 1955 году Следственное Управление КГБ занималось реабилитацией погибших в 1937—1938 годах сотрудников военной и политической разведок. Проверялись их «показания», выбитые на следствии, и для этого посылались запросы в другие организации. 19 декабря 1955 года ГРУ в ответе на запрос начальника Следственного Управления КГБ Малярова сообщило: «... Нелегальный резидент „Рамзай“ возглавлял нелегальную сеть Разведупра в Шанхае в 1929—1932 годах. В связи с угрозой его

провала, ввиду грубых организационных ошибок, допущенных „Рамзаем“, из Шанхая он был отозван в Центр». Этот документ может поставить точку в спорах о том, почему Зорге был вынужден прекратить разведывательную работу в Китае.

В заключение можно добавить, что после трех лет пребывания в Шанхае Зорге раньше других, в том числе некоторых военачальников в Москве, увидел и понял, что сильного и коварного противника, каким в то время уже была Япония, надо разведывать изнутри, находясь в самом логове врага. Так родилась идея создания сильной разведывательной организации в Токио. Вначале идея Зорге была изложена в письме на имя Берзина, а после его возвращения в Москву в 1932 году разрабатывалась во всех деталях в Управлении.

По прибытии Зорге в Москву произошло его переориентирование, а вернее, более точное нацеливание на объект военно-стратегической разведки – Японию. Теперь сама разведывательная цель: вскрытие планов и военных замыслов противника – становилась яснее и проще, зато организационная задача разведки – создание надежной и глубоко проникающей в государственный и военный аппарат разведывательной сети, которая бы позволяла следить за практическими мероприятиями агрессора, представлялась куда труднее, чем на территории третьего государства. Нужно было проникнуть в сердце врага, или, как тогда выражались, в «берлогу зверя», и следить за каждым его шагом.

Первая беседа с Берзиным после возвращения из Шанхая была сугубо информационной. «Старик» предпочитал слушать и вникать в суть событий на Дальнем Востоке и наблюдений опытного журналиста и разведчика. На первой беседе были, конечно, и его ближайшие помощники: начальник агентурного отдела Борис Мельников и начальник информационной службы

Александр Никонов. Оба внимательно слушали сообщение Зорге, лишь изредка, когда Рихард называл новые имена или важные факты, Берзин уточнял их, занося при этом в развернутый на столе блокнот. Руководитель военной разведки не любил во время работы или беседы телефонных перезвонов и больше двух аппаратов на столе не держал; один для связи с подчиненными и аппарат внутренней связи, по которому мог позвонить изредка Ворошилов или кто-либо из его заместителей. Во время беседы в приемной всегда находилась его секретарша Наташа Звонарева, готовая отразить «натиск» любого спешно ворвавшегося посетителя.

Как рассказывал Иванову старый работник этой службы адмирал Бекренёв, Берзин умел слушать и направлять беседу, лишь изредка корректируя ее ход вопросами и уточнениями. Обычно беседа заканчивалась по обоюдному согласию, и Ян Карлович имел привычку кратко ее подытожить.

– Ну что ж, – говорил он, – будем считать, что ближайшая задача выполнена. Дальнейшая задача будет несколько труднее. Японскую крепость предстоит все равно брать нам с Вами, Рихард.

Перед тем, как отпустить Зорге, «Старик» встал со своего места, подошел к Зорге и Никонову и, как бы в назидание, подчеркнул:

– Александр Матвеевич, постарайтесь до отъезда Рихарда на отдых и в Берлин сверить с ним наши оценки по Дальнему Востоку, особенно в области военной экономики и новых вооружений Японии. Мы должны точно знать, каким оружием японцы собираются воевать и насколько у них хватит пороха.

Вот так – лаконично, без натяжки и грубых окриков этот требовательный руководитель умел выслушать, расположить к себе и направить по пути деятельной

работы каждого, кто посвятил свой талант, сердце и жизнь благородному делу разведки.

* * *

6 ноября 1933 года к причалу иокогамского порта пришвартовался океанский лайнер «Куин Элизабет». По трапу, слегка прихрамывая, сошел респектабельный господин и предъявил чиновнику морской полиции паспорт гражданина Третьего рейха Рихарда Зорге. Руководитель разведывательной группы «Рамзай» вступил на японскую землю.

В Японию приехал журналист-международник высшего класса, прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях запутанных международных отношений, новейшей истории и внешней политики крупнейших мировых держав. Это был ученый, великолепно овладевший диалектикой познания событий. Но это был человек, который уже тогда, в 1933 году, отлично понимал, как он должен работать в новой стране. Вот выдержка из его записок: «Мое убеждение состояло в том, что если думать об успешном выполнении наших разведывательных целей в Японии, то необходимо глубоко разобраться во всех вопросах, хотя бы в какой то степени имеющих отношение к нашей миссии, и всегда полагал, что человек, находящийся в таком положении, не должен удовлетворяться простым сбором информации, а обязан приложить все усилия, чтобы обладать полным пониманием вопросов, имеющих отношение к его собственной деятельности. Несомненно, что сам по себе сбор информации дело очень важное, но я считал, что самое важное – умение проанализировать материал и дать ему оценку с общеполитической точки зрения». Вот метод разведывательной работы в Японии! И как следствие

этого метода – фраза в «Записках» Зорге: «В результате возникла необходимость постоянно и последовательно анализировать и проблемы Японии».

Но для такой аналитической работы нужны были обширные знания. Тех знаний дальневосточных проблем, с которыми Зорге приехал в Японию, а они были весьма солидными после трехлетней работы в Китае, было недостаточно. И поэтому до самого дня ареста он стремился как можно больше узнать о стране, в которой жил. Как следствие этого, вывод, отраженный в его «Записках»: «Знания, приобретенные мною в период проведения работы в Японии, ничуть не уступали тем, которые были получены мною в немецком университете. Осенью 1933 года я перешел к детальному изучению японских проблем...»

Как же проходило изучение этих проблем? Собиралась вся научная литература по Японии. В личной библиотеке Зорге к моменту ареста было около 1000 книг по самым различным вопросам, касающимся Японии. Использовалась библиотека посольства и личная библиотека посла, а также библиотека Восточно-азиатского германского общества в Токио, в которой было очень много научной литературы. Заказывались переводы из солидных японских журналов. Собиралось и тщательно изучалось все, что могло хоть что-то добавить к его знаниям о Японии. И, конечно, последовательность изучения японских проблем. Вот как он сам писал об этом: «Я изучал древнюю историю Японии, политическую, экономическую и социальную историю древнего периода. Полученные знания помогли мне разобраться в вопросах экономики и политики современного периода. Поэтому я детально изучал аграрную проблему, затем перешел к проблемам мелкой и крупной промышленности, и, наконец, тяжелой промышленности...» Совершенно новый подход к

разведывательной работе, о котором в 1930-е годы не могла догадаться ни одна контрразведка. Зорге хорошо понимал, что добиться серьезных результатов в разведывательной работе можно только таким путем. Поэтому неудивительно, что в его «Записках» появились такие строчки: «Не следует забывать, что моя разведывательная работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый, оригинальный и к тому же творческий характер».

Этот новый творческий метод в разведывательной работе, основанный на глубочайших знаниях всех проблем, хотя бы косвенно имевших отношение к разведывательной деятельности, начали признавать и на Западе, когда там появились книги о Зорге. Английского писателя Чарльза Уайтона, автора нашумевшей в свое время книги «Величайшие разведчики мира», нельзя обвинить не только в любви, но даже в симпатиях к Зорге. И все же он вынужден был признать превосходство советского разведчика именно в методах его работы. Вот характеристика, данная им Зорге: «С какой бы меркой не подходили к нему, нельзя не согласиться с тем, что человек он был выдающийся: доктор философии, наделенный недюжинным умом, в совершенстве знающий немецкий, английский, французский, русский, японский и китайский языки, крупный специалист по каждой из стран, где ему приходилось заниматься разведывательной деятельностью. Можно не сомневаться, что Зорге добился бы огромных успехов в любой области, которую бы он ни выбрал. Именно поэтому он и стал непревзойденным разведчиком». Признание весьма красноречивое!

То, что на Западе стало ясно в 1950-е годы, Зорге отлично понял в начале 1930-х годов. Творческий подход к разведывательной деятельности, основанный на тщательном изучении всех проблем, касающихся

разведки, и на научном анализе основных вопросов, был новым для того времени. В те годы крупнейшие разведки мира, проповедывавшие принцип плаща и кинжала, жили легендами о похождениях Лоуренса Аравийского, или Дальневосточного Лоуренса – Доихара Кендзи, руководителя японской разведки на азиатском континенте, о похождениях которого в Северном Китае шумела мировая пресса. Умный, обладавший большими знаниями, знавший множество языков – он весь свой талант и энергию бросил на организацию политических заговоров, похищений, диверсий, убийств из-за угла. Он был антиподом и полной противоположностью Зорге. И неудивительно, что в незримом поединке с резидентом советской военной разведки в Японии руководитель «континентальной службы» потерпел сокрушительное поражение.

Такая тщательная исследовательская работа не имела непосредственного отношения к получению разведывательной информации. Но предоставим слово Зорге: «Я был уверен, что абсолютно необходимо по возможности полно разбираться во всех проблемах государства, в котором я нахожусь, в данном случае Японии. Осуществляя такую исследовательскую работу, я мог оценить степень важности того или иного вопроса, того или иного события как с точки зрения внешней политики Советского Союза, так и с точки зрения политики и истории в широком смысле слова... Наконец, благодаря своей исследовательской работе, я не только мог собирать необходимую информацию и точно передавать ее – я был в состоянии давать свою собственную оценку положению с точки зрения политической, экономической, военной».

Помимо оперативной информации, содержащейся в радиোগраммах, отправляемых в «Висбаден», в Москву с курьерами шли обстоятельные доклады по различным вопросам политического, экономического и военного

характера. И именно для составления таких докладов исследовательская работа, проводимая Зорге в Японии, имела неоценимое значение. Зорге в своих «Записках» писал: «Я составлял доклады о внутривнутриполитическом, международном положении, а также доклады по военным вопросам. В них содержалось краткое изложение и анализ развития важнейших событий после того, как были посланы соответствующие донесения. Опираясь на обширную информацию и результаты моей исследовательской работы, я старался нарисовать правильную, объективную общую картину изменившейся обстановки и развития основных событий. Такие доклады, требовавшие большого труда, были бы немыслимы, если бы не была проведена глубокая исследовательская работа и отсутствовали глубокие знания». Зорге мог с гордостью заявить, что изучение страны и исследовательская работа, которой он занимался с первого дня приезда в Японию до дня ареста, помогли ему полностью удовлетворить те высокие требования к качеству анализа и оценок важнейших событий, которые предъявлялись Москвой. Такая исследовательская работа помогла ему совершенствоваться не только как крупнейшему журналисту по Японии и проблемам Дальнего Востока, но и как специалисту-разведчику.

Не отставали от Зорге и его ближайшие соратники по группе «Рамзай» Ходзуми Одзаки и Бранко Вукелич. Отличные знания, обширные связи, та же, что и у Зорге, страсть к исследовательской работе, то же знание нескольких языков. И еще одна причина успешной разведывательной работы – каждый из них был на своем месте, там, где он мог дать максимум результатов, принести максимум пользы. Такая расстановка сил в группе, учитывавшая все возможности и особенности каждого ее члена, была, конечно, достижением Зорге и в немалой степени

способствовала успешной разведывательной работе в течение многих лет. И еще об одной особенности действий разведчиков, давшей отличные результаты, стоит сказать. Им никогда не применялись такие атрибуты западных разведок, как подложные документы, шантаж, угрозы. Все разведчики работали под своими собственными именами и фамилиями, их документы были подлинными, домашние адреса были известны многочисленным знакомым. Ценнейшую информацию получали, и это неоднократно подчеркивалось ими на следствии и суде, не прибегая к шантажу и угрозам. Свою журналистскую работу выполняли отлично. И если Зорге по праву считался лучшим иностранным корреспондентом на Дальнем Востоке, то Ходзуми Одзаки можно было считать лучшим японским журналистом по проблемам Китая и Японии.

Бранко Вукелич – журналист, фоторепортер – приехал в Токио в феврале 1933 года как корреспондент югославской газеты «Политика», французского журнала «Ви» и сотрудник французского информационного агентства «Гавас». Знание французского, английского, немецкого, итальянского языков, блестящая эрудиция и обширные знания помогли ему в короткий срок приобрести широкий круг знакомств. В числе его знакомых были английский военный атташе генерал-майор Френсис Пигот, влиятельные корреспонденты агентства «Рейтер» Майкл Кокс и «Нью-йорк геральд трибюн» Джозеф Ньюмен. Был он частым гостем в английском, американском и французском посольствах, где мог получать ценную политическую информацию. Крупным источником информации для Вукелича было агентство «Домей Цусин». Вот как Зорге оценивал его работу в этом агентстве: «... Вукелич мог доставать в агентстве новости, которые обычным порядком из-за цензуры не

публиковались. Так мы получали возможность разбираться в развитии политической обстановки в Японии, знать позиции правительства. Вукелич постоянно беседовал на различные темы с французами, работавшими в отделении агентства „Гавас“, и от них получал кое-какие сведения... Отделение было связано с французским посольством, и сам Вукелич поддерживал с ним контакты. Мы очень были заинтересованы как в общей, так и в фундаментальной информации, которую Вукелич стал получать в этом посольстве».

Ходзуми Одзаки – журналист, корреспондент крупнейшей газеты «Асахи» в Китае, затем сотрудник редакции газеты. Сотрудник исследовательского отдела концерна ЮМЖД, после прихода к власти принца Коноэ неофициальный советник премьера по китайским вопросам. Крупнейший специалист по проблемам Китая, автор книг и статей в журналах и газетах на эту тему. Его антимилитаристские взгляды на японскую экспансию не были секретом для Зорге еще в Китае. Несколько лет не изменили мировоззрения Одзаки, его взгляды остались прежними, и после беседы с ним Зорге передал в Москву радиogramму: «Связался с Одзаки и после основательной проверки опять решил привлечь его к работе. Это очень умный, верный человек. Занимает видное положение в крупной газете, имеет необыкновенно широкий круг знакомств». Японский журналист стал членом группы «Рамзай» и первым помощником советского разведчика.

Так же как и Зорге, Одзаки при получении разведывательной информации не пользовался такими распространенными у разведок других стран методами, как провокации, шантаж, угроза, подкуп. Крупнейший специалист по Китаю, с мнением которого считался премьер принц Коноэ, не говоря уже о государственных деятелях рангом ниже, он обладал фундаментальными

знаниями по всему комплексу дальневосточных военно-политических проблем. Естественно, что к нему часто обращались за советом и консультацией. Одзаки высказывал свое мнение, подробно обосновывая его. При этом у политических деятелей, занимавших высокие посты, не появлялось ни малейших подозрений, что эксперт по Китаю хочет выведать у них какие-то государственные тайны. Наоборот, убедившись, что Одзаки знает не меньше, чем они, по обсуждаемому вопросу, они сами выкладывали все, что знали. Это был старый журналистский прием получения информации, и Одзаки мастерски владел им, получая во время таких бесед данную военно-политическую информацию. Таким же методом пользовался и Рихард Зорге. Подробно отвечая на вопросы сотрудников посольства по всему комплексу японских проблем и тщательно обосновывая свое мнение, он также получал от них важную информацию, не прибегая ни к каким грязным приемам. Каждый сотрудник посольства во время беседы стремился показать эрудицию перед «лучшим корреспондентом по Японии» и выбалтывал все, что знал.

Прошел 1934 год – год напряженной работы в Японии. Группа пополнилась наиболее яркой фигурой – японским журналистом Ходзуми Одзаки, который согласился возобновить сотрудничество с «Джонсоном», прерванное в 1932 году в Китае. Усилились позиции Зорге в германском посольстве, и в первую очередь, укрепилась его дружба с военным атташе полковником Оттом, а также дружеские отношения с новым военно-морским атташе капитаном Полем Веннекером. В 1934 году Зорге уже считался энергичным журналистом и специалистом по дальневосточным делам. Именно как к специалисту, хорошо разбиравшемуся в проблемах Дальнего Востока, к нему обращался и посол Дирксен, и оба военных

атташе, что способствовало росту его популярности и в германской колонии в Токио, и в посольстве. Контакты с Дирксеном позволяли Зорге получать от него ценную информацию. Так, в 1934 году он узнал от посла, что «выход Германии из Лиги Наций станет первым шагом на пути к японо-германскому сближению». Это было первое сообщение о подготовке будущего германо-японского военного союза, полученное группой Зорге.

Уже на следствии (протокол № 37 от 4 марта 1942 года) Зорге говорил, что основной целью приезда в Японию в начале января 1934 года Дирксена в качестве посла Германии было добиться политического сближения Японии с Германией на антисоветской основе. Однако эти усилия Дирксена не имели особого успеха в МИД Японии. В это же время военный атташе Отт пытался оказать влияние на руководство Генштаба сухопутных войск и военного министерства Японии и имел здесь некоторый успех. Усилия военно-морского атташе Веннекера в Главном штабе были встречены пассивно. Идея антисоветского военного сотрудничества между Японией и Германией не вызвала энтузиазма у руководства японского военно-морского флота. На основе информации, полученной от Дирксена, Отта и Веннекера, Зорге составил подробный доклад, который курьерской связью через Шанхай был отправлен в Москву. В этом же году Зорге получил от Одзаки и Мияги информацию об антисоветской политике военных кругов Японии и о повышении роли группы «твердолобых» в армии. Эта информация, также переданная через курьера в Москву, подтвердилась в 1935 году. Провокации, инциденты на советско-маньчжурской границе, военные столкновения на монголо-маньчжурской границе, иногда переходившие в настоящие сражения, показывали, что руководство армии взяло курс на конфронтацию со своим северным соседом.

Прошло полтора года работы в Японии. Поскольку кончался двухлетний срок командировки в Японию, то нужно было подводить итоги и намечать перспективы на будущее. Весной 1935-го Зорге подготовил и передал в Москву отчет о своей миссии, возможностях членов группы, перспективах получения информации в германском посольстве: «Я сообщил Москве, что хотел бы, чтобы меня вызвали для консультаций и чтобы сменили „Бернгарда“ на радиста получше. В мае 1935-го я получил указание из Москвы вернуться домой не откладывая». В конце июня Зорге отплыл в Америку и через США, Францию, Австрию, Чехословакию и Польшу в июле вернулся в Москву.

Зорге отправил «Бернгарда» вместе с женой в Москву, и на этом их участие в операции закончилось. Советские авторы ничего не писали об этом человеке. Ничего не могли сказать и западные биографы Зорге, и в первую очередь Ф. Дикин и Г. Стори. Юлиус Мадер, писавший свое исследование о Зорге в основном по советским источникам, также ничего не говорит о его дальнейшей судьбе. Оценка работы «Бернгарда» в Токио основывается только на отзыве самого Зорге в его тюремных записках. Ответ на вопрос о том, как сложилась дальнейшая судьба этого человека, можно дать, используя некоторые архивные документы.

В начале августа 1936 года в Москве готовили военных советников для армии Испанской Республики. Подбирали кандидатов и радистов, которые обеспечивали бы бесперебойную связь с Москвой. Занимались этим сотрудники Разведупра, а окончательно кандидатов утверждал Сталин. 9 августа к нему, с предложением утвердить очередную кандидатуру, обратился Нарком Обороны Ворошилов. В своем письме он писал: «Военным советником к друзьям предлагаю назначить комбрига т. Горева – Высокогорца Владимира Ефимовича – командира механизированной

бригады ЛВО. Считаю целесообразным вместе с ним направить для обеспечения связи от друзей к нам т. Виндт Бруно, радиоинструктор Разведупра». К письму были приложены две характеристики на Горева и Виндт Бруно, подписанные Урицким. Вот мнение начальника Разведупра об этом радисте: «Родился в 1895 году. До революции был матросом германского военного флота. С 1918 года член германской компартии. Работал радистом на судах германского торгового флота. С 1929 года на радиоразведывательной работе в РККА. В течение двух лет осуществлял бесперебойную нелегальную связь Токио – Москва. В настоящее время радиоинструктор Разведывательного управления РККА». Из этого документа можно точно установить, что «Бернгард» и Виндт Бруно одно и то же лицо. Вряд ли у Разведупра была в те годы в Японии еще одна нелегальная резидентура, имевшая прямую и надежную радиосвязь с Владивостоком. А что касается Зорге, то, может быть, у него не сложились отношения с радистом и негативную оценку этого человека он перенес на страницы своих записок.

Зорге нужно было отчитаться о проделанной работе, уточнить прежние задачи и наметить новые, учитывая изменившееся положение членов группы, и прежде всего самого Зорге. Новое руководство военной разведки хотело познакомиться с руководителем группы «Рамзай». Но была и еще одна причина срочного вызова в Москву в конце мая 1935 года. Этой причиной был шумный, со статьями в китайской и западной прессе, провал советской военной разведки в Китае.

В октябре 1964 года газета «Комсомольская правда» начала публикацию серии статей одного из сотрудников военной разведки под общим названием «Я знал Зорге». Автор, работавший в 1933 году нелегалом в Берлине, описывал свои встречи с «Рамзаем» и выступал под псевдонимом Я. Горев. В те годы он

готовился покинуть Германию и отправиться с разведывательной миссией на Дальний Восток. Поэтому он получил указания от «главы нелегальной берлинской организации, которого я знал как „Оскара“, встретиться с товарищем „Рамзаем“. „Гореву“ было сказано, что они с „Рамзаем“ будут соседями и что им следует вместе обсудить „некоторые вопросы оперативного характера“.

Под псевдонимом «Горев» выступал Яков Бронин. Он родился в 1900 году в Латвии. В 1918 году окончил гимназию. В 1920-м вступил в партию и занялся журналистской деятельностью. В РККА с 1922-го – политработник, редактор армейских журналов. Дослужился до должности начальника бюро печати Политуправления РККА и в октябре 1928-го поступил в Институт красной профессуры. В октябре 1930-го Берзин забрал его в Разведупр и отправил нелегалом в Берлин. В августе 1933-го Бронин приехал в Шанхай и принял резидентуру. Приехал туда со своей женой француженкой Ренэ Марсо, которая была радисткой резидентуры. Как радиоинструктор, она выезжала в Токио, чтобы помочь «Бернгарду» в налаживании радиосвязи с «Висбаденом» (Владивостоком), и, конечно, знала о существовании Зорге.

В мае 1935-го Бронин провалился и потянул за собой почти всю агентурную сеть шанхайской резидентуры. Провал «Абрама» (Бронина) бросал серьезную тень на самого Зорге и грозил его компрометацией. Главным образом по этой причине ему в конце мая был разрешен отпуск с выездом в Москву. По докладом советского полпреда Карахана из Нанкина, провал «Абрама» в Шанхае произошел прежде всего по вине самого руководителя, из-за непоследовательной позиции «Абрама», не сумевшего порвать с Коминтерном. Вместо четкой агентурной линии по организации и сбору военной информации, «Абрам» до конца не преодолел своих колебаний между компартией и

социал-демократами. В Шанхае он попал между «молотом и наковальней», между чанкайшистской контрразведкой «Дай-Ли» и руководителем маоистской службы безопасности Кан Шеном, подозревавшим «Абрама» в интригах местных коммунистов против Мао Цзэдуна в пользу Коминтерна (Ван Мина).

Айно Куусинен, работавшая в Китае в 1935 году по линии Разведупра под псевдонимом «Ингрид» и связанная с Брониным, была сразу же после его ареста отозвана в Москву. В своих воспоминаниях она пишет: «... Через несколько дней (это было в ноябре 1935 года) я прочитала в „Джапан Таймс“, что в Шанхае арестован таинственный шпион по фамилии Абрамов (у Бронина был паспорт на имя латыша Абрамова). Хотя причин, по которым меня отзывали, могло быть множество, я сразу подумала, что скорее всего это вызвано арестом Абрамова. Правда, я с октября 1934 года с ним не виделась, но могло стать известно что-нибудь меня компрометирующее. Он был центром всей советской дальневосточной разведки, и вполне вероятно, что арест его вызвал в Москве беспокойство.

Зорге приехал в Москву в июле 1935-го. И попал в совершенно другую организацию. Вместо начальника Управления Берзина новый начальник Урицкий. Вместо начальника агентурного отдела Мельникова новый зам по разведке Артузов. Новая структура и новый Восточный отдел с новым начальником Кариным. За прошедшие полтора года в центральном аппарате все изменилось полностью. Этой перестройке предшествовали очень серьезные события 1933—1934 годов, которые определили деятельность военной разведки на годы вперед и в Европе, и на Дальнем Востоке. Фактически дальнейшую разработку операции «Рамзай» вели уже совершенно другие люди, которых Зорге не знал.

Признаком сильного недовольства Сталина положением в военной разведке стала публикация на первой полосе «Правды» от 23 марта 1934 года в заметке под заголовком «Антисоветская кампания французских черносотенцев» сообщение, что после нескольких месяцев молчания зарубежная печать помещает «вымышленные сообщения» о том, что раскрытая осенью 1933-го во Франции «шпионская организация действовала якобы в пользу Советского Союза». Это короткое сообщение вряд ли привлекло внимание рядовых советских читателей, которым хватало своих забот. Не для них оно и предназначалось: ни одна разведка мира не обходится без провалов, и ни одна в них не сознается. Нужно было как-то сбить накал западных публикаций.

Через несколько дней после публикации в «Правде» были подготовлены материалы для очередного заседания Политбюро. 29 марта на нем с докладом «О кампании за границей о советском шпионаже» выступил сам Сталин (для этого времени случай достаточно редкий и показательный). После обсуждения заместителю наркома иностранных дел Крестинскому поручили в тот же день представить текст опровержения ТАСС, а наркомвоенмору Ворошилову подробно ознакомиться с вопросом и доложить Политбюро. 30 марта в центральных газетах было опубликовано опровержение ТАСС: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР, ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чем не основанным клеветническим вымыслом».

После выступления Сталина на Политбюро Особый отдел ОГПУ, наблюдавший за Наркоматом по военным и морским делам, подготовил подробную докладную записку о работе 4-го Управления. Подписал ее фактически уже руководивший ОГПУ Генрих Ягода, адресовалась она Сталину, курировавшему деятельность всех звеньев разведывательной триады (военная разведка, политическая разведка – ИНО ОГПУ и партийная разведка – отдел международных связей Коминтерна). На десяти страницах шло сухое перечисление всех провалившихся резидентур 4-го Управления с фактами, датами, фамилиями. Выводы были сведены в один абзац: «Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями, подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям, несоблюдения правил конспирации, недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого 4-го Управления Штаба РККА, что несомненно способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов».

10 октября 1933-го в Хельсинки были арестованы нелегальный резидент 4-го Управления Мария Шуль-Тылтынь и ее помощники, а также значительная часть советской агентурной сети. Следовало сразу же перестроить работу резидентуры, но Управлением никаких мер предпринято не было. Принявший резидентуру в 1932-м военный атташе Александр Яковлев по-прежнему оставил линии связи в руках лиц, внушавших серьезные подозрения. Более того, игнорируя элементарные требования конспирации, Яковлев и его помощники Николай Сергеев и Яков Торский встречались с Шуль-Тылтынь у нее на квартире. Когда в октябре 1933-го начались аресты второстепенных источников сети, у Яковлева и

руководства Управления еще была возможность сохранить наиболее ценную агентуру и вывезти ее в Советский Союз. Однако это сделано не было, и вся резидентура была разгромлена.

Затем и последовал грандиозный провал во Франции. 19 декабря 1933-го в Париже были арестованы резидент 4-го Управления Вениамин Беркович с женой, его помощник Шварц, связистка Лидия Шталь (Чекалова), профессор Луи Мартен, работавший в отделе шифров французского морского министерства, агенты Магдалена Мерме, супруги Сальман. Аресты продолжались более года и затронули также Великобританию, Германию и США. Среди арестованных французами во вторую очередь были полковник Октав Дюмулен, химик Вартослав Рейх, врач Рива Давидович, инженер из военного министерства Обри. Лишь немногим сотрудникам резидентуры удалось скрыться. У арестованных были изъяты документы и радиоаппаратура (коротковолновые приемники и передатчики). Французский провал, явно связанный с финским, можно было предотвратить: еще в 1932 году тогдашний резидент в Париже Кильчицкий обнаружил за собой наблюдение и сообщил об этом руководству, но соответствующие меры предосторожности так и не были приняты.

Так или иначе, внимательно изучавший эту докладную Ягоды Сталин наложил на ее первой странице резолюцию: «В мой личный архив. И. Ст.», а работу военной разведки решено было рассмотреть на Политбюро. Были подготовлены необходимые документы и проект постановления. 26 мая на очередном заседании Политбюро обсуждался пункт: 229/213 «Вопросы 4-го Управления Штаба РККА», по которому было принято развернутое постановление, а протокол № 7 закрыт в «Особую папку», где и пролежал ровно 60 лет.

Все материалы к постановлению Политбюро, хранящиеся в Президентском архиве, остаются недоступными, и установить авторов его проекта пока невозможно. Но очевидно, что готовили этот документ профессиональные разведчики. В постановлении отмечалась опасность создания крупных резидентур в некоторых странах и сосредоточения в одном пункте линий связи нескольких резидентур, что резко увеличивает вероятность провалов. «Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну» была сочтена «грубейшим нарушением», создающим «предпосылки для провалов одновременно в ряде стран».

После обсуждения всех вопросов военной разведки Политбюро решило вывести Управление из системы Штаба РККА, подчинив его непосредственно наркому. Начальника Управления обязали в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы, создав небольшие и совершенно самостоятельные в своих связях с Центром резидентуры. Была определена группа стран, против которых сосредотачивалась деятельность агентурной разведки: Польша, Германия, Финляндия, Румыния, Англия, Япония, Маньчжурия, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран было решено вести легальным путем через официальных военных представителей.

Для координации работы военной и политической разведок создавалась постоянная комиссия в составе начальников Разведупра, ИНО и Особого отдела ОГПУ. Комиссия должна была обсуждать и согласовывать общий план разведывательной работы за границей, обеспечивать взаимное информирование и обмен опытом между обеими разведками. Комиссии предписывалось изучить все провалы как по линии Управления, так и по линии ИНО и принять меры против

возможных их повторений. На комиссию возлагалась и проверка отправляемых за кордон сотрудников.

Была очевидной и необходимость усиления руководства военной разведки опытным и авторитетным профессионалом. Сталин, видимо, сознавал, что в военном ведомстве такого человека нет. Управление к тому времени было «театром одного актера»: ни Оскар Стигга, руководивший научно-технической разведкой, ни исполнявший «особые поручения при начальнике Управления» Василий Давыдов при всем своем опыте и знаниях не могли соперничать с самим Берзиным. Поскольку у Берзина не было официального первого заместителя, а были только помощники (например, таким числился начальник агентурного отдела Борис Мельников), Политбюро решило ввести такую должность в штат Управления, назначив первым замом его начальника Артура Артузова, который руководил политической разведкой – ИНО ОГПУ.

Контроль за выполнением постановления Политбюро возложили на Ворошилова, выписки из него были направлены обоим руководителям разведки – и Берзину, и Артузову. Основания особо доверять Артузову, возглавлявшему ИНО с августа 1931-го, появились у Сталина к началу 1934 года. Летом 1933-го, с приходом к власти нацистов, их претензии на Данцигский коридор обострили обстановку в центре Европы. В Варшаве понимали, что теперь Польше в одиночку не выстоять и не удержать полученное по Версальскому договору. Нужно было определяться: с Москвой против Берлина или с Берлином против Москвы. Если с Москвой, то можно было сохранить коридор и Силезию, отрезанные от Германии по версальскому договору; если с Берлином – можно рассчитывать в будущем на часть Украины. От точного ответа на вопрос, с кем будет Варшава, зависло многое

и во внешней политике Советского Союза, и в строительстве Красной Армии.

Летом 1933-го на совещание в Кремль вызвали представителей Наркоминдела, отдела международной информации ЦК (Карл Радек), военной разведки и ИНО. Все они, кроме Артузова, считали союз с Варшавой делом ближайшего будущего. Заявление начальника ИНО, что возможное сближение с Москвой – лишь тактический ход польской дипломатии, рассчитанный на то, чтобы усыпить бдительность Кремля, прозвучал тогда диссонансом. Сталин бросил упрек руководителю политической разведки, что его агентурные источники занимаются дезинформацией. Правда Артузова подтвердилась в январе 1934-го, когда с подписанием германо-польского протокола о ненападении началось сближение двух стран и антисоветская политика Польши стала достаточно откровенной.

Накануне принятия решения Политбюро по военной разведке, 25 мая 1934-го, Артузов был вызван в Кремль. Он вошел в кабинет Сталина в 13 часов 20 минут. Там уже находились Ворошилов и Ягода. Беседа продолжалась шесть часов. Уходить в другое ведомство, хотя бы и на родственную работу, с понижением в должности и без особых перспектив продвижения по службе Артузову явно не хотелось. Но после слов Сталина: «Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается», возражать было нечего. Хорошо представляя себе обстановку и взаимоотношения в военном ведомстве, Артузов сказал Сталину, что ему одному трудно будет вписаться в новый коллектив, попросив разрешения взять с собой группу сотрудников, которых он знал по работе в ИНО. Сталин согласился и вместе с Артузовым в военную разведку пришли 13 сотрудников ИНО. Со Сталиным явно была

согласована и расстановка новых людей: без приказа генсека Ворошилов не отдал бы «пришельцам» важнейшие посты в военной разведке.

Наиболее крупными фигурами из этих 13 сотрудников были Федор Карин и Отто Штейнбрюк. И не только потому, что вскоре возглавили важнейшие отделы. В ноябре 1935 года в Красной Армии были введены персональные воинские звания. Звание комкора (нынешний генерал-лейтенант) получил как имевший опыт строевой службы новый начальник Управления Семен Урицкий. Звания корпусных комиссаров, по рангу соответствующее званию комкора, – уже бывший (к тому моменту) начальник Управления Берзин и Артузов. Эти же звания политсостава были присвоены Карину и Штейнбрюку, тем самым начальники отделов были приравнены к руководству военной разведки.

Времени на раскачку у Артузова не было. Ему предстояло проанализировать работу Управления и предложить свои рекомендации по реорганизации центрального аппарата военной разведки в течение месяца. 23 июня 1934 года подробный доклад был готов. Основные его положения в предварительном порядке были доложены наркому Ворошилову. Возражений с его стороны не последовало. Доклад о состоянии агентурной работы Управления и мерах по ее улучшению был адресован «Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину». Второй экземпляр доклада предназначался Ворошилову. Неизвестно, находился ли в это время в Москве начальник Управления Берзин. Если так, то сам факт обращения с докладом через его голову, да и через голову наркома непосредственно к Сталину, был беспрецедентным. «Сталин, направляя меня в Разведупр, сказал, что я должен быть там его глазами и ушами», – говорил Артузов в 1936 году. Этим можно объяснить действия обычно тщательно соблюдавшего

субординацию Артузова, пославшего свой первый доклад в новой должности на самый «верх».

Артузов был в военной разведке человеком новым, ему нечего было скрывать или приукрашивать. В докладе отмечалось, что после провалов агентурная сеть Управления фактически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии; сохранилась она в Германии, Польше, Китае, Маньчжурии, в некоторых странах (Турция, Персия, Афганистан, Корея) разведка велась полулегальным путем, когда резидент и его помощники работали «под крышей» полпредств, консульств и торговых представительств.

Анализируя работу в Германии, Артузов отмечал, что там имеется несколько ценных агентов, дающих документы об организации, вооружении и боевой подготовке рейхсвера, а также данные германских военных атташе об иностранных армиях, в частности о Красной Армии. Одним из серьезных недостатков работы в этой стране Артузов считал то, что несколько работников нелегальной резидентуры были получены в свое время от ЦК германской компартии. Иностранные коммунисты часто не исполняли приказы о прекращении всяких связей с партией в случае перехода на разведывательную работу. Артузов подчеркивал, что в случае провала в Германии гестапо легко может доказать связь между компартией и советской военной разведкой. Он рекомендовал «как правило, не использовать на разведывательной работе в данной стране коммунистов данной страны». Но такая рекомендация в очередной раз осталась на бумаге.

Новому заму по разведке, конечно, сразу же доложили об операции «Рамзай». Сказали о составе группы, задачах, которые ставились при разработке операции в 1933 году. Познакомился Артузов и с личным делом Зорге и имел представление о фигуре

нелегального резидента военной разведки в этой стране. Но реальных результатов у «Рамзая» в июне 1934-го еще не было и сказать об этой группе в докладе он ничего не мог. Свой вывод о разведывательной работе в Японии он сделал только на основе информации о работе легальной резидентуры ИНО в Токио. Вывод был неутешительным: «Ведение агентурной работы в Японии из стен наших официальных представительств настолько чревато опасностями, что от этого надо отказаться».

Для улучшения работы Управления Артузов предложил остановить текучесть агентурных кадров. Для этого предлагалось принять особое положение о продвижении агентурных работников по службе. Работа за кордоном приравнивалась к службе в действующей армии на фронте со всеми вытекающими отсюда льготами. Предлагалось также разрешить агентурным работникам учебу в военных академиях с годовыми перерывами для заграничной работы. Создавался особый жилой фонд для возвращавшихся из-за рубежа агентурных работников, улучшалось их материальное и денежное содержание. Соответствующие меры были приняты, и утечку опытных кадров из Управления удалось приостановить.

Наиболее важные предложения Артузова касались изменения аппарата Управления. Прежняя структура сложилась в середине 1920-х и до 1934 года не менялась. В Управлении было пять отделов и несколько вспомогательных отделений. 1-й отдел занимался войсковой разведкой, 2-й – агентурной, 3-й – информационно-статистической работой, 4-й – контактами с иностранными военными атташе, 5-й – дешифровальной работой.

Артузов с его большим опытом работы в ИНО понимал необходимость перестройки структуры военной разведки с учетом новой международной

обстановки. Он предложил сократить аппарат Управления и ликвидировать деление на добывающий и обрабатывающий аппараты, – иначе говоря, расформировать имевшие многолетний опыт 2-й и 3-й отделы.

Значение аналитической службы хорошо понимали еще в начале 1920-х и в руководстве наркомата, и в самой военной разведке. В 1924 году агентурный отдел насчитывал 15 человек, а информационно-статистический – 59 при общей численности Разведупра в 90 человек. Соотношение по сотрудникам между добывающим и обрабатывающим аппаратами составляло 1:4. Многие из сотрудников, включая и начальника отдела Никонова, имели огромный по тем временам стаж работы в этой сфере – 10 лет.

Артузов, предлагая разбить этот сложившийся аналитический центр, очевидно, руководствовался привычной для него схемой работы ИНО, который не имел сильной аналитической службы. Во внешней разведке такая структура появилась лишь в годы войны, в декабре 1943-го. Конечно, Артузов не мог предвидеть тех проблем, с которыми столкнулось в канун войны 1-е управление (бывшее ИНО) НКГБ из-за отсутствия подобной службы. Но тщательнее оценить функции и работу аналитического аппарата военной разведки, прежде чем готовить его ликвидацию, он мог бы. В этом был крупный просчет Артузова.

Взамен Артузов предлагал создать два отдела стратегической агентурной разведки: в странах Запада (первый отдел) и Востока (второй отдел). Их агентура действовала в Европе, а также в Турции, Персии, Афганистане, Китае, Маньчжурии, Японии и США. Отдел технической разведки должен был вербовать агентуру на военных заводах, в секретных конструкторских бюро и лабораториях и добывать данные о новой военной технике. На отдел активных действий за рубежом

возлагалась подготовка кадров для диверсий в тылу противника в случае войны. На отдел по руководству разведкой округов – руководство разведотделами приграничных округов, через которые насаждалась периферийная агентура на сопредельной территории соседних стран для непосредственного наблюдения за укреплениями, концентрацией войск, перевозками и маневрами в погранзоне.

Генсек внимательно ознакомился с докладом Артузова, замечаний с его стороны не последовало. Менее чем через месяц было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы в РККА оперативными работниками разведорганов». В этом документе были учтены все предложения, изложенные в докладе Артузова. В ноябре 1935 года Нарком обороны утвердил и новые штаты Разведупра РККА. Всего в нем было создано двенадцать отделов. Первый (агентурная разведка на Западе) во главе с Отто Штейнбрюком состоял из пяти отделений с общим штатом в 56 человек. Второй (агентурная разведка на Востоке) во главе с Федором Кариным также включал пять отделений с общим штатом в 43 человека.

Японское отделение второго отдела продолжало разработку операции «Рамзай» и осуществляло руководство разведывательной группой Зорге. Карин и начальник отделения полковник Михаил Покладок руководили операцией более двух лет до лета 1937 года. О них не упоминается ни в одной книге о Зорге. Эти два разведчика заслуживают того, чтобы о них сказать несколько слов.

Ни читателям литературы по истории разведки, ни исследователям истории спецслужб фамилия Карина ни о чем не говорит. А между тем в 1930-е годы эта фамилия стояла в одном ряду по присвоенным персональным воинским званиям с такими фамилиями асов разведки, как Берзин и Артузов. Как и им, ему было

присвоено звание «корпусный комиссар», что соответствует теперешнему званию генерал-лейтенант. Но после кровавого 1937-го генерал разведки ушел в небытие, и о нем забыли все. Забыли в КГБ, забыли в ГРУ, хотя работе в политической и военной разведках он отдал всю свою жизнь.

Родился в 1896 году в селе Суслены Бессарабской губернии. О его жизни до 1919 года никакой информации нет. В январе 1919-го, после оккупации Бессарабии Румынией в 1918 году, уехал в Киев. Работал в одном из советских учреждений по заготовкам. Тогда же вступил в РКП(б). Весной в Киев из Москвы приехал секретарь Бессарабского бюро при ЦК РКП(б) Хоровой (Гринберг). Хоровой познакомился с Кариным. Очевидно, он понравился московскому представителю, и тот предложил ему должность своего секретаря. Позднее Хоровой переехал в Одессу, где была сформирована Бессарабская ЧК. По его рекомендации Карина назначили заместителем начальника контрразведывательного отдела. Потом был фронт и командование эскадроном в бессарабской бригаде. Был ранен и после госпиталя направлен в Киев, где был назначен комиссаром одного из отделов Всеукраинского уголовного розыска. При наступлении белых на Киев был направлен в Особый отдел 12-й армии. С августа 1919-го стал работать в органах ЧК и ОГПУ. Такая вот биография за один год.

Способного бессарабца, владевшего английским и немецким языками, заметили, и в 1920-м он вместе с Артузовым участвует в операции против Игнатия Сосновского и агентуры Польской организации войсковой. С 1922 года начинается его нелегальная агентурная работа. Румынским он владел хорошо, и его решили использовать для работы в этой стране. Но агентурного опыта еще не было, и, очевидно, он попал под подозрение румынской контрразведки. Пришлось в

июне 1922-го перебраться в Австрию, а потом работать в Болгарии (под фамилией Корецкий). Для Карина начались 11 лет агентурной работы во многих странах мира. В марте 1924-го его направляют резидентом ИНО в Харбин под «крышей» сотрудника генконсульства. С ноября 1926-го по июль 1928-го нелегальная работа в США. В 1928—1931 годах он нелегальный резидент ИНО во Франции, а с 1931 по 1933 год – нелегальный резидент в Германии. За время работы объездил полмира, работал во многих странах, опыта и квалификации хватило бы на несколько нелегалов. Осенью 1935-го возвращается в Москву и начинает работать в центральном аппарате политической разведки – ИНО ОГПУ. И опять вместе с Артузовым.

Неудивительно, что начальник ИНО очень высоко ценил одного из своих помощников. В аттестации на Карина за 1933 год он писал: «... Один из наиболее опытных и квалифицированных руководителей разведки в условиях подполья. Прекрасный конспиратор, смелый, инициативный оперативник... За блестящую разведывательную деятельность имеет две высшие награды ОГПУ (два знака почетного чекиста), а также был представлен к ордену Красного Знамени. Последняя должность у Карина – начальник центрального отделения ИНО, с присвоением 12-й категории. Считаю Карина в первой десятке лучших организаторов разведки ИНО». Этот документ был подписан Артузовым 14 ноября 1934 года.

В январе 1935 года приказом Наркома обороны он был назначен начальником 2-го восточного отдела Разведупра. Конечно, такое крупное назначение, тем более человека со стороны, было согласовано со Сталиным, и приказ, подписанный Ворошиловым, только фиксировал договоренность между Артузовым и Сталиным о расстановке команды чекистов на ключевых постах в Разведупре. Отдел занимался

агентурной разведкой на Востоке и США, и, предлагая Карина на эту должность, Артузов учитывал его опыт работы в Харбине и в США. Опыт работы в ИНО и способности Карина были оценены очень высоко, если он по воинскому званию был приравнен к руководству военной разведки. Очевидно, высоко оценивал Карина и Сталин, без ведома и согласия которого такие высокие воинские звания в РККА тогда не присваивались.

Сотрудники отдела, с которыми работал Карин, очень тепло отзывались о нем, как о руководителе, ценили его деловые качества, работоспособность, умение найти общий язык и наладить деловое сотрудничество с подчиненными. Старейший разведчик полковник в отставке Борис Гудзь, работавший в 1936—1937 годах во втором отделе помощником Карина, вспоминает: «... Сразу же при поступлении моем на работу во второй отдел Разведупра мы нашли общий язык и так проработали в тесном деловом контакте все 13 месяцев моей работы в Разведупре.

За это время я убедился в том, что Карин – работник большого масштаба, с большим опытом разведывательной работы. Он был одним из подлинных руководителей операции «Рамзай», хотя начинал эту линию не он, а лично Берзин. В этой операции он беспокоился за сохранение Зорге от провала, поскольку в основе его легенды было много сырых моментов и в этом отношении делали все возможное чтобы исправить положение. Он был одним из инициаторов создания транзитной резидентуры по руководству Зорге в Шанхае. Резидентом на эту работу был выделен его заместитель, опытный разведчик, дивизионный комиссар Лев Борович.

Он самым активным образом передавал опыт военным разведчикам, особенно Акимову, Федорову, Покладеку, Хабазову и другим. Он проявил большую настойчивость в создании нелегальной резидентуры в

Париже и в Калифорнии по вербовке среди японской колонии. Он сам никогда в Японии не был и подробно расспрашивал меня о разных сторонах жизни и быта в Японии.

Работать с ним было легко и интересно. Он горел на работе сам и умел зажигать на разведработу других. Карин особенно ценил работу полковника Федорова, работавшего по Маньчжурии. Много сил Карин тратил при работе с полковником Покладеком, который недооценивал агентурную разведку».

Но события, послужившие поводом для назначения нового зама в Управление, повторились через девять месяцев после прихода Артузова в Разведупр. На этот раз скандал разразился в Дании, где полиция арестовала нескольких датчан и иностранцев, обвинив их в шпионаже в пользу СССР. Европейская пресса зашумела. Сразу же после того, как в Управлении разобрались в обстановке, Артузову пришлось писать подробный доклад Наркому обороны. Полиция арестовала девять человек: четырех работников Центра и пятерых иностранцев, привлеченных на месте для работы по связи. Главной фигурой среди арестованных был старый работник Разведупра Улановский – резидент связи в Дании. Его основной задачей было получение нелегальным путем материалов от резидентур в Германии и их пересылка в Советский Союз. Для перевозки почты он завербовал трех датчан и одного американца.

Для Берзина копенгагенский провал знаменовал закат карьеры в военной разведке. Если прежде ему удавалось устоять и оставаться начальником Разведупра хотя бы и при команде чекистов во главе с Артузовым, то теперь шансов у него не было. Берзин хорошо знал расстановку сил в руководстве Наркомата обороны, видел их борьбу за влияние и руководящие посты и не строил на свой счет никаких иллюзий. Не

дожидаясь оргвыводов после доклада Артузова, он сам подал рапорт об освобождении от должности. Ворошилову удалось уговорить Сталина согласиться с уходом Берзина. Берзина генсек не принял, видимо, не пожелав слушать его объяснений.

Через месяц, 15 апреля, наркомом обороны был подписан приказ № 53: «Начальник Разведывательного управления РККА т. Берзин Ян Карлович, согласно его просьбе, освобождается от занимаемой должности и зачисляется в мое распоряжение...» Должность начальника Разведупра стала вакантной. В аппарате Управления кандидатов на нее не нашлось. Выбор пал на человека из высшего комсостава РККА, имевшего хотя бы некоторое отношение к военной разведке, – Семена Урицкого.

5 мая 1935 года заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления Ян Гамарник, курировавший повседневную работу Разведупра, представил генсеку нового кандидата. Беседа продолжалась два с половиной часа, на ней присутствовал врид начальника Управления Артузов. Очевидно, что сомнений у генсека не возникло. Седьмого мая, опять же в сталинском кабинете, Урицкий познакомился с Кариным, Никоновым (тогда вторым заместителем начальника Разведупра) и Штейнбрюком. На следующий день у Сталина состоялась заключительная трехчасовая встреча с руководством военной разведки. На ней присутствовали Ворошилов, Орджоникидзе, Гамарник и Артузов, из начальников отделов – Карин, Стигга и Боговой. После этого новый руководитель Разведупра приступил к исполнению своих обязанностей.

Это был человек своего времени. Жесткий, напористый, стремящийся к успеху. Путь от рядового до командира корпуса, как и многие из его друзей и знакомых командиров высшего звена, прошел за 20 лет.

Родился в 1895 году в Черкассах Киевской губернии. Племянник известного чекиста Моисея Урицкого. Воспитывался в семье революционера Вацлава Воровского. Кончил четыре класса Одесского казенного училища и с 15 лет начал работать. Пять лет работы в аптекарских складах Эпштейна: сначала учеником, потом упаковщиком и приказчиком. В 17 лет в июне 1912 года Одесской группой РСДРП был принят в партию. В августе 1915 года призван в армию рядовым в 12-й драгунский полк. В кавалерийском седле проскакал и всю гражданскую. Летом 1917-го – председатель ротного комитета на Румынском фронте. В декабре – начальник красногвардейской дружины в Одессе. И сразу же зимой 1918-го – помощник комиссара кавалерии в штабе Одесского военного округа. Летом 1918-го он уже комиссар кавалерии 3-й украинской армии на Украинском фронте. В июне – июле 1918-го он начальник боевого участка Поворино на Царицынском фронте.

С октября 1918-го в Москве был начальником отдела в Военном контроле (Особый отдел ВЧК). С этой должности зачислен слушателем на первый курс Академии Генштаба. Летом 1919-го после окончания первого курса направлен на Южный фронт помощником начальника штаба дивизии. Летом 1920-го он уже командир Отдельной кавалерийской бригады на Южном фронте и с декабря 1920-го – слушатель второго курса Академии. В марте 1921-го принимал участие в подавлении Кронштадского восстания и получил орден Красного Знамени. Летом 1921-го – начальник Одесского укрепленного района и зимой 1922-го – слушатель последнего курса Академии. После ее окончания в мае 1922 года – спецкомандировка на нелегальную работу в Германию уже по линии Разведупра. После двухлетней работы в этой стране в мае 1924-го возвращение в Москву. На этом его

сотрудничество с военной разведкой закончилось. То ли в Разведупре пришлось не ко двору, то ли сам не захотел работать на новом поприще.

С 1924 года служба – на командных должностях. Три года он начальник Одесской и Московской пехотных школ. Затем с 1927 по 1923 годы командование стрелковой дивизией в Ленинградском военном округе. Новая ступенька в карьере и полтора года на должности заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. Опять взлет в карьере, и с мая 1930-го по декабрь 1931-го он уже командир стрелкового корпуса в Украинском военном округе. Затем должность начальника штаба Ленинградского военного округа и опять командование стрелковым корпусом, но уже в Приволжском военном округе. За десять лет продвижение по службе шло только вверх. Ни одного сбоя, ни одного отката назад. Конечно, сыграли свою роль и высшее военное образование, и огромный по тем временам партийный стаж. Командиров высшего звена с дореволюционным партийным стажем и с двумя орденами Красного Знамени в РККА было немного. Летом 1934-го в Наркомате обороны и, конечно, в ЦК партии решили, что послужил в войсках достаточно – пора и в Москву. И с июня 1934-го он заместитель начальника Автобронетанкового управления. Отсюда его переместили в Разведупр, и началась работа в новой незнакомой ему области военной разведки. С этим человеком и встретился Зорге в июле 1935 года.

Начальник японского отделения Разведупра Михаил Покладок был ровесником Урицкого, но биография у него была совершенно другая – никакого стремительного восхождения по службе, как у нового начальника Управления. Как следствие – в 1935-м скромное воинское звание полковника и скромная должность. Родился он в 1895 году в деревне Цепинцы

Вязынской волости Виленской губернии. В 1915 году был призван в армию и, как имеющий среднее образование, направлен в Алексеевское военное училище. Через год после окончания училища – чин подпоручика и отправка на Юго-Западный фронт. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Вначале в отделе уездного военкомата, потом в войсках, где дослужился до командира батальона. В партию вступил в 1920-м. С 1920-го семь лет служил в войсках связи. В 1924 году окончил Высшую военную школу связи и в 1927 году поступил на Восточный факультет Военной академии. После окончания японского отделения факультета Берзин забрал его в Разведупр. В 1929—1930 годах во время конфликта на КВЖД он служил помощником начальника разведывательного отдела штаба ОКДВА. В 1930 году вернулся в Разведупр и был направлен на три года на стажировку в японскую армию с задачей совершенствования японского языка, который изучал в академии, и ознакомления с вооруженными силами Японии. В 1933 году после возвращения в Москву был назначен начальником сектора информационного отдела Управления. В 1934—1935 годах находился в распоряжении Управления, очевидно, в заграничной командировке. И с 1935 года был назначен начальником японского отделения 2-го отдела Разведупра. Повседневное руководство операцией «Рамзай» осуществлялось этим отделением, и Зорге во время приезда в Москву, конечно, встречался с Покладеком.

Урицкий, Артузов, Карин и Покладок – вот те новые люди в руководстве военной разведки, с которыми контактировал Зорге во время своего короткого и последнего пребывания в Москве. Были окончательно уточнены и четко сформулированы все задачи, ставившиеся перед разведывательной группой.

При этом в полной мере учитывались и возросшие возможности членов группы, и возможности Зорге в германском посольстве при контактах с послом Дирксеном, военным атташе полковником Оттом и военно-морским атташе капитаном Веннекером. Был решен вопрос о замене радиста, и Клаузен, вызванный в Москву телеграммой Ворошилова, начал подготовку к дальней дороге. Были разговоры и об отпуске Зорге вместе с Екатериной Максимовой где-нибудь на черноморском побережье.

Но разговоры об отдыхе так и остались разговорами. Зорге вызвали в Управление и сказали, чтобы он срочно готовился к возвращению в Токио. Причиной такой спешки была изменившаяся обстановка на Дальнем Востоке. Рвавшиеся к вершинам военной власти молодые офицеры из общества «Сакуракай» закусили удила и уже не думали об осторожности. Провокации на советско-маньчжурской и особенно на монголо-маньчжурской границах следовали одна за другой. Конфронтация в этом регионе нарастала и могла закончиться крупным военным конфликтом. Такой поворот событий не устраивал политическое и военное руководство Советского Союза. В Москве еще не были готовы к победоносной войне с островной империей, и разгром Квантунской армии на полях Маньчжурии планировался в далеком будущем.

Другой причиной напряженности на Дальнем Востоке была КВЖД. Стратегически важная железная дорога, пересекавшая всю Маньчжурию с северо-запада на юго-восток, фактически являлась экономическим стержнем этого района. Находясь в совместном владении России и Китая, а затем Советского Союза и Китая, она была занозой в теле «независимого» государства Маньчжоу-Го. Командование Квантунской армии, имевшее уже большое влияние в политических и военных кругах Токио, не могло смириться с

присутствием чужого государства, к тому же будущего противника, на подконтрольной ей территории. В Москве тоже понимали, что с дорогой надо расставаться и из Маньчжурии уходить окончательно. Дорога нормально уже не работала, а надежды на то, что совладелец удастся вразумить коротким военным ударом, не было. Устроить второй конфликт на КВЖД по образцу 1929 года было невозможно. Любые военные действия, но уже против частей Квантунской армии, привели бы немедленно к длительной кровопролитной войне с Японией.

В Москве не хотели никаких конфликтов на Дальнем Востоке и приняли решение продать советскую часть дороги Японии. Советский Союз никогда не признавал независимость Маньчжоу-Го, и никакие переговоры с этим «государством» были невозможны. После продажи дороги третьей стране можно было с достоинством, сохраняя «лицо», уйти из Китая. В Токио трезвомыслящие политики приняли предложение о продаже. Начались переговоры о цене и условиях выплаты стоимости дороги. Но тут опять вмешались военные. Они хорошо понимали, что решение вопроса о КВЖД будет способствовать нормализации отношений между двумя странами. А это не устраивало горячие головы в штабе Квантунской армии. Им нужна была напряженная обстановка, конфликты и возможная война с северным соседом.

Летом 1935 года не без их влияния переговоры о КВЖД в Токио были прерваны, и обстановка резко обострилась. На Дальнем Востоке запахло порохом. В этих условиях ни о каком отдыхе Зорге не могло быть и речи. Урицкий, Артузов и Карин, проанализировав создавшуюся обстановку, совершенно правильно решили, что место руководителя разведывательной группы должно быть в Токио, а не на черноморском побережье.

Состоялся последний визит Зорге и Клаузена к Урицкому. Начальник Разведупра напомнил, что главная цель их разведывательной деятельности – дать точный анализ японских намерений в отношении Советского Союза. Планирует ли Япония совершить нападение и если да, то когда? Через несколько лет в своих тюремных записках и в показаниях на допросах Зорге утверждал, что Урицкий считал эту цель первостепенной задачей группы: «... Считалось, что в случае ее успеха Советский Союз, пожалуй, сможет избежать войны с Японией, а это было объектом повышенного интереса всех московских инстанций, при этом мы должны были помнить о чувстве недоверия в Советском Союзе в отношении Японии. А именно, Советский Союз, видя возрастающую роль японских военных кругов и их внешнеполитический курс после Маньчжурского инцидента, начал испытывать серьезные опасения, что Япония планирует напасть на СССР».

Урицкий также предупредил Зорге о необходимости пристально наблюдать за развитием японо-германских отношений. Летом 1935 года говорить о том, как далеко могут зайти взаимоотношения между Токио и Берлином, было еще рано, но в Москве были убеждены, что возобновление дружеских отношений между двумя странами началось и, более того, что направлены они были главным образом против Советского Союза. О налаживании дружеских отношений сообщали из Берлина и дипломаты, и разведчики. Известно в Москве было и о том, что руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии и будущий министр иностранных дел рейха Риббентроп обратился к доктору Фридриху Хаку. Он попросил этого бизнесмена, имевшего большие связи на Дальнем Востоке, и особенно в Японии, встретиться с военным атташе Японии в Берлине Осима и передать ему просьбу о

начале конфиденциальных переговоров между двумя странами о создании оборонительного союза против России.

Путь Зорге опять лежал через Берлин в столицу Японии. Но прежде чем попасть в столицу рейха, он встретился в Варшаве с военным разведчиком Герхардом Кегелем. Он работал в посольстве фашистской Германии в Варшаве и был отлично осведомлен о всех немецких делах. Зорге интересовал целый ряд специальных вопросов: введение в марте 1935 года всеобщей воинской повинности и увеличение численности армии, подробности подписания в июне 1935 года военно-морского соглашения между Германией и Англией, выступления нацистов в Данциге. По всем этим вопросам Зорге получил от Кегеля исчерпывающую информацию. Встреча была организована с разрешения Урицкого резидентом Разведупра в Польше Рудольфом Гернштадтом. Он начал работать в военной разведке с 1929 года и с 1933-го до разгрома Польши в 1939-м успешно работал в Варшаве под «крышей» корреспондента немецких газет.

Перед тем, как покинуть Берлин, Зорге совершает протокольные визиты к тем, от кого зависит в Токио его реноме, к «сильным мира сего». При этом положено начинать с младших чинов и постепенно подниматься до верха, если, конечно, там пожелают и сообразоволят принять. Но Зорге, откровенно говоря, на знакомства и визиты очень везет. Открывая каждую следующую дверь, он заранее знает что сказать, кому чем польстить, вплоть до шутливого: «привет от тэнно хейка» (японского императора). Это в Берлине воспринимается с улыбкой, как хороший тон. Прощаясь, Рихард никогда не дает понять, что этот визит последний или все дела уже решены. Иногда он приглашает... посетить Японию и подняться на гору

Фудзияма, а то и воспользоваться древним искусством восточных гетер, именуемых «гейшами».

С газетными предпринимателями и заказчиками на информацию у Зорге особые отношения. Здесь он себя чувствует как «рыба в воде», разъездным коммивояжером: одному напоминает о долгах и денежных отношениях, другому предлагает серию статей на модную тему, третьего – просто интригует. Нет, не подумайте, что он комедиант и фокусник. Зорге – мастер слова, приз и талант журналистского дела, особенно по проблемам Дальнего Востока, он – артист сенсации.

В журналистских и газетных кругах ему выразили полное удовлетворение его деятельностью в Токио и теми информациями, которые он регулярно направлял из Японии. Более того, ряд новых газет Германии и Голландии проявили желание поручить ему представлять их в той далекой от Германии стране, с ее экзотикой и все более дерзкой политикой в отношении таких гигантов, как Китай, Америка, Россия. Крупнейшая либеральная газета «Франкфуртер цайтунг» и орган нацистских геополитиков журнал «Цайтшрифт фюр геополитик» раньше других поняли вкус и направление японских устремлений после захвата Маньчжурии, поэтому и не думали о другом представителе прессы в Японии. А отсюда и поддержка, и полномочия этому Зорге. В сентябре 1935 года он опять кружным путем возвратился в Токио.

К этому времени в правительственных кругах Японии взяла верх реалистичная политика по отношению к Советскому Союзу. Жесткий отпор на советской и монгольской границах и твердая позиция на переговорах о продаже дороги подействовали отрезвляюще, и в Токио решили пока не ссориться с северным соседом. Переговоры о продаже КВЖД возобновились. Обе стороны пошли на уступки, и дорогу

продали за 140 миллионов иен. Подтвердилась информация Одзаки, полученная Зорге перед отъездом в Москву: «В связи с событиями вокруг переговоров о продаже Северной железной дороги (КВЖД) усиливаются мнения о том, что, хотя и есть осложнения в вопросе о покупке железной дороги, японская сторона склонна в конечном счете к компромиссному завершению переговоров...» Эта информация была подтверждена информацией, полученной от Отта, и Зорге передал в Москву: «Япония вынашивает планы колонизации Северного Китая и не ведет подготовки к военным действиям против Советского Союза». Отт получил эту информацию из японского генштаба, но в Москве к ней отнеслись с большим недоверием.

Первые два года работы в Японии Зорге расценивал как начальный период, когда изучалась ситуация в стране и велась подготовка к реальной работе. В своих записках он писал: «В период с осени 1933-го по весну 1935 года говорить о реальном выполнении задач почти не приходилось. Это время мы провели в подготовительных работах в условиях очень трудной обстановки в Японии. Надо было организовать разведывательную группу и создать основу для разведывательной деятельности. Будучи иностранцами, мы должны были прежде всего хорошо узнать проблемы, ставшие объектом нашей миссии. Добиться точного понимания различных проблем, которыми мы обязаны были заниматься, сразу было почти невозможно. Даже для Мияги, который долго жил за границей, потребовалось определенное время для того, чтобы войти в курс японских проблем. Нам же, иностранцам, для этого был необходим гораздо больший срок. Начало действительной разведывательной деятельности пришлось на то время, когда я вернулся из своей короткой поездки в Москву летом – осенью 1935 года». Только с начала 1936 года

группа стала сильной организацией и смогла выполнять свои функции.

Операция «Мечтатели»

В начале 1932 года газеты на первых полосах давали сообщения о стройках на востоке страны. В Сибири и на Дальнем Востоке сооружались заводы, шахты, поднимались новые города и поселки. Эшелоны с добровольцами двигались по Транссибирской магистрали к Тихому океану. О добровольцах писали, их фотографии появлялись в газетах. Но были среди добровольцев и такие, о ком никогда не упоминала ни одна газета. Их фамилии были известны очень немногим в Москве и в том городе, куда мчали их пассажирские поезда. На восток ехали не только добровольцы строители, но и добровольцы чекисты. Из центрального аппарата ОГПУ к границе с Манчжоу-Го. Эта граница была тогда самой горячей границей страны.

Решили отправиться в Восточную Сибирь на оперативную работу и Гудзь с Агаянцем. Положение на границе им было хорошо известно, работы в Иркутске, где размещалось полпредство ОГПУ, было много, опытных сотрудников не хватало, и работники центрального аппарата, прошедшие школу Артузова, ценились там очень высоко.

Предварительно списались с начальником Особого отдела полпредства Борисовым. С начальством в Москве тоже удалось договориться. Здесь понимали, что чекистские кадры на периферии надо укреплять, и инициативе молодых сотрудников не препятствовали.

В связи с отъездом в другой конец огромной страны у них возникло много проблем. Но основная проблема – как работать на новом месте, в специфических сибирских условиях, какими методами пользоваться в контрразведывательной деятельности, что взять на

вооружение из опыта прошлого. Причем взять на вооружение и применять так, чтобы исключить возможность ошибок и провалов в борьбе против японской разведки. А эту разведку и в Москве, и в Иркутске считали сильной, опытной, профессиональной, с большим стажем борьбы еще со старой Россией. Поэтому в борьбе с будущим серьезным противником нужно было использовать все то, что было накоплено ОГПУ в 1920-е годы и в начале 1930-х годов.

Какой же информацией они могли воспользоваться в своей повседневной работе в Иркутске?

Довольно полная осведомленность имелась об органах японской разведки в Маньчжурии, их структуре и руководящих сотрудниках, например, таких, как начальник военной миссии в Харбине полковник Камацубара, бывший военный атташе Японии в Москве и будущий генерал-лейтенант и командир 23-й пехотной дивизии, разгромленной на Халхин-Голе в августе 1939 года. Или сменивший его Канда Масатанэ, начальник военной миссии в городе Маньчжурия, капитан Обара и другие. Были собраны точные сведения о лидерах и активистах белой эмиграции в Маньчжурии, сотрудничавших с японской разведкой и совмещавших разведывательную и диверсионную деятельность с попытками одновременно проводить и контрреволюционную работу среди населения Сибири и Дальнего Востока. В Иркутске обладали подробной информацией о генерале Шильникове, полковнике казачьих войск Кобылкине, бывшем начальнике контрразведки атамана Семенова Сипайло, лидере русской фашистской партии Родзаевском и многих других. Располагали чекисты и фотокопиями японских документальных материалов. Вся эта информация была тщательно изучена Гудзем и Агаянцем. Перед отъездом в Иркутск Артузов познакомил их с самыми последними документами японской разведки, которыми он

располагал к тому времени. Такая обширная информация помогла разрабатывать результативные комбинации против японской разведки в Маньчжурии.

В один из морозных январских дней 1932 года Транссибирский экспресс подошел к перрону иркутского вокзала. Телеграмма об отъезде была послана, и чекистов встречали. После необходимых хлопот об устройстве и жилье первая встреча с начальником Особого отдела. Беседа была дружеской, теплой. Вспомнили Москву, товарищей, с которыми работали в центральном аппарате. Сразу же был решен вопрос о работе в Иркутске. После тщательных размышлений и взвешивания всех «за» и «против» Гудзю с учетом его опыта работы было предложено возглавить отделение по борьбе со шпионажем, а Агаянцу – отделение по борьбе с контрреволюцией.

Работа Гудзя в этом отделении была творческой, интересной, во многом самостоятельной. Можно было в полной мере проявить свои знания и опыт, накопленные за девять лет работы в Москве. Привлекала и сложность работы. Противник – японская разведка – был сильным, опытным, но со своими недостатками, которые нужно было использовать. База шпионажа и диверсий, созданная после оккупации Маньчжурии, способствовала активизации его деятельности против Забайкальского района, являвшегося одним из основных направлений во всех стратегических планах японского генштаба. На главных направлениях разведка всегда идет впереди армии, так что можно было помериться силами с серьезным противником. Привлекала и большая самостоятельность в работе. В то время начальник контрразведывательного отделения подчинялся только начальнику Особого отдела и Полпреду. Выбор был сделан, и в дальнейшем Борис Игнатьевич ни разу не пожалел об этом за время двухлетней работы в Восточной Сибири.

Когда принимались дела отделения, то Борисов обратил внимание Гудзя на тоненькую папку. На обложке надпись: «Мечтатели». В папке всего несколько документов. Это была легендированная разработка, имевшая зацепку с выходом на зарубежные белогвардейские организации, действовавшие в Харбине. Борисов считал эту разработку перспективной.

В папке лежали несколько листков, на которых была зафиксирована разработанная под руководством Борисова легенда «Мечтатели». Вот краткое содержание идеи, которая была положена в основу создания «контрреволюционной организации» в Забайкалье, по воспоминаниям Гудзя.

В Иркутске изредка встречаются интеллигентные люди, внешне обыкновенные советские служащие, нормально выполняющие возложение на них обязанности. Среди них Кобылкин – бывший полковник казачьих войск, офицер колчаковской армии, сражавшийся с красными. Его младший брат Иннокентий, есаул белой армии, ушел в Маньчжурию. Старший Кобылкин тоже имел такую возможность, но не использовал ее, полагая, что советская власть не надолго, надо будет как-то пережить временный успех красных, а потом видно будет, куда кривая выведет.

Было решено начать переписку с братом, сначала сугубо личного характера и невинного содержания, но переправлять эти письма в Маньчжурию через проводника почтового вагона экспресса Москва – Маньчжурия, чтобы избежать цензуры и сразу же показать маньчжурскому адресату свои возможности. Постепенно в письмах должны появляться отдельные фразы и мысли, указывающие на тяжесть жизни в советских условиях, на то, что общения с «близкими по духу» затруднены, хотя все же происходят, и эти люди с полуслова понимают друг друга. В письмах должен постепенно проявиться интерес к жизни старых друзей,

ушедших в Маньчжурию, и желание обменяться подлинными мыслями. В письмах должно было отразиться, конечно не сразу, и некоторое улучшение материального положения, и что с властью дело обстоит не просто, часть интеллигенции стоит на стороне Советов, но многие терпят через силу.

В разработанной легенде была отражена мысль о том, что старая интеллигенция замкнулась в своем недовольстве и по-прежнему напугана и всего боится. Смакует молча неудачи власти в строительстве народного хозяйства и если может, то не помогает, саботирует, но это опасно – доносчиков хоть пруд пруди, люди друг другу не доверяют. И все же есть люди, которые не теряли надежду на возврат старых порядков. Появилась молодежь, вместе со своими отцами-кулаками недовольная коллективизацией и раскулачиванием. Эта молодежь бурлит, есть смельчаки, готовые на дело, но они разбросаны по глухим местам Забайкалья.

Такая разработка легенды учитывала реальную обстановку, сложившуюся в Восточно-Сибирском крае: трудности и перегибы при коллективизации, большая прослойка зажиточного забайкальского казачества, множество недовольных советской властью колчаковских и семеновских офицеров, имевших родственные связи в Маньчжурии. Работа над письмами должна была быть вдумчивой и осторожной. Особых иллюзий не создавать, но дать понять эмигрантам, что есть еще огонек среди ближних. И если они об этом расскажут японцам, то те могут заинтересоваться такой связью и пойти на ее развитие. На это при составлении легенды и рассчитывали.

Эта легенда должна была обрасти людьми. И теми, кого можно было включить в «контрреволюционную организацию», и теми, кто помогал бы чекистам, оставаясь в тени. Люди не должны были вызывать ни

малейших сомнений: ни у руководящих деятелей белогвардейских организаций в Маньчжурии, ни у их хозяев из японских военных миссий. Подбором таких людей и развертыванием мероприятий, по легенде, с учетом меняющейся оперативной обстановки и должен был заняться новый начальник иностранного отделения Особого отдела, приехавший в Иркутск в начале 1932 года.

Когда принялись изучать картотеку учета бывших колчаковских и семеновских офицеров, то выяснилось, что некоторые имеют интересные кастовые и родственные связи с активистами белой эмиграции в Маньчжурии. Этим и решили воспользоваться, чтобы установить контакт с ними.

Предполагалось, что родственный контакт, установленный не по открытой почте, постепенно перерастет в политический контакт между двумя единомышленниками, находящимися по разные стороны границы. Таким контактом должен был заинтересоваться эмигрантский центр, а следовательно, и японская военная миссия в Харбине, то есть японская разведка. Такова была идея, предложенная Борисовым и использованная при разработке легенды «Мечтатели». Но на пути осуществления этой идеи было много препятствий. Родственный контакт мог и не перерасти в политический. А политический контакт между двумя родственниками мог и не заинтересовать эмигрантский центр. Все зависело от умения чекистов, их мастерства, виртуозности, политической дальнорзости. Переписка должна была быть вполне естественной, а содержание писем, отправляемых за рубеж с помощью машиниста поезда, идущего в Маньчжурию, не вызывать никаких сомнений. При малейшей ошибке на осуществлении этой заманчивой идеи можно было ставить крест.

При разработке подобной легенды очень важным было установление первых начальных завязок, которые должны быть особенно естественными. Но для успешной работы в такой операции мало было опыта, умения и чекистского мастерства. Нужен был энтузиазм, личная инициатива, умение работать «с огоньком». Нужны были вера в успех именно этой операции и, если так можно выразиться, вкус к ней. Но в этом Борисову не повезло. В течение всего 1931 года найти подходящего сотрудника, который мог бы успешно продолжать разработку «Мечтателей», не удалось.

Была и еще одна причина. Вся «организация», созданная для операции «Мечтатели», состояла пока что из трех человек. Но это были серьезные люди, имевшие большой жизненный опыт и прошедшие суровую школу мировой и гражданской войны. Для успешных контактов с ними, для серьезной совместной работы нужен был человек, не уступавший им и по знаниям, и по интеллекту, и по жизненному опыту. Но свободных опытных чекистских кадров не было – каждый был загружен сверх меры. Поэтому вполне понятно желание Борисова подключить к этой перспективной операции человека, которого он хорошо знал по работе в Москве и который уже имел девятилетний опыт чекистской работы.

Основной фигурой в «организации» был Кобылкин. Его родной брат – полковник Кобылкин – был заметным деятелем в белоэмигрантских кругах в Маньчжурии и правой рукой генерала Шильникова, руководившего отделением РОВС^[2] на Дальнем Востоке. После смерти генерала в 1934 году он занял его место. Бывший полковник был связан и с японской разведкой. Прямых доказательств этой связи еще не было, но иркутские чекисты не сомневались в этом. Вот к нему и было

направлено первое письмо от его родного брата, проживавшего в Иркутске.

Были у Гудзя опасения, что Ян Зирнис может и не поддержать мероприятия по операции, так как сиюминутных успехов она не давала и была рассчитана на длительный срок. Основания для таких опасений были. К этому времени среди некоторых периферийных руководящих работников, недостаточно хорошо знакомых с контрразведывательными операциями, проводившимися Москвой, установилось такое мнение, что легендирование – это мышиная возня, требующая много усилий и времени и не дающая почти никаких результатов. Борисов заверил его, что Полпред не принадлежит к числу таких руководителей.

Между начальником Особого отдела и начальником отделения установились отличные деловые отношения. Годы работы в Москве позволяли им с полуслова понимать друг друга, и работа по «Мечтателям» могла пойти слаженно и эффективно. К сожалению, Борисов вскоре был переведен на Украину, и они больше уже никогда не видели друг друга.

Начальником Особого отдела был назначен Иван Чибисов. До этого он несколько лет проработал в КРО ОГПУ под руководством Артузова и Пузицкого, занимаясь контрразведывательными операциями против японской разведки. Меня очень интересовал Чибисов, и в одной из бесед я задал вопрос:

– Борис Игнатьевич, какое у Вас сложилось впечатление о Чибисове как руководителе Особого отдела?

– Когда я изложил ему свои соображения по операции «Мечтатели», то он с воодушевлением поддержал их. Чибисов был настоящий мастер агентурных комбинаций. У него был большой опыт в работе по контршпионажу против японцев. Он с полуслова понимал смысл и значение проводимых нами

мероприятий по «Мечтателям». У нас была полная поддержка со стороны всех вышестоящих руководителей, и это воодушевляло.

Несколько слов о Полпреде ОГПУ в Восточно-Сибирском крае. Зирнис руководил операцией по поимке Оперпута в 1927 году. На первой странице «Правды» от 6 июня сообщение коллегии ОГПУ: «Подробности последней операции белогвардейцев на советской территории».

В сообщении говорится о переброске в Советский Союз через финляндскую границу группы террористов генерала Кутепова в составе Захарченко-Шульц, Оперпута и Вознесенского. После неудавшейся организации взрыва здания ОГПУ в Москве террористы решили прорваться через западную границу. На территории Смоленской губернии они были обнаружены. Вот короткая выдержка из сообщения, где впервые упоминается фамилия Зирниса: «Руководивший розыском в этом районе заместитель начальника Особого отдела Белорусского округа т. Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень Алитуховка, Чернаково и Брюлевка Смоленской губернии. Тщательно и методически проведенное оцепление дало возможность обнаружить Оперпута, скрывавшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит». За эту операцию Зирнис был награжден орденом Красного Знамени.

Родился он в 1894 году в Латвии. В ряды партии вступил в 17 лет. Партийная работа, арест, ссылка в Сибирь. Февральская революция дала возможность вернуться на родину в свой Вилмиерский уезд. Возглавлял уездный ревком, проводил конфискацию помещичьих земель. Был избран в Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. В 1918 году боролся против германских захватчиков в составе частей красных латышских стрелков. Потом был

направлен вместе с другими латышскими большевиками в органы ВЧК. С этого времени и началась его чекистская биография.

Во время Гражданской войны – начальник особых отделов 11-й и 27-й дивизий и руководящий работник Особого отдела фронта. Сразу же после войны – командир Полоцкого пограничного отряда на западной границе. Затем начальник Витебского и Смоленского губернских отделов ОГПУ. После этого перевод в аппарат Белорусского округа. В 1927 году – заместитель, а затем начальник Особого отдела округа. В 1930 году он уже заместитель председателя ГПУ Белоруссии. С этой должности по рекомендации ЦК партии был направлен в том же году на должность Полпреда ОГПУ Восточно-Сибирского края и командующего пограничными и внутренними войсками Восточно-Сибирского округа. Было ему в это время 36 лет. На этом посту Зирнис работал до лета 1937 года. Два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды и два знака Почетного чекиста.

Зирниса отличала кипучая энергия и быстрота ориентировки. У него была редкая способность одновременно вникать во множество разнообразных дел и вопросов, не разбрасываясь в них, нацеливаясь на главное и доводя их до конца. На первый взгляд, он своим внешним обликом производил впечатление суровости и жесткости. Плечистый и крепко скроенный, с четкими и резкими движениями сильной фигуры, он имел волевое лицо с пристальным взглядом крупных светлых глаз. Вместе с тем он был человеком общительным, любившим и умевшим пошутить, внимательным и отзывчивым к людям и веселым в кругу друзей. В работниках, особенно молодых, он ценил инициативу, смелость замыслов и способность к самостоятельному мышлению. Ему нравились те, кто

умел и не боялся отстаивать свое мнение, если даже оно не совпадало с его собственным.

Вот воспоминания Бориса Игнатьевича о нем:

- Это был умный, честный и исключительно работоспособный чекист, хороший организатор и стойкий в моральном отношении человек. При том, что я был ему ранее совершенно неизвестен лично как работник, он ко мне относился очень доверчиво, тепло и внимательно. Когда он приглашал меня к себе по интересующим его вопросам, связанным с оперативной работой, то эти встречи носили характер скорее товарищеских бесед, нежели разговора старшего с младшим. Иногда он даже как бы советовался о перспективах работы, проявлял внимание к зарубежной работе и особенно к охране границы. Оказывал всемерную поддержку предложениям по конкретным разработкам, в частности по «Мечтателям». Он был демократичен и доступен, и эту поддержку, моральную и организационную, мы всегда получали без малейшей волокиты и перестраховок. Ян Петрович создавал благоприятные условия для творческой оперативной работы, и за это мы его очень ценили, ибо без такой обстановки, основанной на доверии, ведение сложных агентурных разработок, по которым приходилось часто принимать решения вдалеке от центра, было совершенно невозможно.

Фамилия Зирниса встретила и мне при просмотре комплекта газеты «Красная Звезда» за 1936 год. 14 февраля торжественно отмечалось пятидесятилетие пограничных войск. В этот же день в газете было опубликовано постановление ВЦИК о награждении орденами командующих погранвойсками НКВД. Орденом Красной Звезды был награжден и Я. П. Зирнис – начальник управления НКВД Восточно-Сибирского края и командующий пограничными и внутренними войсками НКВД. В 1936 году после

введения персональных воинских званий он имел звание комиссара Государственной безопасности 3-го ранга.

Вот несколько слов из воспоминаний Гудзя о его непосредственных начальниках: Борисове и Чибисове.

– Оба они были опытными чекистами, прошедшими школу центрального аппарата ВЧК – ОГПУ. Их знали не только Артузов и Пузицкий, но и Дзержинский и Менжинский. Чибисов, кроме того, работал на периферии на руководящей работе, а в центре – по борьбе с японским шпионажем. Борисов принимал участие в работе по разгрому савинковской контрреволюционной организации и по поимке самого Савинкова в 1924 году. Чибисов был старше Борисова по возрасту и обладал большим жизненным опытом. Он всегда был бодр и не терял интереса к работе ни на минуту. Особенно его увлекали комбинированные смелые разработки по японским разведывательным органам. В этой области, будучи заместителем начальника одного из отделений КРО, он достиг значительных успехов.

И снова я теперь уже в хорошо знакомой квартире старого чекиста. Долгая беседа и вопросы, вопросы...

– Борис Игнатьевич, как можно сформулировать основную идею операции?

– Основная идея – выйти на японские военные миссии в городах Маньчжурии, на их каналы проникновения в Забайкалье через белоэмигрантские центры и организации. Нужно было локализовать разведывательную активность японской разведки, направленную на Восточно-Сибирский край. Для достижения этой цели предполагалось использовать связи бывших белых офицеров, проживавших в Чите, Иркутске и других городах края со своими однополчанами, родственниками и знакомыми в Маньчжурии. Наиболее удобными для ведения

шпионажа и диверсий против Советского Союза японская разведка еще со времен интервенции считала остатки семеновских, колчаковских, пелеляевских, капелевских формирований, укрывшихся в Маньчжурии. И это учитывалось при разработке операции.

- Учитывалось ли при разработке операции изменение обстановки в связи с оккупацией Маньчжурии японскими войсками в 1931 году?

- Оккупация Маньчжурии и образование затем марионеточного государства Маньчжоу-Го вызвали угрозу резкого повышения активности японской разведки. Перед нами стояла задача в совершенно неотложном порядке не допустить развертывания японской шпионской сети на нашей территории. После выхода японских войск к границе Восточно-Сибирского края на всем пятисоткилометровом протяжении условия для действий японской разведки стали более благоприятными.

- Почему операция получила название «Мечтатели»?

- Название операции возникло по аналогии с мечтаниями руководителей белогвардейских центров и их японских хозяев добиться реставрации старого строя. Они иронично обозначены как пустые мечтатели, оторванные от реальной действительности.

Несколько листов, на которых была сформулирована основная идея операции, лежали в тонкой папке. На обложке название операции, дата начала и высший гриф секретности. Это было только начало долгой и кропотливой контрразведывательной работы. Добиться конкретных результатов можно было, имея опыт и знание таких операций, как «Синдикат-2», «Трест», «Ласточка» и некоторых других, которые проводились чекистами Украины, Северного Кавказа и Закавказья. Все это у нового начальника иностранного отделения было, и это помогло в работе.

Но для того, чтобы от идеи перейти к конкретным делам, нужно было создать у противника иллюзию существования в Иркутске, Чите и других городах края контрреволюционной группы, которая стремится расширить свое влияние. Такая группа должна обладать вначале скромными возможностями. Ее члены будут стараться, а это нелегко, проникать в советский аппарат, деревню, на крупные промышленные предприятия, то есть в те места, которые в первую очередь интересуют японскую разведку. В группу должны были входить люди, фамилии которых не вызывали бы недоуменных вопросов у руководителей харбинской белой эмиграции – известные бывшие белые активисты, в том числе военные авторитеты.

В руководители контрреволюционной группы чекистами был намечен бывший белый генерал Яков Георгиевич Лопшаков. Он был генерал-майором царской армии, участником Первой мировой войны. Был в ставке царя на фронте, где познакомился и близко сошелся с генералом Шильниковым. Это обстоятельство было решающим при назначении его на роль руководителя. Шильников в начале 1930-х годов возглавлял маньчжурское отделение РОВСа и фактически руководил всеми белогвардейскими организациями в Маньчжурии. Жил он в Харбине и отлично помнил Лопшакова по годам Первой мировой войны. У него, а следовательно, и у руководства японской военной миссии в Харбине, с которым он был тесно связан, бывший генерал-майор в роли руководителя группы не вызывал никаких сомнений. Это обстоятельство учитывалось чекистами. С бывшим генералом обстоятельно поговорили, объяснили необходимость создания такой группы, конечно, не вдаваясь в подробности, и он согласился помочь чекистам.

Алексей Кобылкин – один из членов «организации». Кадровый офицер царской армии, окончил кадетский

корпус, участвовал в Первой мировой войне, дослужился до полковника, из зажиточной казачьей семьи, при атамане Семенове был назначен начальником Читинского армейского артиллерийского склада и в этой должности пребывал до конца семеновщины, но с ним в Маньчжурию не ушел и остался в Чите. Должность у него была чисто интендантская, в боевых действиях против частей Красной Армии и в карательных экспедициях против мирного населения не участвовал.

Поэтому после установления советской власти в Забайкалье никаким репрессиям не подвергался. Конечно, как и все белые офицеры, был на особом учете в ОГПУ. Чекисты присматривали за ним, и для такого присмотра основания были. По своим политическим взглядам Кобылкин был враждебен советской власти, мечтал о буржуазной республике. Взглядов своих не скрывал и вел антисоветскую агитацию. Конечно, эта деятельность была замечена. Его вызвали в Читинский оперативный отдел ОГПУ, побеседовали, предупредили, что такая деятельность подпадает под соответствующие статьи уголовного кодекса РСФСР со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но предупреждение не подействовало, и в 1927 году Кобылкин был арестован за антисоветскую агитацию и отбыл шесть месяцев тюремного заключения. Приговор по тем временам был мягким. И, очевидно, после этого заключения и произошел перелом в его мировоззрении и политических взглядах. Человек он был умный, наблюдательный, перемены в жизни видел хорошо. А суровый урок, полученный за антисоветскую агитацию, показал ему, что советская власть прочная и ни о какой буржуазной реставрации не может быть и речи. Нужно было делать выбор в дальнейшей жизни и не ошибиться. И бывший полковник сделал свой выбор.

Таким был человек, которого чекисты ввели в состав «контрреволюционной» организации. Человек крупный, пользовавшийся известностью и влиянием в Чите, боевой офицер, имевший и знания, и опыт. Такая солидная фигура могла произвести впечатление на белогвардейские эмигрантские организации в Маньчжурии. Но если учитывать его прошлое, недавние политические взгляды, то для включения его в операцию «Мечтатели» нужна была смелость. Чекисты, разрабатывавшие легенду, такой смелостью обладали.

В организацию был включен и экономист треста «Сибзолото» Борис Павлович Гудков. Человек он был в Чите известный, жил с женой в отдельном доме, и его квартира в дальнейшем использовалась для приема «гостей» из-за кордона. К советской власти относился хорошо и при первой же беседе с чекистами согласился помогать им. Таким был костяк «организации» в Чите и Иркутске. Людей немного, но каждый известен и на виду. Каждого можно было проверить, а возможность проверки со стороны белогвардейских организаций и японских миссий не исключалась, и убедиться в его существовании.

Но нужны были свои люди не только в Чите и Иркутске, но и у границ. Найти их здесь было гораздо труднее. Населения в пограничных районах было мало, все жители были на виду, все друг друга знали, и малейшее отклонение в поведении любого из них сразу же было бы замечено. Поэтому подбор людей непосредственно у границы с «независимым» государством представлял особые трудности. Нужно было найти человека, местного жителя, которому чекисты абсолютно бы доверяли и который мог бы успешно действовать.

Было предложено несколько кандидатур, и Гудзь обратил внимание на одного человека. Это был бывший священник Василий Терентьевич Серебряков, который

бросил церковную службу и учительствовал в поселке Абагайтуй у самой границы. Было ему тогда 35 лет, и с Гудзем были почти ровесниками. Присматривался он к учителю, беседовал, изучал. Если привлечь его к операции, то нужно было полностью довериться бывшему священнику, раскрыть ему структуру и подлинное значение «организации», связи, пароли, явки. Довериться настолько, чтобы не сомневаться, что, будучи за кордоном, а поездка Серебрякова туда предусматривалась в ходе операции, он не предаст, не обманет, не скажет ни одного лишнего слова. Риск был огромным – ведь бывшему священнику доверялась судьба крупной контрразведывательной операции, от результатов которой зависело многое. Нужно было отстоять эту кандидатуру перед руководством, убедить, доказать необходимость полного доверия именно этому человеку. И взять на себя всю ответственность в случае провала, а предательство Оперпута и его последствия для операции «Трест» были Гудзю хорошо известны.

Нужно было обладать большим чекистским опытом, умением распознавать людей, верой в них и, конечно, интуицией, чтобы не ошибиться в человеке. И Серебряков полностью оправдал доверие. Он отлично работал, а работа была и трудной и опасной, во время всей операции «Мечтатели» до самого ее конца.

Небольшое отступление от повествования.

Борис Игнатьевич был отозван в Москву в конце 1935 года. Конечно, Василий Терентьевич не мог знать, куда его отзывали и для какой работы. Пути их разошлись, и больше они никогда не виделись и ничего не знали друг о друге. И только через 35 лет в московскую квартиру Гудзя в мае 1968 года пришло письмо из Новосибирска от Василия Терентьевича. С разрешения Гудзя я привожу начало этого письма.

«Здравствуйте, Борис Игнатьевич!

Добрый человек сообщил мне Ваш адрес. Я несказанно обрадовался.

Вы ведь первый дали мне задание. Прежде всего благодарю Вас за доверие. Задание я выполнил. Трех диверсантов судили, двоих убили на нашей земле. С нашей стороны потерь не было. Один, правда, был ранен, но он быстро поправился в госпитале Даурии. Сам я продолжал переписку с «ними» из Свердловска до 1945 года.

Несколько слов о себе. В 1935 году весной уехал в Ташкент под псевдонимом. Осенью этого же года перебрался в Новосибирск, где учительствовал один год. Моя фамилия попала в протокол суда...»

В это время Василию Терентьевичу был уже 71 год. Все годы проработал учителем, вышел на пенсию. За многолетнюю работу в школе был награжден орденом Ленина. Но не суждено было старым соратникам ни встретиться, ни продолжать переписку. В этом же году Василий Терентьевич скончался. Такой была судьба одного из главных действующих лиц операции «Мечтатели».

Кроме Серебрякова привлекли в «организацию» и фельдшера, тоже жившего в поселке Абагайтуй. Его квартира использовалась для приема «гостей» из-за кордона. Положение учителя и фельдшера было удобно тем, что по характеру своей работы и тот и другой могли принимать людей, ездить в любые места, отлучаться из поселка на длительное время, не привлекая к себе внимания местных жителей. Это обстоятельство в полной мере использовалось во время операции. «Организация» была создана, люди

расставлены, и началась повседневная чекистская работа.

Первое письмо, написанное членом «организации» Кобылкиным своему младшему брату Иннокентию, тщательно проверенное и отредактированное чекистами, было отправлено в Маньчжурию. Письмо было сугубо личного характера. Вопросы о житье, настроении, сообщения о родственниках и близких знакомых. Ответ Алексей Кобылкин просил отправить на пограничную станцию Маньчжурия до востребования и на конверте указать фамилию проводника вагона экспресса. Проводник был вовлечен в организацию и выполнял роль почтальона. По почтовым штемпелям Иннокентий Кобылкин должен был понять, что письмо отправлено не из Советской России, а со станции Маньчжурия. Это значило, что у брата была возможность посылать письмо нелегально, минуя границу.

Потекли дни томительного и тревожного ожидания. Ответит ли харбинский корреспондент? Что будет в этом письме? Будет ли оно сугубо личного характера? Ведь все-таки родной брат отвечает родному брату. И хотя они были по разные стороны границы, родственные чувства нельзя было сбрасывать со счетов. А может быть, в нем будут темы политического характера? Вопросы, вопросы, вопросы... Но для того, чтобы получить на них ответы, нужно было набраться терпения.

В один из рейсов проводник, зайдя на почту станции, получил, наконец, ответ и привез его в Иркутск. Письмо было личного характера, без малейшего намёка на политику. А ведь Кобылкин, по сведениям иностранного отдела ОГПУ, полученным в Иркутске, был известен в Харбине как заядлый контрреволюционный активист, связанный с японской военной миссией, а бывший генерал Шильников

советуется с ним по всем политическим вопросам. С этим первым письмом Кобылкин пришел к Гудзю.

Беседа была долгой и задушевной. Борис Игнатьевич не нажимал, отлично понимая, что отношения с таким человеком, как Кобылкин, можно строить только на полном доверии и взаимопонимании. Малейшее принуждение было в данной ситуации совершенно недопустимо. Много было сказано во время этой беседы о необходимости совместной работы, о том, что не из любви к этим тайным приемам приходится прибегать. Что придет время, когда эти средства борьбы отойдут в область преданий вместе с врагами, но в данных условиях эта тайная борьба – дело нужное и необходимое. И вести ее нужно смело, инициативно, с огоньком, а не через силу. Второе письмо также шло нелегальным путем. А на такую надежную линию переправки должны были клюнуть и Кобылкин, и его японские хозяева. Весь расчет дальнейшей операции строился на этом.

Ответ из Харбина пришел быстро. Так завязалась переписка, шло время, и в письмах из Харбина начали затрагиваться не только личные темы. Чувствовалось тонкое, едва заметное прощупывание настроений брата. Надо сказать, что наш Кобылкин вызывал полное доверие у чекистов. Но нужно было исключить даже малейшую возможность провала операции. И поэтому все письма из Харбина, прежде чем попасть в руки бывшего полковника, тщательно просматривались в иностранном отделении Полпредства. Но ничего подозрительного в письмах не было.

После того как несколько писем были переправлены в Маньчжурию, в Иркутске решили форсировать события и слегка нажать на харбинского корреспондента. Теперь ответные письма Кобылкин писал уже вместе с Гудзем. В одно из таких писем положили несколько вырезок из газет. Причем вырезки

подбирались с таким расчетом, чтобы заинтересовать противника – критика наших недостатков в сельском хозяйстве. В письме также было сказано, что человек, который бросит это письмо в почтовый ящик на станции Маньчжурия, хороший и вполне надежен. Так что в обмен на нашу газетную информацию желательно, чтобы наш корреспондент прислал тоже что-нибудь интересное.

С этого письма начался следующий, более ответственный этап операции. Все зависело от ответа из Харбина. Если в письме будет контрреволюционная литература, а именно это подразумевалось под фразой «что-нибудь интересное», то можно было с уверенностью сказать, что противник клюнул и дальнейшим развитием событий будут руководить уже чекисты. Предположения подтвердились. В письмах из Харбина все в более возрастающих количествах начали поступать контрреволюционные листовки и белоэмигрантские газеты. Пришлось даже сдерживать ретивого корреспондента, мотивируя это тем, что большой объем пакетов может подвести проводника.

Установилась откровенная переписка. Наш Кобылкин стал писать о беспросветности жизни в Совдепии, но намекал, что, как ни опасно при этом режиме общаться старым интеллигентам, все же под разными уважительными предлогами эти встречи происходят и чувство локтя между своими единомышленниками сохраняется. Намекал, что есть и среди молодежи прекрасные люди, но их мало. В одном из писем попросил дать какой-нибудь условный шифр или код, чтобы можно было некоторые мысли на всякий случай зашифровывать. Такой шифр был получен из Харбина очень быстро. В письме была и высокая оценка конспиративных способностей читинского корреспондента.

Уже на этом этапе операции чекисты ощущали полезность легендированного канала связи с белогвардейским центром в Харбине. Они уже знали, что интересуется «центр», какую литературу они посылают в Советский Союз, имели образцы различных изданий, типы шифров и кодов, которые они применяют, рецепты тайнописи. В одном из писем наш Кобылкин, используя полученный шифр, сообщил, что в их тесном кругу наиболее авторитетным человеком является бывший генерал Лопшаков, работающий по коневодству и вошедший в доверие к Советам как хороший спец. Во время встреч они читают литературу и письма от старых друзей и намечают пути и средства распространения листовок и газет, но с крайней осторожностью. Писал он и о том, что в их кружке много советских служащих, которые часто ездят в командировки в различные районы Сибири и даже в Москву и привозят интересную информацию, которой делятся с друзьями. У харбинского корреспондента должно было сложиться впечатление, что в Иркутске имеется активно действующая группа бывших офицеров и интеллигенции с возможностями для антисоветской деятельности.

Весь этот этап операции подводил харбинского корреспондента, а через него и его хозяев из японской военной миссии к тому, что в данной конкретной обстановке почтовый канал связи уже не может устраивать ни Иркутск, ни Харбин. Нужно было переходить к курьерской связи, подбирать для этого людей, готовить «окно» на границе для перехода связника в Маньчжурию. Но это уже был новый этап операции «Мечтатели».

* * *

К 1933 году в пограничных районах Маньчжурии, примыкавших к территории Восточно-Сибирского края, и в пограничной полосе располагалась японская пограничная стража, посты жандармерии и контрразведки. Граница с Восточной Сибирью была закрыта прочно. Опыт, навыки, профессиональная выучка у японских пограничников и жандармов были значительно выше, чем у китайских пограничников, охранявших границу до 1932 года.

Прорваться через этот «железный занавес», созданный японскими спецслужбами, было очень трудно. Конечно, связник, посланный из Иркутска в Харбин, мог перейти на ту сторону при помощи созданного «окна». Но самый тяжелый и ответственный этап начинался на той стороне. Японские пограничники и жандармы отличались исключительным недоверием и подозрительностью. В каждом человеке, пришедшем в Маньчжурию из Советской России, они видели агента ГПУ, каждого без исключений подвергали жесткой психологической и физической обработке, требуя признания в том, что он послан чекистами. Подвалы для допросов и пыточные камеры были обязательной принадлежностью жандармских пунктов, расположенных вдоль советской границы.

Учитывая сложность этой обстановки, контрразведчики находились некоторое время в тупике. Но вскоре появилась возможность преодолеть возникшие трудности. При очередной встрече с Серебряковым выяснилось, что в его поселке живет семья священника, высланная в свое время из центральной части страны за антисоветскую пропаганду. Один из его сыновей, бывший ученик школы, где преподавал Серебряков, настроен антисоветски и может пойти на какие-нибудь крайности. Серебряков несколько утихомирил пыл этого молодого антисоветчика, держал его под наблюдением,

но не был уверен, что тот не сорвется. Уж очень он озлоблен за отца и вообще против всей советской политики. Злобы и ненависти у этого парня было хоть отбавляй. Своих враждебных настроений не скрывал, разговоры вел соответствующие и даже выражал желание совершить террористический акт против какого-либо представителя советской власти.

Во время беседы у Гудзя возникла мысль: «Вот кого надо послать курьером в Харбин, предварительно убедив его, чтобы он бросил свои дурацкие задумки о терроре – жизнь отдать всегда успеешь, а занялся бы делом более безопасным и более эффективным и серьезным. И если уж рисковать, так действительно за большое антисоветское дело. Будучи посланным за рубеж от мифической контрреволюционной группы, но абсолютно уверенный в действительности существования такой организации, он пробьется через „железный занавес“ и если попадет в японскую мясорубку, то сумеет из нее выйти сухим».

Продумав со всех сторон этот исключительный вариант, получили санкцию руководства. Был разработан план создания «окна» на границе и посылки через него курьера с письмом от иркутской группы в Харбин. Курьеру дали кличку «Темный».

Для первого перехода границы нужно было организовать «окно» с нашей стороны. Найти командира из погранотряда, «завербовать» его, тщательно продумать и обосновать причину вербовки, сообщить об этом в письме харбинскому корреспонденту, с которым на ту сторону должен был идти «Темный». И сделать это так, чтобы у японцев не возникло ни малейшего подозрения и чтобы версия вербовки выдержала возможную проверку. В Иркутске хорошо понимали, что «Темному» и в жандармерии, и в контрразведке зададут десятки вопросов о переходе, об обстановке на границе, о поведении советских

пограничников. Все его ответы будут тщательно проверяться и перепроверяться, сопоставляться с имеющимися у японцев данными о режиме в нашей погранполосе. Малейшие неточности и неувязки в его ответах вызовут подозрение у японских контрразведчиков. А это означало бы полный провал и конец так и не развернувшейся еще операции «Мечтатели». Поэтому к первому переходу «Темного» готовились очень тщательно.

Подготовкой курьера к первому переходу границы под руководством чекистов занимался Серебряков. «Темного» изолировали, поселив его в целях конспирации на несколько месяцев в глухом поселке недалеко от границы.

Серебряков говорил ему во время инструктажа, что главное – незамеченным перейти границу с нашей стороны. Обстоятельства перехода курьер должен был знать, как и то, что «окно» организовал Серебряков, завербовав на свою сторону начальника заставы погранотряда. Он внушал «Темному», чтобы за ту сторону он не беспокоился, так как там «свои» люди, сочувствующие нашему делу.

– Ты объясни, – говорил он, – что пробираешься в Харбин к своим людям. В крайнем случае, назови японскому начальнику фамилию Кобылкина. Они пропустят, должны пропустить. Объясни, что у нас в СССР есть солидные люди, которые недовольны советским режимом. Организация установила связь через кордон в первый раз, и она не знает, как отнесутся японцы к нашему курьеру. Японским жандармам не надо рассказывать все про нашу контрреволюционную организацию. Во что бы то ни стало надо прорваться к своим русским братьям, оторванным от родины, но свободным от красного кошмара. Твоя задача добраться до Харбина, отдать письмо, получить ответ, а затем найти путь через

«окно» обратно. Японцы должны помочь перейти границу в том месте, где будут ждать свои надежные люди.

«Темный» должен был отвечать на любые вопросы японских жандармов свободно, все, что он знал. А знал он не так уж много – курьер и есть курьер. Опыт организации «Трест» в создании «окон» и посылки курьеров был использован в полной мере.

Для организации «окна» и перехода границы нужен был человек, отлично знавший местные условия, обстановку на границе, действия японских пограничных и жандармских органов. Выбор пал на Макара Семеновича Яковлева. Сибиряк, уроженец Забайкалья, участник гражданской войны – он несколько лет проработал в Читинском оперативном секторе ОГПУ и по рекомендации Гудзя, который познакомился с ним во время командировок в Читу, был переведен в Особый отдел Полпредства. Местные условия и обстановку на границе Яковлев знал превосходно. Ему и была поручена первая переброска «Темного» на ту сторону.

Подготовка закончилась, и «Темный» должен был уйти за кордон. К этому времени Яковлев познакомил «Учителя», такой псевдоним в операции был у Серебрякова, и фельдшера. Это было необходимо для того, чтобы в дальнейшей работе постараться избежать возможных недоразумений. Они должны были знать друг друга.

«Темного» под видом племянника Серебрякова отвезли в поселок Абагайтуй на квартиру фельдшера. Здесь была последняя остановка перед переходом границы. Линия границы проходила по протоке реки Аргунь. Место для перехода было очень удобным. Яковлев снял погранпосты с этого участка границы и остался с начальником заставы Иваном Морозовым. Это был единственный командир пограничников,

участвовавший в операции. Вдвоем они наблюдали за переправой «Темного» на тот берег.

«Учитель» вернулся, а «Темный» ушел в Маньчжурию. Были обусловлены примерное время пребывания на той стороне, сроки возвращения, маршруты, по которым Олейников мог выйти на нашу сторону. Оставалось ждать и надеяться, что первый переход границы закончится благополучно.

«Темный» вернулся. Были на той стороне и изощренные допросы, и избиения, и угрозы расстрела. Но держался он искренне, веря в принадлежность к организации. Эта искренность и помогла ему в поединке с японскими контрразведчиками. Ему поверили, отпустив обратно, но и решили проверить, как он перейдет границу. О бдительности советских пограничников японской контрразведке было хорошо известно. Но все обошлось благополучно, и «Темный» вернулся на советскую территорию, имея при себе листовки, деньги, оружие, задания и, что самое главное, договоренность с японской стороной о дальнейших переходах границы. «Окно» сквозь японский «железный занавес» было прорублено, и начались регулярные ходки через границу.

На ту сторону уходили зашифрованные письма с «информацией» о положении в Совдепии. Из-за кордона поступали посылки с литературой, оружием, заданиями по шпионажу. Переходы границы проходили в разное время года. Всегда оговаривалось время возвращения, когда на нашей стороне ждали и гарантировали безопасный переход границы, сигналы, пароли, явки. Яковлев всегда был на месте и обеспечивал безопасный переход границы. Он был провожающим и встречающим, и «окно» нормально работало в результате его повседневной трудной деятельности.

Принимали Олейникова и людей, которые его сопровождали из-за кордона. Потом «Учитель» с

принятыми людьми уходил на конспиративную квартиру фельдшера. Там разоружали «гостей», отбирали оружие, литературу, термитные заряды для диверсий, выдавали документы и сопровождали в Читу. Делал это «Учитель». Там, на квартире Гудкова, писался подробный отчет, который переправляли в Иркутск. «Окно» надежно работало, и серьезных осложнений не было. Была обычная повседневная работа – «чекистские будни».

Так прошел 1933 год. К его концу можно было подвести итоги. Канал выброски японской агентуры на нашу территорию был надежно перекрыт. Японскую разведку и ее филиалы в городах Маньчжурии удалось убедить в том, что «организация» обеспечивает переправу ее людей через границу, выполнение ее заданий и получение нужной информации. Все, кто приходил из-за кордона и уходил обратно, видели и слышали только то, что хотели контрразведчики, и уносили с собой ту информацию, которая была необходима для успешного продолжения этой операции.

Прием людей с той стороны проходил всегда аккуратно, количество людей, переходивших границу, заранее оговаривалось. На каждого из них, тоже заблаговременно, готовились документы: паспорт и пропуск для пребывания в пограничной полосе. Делалось все возможное, чтобы избежать каких-либо случайностей. И любое отклонение от заранее намеченного графика перехода границы исключалось. Были и непредвиденные случаи. В Маньчжурии существовал «Союз Нового Поколения». Эта эмигрантская организация действовала под руководством японской разведки, и один из ее руководителей был направлен на нашу сторону через «окно». Но так как его переход не был заранее предусмотрен, то документы на него не были

заготовлены. Конечно, чекистам хотелось бы познакомиться с представителем этой организации. Но без документов он не мог бы добраться до Читы и Иркутска – режим в те годы был строгий. И Яковлев, постоянно руководивший приемом людей на границе, отправил гостя обратно.

Наступил новый этап операции, когда за кордон нужно было отправлять своего человека. Человека, которому бы полностью доверяли и который на все, что происходит на той стороне, смотрел бы глазами чекистов и по возвращении ответил бы на все вопросы. «Темный» был только курьером, а новый посланец «организации» должен был быть представителем ее штаба, быть в курсе всех дел и планов, иметь полномочия вести переговоры от имени «подпольщиков». Он должен был попытаться выполнить план чекистов, решивших выманить на нашу территорию полковника Кобылкина. Замечание Артузова о том, что лучшим проявлением доверия со стороны японской разведки было бы направление по каналам «организации» видных представителей эмигрантских контрреволюционных организаций, в Иркутске помнили хорошо.

Выбор пал на Серебрякова. Как бывший священник, он должен быть хорошо принят в эмигрантских кругах Харбина. Удобной была и легенда, по которой он мог попасть в Маньчжурию. Возможность его посылки за кордон предусматривалась с самого начала операции. Поэтому для удобства работы и с прицелом на будущее он был переведен на должность инспектора школ. Это давало возможность, не вызывая ненужных разговоров и подозрений, ездить в Читу и Иркутск и отлучаться из дома на длительное время. Кроме того, генерал Лопшаков еще в начале операции сообщил Шильникову состав штаба «организации», в который был включен и Серебряков как один из руководителей читинского

подполья. Поэтому Василий Терентьевич после перехода границы мог рассчитывать на доверие Кобылкина и сотрудников японских военных миссий. Все это обеспечивало безопасность эмиссара «организации».

Были и другие соображения у иркутских чекистов. Посылка в Маньчжурию члена штаба вместо простого курьера выглядела солидно и придавала дополнительный вес «организации», указывая на ее возросшие возможности. Кроме того, Серебряков как член штаба мог встретиться с руководителями харбинских белоэмигрантских организаций и беседовать с сотрудниками японских военных миссий более высокого ранга. А во время таких встреч и бесед можно было получить более ценную информацию, понаблюдать реакцию собеседников на те вопросы, которые он как член штаба мог перед ними поставить, сопоставить увиденное и услышанное, сделать выводы. Одним из важнейших вопросов, который он должен был обсуждать, был вопрос о переброске мелких банд из Маньчжурии на советскую территорию. Серебряков должен был убедить японцев в том, что эти банды не приносят «организации» никакой пользы, а лишь усиливают бдительность чекистов и могут поставить под удар с таким трудом созданное «окно».

Учитывалось в Полпредстве и то, что приглашение Кобылкина перебраться на советскую территорию для инструктажа и смотра сил «организации», переданное лично членом штаба, который благополучно перешел границу, произвело бы сильное впечатление и на него, и на его японских хозяев. Соображений было много, и Василий Терентьевич стал готовиться в дорогу. Впервые в жизни ему самому нужно было перейти границу.

В одном из писем, которое унес через границу «Темный», Кобылкину сообщили о предстоящей поездке члена штаба в Харбин. Сообщили дату, время, место

перехода границы и фамилию, которую будет иметь Серебряков во время поездки. Кобылкин проинформировал Харбинскую военную миссию. С обеих сторон границы все было подготовлено.

«Учитель» взял отпуск. На работе и дома сказал, что едет к родителям на Урал. В Иркутске – встреча с Яковлевым, сотрудниками Особого отдела и подробный инструктаж перед поездкой. Заключительная встреча с Зирнисом, и снова в путь к маньчжурской границе. Переправлялись через нее вместе с «Темным». За протокой их уже ждал встречающий с подводой, и через полтора часа пути в рассветной мгле показались строения Джалайнора. Серебрякова встречал сам Кобылкин. А через несколько часов пассажирский поезд уже мчал представителя штаба в Харбин.

В Харбине его поселили в доме редакции газеты «Харбинское время». Редактором русской газеты был японец Осава, свободно владевший русским языком. Состоялась первая беседа. За столом кроме редактора сидели секретарь японской военной миссии Суда и Кобылкин. В ходе беседы подтвердились предположения о том, что русские эмигрантские организации не имеют никакой самостоятельности, не решают никаких серьезных вопросов и являются марионетками японской разведки.

Еще в Джалайноре Серебряков передал Кобылкину письмо от руководства. В нем предлагалось отказаться от проведения диверсионных акций на советской территории. Мотивировалось это тем, что при огромном строительстве, которое велось в крае, любой разрушенный диверсией объект будет восстановлен в кратчайший срок. Диверсия вызовет пристальное внимание чекистов, и «организация» будет раскрыта и уничтожена. Серебряков от имени штаба потребовал, чтобы переброска на советскую территорию людей из Маньчжурии производилась только через «окно» у

Абагайтуйа и чтобы они заранее извещались о такой переброске. Он также высказал пожелание штаба, чтобы полковник побывал в Чите и Иркутске для инструктажа и смотра сил подполья. Ему гарантировали переход границы и безопасное пребывание на советской территории.

Первая беседа продолжалась несколько часов. «Редактор» принял в ней активное участие, подтвердив предположение, что редакция «Харбинского времени» является ширмой для действий японской разведки в Маньчжурии. Во время беседы японцы прямо заявили Серебрякову, что эмиграция как военная сила ничего серьезного не представляет. Поэтому контрреволюционному подполью в Забайкалье нужно опираться в своей борьбе только на японцев, то есть на японскую разведку. Серебрякова также заверили, что Кобылкин обязательно побывает в Чите и Иркутске.

Были еще две встречи в редакции «Харбинского времени», на которых стороны обо всем договорились. В обратный путь его снабдили оружием и контрреволюционной литературой. Границу переходил ночью. И вскоре в Джалайнор пришло шифрованное письмо, в котором сообщалось, что эмиссар благополучно вернулся. Было в письме и сообщение о том, в какие числа месяца ждут гостей из-за кордона.

Поездка Серебрякова в Харбин прошла успешно. На сотрудников японской военной миссии он произвел хорошее впечатление. Разговаривал солидно, со знанием дела, не заискивал, чувствуя за собой силу «организации», в которой так нуждалась японская разведка. Удалось договориться о поездке Кобылкина, о том, что все переброски через границу будут вестись только с использованием «окна». Это давало преимущества чекистам, так как на некоторое время удалось парализовать действия японской разведки на забайкальском направлении. А в этом и заключалась их

работа: парализовать действия противника, выиграть время, снабжать его «информацией», которую так ждали в Харбине, и готовиться к новым невидимым боям. Василий Терентьевич успешно выполнил свою трудную задачу. Подробный отчет о его поездке в Харбин был отправлен в Москву.

Для успешного продолжения операции нужна была дезинформация военно-политического характера. «Организация» в глазах японской разведки выглядела авторитетно, ее возможности в получении информации считались весьма солидными. И переданная по каналу связи «деза» могла выглядеть вполне правдоподобно. Передача «информации» еще больше упрочила бы ее положение и позволила успешно продолжать операцию. На это и рассчитывали в Иркутске.

Но такую дезинформацию, согласованную со всеми инстанциями, могла дать только Москва. Туда и было послано подробное письмо. В письме отмечалось: чтобы создать у японской разведки видимость активной террористической деятельности, предлагается выдать за дела «организации» ряд несчастных случаев – крушений на железной дороге, пожаров в учреждениях и взрыв на складе «Взрывпрома» в Иркутске. У Москвы также запросили дезинформационный материал о дислокации частей Красной Армии, наличии в крае авиационных и технических частей, а также подробности о Борзинском укрепленном районе, прикрывавшем Забайкалье со стороны Маньчжурии. В случае получения согласия и соответствующих материалов операция могла продолжаться.

Но начался 1935 год. Артузов уже не был начальником политической разведки. А у его преемника Абрама Слуцкого были другие соображения об этом деле, которые он и отстаивал перед руководством НКВД и наркомом Генрихом Ягодой. На Лубянке уже дули другие ветры. Поэтому в ответном письме указывалось

на необходимость прекращения операции, так как продолжение легенды потребовало бы выполнения заданий японцев о сборе военных сведений и проведении диверсий. Было признано, что выдавать аварии и несчастные случаи за действия «организации» невозможно по политическим соображениям. В письме также отмечалось: «Прекращение дела освобождает нас от необходимости давать информацию, почти на 80 процентов отвечающую действительности». Предписывалось также арестовать Кобылкина при появлении его на советской территории. Многолетняя контрразведывательная операция подходила к концу.

Не очень хотелось Кобылкину идти через границу. Боялся, несмотря на заверения Серебрякова, что путь через «окно» абсолютно безопасен. Трусил бывший полковник, да и грехов против советской власти у него было столько, что в случае поимки высшая мера наказания ему была обеспечена. Но идти было надо. Слишком большое значение в харбинской военной миссии придавали «организации» в Забайкалье. Но Кобылкин был не рядовой фигурой для японской разведки, да и лишний раз проверить все, что было связано с переходом границы, тоже хотелось. И решили сначала послать Переладова. Фигура эта была более солидной, чем «Темный», и веры ему у японцев было больше. Если он благополучно пройдет, осядет на советской территории, осмотрится, напишет подробно обо всем, то тогда можно пускать и Кобылкина.

Все элементы перехода границы были уже четко отработаны. Переправляться можно было только два раза в месяц. Дни перехода были согласованы, и в другое время «окно» было закрыто. С нашей стороны «гостей» всегда принимали только Яковлев и начальник погранзаставы. В одну из ходок «Темного» на ту сторону японцы сообщили ему, что в следующий раз он будет возвращаться уже с Переладовым и ему

заготовили паспорт и другие необходимые документы. Они оба на этот раз были приняты «Учителем» и приведена на конспиративную квартиру.

«Учитель» с новым посланцем из-за кордона отправился поездом до Читы, а затем в Иркутск. Конечно, с ними ехали Яковлев с сотрудниками наружного наблюдения. В Иркутске Переладову устроили встречу с Кобылкиным, который обещал ему содействие в устройстве на работу на одном из военных заводов города. После этой встречи Переладов написал подробное письмо в Харбин, что границу перешел нормально, виделся с руководителем «организации», перспективы для дальнейшей работы отличные, Кобылкин также написал брату, что встретился с Переладовым и он произвел на него хорошее впечатление. С этим письмом «Темный» ушел за кордон.

Переладов сыграл свою роль до конца. От него получили все, что нужно, и было принято решение о его аресте. Воспользовались тем, что он работал в паспортном отделе на пограничной станции Маньчжурия и оформлял паспорта советских граждан, работавших на КВЖД. Один из сотрудников Полпредства «опознал» в нем полицейского чиновника. Переладова пригласили пройти в транспортное отделение ОГПУ якобы для выяснения его личности. Там ему и предъявили ордер на арест. На этом карьера японского шпиона закончилась.

Первая часть задания Москвы была выполнена, и в Иркутске стали ждать главного «гостя». Письма были отправлены, и «Темный» ушел за кордон. На границе было спокойно. Пограничники не проявляли никакой активности в этом районе границы, которая могла быть замечена наблюдателями с той стороны. Там получили письма Переладова и Кобылкина, выслушали рассказ «Темного» о благополучном переходе границы туда и обратно, о встрече Переладова в Иркутске с

руководителем «организации». Никаких сомнений не возникло. Легенда «Мечтатели» выдержала проверку и на этот раз. И полковник Кобылкин начал готовиться в свой последний путь.

Здесь, пожалуй, уместно провести некоторые аналогии с операцией «Синдикат-2». Конечно, Кобылкин не Савинков, а Переладов не Павловский. Эти фигуры более мелкого масштаба. Но события в Забайкалье в 1934—1935 годах развивались так же, как и события в начале 1920-х годов, когда проводилась операция «Синдикат-2». Та же мнимая контрреволюционная организация, на которую клюнули и руководители белоэмигрантских организаций в Харбине, и руководители японской разведки в Маньчжурии. Такое же «окно» на границе. Та же разведка боем, когда, чтобы обезопасить Кобылкина, выпустили перед ним Переладова. Письмо Переладова, что все в порядке и можно идти, напоминало письма Павловского. Такой же переход границы белогвардейским руководителем и его арест. И, наконец, такой же открытый процесс. Получилось, что через 10 лет операция «Синдикат-2» была повторена на другом конце страны, против другого противника, но, конечно, в меньших масштабах. Прав был Артузов, когда еще в начале 1932 года в беседе с Гудзем говорил, что в методике легендирования «контрреволюционных организаций» заложены большие потенциальные возможности, которые в операциях «Трест» и «Синдикат-2» были использованы не полностью. Это утверждение руководителя политической разведки было абсолютно правильным.

Стало известно, что Кобылкин готовится перейти границу. Ему заготовили необходимые документы и стали ждать заранее согласованного дня, чтобы принять важного гостя. Кобылкин переходил границу вместе с «Темным». У протоки их встретил «Учитель».

Яковлев и начальник погранзаставы осуществляли наружное наблюдение, чтобы убедиться, что границу перешли только двое. Переход прошел благополучно.

Визитеров доставили на станцию Борзя. Яковлев обеспечил всех билетами и вместе с сотрудниками наружного наблюдения сопровождал до Читы. В Чите Кобылкина поместили в квартире члена «организации» Гудкова. С Гудковым он походил по городу, посмотрел дом, в котором родился и жил. Настроение у него было отличное, и никаких подозрений не возникало. Об этом и написал своим хозяевам в Харбин.

Через несколько дней нужно было ехать в Иркутск. И опять билеты обеспечивали Яковлев и сотрудники наружного наблюдения в соседнем купе. Кобылкин ехал в Иркутск, надеясь встретиться с братом, а «Темный» возвращался в Маньчжурию. Он должен был сообщить японцам о благополучном переходе Кобылкина от границы до Читы и передать его письмо.

Но в планы чекистов не входила встреча полковника с его братом. Не должен был Кобылкин догадываться и о роли «Учителя». Поэтому на вокзале в Иркутске его уже встречала группа захвата. Как только Кобылкин вышел на перрон, его посадили в автомашину, которая и доставила его в Полпредство. На этом в операции «Мечтатели» была поставлена последняя точка.

Кобылкин и Переладов были арестованы, но ни в харбинских эмиграционных центрах, ни в японской военной миссии об этом не знали. И «окно» действовало, а «организация» пока еще продолжала существовать. Японская разведка не сомневалась в информации, полученной из Забайкалья – письма Кобылкина и Переладова, сообщения «Темного». Как развернулись бы дальнейшие события, какие бы указания дала Москва? Нет ответов на эти вопросы, потому что, пожалуй, впервые за все время проведения

операции в четко спланированный чекистами ход событий вмешался случай.

«Темный» должен был вернуться на нашу сторону. Были оговорены сроки пребывания его в Маньчжурии и время возвращения. У «окна» его ждали Яковлев и начальник погранзаставы. Яковлев сразу же после начала функционирования «окна» получил из Иркутска строгий приказ: принимать только тех людей, о переходе которых было заранее известно. И еще одно неременное требование, которое он должен был выполнить: все перешедшие границу должны были идти по определенному маршруту до конспиративной «квартиры» под его негласным наблюдением. Оставлять их одних на советской территории он не имел права ни при каких обстоятельствах, ни при какой погоде. Эти требования неоднократно подчеркивались и на оперативных совещаниях в Полпредстве. Их четкое выполнение и предопределили ход дальнейших событий.

На этот раз границу переходили четверо: Виктор Олейников, его брат Михаил, Владимир Кустов из «Союза Нового поколения» и один из наших агентов, возвращавшийся из Маньчжурии. Яковлев и Серебряков ждали светового сигнала с той стороны. После световых вспышек и ответного сигнала Василий Тереньтевич вышел к протоке и принял группу. Вместе с «Темным» он пошел вперед к Абагайтую. И вот тут события и начали развиваться не по плану. Михаил Олейников, Кустов и агент, шедшие сзади, свернули с тропы и ушли в сторону. В Абагайтуй в назначенное время они не пришли. Прошла ночь, наступал рассвет, а «гостей» из-за кордона не было.

Двое вооруженных диверсантов могли наделать много бед, и надо было принимать срочные меры. Яковлев связался с начальником погранзаставы и вызвал наряд пограничников, потребовав самых лучших

следопытов и стрелков. Уже рассвело, и след ушедшей в сторону группы отыскивали быстро, но ничего нельзя было исправить. Серебрякова рядом с диверсантами на было, а агент ничего не знал об операции «Мечтатели». Поэтому, когда Михаил Олейников и Кустов увидели зеленые фуражки пограничников, они открыли огонь. Последовали ответные залпы пограничного наряда. Агент был ранен, а оба диверсанта убиты. Все это происходило недалеко от границы.

Среди местных жителей у японцев могла быть своя агентура. Могли слышать перестрелку и на той стороне. «Окно» у Абагайтуйа захлопнулось.

11 июля 1935 года заместитель наркома Ягоды Прокофьев направил Сталину очередную докладную записку. В документе отмечалось, что следствием по делу арестованных японских диверсантов Кобылкина и Переладова, проведенным в Москве, установлено, что они были нелегально переброшены на советскую территорию японской военной миссией в Харбине. Кобылкин во время следствия показал, что вышел на советскую территорию по поручению секретаря миссии в Харбине для того, чтобы связаться с существующей на территории Забайкалья контрреволюционной «организацией». Японская разведка решила переключить эту «организацию» на осуществление террористических и диверсионных актов. Для этого их обоих и снабдили оружием и термитными зарядами. И конечно же, пропагандистской литературой, изданной «Братством русской правды» (БРП). Все это было изъято при аресте.

В записке подчеркивалось, что «Анτισоветская» организация, для связи с которой прибыли Кобылкин и Переладов, фактически представляет небольшую группу лиц, подставленных нами специально для перехвата деятельности японской разведки в Забайкалье. То есть признавалось, что это была

легеидированная разработка контрразведки Полпредства Восточно-Сибирского края.

В документе также отмечалось, что арест обоих диверсантов был произведен скрытно. Японская разведка, считая что они на свободе, перебросила 28 мая 1935 года к ним в помощь вооруженную группу из трех человек – Кустов Владимир (эмигрант, инженер, член БРП) и братья Олейниковы: Михаил и Виктор. Задержанный Виктор Олейников должен был по заданию японской военной миссии в Харбине передать письма Кобылкину и оказать ему содействие при осуществлении террористических и диверсионных актов. Его этапировали в Москву, и следствие против всех троих было продолжено.

Руководство НКВД, учитывая, что Кобылкин и Переладов являются активными агентами японской разведки и в то же время состоят членами БРП, а также то, что Кобылкин до своего выхода на советскую территорию был официальным служащим маньчжурской полиции, сочло целесообразным передать это дело в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для слушания в открытом порядке. Прокофьев предлагал провести процесс «под углом разоблачения деятельности японских разведывательных органов на территории Маньчжоу-Го, питающих и широко использующих участников различных белогвардейских организаций для осуществления на нашей территории террористических и диверсионных актов». Он согласовал этот вопрос с Наркоминделом, и дипломаты согласились с проведением открытого процесса, считая целесообразным проведение его в Иркутске – подальше от иностранных дипломатов и корреспондентов.

15 июля на очередном заседании опросом членов Политбюро был рассмотрен «вопрос НКВД» (пункт 30/114 – гриф «Особая папка»). Политбюро постановило:

«Согласиться с передачей дела арестованных японских диверсантов Кобылкина и Переладова в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для слушания в открытом порядке в городе Иркутске». Выписки из постановления были посланы наркому Ягоде, председателю Военной коллегии Ульриху и заместителю наркоминдела Стомонякову. Всех троих арестованных отправили обратно в Иркутск и там начали подготовку к открытому судебному процессу.

После ознакомления с этими документами возникает естественный вопрос – а была ли альтернатива? Можно ли было не арестовывать Кобылкина и Переладова, а, используя их пребывание на советской территории, организовать через них передачу дезинформации в Харбинскую военную миссию – основной центр японской военной разведки на континенте? Дать четкие ответы на эти вопросы, основанные на документах, нельзя. В распоряжении автора их нет. И ему остается строить предположения, высказывать свои версии и пытаться их обосновать.

Конечно, разработчики «Мечтателей» в Иркутске думали о создании дезинформационного канала и о том, что можно было бы передать через него за рубеж. Но в подобных серьезных вопросах решающее слово было за Москвой. Туда и обратились иркутские контрразведчики. Есть один документ, опубликованный в художественном произведении – повести «Время стрекоз». Это не ксерокопия из архива, поэтому фраза «Степень достоверности – документально» к нему не применима. Но все-таки можно его использовать. Очевидно, это письмо было отправлено в Иркутск в конце 1934 года. В нем сообщалось начальнику Управления НКВД Восточно-Сибирского края Яну Зирнису: «... В дополнение наших телеграфных указаний, подтверждаем необходимость прекращения дела „Мечтатели“, так как продолжение легенды

поставило бы перед нами вопрос о том, как выполнить задание японцев о сборе военных сведений и проведении диверсий... Прекращение дела освобождает нас от необходимости давать информацию, почти на 50 процентов отвечающую действительности. При появлении на нашей территории Кобылкина и Переладова обоих арестовать».

Шел 1935-й год. Руководству нового НКВД, созданного в 1934 году, нужно было «показать товар лицом», выслужиться перед «хозяином». Поэтому сообщали ему об аресте двух шпионов и диверсантов и предлагали провести открытый процесс, чтобы были сообщения в газетах. Имело значение и то, кто в Москве выдвигал подобное предложение. Для успешного проведения легендированных разработок и серьезных дезинформационных операций нужны были люди типа М. Трилиссера и Артузова под руководством Менжинского. Прокофьев, хотя и зам наркома Ягоды, был не тем человеком, который мог вдохновиться легендированной операцией и дезинформационными разработками и отстаивать все это на самом «верху». В 1935-м, в обстановке начала репрессий, больше думали о целостности собственной шкуры, а не о пользе дела – возможность обвинения в шпионаже в пользу Японии была достаточно реальной. Так что с учетом атмосферы 1935-го можно сказать, что у операции «Мечтатели» был вполне закономерный конец и никакой альтернативы не было. В тех условиях никакое проведение легендированных и дезинформационных операций было уже невозможно.

Уголовное дело по обвинению Кобылкина, Переладова и Олейникова в шпионской и диверсионной деятельности было на редкость отлично документировано, оснащено объективными вещественными доказательствами и обеспечено полным признанием обвиняемых. На редкость – потому,

что в практике подобных следственных дел не всегда бывало столь исчерпывающе полное сочетание всех видов доказательств: вещественных, документальных, свидетельских и личных признаний обвиняемых.

Бывало в иных делах, что такой наиважнейший, решающий, можно сказать классический, вид доказательств, ценных своей неоспоримой объективностью, как вещественные доказательства – был слабо представлен, либо вообще отсутствовал. Иногда случалось, что преступление на стадии наблюдения или разведки обнаружено, вскрыто. Выявлены участники шпионской сети, каналы связи и прочие существенные обстоятельства. Но для получения санкции прокуратуры (речь идет о нормальных, а не липовых судебных делах) на их арест и возбуждение против них уголовного дела оснований, то есть доказательств состава преступления, не имеется. Разведывательная информация – это негласные, тайные, неофициальные сведения, на основании которых можно знать о преступных действиях, но нельзя возбудить уголовного дела.

От подобных «сюрпризов» дело по обвинению Кобылкина, Переладова и Олейникова было надежно застраховано благодаря тщательно проведенному следствию, которое опиралось и на разведывательную информацию, полученную в результате проведения операции «Мечтатели», и на вещественные доказательства, полученные при захвате преступников.

Военная Коллегия Верховного Суда не испытывала каких-либо осложнений или трудностей при рассмотрении этого уголовного дела. Вещественных доказательств, показаний свидетелей и признаний самих подсудимых было вполне достаточно. Поэтому необходимости знакомить состав суда с разведывательными материалами операции «Мечтатели» не было. Только председательствующий

был информирован в общих чертах о том, что уголовное дело – результат контрразведывательной операции и что ввиду этого некоторые лица, фамилии которых, возможно, будут называться на процессе обвиняемыми, объявлены в розыск, и материалы на них подлежат выделению в отдельное производство.

Читатель может усомниться и не поверить автору, вспомнив о множестве процессов во времена Большого Террора. Но не следует забывать, что этот процесс проходил за два года до начала массовых репрессий, хотя и после убийства Кирова. Обстановка была немного другой. Кроме того, иркутский процесс был как бы финалом разведывательной операции, проводившейся в течение нескольких лет, и все материалы операции были использованы в полной мере.

Можно считать, что для 1935 года это был уникальный случай честно проведенного следствия и процесса.

В центральных газетах «Правда», «Известия» и «Красная Звезда» были помещены краткие одинаковые сообщения ТАСС из Иркутска о ходе процесса. Оставалась надежда на местную печать. Если процесс был открытым, то подробные сообщения в местной газете должны были быть обязательно. В двух номерах «Восточно-Сибирской правды» за 3 и 4 сентября 1935 года были помещены подробные отчеты с выступлениями прокурора, обвинителя, допросами подсудимых и выдержками из приговора. Фактического материала было много, но и вопросов не меньше. О чем говорилось на закрытых заседаниях, чем вызван достаточно прозрачный камуфляж, когда вместо «военная миссия Японии» в газете говорилось о военной миссии «некоей державы»? Пришлось обратиться с вопросами к полковнику Егорову, который участвовал в подготовке процесса и присутствовал на всех судебных заседаниях. Вся надежда была на

профессиональную память старого контрразведчика (беседа состоялась в 1985 году). Вот выдержки из этой беседы:

– Валентин Кронидович, были ли какие-нибудь особенности в проведении процесса?

– Примечательным атрибутом зала судебных заседаний, сразу привлекавшем внимание всех присутствующих, являлись очень удачно и наглядно представленные для общего обозрения вещественные доказательства преступной деятельности подсудимых. На специальных столиках и стендах, размещенных около судей, находились пистолеты «маузер», «астра», «роял», патроны к ним, гранаты, взрывные устройства, яды, антисоветские листовки, брошюры и другие издания, а также фальшивые паспорта, письма, советские деньги и иностранная валюта, изъятые у подсудимых при их задержании и обысках. Любой из участников процесса имел возможность по ходу дела обращаться к показу требуемого вещественного доказательства.

– Могли ли осматривать эту «выставку» зрители, сидевшие в зале?

– Каждый из присутствовавших в зале суда имел возможность не только видеть все вещественные доказательства на расстоянии, но в перерыве подойти вплотную и убедиться в неопровержимости доказательств, уличавших японских шпионов, сидевших на скамье подсудимых. Открытый судебный процесс как раз и должен был убедительно, со всей наглядностью и очевидностью показать представителям рабочих и всех трудящихся восточно-сибирской столицы враждебность капиталистического окружения, агрессивность империализма вообще, японского – в частности. И эта цель была достигнута.

– Вход в клуб во время судебного заседания был свободным?

- Чтобы избежать заполнения зала суда случайной публикой и завсегдатаями-любителями судебных тяжб, были изготовлены специальные пропуска для посещения судебного процесса, которые через завкомы и профкомы предприятий вручались рабочим и служащим.

- Чем было вызвано требование не упоминать на процессе Японию?

- Требование председателя выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда к сторонам и подсудимым на процессе – не называть государство, в пользу которого действовали обвиняемые, заменяя его в некоторых случаях выражением «некая иностранная держава», было отнюдь не исключительным явлением, присущим только Иркутскому процессу. Это процедурное условие применялось и в ряде других открытых судебных процессов по делам о шпионаже в других регионах страны. Возможно, это условие диктовалось требованиями главным образом судебно-дипломатической практики, когда целесообразность гласных процессов по некоторым делам о шпионаже следовало сочетать с интересами сохранения дальнейших нормальных дипломатических отношений с тем государством, которое оказалось фигурантом конкретного судебного процесса.

Думаю, что в подобных случаях представители Верховного Суда каждый раз специально консультировались с Наркоминделом. Решение, очевидно, принималось с учетом конкретной ситуации в межгосударственных отношениях с той или иной страной на данный момент. Такая мера в какой-то степени страховала от возможных демаршей, протестов, придинок со стороны того или иного государства.

- Не помните ли Вы, о чем говорилось на закрытых заседаниях суда?

– За давностью времени я, естественно, не сохранил в памяти все детали хода Иркутского процесса, в подготовке и проведении которого мне довелось принимать непосредственное участие. Поэтому я лишен возможности с исчерпывающей полнотой ответить на этот вопрос.

Помню, например, что подробностей перехода границы Переладовым, Кобылкиным и Виктором Олейниковым на открытых заседаниях касались в общих чертах, чтобы не раскрывать тайну способов охраны границы и не давать информации о местах, использовавшихся для переправы через границу. Детали перехода границы также разбирались на закрытых заседаниях.

– «Восточно-Сибирская правда» в судебных отчетах не упоминала Японию. Но было ли ясно для присутствовавших в зале суда, о какой стране идет речь?

– Безусловно, подобная «деликатность» или форма определенного такта были весьма условны и прозрачны. На Иркутском процессе подобное условие сплошь и рядом нарушалось подсудимым Кобылкиным, у которого вместо слов «некая иностранная держава» часто невольно срывалось «некая японская военная миссия» или «некая иностранная японская держава, и Олейниковым, трудно усваивающим такие тонкости на процессе. Председателю нередко приходилось прерывать показания Кобылкина и Олейникова, делать замечания и напоминать о требовании суда не называть государство, на которое они работали. Всем присутствовавшим в зале было совершенно ясно, что „некоей державой“ является Япония.

Утром 31 августа 1935 года в зале городского профсоюзного клуба началось судебное заседание. Секретарь суда зачитывает обвинительное заключение. Вопросы к подсудимым – признают ли они себя

виновными? Три вопроса и три коротких ответа – «да», «да», «да». Доказательства бесспорны, и отпираться бесполезно. Затем начался подробный допрос подсудимых. Первым допрашивали Иннокентия Кобылкина. Обязательные вопросы для любого судебного заседания: год и место рождения, социальное положение, образование, служба в Царской армии. Из коротких ответов для присутствовавших в зале вырисовывался облик матерого, опытного, непримиримого врага.

Выходец из семьи офицера Забайкальского казачьего войска. Воинское звание в царской армии – есаул. С 1917 года принимал самое активное участие в вооруженной борьбе с большевиками. Вместе с войсками генерала Каппеля бежал из России. В эмиграции – самый активный член «Русского общевойскаского союза», «Братства русской правды» и других белоэмигрантских организаций. После смерти известного белого генерала Шильникова, возглавлявшего все белогвардейские организации в Маньчжурии, он фактически возглавил руководство этими организациями. В ночь на 6 мая 1935 года нелегально перешел границу и был задержан.

Под перекрестными вопросами членов суда Кобылкин признает, что его переход на советскую территорию был санкционирован военной миссией «некоего иностранного государства», которая поставила перед ним задачу собирать сведения о состоянии частей Красной Армии, взрывать военные склады и другие сооружения оборонного значения. Для этого сотрудники миссии снабдили его специальным вопросником для сбора различных сведений, а также диверсионными снарядами для подрывных актов.

Во время допроса Кобылкин признал, что он имел задание от своих хозяев развернуть подготовку к совершению террористических актов против отдельных

партийных и советских руководящих работников. Кроме того, он должен был лично руководить контрреволюционной организацией в Забайкалье. «Контрреволюционная организация» была уже создана. В ее существовании Кобылкин не сомневался, и именно этой «организацией» он и должен был руководить. Но об этом на открытом процессе в присутствии сотен зрителей говорить было нельзя. Признал Кобылкин на допросе и то, что границу перешел, имея в кармане подложный паспорт на имя инженера Михаила Саловарова. Все отобранное у него при задержании было выставлено на стендах в зале суда и отпираться было бессмысленно.

С Кобылкиным все было ясно. Вопросов к нему больше не было, и суд перешел к показаниям другого подсудимого – ученика Кобылкина по Шаньдунской военной школе Евлампия Переладова, перешедшего границу также с подложным паспортом и по поручению той же военной миссии. В своих показаниях он откровенно рассказал суду о своих убеждениях, не скрывая также и убеждений своего учителя.

Еще в 1919 году он вместе с армией генерала Каппеля бежал в Китай. Пятнадцать лет он принимал самое активное участие в деятельности многих белоэмигрантских группировок и организаций, боровшихся против Советского Союза. Он старался, очень старался и сознательно, и это было подчеркнуто на суде, принял на себя ряд поручений по организации террористических актов против советских работников, и для этой цели перешел границу. Перед судьями был убежденный враг.

– На меня рассчитывали, – говорил в своих показаниях Переладов, – так как я считался идейным. Мне поручали самые серьезные дела, я пользовался доверием не только в белоэмигрантских кругах, но и

среди сотрудников военной миссии иностранной державы.

Перед переходом границы с ним беседовали, его наставляли, инструктировали. Ему было поручено собирать сведения шпионского характера, поджигать объекты, уничтожать отдельных советских деятелей. Чувствуя, что выглядит неприглядно, Переладов старался смягчить свою вину, заявляя, что он не имел правильного представления о Советском Союзе и «теперь убедился, что Советская Россия не та, какой ее рисуют эмигрантам».

Потом суд приступил к допросу третьего обвиняемого – Виктора Олейникова. Военная миссия «некоей державы» поручила ему переправить на советскую территорию Кустова и своего брата Михаила Олейникова, а также оружие, письма, деньги для Кобылкина и Переладова. Это задание он получил непосредственно от секретаря военной миссии. При допросе Олейников признается, что начальник военной миссии в городе Маньчжурия просил его передать Кобылкину, который уже находился на советской территории, чтобы тот съездил на станцию Зилово и в другие места для сбора различных шпионских сведений.

Кончились допросы подсудимых, было проведено закрытое заседание суда. На следующий день 1 сентября заседание суда было посвящено прениям сторон и последнему слову подсудимых. С речью выступил военный прокурор ОКДВА Малкис. Он заявил, что подсудимые и на предварительном следствии, и на суде рассказали правду только о том, что было известно по захваченным документам и вещественным доказательствам.

Анализируя ход судебного заседания, материалы предварительного следствия и результаты допросов подсудимых, прокурор ОКДВА пришел к выводу, что

контрреволюционные белогвардейские организации официально существуют на территории соседнего государства, они организуют разведывательную, террористическую и диверсионную работу против Советского Союза, отправляют на нашу территорию при прямом содействии иностранных военных миссий вооруженные банды, оружие, контрреволюционную литературу. Тесная связь белогвардейских контрреволюционных организаций и военных миссий «некоего государства» очевидна. Переброска Переладова через границу, произведенная Кобылкиным, была совершена по прямому заданию военной миссии. Именно эта миссия снабдила его оружием, деньгами, зажигательными снарядами, ядом и контрреволюционной литературой.

Следующий вывод государственного обвинения заключался в том, что военная миссия «некоего государства» в течение многих лет вела и ведет сейчас совместно с белогвардейскими организациями шпионскую, террористическую и диверсионную работу против Советского Союза. Миссия организует контрреволюционные банды и перебрасывает их на советскую территорию.

Государственный обвинитель настаивает на расстреле всех троих подсудимых. Для тех лет применительно к делам о шпионаже и диверсиях это был стандартный приговор. Шпионов и диверсантов тогда ловили не только в Забайкалье. Попадались они и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и в центральных районах страны – контрразведчики не зря ели свой хлеб. И в 1935-м в редких и скудных сообщениях в центральных газетах говорилось о настоящих шпионах, в отличие от последующих лет, когда их «ловили» тысячами и они сидели во всех тюрьмах от Минска до Владивостока. Но уже в 1935-м для всех настоящих шпионов и диверсантов форма приговора была одна –

расстрел. Исключений не было. И на Иркутском процессе ни выступления защитников, ни последние слова подсудимых ничего не могли изменить, да и сказать в свое оправдание им было нечего. Все было предрешено заранее. Столица края была расположена недалеко от границы. И тревожная обстановка, и угроза «нападения», раздуваемая властями, способствовали в какой-то мере вынесению таких суровых обвинительных приговоров. Не обо всем тогда писали газеты, не все было известно, но жители Забайкалья и Дальнего Востока прекрасно чувствовали грозную обстановку того времени.

«Восточно-Сибирскую правду» получали и внимательно читали и анализировали сотрудники Харбинской военной миссии. И два номера с подробным отчетом об Иркутском процессе сказали им все. И то, что больше трех лет иркутские контрразведчики водили за нос японские военные миссии, и то, что контрреволюционная организация в Забайкалье, с которой у японской разведки и у белогвардейских эмигрантских организаций были связаны определенные надежды, была мнимой. Ловушка, созданная по типу ставших потом знаменитыми операциями «Трест» и «Синдикат-2», сработала. Несколько лет контрразведчики принимали на себя все усилия очень опытного противника на одном из важнейших – забайкальском – операционном направлении. Таковы были итоги операции.

Глава третья.
1935—1937 годы. Схватка трех
бульдогов под ковром
(окончание)

Токийская резидентура ИНО ОГПУ (30-е годы)

Японская разведка активно действовала на территории Советского Союза еще в начале 1920-х. И после установления в 1925 году дипломатических отношений и обмена посольствами в Москве работали военные и военно-морские атташе империи, общаясь со своими коллегами из западных стран и получая от них некоторую информацию военно-политического характера и информацию об РККА. Военные дипломаты Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии, аккредитованные в Москве, не скрывали своего враждебного отношения к СССР и охотно делились имевшимися у них сведениями. Очевидно, еще тогда чувствовали потенциального союзника в далеком островном государстве. Получали японские военные дипломаты информацию и от своей агентуры в нашей стране. Было бы наивно думать, что к тому времени лихие контрразведчики из КРО выявили, уничтожили или перевербовали всех японских агентов. Но в КРО хорошо знали о деятельности сотрудников японского военного атташата и держали их под «колпаком», принимая все меры, чтобы выяснить и характер военной и политической информации, и источники ее получения.

Для этого в середине 1920-х в КРО, возглавляемом Артузовым, было создано специальное подразделение – «5-е отделение», которое специализировалось по контршпионажу против японской разведки. Под руководством Артузова и его помощника Пузицкого оперативные работники отделения Губала, Чибисов, Пудин, Маншейт, Кренгауз, а впоследствии Николаев, Калнин, Ким локализовали деятельность японских разведчиков, прикрывавшихся работой в японском

посольстве, консульствах и в военном атташате, имевших дипломатические паспорта и пользовавшихся правом дипломатической неприкосновенности. Их деятельность на советской территории была взята под жесткий контроль. В результате успешной работы отделения КРО располагал итоговыми обзорными материалами самих японцев по агентурной разведке. Начальником этого отделения был назначен И. Ф. Тубала. Этот контрразведчик под руководством Артузова развернул фундаментальную работу против японской разведки в Москве и на Дальнем Востоке (в Хабаровске). К ней был привлечен и бывший заместитель Полпреда ОГПУ на Дальнем Востоке Чибисов, который хорошо знал методы работы японской разведки.

Поэтому можно считать, что КРО, а впоследствии Особый отдел (с использованием крокистов) был не только аппаратом контрразведки, ставящей задачей выявлять разведывательную сеть противника, чтобы ее ликвидировать, но и подлинным разведывательным аппаратом военно-политического профиля. При помощи своей агентуры КРО сумел получать сведения не только об агентуре противника в СССР, но и ценные материалы о деятельности и намерениях военных и политических органов Японии, генштаба, МИДа и даже самого правительства.

Артузов стоял у истоков создания резидентуры ИНО в Японии. Чем руководствовался начальник разведки, когда отбирал людей и отправлял их в эту далекую страну? Какие принципы использовались при подборе кадров? Оправдались ли они при практической работе сотрудников ИНО в Японии? Со всеми этими вопросами пришлось обращаться к Борису Игнатьевичу, используя его знания исторических проблем того периода и великолепную память старейшего разведчика России. Вот выдержки из его воспоминаний:

«Другое дело, что мало были разработаны и выяснены возможности активной разведывательной работы в самом островном государстве. Однако и в этом отношении если говорить о Маньчжурии, где японцы и до захвата ее вели довольно активную разведывательную деятельность, то ИНО поставило в Харбине и в Сеуле довольно глубокую разведку, в результате которой в Москву поступали весьма ценные материалы о подрывной деятельности против СССР и Китая. Но ИНО, и в частности Артузов, не удовлетворилось этими достижениями и смотрело в будущее. Было у иношников намерение выяснить возможность постановки глубокой агентурной разведки в самой Японии. Надо отметить, что у некоторых довольно опытных работников (таким, например, был помощник Артузова Пузицкий) сложилось мнение, что в самой Японии разведывательную работу вести вообще невозможно из-за якобы широко поставленной „тотальной“ контрразведки, что Япония типичное полицейское государство, в котором каждый японец – агент полиции. Артузов не принимал на веру такие мнения и считал, что у сторонников этих взглядов нет достаточно убедительных доводов для подтверждения их негативной позиции. Он считал, что этот вопрос должен быть обстоятельно изучен на месте.

Уместно сказать, что одним из характерных свойств Артузова была способность подбирать и готовить работников для возглавляемой им службы. Так было в период его работы в КРО и Секретно-оперативном управлении (СОУ), так же было и в период его работы в ИНО. Еще с

конца 1920-х годов основным поставщиком, если так можно выразиться, работников для ИНО был КРО. Опытные контрразведчики из аппарата КРО, направленные в ИНО, сравнительно быстро и успешно осваивали работу за рубежом. Сами ранее проводившие контрразведывательную работу против иностранных разведок в Советском Союзе, они хорошо и конкретно себе представляли те опасности, которые их поджидают на новом поприще за рубежом. Поэтому они были более осторожными, более мудрыми, более хитрыми, чем те, которые раньше в КРО не работали. И прежде чем принимать какое-либо решение по вербовочной комбинации, они придерживались правила – семь раз отмерь и один раз отрежь. В результате у ИНО провалов было значительно меньше, чем у наших «соседей» (Разведупра), посылавших на заграничную работу людей в основном без опыта контрразведывательной работы – о ней у них было не жизненное, а чисто теоретическое представление. Кроме того, работники «соседей» психологически старались быть как можно дальше от таких органов и не использовали возможности проникновения в контрразведывательные органы зарубежных стран, где они вели разведывательную работу. В то время как работники КРО, находясь на разведывательной работе за рубежом, одной из главных своих задач считали именно проникновение в эти органы противника.

В случае удачи они получали двойную пользу. Во-первых, они имели возможность заранее узнавать о подстерегающих их опасностях, и во-вторых, через агентуру в таких органах они имели возможность проникать в

другие интересующие их органы противника (военные учреждения, Мининдел и другие). Практика показала, что наша агентура в жандармских и полицейских органах противника не раз своевременно сигнализировала нам об опасности провала, в том числе и об угрозе нелегалам «соседей». Так было не раз в Маньчжурии, Корее и даже в самой Японии. В этом направлении весьма эффективную работу в Маньчжурии проводил бывший работник КРО Федор Карин, направленный Артузовым на работу в ИНО. В аппарате Карина в Маньчжурии работали Алексеев, Пудин, Герман, ставшие затем, как и Карин, кадровыми работниками ИНО. Кроме того, из КРО в ИНО были переведены на постоянную работу Гурский, Силли, Пузицкий, Сыроежкин, Малли, Штейнбрюк, Кияковский, Федоров, Тубала, Чибисов, Алахвердов и многие другие контрразведчики».

* * *

К 1930 году азиатский континент был «освоен» ИНО. Работали, и вполне успешно, Харбинская и Сеульская резидентуры, в Москву поступала ценная документальная информация. Но в руководстве ИНО понимали, что работа в Маньчжурии и Корее только первый шаг, что надо идти дальше и сделать следующий шаг на японские острова. Беда была в том, что никто из руководителей и сотрудников японского отделения не работал в Японии. Для них эта страна была белым пятном на географической карте, о которой им почти ничего не было известно. И чтобы разобраться в обстановке, определиться на месте и выяснить

возможности разведывательной работы, туда надо было направить человека с опытом работы на Востоке и достаточно хорошо знающего японский язык. Конечно, такой человек должен был иметь и самые общие знания по Японии, чтобы не выглядеть дилетантом при общении с японскими чиновниками различных рангов. Первый легальный резидент должен был обладать и опытом разведывательной и контрразведывательной работы на Востоке.

После раздумий и взвешивания всех «за» и «против» решили остановиться на кандидатуре Владимира Павловича Алексеева. Родился он в 1899 году в семье железнодорожного служащего. Окончил гимназию и первый курс Харьковского политехнического института, в 1919-м вступил в РКП(б). В том же году он – комиссар батальона. Участие в боях, ранение, госпиталь. После выздоровления был направлен в Гомельскую ЧК. В 1920 году участвовал вместе с Артузовым, Кариным и Эйтингоном в ликвидации Западного областного комитета савинковской организации. Потом вместе с группой гомельских чекистов, в которую входил и Эйтингон, был направлен на оперативную работу в Башкирскую ЧК. После возвращения в Москву в 1923 году был назначен в Восточный отдел ОГПУ, вначале оперативным уполномоченным, а потом и начальником отделения. В этом же году Петерс направляет его на учебу в Военную академию на восточный факультет. Образование у него было достаточное, и после успешной сдачи вступительных экзаменов молодого оперативника зачисляют на японское отделение. И тут произошло главное, что определило дальнейшую судьбу чекиста. Так же, как и Зорге, Алексеев «заболевает» Японией. Начались два года работы и тяжелой учебы, особенно по изучению японского языка. В 1925 году он оканчивает Восточный факультет и приказом Реввоенсовета по личному составу от 4

августа назначается в распоряжение ОГПУ. Вместе с ним факультет оканчивает Наум Эйтингон и Иван Шебеко, которые тоже назначаются в распоряжение ОГПУ.

Алексеев работал в Харбинской резидентуре у Карина, потом в разведцентре ИНО во Владивостоке. В 1927 году переведен в ИНО и в апреле 1928 года был направлен в Токио первым легальным резидентом. В Наркоминделе оформили все необходимые документы, сменили фамилию на Железняков, и в столице империи появился новый второй секретарь посольства.

Нужно было знакомиться со страной, вникать в новую для него работу посольства, выполнять дипломатические функции, возложенные на второго секретаря, и выполнять их отлично, чтобы не выглядеть дилетантом в глазах японских дипломатических чиновников и многочисленных иностранных дипломатов. Еще в конце 1920-х в постановлении Политбюро подчеркивалось, что резиденты политической и военной разведок, пользующиеся дипломатической «крышей», не должны пренебрегать выполнением своих дипломатических обязанностей, чтобы не вызвать подозрений со стороны контрразведки противника. Так что на дипломатическом поприще приходилось работать в полную силу. И, конечно, продолжать изучать японский язык. Склонность к языкам у него была. Японский он знал отлично. Мог свободно разговаривать на любые темы, читать газеты и журналы и даже читать переписку на японском языке, а это гораздо труднее, чем читать печатный текст. Блестящее, для иностранца, знание языка способствовало установлению неформальных доверительных связей и знакомств со многими влиятельными чиновниками японского МИДа, а это давало возможность иногда выполнять конфиденциальные поручения.

Были у него контакты и с «соседями». Одним из легальных резидентов военной разведки в Японии в начале 1930-х был Михаил Абрамов. О нем известно очень немного. Он был офицером русской армии, и его очень уважал и ценил Берзин. В конце 1920-х он был резидентом в Тяньцзине, а потом резидентом в Японии под «крышей» вице-консула в Токио и под фамилией Шадрин. Очевидно, «крыша» вице-консула была представлена разведупровским резидентам. Василий Сухоруков ведь тоже работал под «крышей» вице-консула в Мукдене. Главным резидентом Разведупра в Японии в начале 1930-х был Аркадий Асков – первый секретарь посольства по печати. Он родился в 1897 году в Чернигове. Член партии с 1918-го, во время гражданской на подпольной и партийной работе. С 1923 года в Разведупре. В 1925-м окончил японское отделение Восточного факультета Военной академии. И сразу же был послан на разведывательную работу в Японию: вначале под «крышей» секретаря консульства в Нагасаки и Цуруге, а потом вице-консулом и консулом в Кобе. После пяти лет работы в Японии был отозван в Москву в распоряжение Управления и одновременно был назначен референтом по печати в Наркоминдел. Возможно, что с учетом референтской работы он и был назначен в 1933-м первым секретарем по печати советского посольства в Токио. На этой должности он проработал до 1937-го. Потом его отозвали в Москву, 26 мая 1937-го арестовали и 2 сентября расстреляли. Еще один опытный разведчик ушел в небытие.

Алексеев был резидентом ИНО до 1932 года. Отлично работал, исполняя свои дипломатические обязанности. Хорошо изучил страну, приобрел солидные связи и знакомства в мидовских кругах и среди иностранных дипломатов. Но, очевидно, он стал больше дипломатом, чем разведчиком. Посол в Японии Трояновский очень высоко ценил его дипломатические

способности и во время одной из своих поездок в Москву добился в ЦК партии откомандирования Алексеева на постоянную работу в Наркоминдел. При этом дипломатические способности нового сотрудника были оценены очень высоко. Он получил значительное повышение и должность первого секретаря посольства и Генерального консула в Токио. Когда новый начальник отдела узнал об этом, то было уже поздно: ИНО потеряло в Токио очень перспективного работника, который мог бы развернуть широкую разведывательную работу. Все возможности у Алексеева для этого были. По воспоминаниям Гудзя, он был удивительно талантливым японистом. Ему бы, как говорится, и карты в руки. Опытный чекист, незаурядный ум, достаточно смелый, уверенный в себе, он не оставил ни одного агента японца. При встрече с «Павлом» (псевдоним Алексеева) Артузов деликатно упрекнул его за «измену» и все же выразил уверенность, что он будет в меру возможностей оказывать ИНО некоторые услуги. «Павел» обещал и в дальнейшем помогал резидентам ИНО Шебеко и Гудзю в переводах и экспертизе японской документации, полученной токийской резидентурой от японских источников.

После перевода Алексеева в Наркоминдел руководство ИНО решило назначить резидентом в Токио, тоже под «крышей» второго секретаря посольства, Ивана Шебеко. Очевидно, в конце 1931-го, когда состоялось это назначение, у ИНО не было другой подходящей и, главное, свободной кандидатуры. Шебеко родился в 1896 году в крестьянской семье. Участник первой мировой, с августа 1915-го по 1917 год – на фронте рядовым. В Красной Армии служил всего четыре месяца в начале 1919-го. И с мая 1919-го – в органах ВЧК. В 1925-м вместе с Алексеевым окончил Восточный факультет Военной академии и после короткой подготовки в декабре 1925-го под фамилией

Журба командировается в Японию секретарем консульства в Кобе, где проработал два года. В 1927 году переводится вице-консулом в Сеул, а в июле 1928-го назначается консулом в Дайрен. В ноябре 1930-го возвращается в Москву и находится в распоряжении Наркоминдела.

Вот его и решили отправить новым резидентом в столицу империи. Есть чекистский опыт, хорошее военное образование, пятилетний стаж работы в Маньчжурии и Японии, знание страны и некоторое знание японского языка. Казалось бы, все говорило за то, что выбор был удачным и можно надеяться на активную и результативную работу нового резидента. Но, к сожалению, эти надежды не оправдались.

К 1933 году в ИНО сложилось негативное мнение о работе Шебеко как резидента. Никакой инициативы в работе. Как выразился Артузов, «проявлял сонливость». От него нельзя было добиться ясной оценки о возможности работы по разведке. Единственный агент японец, переданный ему на связь, не был им научен, и Центр не имел точной оценки ни о его надежности, ни о его перспективности. Шебеко ни разу не встречался с этим источником, и связь с ним поддерживалась через переводчиков посольства Клетного и Радова. Причина, может быть, была в том, что Шебеко, хотя и проучился два года на японском отделении Восточного факультета и потом проработал шесть лет в Японии, японского языка почти не знал. Возможно, что и рисковать при встрече с агентом не хотел. Полицейский режим в столице империи был очень жестким. И хотя «Кротов» был у него на связи более года – точного представления о нем и о его качествах как агента у резидента не было. На все запросы Центра о единственном источнике Токийской резидентуры вразумительного ответа не было. Вся работа с источником сводилась к механическому получению от

него документальных материалов, которые он без всякого анализа и оценки переправлял в Москву.

Поэтому в ИНО пришли к выводу, что Шебеко надо отозвать в Москву и направить в Токио более инициативного резидента, желательно япониста (изучавшего японский язык), хотя бы и молодого, с перспективой роста. Но, очевидно, в то время японистов в ИНО можно было пересчитать по пальцам, и свободной кандидатуры в центральном аппарате не нашлось. Пришлось искать подходящую кандидатуру на периферии, и обязательно на Востоке. В это время в Москву, после годичной стажировки в Иркутске, вернулся Дмитрий Косухин. Это был выпускник института иностранных языков (изучал иностранный язык), распределенный в ИНО и отправленный в Полпредство Восточно-Сибирского края набраться опыта контрразведывательной и разведывательной работы. В Иркутске он был прикреплен к Гудзю, с которым и проработал вместе весь год. Участвовал в повседневной работе по операции «Мечтатели», во встречах и переговорах с японскими представителями на станции Маньчжурия (под видом корреспондента ТАСС). Гудзь привлек его к вербовке датского служащего, работавшего на промежуточной иркутской станции международной телеграфной линии Копенгаген – Шанхай. Год стажировки у Косухина был напряженным, и некоторый опыт работы он получил.

После возвращения в Москву он был определен на работу в дальневосточный сектор ИНО, начальником которого в то время был Юрий Куцин – бывший помощник резидента ИНО в Харбине. В ИНО учли полученный Косухиным опыт работы в Иркутске и было решено готовить его к работе в Японии. Предполагалось, что посылка его в Японию будет совмещена с направлением туда нового резидента на смену Шебеко. Куцин был в курсе операции

«Мечтатели», и роль Гудзя в ней была ему хорошо известна. Очевидно, сыграла свою роль и положительная оценка работы. Вероятно, тогда и возникла в дальневосточном секторе идея отправить в Токио в качестве нового резидента Гудзя вместе с Косухиным, который неплохо знал японский язык. Такая связка опытного контрразведчика, имевшего к тому же навыки разведывательной работы, и молодого япониста считалась перспективной и могла дать положительный результат. Обратились к Артузову, и начальник ИНО, отлично знавший Гудзя, дал «добро». В конце 1933 года Гудзя вызвали в Москву, и его двухлетняя работа на Дальнем Востоке закончилась.

Работа резидента, в том числе и легального, в любой разведке покрыта покровом непроницаемой тайны. Дела любой резидентуры засекречены наглухо, упрятаны в недра архива разведки и никогда не выдаются исследователям. И единственная надежда узнать какие-либо подробности и проникнуть на «кухню» резидентуры – сам резидент и его память профессионального разведчика, хранящая не только факты, даты и имена, но и колорит того времени, дух эпохи и атмосферу работы резидентуры. И те запомнившиеся нюансы повседневной жизни страны пребывания, которые невозможно найти в пыльных папках на архивных полках. Для автора таким человеком, который может рассказать о прошлом, является старейший разведчик России Борис Игнатьевич Гудзь. Именно благодаря его уникальной профессиональной памяти и воспоминаниям мог появиться без использования архивных документов достаточно подробный очерк о работе Токийской резидентуры ИНО 1930-х годов и о людях, работавших в столице островной империи на самом переднем крае и за линией невидимого фронта.

Перед отъездом в Токио во время беседы Артузов отмечал, что новому резиденту придется выполнять не только разведывательные, но и контрразведывательные задачи. Надо прежде всего проверить состояние безопасности посольства, учитывая угрозу со стороны агрессивных военно-фашистских организаций. Нужно выяснить возможность взятия под контроль действий японских контрразведывательных органов (жандармерии и полиции), пытавшихся через японский обслуживающий персонал проникнуть в посольство и торгпредство. И главное: выяснить, есть ли какие-либо условия для ведения разведывательной работы и для успешных действий иностранной и японской агентуры. И при первой возможности ознакомиться с работой Сеульской резидентуры.

– Мы посылаем Вас в Японию, – говорил Артузов Гудзю, – не для того, чтобы Вы там изучали язык (пусть им занимается Косухин), а для того, чтобы изучить японские условия и выяснить возможность проведения там разведки, как под легальным прикрытием, так и нелегально. Другой важнейшей задачей будет ознакомление с историей вербовки «Кротова», установление его надежности и перспективности его дальнейшего использования. О намерениях Японии в отношении СССР, – продолжал Артузов, – мы должны знать не только в стратегическом, но и в тактическом плане. Все, что нам известно о целях японских спецслужб против нас, сейчас, при созданной японской военщиной опасной обстановке, недостаточно. Конечно, такие задачи, видимо, будут решаться частями, и может быть, с неожиданной стороны, в меру открывающихся, благодаря нашим усилиям, возможностей то тут, то там, и в том числе перед Вами, в Токио и Сеуле. Но при этом нужно постоянно помнить, что, – как бы не было заманчиво поскорее приступить к активной работе, – необходимо обдумывать, соизмерять каждый свой шаг с

тем, чтобы не допустить провала. В сложившейся исключительно острой международной обстановке, и особенно напряженной в отношениях между СССР и Японией, провал может быть чреват самыми тяжелыми последствиями не только для резидента и его ближайших помощников лично и не только для нашего ведомства, но и для всего нашего государства.

Итак, предельная бдительность и предельная осторожность. Любая возможность провала должна была исключаться полностью. Конечно, упоминание Артузова о последствиях для резидента не было угрозой. Подобный стиль разговора не был характерным для этого начальника ИНО. Но предупреждение прозвучало серьезное. И новый резидент, хорошо запомнивший эту беседу, не забывал об этом во время своей двухлетней работы в Токио.

Артузов не скрывал, что среди некоторых иновцев укоренилось мнение, будто в Японии вообще невозможна активная разведывательная работа из легального аппарата (имелись в виду советское посольство и другие официальные учреждения в Японии), поскольку японские полицейские и жандармские органы применяют метод непрерывного наружного наблюдения за иностранцами, сковывающий любые их действия.

У агентуры ИНО и в Сеуле, и в Токио была определенная направленность, не свойственная агентуре военной разведки – источники в полицейских и жандармских органах. Чем же было вызвано такое специфическое направление вербовки? Еще в 1920-х годах в ИНО было известно, что обмен опытом и информацией внутри различных государственных органов Японии имел довольно широкое распространение. Эта практика имела, конечно, прогрессивное начало, и она получила применение в органах военного ведомства, жандармерии, полиции и

японских военных миссий (филиалов органов военной разведки) на континенте. Сотрудники ИНО, работавшие во второй половине 1920-х в Харбине и Сеуле, установили, что этот метод был характерен и для разведывательных органов Японии. Они применяли рассылку, конечно под грифом «Совершенно секретно», очень важных документальных материалов: докладов, сводок, полученных в каком-либо разведывательном органе, по всем организациям разведки, расположенным на периферии.

В начале 1930-х Сеульская резидентура получила от одного из своих источников, служившего в жандармерии, доклад японского военного атташе в Москве о состоянии Красной Армии. По этому докладу при тщательном анализе можно было примерно установить источники получения этих данных. Можно привести и еще один пример. В начале 1930-х сотрудникам Харбинской резидентуры удалось завербовать сотрудника японской жандармерии, который поставлял ценнейшую документацию. Для сохранения этого источника и надежной связи с ним была создана специальная нелегальная резидентура, которая обеспечивала бесперебойный контакт с этим источником. В то время этим резидентом был чекист О. Х. Герман, имевший надежный американский паспорт. «Крышей» для него была закупочная меховая фирма, поставлявшая меха в Париж. Так что нельзя было пренебрегать возможностью внедрения нашей агентуры в органы жандармерии и полиции и на континенте, и в самой Японии. Конечно, при осуществлении таких вербовок требовалась особая настороженность, учитывая возможность провокаций со стороны японцев. Вот здесь и мог пригодиться контрразведывательный опыт сотрудника резидентуры.

После инструктажа и соответствующей разведывательной подготовки оформление и получение

документов в Наркоминделе. И транссибирский экспресс уносит нового третьего секретаря советского посольства в Японии Б. А. Гинце, на эту фамилию были оформлены документы Гудзю, во Владивосток. Оттуда несколько дней пароходом до Токио. В этом же экспрессе ехал и новый переводчик посольства Косахов – на эту фамилию были оформлены документы Косухину.

Предполагалось, что после передачи дел Шебеко должен будет сразу же вернуться в Москву. Однако после ознакомления с ситуацией на месте с согласия Шебеко был поставлен вопрос перед ИНО о временной отсрочке отъезда Шебеко в Москву с тем, чтобы он некоторое время поработал помощником резидента. Это имело тот смысл, чтобы не демаскировать связь между отъездом второго секретаря сразу же после прибытия третьего. Внешне это могло выглядеть как замена одного другим, что было нежелательно, поскольку было известно, что должность 2-го секретаря в некоторых случаях считается связанной с особыми функциями. В токийской жандармерии об этом наверняка знали. Поэтому по обстановке было разумнее прибытие 3-го секретаря не связывать тут же с отбытием 2-го секретаря посольства.

Кроме того, требовалось время и уверенность в целесообразности личной встречи нового резидента с источником «Кротов». Предварительно нужно было самым тщательным образом ознакомиться с историей его вербовки во всех деталях, опросить посредников, через которых уже более года поддерживалась связь с «Кротовым», проанализировать переданный им материал с точки зрения возможной дезинформации (в Москве возникали такие сомнения). Таким образом, оставление Шебеко в Токио позволило поставить на связь с источником именно его, после чего, в случае положительных оценок всех данных, перейти к личной

встрече нового резидента с этим источником. Центр согласился с этой аргументацией, и совместная работа с Шебеко быстро стала налаживаться. Без всяких помех они проработали в связке все два года пребывания Гудзя в Токио.

«Кротов», он же «Красавец», он же «Кот», он же «Костя», он же..? Далее можно поставить трафаретную фразу из официальной истории внешней разведки: «По понятным причинам настоящая фамилия источника и сейчас не может быть раскрыта». Сказано это было в 1996 году, и автору тоже придется ограничиваться только псевдонимами. Кстати, это относится и ко всем остальным японским источникам Токийской и Сеульской резидентур. Только псевдонимы, и ни одной подлинной фамилии. Так что сенсаций не будет. Автор свято соблюдает неписанный закон разведки: если источник не расшифрован контрразведкой противника, то подлинная фамилия источника никогда не разглашается.

«Кротов» был в то время единственным агентом, или источником, Токийской резидентуры. И он же оказался единственным агентом резидентуры, которому был посвящен очерк в официальной истории Службы внешней разведки – том второй, очерк «Военные планы Японии». Неудивительно, что разведывательная работа этого японца оценивалась в Москве очень высоко и в середине 1930-х, и в середине 1990-х, когда писалась официальная история внешней разведки.

На самом северном японском острове Хакодате имелось советское консульство. В этом учреждении работал резидент ИНО Полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю Пичугин – «Аркадий». По договоренности с ИНО Центра этот остров входил в сферу деятельности местного ИНО, которое имело на острове и своего резидента, и свою агентуру. «Кротов» был рядовым сотрудником военной жандармерии и

служил в подразделении, которое вело наблюдение за советским консульством и осуществляло его охрану. Часто посещал консульство, вел беседы с сотрудниками охраны. Основная тема бесед – угроза консульству. Сотрудники, и в первую очередь «Аркадий», интересовались, кто им может угрожать, какие экстремистские группы и организации существуют на острове, знает ли их полиция и какие меры для безопасности консульства предусматриваются.

Затем сотрудники консульства обратились к нему с просьбой подробно информировать их о тех фашистских организациях, от которых можно ожидать агрессивных акций, а также ознакомить их с профилактическими мерами в отношении этих экстремистов. Потом сотрудники поинтересовались, как разделяются функции в охране консульства между жандармерией и полицией. Попутно удалось узнать у него структуру охранных органов и их более широкие и многообразные функции. Удалось получить от него и личные характеристики чинов жандармерии. За каждую информацию следовало вознаграждение, и деньги делали свое дело. Наконец попросили у жандарма принести для ознакомления сводку по экстремистским организациям, за которыми они вели наблюдение. За этот документ плата была повышена. Затем выяснилось, что он кроме функций охраны должен следить за поведением сотрудников консульства. У него попросили и за вознаграждение получили сводку по наблюдению за сотрудниками консульства... Когда материалов, полученных от «Кротова», накопилось достаточно, он и был завербован резидентом ИНО.

Но вскоре «Кротов» был переведен в Токийское жандармское управление. Он не возражал, чтобы и в Токио давать кое-какую информацию, и был передан на связь токийской резидентуре ИНО. Так у резидента Шебеко появился первый и пока единственный агент.

Но так как он на новой должности уже не мог посещать посольство, то пришлось организовывать и проводить с ним встречи в конспиративных условиях.

Современные разведчики, а тем более резиденты, получают академическую подготовку. К их услугам Военно-дипломатическая академия ГРУ или Академия внешней разведки с пятилетним сроком обучения. Свободное владение языком будущей страны пребывания. Солидная стажировка и только потом их выпускают в свободное плавание под присмотром опытных наставников. Для нашего времени была бы немыслимой менее солидная подготовка. Но в 1930-х годах ничего этого не было. Не было академий с опытным преподавательским составом, не было свободного владения каким-либо иностранным языком, почти никогда не было, за редким исключением, и опытных наставников. Разведчика кидали в воду – плыви как хочешь, может быть, выплывешь, а может быть, пойдешь ко дну. Разведчики и резиденты того далекого времени учились на собственном опыте, иногда расплачиваясь жизнью за свои ошибки. И об этом не мешало бы помнить современным читателям и не удивляться некоторой примитивности, по теперешним понятиям, в действиях токийской резидентуры в те далекие годы.

Новый резидент должен был сам во всем разобраться на месте и представить в Центр свои соображения, не ограничивая при этом попытки к развертыванию разведывательной работы. Но оказалось, что его помощники-японисты были настолько слабы в языковом отношении, что ему приходилось прибегать к помощи не состоявших в резидентуре японистов, занятых на другой работе, а это создавало дополнительные трудности потому, что не к каждому опытному японисту он мог обратиться. Конспирация в разведывательной работе соблюдалась

строго и в те далекие времена. Использовать подлинных знатоков языка, имеется в виду не разговорный, а письменный язык, таких как бывший резидент «Павел» и языковой секретарь посла М. Андреев, было трудно. Они работали с послом и были им до предела загружены по служебной и дипломатической работе. Кроме того, по воспоминаниям Гудзя, посол ревниво следил за тем, чтобы его непосредственные дипломатические сотрудники не были связаны с резидентурой ИНО. Посол категорически не допускал какого-либо совмещения в работе дипломатических сотрудников с работой резидентуры. Он считал, что хватит двух секретарей посольства (2-й и 3-й), которые были сотрудниками резидентуры и только числились дипломатами. Таким образом, языковая проблема была весьма сложной и сказывалась на замедлении темпа работы, особенно в переводах полученной от японского источника документации.

Для Гудзя началась тяжелая и опасная повседневная работа. Вот как он сам через шестьдесят лет вспоминал о тех далеких днях:

«Я работал напряженно. Критерием была тщательная головоломка над источником после того, как он согласился помогать и приносить информацию или документ, – как он держится, как смотрит в глаза, как относится к конспирации, как выполняет режим и методику, ему предписанную и согласованную с ним при встрече. Предлагает ли встречаться для передачи документов, какие выдвигает инициативы, как идет на наши предложения.

Что он принес – что за документ, его внешний вид, знаки и степени секретности, от кого получен этот документ или где он его взял, каково содержание документа, полезен ли он нам.

В результате складывается положительное мнение об источнике «Кротов». Получаем сводный доклад о политико-моральном состоянии солдат японской армии. Дополнительные сведения о росте самоубийств, о пацифистских настроениях, то есть раскрываются сведения об армии и ее слабых сторонах. Делаем вывод – пожалуй, передача нам такого материала сознательно была бы глупостью, ибо она знакомит со слабыми сторонами японской армии.

Или тревога! Источник «Кротов», придя на встречу, принес документальный материал, в то время как с ним была договоренность на встречу с беседой документальный материал не приносить. Еще раз настойчиво, но вежливо без обиды для него просим не делать этого. Если и это не помогает, то настороженность нарастает. Если наоборот, условия соблюдаются, то это значит, что есть уверенность, что источник честен, не приучает нас к потере бдительности. Мысль об опасности, угрозе, проваленной ситуации присутствовала постоянно.

И все же, когда я шел на встречу для инструктажа с источником «Кротов», я не мог не предусматривать и такой возможный вариант, что он подставка или двойник. Поэтому я ввел железное правило, чтобы источник на такую встречу не приносил бы документального материала, а полпреда предупреждал, что я иду на встречу и не имею никаких документов, компрометирующих меня. И если в случае провала японцы будут шуметь о поличном, то это будет чистойшей провокацией спецслужб, пытающихся путем подсовывания «документации» обвинить меня в шпионаже.

Что касается моей контрразведывательной работы, то Артузов был осведомлен о моем знании всякого рода ухищрений, которые КРО применяло, проникая в посольства и военные атташаты иностранных

государств. Артузов предупреждал, что нельзя исключать того, что спецслужбы Японии делают то же самое в отношении наших дипломатических и торговых представительств: отсюда делайте выводы и стройте контрразведывательную работу против этих сил, не становясь простаком ни на минуту.

Была отработана система встреч – максимально страхующая от возможных опасностей провала. Предусматривалась при встрече с агентом проверка возможности наблюдения. Создавалась такая обстановка при встрече, которая бы исключала возможность визуальной фиксации (фотографирования) встречи, и особенно передачи документов из рук в руки. Учитывалось, как будет происходить напоминание источнику о дате и месте последующей встречи и перенос ее на другое место и время в случае необходимости. Надо было предвидеть и такой возможный случай, когда уже предстояла встреча с агентом для обмена материалами, но был замечен «хвост» и необходимо было встречу отменить. При этом нельзя было показывать, что наружка обнаружена и резидент, идущий на встречу, хочет от нее оторваться. Использовался и такой прием: когда обмен материалами был завершен, резидент не возвращался сразу в посольство, около которого он мог быть перехвачен и обыскан, а скрытно передавал материал своему помощнику, который его сопровождал при встрече с агентом. Помощник первым возвращался с материалами в посольство, а потом туда налегке возвращался и резидент. В общем, применялись все те приемы встреч с агентурой, которые являются азбукой для любого современного начинающего разведчика. Но тогда такие приемы азбукой не являлись. И чтобы их разработать и правильно применять, резиденту пришлось использовать весь свой контрразведывательный опыт».

После передачи «Кротова» токийской резидентуре всех сотрудников и в Токио, и в Москве интересовала надежность нового источника. Возможность подставки и дезинформации не исключалась, и новому резиденту приходилось проверять и перепроверять, когда это было возможно, всю информацию, полученную от этого источника. «Кротов» давал материалы о политикоморальном состоянии японской армии. В них говорилось о самоубийствах солдат, об оппозиционных группировках среди офицерского состава. Давал он и сводки по советскому посольству: какие оплошности допускают сотрудники, выбрасывая черновики в корзину, это касалось работников военного атташата. Из этого были сделаны выводы, и доступ японской obsługi в служебные помещения был перекрыт. Анализировалась техника и обстановка встреч с агентом и тщательно изучалось его поведение при встречах. Было строго установлено, что, когда встреча запланирована для инструктажа источника, тогда не может быть и речи о передаче материалов. Когда же встреча запланирована для обмена материалами или только для получения материалов, то не может быть никакой беседы с источником. Основная цель, которую преследовал резидент, не дать поймать себя с поличным, полностью исключить возможность международного скандала. И основания для таких опасений были. В начале своей разведывательной деятельности в Токио «Кротов» не имел возможности фотографировать документы. Новейшей фототехники у него не было. Документы в оригинале он выносил из Главного жандармского управления, где работал, и передавал на явке связнику или резиденту. Потом документы доставлялись в Полпредство, там фотографировались и на следующей встрече возвращались ему обратно. Такая вот допотопная схема получения информации на уровне конца прошлого века.

Современникам, начитавшимся шпионских романов и посмотревшимся шпионских фильмов, когда фотокамеру заделывают в запонку и булавку для галстука, это покажется невероятным. Но в начале 1930-х резидентура ИНО в Токио работала в других условиях. Как «Кротов» при такой технике связи успешно работал и не провалился – одному Богу известно. Автор на это не может дать вразумительного ответа.

А «Кротов» работал, и работал успешно. В Полпредстве держали в руках оригиналы секретнейших японских документов. Именно оригиналы, а не записанные источником по памяти содержание документа. К тому же, используя такого опытного специалиста, как «Павел», можно было в большинстве случаев проверить подлинность документов. И это очень высоко ценили в Москве. «Кротова» берегли и о его безопасности постоянно напоминали резиденту. Вот только один пример. Руководство резидентурой осуществлялось с помощью рекомендаций. В Москве внимательно анализировали не только получаемые из Токио фотокопии документов, которые оценивали очень высоко, но и отчеты резидента о повседневной работе и встречах с «Кротовым». На основании этого анализа составлялись рекомендации, которые затем отправляли в Токио. В одной из таких рекомендаций ИНО о работе с «Кротовым» говорилось: «... о том, что он является основным агентом Вашей резидентуры, мы говорили во время Вашего пребывания здесь. Использовать его в качестве наводчика для новых вербовок запрещаем. Следует нацеливать его на получение именно документальных материалов, т. к. они особенно ценны для нас... Конечно, следует учесть все трудности документальной работы и максимально облегчить К. эту работу путем назначения удобных для него явок, технических средств».

Но от «Кротова» поступала не только ценная военная информация. Большое значение имели передаваемые им сводки наблюдения жандармерии и полиции за сотрудниками советского посольства. Из этих сводок было видно, за кем из сотрудников ведется наблюдение, кого из них подозревают в шпионаже против Японии. Как правило, подозреваемые оперативно выводились из-под удара, а связанная с ними агентура или консервировалась, или переводилась на нелегальную связь.

В июне 1934 года Артузов совмещал две должности: начальника ИНО и заместителя начальника Разведупра. Свой доклад о состоянии агентурной работы Разведупра, адресованный Сталину и наркому обороны Ворошилову, он подписал 23 июня. В этом докладе, анализируя состояние агентурной работы военной разведки, он уделил внимание в первую очередь Японии. Оценивая условия агентурной работы в этой стране, по опыту ИНО и Разведупра, он писал: «Ведение агентурной работы в Японии из стен наших официальных представительств настолько чревато опасностью, что от этого надо отказаться». Очевидно, он имел в виду и опыт работы ИНО, и опыт работы Разведупра и учитывал мнение некоторых руководящих работников ИНО. Следующий абзац доклада Сталину был посвящен «Кротову».

«К настоящему моменту – по линии ИНО ОГПУ – получено сообщение от нашего агента о работе японской жандармерии по раскрытию советского шпионажа в Японии. Агент в своем донесении перечислил лиц, за которыми жандармы наблюдают, подозревая их в шпионаже в пользу СССР. Среди этих лиц мною обнаружены двое, действительно связанные с нашим военным резидентом, служащим в

аппарате нашего военного атташе. По моему приказанию связь с этими лицами прекращена. Два ценных агента нашего посольского резидента (один служит в штабе полка, другой – в штабе дивизии) должны быть переключены на нелегальную связь».

В июне 1934-го у ИНО в Токио был только один агент – «Кротов». Именно он и давал сводки о наблюдении жандармерии. Уже одна такая информация, о которой начальник ИНО счел нужным сообщить на самый «верх», показывала ценность этого источника.

Конечно, и у нового резидента, и у его молодого помощника, особенно сразу после приезда, не все получалось. Были просчеты, ошибки и неудачи. Без этого не обходится работа, тем более в такой сложной, с обилием контрразведывательных органов, и специфической стране, как Япония. В мае 1934-го Косухин встретился в белоэмигрантом Андреевым и, очевидно, пытался завербовать его. Но тут вмешалась японская полиция, агентом которой был Андреев, и задержала Косухина во время встречи. Конфликт удалось погасить, и после вмешательства посольства Косухин был освобожден. Случай был редкий, и подробную шифровку тут же отправили в Москву. В столице события пошли по накатанной колее. Руководство ИНО 20 мая направило спецсообщение руководству ОГПУ с подробным описанием токийских событий. «Наверху» отреагировали мгновенно. В тот же день в ИНО был отправлен ответ, адресованный заместителю начальника ИНО Слуцкому и помощнику начальника ИНО Горожанину: «Косахову и Журбе немедленно запретите вести в Токио какую бы то ни было агентурную работу и недели через две отзовите в СССР. Дайте указание нашей резидентуре прекратить

сношения с Андреевым». В тот же день Артузов ознакомился с ответом. Он был против отзыва двух сотрудников и ослабления состава резидентуры. Возможно, ему удалось договориться с Аграновым и доказать ему, что необходимости в срочной эвакуации нет. Может быть, именно этой договоренностью объясняется его резолюция Слуцкому на ответ Агранова: «Яков Саулович, при запрещении вести агентурную работу – полагаю, что отзывать не следует. При всех условиях нам надо там иметь человека для выполнения наших внутренних заданий (надзор и охрана от провокаций)». Косухин и Шебеко остались в Токио и продолжали работать. Но запрет на ведение агентурной работы оставался в силе. По воспоминаниям Гудзя, только через полгода ему удалось убедить Москву снять запрет и продолжить агентурную работу.

Конечно, деятельность резидента не ограничивалась только работой с «Кротовым», хотя подготовка и проведение встреч, получение, фотографирование и возвращение материала и его всесторонний анализ отнимали много времени. Но это была повседневная текущая работа резидента, для которой он и был послан в Токио. Но иногда при непредвиденных обстоятельствах приходилось заниматься и другими делами и участвовать в проведении, выражаясь современным языком, «операций влияния». Одна из таких операций проводилась в 1934 году и связана она была с деятельностью бывшего резидента «Павла».

Переговоры о продаже КВДД, которые велись в Токио, затягивались по вине японской стороны. Япония предлагала крайне низкую цену, абсолютно несоответствующую реальной стоимости этого крупнейшего транспортного предприятия. Переговоры зашли в тупик, а обстановка на месте (в Маньчжурии) обострилась до предела. Фактически переговоры были

прерваны, и ни одна из сторон не хотела сделать первый шаг к возобновлению переговоров. Москва настаивала на том, чтобы наши дипломаты проявили максимум своих способностей для скорейшего завершения переговоров и в то же время обеспечили продажу по оптимально установленной цене. Алексеев сообщил Гудзю, что в интересах дела, затяжка которого чревата огромными потерями, он намерен использовать свое личное знакомство с одним чиновником японского МИДа, который якобы симпатизирует Советскому Союзу, но его смущает то, что он формально не может предпринять такую акцию без санкции советской части совместной комиссии по переговорам, а она на это не пойдет. Алексеев обратился к Гудзю с просьбой быть как бы соучастником его обращения к знакомому чиновнику, чтобы в случае удачи, то есть получения необходимой информации, сослаться на него как на источник сведений, полученных якобы от агента «Х». Информатор сообщил, что если Советский Союз выйдет с предложением возобновить переговоры, то японская сторона выразит согласие и примет предложение Советской стороны о цене продажи КВЖД. После этого Советская сторона, отбросив соображения престижа, вышла с предложением о продолжении переговоров. Японская сторона ответила согласием, и переговоры были успешно завершены.

Иногда в повседневной работе менялось и руководство. По воспоминаниям Гудзя, летом 1935 года он временно получал указания не из Москвы, а из Шанхая, где находился основной резидент по Дальнему Востоку Наум Эйтингон, а замом у него был Куцин («Степа»), который приезжал в Токио из Шанхая для обследования работы нового резидента. Они вместе тщательно обсудили надежность источников-японцев, и в первую очередь «Кротова», и пришли к выводу, что на том этапе он оправдывает свое назначение. «Степа»

одобрил принятые Гудзем методы выяснения степени надежности источников и согласился с его оценками. Воспоминания старейшего разведчика были документально подтверждены в 1998 году. В опубликованной журналом «Секретное досье» подборке документов за 1935 год говорится и о вице-консуле в Шанхае Вартэ. Это был псевдоним Эммануила Куцина, работавшего под дипломатической «крышей» резидентом ИНО в Шанхае летом 1935 года.

Долгое время «Крот» был единственным источником Токийской резидентуры. В Москве понимали, что строить всю агентурную работу в Японии на использовании только одного источника, даже и перспективного, нельзя. Поэтому, когда Центром был снят запрет на ведение агентурной работы, а это произошло осенью 1934-го, было дано указание активизировать вербовочную работу. Гудзем была осуществлена вербовка переводчика полпредства (псевдоним «Простак»). Он достаточно хорошо говорил по-русски и общаться с ним было легче, чем с «Кротовым». Подготовительные мероприятия с «Простакон» проводились через Косухина, а потом, когда было принято решение развивать с ним связь, резидент взял на себя работу с этим источником. Это была линия на полицию, подразделение которой вело наблюдение за японским персоналом, работавшим в посольстве. Он считал, что это перспективный и надежный источник.

Гудзь вспоминал: «Он сообщил, какими сотрудниками интересуется полиция. От нас он не пытался что-либо узнавать, а рекомендации давал нам, например, чтобы вообще закрыть вход японской обслуге на второй этаж посольства, в том числе и для уборщиц. Рекомендовал самим производить уборку всех служебных помещений, не допуская туда японских уборщиков. Рекомендовал строго следить за всеми

ремонтными работами, отделаться от некоторых японских служащих из обслуживающего персонала, так как они были ревностными агентами полиции. От всякой оплаты своих услуг он категорически отказался. Словом, все говорило о том, что „Простак“ действительно искренне относится к нам, а не является провокатором.

Была установлена с ним постоянная связь, безусловно полезная. Я считал, что еще далеко не все возможности по использованию этого источника были реализованы. В течение некоторого времени он нам раскрыл полную картину работы полиции по нашему посольству. Сообщил структуру полицейских органов, охарактеризовал чиновников, с которыми ему приходится работать.

Тут открывалась перспектива через «Простака» начать игру. Хотя бы пока изучить некоторых полицейских чиновников на предмет возможной вербовки. Возможно, продумать передачу дезинформации, которая могла бы поднять его «вес» как информатора, а затем и расширила бы его возможности освещать полицейские организации».

Но, к сожалению, дальнейшего развития эта линия связи не получила. После увольнения из посольства «Простак» устроился в исследовательское управление МИДа Японии. На эту работу его устроил бывший посол Японии в Москве Того, который был его земляком. Перспективы сотрудничества с ним, учитывая его новое место работы и связь с видным дипломатом, были отличными. Но Шебеко, ставший после отъезда Гудзя в Москву опять резидентом, не смог установить с ним связь на новом месте работы. Ценнейший источник был потерян.

По поручению Гудзя было начато знакомство секретного помощника, сотрудника торгпредства и Косухина, а затем и вербовка полицейского чина,

работавшего в иностранном отделе Главного полицейского управления. Этот источник «Сук» постепенно стал давать материал о работе этого отдела по иностранцам и, в частности, сводки наружного наблюдения. Источник был несомненно перспективным. Связь с ним Шебеко осуществлял через секретного помощника Кондратенко. «Сук» работал до 1938 года, но в связи с его командировкой в Хайлар связь временно оборвалась. Весной 1939-го Шебеко был отозван в Москву, и дальнейшая связь с «Суком» так и не была восстановлена. Ценный источник для резидентуры был потерян.

Каждая разведка из разведывательной триады (военная, политическая, партийная) работала по своему. У каждой из них были свои достоинства и свои недостатки. Были свои промахи и поражения, были и свои блистательные победы. И все-таки политическая разведка работала, если так можно выразиться, в особом режиме. Другие возможности и другой подход к приобретению агентуры, к получению информации. И, возможно, это связано с тем, что вместе с Артузовым в политическую разведку пришли другие люди. Вместе с ним туда пришли контрразведчики, которых он взял из КРО. Они принесли с собой свои взгляды, свое видение событий и свои методы работы. Конечно, все сказанное автором можно считать только версией. Но и версия имеет право на существование.

Вот мнение Гудзя, осуществлявшего в 1934—1935 годах агентурное проникновение именно в контрразведывательные органы Японии:

«На мой взгляд, преимущество нашей внешней разведки по сравнению с военной разведкой заключалось в том, что наши разведчики прежде всего контрразведчики, исходили из того, что мы можем отталкиваться в своей вербовочной работе от тех органов противника, которые непосредственно так или

иначе соприкасаются с нашими дипломатическими и консульскими учреждениями в порядке их охраны и даже наружного наблюдения, то есть с полицейскими и жандармскими службами противника.

Парадоксально, но факт – в Харбине и Корее (Сеул), в Хоккодате и в Японии, например, нам удалось завязать конспиративные связи с людьми из этих служб. Конечно, это было связано с большими сложностями, но это одна из эффективных возможностей в разведке. Источники из этих органов могут быть не только близки с наблюдением за нашими сотрудниками, но могут проникать в любые, в том числе и военные объекты. Военные разведчики как огня боятся этих служб, а между тем отсутствие подходов к этим объектам обедняет нашу военную разведку.

У нас же в случае успеха приобретения источников из состава контрразведывательных служб противника получается двоякая польза:

1. От таких источников мы можем получить сведения об опасности провала, подстерегающей нашего или военного разведчика, и принять своевременные предохранительные меры для избежания провала или своевременного исчезновения нашей агентуры, которой угрожает опасность.

2. Через агента военной контрразведки мы получим возможность вести и военную разведку, так как эти агенты в силу своего служебного положения могут добывать чисто военную информацию.

Практика показала, что наше агентурное проникновение в специальные органы противника имеет существенный эффект. Это направление нашей разведывательной деятельности открывает две самостоятельные возможности получения интересующих нас сведений, прежде всего по армии.

1. Например, приобретение источника в военной жандармерии (контрразведывательный орган) может

дать сведения об информации, которую получает противник о нашей разведке, то есть в какой степени противник владеет сведениями о нашей работе. Иногда открываются источники получаемой ими информации, что дает нам возможность обезвредить эти источники. Появляется возможность своевременно предупредить об угрожающем нам провале (естественно, и у нашей военной разведки).

Приобретенный в спецоргане противника источник дает нам возможность изучить структуру этой организации, определить персональный состав и получить характеристики конкретно по каждому служащему, словом, удовлетворить наши контрразведывательные потребности.

2. Источники в жандармерии имеют почти неограниченные возможности в получении сведений об армии противника. Этому способствуют служебные возможности, так как военная жандармерия ведет постоянное наблюдение за всеми подразделениями армии. Таким образом, мы через агентуру в жандармерии получаем возможность иметь представление о дислокации, численности, вооружении, планах, перебросках частей, политико-моральном состоянии личного состава.

Можно привести пример: наша резидентура в Харбине через агента, состоящего на службе в армейской жандармерии, получила следующие сведения:

1. Большой обзор положения в Корее, составленный японским командованием для японского парламента.

2. Материалы штаба о вооружении японской армии в Корее.

3. Сводки генштаба и штаба Квантунской армии об СССР.

4. Доклад о совещании командиров и начальников штабов дивизий.

После почти двухлетней работы резидентом Гудзя в январе 1936 года отозвали из Токио в Москву. Нужно было сдавать дела опять назначенному резидентом Шебеко и подводить итоги работы в этой стране. Что удалось выяснить за это время? На какие вопросы, поставленные при отправке в Токио Артузовым, удалось получить ответы? Основная задача, которая была поставлена Артузовым – дать заключение о надежности главного источника резидентуры «Кротова» была выполнена. Все материалы, полученные от него, были тщательно изучены и проанализированы. В экспертизе документов принимал участие «Павел», у которого был большой опыт и знание японской документации. Приезжавший из Шанхая «Степа» также участвовал в анализе этих документов. Общий вывод – источник надежен, переданные им документы подлинные и сомнений не вызывают. Были также исследованы условия работы в Японии. К каким выводам пришел резидент, оправдались ли сомнения некоторых сотрудников ИНО, которые считали, что вести разведывательную работу в Японии с легальных позиций невозможно? Через 60 лет, уже в конце 1990-х, Гудзь считал:

«1. Полицейский режим (неотступное наружное наблюдение) в тот период был сравнительно терпимым. Во всяком случае, как правило, систематического наружного наблюдения за мной не было.

2. Общение европейцев на улицах и в общественных местах с японцами бросалось в глаза (европейцев очень мало).

3. Конспиративные передачи материала, исключая визуальную фиксацию их со стороны, производить возможно.

4. Встречи в ресторанах, закусочных, музеях и других общественных местах, исключая фиксацию, организовать крайне затруднительно. Рестораны, как

правило, связаны с полицией. Наиболее безопасные встречи можно производить в автомашине (подхватить в удобных местах источник-японца в машину).

Высказал он и другое интересное мнение. Срок в два года, из которых минимум полгода агентурная деятельность вообще была запрещена, был явно недостаточным для развертывания разведывательной работы в этой стране. Однако главный вывод был сделан – работать в Японии очень трудно, но можно. Есть возможность и для осуществления нелегальной работы. По мнению резидента, успешные вербовки японцев можно было проводить в Калифорнии и в Китае. В Китае это могут быть военные, жандармы, коммерсанты, журналисты. Эти люди могут делать быструю карьеру при возвращении на родину, так как везут с собой багаж опыта и «веса» в глазах общества. Но проведение таких вербовочных мероприятий выходило за компетенцию деятельности токийской резидентуры.

В январе 1936 года Гудзь был отозван в Москву. Артузов уже не возглавлял политическую разведку, перейдя на работу в Разведупр, и новое руководство НПО в лице Слуцкого решило не посылать в Токио нового резидента, а восстановить в этой должности Шебеко. Решение не совсем понятное, учитывая его предыдущую инертность и «сонливость». А может быть, сыграло свою роль и то, что Шебеко во время своего отпуска в Москву сумел произвести благоприятное впечатление на новых руководителей. Аппаратные игры и подсиживания сослуживцев были весьма характерны и для подразделений НКВД того времени. Шебеко вернулся в Токио и приступил к самостоятельной работе.

Осенью 1937-го «Кротов» был переведен в другое подразделение. Значительно расширились агентурные возможности этого источника, и в Москву начал

поступать совсем другой материал. Перемену в информации «Кротова» сразу же почувствовали в ИНО. Когда в 7-м секторе увидели фотокопии документа мобилизационного плана японской армии, то и у руководства, и у переводчиков, естественно, возникли подозрения – не дезинформация ли этот материал? Слишком уж резким был переход от интересной и достоверной, но в общем средней информации к информации стратегического характера, ценнейшей для Оперативного управления Генштаба. Тем более что такой материал получила не военная, а политическая разведка.

Мнение о «Кротове» в ИНО изменилось. Об этом откровенно рассказал в начале следствия Калужский еще до того, как из него выбили показания о том, что он японский шпион. Работая переводчиком, он регулярно длительное время занимался переводами материалов, поступавших от «Кротова», и мог дать его работе объективную оценку. Вот его ответы на вопросы следователя:

«... Так как я не являлся компетентным лицом для решения такой проблемы, я неоднократно ставил вопрос о необходимости серьезной экспертизы. Пассов и Шпигельгласс заявили, что дадут материалы „Кротова“ арестованным Сангурскому и Ринку для проверки. Пассов раз вызвал меня с материалами и заявил, что все это фальшивки, которые не стоят той бумаги, на которой они написаны.

Через некоторое время Косухин рассказывал мне со слов Пассова или Шпигельгласса, что Пассов материалы носил к Николаеву (бывший заместитель начальника Особого отдела), и тот сказал, что все это чепуха. Так как меня не

удовлетворило такое решение вопроса и я продолжал считать, что необходима экспертиза, то я в декабре 1938 года написал рапорт начальнику отдела об источнике «Кротов». Его личное дело я увидел в 1937 году».

Вот еще несколько выдержек из ответов Калужского в начале следствия:

«... По сравнению с японской агентурой Сеула „Кротов“ был менее эффективен. Однако и он давал систематический и полноценный материал главного жандармского управления по наблюдению за советским посольством и торгпредством. Давал он и обдирный материал (документальный) о политико-моральном состоянии армии. Беда заключалась в том, что материала было больше, чем мог осуществляться перевод, и материал отправлялся в Москву без перевода. В Москве же было такое же положение с переводчиками, и документы-сводки ГРУ оставались в массе своей необработанными. Это приводило к тому, что полной всесторонней оценки деятельности „Кротова“ не получалось».

«... В первый момент материал характера мобилизационного плана у меня вызвал недоверие. И не только потому, что вообще у японцев нельзя доставать такие секретные материалы, так как при японских порядках такие материалы невозможно было доставать. А главным образом, по двум следующим соображениям:

Первое. Непонятно было, почему источник, который в течение долгого времени работы вяло давал ценные материалы, вдруг получил возможность и желание добывать материал, получение которого связано с большим риском.

Второе. Непонятно было, каким образом можно было в служебной обстановке снимать такие громоздкие материалы на несколько сот страниц со сложными таблицами. Но само содержание материала было настолько интересным, что я при переводе старался тщательно изучить и проверить его. В результате изучения я пришел к выводу, что это материалы и по содержанию, и по количеству не могут быть фальшивыми. В этом меня еще более убедили случаи перекрытия, которые имелись между этими материалами и сеульскими материалами».

Неудивительно, что к мобилизационным материалам, присланным «Кротовым», следователи обращались постоянно. Такие документы были информацией стратегического характера, и это понимали даже лубянские костоломы. Но логика их рассуждений была проста: если резидент ИНО в Токио (Журба) агент японской разведки, то все источники токийской резидентуры – японская подставка. И все материалы, полученные от них, – дезинформация. Подняться выше этого стереотипа мышления они были не способны. И всем подследственным уже после их «признаний» вписывали в протоколы допросов абзацы о том, что мобилизационные материалы «Кротова» – дезинформация.

Из протокола допроса Клётного от 6 сентября:

«... Осенью 1937 года от Журбы был получен мобилизационный план японской армии, о чем мне стало известно от Косухина. Я спросил Косухина, является ли этот материал подлинным или дезинформационным. Косухин

ответил что этот материал является дезинформационным. Он готовился японской разведкой еще в период работы Косухина в Японии, о чем говорил ему Журба. Журба мне сказал, что качество дезинформационных материалов не удовлетворяет японскую разведку и что в настоящее время встал вопрос об организации дезинформации самого серьезного значения, что сейчас японская разведка подготавливает такой материал, как мобилизационный план, и что японская разведка решила эти материалы передавать по линии каналов НКВД и что в этом вопросе я должен ему помочь. Тогда же при встрече с Фусэ он подтвердил переданные мне сообщения Журбы, сказав, что Япония накануне войны с СССР и что главная задача разведки сводится к тому, чтобы снабдить СССР наиболее важными сведениями о японской армии и организовать так, чтобы эти материалы были оформлены солидно и правдоподобно...»

Вот так, примерно, представляли себе работу японской разведки режиссеры этого следственного спектакля. Конечно, заманчиво было показать себя перед начальством с самой хорошей стороны, разоблачающим коварные планы японской разведки по стратегической дезинформации. У Гудзя было свое мнение об этих показаниях Шебеко: «Шайке Николаева невыгодно было копаться в материалах и искать истину. Ей надо было представить поскорее материал о шпионаже, дезинформации и измене. Это было выгоднее и эффективнее».

Но мобилизационный план японской армии на 1937 год был первым очень ценным материалом, полученном от «Кротова». Потом пошли и другие ценные материалы

военного характера. Такая активность источника токийской резидентуры заинтересовала следствие. 9 июня на одном из допросов Шебеко дал подробную оценку деятельности своего основного источника. Обвинений в шпионаже и работе на японскую разведку ему еще не предъявляли, и поэтому он честно и откровенно отвечал на все вопросы следователей. Поскольку все материалы, полученные от «Кротова» в 1937 и 1938 годах, шли через него, то он отлично помнил все японские документы, которые пересылались в Москву. Вот подробная выдержка из протокола допроса:

«... **Вопрос.** Какие ценные материалы были получены от «Кротова»?

Ответ. До 1937 года ценных материалов «Кротов» не давал. Со второй половины 1937 года «Кротов» добыл ряд ценных материалов по японской армии. В том числе:

1. Организация японской армии мирного времени.
2. Организация японской армии военного времени.
3. Таблица вооружения японской армии.
4. Мобилизационный план японской армии на 1937 год и к нему таблицы.
5. Мобилизационный план японской армии на 1938 год и к нему таблицы.
6. План воздушной обороны Токио.
7. Мобилизационный план японской армии на 1939 год с таблицами.
8. Штатное расписание погранохраны Маньчжурии.
9. Несколько приказов об организации Манчжурской армии.

Кроме того, им были переданы мне два кода с ключами и инструкциями, один из них принадлежал японскому военному министерству, а второй код – японскому жандармскому управлению. Были переданы

мне статистические сборники об исполнении военного бюджета Японии.

Вопрос. Откуда «Кротов» мог доставать эти материалы?

Ответ. Он мне говорил, что берет все материалы, которые касаются японской армии, у своих приятелей, которые имеют общение с этими материалами или хранят их у себя, ведают хранением.

Вопрос. Где работают эти приятели «Кротова»?

Ответ. Он мне говорил, что некоторые из них работают в жандармском управлении, некоторые в Военном министерстве, а некоторые в генштабе японской армии.

Вопрос. Кем эти «приятели» работают?

Ответ. Простыми чиновниками, среди офицерства у «Кротова» приятелей не было.

Вопрос. Под каким предлогом «Кротов» получал документы у своих приятелей?

Ответ. Он их брал под предлогом того, что он якобы готовится держать экзамен на офицерское звание, а они шли ему навстречу и давали эти материалы.

Вопрос. Материалы, передаваемые «Кротовым», у вас вызывали сомнения?

Ответ. У меня вызывало сомнение качество кодов, о которых я писал в сопроводительных письмах в ИНО».

На одном из допросов Шебеко сделал весьма интересное заявление:

«... Здесь надо отметить, что несколько раз беседы с „Кротовым“ проводил Гинце (Гудзь), а я был в качестве переводчика. У Гинце была идея – заставить „Кротова“ завербовать меня с тем, чтобы этим самым легализовать встречи с „Кротовым“, то есть, завербовав меня, он получил бы право свободных встреч со мной. Однако „Кротов“ категорически от этого

отказался, заявив, что начальство не поверило бы, что он сумел завербовать 2-го секретаря посольства. Он также отказался от „вербовки“ какого-либо другого сотрудника помельче в должности».

Вот мнение Гудзя об этих показаниях, высказанное после ознакомления с протоколом допроса Шебеко: «На личные встречи с „Кротовым“ я пошел уже после того, как были тщательно проанализированы все материалы, переданные им нам за полгода. Встречи были контрольными: чтобы получить личное впечатление о „Кротове“. Вся эта работа по проверке его надежности как агента велась мною в плане задания начальника ИНО Артузова. Припоминаю, что на эту тему (по поводу вербовки Шебеко) я проводил беседу с „Кротовым“, делая такие предложения с тем, чтобы проверить реакцию с его стороны. Реакция „Кротова“ показала, что он не был двойником».

Конечно, нельзя утверждать, что материалы «Кротова» были идеальными и всеобъемлющими. Что-то в них было неполным, каких-то элементов не хватало. Это естественно – каждый агент достает то, что может достать. И не его вина, если чего-то достать не удастся. Так было и с «Кротовым» – он давал то, до чего мог добраться, и не более того. Надо иметь в виду и то, что он не был штабным офицером и в документах мобилизационного характера совсем не разбирался. Поэтому неудивительно, что он при фотографировании мог не обратить внимания на некоторые документы и тот же мобилизационный план 1939 года сфотографировать не полностью и без некоторых сопроводительных таблиц. Но материал он давал подлинный, и при всех его недостатках, ни о какой «дезе» стратегического характера не могло быть и речи.

Это подтверждалось и теми экспертизами материалов, которые проводило 5-е (бывшее Разведывательное) Управление РККА в августе 1939 года. В Заключении к присланным материалам из 5-го отдела ГУГБ (бывший ИНО) по мобилизации японской армии на 1939 год и приказам о перемещениях и назначениях отмечалось (дается в сокращении):

«Сопоставив указанные материалы с имеющимися документальными данными 5-го Управления РККА (приказы военного министра о назначении офицерского состава японской армии) можно сделать следующее заключение:

1. Мобплан за 1939 год правильно отображает существование 17 кадровых дивизий и 13 пехотных дивизий второй очереди...

2. Существующие авиационные части и соединения в мобилизационном плане действительно отражены. Не указаны авиационные соединения, дислоцированные в Маньчжурии. В плане они отсутствуют. Есть основание предполагать, что эти авиачасти существуют и развертываются в соответствии с таблицей № 2...

4. Данные об артиллерии РКК и кавалерийских частях совпадают с ранее имевшимися данными...

Выводы:

2. Отсутствие таблицы № 2 не позволяет сделать правильное заключение о правдивости материала. Есть основание полагать, что наличие таблицы № 2 внесло бы ясность для окончательного заключения о реальности и правдивости данного плана.

3. Считать необходимым материал как отражающий ряд действительных положений по организации и отмотилизованию всей японской армии, передать в 5-е Управление РККА для тщательного изучения и сравнения с другими документальными материалами.

Приказы о перемещениях и назначениях офицеров японской армии при проверке по отдельным назначениям соответствуют действительности.

Считаем, что данные материалы необходимо передать в Оперативное управление Генерального штаба».

Материалы, присланные из ИНО, были рассмотрены специальной комиссией. Заключение подписали: председатель комиссии комбриг Иванов и члены комиссии полковник Шевченко и майор Иванов. Общий вывод: материал неполный, таблицы № 2 (основное приложение к мобплану) нет. Но эти документы – не дезинформация. И этот вывод чувствовался, несмотря на некоторые осторожные и обтекаемые формулировки заключения. Устраивала ли такая оценка следователей НКВД? Очевидно, нет. Следствие в августе еще продолжалось, и обвинения, выдвинутые против арестованных, хотели подкрепить солидными документами, чтобы они не выглядели голословными. По мнению следователей – если резидент (в данном случае Шебеко) агент японской разведки, а его источники – японская подставка, то все документы, полученные от него, могут быть только дезинформационными. Не имея в руках всех документов этого следственного дела, автор затрудняется высказывать окончательные выводы. Но все документы, полученные от «Кротова», были включены в сборники документов ИНО и отправлены в

5-е Управление на экспертизу. Может быть, к октябрю 1939-го уже вступила в силу договоренность между НКВД и военным ведомством об оценке военных материалов, получаемых ИНО. Второе заключение по японским документам, данное аналитиками военной разведки в октябре, было более категоричным и отметало все утверждения следователей о дезинформации:

«1. Данные японских документов в сборнике № 14 при сопоставлении с документальными данными, имеющимися в 5-м Управлении, показывают, что данный материал не содержит в себе указаний дезинформационного порядка.

2. По документу № 6, который является приказом о мобилизации японской армии на 1938 год – ввиду отсутствия аналогичных материалов в 5-м Управлении трудно установить его действительность. При ознакомлении с указанным материалом не обнаружено фактов, говорящих о дезинформационном характере настоящих материалов.

3. Данные, указанные в сборнике японских документов № 8, не вызывают сомнения в их достоверности. Материал подтверждается рядом аналогичных документов, находящихся в 5-м Управлении РККА. Документы, изложенные в сборниках материалов №№ 8, 6 и 14, подлежат срочной передаче для детального изучения в 5-е Управление РККА.

Это заключение также подписано комбригом Ивановым и майором Шевченко. Эти экспертизы показывают, что оценка источника «Кротов», данная резидентом Гинце (Гудзь) еще в 1935 году, была правильной и подтвердилась через четыре года его

работы. А рекомендация Артузова не исключать попыток к проникновению в жандармские и полицейские органы оправдалась.

Вот так работал основной источник Токийской резидентуры «Кротов», «Кот», «Костя», он же «Красавец». Случай был уникальный для 1930-х годов. Десять лет успешной работы, ценнейшая информация, которую анализировали и изучали и в Разведупре, и в Оперативном управлении Генштаба. И ни одного сбоя в контактах, передаче и возвращении материала. Но весной 1939-го, когда токийский резидент ИНО был отозван – все рухнуло. Ценнейший источник, объявленный в Москве провокатором, японской подставкой и дезинформатором, стал сразу же никому не нужен, и связь с ним прекратили. Ни один резидент, появившийся в Токио после Шебеко, не стал бы рисковать головой и пытаться восстановить с ним прерванные контакты. Именно в этом была причина ухода «Кротова» в небытие, а не мифическая активность японской контрразведки, как об этом пишут в официальной истории Службы внешней разведки (том второй, очерк «Военные планы Японии»). Аргументация автора очерка не выдерживает критики. Ничего непонятного в работе с «Кротовым» не было. И условия работы могли измениться, и режим секретности в преддверии надвигавшейся большой войны вполне могли ужесточить. А требование «Кротова» об увеличении суммы вознаграждения были вполне естественными и справедливыми. Он все годы сотрудничал, выражаясь официальным языком, «на материальной основе». И если до 1937 года его информация не была очень ценной, то он и получал соответственно. А когда он начал передавать документы мобилизационного характера, то и вознаграждение потребовал увеличить. За

мобилизационные документы любая разведка, не торгуясь, всегда платила бешеные деньги.

Параллельная резидентура Разведупра

В ноябре 1964 года «Комсомольская правда» начала публикацию серии статей под броским заголовком «Я знал Зорге». В то время статьи о Зорге и членах его разведывательной группы публиковались почти во всех центральных газетах и такими публикациями было уже трудно удивить читателя. Но эта публикация сразу обратила на себя внимание. Автор, скрывшийся под псевдонимом «Я. Горев», хорошо знал знаменитого разведчика, встречался с ним в Берлине летом 1933-го и обсуждал различные вопросы разведывательной работы. В отличие от некоторых публикаций журналистского толка, где правда перемежалась с авторским вымыслом, в серии этих статей давалась солидная доза документального материала, и они сразу же привлекли внимание как советских авторов, начавших писать книги о Зорге, так и зарубежных исследователей. О самом авторе статей, выпущенных потом отдельной брошюрой, в то время не было сказано ни одного слова. Неудивительно, что зарубежные авторы, писавшие книги о Зорге, начали высказывать различные предположения о новом военном разведчике, скрывшемся под псевдонимом.

Горев писал, что в 1933-м он также готовился покинуть Берлин, чтобы отправиться с разведывательной миссией на Дальний Восток. Глава нелегальной берлинской резидентуры Разведупра «Оскар» (Оскар Стигга – один из помощников Берзина) сказал ему, что они с «Рамзаем» будут «соседями» и что им следует встретиться и обсудить «некоторые вопросы оперативного характера». О себе по соображениям секретности (для 1964 года) автор ничего не говорил,

но в своих воспоминаниях, написанных в октябре 1964 года и опубликованных только в 2000 году, подробно говорил о Зорге и о контактах с ним, когда Зорге уже работал в Японии. В 1964-м в своих воспоминаниях он был достаточно откровенным и вещи называл своими именами.

«Мы договорились о формах конспиративной связи между Токио и Шанхаем. С конца 1933 года и вплоть до моего ареста в Шанхае в мае 1935 года мы поддерживали довольно регулярные контакты. В течение этого времени я 5 или 6 раз направлял к Рамзаю своих людей за почтой, передавал по своим двум радиостанциям отдельные телеграммы токийской резидентуры, когда у них не ладилась связь с „Висбаденом“ (Владивостоком). Мы вели с Рамзаем конспиративную переписку (Центр предоставил нам для этого специальный шифр), он имел шанхайский конспиративный адрес на случай срочных сообщений. В общем, я за эти полтора года мог „с близкой дистанции“ наблюдать за развертыванием работы токийской резидентуры. Впоследствии мне приятно было узнать, что в письме Центру от 1934 года Рамзай подчеркивал „исключительную товарищескую готовность помочь, которую проявляют наши люди в Шанхае“.

Через несколько десятилетий, в конце 1990-х, в печати появилась первая информация об этом военном разведчике. Это был Яков Григорьевич Бронин (Лихтеншталь). Ровесник века родился под Ригой. В 1916 году сдал экстерном экзамены за курс гимназии в Кременчуге. С 1920 года член партии. В Гражданской

войне не участвовал, и в РККА вступил только в 1922 году. Посвятил себя военной журналистике и был редактором ряда военных газет, политработником и редактором армейских журналов. Следующая должность в армии – начальник бюро печати Политуправления РККА. С этой должности в октябре 1928-го поступил слушателем в институт красной профессуры, где проучился два года. В октябре 1930-го Берзин забрал его в Разведупр и направил в берлинскую резидентуру. В Германии он проработал до лета 1933-го. Как работал – хорошо или плохо, пока неизвестно. Из Германии его направили в Китай, и с августа 1933-го он принял у «Пауля» (Карл Римм) шанхайскую резидентуру Зорге и стал его «соседом». Такова была краткая биография «Горева». За прошедшие десятилетия о нем стало известно очень немного.

Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке была очень напряженной и в Китае, и в Маньчжурии, и в самой Японии. Резидентура «Рамзай» только становилась на ноги и ожидать от нее большой отдачи было нельзя. Поэтому естественно, что Центр требовал подробной информации о всех этих районах и от других резидентур. Такие требования влекли за собой увеличение агентуры, и Шанхайская резидентура превращалась в громоздкую, трудно управляемую организацию. Из Москвы шли указания о получении агентурной информации о борьбе китайской Красной Армии против Чан Кайши, а также о предоставлении военно-политической информации о событиях в Китае. Но постепенно основным направлением работы резидентуры становилась Япония. Центр считал, что с учетом напряженной обстановки в этом регионе основное внимание должно было быть сосредоточено на островах, ибо главный противник находится там. Резидентуре были даны конкретные задачи по Японии, и для их выполнения было решено создать на островах

свою разветвленную агентурную сеть, независимую от разведывательной сети Зорге. Руководство военной разведки, и в первую очередь Берзин, решило не класть все яйца в одну корзину.

Для свободного и, главное, регулярного посещения Японии, которое не вызвало бы подозрений у японской контрразведки, сотрудникам резидентуры нужна была надежная легальная «крыша». Наиболее подходящим вариантом для этого было создание какой-либо торговой фирмы, ведущей торговлю между Японией и Китаем. Разведчики под видом сотрудников фирмы могли бы свободно посещать Японию и заниматься там разведывательной и вербовочной работой. Возможно, что Бронин решил использовать европейский опыт Ивана Винарова, успешно работавшего в странах Центральной Европы в 1930—1933 годах под прикрытием различных торговых организаций. А может быть, идея такой «крыши» была подсказана Центром.

В начале 1934-го Бронин, как шанхайский резидент Разведупра, предложил Центру прислать нового радиста. Очевидно, решили заменить имевшегося в резидентуре радиста и попросили в Москве нового человека. Может быть, радист резидентуры попал под подозрение полиции или контрразведки, а может быть, как говорили тогда, «обуржуазился». Такой вариант тогда, как и в наши годы, был вполне возможен. Злачные места Шанхая: кабаре, варьете, рестораны могли подействовать на любого, особенно если он иностранец. Во всяком случае в Разведупре доводы резидентуры сочли убедительными, и в марте 1934-го из Москвы в Шанхай через Берлин и Италию отправился новый радист.

На этот раз в Китай отправили очень молодую красивую француженку Рене Марсо. В 1930 году семнадцатилетней девчонкой она приехала в Москву учиться профессии революционера. Несколько лет была

курьером Коммунистического Интернационала молодежи, разъезжая по странам Европы. Осенью 1933-го ее направили в разведывательную школу при Разведупре. И в марте 1934-го, окончив школу и получив несколько специальностей: радиста, шифровальщика, фотографа – с голландским паспортом в кармане она выехала в Берлин.

В Берлине сменила паспорт и стала подданной Уругвая Денисой. Далее путь лежал через Швейцарию и Милан в Венецию и Триест. Затем долгий путь на одном из пароходов через Суэцкий канал и вокруг Индии в Шанхай. В Шанхае она впервые встретилась со своим будущим мужем Яковом Брониным. И начались суровые разведывательные будни. Вот как Эля описывала эту работу в своих коротких воспоминаниях, опубликованных в 1991 году. «Работы было много. Я должна была обеспечивать радиосвязь и переснимать шедшие к нам непрерывным потоком документы. Мы помогали Красной армии Китая, которая находилась тогда в трудном положении: теснимая гоминдановскими войсками из южных районов, она готовилась к Великому Походу в северные провинции. Китайские товарищи помогали нам в вербовке информаторов, указывая либо на наших идейных сторонников – людей, сочувствующих коммунистам, либо тех, кто за деньги готов был продать любые тайны – таких было много среди китайских чиновников».

Ездила Эли и в Японию к Зорге. По ее воспоминаниям, они были знакомы еще в Москве. Как радистка она должна была помочь наладить радиосвязь с Владивостоком, а также отвезти в Токио деньги и новый шифр. С Зорге у нее были две встречи, деньги переданы, а про шифр француженка забыла и вспомнила об этом, только вернувшись в Шанхай. Такие вот накладки бывают у разведчиков. Побывала она

вместе с Зорге и на радиоквартире. Рация была в рабочем состоянии, и, по ее мнению, радист не выходил в эфир, опасаясь пеленгаторов. Версия малоубедительная, так как в начале 1935-го года серьезной пеленгаторной службы в Японии еще не было. По всем имеющимся источникам, перехват радиogramм группы «Рамзай» начался в 1937-м, а первые немецкие пеленгаторы появились в Японии в 1938-м году.

К сожалению, усилия шанхайской резидентуры и ее резидента Якова Бронина создать надежно действующую параллельную «рамзаевской» резидентуру в Японии не увенчались успехом. Попытка организовать фирму для торговли между Шанхаем и Японией провалилась. Разведчик, который должен был возглавить ее японский филиал и таким образом легализоваться в Японии, попал под подозрение китайской контрразведки. Ему пришлось исчезнуть из Шанхая и распрощаться с надеждой поработать в Японии. Попытки использовать китайскую колонию в Японии тоже не привели к серьезным результатам. Возможно, что в дальнейшем при более основательной и кропотливой работе удалось бы создать агентурную сеть на островах. Но пока были только первые шаги: формировались отдельные группы, в Японию посылались одиночные агенты, налаживалась связь между Китаем и островами. По опыту группы «Рамзай», нужно было несколько лет, чтобы новая агентурная сеть начала эффективно работать. И тут в дело вмешался тот случай, к которому всегда должен быть готов любой разведчик. Шанхайский резидент Разведупра был арестован.

Вот как об этом пишет в воспоминаниях его жена: «Вечер мы провели в гостях у товарища, отъезжавшего в Москву. Расходились в разные стороны. Домой я вернулась одна. Позже позвонили легальные товарищи,

спросили, дома ли муж. Я ответила, что нет. „Тогда бросай все и иди к нам“. „Яков арестован“, – сказали они при встрече. Его выдал китаец, который работал на нас. При Якове не было документов, по которым можно было бы выяснить, где и под каким именем он жил в Шанхае, – предатель же не знал этого. Зато при Якове нашли несколько фальшивых паспортов, которые он по оплошности взял с собой. Личность и адрес его могли в конце концов установить, полиция могла взломать сейф и тогда... В условиях военного времени ему грозила виселица...» Сразу же началась локализация провала. Эля переехала в другое место. Были извещены, отозваны и спрятаны все, кому грозила опасность. Вся агентура шанхайской резидентуры была законсервирована. У Брониной не было квалифицированного заместителя, и его арест означал прекращение деятельности резидентуры. Были, очевидно, прекращены и все мероприятия по созданию агентурной сети в Японии. По воспоминаниям Эли Брониной, несмотря на скудость обвинений и на то, что личность ее мужа так и не была установлена, его приговорили к 15 годам тюрьмы и отправили в Ханькоу (Ухань) в тюрьму, которая была известна особо тяжелыми условиями для заключенных.

Дальнейшая судьба Эли Брониной была удачной. В одну из темных, дождливых ночей ее доставили в порт. Здесь в потемках на руках по шатким мосткам два офицера подняли разведчицу на корабль, вскоре после этого вышедший в море в направлении Владивостока. Дальневосточная эпопея закончилась для француженки благополучно. В Москве она была определена в кадры Красной Армии и зачислена состоящей в распоряжении Разведупра (Приказ НКО по личному составу № 00562 от 22 июля 1936 года). В мае 1936-го за разведывательную работу в Китае она была награждена орденом «Красная Звезда» и ей было присвоено воинское звание

лейтенант. Ее способности разведчицы, знание языков и шифровального дела были использованы еще раз во время гражданской войны в Испании. Во время разгрома кадров военной разведки приказом № 00217 от 24 июня 1938 года она была уволена в запас Красной Армии. Тогда из вооруженных сил изгоняли всех иностранцев, и разведчица не стала исключением.

А вот взгляд на те же события, но с другой стороны. В том же 1991-м, когда были опубликованы воспоминания Брониной, вышла книга воспоминаний разведчицы Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов». Бывшая жена одного из коминтерновских руководителей Отто Куусинена, она работала в отделе международных связей Коминтерна. После двух лет работы в США по линии Коминтерна она решила перейти на работу в военную разведку. Разведупру всегда были нужны опытные работники, знающие языки. И Берзин, переговорив с Пятницким, предложил Айно работу в Разведупре и новый район деятельности – Японию. Путь туда лежал через Шанхай, и в этом городе она встретила с Брониным и его женой. Вот как она сама описывает эту встречу:

«... Через несколько дней после моего приезда в отеле (отель „Палас“ в Шанхае) появилась молодая женщина, говорившая по-немецки. Она должна была отвезти меня к „шефу“. Мы поехали на такси во французскую часть города, остановились на бульваре Фона. Шеф представился как доктор Босх, женщина была радисткой, звали ее Элли.

Это был резидент, глава тайной спецслужбы СССР в Шанхае, ему подчинялись все советские агенты на Дальнем Востоке... Последнее время, сказал он, трудно связаться по радио с «Висбаденом», поэтому я должна терпеливо

ждать, так как с «Мюнхеном» (Москвой) прямой связи нет. Мне показалось странным, что он так неосторожно и без особой надобности раскрыл мне кодовые названия. Босх допустил и вторую небрежность: когда он ненадолго вышел из комнаты, на столе, среди бумаг, я увидела его паспорт. Я быстро в него заглянула: он был выдан на имя латыша Абрамова...»

После ареста Бронина китайские и иностранные газеты много писали о поимке таинственного шпиона по фамилии Абрамов. Узнала об этом и Айно Куусинен.

Вот еще один отрывок из ее воспоминаний. «В ноябре 1935 года я прочитала в „Джапан таймс“, что в Шанхае арестован таинственный шпион по фамилии Абрамов (Элли, по-видимому, ареста избежала). Хотя причин, по которым меня отзывали, могло быть множество, я сразу подумала, что скорее всего это вызвано арестом Босха. Правда, я с октября 1934 года с ним не виделась, но могло стать известно что-нибудь меня компрометирующее. Босх был центром всей советской дальневосточной разведки, и вполне вероятно, что арест его вызвал в Москве беспокойство...

Конечно, арест резидента, знавшего всю китайскую сеть Разведупра и резидентуру «Рамзай», произвел сильное впечатление в Москве. Провал был громким, с многочисленными статьями в мировой прессе. Но в Москве не списывали резидента со счетов. Руководство разведки верило Бронину и, очевидно, не сомневалось, что он выдержит допросы и не выдаст того, что знал. Поэтому неудивительно, что его продолжали считать в строю. В ноябре 1935-го в РККА были введены персональные воинские звания, и в начале 1936-го началась переаттестация сотрудников Разведупра и присвоение им новых воинских званий. Приказом № 00324/п от 17 февраля 1936 года сидящему в китайской

тюрьме разведчику было присвоено воинское звание «бригадный комиссар».

Москва делала все возможное, чтобы вытащить из тюремного застенка своего резидента. Было решено попробовать подкупить начальника тюрьмы в Ханькоу, где содержался Бронин. Для осуществления этого мероприятия выделялась значительная сумма в долларах и привлекались сотрудники обеих разведок, работавшие в Китае. Конечно, подобная операция могла проводиться только по специальному указанию высшего партийного руководства. Руководители обеих разведок не могли самостоятельно принимать решения по освобождению арестованных резидентов.

Организацией освобождения Вальдена (Бронина) руководил резидент ИНО в Шанхае Вартэ. Под этим именем выступал один из сотрудников политической разведки Эммануил Куцин, работавший под крышей вице-консула в Шанхае. На совещании в полпредстве, где разрабатывался план операции, присутствовали Муромцев, Косов, Иткин и корреспондент «Правды» Гартман. Под фамилией Косова выступал сотрудник ИНО Владимир Нейман. Он родился в Забайкалье в 1898 году, служил в царской армии и в 1920—1921 годах воевал в партизанских отрядах в Забайкалье и работал в разведывательном отделе Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. С 1922 по 1927 год был на нелегальной разведывательной работе в Китае. Потом работа по линии контрразведки в Чите и Владивостоке. В начале 1930-х отзывается в Москву и назначается начальником отделения ИНО по Дальневосточному краю. После неудачной операции по освобождению Бронина и расконспирации его отзывают в Москву, а через некоторое время отправляют вграничную командировку. В начале 1938 года снова отзывают в Москву, в феврале арестовывают и по

приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР расстреливают в Хабаровске.

Абрам Гартман (Гутнер) работал в Разведупре. С февраля 1927 до июня 1928 года находился в Китае. После возвращения в Москву начал работать в газете «Правда» заместителем заведующего иностранного отдела. С января 1930 по май 1933 года он был корреспондентом газеты в Берлине, а с осени 1933 года – корреспондентом в Шанхае. Связи с сотрудниками Разведупра в Китае имел, информируя их о людях, которые могли быть полезными для разведывательной работы. Помогал также в изучении этих людей для их возможной вербовки. Никаких агентурных связей у него не было, и вербовкой агентуры он не занимался. Таковы были биографии некоторых участников совещания.

На совещании было решено выкупить резидента, предложив крупную сумму в валюте (несколько десятков тысяч долларов) начальнику тюрьмы. Для переговоров с ним Вартэ использовал своего агента «Наидиса», который находился в Китае на нелегальном положении. Муромцев и Косов, как работники Центросоюза, перевезли деньги на самолете из Шанхая в Ханькоу и вручили их «Наидису». Но он был выдан китайской полицией начальником тюрьмы и при передаче денег арестован. Это был один из немногих случаев, когда на продажного китайского чиновника крупная сумма в валюте не произвела впечатления. Попытка освобождения резидента сорвалась, и китайские газеты начали очередной скандал. Вартэ, Косов и Гартман были расконспирированы перед сотрудниками посольства и китайским обслуживающим персоналом, и их пришлось отозвать в Москву. Крупная сумма денег пропала, а китайская контрразведка, сопоставив прилет в Ханькоу двух советских работников с передачей денег, сделала

соответствующие выводы. Таковы были итоги неудачной операции.

В Москве расследованием очередного провала советской разведки (провалились и военная, и политическая разведки) занялась Комиссия партийного Контроля при ЦК ВКП(б). Дипломаты жаловались на разведчиков, разведчики и их руководители оправдывались. Надо было разобраться, кто прав, кто виноват. Посол в Китае Дмитрий Богомолов отправил 30 августа 1935 года личное письмо заместителю наркома Борису Стомонякову. В письме он обращал внимание на отсутствие необходимой конспирации в работе сотрудников разведки, работавших в Китае под легальной «крышей». Посол имел в виду «юристов» (сотрудников Разведупра) и «профессоров» (сотрудников ИНО). У «юристов» дело обстояло плохо, у «профессоров» – не лучше. «Я сомневаюсь, чтобы работа этих товарищей была неизвестна почти всем нашим сотрудникам и большинству обслуживающего персонала», – писал он в письме. В этом письме он также давал свои рекомендации: «Но самое главное в том, что они расшифрованы, и если японцам понадобится, они в любой момент смогут воздать громкое дело, так как подстроить что-нибудь проваленным работникам вовсе не трудно. На основании этого я считаю необходимым перестроить всю работу „профессоров“ (сотрудников ИНО), законспирировать и снять проваленных работников (почти всех), а в первую очередь нужно снять т. Вартэ. Едва ли есть у нас хоть один сотрудник, который не знал бы о его работе».

Через месяц, 27 сентября, Богомолов сообщил Стомонякову о том, что он написал письмо наркому Литвинову, в котором предложил ограничить количество «профессоров» и «юристов» (сотрудников Разведупра) до одного в каждом посольстве и

потребовать от них выполнять как следует легальную работу, а также запретить вербовать работников на месте из числа сотрудников полпредств и советских хозяйственных учреждений. По его мнению: «Если мы проведем эти мероприятия, то в значительной степени устраним возможность больших политических скандалов. Что касается наших работников в Китае, то нельзя забывать, что японцы были бы весьма заинтересованы в том, чтобы устроить большой скандал для нас именно здесь, в Китае». Он также предлагал, чтобы Полпреда ставили в известность «при командировании каждого товарища, имеющего параллельную работу». 15 ноября по поручению Стомонякова оба письма Богомолова были переданы члену КПК Матвею Шкирятову.

26 ноября бывший начальник ИНО, первый заместитель начальника Разведупра Артузов отправил секретарю ЦК ВКП(б) Ежову справку о виновности работников Разведупра и ИНО, обвиняемых Богомоловым в связи с провалом выкупа резидента Разведупра из Ханькоусской тюрьмы. Артузов оправдывал поведение Гартмана, а также необходимость поездки в Ханькоу Муромцева и Косова. В справке он также указывал, что Богомолов был в курсе всех мероприятий по освобождению, а поездка в Ханькоу проводилась с разрешения Полпреда. Оправдывал он и действия разведчиков ИНО: «Считаю, что товарищи чекисты, взявшиеся организовывать выкуп из тюрьмы своего товарища по разведке, резидента Разведупра, – поступили хорошо, так, как должны поступать большевики-подпольщики в отношении попавшего в беду товарища». При этом он скромно умалчивал о полной расконспирации (то есть непрофессионализме) работников ИНО в Шанхае. Отмечал он и ошибочность пересылки денег легальным путем при помощи аппарата Центросоюза, так как

«совпадение провала выкупа с прилетом в Ханькоу работников Центросоюза было поставлено в связь и раструблено в газетах». Артузов писал: «Приговор суда – организатор выкупа присужден лишь к двум годам тюрьмы, и китайцы ни в чем не смогли скомпрометировать Советские учреждения в Китае, если не считать голословной газетной шумихи, которая обычно подымается по всякому текущему поводу. На этот раз пресса не могла привести ни одного факта, уличающего наши заграничные органы в нелегальщине, и ограничилась лишь раздуванием факта „случайного совпадения провала дела выкупа в Ханькоу с приездом советских служащих туда же“. В общем, жалобы Богомолова безосновательны, так как он все знал и не возражал, оскандалившиеся разведчики проявили добрые намерения, и не стоит раздувать досадный эпизод, обошедшийся без серьезных последствий.

Кончилась вся эта история тем, что КПК 11 декабря объявила строгий выговор Куцину и указала Нейману и Гартману на недопустимость нарушения правил конспирации в своей работе за границей. Под постановлением поставили подписи члены комиссии Куйбышев, Акулов, Ярославский. Разведчики и на этот раз переиграли дипломатов, отделавшись легким испугом. Но даже и эта легкая мера наказания не достигла цели. Член КПК Шкирятов разъяснил новому начальнику ИНО Абраму Слуцкому, «что делать отметку наложения взыскания на т. Куцина в его личной карточке не нужно». Гора родила мышь.

А какова судьба главного героя этой истории? После неудачной попытки освобождения он продолжал сидеть в тюрьме. В июле 1937-го началась японо-китайская война, скромно именуемая в Японии «инцидентом», продолжавшаяся до августа 1945-го. Отношения между двумя странами сразу же улучшились, появилась возможность вытащить из тюрьмы резидента, обменяв

его на сына Чан Кайши, арестованного в Советском Союзе. 11 октября 1937 года был произведен обмен, и Бронин отправился в Алма-Ату по трассе «Зет», по которой перегонялась военная техника из Советского Союза в Китай. Тюремная эпопея закончилась для бригадного комиссара благополучно. Несмотря на разгул репрессий, он не только не был арестован, но его даже не выгнали из армии. Он работал в центральном аппарате Разведупра, а в 1940—1941 годах был старшим преподавателем по агентурной разведке Высшей спецшколы Генштаба. Во время войны был преподавателем Военной академии в Ташкенте и Москве. Беда пришла к нему в 1949-м, когда он был арестован и 14 октября 1950 года осужден Особым совещанием при МГБ на 10 лет лагерей. Просидел он в Омской области до 1955 года и в апреле был освобожден и реабилитирован. Потом работал в ИМЭМО Академии Наук научным сотрудником. Такая вот биография у шанхайского резидента.

Операция «Рамзай» 1936—1937 годы

К 1936 году организационный период в деятельности группы закончился. Члены группы стояли на своих местах. Каждый из них имел свои задачи и достаточно четко очерченный комплекс проблем, исследованием которых он занимался. Для Зорге это было германское посольство, в первую очередь консультации Дирксена и особенно Отта. Слово консультация здесь употребляется без кавычек потому, что та информация, которой советский разведчик снабжал посла и военного атташе, была абсолютно достоверной и правдивой. Никаких элементов дезинформации в ней не было и не могло быть. Зорге, зная, какие опытные дипломатические «зубры» старой школы сидят в германском МИДе, хорошо понимал, что любая «деза» в его информации в Берлин будет тут же раскрыта. Последствия этого предугадать было нетрудно: недоверие, подозрение и, как финал, жирный крест на использовании германского посольства и последующее разоблачение. Для Дирксена и Отта Зорге был первоклассным политическим аналитиком, который не только снабжал Берлин свежей, достоверной и часто секретной информацией о событиях в Японии, но и давал анализ сложившейся в стране ситуации. Для этого он использовал, в первую очередь, ценнейшую информацию, которую получал от Ходзуми Одзаки. Таким образом, информация из этого источника уходила не только в Москву, но и в Берлин. В столице рейха донесения Зорге, которые он писал за своего «друга» Отта, оценивались очень высоко, и их подлинное авторство не было тайной для высокопоставленных чиновников. Уровень информации Зорге и

оперативность, с которой он поставлял информацию, делали его ценнейшим источником для Берлина. Никто из немецких дипломатов или разведчиков, которые, конечно, имелись в Японии, не обладал такими широкими и неофициальными связями в правящих кругах Японии. Способность Зорге четко и конкретно анализировать полученную информацию проявилась уже в 1936 году при оценке февральского путча, переговоров по антикоминтерновскому пакту и августовского совещания японского правительства, принявшего новую внешнеполитическую программу.

Оценки происходящих событий, прогнозы на будущее, которые давал Зорге, были абсолютно точными. Сейчас, через 65 лет после тех далеких и бурных лет, его гениальность и предвидение событий поражают. Для примера можно взять события 26 февраля 1936 года. В этот день в Токио вспыхнул военно-фашистский путч. Заговорщики из числа солдат и офицеров частей токийского гарнизона захватили несколько правительственных зданий. Некоторые члены кабинета были убиты. Но восставшие не были поддержаны другими частями. Путч провалился, а его инициаторы были арестованы, предстали перед судом и были казнены. Как журналист, Зорге подробно освещал токийские события на страницах немецких газет. Буквально через несколько дней после путча «Берлинер берзенцайтунг» напечатала серию статей своего токийского корреспондента Рихарда Зорге. Сотрудники «Известий», конечно, не могли догадаться, кто скрывается под «крышей» германского корреспондента в Японии. Но оценка и анализ событий были настолько точны, что «Известия» перепечатали корреспонденции Зорге на своих страницах. Последствия для разведчика могли быть непредсказуемы, и ему пришлось просить Центр о том, чтобы его статьи не появлялись на страницах московских газет.

Первый отчет о токийских событиях был отправлен Зорге в Москву 6 марта. Затем со связником в Центр ушел обстоятельный доклад о путче и о его влиянии на дальнейшие события в Японии и подготовке страны к войне. Вот выдержка из этого доклада с оценкой событий 26 февраля: «Японская военная готовность в результате событий 26 февраля 1936 года отодвинута на многие месяцы, даже, возможно, и годы. Если война не будет вызвана как крайний выход из неожиданно сильных внутренних противоречий и будет подготавливаться планомерно, то в этом году войны не будет. Даже при указанных выше условиях ее вероятность без одновременного выступления Германии становится все меньше. Япония одна все более и более не в состоянии вести войну. Но тот факт, что Германия в 1937 году закончит важнейшую часть своего вооружения, означает необычайное обострение опасности к началу или середине 1937 года». Отличный анализ событий на годы вперед. Здесь и предвидение начала войны с Китаем летом 1937 года, и переговоров с Германией, начавшихся в 1938 году и закончившихся подписанием тройственного пакта.

В 1960-е и 1970-е годы вся слава раскрытия тайны переговоров по заключению антикоминтерновского пакта досталась группе Зорге. Политической разведки в те годы еще «не существовало» – во всяком случае, никаких упоминаний о ней в открытой печати не было. Радиоразведки также «не существовало», и о ней молчали все, кто что-то писал о событиях 1930-х годов. А уж о том, чтобы упомянуть о перебежчике Вальтере Кривицком и его разведывательной деятельности в Европе в 1930-х годах, не могло быть и речи, хотя его мемуары были изданы в 1939 году и их в Европе читали все, кто интересовался историей. Поэтому все советские авторы того периода, писавшие о Зорге, отмечали в своих книгах только заслуги советского разведчика и

членов группы «Рамзай». Советская цензура не пропустила бы в печать никакую другую трактовку событий.

Можно согласиться с авторами первого капитального труда по радиоразведке (Б. Анин, А. Петрович «Радиошпионаж»), которые писали о Зорге: «Но похвалы в его адрес произносили не только чтобы почтить память выдающегося разведчика, но и чтобы скрыть успехи советской радиоразведки, о которой намеренно редко вспоминали в Советском Союзе». Только после 1991 года в печати появились некоторые сообщения о работе советской радиоразведки и дешифровальной службе в ОГПУ и в военном ведомстве.

Дешифровальный сектор в штабе РККА был создан по приказу наркома в марте 1928 года. В 1930 году он был прикомандирован к специальному отделу ОГПУ для совместной работы над шифроперепиской иностранных государств. В 1931 году сектор реорганизуется в 5-й отдел Разведупра, но по-прежнему остается в оперативном подчинении спецотдела ОГПУ. Начальником отдела был назначен Павел Харкевич. Он родился в 1896 году в Воронежской губернии. Окончил реальное училище в Орле и в 1915 году поступил в Алексеевское военное училище. Через год после окончания училища – на фронт начальником команды разведчиков гвардейского стрелкового полка. К 1918 году дослужился до поручика. В этом же году вступил в РККА. В 1923 году окончил Восточное отделение Военной академии и был распределен в Наркоминдел. Через некоторое время его перевели в Спецотдел ОГПУ к Бокию, а в 1930 году Берзину удалось добиться перевода Харкевича в военную разведку. Он назначается начальником дешифровального сектора, а с 1931 года – начальником 5-го отдела Разведупра. В 1935 году ему присваивается воинское звание полковника, и до 1939 года он возглавляет

дешифровальную службу военной разведки. В ноябре 1939-го его увольняют в запас за связь с «бокиевской антисоветской организацией». Военная разведка потеряла опытного специалиста с десятилетним стажем работы в дешифровальной службе.

В 1935-м сработала политическая разведка – ИНО ОГПУ. Нелегальный разведчик ИНО в Голландии, знаменитый теперь Димитрий Быстролетов, завербовал, заплатив большую сумму, слугу крупного японского дипломата. Причем для удобства вербовки выдал себя за представителя германской разведки. В квартире дипломата был сейф, а в сейфе – дипломатический шифр японского посольства, до которого и добирался разведчик. Изучив образ жизни хозяина квартиры, он в его отсутствие вместе со слугой проник в кабинет дипломата и попытался вскрыть сейф. Но так как помимо ключа нужно было знать шифровую комбинацию, то вскрыть сейф с первого раза не удалось. Потратив несколько недель и перебрав несколько тысяч комбинаций, Быстролетов все-таки справился с замком. После этого вызванные из Москвы специалисты сфотографировали японский дипломатический шифр.

В середине 1930-х не было надежной радиосвязи на таких сверхдальних расстояниях, как Берлин – Токио и Москва – Токио. И японским дипломатам в этих городах приходилось сдавать свои зашифрованные депеши на линии государственной связи страны пребывания. В Москве копии депеш японских дипломатов попадали в объединенную дешифровальную службу, в Берлине – в гестапо. Как пишет в своих воспоминаниях Вальтер Кривицкий, в конце июля 1936-го ему стало известно, что агентуре ИНО в Берлине удалось добыть эту секретную переписку в переснятом виде, и канал для получения сведений о переписке Осима и японского правительства начал работать. Информация,

поступавшая из Берлина, была полной, а дешифровка телеграмм японского посольства в Москве подтверждала и дополняла эту информацию.

Информация о переговорах поступала в Москву и из Берлина, и из Токио. Основную информацию документального характера, отправляемую на самый «верх», получал Спецотдел после расшифровки перехваченных телеграмм на линии Берлин – Токио. Эти расшифрованные телеграммы докладывались и наркому обороны. Но существенное дополнение в информацию о переговорах вносила и группа «Рамзай». Радиogramмы из Токио, через промежуточный радиоцентр во Владивостоке, поступали в Москву регулярно. Эта оперативная информация дополнялась почтовой информацией, передаваемой в Москву через курьеров. Сводки материалов о переговорах за подписью начальника Разведупра комкора Урицкого регулярно докладывались наркому обороны и по его приказу пересылались в Кремль. Сталин был в курсе переговоров между Берлином и Токио и знал о них больше, чем руководители внешнеполитических ведомств Германии и Японии.

19 июня Урицкий представил Ворошилову очередную сводку материалов о германо-японских переговорах. По приказу наркома экземпляр этого документа был направлен Сталину. Генсек ознакомился с материалами, в которых говорилось о замедлении хода переговоров между Японией и Германией главным образом ввиду нежелания немцев форсировать заключение военного договора. Очевидно, у него возникли сомнения в достоверности информации по поводу замедления хода переговоров, и на экземпляре сводки появилась резолюция: «По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов. И. Сталин». Сводка материалов, о которой шла речь, была составлена преимущественно по телеграфным

донесениям резидента Разведупра в Токио Рихарда Зорге. Своей резолюцией Сталин высказал недоверие группе «Рамзай» и поставил под сомнение достоверность той информации, которая до этого поступала из Токио.

Мнение «хозяина» уже тогда было законом, и в Разведупре начали тщательно проверять и перепроверять всю информацию, которая до этого поступала от Зорге. Но после проверки выяснилось, что вся информация группы «Рамзай» достоверна и никакой дезориентации в ней нет. У комкора Урицкого хватило смелости выступить в защиту Зорге. 20 июля он направил докладную записку Ворошилову, в которой отмечал, что сводка материалов, вызвавшая негативное отношение Сталям к этому документу, «составлена преимущественно по телеграфным донесениям нашего резидента в Токио, источника Вам известного, обычно дававшего доброкачественную информацию и неоднократно – подлинный секретный документальный материал». Урицкий отмечал в своей докладной, что от Зорге был получен доклад германского военного атташе в Токио полковника Отта. Разведупру удалось проверить подлинность этого доклада, получив аналогичные документы непосредственно из германского генштаба. От Зорге была получена и почтовая информация, освещающая закулисную сторону японо-германских переговоров. Урицкий отмечал в своей записке: «... совпадение сообщений нашего токийского резидента с содержанием перехваченной и расшифрованной телеграфной переписки между Берлином и Токио повышает достоверность нашей информации о состоянии японо-германских переговоров».

Анализируя весь имеющийся в распоряжении Разведупра материал, Урицкий делает следующие выводы:

«1. Японо-германские переговоры в течение мая – июня развивались очень медленно.

2. Инициативу и особую активность в переговорах проявляет Япония.

3. Германия в данный момент оттягивает заключение договора с Японией, который связал бы немцев конкретными военными обязательствами...»

По его мнению, сдержанность Германии в переговорах была вызвана тем, что Япония была еще не готова к большой войне, в первую очередь с Советским Союзом. В случае заключения военного союза Япония может не удержаться, выступить слишком рано, до того как Германия сможет оказать ей решающую помощь на Западе, и будет разбита. Кроме того, Германия в 1936 году не хотела ухудшать взаимоотношения с Англией и демонстрировать слишком тесный военный союз с основным противником Англии на Дальнем Востоке.

Конечно, в докладной записке нельзя было обойти молчанием мнение Сталина, с которым начальнику Разведупра приходилось считаться. Поэтому в конце этого уникального документа появилось высказывание о том, что «... нельзя исключить возможности далеко идущей дезориентации, вплоть до дезинформации своих собственных высших сановников, с целью надежно замаскировать особо секретные параллельные переговоры о военном союзе». Урицкий отмечал, что задача военной разведки на данном этапе заключается в том, чтобы стремиться полнее раскрыть самые секретные мероприятия по подготовке японо-германского военного блока. Как показали дальнейшие события, эту задачу обе разведки сумели отлично выполнить.

И последнее, о чем хотелось сказать в связи с анализом этого документа. Урицкий не был согласен с

оценкой Сталина. Он имел всю информацию Зорге о переговорах. Верил ему, конечно перепроверяя его сообщения на самом высоком уровне, вплоть до германского генштаба. Он знал содержание всех перехваченных и расшифрованных японских телеграмм на линиях Берлин – Токио и Москва – Токио. Он мог анализировать и сопоставлять информацию, мог перепроверить один источник другим. И те выводы, которые он высказал в своей записке, говорили о том, что никакой дезориентации нет и замедление хода переговоров между Германией и Японией вполне возможно. Слишком настойчиво Япония стремилась заключить военный союз, направленный, в первую очередь, против СССР. И слишком настойчиво командование японской армии стремилось развязать военный конфликт на азиатском материке. Поэтому в конце записки он еще раз высказал свое мнение, противоречащее мнению Сталина: «Вместе с тем вышеприведенные соображения, как мне кажется, более правильно отражают действительное состояние японо-германских переговоров». Представляя наркому этот документ и другие разведывательные материалы, просил его указаний по поводу дальнейшего направления их Сталину. К сожалению, пока неизвестно, была ли направлена эта записка Сталину и каково было мнение генсека по поводу выводов руководителя военной разведки.

* * *

Информация о переговорах поступала и из германского посольства, и от Ходзуми Одзахи, и от Бранко Вукелича, который к этому времени обзавелся солидными связями в английском, французском и американском посольствах, а также среди иностранных

журналистов, аккредитированных в Токио. Посольства западных стран также получали информацию о секретных переговорах, и эта информация становилась известной Вукеличу. Все это позволяло Зорге быть в центре событий и знать все подробности переговоров. Информация в Центр поступала регулярно, и радиомост Токио – Владивосток – Москва работал с полной нагрузкой. Стало известно основное содержание секретного соглашения, приложенного к пакту, и все его детали. В Москву были переданы тексты документов, которые полностью раскрывали позиции Германии и Японии в этих переговорах.

Оценивая события лета и осени 1936 года, Зорге спустя несколько лет писал: «С самого начала, как только я узнал, что рассматривается какой-то вариант пакта, я понял, что немецкие правящие круги и влиятельные японские военные руководители хотели не просто политического сближения двух стран, а самого тесного политического и военного союза... Поскольку я в самом начале узнал о секретных переговорах в Берлине между Осима, Риббентропом и Канарисом, наблюдение за отношениями между двумя странами стали одной из самых важных задач моей деятельности. Сила антисоветских чувств, проявленная Германией и Японией во время переговоров о пакте, была предметом беспокойства для Москвы».

В октябре германо-японские секретные переговоры близились к завершению. И одновременно с этим Наркоминдел продолжал получать все более и более полную информацию об этих переговорах. Заместитель наркома Литвинова Борис Стомоняков 22 октября подробно проинформировал о германо-японских переговорах посла в Японии Юренева. В своем письме он писал: «По имеющимся у нас совершенно достоверным сведениям, переговоры в Берлине сильно продвинулись вперед – и, может быть, даже уже

привели к заключению японо-германского соглашения о борьбе против Коминтерна... Параллельно с этим соглашением ведутся переговоры о заключении секретного союзного договора, направленного против нас».

К середине ноября у Советского правительства уже не было сомнений в том, что германо-японское соглашение будет подписано в ближайшие дни. 14 ноября Литвинов сообщил Юреневу, чтобы он встретился с министром иностранных дел Арита и сообщил ему, что Советское правительство получило сведения о предстоящем оформлении германо-японского соглашения, направленного прямо или косвенно против СССР.

Поручение было незамедлительно выполнено, и 16 ноября в Москву из Токио поступила шифровка с изложением беседы Юренева с Арита. Выслушав заявление советского посла, министр иностранных дел островной империи сказал:

– Знаю, что имелись слухи о том, что между Японией и Германией состоялся союз и что эти слухи за последнее время участились, но это совершенно неверно.

Заявление не соответствовало действительности, но это мало беспокоило Арита. Очевидно, он руководствовался старым правилом, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли.

На следующий день Стомоняков в телеграмме, переданной вне очереди в Токио, сообщил Юреневу, чтобы он вновь посетил Арита и сделал ему заявление о том, что Советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Министру иностранных дел Японии ясно дали понять, что Советское правительство не считает его

предыдущие разъяснения удовлетворительными. На следующий день в «Известиях» публикуется официальное сообщение ТАСС о японо-германских секретных переговорах и предстоящем подписании секретного соглашения, направленного против СССР.

28 ноября на 8-м чрезвычайном съезде Советов, обсуждавшем проект новой Конституции, выступил нарком иностранных дел Литвинов. Всех делегатов съезда интересовали отношения СССР с Германией и Японией, японо-германские переговоры, сообщения газет о подписании антикоминтерновского пакта. И Литвинов дал подробные объяснения по всем важнейшим международным проблемам и обстоятельно прокомментировал опубликованный в печати антикоминтерновский пакт.

- Люди сведущие, - говорил Литвинов с трибуны съезда, - отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской - сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии...

Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а, вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово «коммунизм» даже не

упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом.

Выступление Литвинова на съезде произвело огромное впечатление во всем мире. Если нарком иностранных дел с трибуны съезда заявил о разработке и подписании секретного соглашения, не имеющего никакого отношения к антикоминтерновскому пакту, то, значит, у Советского правительства были бесспорные доказательства и о переговорах, и о тексте секретного соглашения. Многим это было абсолютно ясно, но кое-кто и сомневался. В Лондоне не могли поверить в то, что эти русские могли проникнуть в сокровенные тайны Берлина и Токио и узнать, что же творится на этой закулисной дипломатической кухне.

И вот 1 декабря английский посол в беседе с Литвиновым, очевидно не без влияния Лондона, задал вопрос о том, имеет ли Советское правительство сведения о заключении между Германией и Японией секретного соглашения. Ответ наркома был краток: «Я ему ответил, что если я заявил публично на съезде о существовании такого соглашения, то у нас для этого должны быть неопровержимые доказательства...»

Но если английского посла удовлетворили подобные объяснения, то японский министр иностранных дел Арита с упорством, достойным лучшего применения, продолжал убеждать всех и вся, что никакого японо-германского секретного соглашения не существует, что все это только слухи и ничего более. Пришлось поставить на место японского министра.

Новый японский посол Сигемицу вручил свои верительные грамоты 7 декабря. На следующий день состоялась беседа между новым послом и Литвиновым. Рассматривались все вопросы, связанные со взаимоотношениями между Японией и СССР. Конечно, обсуждался вопрос и о японо-германских переговорах и

заключении соответствующего соглашения между этими странами. При этом Литвинов, очевидно, цenia и свое время, и время посла, был откровенен: «Мы знаем текст этого соглашения со всеми его приложениями. Мы считаем совершенно тщетным всякие попытки заверить, что заключенное соглашение направлено против Коминтерна, а не против СССР. На эту тему в интересах экономии времени лучше не дискутировать...»

Что оставалось делать японскому послу во время этой беседы? Пришлось заявить, что он чрезвычайно сожалеет о том, что господин Литвинов не считает возможным принять то официальное разъяснение, которое было дано японским министром иностранных дел о том, что секретного соглашения не существует. Поскольку японский посол оставался, выражаясь обывательским языком, при своих интересах, нужно было поставить все точки над «i» и закончить дискуссию по этому щекотливому вопросу. Ответ Литвинова был корректным, сдержанным и не оставлял никаких кривотолков: «Я бы очень советовал господину Арита не настаивать на отсутствии секретного соглашения, ибо мы можем в конце концов решиться на опубликование документов, которые выставят в странном свете заверения господина Арита нам и другим правительствам».

Намек был ясно понят не только новым японским послом, но и Арита. После этого заявления Литвинова все выступления японского министра иностранных дел по поводу германо-японских переговоров сразу же прекратились.

В заключение, пожалуй, можно сослаться не на официальные дипломатические документы, а на мнение руководителя разведывательной организации в Японии. В своих воспоминаниях, написанных в тюрьме Сугамо, он отмечал: «В отличие от Берлина и Вашингтона

Москва лучше знала все, что касалось положения в Китае и Японии, поэтому ее нельзя было ввести в заблуждение. Знания, которыми обладал Советский Союз в отношении проблем Дальнего Востока, были намного выше тех, которыми располагали американское и германское правительства».

Выступление Литвинова на съезде и его беседа с японским послом были завершающим этапом разведывательной деятельности группы Зорге в 1936 году.

Информация, поступавшая из Токио, не только уходила «наверх» и докладывалась Ворошилову и Сталину, но и на самый дипломатический «верх» наркому Литвинову и его первому заму Стомонякову. И использовалась она в полной мере в самый подходящий момент. В этом и была высшая полезность разведки (военной и политической) – не только проинформировать высшее руководство страны, но и использовать полученную информацию на высшем дипломатическом уровне и так, чтобы поднять международный престиж своей страны. Конечно, Зорге не мог знать о содержании беседы Литвинова с новым японским послом. В газетах появилось только короткое сообщение о встрече, а все остальное упрятали в архив. Но о выступлении Литвинова на съезде он знал. Об этом писали все немецкие и японские газеты. И такой проницательный разведчик, как «Рамзай», прекрасно понял, что нарком использовал, в рамках допустимого, его информацию о секретных японо-германских переговорах. Трудно сейчас сказать, какие чувства он испытывал, читая японские и немецкие газеты, но чувство удовлетворения за отлично проделанную работу у него было. Этим выступлением, конечно невольно, разведчику дали понять, что его тяжелый труд не пропал даром, информацию не отправили в архив, а использовали полностью.

Но информацию, полученную от группы «Рамзая» в 1936 году, использовали не только для дипломатических демаршей. И в Кремле, и на улице Фрунзе в здании Наркомата Обороны понимали, что после заключения пакта и подписания секретного соглашения угроза конфликта на Дальнем Востоке стала более вероятной. Информация Зорге подтверждала этот вывод. Поэтому то соотношение, или, выражаясь современным языком, тот баланс сил между западной и восточной границами, который был достигнут в 1936 году, был сохранен. Крупных перебросок войск и военной техники по Транссибирской магистрали на Восток или на Запад не было.

Огромный регион от Иркутска до Владивостока оттягивал для защиты своих границ 25 процентов численности и вооружения РККА. 25 дивизий из 135 и 290 тысяч человек из 1145 тысяч были расположены на этой территории. 3700 орудий всех калибров и 3200 танков и танкеток прикрывали дальневосточные рубежи. Шесть тяжелобомбардировочных бригад, имевших на вооружении 300 тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 и четыре скоростные бомбардировочные бригады, вооруженные 345 новейшими бомбардировщиками СБ, составляли ударную группировку военно-воздушных сил Дальнего Востока. Общее количество самолетов, сосредоточенных на дальневосточных границах, включая авиацию Тихоокеанского флота, составляло 2189.

К 1 января 1937 года численность личного состава дальневосточной группировки войск Красной Армии в полтора раза превышала численность Квантунской армии. По артиллерии, авиации и танкам превосходство Красной Армии было еще большим. Общее превосходство, достигнутое над частями Квантунской армии в 1934—1936 годах, продолжало сохраняться.

Увеличивая численность войск в дальневосточном регионе, советское военное руководство учитывало непрерывное увеличение численности и вооружения Квантунской армии, подготовку к войне маньчжурского плацдарма, строительство по направлению к советским границам новых железнодорожных и шоссейных магистралей, сооружение аэродромов, способных принять тысячи боевых самолетов, строительство казарм, могущих вместить новые дивизии, перебрасываемые в Маньчжурию из Японии.

Советское политическое и военное руководство учитывало возможность быстрого сосредоточения японских частей в Маньчжурии в случае начала войны и держало на Дальнем Востоке достаточно мощную группировку войск, чтобы разбить в первых же боях части Квантунской армии и перенести боевые действия на территорию Маньчжурии.

А как оценивали работу разведывательной группы Зорге в Москве в это время? В деле Зорге хранится документ, в котором подробно анализируется работа группы в 1936 году. Вот выдержка из этого документа: «Информации Рамзая по основным вопросам развития японо-германских отношений и военно-подготовительным мероприятиям Германии и Японии были своевременными и полноценными. А, в частности, по вопросам японо-германских отношений и переговоров о военном сотрудничестве дана полная картина содержания и хода переговоров, основанная на ознакомлении с подлинными секретными документами германского посольства. Освещена деятельность японского военного атташе в Берлине Осима, позиция германского генштаба и точка зрения германского посла Дирксена и военного атташе Отта на проблему японо-германского сотрудничества». Оценка, как видно, вполне полная. Можно с уверенностью сказать, что благодаря точной и тщательно перепроверенной

информации группы Зорге в Москве о японо-германских секретных переговорах знали практически все. И эта информация была полностью использована и при разработке основных положений внешней политики по отношению к Германии и Японии, и при разработке мероприятий по укреплению западных и восточных границ страны.

В декабре 1936 года Зорге получил сообщение из Москвы. После расшифровки на листке бумаги появились строчки, заставившие сильнее забиться сердце разведчика. Итоговая оценка работы, которую Разведупр давал своей группе в Японии, была очень высокой: «... Не могу не отметить очень полную Вашу информацию во всех стадиях японо-германских переговоров, приведших к соглашению. Вы правильно нас информировали и помогли нам всегда быть на высоте в этом вопросе». В конце стоял номер, обозначавший подпись заместителя начальника Управления Артузова.

* * *

Руководство операцией осуществлялось из московского Центра. Что представлял Разведупр в 1936-м? Какие люди там работали и кто руководил токийскими разведчиками? Их профессиональная подготовка, их взгляды на операцию, методы работы, анализ и оценки получаемой из Токио информации и документальных материалов? В общем, повседневная московская разведывательная кухня – взгляд изнутри.

На все эти вопросы отвечает человек, попавший в эту организацию в апреле 1936-го и проработавший там до мая 1937-го. Его уволили из Разведупра за «связь с врагами народа».

В январе 1936 года Гудзь был отозван из Японии. По прибытии в Москву выяснилось, что Артузов, направлявший его в Токио, переведен на работу в Разведупр. Обстановка в аппарате органов безопасности, в том числе и в ИНО, была уже тогда крайне нервная и напряженная. Это сказывалось на приеме возвращавшихся из-за рубежа сотрудников. Вместо долгой и обстоятельной беседы с анализом обстановки в стране пребывания и результатов разведывательной работы – формальная встреча с пустым разговором, путевка в санаторий, и отдыхай до особого распоряжения. Такой подход создавал отчуждение, оскорблял своим невниманием и безразличием прибывающего работника разведки. Именно так к Гудзю отнесся помощник начальника ИНО Горожанин. Поэтому неудивительно, что, вернувшись из санатория, он позвонил Артузову. Артузов поздравил с возвращением и предложил немедленно встретиться у него в Разведупре.

Беседа была оживленной и содержательной. Артузов тут же пригласил начальника 2-го отдела Карина. Более двух часов эти два аса разведки слушали сравнительно молодого по опыту разведчика с нескрываемым интересом и вниманием, засыпав кучей вопросов. Особенно их интересовал жандармско-полицейский режим в стране, бытовые стороны жизни, отношение к иностранцам. В общем, ничего похожего со встречей в ИНО. В результате беседы Гудзю тут же предложили перейти на работу в Разведупр во второй отдел по линии Японии. Конечно, бывший резидент ИНО дал согласие. Артузов был его наставником еще с начала 1920-х, а Карина он знал как опытного разведчика, у которого можно было многому научиться. Артузов договорился с начальником ИНО Слуцким, и все бумаги были написаны, подписаны и отправлены по инстанциям. Новый сотрудник 2-го отдела приступил к

работе, не дожидаясь итогового приказа. Только 21 июля нарком обороны Ворошилов подписал совершенно секретный приказ № 00575: «Гражданин Гудзь Б. И., прибывший из НКВД, определяется в кадр РККА и зачисляется в распоряжение Разведывательного управления РККА».

Вот впечатления Гудзя о первых днях работы в новой организации:

«С первых же дней знакомства с делами Карин обратил мое внимание на досье операции „Рамзай“, и тут я впервые познакомился с Зорге. Это было примерно в апреле 1936 года. Этой операцией занимались начальник Управления Урицкий, его первый заместитель Артузов, начальник отдела Карим, начальник японского отделения Покладек, приобщился к ней и я. Фактически 2-й отдел курировал всю операцию от начала и до конца. Я изучал поступающие материалы, анализировал их, подготавливал проекты директивных писем и заданий „Рамзаю“. Подписывали письма и телеграммы Урицкий и Артузов.

Фактически получилось так, что я оказался помощником Карина. Первоначально мне было поручено ознакомиться с работой отделения по Японии. Но когда я познакомился с материалами операции «Рамзай», меня поразила шаткость и неотработанность легенды Зорге, чреватой самыми непредсказуемыми опасностями. Сверив свое впечатление с мнением Карина, а затем и Артузова, я убедился, что эта проблема, по их мнению, является проблемой № 1. Главная задача перед нами – обдумать, как укрепить позиции Зорге, как обезопасить его работу от

возможной, в любой момент, угрозы провала. Риск был чрезмерным».

У бывших контрразведчиков и разведчиков ИНО, пришедших в Разведупр, были свои взгляды на разработку легенд для нелегалов. Они привыкли с большой тщательностью и щепетильностью относиться к разработке легенд своих сотрудников. И им, прежде всего Артузову и Карину, казалась невероятной рыхлая, неаргументированная основа легенды Зорге, которая была разработана работниками Разведупра в 1933 году. Конечно, можно возразить, что Зорге и с такой легендой продержался еще пять лет и успешно работал все эти годы. И раскрыт он был не немецкой, а японской контрразведкой, которая о его коммунистическом прошлом и не подозревала. Но досье на партийного функционера Зорге хранилось в немецком полицейском архиве. В случае его обнаружения, а это могло произойти в любой момент, Зорге не мог бы дать никаких серьезно обоснованных объяснений, как и почему он превратился из коммуниста в фашистского журналиста. Такие объяснения были просто не предусмотрены в его легенде.

Разработка легенды операции «Рамзай» неизвестна исследователям. Документы, связанные с этой операцией, очевидно, никогда не будут рассекречены, и мы никогда не узнаем, чем руководствовались ее разработчики. Нельзя же принимать всерьез якобы «достоверные» описания споров и дискуссий о том, какое обличье принимал Зорге, между Берзиным, «Оскаром» и «Василием», которые даются в книгах Колесникова, Королькова и Голякова с Понизовским. Исследователи могут строить предположения и выдвигать версии. Но фактом остается то, что, по легенде, никаких документальных подтверждений его перевоплощения из коммуниста в журналиста

фашистского толка также не предусматривалось. Можно было под своим именем съездить летом 1933 года в Берлин и как-то выкрутиться в случае неприятных вопросов, как коммунист превратился в фашиста. Но жить восемь лет в Японии, ежедневно ожидая того, что какой-либо приезжий из Берлина может заявить: «Да Вы же коммунист, доктор Зорге! На Вас досье в полицей-президиуме», было очень трудно. Зорге знал, что досье существует, что оно может всплыть в любой момент, и все восемь лет не забывал об этом. Жить восемь лет под угрозой разоблачения – чего это ему стоило? Такое планирование операции было серьезным просчетом, в первую очередь Берзина как главного разработчика и вдохновителя операции «Рамзай».

И воспоминания Гудзя – одно из подтверждений версии о серьезной недоработке легенды:

«Наши планы вращались вокруг проблемы предупреждения реально возможного провала Зорге из-за явно неудовлетворительной легенды, вернее, почти ее отсутствия. Постоянно учитывалось обнаружение его прошлого как функционера германской компартии. Предполагалось, что рано или поздно фашисты могут докопаться до этого прошлого Зорге и, учитывая это, мы должны были выработать легенду, достаточно убедительную на этот счет.

Тут могла быть, как мы считали тогда, разработка версии об «истории» отхода Зорге от его коммунистических «заблуждений» (молодость, недооценка национального достоинства) под влиянием провала идеи интернационализма, явной недооценки германской национальной гордости. Не

исключалось изготовление документальных материалов – статей, дневниковых записей, составленных Зорге задним числом, на которые он мог бы опереться, сослаться, как на свидетельство его отхода от коммунистических бредней и перехода на позиции национал-социализма».

Но если Артузов, Карин, да и Гудзь испытывали чувство тревоги и опасения за судьбу Зорге и, конечно, всей операции «Рамзай», то у начальника японского отделения, которое непосредственно вело операцию, было несколько иное мнение и об операции, и о самом Зорге. Вот отрывок из воспоминаний Гудзя:

«Состоялось первое знакомство с полковником Покладеком, отделение которого курировало операцию „Рамзай“. Сперва меня удивило скептическое отношение Покладека к этой линии. Он, военный аналитик, побывавший в качестве стажера в японской армии и написавший книгу о японской армии, хорошо изучивший японский язык, недооценивал гражданских работников, узких специалистов по чистой агентуре. Таким он считал и Зорге. Считал его дилетантом и ничего полезного от него не ждал. Но по мере нашего знакомства мы все же стали находить общий язык.

Я подчеркивал политический аспект военного вопроса, необходимость глубокого изучения стратегического плана японской армии и связь этой проблемы с империалистической политикой. В доказательство приводил примеры из практики не только ИНО, но и таких разведчиков, как Кривицкий, резидент в Европе, который передал

Разведупру расшифрованные тексты стенограмм переговоров между Осима и Риббентропом».

Для более успешного руководства операцией «Рамзай» было решено создать в Китае транзитную резидентуру во главе с опытным работником, способным координировать деятельность Зорге. Этот человек должен был хорошо знать Зорге, пользоваться его полным доверием, обладать большими знаниями в области военно-политических проблем Дальнего Востока и иметь достаточно большой вес в руководстве военной разведки, чтобы с его мнением считались, а его рекомендации принимали к исполнению. После рассмотрения нескольких кандидатур Артузов и Карин пришли к выводу, что наиболее подходящим руководителем в Китае может быть заместитель Карина Лев Борович. Конечно, такой человек должен был быть не только «транзитным» резидентом, но и выполнять другие не менее важные функции в Китае. Можно высказать предположение, поскольку документальных доказательств пока нет, что Боровику было поручено восстановить и возглавить разгромленную в мае 1935 года после провала Бронина («Абрама») резидентуру Разведупра в Шанхае. Обстановку в Управлении и отделе, когда принималось это решение, хорошо передает Борис Гудзь в своих воспоминаниях:

«Одной из основных проблем в операции „Рамзай“ было создание более частой живой связи с Центром, хотя бы в виде транзитного представителя в пункте, близком к Японии. Объяснялось это тем, что Зорге при всех его положительных данных, вполне вписывающихся в оптимальные рамки его как разведчика (опыт журналиста-международника широкого профиля, эрудиция, знание языков, опыт нелегальной работы, знание конспирации, личная

смелость, находчивость, общительность, оперативность, критический подход к полученной информации), не имел необходимого опыта как разведчик-профессионал, недостаточно был знаком с работой контрразведывательных органов противника. Он нуждался в более частых встречах с квалифицированными представителями центрального аппарата Разведупра.

Поэтому было решено направить на продолжительное время «Алекса» в Шанхай. Учитывалось, что Зорге не может часто приезжать в Союз, а он постоянно нуждался в руководстве, которое не всегда можно осуществлять по радиосвязи. В Китай же, в частности, в Шанхай и Пекин, Зорге мог приезжать сравнительно естественно и беспрепятственно как политический корреспондент немецких газет, которого могли интересовать события в Китае.

Кстати, в то время уже откуда-то сверху появилось предложение о вызове Зорге в Москву для инструктажа. Это предложение было явно основано на недоверии к Зорге и желании проверить: если он в ответ на предложение прибыть в Москву для инструктажа откажется, значит, это будет свидетельствовать о его измене, а если он приедет, то... После обмена радиogramмами было решено вместе с ним, что поездка в Москву дело непростое, чреватое большими потерями во времени и может стать причиной его провала».

Вернулся Борович в Разведупр в январе 1935-го. Время было тревожное, и руководство военной разведки во главе с Берзиным и Артузовым старалось вернуть обратно в «шоколадный домик» всех опытных разведчиков и резидентов. За несколько лет многое изменилось в Разведупре. Новая организационная структура, новые отделы, которых не было в 1920-е годы, новые люди. Агентурный отдел, где он работал в

середине 1920-х, был разделен на два: западный и восточный. Заместителем начальника восточного отдела и назначили Боровича. Руководство, очевидно, решило, что он достаточно долго (более восьми лет) работал в Европе, мог примелькаться и попасть под наблюдение контрразведок европейских стран. Поэтому решили сменить место действия разведчика, выбрав для него азиатские страны, в которых он был никому неизвестен. В ноябре 1935 года были введены персональные воинские звания. Боровичу было присвоено воинское звание дивизионного комиссара, что соответствует теперешнему званию генерал-майора. Генерал военной разведки вернулся к своей основной профессии.

При назначении Боровича в Китай учитывалось и то, что он лично знал Зорге и еще в начале 1933 года, работая в Бюро международной информации, встречался с ним и обсуждал различные внешнеполитические проблемы во время подготовки разведчика к поездке в Токио. Наверняка встречались они и во время пребывания Зорге в Советском Союзе в 1935 году. Для поездки в Китай он взял свой старый псевдоним «Алекс». Но чтобы успешно работать в Шанхае и Пекине, нужна была солидная «крыша». И в Разведупре решили воспользоваться журналистским прикрытием. При этом опыт журналистской деятельности Зорге в Китае, а затем в Японии использовался в полной мере. Очевидно, учитывался и двухлетний опыт работы Боровича в Бюро, который позволил ему достаточно свободно ориентироваться в международных делах и не выглядеть дилетантом среди журналистской братии в Китае. Обратились в ТАСС, и руководство этой организации пошло навстречу военным разведчикам. Для своей разведывательной работы в Китае он получил фамилию «Лидов». И 14 марта 1936 года было подписано постановление,

согласно которому «Лидов Лев Александрович был назначен помощником заведующего отделением ТАСС в Шанхае с марта 1936 года».

30 апреля 1936 года «Лидов» прибыл в Шанхай. И началась тяжелая кропотливая работа военного разведчика. Нужно было освоиться в новой стране, новом городе, изучить обстановку. Да и работа, связанная с его журналистским прикрытием, отнимала много времени. Оперативная связь с Зорге была основной задачей Боровича в Китае. Но кроме этой связи были, конечно, и другие разведывательные задания. Шанхай и в 1920-х, и в 1930-х годах был крупным центром советской военной разведки в Китае, и сотрудников Разведупра в этом городе было много. Возглавлял ли дивизионный комиссар шанхайскую резидентуру? Документальных подтверждений пока нет, и здесь можно высказать только предположения. У него было много встреч и в Шанхае, и в Пекине, и в других городах Китая. К встречам нужно было готовиться: тщательно продумывать маршрут, иметь удобные места для контактов с людьми. И, может быть, самое главное, оставаться незамеченным, не выделяться среди сотен тысяч иностранцев, наводнивших этот китайский город. А это Борович, имевший огромный опыт нелегальной работы, умел делать мастерски.

Одна из сотрудниц Разведупра Раиса Мамаева, работавшая в это время в Китае и хорошо знавшая Боровича по предыдущей работе, писала в своих воспоминаниях: «Потом я узнала Алекса – агентурщика. Вернее, руководящего работника по закордонной работе. Он приехал в тот город, где работала и я. Теперь я увидела его в штатском. Он казался еще моложе – этаким немудрящий заграничный клерк, каких тысячи. В меру приметен, в меру прилично одет, в меру любознателен, в меру воспитан. Все в меру. И надо было

быть не просто разведчиком, а иметь громадный опыт за плечами и ту бешеную интуицию, без которой нет разведчика, чтобы понимать, что именно так надо уметь раствориться среди нужного круга, как умел это делать Алекс...»

В августе 1936 года радист группы «Рамзай» Макс Клаузен принял радиограмму из Центра: «Изыщите возможность немедленного личного контакта с Алексом. Желаем успеха». Никакой дополнительной информации Центр не сообщил, учитывая то, что оба разведчика отлично знали друг друга. Встреча состоялась, как это и было оговорено при обмене радиограммами с Центром, в Пекине, в парке у храма Неба. Через несколько лет Зорге в своих тюремных записках писал: «На этой встрече мы обсуждали с ним различные проблемы, связанные с нашей работой, в том числе организационные и политические». Во время встречи Зорге передал Боровичу микропленки документов о переговорах Германии и Японии по заключению Антикоминтерновского пакта, которые были сразу же переправлены в Москву. Эта ценнейшая информация подтверждала и дополняла материалы об этих переговорах, полученные Вальтером Кривицким в Европе. Возможно, были и другие встречи с Зорге и членами группы «Рамзай». Но документальных подтверждений таких встреч пока нет. В открытой печати, кроме встречи в храме Неба, о которой писал Зорге, никакой информации нет.

Весной 1937 года следователи НКВД начали раскрывать дело мифической организации «Польская организация войсковая», якобы существовавшей на территории Советского Союза. Арестовывали поляков, служивших в РККА, выбивали показания о принадлежности к этой организации и к работе на польскую разведку, требовали назвать соучастников. И арестованные, не выдерживая пыток, называли тех, с

кем работали, с кем вместе воевали на фронтах Гражданской. Фамилия Боровича как члена «ПОВ» появилась в показаниях арестованных сотрудников разведки, и участь дивизионного комиссара была предрешена.

5 мая приказом наркома обороны № 00106 он был уволен в запас, а в июне корреспондент ТАСС в Шанхае «Лидов» получил срочный вызов. 20 июня он выехал из Шанхая и 7 июля прибыл в Москву. 11 июля его вызвали для доклада. Домой он уже не вернулся – арестовали прямо в помещении Разведупра.

Дальше все шло по накатанной колее. После соответствующей обработки «признания» в работе на польскую разведку. Но для дивизионного комиссара принадлежность только к одной разведке выглядела несолидно. И от него потребовали дать «показания» о связях с немецкой разведкой. Его работы в Берлине секретарем делегации Исполкома Коминтерна в 1923 году и участие вместе с Карлом Радеком в 1922 году в переговорах с начальником штаба Рейхсвера было достаточно для следователя, чтобы обвинить его в работе и на немецкую разведку. Для большей убедительности Боровича заставили написать в этих «показаниях», что он был представлен немецкому разведчику полковнику Нидермайеру, который якобы завербовал его. Собственноручные «показания» с личной подписью были царицей доказательств того времени, и их было достаточно для суда.

25 августа состоялось закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда. Два листа протокола, имеющиеся в следственном деле, и 20 минут времени, включая чтение приговора, наглядно отражают конвейерную систему судебных расправ 1937 года. Боровича приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Справку о расстреле подшили в

следственное дело, дело сдали в архив. Человек исчез, и о нем забыли. Забыли настолько основательно, что в Главном Разведывательном Управлении Генштаба, правопреемнике знаменитого Разведупра, о Боровиче не вспомнили и в 1996 году, в годовщину столетнего юбилея разведчика. Такой была судьба одного из генералов разведки довоенного времени.

Поскольку Гудзь хорошо знал обстановку в Управлении и восточном отделе, в беседах с ним, еще в середине 1990-х, возник вопрос о личности начальника Управления. Совпадали ли его впечатления об этом человеке с тем образом, который складывался после ознакомления с архивными документами? Вот выдержка из его воспоминаний, написанных в начале 1990-х годов:

«Что касается отношения с начальником Разведупра Урицким, то я не могу сказать чего-либо определенного. Военные сотрудники за полгода его мало изучили, но те из них, которые побывали у него на приемах, не высказывали какого-либо восторга. Большинство из них отмечали сухость и формализм в отношениях с подчиненными. Не хватало компетенции. Некоторые из руководящих чекистов-разведчиков испытывали на себе неприязненное и даже грубое и бестактное отношение со стороны начальника Разведупра. Ко мне же он относился совершенно спокойно, не допускал никаких грубостей, не проявлял пристрастия при рассмотрении писем, которые я ему приносил на подпись. Все обсуждалось в корректной форме и почти всегда подписывалось без замечаний. Вопросы по содержанию текста получали деловой и аргументированный ответ – по-видимому, вполне его удовлетворявший.

Не могу забыть, как однажды я находился у него на докладе очередной почты, идущей по линии «Рамзай». Перед ним лежали напечатанные на тонкой папиросной бумаге тексты протокольных записей переговоров

Осима с Риббентропом и тексты телеграмм Осима в генштаб Японии о японо-германских переговорах. И вдруг Урицкий, потрясая этими страницами, сказал: «Ну как я пойду к нему с этими документами? Ведь он же ничему не верит!» Под словами «Он», «Ему», конечно, имелся в виду Сталин. Меня поразила даже интонация какой-то растерянности у комкора. В моем представлении «тупика» у начальника разведки в такой ситуации не должно было быть, так как он обладал таким надежным и убедительным материалом, будучи уверенным в источнике, от которого этот материал получен (Кривицкий)».

Интересно замечание в воспоминаниях разведчика о недоверии Сталина к информации военной разведки. Через несколько лет эти воспоминания нашли подтверждение в сборнике документов по истории советско-японских отношений, изданных в 1998 году. Уже анализировавшаяся докладная записка Урицкого, адресованная Сталину, совпадает и по содержанию, и по времени с воспоминаниями Гудзя.

После прихода Артузова с группой сотрудников ИНО и коренной перестройки центрального аппарата военной разведки антагонизм между старыми кадрами и «пришельцами» стал неизбежным. И не только потому, что в военном ведомстве не слишком жаловали чекистов. На взаимоотношения в руководстве Управления повлияло и то, что стратегическая разведка (первый и второй отделы) была отдана под начало Карина и Штейнбрюка. Асы Разведупра Никонов, Стигга, Давыдов, отдавшие военной разведке годы работы, оказались отодвинутыми на задний план. Борис Мельников, недавний помощник Берзина, вообще ушел из военной разведки и возглавил Службу связи Секретариата Исполкома Коминтерна.

В ходе ноябрьского (1935 года) присвоения персональных воинских званий «пришельцы» – Артузов,

Карин, Штейнбрюк, Захаров-Мейер (помощник начальника Управления) – получили звание корпусных комиссаров, а Никонов и Стигга – только комдивов. Возникновение недовольства со стороны «коренных» разведупровцев в той обстановке было неизбежным.

Новый начальник комкор Урицкий и по интеллекту, и по характеру значительно отличался от своего предшественника. Участник Первой мировой и гражданской, прошедший годы в кавалерийском седле, он воспринял характерный для части высшего комсостава РККА грубый и пренебрежительный стиль отношения к подчиненным. И если после прихода в Управление в мае 1935 года он сдерживал себя, войдя в новую для него атмосферу уважения, такта, внимательного отношения к сослуживцам, то через полтора года недостатки его характера и поведения стали заметны всем.

Урицкий прекратил обсуждение оперативных вопросов с начальниками двух ведущих отделов, все руководство с его стороны свелось к наложению резких и обидных резолюций по каждому мелкому упущению и вызовам в свой кабинет с угрозами снять их с должности. Конечно, подобный стиль руководства в разведке явно не годился.

Артузов, как первый заместитель, руководил стратегической разведкой, курируя основные отделы Управления. Но все указания и распоряжения этим отделам давались через его голову, превращая его в заместителя без определенных занятий. Артузов старался взять под защиту своих людей. Но до Ворошилова он добраться не мог, нарком никогда не вызывал его, предпочитая получать всю информацию о работе Управления от Урицкого.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова, конечно поддержанного Сталиным, Политбюро принимает решение об освобождении Артузова и

Штейнбрюка от работы в Разведупре с направлением их в распоряжение НКВД. Новым замом начальника Управления тем же постановлением был назначен старший майор госбезопасности (ранг, равный армейскому комдиву) Михаил Александровский. Штейнбрюка убрали, и важнейший отдел Управления остался без руководителя. Но Урицкому удалось поставить сюда профессионального разведчика: из НКВД в первый отдел никого не прислали и врид (временно исполняющим должность) его начальника стал сотрудник Управления полковник Стефан Узданский. Полковник во главе крупнейшего отдела (пусть даже врид) вместо корпусного комиссара – явление, ставшее обычным для РККА 1937 года, когда командиры среднего звена взлетали, как метеоры, на генеральские должности и через несколько месяцев исчезали в недрах Лубянки. Узданский продержался на этом посту, очевидно, до мая 1937 года, после чего разделил судьбу Артузова, Штейнбрюка и Александровского.

Карин на должности начальника второго отдела удержался. Вряд ли в этом была заслуга Ворошилова. Если нарком «сдал» Артузова и Штейнбрюка, то вряд ли он отстаивал на заседании Политбюро и Карина. Скорее всего, причина была в том, что достойной замены Карину пока не было. Очевидно, это признавал и Сталин. Несколько месяцев Карин продержался и продолжал руководить отделом, но и его судьба была предрешена.

После февральско-мартовского пленума ЦК наступило временное затишье: в НКВД готовились, собирая «компромат» на военных; в Разведупре ждали, понимая, что вскоре за Артузовым и Штейнбрюком последуют многие другие. Неуютно чувствовал себя и Урицкий, стараясь как-то оправдаться. На одном из партсобраний Разведупра, 19 мая, он жаловался, может быть, и справедливо: «Причины, почему я пришел в

Управление, всем известны. Это были причины прорыва. И те люди, которые остались здесь, должны были мне помочь. Я привел сюда, и здесь были люди, которые мне мало помогали. Разведчики мы все вместе с вами плоховатые...» Но весной 1937-го подобная самокритика уже не помогала. Добиваясь у Ворошилова, а через него и у Сталина изгнания Артузова из Управления, Урицкий рубил сук, на котором сидел. После ухода опытного и квалифицированного зама слабая компетентность руководителя военной разведки выявилась в полной мере. Новый зам Александровский также ничем не мог помочь своему начальнику. К военной, да и к политической разведке он отношения не имел. В итоге Урицкий был освобожден от руководства Управлением и сдал дела Берзину, вернувшемуся из Испании и получившему за нее орден Ленина и четвертый ромб в петлицы, то есть звание командарма 2-го ранга (что соответствует современному званию генерал-полковника).

3 июня Берзин вернулся в свой кабинет, оставленный в апреле 1935-го, став на короткое время начальником Разведупра. А 21 мая на совещании в Разведупре выступил Сталин и заявил: «Разведуправление со своим аппаратом попало в руки немцев», потребовав роспуска агентурной сети. Такая оценка деятельности военной разведки была для руководства НКВД сигналом к уничтожению руководящих кадров Управления.

До Разведупра НКВД добрался в июле. В одном из дел рассекреченного фонда Главпура хранятся протоколы партийных собраний Разведупра. В них десятки фамилий арестованных с их краткими биографическими данными. Конечно, это неполные списки арестованных и погибших сотрудников военной разведки. Но они дают некоторое представление о том, какие потери понес Разведупр в 1937-м. Двадцать

человек из руководящего состава Разведупра были взяты на Лубянку, и именно новому начальнику Управления пришлось докладывать об этом на заседании партбюро 19 июля. Что чувствовал Берзин, называя шпионами и террористами людей, с которыми проработал годы, которых отлично знал и которым полностью доверял? Догадывался ли, что многолетняя работа с «врагами народа» бросает тень и на него?

В Разведупре созвали закрытое партийное собрание 20-го июля. В президиуме Берзин со своими ближайшими помощниками Никоновым и Стиггой, сменившим арестованного Узданского на посту начальника первого отдела. В зале 200 пар глаз, устремленных на докладчика. Докладывает секретарь парткома Управления бригадный комиссар Гай Туманян. Повестка дня: «Об исключении из рядов ВКП(б) бывших работников Разведупра, арестованных органами НКВД как врагов народа». Их осудили единодушно, протокол собрания отправили в Наркомат обороны.

В числе арестованных были комкор Геккер, корпусные комиссары Штейнбрюк, Карий, Захаров-Мейер, дивизионный комиссар Борович, комбриг Беговой, полковники Узданский, Мазалов, Иодловский; состоявшие в распоряжении Разведупра и нелегально работавшие за рубежом полковые комиссары Максимов, Юревич, а также Софья Залесская; пришедший в 1936 году из Коминтерна на должность помощника начальника Разведупра Мирон (Абрамов) и заменивший Артузова Александровский.

Арест такой большой группы сотрудников вызвал цепную реакцию смещений, перемещений, новых назначений. Полковник Покладек был отправлен в Хабаровск в штаб ОКДВА на должность начальника разведывательного отдела штаба армии. Должность была солидной, в отделе было около ста сотрудников, но это было временное назначение. Через несколько

месяцев он был арестован вместе с большой группой сотрудников этого отдела. 1 августа положение в Разведупре в связи с разоблачением «врагов народа» обсуждалось на Политбюро. Было принято решение: «Освободить Я. К. Берзина от обязанностей начальника Разведывательного управления РККА с оставлением его в распоряжении Наркомата Обороны». После ареста соратников, с которыми Берзин работал многие годы, оставление его в распоряжении наркомата означало последующий арест. И Берзин, и его подчиненные это прекрасно поняли. Военная разведка все больше попадала под влияние НКВД. В том же постановлении Политбюро Ежову поручалось «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать по согласованию с Наркоматом Обороны неотложные оперативные меры, выявить недостатки Разведупра и через две недели доложить свои предложения об улучшении работы Разведупра и указания по свежим кадрам». Теперь Ежов становился полновластным хозяином военной разведки.

Первым заместителем начальника Разведупра был назначен старший майор госбезопасности Семен Гендин. Ни к военной, ни к политической разведке он не имел никакого отношения, но это в Политбюро уже никого не интересовало. Заместителем по агентуре был назначен комбриг Александр Орлов – военный атташе в Германии. Об аресте комбрига Августа Гайлиса (Валина), сменившего Карина на должности начальника второго отдела, было объявлено на партийном собрании уже 10 августа. 19 августа на очередном заседании партактива Туманян сообщил: «Пятнадцать дней, как начальник Управления т. Берзин отстранен от работы начальника в связи с имевшими у нас место арестами врагов народа Никонова, Валима, Стельмаха...»

Поиски «врагов народа» в Разведупре продолжались. 15 октября на очередном партсобрании

сообщили об аресте полковника Виктора Федорова – начальника маньчжурского отделения второго отдела. 3 декабря на партсобрании обсуждался самый большой список арестованных. На этот раз взяли всех оставшихся на свободе асов, проработавших в разведке многие годы. В списке 22 человека, и первый среди них – командарм 2-го ранга, герой Испании Берзин. Второй – комдив Стигга, руководивший агентурной разведкой на европейском континенте. В этом же списке арестованных начальник китайского отделения второго отдела полковник Карл Римм. Вместе с ним была арестована его жена Любовь Римм, работавшая вместе с мужем и Рихардом Зорге в Китае. Второй восточный отдел Разведупра был полностью разгромлен. В нем не осталось ни одного опытного сотрудника. Все, кто вели разработку операции «Рамзай» в 1936 году, были арестованы. Последние из могикан разведывательной службы оставляли после себя пустые кабинеты и оборванные связи с зарубежной агентурой. Наступал полный паралич центрального аппарата военной разведки.

* * *

Конечно, Рихард Зорге не мог знать подробностей разгрома руководства военной разведки, не мог догадываться, что из «шоколадного домика» исчезли все, кого он видел там во время своей последней поездки в Москву в 1935 году. Что-то ему мог сообщить Борович во время встречи в Пекине. Но Борович уехал из Москвы в апреле 1936-го, когда массовые репрессии в Красной Армии еще не начинались и никакими точными данными о фамилиях арестованных он не располагал. Конечно, и по сообщениям мировой прессы, и по тону радиogramм и указаний из Центра он

чувствовал тяжелую обстановку в Москве, но ничего более конкретного он знать не мог. Но несмотря ни на что в этих изменившихся условиях группа «Рамзай» продолжала работать так же интенсивно, как и в 1936 году. Обстановка в Японии менялась и требовала пристального внимания со стороны всех членов группы, прежде всего Зорге и Одзаки.

Правящие круги в Токио хорошо понимали, что в сложившейся к тому времени международной обстановке для дальнейшей агрессии на Азиатском материке, для войны с Советским Союзом маньчжурского плацдарма и промышленной базы на территории «независимого» государства уже недостаточно. Поэтому, чтобы обеспечить свою страну необходимым для войны промышленным и сельскохозяйственным сырьем, чтобы избавиться от импорта и обеспечить свой тыл на случай «большой» войны, было решено начать агрессию в Северном Китае. Об этом думали в токийских кабинетах еще в 1936 году. 11 августа 1936 года совет пяти министров империи принял внешнеполитическую программу, в которой указывалось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, прояпонскую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и к расширению транспортных сооружений...»

Информация о совещании и принятом на нем решении стала известна Одзаки и Зорге и была немедленно передана по радио в Москву. Информация из Токио произвела сильнейшее впечатление в Центре. В разгар японо-германских переговоров, направленных против Советского Союза, правительство империи меняет направление агрессии, поворачиваясь с Севера на Юг. В это было трудно поверить, и от разведчиков немедленно потребовали доказательств.

У Зорге и у его группы появились новые заботы. Когда в Москве в кабинетах Берзина и Урицкого определялись задачи разведывательной группы «Рамзай», то, естественно, невозможно было предвидеть японскую агрессию против Китая. Поэтому, когда в начале 1937 года с континента потянуло пороховой гарью, Зорге и его товарищи стали самым внимательным образом следить за развитием японо-китайских отношений, за тем, как этот конфликт влиял на усиление армии и флота островной империи и ее взаимоотношения с Англией и США. Через несколько лет Зорге писал об этом периоде в своих записках: «Японо-китайская война представлялась нам очень важной с точки зрения экономической. Ведь переход к созданию тяжелой промышленности и к экономике военного времени осуществлялся в период начавшейся войны. Нам представился великолепный случай тщательно проследить за тем, какие меры принимает Япония в связи с начавшейся войной, как происходит усиление флота, как ведется реорганизация армии. Военные события явились как бы испытательным полигоном для переформирования японской армии, усиления ее оснащенности, и мы могли вести разнообразные наблюдения в „том направлении“. Великолепная оценка ситуации. И здесь Зорге-аналитик, пожалуй, превосходит Зорге-разведчика.

Был и еще один комплекс вопросов, к изучению которых было приковано внимание Зорге. Речь шла о взаимоотношениях Японии с Англией и США. До начала войны в Китае не исключалась возможность, что Япония может начать агрессию против Советского Союза при активной поддержке Англии и США. И для таких опасений были серьезные основания. Англия в прошлом была союзницей Японии, и США доброжелательно относились к этому союзу. Но как только японская агрессия в Китае начала распространяться на

центральные и южные районы страны, то есть туда, где преобладали экономические интересы этих стран – их хорошим отношениям пришел конец. Когда лезут в чужой огород и хотят пожить за чужой счет, то тут уже не до дружбы и союзничества. Естественно, что Зорге, чутко улавливающий малейшие нюансы в изменении взаимоотношений между Японией и другими странами, сразу же обратил на это внимание. Японо-китайская война с самого начала несла в себе возможность ухудшения отношений между тремя тихоокеанскими державами, и Зорге понял это раньше многих дипломатов, аккредитованных в Токио. Поэтому сразу же после начала войны в Китае у группы «Рамзай» появились новые заботы. Нужно было следить за взаимоотношениями между тремя странами, анализировать малейшие изменения в этих отношениях, предугадывать возможные события и давать им правильные оценки.

На рассвете 7 июля 1937 года заговорили японские орудия у Лугоуцяо. Мост Марко Поло, где так красиво «предрассветное лунное сияние», пересекли японские кавалеристы. Японские бомбардировщики обрушили сотни бомб на позиции китайских войск, и на земле Китая начался очередной «инцидент». По сложившейся уже в Токио «традиции» Япония не стала объявлять войну Китаю. И перед группой Зорге встали новые проблемы. Нужно было информировать Москву о том, что же происходит на полях под Пекином. После анализа всей информации, добытой членами группы, в Москву было отправлено сообщение о том, что июльский «инцидент не просто полицейская акция, а начало большой войны Японии с Китаем».

Первые недели и месяцы 1937 года потребовали от Зорге и его товарищей напряжения всех сил. Группа с каждым годом работала все интенсивнее, и, естественно, поток информации, требовавший

тщательной обработки и анализа, возрастал. В Москву шли сообщения о развитии японо-германских отношений после подписания пакта, о состоянии и усилении японской армии, о разногласиях между руководством армии и военно-морского флота по поводу дальнейшего направления японской агрессии на север или на юг. Как и в предыдущий год, одним из основных источников информации было германское посольство. Как и прежде, военный атташе Отт и посол Дирксен были откровенны с корреспондентом «Франкфуртер цайтунг».

Надо отметить одно обстоятельство, которое наложило отпечаток на дальнейшую деятельность Зорге. В 1937 году он получил официальное разрешение Москвы на сотрудничество с Берлином. Об этом не писали наши авторы советского периода. Уж слишком одиозной выглядела бы фигура Зорге после такого признания. В Центре понимали: чтобы иметь положение в посольстве и влияние на посла и военного атташе – «надо делиться». И Зорге делился, получая в обмен ценнейшую информацию. Будучи журналистом-международником и работая в мире информации, он не только получал ее, но и должен был щедро давать, и не только немцам, но и американцам и англичанам. Он был не только журналистом, но и политическим аналитиком по проблемам Дальнего Востока, равного которому не было в Японии. Это признавали и в германском посольстве в Токио, и в Берлине. Он составлял официальные секретные отчеты в Берлин, под которыми появлялась подпись военного атташе, а затем и посла Отта, и эти документы высоко ценились в столице рейха. Их подлинное авторство не было секретом для высокопоставленных берлинских чиновников. Это подтверждает и руководитель немецкой политической разведки Вальтер Шелленберг в своих мемуарах. От Зорге в Берлин шла свежая,

достоверная, а иногда и секретная информация о событиях в Японии. Источником этой информации был Одзаки, и она высоко ценилась в германском МИДе. Германская разведка: военная и политическая, – конечно, имела своих представителей в Японии. Но никто из них, не говоря уже о германских дипломатах, не обладал такими широкими, главным образом неофициальными, связями в правящих кругах Японии. И, конечно, никто не мог так четко и конкретно проанализировать полученную информацию. У советского разведчика здесь не было конкурентов.

Он мог правильно оценивать информацию, прогнозировать события, анализировать обстановку. Его прогнозы, которые поступали и в Москву, и в Берлин, сбывались, как правило, с точностью до мелочей. Поэтому разведчик мог позволить себе не только анализировать и прогнозировать ситуацию, но и давать рекомендации. В Берлине к ним прислушивались, в Москве – не очень, а после начала репрессий, когда Зорге попал в обойму «банды Берзина», и вообще не обращали внимания. Возникает естественный вопрос: на кого работал Зорге? Конечно, Зорге был величайшим разведчиком XX века и работал на советскую военную разведку – Разведупр. Вся ценнейшая информация, анализ, прогнозы и рекомендации отправлялись в Москву. С разрешения Москвы часть информации поставлялась Берлину, и в Москве знали об этом. Поэтому не может быть и речи о нем как о «двойнике». Москва знала, что он работает на Берлин, но в Берлине не догадывались о том, что он работает на Москву.

Конечно, нельзя сказать, что абсолютно все доклады Отта и Дирксена писал Зорге. Но и содержание тех докладов, которые составляли эти немецкие дипломаты, с оценкой взаимоотношений между двумя странами, часто становилось известно Зорге и

своевременно передавалось в Москву. В одном из сообщений, отправленном 31 января, давалась оценка Японии как будущему военному союзнику Германии. И Дирксен, и Отт считали, что при наличии кризиса в Японии страна должна иметь несколько лет передышки, прежде чем она снова сможет развить активную внешнеполитическую деятельность. Поэтому посол и военный атташе, в некоторой мере не без влияния со стороны Зорге, были настроены к японцам более скептически, чем прошлым летом. Наступило отрезвление после милитаристского угара, вызванного подписанием антикоминтерновского пакта.

В одной из январских радиogramм почти дословно сообщалось о беседе с Оттом. Военный атташе разоткровенничался и сообщил о положении дел в вермахте и военной промышленности. По его мнению, вооружение вермахта потребует больше времени, чем предполагалось ранее. Мало было квалифицированных кадров, подготовленного командного состава, военной техники. Много было оружия устаревших образцов, оставшегося еще с Первой мировой войны. Исключительно тяжелым было и положение со стратегическим сырьем, в первую очередь каучуком, цинком, медью, оловом. По мнению Отта, Германия может рискнуть начать серьезную войну не раньше, чем через четыре года, то есть в 1941 году. Естественно, что такая подробная информация в начале 1937 года была высоко оценена в Москве. И вот с очередным заданием в Токио пришло сообщение о том, что Зорге и Клаузену за отличную работу объявлена благодарность в приказе по Разведывательному управлению.

Но особенно важным был анализ внешнеполитического курса империи в 1937 году, данный Зорге и Одзаки. Несмотря на обострение обстановки на советско-маньчжурской границе, на провокации на границе с МНР, несмотря на то что к

1937 году в Маньчжурии уже находилась треть всех вооруженных сил страны и Квантунская армия выросла в несколько раз, разведчики пришли к смелому выводу. После того как Одзаки удалось познакомиться с документом, определяющим внешнеполитический курс империи и сфотографировать его, Клаузен передал в Центр короткую радиogramму: «Японцы стремятся создать у других держав впечатление, будто они собираются незамедлительно вступить в войну с Советским Союзом. У меня складывается другое мнение: Япония не собирается начинать войну в ближайшее время. Все ее внимание устремлено на континентальный Китай. Подтверждение высылаю обычной связью».

Прогноз политической обстановки на Дальнем Востоке, данный Зорге в этой короткой радиogramме, и на этот раз оказался абсолютно точным. Что же позволяло советскому разведчику безошибочно прогнозировать события? На этот вопрос он дал ответ в своих записках. Вот что он писал: «Было бы ошибкой думать, что я посылал в Москву всю собранную мною информацию. Нет, я просеивал ее через свое густое сито и отправлял, лишь будучи убежденным, что информация безупречна и достоверна. Это требовало больших усилий. Так же я поступал и при анализе политической и военной обстановки. При этом я всегда отдавал себе отчет в опасности какой бы то ни было самоуверенности. Никогда я не считал, что могу ответить на любой вопрос, касающийся Японии». В этом был весь Зорге: огромная работа по анализу получаемой информации, величайшая ответственность в информации для Москвы и большая скромность при определении своих возможностей.

Война в Китае и численное увеличение японской армии требовали самого пристального внимания разведывательной группы к развитию вооруженных сил

империи. Об этом же напоминала и Москва в своих заданиях. Генштаб РККА интересовали все этапы реорганизации японской армии. В первую очередь, это касалось частей Квантунской армии, реорганизация которых проводилась с учетом опыта боев в Китае. Задание было исключительно сложным и опасным. По японским законам смертная казнь полагалась не только за разглашение военной тайны, но даже за попытку узнать эти тайны. После начала войны в Китае в армии резко возросло число офицеров военной контрразведки, и получение любой информации о действиях Японии в этой стране стало смертельно опасным. Много данных о развитии и реорганизации японской армии получал Мияги, который поддерживал контакты с офицерами генштаба и воинских частей. Военная информация общего характера поступала и от Вукелича, который общался с английским военным атташе Френсисом Пиготом, корреспондентами крупнейших западных газет и сотрудниками английского и французского посольств. Изыскивал новые возможности для получения военной информации и Зорге. И здесь в большой мере получению информации способствовала его слава лучшего немецкого корреспондента на Дальнем Востоке.

Германский военный журнал «Вермахт» поручил ему написать статью о современном состоянии армии своего дальневосточного союзника. Просьба была написана на бланке редакции и снабжена соответствующими подписями и печатями. С этим письмом Зорге обратился непосредственно к начальнику Центрального управления военного министерства генералу Муту. Генерал принял корреспондента, уже хорошо известного в японском генштабе, и поручил сотрудникам министерства и военной контрразведки «кемпейтай» предоставить ему нужную информацию. Зорге побывал на маневрах

Квантунской армии, на которые обычно не допускались иностранные корреспонденты, беседовал с японскими генералами и офицерами, которые были весьма откровенны с корреспондентом «братьев по оружию», и получил новейшие данные о состоянии и оснащении японских войск. Статья под броским заголовком «Японская армия сегодня: от самурая к танковым войскам» была летом 1937 года напечатана в журнале и вызвала самую благоприятную реакцию в Токио. Конечно, вся информация, полученная во время работы над статьей и, естественно, более подробная, была своевременно переправлена в Москву.

Тайная война

Тайная война – не только разведывательные операции, диверсии и схватки разведок. Понятие тайной войны значительно шире. Сюда входят и дипломатические поединки послов с мидовскими чиновниками страны пребывания, когда каждый скрывает свои мысли и отстаивает интересы своей страны. Но к тайной войне можно отнести и деятельность высшего военного руководства, когда на основании информации оценок и рекомендаций разведки отдаются указания об усилении того или иного региона страны. По приказу из центра снимаются со своего места дислокации воинские части, и под покровом темноты и тайны на платформы и в вагоны грузятся войска и боевая техника. Воинские эшелоны исчезают в неизвестном направлении, и только немногие в Москве знают конечный пункт назначения.

Конечно, полностью скрыть переброски большого количества войск и техники через всю страну было невозможно. На некоторых участках трасса Транссибирской железной дороги проходила у самой границы, и рассмотреть при наличии немецкой оптики, какую боевую технику везут на платформах, и подсчитать ее количество было можно. Японская агентура в наших пограничных районах тоже не дремала. Так что в разведывательном отделе японского генштаба узнали, сколько войск и техники сосредотачивается за Амуром. В ответ на такое усиление в Токио планировали и осуществляли ответные действия. В японских портах на войсковые транспорты грузили личный состав и боевую технику, и новые дивизии отправлялись на материк. Территория «независимого» государства Маньчжоу-Го, – японский

плацдарм на азиатском материке, – пополнялась новыми частями, и в штабе Квантунской армии планировали, где лучше разместить новые полки и дивизии, перебрасываемые из метрополии.

В штабе ОКдва в Хабаровске также внимательно следили за тем, что делается за Амуром. Разведотдел штаба имел свою агентурную сеть во всех ключевых точках «независимого» государства. Порты, железнодорожные узлы, крупные города находились под пристальным контролем советской агентуры. И если просмотреть комплекты разведывательных сводок штаба армии хотя бы за 1934—1935 годы, то можно прийти к выводу, что о своем возможном противнике в Хабаровске знали все. Численность, дислокация, вооружение, командный состав, фамилии и послужные списки командиров частей были известны досконально. Количество винтовок, пулеметов, орудий, танков и самолетов было подсчитано по каждой японской части. Появление каждой новой воинской части, и особенно танковой или авиационной, бралось под особый контроль и о ней последовательно сообщалось в каждой разведывательной сводке с упоминанием все новых подробностей, которые удалось добыть агентуре. Во всех разведывательных сводках основным источником информации было трафаретное сообщение: «по АГД» – по агентурным данным.

Вот только один пример с механизированной бригадой. Это соединение Квантунской армии, и первое в японской армии, начало формироваться в феврале 1935 года. И сразу же первые сообщения об этом в разведывательных сводках штаба ОКДВА. В сводке от 7 февраля короткое сообщение: по достоверным данным, в Ганьчжулине формируется отдельная мотомеханизированная бригада. Указывается и состав бригады. В сводке от 27 февраля подтверждается сообщение о формировании и дается название новой

части: «1-я отдельная смешанная бригада». В сводке от 22 марта уточняется структура бригады и сообщается количество танков в ее подразделениях. В сводке от 10 ноября уже указывается численность бригады, ее вооружение и то, что это соединение имеет 140 танков и 120 автомашин. Также внимательно отслеживались в сводках и формирования новых авиационных полков с указанием количества и типов самолетов.

Так и старались обе стороны втайне перебросить, разместить, скрыть от посторонних глаз как местных жителей, так и от агентуры противника. Иногда это удавалось, а иногда и нет. Конечно, скрыть переброску людей в закрытых вагонах или замаскировать на платформах орудия и танки было нетрудно, а вот скрыть переброску на железнодорожных платформах подводных лодок или переброску по воздуху эскадрилий тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 было невозможно. Информация о таких перебросках попадала на страницы мировой прессы, и начиналось обсуждение того, как появление подводных лодок или тяжелых бомбардировщиков в Приморье может повлиять на политику Японии по отношению к Советскому Союзу. Но обо всем этом писали только иностранные газеты. Советские газеты хранили молчание – военная тайна!

Весной 1933 года линейные корабли островной империи все чаще и чаще стали выходить в Японское море. Жерла орудий главного калибра линкоров поворачивались в сторону Приморья и Владивостока. Японские адмиралы потирали руки, предвкушая бомбардировку советских городов, высадку десантов в удобные бухты. Планы нападения на советский Дальний Восток с суши и с моря были разработаны в японском генеральном штабе еще в конце 1920-х годов. Флота у Советского Союза на Дальнем Востоке не было, и никакого сопротивления не предвиделось.

Но летом 1933 года в разведывательное управление японского генштаба стали поступать донесения, которые значительно охладили пыл любителей легких прогулок к чужим берегам. Резиденты японской разведки, сидевшие в различных пограничных пунктах Маньчжурии и тщательно наблюдавшие за Транссибирской магистралью, которая в некоторых местах просматривалась с маньчжурской территории, сообщили о необычных железнодорожных эшелонах, следовавших к Владивостоку. При этом в донесениях отмечалось, что на некоторых железнодорожных платформах были установлены крупногабаритные грузы, тщательно укрытые досками и брезентом.

Весной 1933 года с Балтики к берегам Тихого океана потянулись эшелоны особого назначения. Графики их движения, пункты отправления и назначения были известны в штабе РККА, пожалуй, только начальнику военных сообщений и начальнику штаба. Обходя крупные города, передвигаясь в основном ночью, они медленно двигались на Восток. На стоянках, на запасных путях станций, специальная охрана тут же оцепляла эшелон. Донесения об их продвижении поступали в Москву: прошли Волгу, перевалили через Урал, прошли Западную Сибирь и, наконец, позади остался Байкал. Два мощных паровоза тянули пассажирские и товарные вагоны, а в середине состава была многоколесная железнодорожная платформа, закрытая деревянным кожухом. С Балтики на Дальний Восток перебрасывалась железнодорожная береговая батарея крупнокалиберных орудий, предназначенная для усиления береговой обороны главной базы Тихоокеанского флота – Владивостока.

Фотографии, сделанные с наблюдательных вышек цейсовской оптикой, тщательно изучались экспертами японской разведки. Выводы были неутешительными для японских адмиралов. По мнению экспертов, на

многоосных железнодорожных платформах, достаточно хорошо им знакомых по фотографиям в американских военных журналах, могли находиться орудия береговой артиллерии, равные орудиям главного калибра японских линейных кораблей. Установить характер крупногабаритных грузов, перевозившихся на железнодорожных платформах, экспертам не удалось.

Конечно, командование советского флота не рассчитывало только на береговые орудия, даже такие мощные. Другие эшелоны особого назначения везли с судостроительных заводов Ленинграда и Николаева подводные лодки, торпедные катера и даже сторожевые корабли. Подводные лодки типа «М» («Малютка») и торпедные катера доставлялись в собранном виде, подводные лодки типа «Щ» и сторожевые корабли разбирались на несколько частей, удобных для транспортировки по железным дорогам.

А потом появлялись приказы, подписанные наркомом обороны Ворошиловым:

«1. Построенные на заводе в г. Николаеве 8 малых подводных лодок типа „М“ включить в состав морских сил РККА, с зачислением во вторую бригаду подлодок ТОФ.

2. Построенные на Балтийском заводе в г. Ленинграде и собранные на Дальзаводе 10 подлодок типа «Щ» включить в состав морских сил РККА, с зачислением в первую бригаду подлодок ТОФ.

3. Сторожевые корабли «Метель» и «Вьюга», построенные в г. Ленинграде и собранные на Дальзаводе, включить в состав морских сил РККА, с зачислением в ТОФ...»

К лету 1935 года в составе Тихоокеанского флота было уже три бригады подводных лодок типов «М» и

«Щ», переброшенных из Ленинграда и Николаева по железной дороге.

Разрабатывавшиеся в японском генштабе в конце 1920-х годов планы нападения на дальневосточные границы страны базировались на той информации о вооруженных силах СССР, которую японская разведка тщательно собирала во всех европейских странах, и в первую очередь у наших западных соседей. Разведки Польши, Румынии, Финляндии охотно делились имевшейся информацией с японскими коллегами, надеясь, что агрессия Японии на Дальнем Востоке отвлечет значительные силы РККА с западных границ и облегчит развязывание военных авантур против СССР. Но ни разведки этих стран, ни японская разведка в те годы не предполагали возможности появления и переброски крупных военно-морских сил через всю страну.

Военный атташе Японии в столице «третьего рейха» сообщал в Токио все сведения, которые получал от абвера и заграничной разведки службы безопасности. В этом шпионском альянсе не было ничего неожиданного. Еще в 1929 году заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс побывал в Японии и написал солидную диссертацию о разведке Страны восходящего солнца. С этого времени и установились самые тесные связи между руководством нацистской партии и японской разведывательной службой.

Летом 1933 года Берлин получил сведения, что на судостроительных заводах Ленинграда и Николаева строятся небольшие подводные лодки. Имелись в виду лодки «М» и «Щ», строительство которых развернулось в начале второй пятилетки. Эти лодки целиком, или разобранные на несколько частей, грузились на специальные платформы и отправлялись в неизвестном направлении. В водах Финского залива и Черного моря агентуре обнаружить их не удалось. Конечные пункты

назначения специальных эшелонов тоже не были выяснены немецкой разведкой.

Кстати, следует отметить, что поступление информации из Ленинграда и Николаева вскоре прекратилось. Советская контрразведка своевременно прихлопнула резидентуры немецкой разведки в этих городах.

В это же время офицеры японского военно-морского флота, которые под видом матросов или капитанов рыболовных шхун лезли в территориальные воды Приморья, стали замечать появление около дальневосточных берегов торпедных катеров и небольших подводных лодок. Число этих боевых кораблей все время возрастало. Было отмечено и появление торпедных катеров без экипажей, при этом их всегда сопровождали летающие лодки. Тревожные сообщения, поступившие с рыболовных шхун в японский генеральный штаб, позволили экспертам японской разведки прийти к выводу, что исчезнувшие из Ленинграда и Николаева подводные лодки появились у советских дальневосточных берегов. Особенно беспокоили сообщения о торпедных катерах, управляемых по радио с самолетов. Эти маленькие и почти неуязвимые корабли, обладавшие огромной скоростью, представляли большую опасность для линейных кораблей и тяжелых крейсеров японского флота.

Быстрые мероприятия военного руководства СССР по укреплению дальневосточных рубежей отрезвляюще подействовали на японских адмиралов. Дальнобойные береговые орудия, подводные лодки и торпедные катера могли нанести большой урон крупным кораблям японского флота в случае военной авантюры. Легкая военная прогулка к незащищенным берегам была уже невозможна, а терять линейные корабли от торпедных атак не хотелось, особенно в предвидении будущей

схватки с американским флотом за господство в Тихом океане. В памяти японских адмиралов еще были свежи события Первой мировой войны, когда линейные корабли отправлялись на дно от атак подводных лодок и торпедных катеров.

Японская разведка, имевшая солидную агентуру и в Европе, и в Америке, очень внимательно наблюдала за развитием военной авиации крупнейших стран мира. Тщательно исследовалось и развитие воздушного флота СССР. Экспертов японского генерального штаба интересовали тактико-технические данные военных самолетов, которые в случае войны могли появиться над городами и долинами Маньчжурии. О большем эксперты не думали. Японские острова, отделенные от суши сотнями и тысячами километров морей и океанов, считались совершенно недоступными для воздушного нападения любой державы мира.

К середине 1930-х годов в разведывательное управление японского генштаба начала поступать тревожная информация. И агентура в Приморье, которая оставалась там со времен японской интервенции, и разведывательные пункты, расположенные в Маньчжурии и Северной Корее у границ с СССР, начали фиксировать появление в небе Приморья большого количества крупных четырехмоторных бомбардировщиков. Сообщали о них и капитаны многочисленных рыболовных судов, бороздивших Японское море. Часто, подняв головы, они смотрели на эскадрильи могучих воздушных кораблей, уверенно летевших над морскими просторами.

Это были знаменитые ТБ-3, о которых после их полета в Италию в 1934 году много писала мировая пресса, отдавая дань восхищения техническому гению Советского Союза. После крупнейших в предвоенные годы киевских маневров 1935 года, когда на глазах у изумленных иностранных генералов авиационные

бригады, вооруженные этими бомбардировщиками, выбросили 2500 парашютистов и выгрузили большое количество военной техники, эти самолеты по праву были признаны лучшими в мире. Ни одна крупнейшая авиационная держава не имела на вооружении таких боевых машин.

То, что соединения этих самолетов перебрасывались из европейской части страны в район Владивостока, наиболее близкого пункта к японским островам, имело большое значение для островной империи. Тактико-технические данные ТБ-3 к тому времени уже не являлись военной тайной. Поэтому японским экспертам не составляло большого труда подсчитать, что с солидной бомбовой нагрузкой, значительно превосходящей нагрузку бомбардировщиков, базирующихся на авианосцах, эти самолеты в случае войны могли достичь крупнейших промышленных центров империи, отбомбиться и вернуться на свои базы.

К 1936 году на Дальнем Востоке была создана крупная авиационная группировка в составе нескольких тяжелобомбардировочных бригад, сведенных в авиационную армию особого назначения. Более сотни тяжелых бомбардировщиков были сосредоточены на авиационных базах в районе Владивостока. Такой авиационный кулак, созданный в непосредственной близости от японских островов, отрезвляюще действовал на горячие головы в японском генеральном штабе.

Наличие авиационной группировки в районе Владивостока не было тайной не только для японского генерального штаба, но и для публицистов и журналистов. В середине 1936 года в Лондоне была издана книга Эрнеста Генри «Гитлер против СССР». Автором был Семен Ростоцкий – нелегал Иностранного отдела... Он жил в Лондоне под фамилией Эрнест Генри

и был известен как журналист. Рассматривая совместные планы агрессии Германии и Японии, направленные против СССР, и возможности противодействия им, автор говорил, что один рейд дальневосточных советских воздушных эскадрилий через Японское море на Токио, Осака и Кобе может нанести Японии молниеносное поражение и таким образом парализовать ее одним выстрелом из «воздушного револьвера – Владивостока». Этот выстрел «в грудь Японии», произведенный с кратчайшего географического расстояния, сразу представит в ином свете всю злополучную авантюру гитлеровского союзника в Азии, и это может произойти еще до того, как японские дивизии в Маньчжурии пройдут первые 80 километров, утверждал автор. Суждения Генри были, конечно, полемическими и спорными, но серьезной противовоздушной обороны крупных городов у Японии тогда не было. И такой успешный рейд к японским островам мог оказать огромное моральное воздействие на японскую армию.

Американская печать, внимательно следившая за своим будущим противником в Тихом океане, тоже отмечала, что наличие крупной группировки тяжелых бомбардировщиков в районе Владивостока путает все планы японской военщины, ставя под сомнение успех ее авантюры в Приморье. Американский журнал «Сайенс сервис» писал, что война между Японией и СССР будет означать полное разрушение японских промышленных центров, в высшей степени уязвимых с воздуха. Если СССР решится на такого рода нападение, утверждал журнал, то оборона японских городов станет весьма шаткой. И основания для таких выводов были очень серьезными.

В полночь 20 мая 1938 года с одного из аэродромов под китайским городом Ханькоу поднялась в воздух группа из шести тяжелых бомбардировщиков. На

крыльях опознавательные знаки китайской авиации – белая звезда в синем круге. Курс самолетов пролегал через оккупированную японскими войсками китайскую территорию и Восточно-Китайское море к самому южному острову японского архипелага – Кюсю. Нужно было облететь остров и вернуться обратно, покрыв расстояние почти в четыре тысячи километров, из них две тысячи над морем.

На раскрытых перед штурманами картах были обозначены три цели: Сасебо, Нагасаки и Фукуока. В Сасебо и Фукуока были военно-морская и авиационная базы, а Нагасаки был крупнейшим портом, через который шло снабжение японской армии, начавшей войну в Китае летом 1937 года. К острову Кюсю эскадрилья подошла на рассвете. Молчали зенитные орудия противовоздушной обороны островной империи. Истребители, прикрывавшие морские и авиационные базы, не поднялись со своих аэродромов. С присущим ей высокомерием японская военщина считала невозможным появление иностранных военных самолетов, да еще с китайскими опознавательными знаками над «непотопляемыми авианосцами» японского архипелага.

Первая цель – Сасебо. Тяжелые воздушные корабли легли на боевой курс. Штурманы прицелились к прицелам, и точно над центром города раскрылись бомбовые люки. Но... вместо бомб на город полетели кассеты с листовками, обращенные к японскому народу. Шесть бомбардировщиков пролетели над всем островом с юга на север, сбрасывая листовки над каждой целью. Листовки вместо бомб над Нагасаки... Через семь лет другой тяжелый бомбардировщик с другими опознавательными знаками сбросит на этот же город атомную бомбу, превратив его кварталы в груды дымящихся развалин.

На следующий день, 21 мая, во всех советских центральных газетах появилось сообщение корреспондента ТАСС из Ханькоу о налете на японские города, о торжественной встрече благополучно возвратившихся экипажей. Военный министр гоминдановского правительства, встречая летчиков, говорил, что техника китайской авиации не уступает японской и она в состоянии бомбить японские города. В сообщении из Ханькоу перечислялись фамилии китайских летчиков, летавших над японскими островами. Китайские газеты восторженно описывали небывалый подвиг, совершенный китайскими летчиками, которые первыми пролетели над одним из японских островов.

Конечно, у читателей советских газет возникали вопросы: откуда у Китая, не имевшего ни одного авиационного завода, могли появиться тяжелые бомбардировщики, способные покрывать расстояния в тысячи километров, и где обучались и набирались боевого опыта великолепные экипажи этих боевых машин? Естественно, что ответа на эти вопросы в газетах не было. В 1940 году в Москве была выпущена книга «Крылья Китая». На обложке стояла фамилия автора – капитан Ван Си. В этой книге говорилось об успешных боях китайских летчиков с японской авиацией, о рейде группы скоростных бомбардировщиков 23 февраля 1938 года на Формозу, где на авиабазе были уничтожены десятки японских самолетов и огромные запасы горючего, приводились фамилии китайских летчиков. Но ответа на вопрос, откуда у Китая появилась современная авиационная техника и великолепные летчики, перед которыми показывали хвосты прославленные асы японского воздушного флота, в этой книге не было.

Ответ на этот вопрос советским читателям был дан только через 25 лет, когда в середине 1960-х годов

начали публиковаться воспоминания советских военных советников, помогавших китайской армии в войне против Японии, и летчиков-добровольцев, направленных в Китай по просьбе китайского правительства. Выяснилось, что бомбардировщики, летавшие на Формозу, были советскими двухмоторными самолетами СБ, которых в Китай было отправлено 292. Экипажи этих самолетов были укомплектованы наиболее опытными советскими летчиками. И дата налета на Формозу была специально приурочена к двадцатой годовщине Красной Армии.

А налет на Японию? По просьбе китайского правительства СССР поставил Китаю шесть тяжелых бомбардировщиков ТБ-3. Именно эти шесть боевых машин, укомплектованные экипажами советских летчиков, и совершили полет над японскими городами. Интересна была и история создания книги «Крылья Китая». Она была написана от имени вымышленного автора капитана Ван Си Антоном Губенко, одним из летчиков-добровольцев отряда истребителей и журналистом Юрием Жуковым. В те годы на страницах наших газет не рекламировалась помощь Китаю, хотя весь мир об этой помощи прекрасно знал. Китайские газеты также не писали о поставках авиационной техники и советских летчиках-добровольцах. Поэтому и в книге, и в сообщениях советских корреспондентов из Китая не указывались настоящие фамилии летчиков, и они заменялись китайскими фамилиями. Такой вот камуфляж только для своих.

Конечно, полностью скрыть помощь Китаю было невозможно, так как количество военной техники, поступавшей из СССР, было огромно. Одних только боевых самолетов было отправлено 885. Не дремала и японская разведка, имевшая в Китае солидную агентуру. Были очень разговорчивыми и высокопоставленные гоминдановские чиновники,

которые знали о советской военной помощи. Перед налетом на Японию один из китайских дипломатов в Лондоне заявил на официальном приеме в китайском посольстве, что китайская авиация имеет советские самолеты, способные достичь японских островов с грузом бомб и вернуться обратно.

После налета, который произвел в Японии огромное впечатление, в японской печати появились сообщения о том, что в налете участвовали советские летчики-добровольцы. Правильно был определен и тип самолетов. Японские газеты опять заговорили об угрозе японским городам в случае войны со стороны группировки советской тяжелобомбардировочной авиации, сосредоточенной на аэродромах около Владивостока.

В январе 1938 года японский журнал «Июо Корон» предоставил свои страницы майору Минору Катаока. В большой статье, разбирая возможные последствия бомбардировки крупных японских городов фугасными и особенно зажигательными бомбами, он писал, что возникшие пожары могут быть в десять раз больше тех, которые были во время землетрясения 1923 года, разрушившего столицу империи.

* * *

Информация, поступавшая из Маньчжурии по агентурным каналам, была информацией тактического характера. Получением стратегической информации занимались в Москве. Там систематизировали все сведения, стекавшиеся в Центр из столиц Европы, анализировали их и выстраивали прогнозы, которые учитывались высшим политическим и военным руководством страны при планировании внешнеполитических и военных мероприятий. Причем

учитывались не только в 1934 году, но и в последующие годы и на высшем военном уровне.

В одном из обзорных докладов Разведупра Ворошилову, составленном на основе анализа полученной разведывательной информации, отмечалось: «... именно в 1934 году происходило усиленное сколачивание нового антисоветского блока в составе Японии, Германии и Польши и отмечались настойчивые попытки привлечь к участию в этом блоке Англию, Швецию, Венгрию, а также всех ближайших соседей СССР на Западе и на Среднем Востоке. Эта новая расстановка сил в значительной степени меняет условия стратегического развертывания наших вероятных противников. Как никогда становится актуальной проблема одновременной войны на Западе и на Дальнем Востоке. Крупнейшее значение имеет тот факт, что в составе антисоветского фронта на Западе, кроме Польши, выдвигается Германия как наш активнейший и первоочередной противник».

К этому новому антисоветскому альянсу старалась примкнуть и Финляндия. Очевидно, в Хельсинки считали возможным в случае военного конфликта и войны Советского Союза на два фронта решить в свою пользу вопрос о Советской Карелии. По имевшейся в Разведупре информации польский посланник в Финляндии Хорват сообщал в Варшаву, что курс Финляндии характеризуется «агрессивностью против России». В ее позиции, отмечал он, «доминирует вопрос о присоединении Карелии». Хорват называл Финляндию «наиболее воинственным государством в Европе». Аналогичная информация поступала и в Лондон от посланника в Финляндии Грант-Уотсона. Он отмечал, что в Финляндии большим влиянием пользуются круги, которые выступают за создание «Великой Финляндии», в том числе за присоединение Советской Карелии.

Примерно так же оценивало позиции северо-западного соседа Разведывательное управление РККА: «Финляндия за последний год, как и прежде, продолжала и продолжает занимать из всех прибалтийских стран наиболее враждебную позицию по отношению к СССР».

Оценка Разведупра о возможной коалиции Германии, Польши и Японии и угрозе войны на два фронта оставалась в силе и в последующие годы. Она учитывалась Генштабом при разработке программных документов военного строительства. Так, 24 марта 1938 года начальник Генштаба Борис Михайлович Шапошников составил записку на имя Ворошилова о наиболее вероятных противниках СССР. На основании информации военной разведки он отметил: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок – Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Эти государства ставят своей целью доведение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения. Что касается Японии, то, по его мнению: „Если бы Япония в войне с Китаем даже понесла чувствительный урон, все же, в случае вооруженного конфликта в Европе между фашистским блоком и СССР, Япония будет вынуждена этим блоком к войне с СССР, так как в дальнейшем ее шансы на осуществление захватнической политики на Дальнем Востоке будут все более и более проблематичны“. Анализ военной разведки, касающийся численности возможных противников и угрозы войны на два фронта, оставался в силе и через четыре года.

«Япония создала мощную группировку на территории оккупированной Маньчжурии». «Япония готовилась к войне с Советским Союзом». «Усиление Квантунской армии». «Угроза Приморью и Забайкалью».

«ОКДВА – надежный страж дальневосточных границ». Этими клише пестрели все исторические труды, изданные в Советском Союзе до августа 1991 года. Если посмотреть официальные труды по истории Отечественной и Второй мировой войны, то можно найти цифры и факты по усилению Квантунской армии в 1930-х годах с перечислением количества дивизий и других частей, общей численностью и количеством боевой техники. Говорилось в этих трудах и об ответном усилении частей ОКДВА в 1930-е годы. В первом томе советского официоза: двенадцатитомной истории Второй мировой войны было указано, что в 1931—1937 годах на Дальний Восток из центральных и западных военных округов было переброшено четыре стрелковых и две кавалерийские дивизии, а также «десятки отдельных танковых батальонов, артиллерийских дивизионов, зенитных батарей, бомбардировочных и истребительных авиабригад». Такая вот точность. Десятки частей для усиления и никаких цифр общей численности и количества боевой техники. В остальных исторических трудах, когда речь заходила об увеличении ОКДВА, указывалось то же самое. На конкретные цифры личного состава и боевой техники дальневосточной группировки РККА был наложен строжайший запрет.

Конечно, для историка не составляло труда найти в архиве точные цифры численности и вооружения и Квантунской армии, и ОКДВА и на их основе составить баланс сил в дальневосточном регионе. Но такой баланс показывал явное превосходство обороняющихся (ОКДВА) над нападающими (Квантунская армия). Все идеологические клише, которыми были напичканы советские исторические исследования по проблемам Дальнего Востока, рушились. Ни о какой реальной военной угрозе не могла идти речь, если обороняющаяся сторона превосходила нападающую

сторону по общей численности войск и имела абсолютное превосходство по количеству средств подавления: артиллерии, авиации и танкам. Естественно, что советская цензура никогда бы не пропустила в открытую печать даже намек на истинный баланс сил в дальневосточном регионе.

Автору могут возразить, что существовал план «Оцу», план нападения на Советский Союз, разработанный в японском генштабе еще до начала оккупации Маньчжурии. Этот план регулярно пересматривался в зависимости от изменения обстановки и численности японской армии и являлся постоянно действующим оперативным документом для штаба Квантунской армии. Но в любом генштабе разрабатывают планы на все случаи жизни и против всех возможных, а иногда и невозможных противников. Разработка таких планов – повседневная работа генштабистов. За это они получают деньги, чины и ордена. Но одно дело бумажный план, хранящийся в сейфах генштабовских кабинетов, а другое – реальная группировка, созданная у границ другого государства, ее численность и вооружение. И реальный баланс сил на направлении главного удара. Так каким же был этот баланс по обоим берегам Амура?

Общая численность ОКДВА до усиления, то есть до 1 января 1932 года, составляла 42 тысячи человек. На вооружении было 36 танков и танкеток, 358 орудий и 88 самолетов. Две группы войск: Приморская и Забайкальская – имели 6 стрелковых дивизий, 2 кавалерийские бригады и 6 эскадрилий. Немного для того, чтобы прикрыть огромную границу протяженностью в тысячи километров по Амуру и Уссури. Но прикрывались только основные операционные направления в Приморье и в Забайкалье, а на всей остальной границе по берегам обеих рек стояли погранотряды войск ОГПУ. Этих сил для

прикрытия хватало, и после конфликта на КВЖД в 1929 году на границе было спокойно.

Зимой 1932-го, когда стало ясно, что части Квантунской армии движутся к советским границам Забайкалья и Приморья, Москва принимает решение об усилении войск ОКДВА. Из центральных и западных военных округов на Дальний Восток потянулись воинские эшелоны. Транссиб, – единственная артерия, связывающая огромный регион с центром страны, переходила на режим работы военного времени. До мая 1932-го сделали много. Штатная численность армии увеличилась в 2,5 раза и была доведена до 108 тысяч человек, количество боевых самолетов – в три раза, орудий – более чем в два раза. Но особенно много было отправлено танковой техники. В 1932 году, последнем году пятилетки, планировали выпустить 10 000 танков и танкеток (фактически выпущено 3039 боевых машин), и для Дальнего Востока техники не жалели. К маю 1932-го в ОКДВА уже было 627 боевых машин. Две кавалерийские бригады были переформированы в кавалерийские дивизии, и число стрелковых дивизий было увеличено до 10.

К лету 1932-го удалось добиться многого, но усиление дальневосточной группировки продолжалось с такой же интенсивностью до конца года. К 1933 году в штабе РККА подвели первые итоги мероприятий по усилению дальневосточного региона. Количество стрелковых дивизий было увеличено до 13, танковой техники до 800 единиц, артиллерийских орудий до 870, а самолетов до 280. Общая численность ОКДВА и Тихоокеанского флота (ТОФ) составила 150 тысяч человек.

Квантунская армия к этому времени имела 94 тысячи, а вместе с японскими войсками в Корее, на Южном Сахалине и на Курилах – 130 тысяч человек. Советскому Союзу потребовался всего один год, чтобы

добиться численного и технического превосходства над японской армией в этом регионе. И это превосходство он удерживал до начала войны. Все попытки японского командования переломить ситуацию, добиться хотя бы кратковременного превосходства в численности и боевой технике ни к чему не привели. Малейшее усиление Квантунской армии тут же вызывало ответную реакцию со стороны Москвы и Хабаровска, и превосходство опять оставалось за Советским Союзом. В японском генштабе и штабе Квантунской армии могли продолжать разработку различных вариантов плана «Оцу» – плана войны против Советского Союза. Но для успешного выполнения таких планов нужно было иметь как минимум трехкратное превосходство в численности и средствах подавления. У Квантунской армии никогда не было не только превосходства, но даже равенства. И все агрессивные планы Японии оставались на бумаге. Об их реальном воплощении в жизнь не могло быть и речи.

В 1933 году усиление ОКДВА продолжалось такими же темпами, как и в 1932-м. По состоянию на 1 января 1934 года после выполнения всех мероприятий по усилению штатная численность ОКДВА и ТОФ достигла: людей – 235 тысяч, самолетов – 638, танков и танкеток – 1195, орудий – 1547. В составе армии было 13 стрелковых и три кавалерийские дивизии, одна механизированная и пять авиационных бригад. Основные операционные направления в Приморье и Забайкалье прикрывали семь укрепленных районов.

Квантунская армия за этот год была увеличена только на 20 тысяч и достигла численности в 114 тысяч человек. Японские войска в Корее, на Южном Сахалине и на Курилах не увеличились. Превосходство советских войск, как и в предыдущем году, было абсолютным.

Баланс сил к 1937 году

В начале 1936 года обстановка на маньчжуро-монгольской границе обострилась. Мировая пресса пестрела сообщениями о возможной агрессии Японии против Монголии. Влиятельный и весьма компетентный в дальневосточных вопросах американский журналист Эдгар Сноу опубликовал в американском журнале «Азия» статью «Япония у ворот красной Монголии». «Японские стратеги полагают, – писал он, – что Маньчжурия и Монголия составляют одно целое и что захват Маньчжурии есть лишь осуществление первого пункта японской северо-восточной программы». Нападение на МНР рассматривалось японскими империалистами как пролог к большой континентальной войне. В связи с этим Эдгар Сноу отмечал: «По мнению японских стратегов... захват Монголии, граничащей с байкальскими районами Сибири, дал бы Японии большие преимущества в будущей войне против СССР, позволяя Японии наносить быстрые удары на восток и запад от Иркутска и давая ей возможность отрезать советскую дальневосточную армию. Руководители японской армии не рассматривают значение Монголии изолированно от основных целей японской стратегии. Задача японских стратегов – окружение советских границ на Дальнем Востоке...»

Дело не ограничилось, однако, одними предположениями иностранной прессы о будущей японо-советской войне и о возможных путях японской агрессии. На страницах западных газет появлялись часто и более зловещие сообщения. 7 февраля дайренский корреспондент агентства «Рейтер» передал, что японо-маньчжурские войска движутся к

границам Внешней Монголии. На следующий день такие же сообщения появились в чехословацкой и французской печати. «Ческе слово» писало в те дни: «Японские генералы готовят новый поход на Монгольскую республику, сосредотачивая огромные силы на монгольской границе». Оценивая обстановку в Японии, эта газета отмечала: «В Японии полностью победила группа генералов, жаждущих войны во что бы то ни стало». 15 февраля дайренский корреспондент агентства «Рейтер» передал сообщение о том, что части Квантунской армии, концентрирующиеся в Цицикаре, подкреплены вновь прибывшими из Японии войсками и что они готовы к генеральному наступлению против Внешней Монголии. Японская военщина продолжала бряцать оружием, и необходимо было принимать самые экстренные меры, чтобы загасить уже тлевший пожар нового военного конфликта.

1 марта 1936 года Сталин принял в Кремле председателя американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейпер» Говарда. Беседа была довольно долгой. Сталин подробно и обстоятельно отвечал на все вопросы американского газетного магната, которого в первую очередь интересовало положение на границах МНР. В США хорошо понимали, что попытка вторжения японских войск на территорию республики может привести к серьезному военному конфликту. Вот выдержка из состоявшейся беседы:

«Говард. Каковы будут, по-вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин. Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Говард. Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин. В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогали ей в 1921 году.

Говард. Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин. Да, приведет».

Предупреждение для Токио было высказано. Поэтому вполне понятно, что содержание беседы подробно обсуждалось всей мировой прессой. Ведущие японские газеты опубликовали текст беседы под броскими заголовками: «В случае интервенции во Внешнюю Монголию СССР готов к войне с Японией», «Если потребуется, СССР будет воевать с Японией». Однако высказанное советской стороной предупреждение, очевидно, не подействовало на японских дипломатических чиновников. Хорошо осведомленная в дипломатических делах газета «Кокумин» писала: «... В кругах министерства иностранных дел считают, что не следует обращать никакого внимания на заявление Сталина о готовности СССР провести военные операции против Японии в связи с внешнемонгольским вопросом, ибо в данном вопросе еще имеется много неразъясненных моментов».

Более подробные комментарии были высказаны английской и французской прессой. Сталин очень редко давал интервью, и к высказываниям советского генсека в столицах Англии и Франции относились серьезнее, чем в Японии. Парижская «Тан» в передовой статье от 6 марта писала, что вопреки ожиданиям в результате

военного восстания в Токио влияние военных кругов не уменьшилось, а скорее даже возросло. Но газета не считала, что это обстоятельство приведет к усилению японской агрессии в Китае и Япония бросится в авантюру против МНР: «До последнего времени можно было думать, что СССР будет любой ценой избегать столкновений на Дальнем Востоке, однако заявления, сделанные Сталиным представителю американской печати, заставляют призадуматься. На самом деле Сталин заявил, что в случае, если Япония решится напасть на МНР и нарушить ее независимость, СССР выступит в защиту этой республики, и что Стомоняков сообщил об этом недавно японскому послу. Москва разговаривает новым языком, и в Токио внимательно прислушиваются. Считают, что одним из первых актов Хирота, если ему удастся сформировать правительство, будет ответ на декларацию Сталина. Японский ответ даст возможность выяснить, в какой степени вопрос о Внешней Монголии может действительно повлечь за собой опасность войны».

На следующий день после опубликования текста беседы в советских газетах английская «Манчестер гардиан» писала в передовой статье, что Внешняя Монголия, имея «русский заем и русских инструкторов», сможет заполнить брешь в своей обороне. Это обстоятельство, по мнению газеты, «может разрушить последние надежды Японии на победу в войне против России на Дальнем Востоке, надежды, и без того уже поблекшие в результате усиления Сибири и Владивостока».

Очень внимательно и подробно комментировала интервью китайская пресса, и такой интерес к сказанному в далекой Москве был естественным. Слишком серьезное значение для Китая и Маньчжурии имела угроза советско-японской войны. Китайская «Дагунбао» в номере от 7 марта писала: «Беседа

Сталина с Говардом, если мы лучше ее продумаем, окажется не столь неожиданной, как это казалось вначале. Готовность СССР помочь Монгольской Республике – это давно принятая Советским Союзом политика. Всякий, кто внимательно следит за международными событиями последних месяцев, поймет это. Несомненно, японские военные власти знали об этом».

«Харбин Ници Ници» 6 марта отмечала в передовой статье: «Наиболее заслуживает внимания то, что в беседе Сталин впервые открыто декларировал абсолютную поддержку Внешней Монголии. Из этого видна серьезная заинтересованность СССР в дальневосточной ситуации и, в частности, во внешнемонгольской проблеме. Заявление Сталина, сделанное со свойственным ему тоном угрозы, в достаточной степени звучит в том смысле, что если Япония нападет на Монголию, то СССР не уклонится от войны с Японией. Между тем СССР, построив предположение о нападении Японии на Монголию, говорит о готовности принять войну с Японией потому, что на Дальнем Востоке оборона СССР по линии Внешняя Монголия – Иркутск – самое слабое место, и это доказывает, что СССР все более остро чувствует угрозу возможности удара Японии именно по этому слабому месту в случае японо-советской войны... Вопрос отношений с СССР является для Японии не вопросом экономических интересов или политического приоритета, а буквально вопросом жизни и смерти, то есть вопросом о том, съест или быть съеденным. Угроза Сталина в этом отношении станет для Японии предметом многих указаний в качестве переломного момента, который исцелит слепоту, имеющуюся внутри нашей страны у больных болезнью симпатий к СССР».

12 марта 1936 года в Улан-Баторе был подписан документ, который на многие годы вперед определил

взаимоотношения между двумя странами. Устное соглашение о взаимопомощи было решено заменить официальным дипломатическим протоколом. Под документом свои подписи поставили с монгольской стороны Председатель Малого хурала МНР Амор и премьер-министр и министр иностранных дел Гендун и с советской стороны полпред Советского Союза в Монголии Таиров. Протокол был подписан сроком на 10 лет и вступал в силу с момента его подписания.

В первой статье протокола говорилось, что в случае угрозы нападения со стороны третьего государства оба правительства обязуются немедленно обсудить создавшееся положение и принять все меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территории. Вторая статья предусматривала, что оба правительства в случае военного нападения на одну из сторон окажут друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь. Третья статья протокола предусматривала, что войска одной из стран, находящиеся по взаимному соглашению на территории другой страны, будут выведены с ее территории незамедлительно, как только отпадет необходимость в их присутствии. Фактически это был договор о взаимной помощи, хотя официально он именовался протоколом. И подписан он был вовремя.

Как и в 1935 году, объектом новых провокаций стал Тамцак-Булакский выступ, имевший большое стратегическое значение и прикрывавший с востока территорию республики. Японо-маньчжурские войска вели наступление с севера на юг, надеясь стремительным ударом отсечь территорию выступа. Две попытки наступления не увенчались успехом, и 31 марта японо-маньчжурский отряд уже на нескольких десятках грузовиков, поддержанный артиллерией, танками, бронемашинами и авиацией, начал наступление на Тамцак-Булак. Им удалось подойти к

городу, расположенному в 50 километрах от границы. Это были уже не стычки на границе, а самая настоящая агрессия. В бой вступили регулярные части монгольской армии, которые оказали агрессорам энергичное сопротивление и заставили их отступить. Однако японские части получили подкрепление и вновь перешли в наступление.

В тот же день события на монголо-маньчжурской границе стали известны в Москве. Заместитель наркома иностранных дел Стомоняков пригласил японского посла Ота. В состоявшейся беседе он обратил внимание посла на серьезный характер событий на монгольской границе и на необходимость немедленного прекращения нападений японских войск на МНР. Послу указали на серьезную ответственность японского правительства в том случае, если действия командования Квантунской армии приведут к распространению и углублению происходящих конфликтов.

Сообщение ТАСС о беседе Стомонякова с японским послом было опубликовано во всех центральных советских газетах. Вновь, как и в 1935 году, советская дипломатия выступила в защиту суверенитета МНР. После этого ни у кого уже не вызывало сомнений, что попытка отторгнуть часть монгольской территории может привести к войне Советского Союза с Японией.

Напряженные бои в монгольских степях продолжались. 1 апреля монгольским войскам удалось оттеснить захватчиков к границе и затем выбить их с монгольской территории. Не помогли ни танки, ни бронемашины, ни авиация. Стало ясно, что от агрессивных планов и на этот раз придется отказаться, а захват монгольской территории отложить до лучших времен.

Учитывая возможность дальнейшей агрессии против МНР, Советское правительство, чтобы поставить все

точки над «і», по согласованию с правительством республики решило опубликовать протокол о взаимопомощи в печати. Текст протокола и большая передовая статья «К советско-монгольскому протоколу» были опубликованы в газете «Известия». В статье давалась оценка событий на монголо-маньчжурской границе и особо подчеркивалась заинтересованность СССР «в видах своей самозащиты поддерживать целостность и сохранность территории Монгольской Народной Республики».

Согласно обязательствам, взятым Советским правительством по протоколу о взаимопомощи, летом 1936 года на территорию МНР началась переброска первых советских частей. При решении вопроса о том, какие части перебрасывать, в полной мере учитывались особенности будущего театра военных действий. Голый степной район восточной части республики, а именно он мог стать ареной конфликта, без дорог, колодцев, естественных преград, требовал специальных подразделений. Стрелковые войска здесь были малоэффективны. Нужны были сильные, мобильные подразделения, способные к быстрым, длительным и самостоятельным действиям против кавалерийских бригад – ударной силы Квантунской армии. Именно таким подразделением и была мотоброневая бригада, дислоцированная у границ республики.

Через несколько дней после Первомайского праздника 1936 года подразделения бригады были выстроены на плацу гарнизонного городка. Из подъехавших легковых автомашин вышли командующий войсками Забайкальского военного округа комкор Грязнов и начальник автобронетанковых войск округа комбриг Мернов. Командир бригады комбриг Шипов отдал рапорт, и смотр начался.

Тщательно проверялось все: боевая и огневая подготовка, сборы по тревоге, материальная часть,

способность проводить длительные марши. Требования на смотре предъявлялись самые жесткие. Через три дня Грязнов на разборе подвел итоги. Конечно, были высказаны замечания и пожелания, но серьезных претензий не было. Бригада была вполне боеспособным подразделением и могла в любой момент выполнить все боевые задачи, которые на нее возлагались.

Вскоре бригада была полностью подготовлена к переброске на территорию МНР. Сигнал тревоги прозвучал в казармах бригады в час ночи 5 июня. Через час около 300 боевых и транспортных машин двумя колоннами двинулись на юг по старой дороге, ведущей к Улан-Батору. К концу дня было пройдено 200 километров. На следующий день к вечеру показались огни и дома столицы республики. После дня отдыха бригада повернула на восток и, пройдя за два дня 350 километров, к вечеру 9 июня подошла к конечному пункту назначения – Ундурхану. Боевая техника броневых батальонов с честью выдержала суровое испытание. Сложный марш в пустынной безводной местности при летней жаре прошел без единой поломки и аварии.

Бригада пришла на голое место. Нужно было строить казармы для нескольких тысяч человек, парки для боевой техники, склады, помещения для столовых, пекарен, бань. Продовольствие, горючее, боеприпасы, все строительные материалы и даже дрова приходилось возить с советской территории за 750 километров. Сразу же вслед за подразделениями бригады из состава войск округа были направлены в Ундурхан строительные и автотранспортные части.

Бригада и мотоброневой полк, расквартированный в Тамцак-Булакском выступе примерно в это же время, были подчинены главному военному советнику при главкоме монгольской армии комкору Вайнеру. Они составили небольшую подвижную группу, способную

наносить быстрые и мощные удары на значительном расстоянии от места своей дислокации. В Квантунской армии не было подобных частей, а имевшиеся там кавалерийские бригады проигрывали нашим подразделениям и в скорости передвижения, и в огневой мощи.

* * *

Увеличение численности советских войск на Дальнем Востоке внимательно отслеживалось японским генштабом. Общее численное превосходство ОКДВА над силами Квантунской армии внушало тревогу не только японскому военному руководству. Парламентарии, высокопоставленные правительственные чиновники и обозреватели крупнейших японских газет следили за тем, что делалось на советской территории по ту сторону Амура и Уссури. Влиятельные японские газеты и журналы, к мнению которых прислушивались промышленники, дипломаты и правительственные чиновники, публиковали обзорные статьи о положении на Дальнем Востоке, о мероприятиях советского правительства по усилению своих вооруженных сил в этом районе, об угрозе, которую может представлять для японских островов советский воздушный кулак на аэродромах около Владивостока. Конечно, подобные статьи не перепечатывались центральными московскими газетами. Те, кто дозировал международную информацию, считали, что публикации иностранных газет о наших военных усилиях на Дальнем Востоке могут расхолаживать советских людей и разрушать тот образ агрессора, тигра или акулы, который показывает клыки или зубы и готов в любой момент броситься на мирных советских граждан. Карикатуры, фельетоны, едкие стихи о японских

самураях, лезущих из-за Амура на советскую землю, – все это, особенно во второй половине 1930-х, не сходило со страниц «Правды» и «Известий». Все это было, и из истории так же, как и из песни, слова не выкинешь.

Публикации в японской прессе и крупнейших газетах других стран были более сдержанными, эмоций там было гораздо меньше, а цифр и фактов – гораздо больше. Поэтому и не появлялись переводы этих статей на страницах наших центральных газет, а оседали в тассовских бюллетенях иностранной информации. Эти бюллетени не для печати тиражом около сотни экземпляров предназначались только для избранной партийной элиты. Остальным смертным – передовицы из центральных газет. Если об усилении РККА на Дальнем Востоке писала почти вся мировая пресса, приводя достаточно точные для того времени цифры и факты, то можно было бы что-то сообщить и советскому читателю. Но в Кремле решили иначе, и на любую правдивую информацию о событиях в этом регионе был наложен жесткий запрет. Вот только некоторые факты и сообщения из того, о чем молчала советская печать в 1935 и 1936 годах.

Лондонская «Дейли Телеграф» в номере от 17 января 1935 года публикует статью капитана Кеннеди, посвященную вопросу о возможности советско-японской войны. Указывая, что такая война «гораздо более вероятна, нежели война между Японией и США, или японское вторжение в Китай и Австралию», Кеннеди утверждает, что советско-японская война не является чем-то неизбежным. Япония, по всей вероятности, не рискнет затеять вооруженный конфликт до завершения программы укрепления ее армии, рассчитанной на ближайшие 18 месяцев. Автор указывает, что, хотя в Японии имеется течение, представители которого высказываются за безотлагательное объявление войны

СССР, не следует сомневаться, что ответственные власти стремятся избежать войны, по крайней мере, до тех пор, пока Япония не будет готова.

Парижская «Франс Милитер» опубликовала передовую, посвященную советско-японским отношениям. Одним из препятствий, мешающих урегулированию этих отношений, газета считает «наличие весьма мощной Красной Армии в Приморье и, в связи с этим, военные приготовления, которые Москва продолжает здесь проводить». «Хотя Япония и убеждена в качественном превосходстве своей армии, она опасается, что количественное и техническое превосходство может стать весьма опасным для японской армии в Маньчжурии». «Положение дальневосточной Красной Армии, – продолжает газета, – с различных точек зрения является трудным, и в особенности в связи с огромными расстояниями, отделяющими ее от центральной России. Это является козырем для Японии. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что всякая война в Маньчжурии, – это для Японии борьба не на жизнь, а на смерть. Однако Япония сама не в состоянии нанести решающее поражение Советскому Союзу в связи с огромными расстояниями, отделяющими Владивосток от европейской части Советского Союза. Война, которая для Японии будет означать войну за существование, с точки зрения Москвы будет представлять собой колониальную борьбу на отдаленных территориях, войну, которая даже в случае поражения не будет иметь решающего значения для Советского Союза».

Внимательно следила за событиями и китайская пресса. Журнал «Чайна Уилки Ревью» поместил статью своего редактора, вернувшегося в Шанхай из поездки по СССР. Силы Красной Армии на Дальнем Востоке, говорится в статье, по имеющимся данным, насчитывают от 12 до 15 дивизий, из которых 4 или 5

дивизий расположены в районе Владивосток – Хабаровск. В каждой дивизии насчитывается около 10 тысяч человек, готовых к действиям в любой момент. В каждом корпусе имеется полк тяжелой артиллерии. Таким образом, общее количество Дальневосточной армии, считая 10 тысяч кавалерии, вероятно, превышает 200 тысяч человек. Армия имеет 500 орудий, около 400 танков, 4 – 5 тысяч пулеметов и около 500 самолетов. Кроме армии, пишет далее журнал, имеется также одна дивизия пограничной охраны ОГПУ. Вдоль границы в специальных базах сосредоточены большие запасы горючего, главным образом в районе Хабаровска, где находится одна из важнейших авиационных баз.

В следующем номере этого журнала была помещена статья японского автора Иосимура, который писал: «В конце 1932 года СССР начал улучшать свои военные укрепления на Дальнем Востоке. В двухлетний период русские пехотные части были увеличены с 6 до 12 дивизий, и число самолетов – со 100 до 600, из которых 20% составляют тяжелые бомбовозы, способные произвести налет на Токио. Более того, сообщают, что во Владивостокском порту имеется 20 подлодок». Со своей стороны журнал добавляет, что СССР стремится избежать ошибки русско-японской войны, когда снабжение производилось по одноколесной дороге. Этот недостаток исправляется и как можно быстрее путем сооружения второй колеи транссибирской железной дороги. Когда японцы начали строить новую линию через Хинганские горы до Сахалина, русские удвоили свою работу по сооружению второй колеи между Читой и Благовещенском.

24 апреля из Нью-Йорка поступило сообщение о том, что командующий Квантунской армией генерал Минами в интервью с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» заявил, что СССР продолжает держать у Пограничной,

Маньчжурии, Благовещенска и Хабаровска более 200 тысяч войск, 600 самолетов и 600 танков. «Хотя, – заявил Минами, – напряженные отношения на пограничной территории заметно улучшились в течение последних 6 месяцев, к сожалению, нельзя сказать, чтобы нынешние условия действительно могли обеспечить мир между СССР и Японией, так как СССР продолжает держать свою грозную армию на стратегических участках вдоль границы».

Такая же обстановка складывалась и в начале 1936 года. Так же, как и в прошлом году, наиболее интересная информация о советско-японских отношениях попадала не на страницы советских газет, а на страницы тассовских бюллетеней. Вот только несколько примеров, взятых из тассовских фолиантов, хранящихся в архиве.

По сообщению из Токио от 19 января, японское агентство «Домей Цусин» приводит данные о численности вооружений главных держав, опубликованные военным министерством. Согласно этим данным, Япония имеет армию в 250 тысяч солдат, сведенных в 17 дивизий; СССР – 1600 тысяч, включая 160 тысяч войск НКВД, 90 тысяч железнодорожной охраны – сведенных в 35 регулярных пехотных, 15 регулярных кавалерийских, 50 территориальных пехотных и 5 территориальных кавалерийских дивизий; Китай – 2250 тысяч, не включая 200 тысяч китайской Красной Армии; США – 330 тысяч, Англия – 250 тысяч, Франция – 600 тысяч, Германия – 550 тысяч, Италия – 350 тысяч. По тем же данным, количество самолетов таково: Япония – 1 тысяча, СССР – 4 тысячи, США – 2,5 тысячи, Англия – 1,5 тысячи, Франция – 4,5 тысячи, Германия – 2,5 тысячи, Италия – 1,5 тысячи. При некоторой спорности цифр по другим странам численность вооруженных сил СССР и Японии была

показана верно. И соотношение было не в пользу Японии.

Китайский журнал «Синь Мэнгу» («Новая Монголия») опубликовал в конце 1935 года статью, озаглавленную «Почему СССР строит железную дорогу Чита – Улан-Батор». В статье говорится: «Железная дорога пройдет вдоль Яблоновского хребта. СССР в 1931 году оценил важность такой дороги, особенно после событий на северо-востоке, после выступления японцев в Маньчжурии, когда СССР начал увеличивать свои реальные силы на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Ясно, что СССР строит сейчас дорогу, чтобы дать отпор японскому нападению и чтобы увеличить свои оборонительные возможности...»

Оценивая строительство дороги с военной стороны, журнал отмечает: «Япония может атаковать СССР с двух сторон: из Северной Маньчжурии атаковать Сибирь и из Внутренней Монголии атаковать Внешнюю Монголию, чтобы затем напасть на СССР. Что касается первого варианта, то СССР всесторонне подготовился к обороне. Что же касается второго варианта, то СССР еще нужно много поработать. Япония уделяет большое внимание направлению Долоннор – Чита через Улан-Батор, надеясь в момент возникновения советско-японского конфликта внезапно прервать железнодорожное сообщение между Читой и Верхнеудинском и тем самым пресечь связь с советской армией на Дальнем Востоке. Активные приготовления за последние два года на границе Монголии ясно свидетельствуют о подготовке нападения на СССР. Однако СССР отлично понимает смысл всех этих приготовлений и поэтому, в свою очередь, тоже проводит соответствующую работу по обороне, чтобы оказать сопротивление Японии... Мы находим эти военные приготовления СССР очень тщательными, однако СССР находит, что это еще недостаточно. СССР

решил построить железную дорогу Чита – Улан-Батор. Эта дорога в будущей войне будет иметь огромное значение для СССР, который сможет перебросить свои войска из Читы в Улан-Батор и далее на Калган, чтобы выступить по направлению к Жэхэ».

По тассовским каналам поступала интересная информация и из Японии, дополняя информацию группы «Рамзай». Японские газеты уделили большое внимание итогам состоявшегося 6 февраля второго совещания представителей трех министерств (МИДа, военного, морского), посвященного вопросам советско-японских отношений. По мнению газет, на совещании принято решение разработать «твердую государственную политику по отношению к СССР». По информации «Ници-ници» в начале совещания представитель МИДа Того дал обзор «дальневосточной политике СССР», заявив, что она «ничем не отличается от традиционной царской политики экспансии на Восток». По словам «Дзи дзи», представитель МИДа заявил, что, поскольку «основной причиной конфликта» является наличие ОКДВА, следует вновь предложить советскому правительству согласиться с отводом вооруженных сил с Дальнего Востока. Если же советское правительство отклонит это предложение и будет «игнорировать мирную политику Японии, последняя должна разработать позитивную политику в отношении СССР». Газета пишет, что в конечном итоге представители МИДа согласились разработать меры, «целиком основанные на строгой политике, отстаиваемой военными властями».

Лондонская «Таймс» дала свою оценку ситуации на Дальнем Востоке. В передовой статье от 18 февраля она писала: «Советское правительство теперь в гораздо лучшем положении на Дальнем Востоке, чем три года назад. Вооруженные силы СССР значительно выросли, советский воздушный флот, как полагают, значительно

превосходит японский по численности и качеству. Ясно, что политика булавочных уколов и провокаций против такого соседа является опасной. Предложения японской печати могут быть следствием запоздалого признания японских властей, что опасно предоставлять свободу действий Квантунской армии. Даже если это так, из этого не следует, что советское правительство будет также готово к уступкам, как это могло быть в 1932 году. У него сейчас на руках лучшие карты».

В конце февраля харбинская «Харбин Симбун» опубликовала большую статью о японских планах «большой войны». Газета писала: «В результате поездок в Маньчжурию помощника начальника генштаба генерала Сугияма и начальника первого отдела генштаба генерала Судзуки будет установлен основной курс Квантунской армии, дислокация и методы получения ассигнований, чтобы армия соответствовала целям осуществления крупных задач на передовой линии. Большим первоочередным вопросом является вопрос о значении Квантунской армии в случае большой войны с Россией. Превращать в военный театр Маньчжурию абсолютно невыгодно. Поэтому театр военных действий второй русско-японской войны должен быть перенесен в Забайкальский район с центром на Байкале и в восточной части Внешней Монголии...»

Парижская «Тан» откликнулась на интервью Сталина. 6 марта в передовой статье она писала: «До последнего времени можно было думать, что СССР будет любой ценой избегать столкновений на Дальнем Востоке, но заявления, сделанные Сталиным представителю американской печати, заставляют призадуматься. На самом деле Сталин заявил, что в случае, если Япония решится напасть на МНР и нарушить ее независимость, СССР выступит в защиту этой республики и что Стомоняков сообщил об этом

недавно японскому послу. Москва разговаривает новым языком, и в Токио внимательно прислушиваются. Уверяют, что одним из первых актов Хирота, если ему удастся сформировать правительство, будет ответ на декларацию Сталина. Японский ответ даст возможность выяснить, в какой степени вопрос о Внешней Монголии может действительно повлечь за собой опасность войны».

Цитировать высказывания прессы и в Японии, и в крупнейших странах мира можно было бы и дальше. Но и так ясно, что та ценнейшая информация политического и военного характера, которая поступала в Москву от корреспондентов ТАСС из крупнейших столиц мира, позволяла политическому, дипломатическому и военному руководству страны правильно чувствовать международную ситуацию и принимать решения по важнейшим международным вопросам. Такая информация существенно дополняла военно-политическую информацию обеих разведок. В некоторых случаях тассовская информация давала возможность руководству страны по-новому и с других позиций оценивать разведывательную информацию. Поэтому неудивительно, что командующий ОКДВА настойчиво добивался получения бюллетеней ТАСС. Но распределение этой информации было вне компетенции наркома обороны. И пришлось Ворошилову обращаться по этому вопросу с письмом к Сталину. И только после его разрешения бюллетени начали регулярно пересылать в Хабаровск.

Для Советского Союза складывалась новая военно-политическая обстановка. После подписания секретного соглашения между Германией и Японией угроза войны на два фронта становилась суровой реальностью. Эту реальность учитывали в Генштабе при разработке планов развития вооруженных сил страны и планов стратегического развертывания Красной Армии в случае

войны. Конечно, главный фронт был на западной границе, и здесь сосредотачивались основные силы. Но обстановка на Западе в начале 1937 года была достаточно стабильной. Еще не было реальной угрозы захвата Чехословакии, и на ее сильную и хорошо оснащенную армию можно было рассчитывать в случае нападения Германии на Советский Союз. В Наркомате Обороны в начале года верили в возможность сотрудничества между двумя армиями. Да и в Праге после успешных маневров 1935 и 1936 годов на Украине и в Белоруссии и до начала разгрома командного состава РККА еще считали нашу армию сильнейшей в Европе.

Советское высшее военное руководство сохраняло иллюзию и относительно своего французского союзника, с которым так же, как и с Чехословакией в 1935 году, был заключен договор о взаимной помощи, рассчитывая на поддержку французской армии в случае войны с Германией. Мюнхен, который сбросил со счетов чехословацкую армию и окончательно похоронил призрачную надежду на поддержку Франции, был еще впереди.

Значительно хуже было положение страны на Дальнем Востоке. И в Кремле, и на улице Фрунзе в здании Наркомата Обороны понимали, что после провокаций и вооруженных столкновений на советских и монгольских границах в 1936 году ждать улучшения обстановки в дальневосточном регионе в следующем году не приходится. Нападения на пограничные заставы, провокации, попытки забросить на советскую территорию агентуру и диверсионные группы продолжались и в 1937 году, и конца этому не было видно.

К 1937 году угроза серьезного конфликта на Дальнем Востоке представлялась более вероятной, чем угроза конфликта на западных границах страны.

Поэтому то соотношение, или, выражаясь современным языком, тот баланс, сил между западной и восточной границами, который был достигнут в 1936 году, был сохранен. Крупных перебросок войск и военной техники по Транссибирской магистрали на Восток или на Запад не было.

Огромный регион от Иркутска до Владивостока оттягивал для защиты своих границ 25 процентов численности и вооружения РККА. 25 дивизий из 135 и 290 тысяч человек из 1145 тысяч были расположены на этой территории. 3700 орудий всех калибров и 3200 танков и танкеток прикрывали дальневосточные рубежи. Шесть тяжелобомбардировочных бригад, имевших на вооружении 300 тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 и четыре скоростные бомбардировочные бригады, вооруженные 345 новейшими бомбардировщиками СБ, составляли ударную силу военно-воздушных сил Дальнего Востока. Общее количество самолетов, сосредоточенных на дальневосточных границах, включая авиацию Тихоокеанского флота, составляло 2189.

К 1 января 1937 года численность личного состава дальневосточной группировки войск Красной Армии в полтора раза превышала численность Квантунской армии. По артиллерии, авиации и танкам превосходство Красной Армии было еще большим. Общее превосходство, достигнутое над частями Квантунской армии в 1934—1936 годах, продолжало сохраняться. Увеличивая численность войск в дальневосточном регионе, советское военное руководство учитывало непрерывное увеличение численности и вооружения Квантунской армии, подготовку к войне маньчжурского плацдарма, строительство по направлению к советским границам новых железнодорожных и шоссейных магистралей, сооружение аэродромов, способных принять тысячи боевых самолетов, строительство

казарм, могущих вместить новые дивизии, перебрасываемые в Маньчжурию из Японии. Советское политическое и военное руководство учитывало возможность быстрого сосредоточения японских частей в Маньчжурии в случае начала войны и держало на Дальнем Востоке достаточно мощную группировку войск, чтобы разбить в первых же боях части Квантунской армии и перенести боевые действия на территорию Маньчжурии.

Дальневосточная группировка Красной Армии всегда находилась под пристальным вниманием японской агентуры. Внимательно следили за Транссибирской магистралью – единственной железнодорожной линией, связывающей огромный регион со страной. Фиксировались перевозки по железной дороге подводных лодок, торпедных катеров и железнодорожной артиллерии для усиления Тихоокеанского флота. Велось внимательное наблюдение за переброской на Дальний Восток подразделений тяжелобомбардировочной авиации. Создание мощного воздушного кулака, нацеленного на Токио на аэродромах около Владивостока, а именно там была сосредоточена группировка бомбардировщиков ТБ-3, не было тайной ни для японского генштаба, ни для мировой прессы. Возможности налета на столицу островной империи в случае войны обсуждались на страницах иностранных газет и журналов. Переброски на Дальний Восток крупных подразделений Красной Армии по единственной железнодорожной магистрали было невозможно скрыть от японской разведки. И усиление ОКДВА в 1934—1936 годах было зафиксировано в японском генштабе. Там подсчитали цифры и определили соотношение сил, которое оказалось не в пользу империи. Соответствующие выводы были сделаны и в Токио, и в штабе Квантунской армии и способствовали стабилизации обстановки в

дальневосточном регионе. Японская военщина стала вести себя более сдержанно.

* * *

В августе 1937 года в Забайкалье началась операция, которая оказала влияние на последующие события в этом регионе. Операция была окружена завесой непроницаемой тайны. О ней после войны не писали в официальных военно-исторических трудах. О ее целях, задачах, методах исполнения ни слова не говорили историки – архивы были закрыты наглухо. Только после 1991-го года, когда кое-что было рассекречено, появилась возможность свести воедино отрывочные сообщения прошлых лет и архивные документы и выстроить достоверную картину событий полувековой давности. Но и сейчас еще невозможно составить полную картину событий тех лет. Основной пласт политических документов – протоколы заседаний Политбюро («Особые папки») закрыт для исследователей.

Японо-китайская война, начатая 7 июля 1937 года, продолжалась, охватывая все новые и новые районы Китая. В августе японские дивизии с упорными боями продвигались в глубь китайской территории. Часть сил японской армии в Китае была направлена на северо-запад к границам Монгольской Народной Республики. Может быть, в японском генштабе в то время и не разрабатывались конкретные планы агрессии против республики, но выход японских дивизий к ее южным и юго-восточным границам означал реальную угрозу для этой страны. Слишком хорошо была известна привычка японских войск создавать «инциденты», после которых начиналась необъявленная война. Да и малочисленная армия МНР не могла служить серьезным препятствием

для японских войск в случае начала конфликта. Это хорошо понимали и в Москве, и в Улан-Баторе.

Ударную силу монгольской армии составляли шесть кавалерийских дивизий численностью по 2015 человек. Пять дивизий прикрывали восточные и юго-восточные границы. В столице республики Улан-Баторе дислоцировались одна кавалерийская дивизия, бронебригада, полк связи и полк легких бомбардировщиков. Все части армии были очень малочисленными. Численность полка связи составляла 400 человек, бронебригады – 517 человек. Такими же малочисленными были и оба авиационных полка, вооруженные устаревшими советскими самолетами Р-5. Общая численность вооруженных сил составляла 17 800 человек, включая сюда аппарат военного министерства, военное училище и территориальные кавалерийские полки, прикрывавшие южную границу республики.

Для надежного прикрытия тысячекилометровых границ сил, конечно, было недостаточно. В случае японской агрессии ни о каком серьезном сопротивлении без поддержки регулярных частей Красной Армии не могло быть и речи. Несколько японских дивизий из экспедиционной армии в Китае было бы достаточно, чтобы пройти всю республику и выйти к советской границе в районе Кяхты. Такой была тревожная обстановка летом 1937 года. Может быть, она в какой-то мере и повлияла на те трагические события, которые произошли в республике.

Летом 1937 года события в МНР развивались по советскому сценарию. Чайболсан рвался к единоличной власти, убирая со своего пути всех неугодных. Массовые аресты, пытки, расстрелы – все так же, как и у северного соседа. Сценаристов и режиссеров из НКВД в Улан-Баторе было достаточно. И как следствие, – «шпионаж в пользу Японии, заговор, свержение правительства и просьба к Японии о вводе войск на

монгольскую территорию». Но если был «заговор», то нужна была и точная «дата» ввода японских войск. Режиссеры «заговора» решили назначить ее на 9 сентября 1937 года. Эта дата и определила все дальнейшие действия высшего советского военного руководства. Стандартный набор преступлений, в которых были обвинены министр обороны Демид, премьер Гендун, полпред в Москве Даризап. Информация о «заговоре» ушла в Москву. Пока неизвестно (архивы до сих пор закрыты), приняли ли всерьез информацию на улице Фрунзе или решили воспользоваться удобным предлогом, чтобы ввести войска на территорию соседней республики. Но решение о вводе войск в МНР было принято на высшем политическом и военном уровне.

Было ли специальное постановление Политбюро о вводе войск? Сейчас нельзя дать точного ответа – протоколы заседаний за этот год еще не рассекречены. Но то, что ввод войск в МНР санкционировался Сталиным, – несомненно. Директива Сталина командующему войсками Забайкальского военного округа была. В этом документе хозяин кремлевского кабинета писал:

«Первое. Пакт о взаимной помощи гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхне-Удинска и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам.

Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР».

Сталин приказал – Ворошилов выполнил. Слишком большая ответственность для Наркома Обороны принять самостоятельное решение и ввести десятки

тысяч бойцов и командиров на территорию другой страны без санкции «хозяина». Верил ли Ворошилов в «заговор» в Улан-Баторе? Думается, что нет. Слишком хорошо знал он кухню репрессий в РККА и методы работы советников НКВД в Улан-Баторе, расчищавших Чайболсану путь к диктатуре. А вот новый начальник Генштаба Б. М. Шапошников мог и поверить в информацию о «заговоре», как поверил он в виновность Тухачевского, когда присутствовал на знаменитом процессе.

В середине августа телеграфная линия между Москвой и Иркутском работала с полной нагрузкой. Из генштаба в штаб округа поступали шифрованные директивы о формировании группы войск усиления монгольской армии, переформировании стрелковых дивизий и механизированных бригад, формировании новых кавалерийских и авиационных частей. В округе готовились к крупнейшей после гражданской войны переброске войск. Десятки тысяч бойцов и командиров, сотни танков и орудий, тысячи автомашин должны были скрытно сосредоточиться у советско-монгольской границы для дальнейшего продвижения на территорию МНР. К 20 августа 36-я стрелковая дивизия округа, дислоцировавшаяся в Чите, была переформирована в моторизованную дивизию. Для быстрого перемещения по обширным степным просторам Монголии частям дивизии были переданы пять автомобильных батальонов. Была переформирована по штатам военного времени и приспособлена к действиям в монгольских степях и 32-я механизированная бригада, выделенная из 11-го механизированного корпуса.

Для всех мероприятий, связанных с переформированием и передвижениями частей округа к границам МНР, был создан режим строжайшей секретности. Даже в совершенно секретном приказе войскам округа об организационных мероприятиях,

проведенных по особым указаниям Генштаба РККА, вместо пункта новой дислокации переформированных частей стояла фраза: «Дислокация по особому указанию Генштаба РККА». Делалось все возможное, чтобы скрыть переброску крупной группировки войск на территорию Монголии.

Передвижение частей к монгольской границе началось 20 августа. Первыми начали марш на юг по старинному тракту Улан-Удэ – Кяхта 36-я моторизованная дивизия и 32-я механизированная бригада. Спешили, стремясь к «9 сентября» выйти в намеченные пункты, чтобы прикрыть восточные и юго-восточные границы МНР от возможного «вторжения». Из частей округа была создана группа усиления монгольской армии. Командующим группой был назначен комдив Конев – будущий Маршал Советского Союза, комиссаром группы – корпусный комиссар Прокофьев. Через год в июне 1938 года Конев в одном из своих докладов в Москву так оценивал тревожную обстановку августа 1937 года: «Известно, что опоздание с вводом войск РККА в МНР на 8 – 10 дней могло изменить обстановку не в нашу пользу, так как банда шпионов и японских агентов Гендун, Демид, Даризап готовила переворот в МНР 9 сентября, в этот же день должен был состояться переход границы японскими войсками». Вполне возможно, что комдив, не посвященный в высшую политику Москвы и Улан-Батора, искренне верил в существование заговора.

Подразделения 36-й дивизии ночью ушли из Читы. И чтобы скрыть от японской агентуры, а в крупных городах Забайкалья она конечно имелась, и от жителей Читы уход дивизии, на ее место из Иркутска были переброшены части 93-й стрелковой дивизии. Эта дивизия получила номер 36-й дивизии. В освободившиеся казармы в Иркутске были переброшены части 114-й стрелковой дивизии. Эта

дивизия также была переименована в 93-ю дивизию. В штабе Забайкальского военного округа делали все возможное, чтобы скрыть переброску войск в Монголию. Передвижением войск в Забайкалье руководили командующий войсками округа командарм 2-го ранга Великанов и начальник штаба округа комдив Тарасов.

Утром 27 августа на монгольский аэродром Баин-Тумен приземлились 52 советских самолета. На следующий день части Красной Армии пересекли монгольскую границу. 36-я дивизия и 32-я механизированная бригада выступили из Кяхты на Улан-Батор. В этот же день из Соловьевска по Эренцабскому тракту на Баин-Тумен начали движение два кавалерийских полка кавалерийской бригады. Штаб группы усиления, расположенный в Улан-Баторе, был связан телеграфной линией с Москвой. Шифрованные оперативные сводки о движении войск по территории МНР, подписанные Коневым и Прокофьевым, два раза в день передавались в Москву, начальнику Генштаба РККА командарму 1-го ранга Шапошникову.

Днем 29 августа стрелковый полк и разведывательный батальон дивизии подошли к Улан-Батору. Марш прошел нормально, и в сводке № 05 отмечалось: «Отставших и аварийных машин нет». В этот же день на дневку западнее Улан-Батора расположились и части 32 - 1 механизированной бригады. Кавалерийские полки продолжали марш по тракту на Баин-Тумен. График перемещения частей усиления выдерживался. Но при движении по дорогам Монголии не принимались в расчет никакие местные или национальные особенности. И в монгольских степях решали и командовали, как у себя дома. Вот один из примеров. Конев 29 августа сообщал в шифровке по прямому проводу комкору Фриновскому, что части 32-й бригады при движении к месту дислокации достигли местечка Чойрин. «К западу в 3 километрах от

Чойрина – Чойрин-хид (монастырь), где имеется колодец. Больше воды в районе Чойрина нет». При движении по безводным степям Монголии малочисленные колодцы были единственными местами для размещения войск. Этим и решили воспользоваться. В донесении указывалось: «Монастырь Чойрин-хид имеет около ста отдельных построек, где проживает до трех тысяч лам (монахов). При выселении лам можно разместить стрелковый полк». Куда уйдут три тысячи местных жителей и где они будут жить – об этом не думали.

31 августа 106-й полк дивизии продолжал движение по тракту, соединяющему китайский город Калган с Улан-Батором, выдвигаясь к монголо-китайской границе. Кавалерийские полки бригады, преодолев сотни километров безводной степи, подходили к Баин-Тумену, чтобы прикрыть восточные границы восточного выступа республики.

К вечеру 3 сентября 106-й полк достиг конца своего долгого пути – Саин-Шанда. Здесь на трассе Калган – Улан-Батор создавался опорный пункт, прикрывавший юго-восточную границу республики. Полки кавалерийской бригады из Баин-Тумена перебрасывались в монастырь Югодзырь-хид на юго-восточную границу республики. Они должны были прикрывать с юга стратегически важный Тамцак-Булакский выступ территории МНР. Место для размещения полков было выбрано около монастыря. Его постройки могли вместить оба полка, а имеющиеся рядом колодцы обеспечивали и людей, и конский состав.

Уже 30 августа штаб группы усиления войск был переформирован в штаб 57-го особого корпуса с дислокацией в Улан-Баторе. Части корпуса подчинялись штабу Забайкальского военного округа, но в оперативном отношении командование и штаб корпуса

подчинялись только Наркому Обороны и начальнику Генштаба. Такое двойное подчинение определялось особым положением частей Красной Армии, расположенных на территории соседней страны.

К 9 сентября сосредоточение частей Красной Армии на территории МНР было закончено. На основных направлениях были прикрыты юго-восточные границы республики. В случае военной угрозы подразделения, сосредоточенные в Улан-Баторе, могли выдвинуться в любом направлении к границам. Восточная территория республики была прикрыта с воздуха двумя авиационными полками. Для подразделений Красной Армии началась суровая служба в чужой стране, в непривычных условиях пустынного театра, на голом месте без жилья, запасов, продовольствия, горючего. Специально сформированные автомобильные батальоны по плохим проселочным дорогам подвозили все необходимое, чтобы обеспечить на зиму крупную группировку частей Красной Армии.

Части пришли на голое место. Все надо было начинать с нуля, а суровая монгольская зима с ее ветрами, холодами и буранами уже стояла у порога. До ближайших железнодорожных станций на советской территории, откуда поставлялось все необходимое вплоть до дров для отопления, сотни километров бездорожья. В этих условиях вся надежда была только на автотранспорт. Водители автомобильных батальонов сутками не вылезали из кабин. Тысячи грузовых машин непрерывно курсировали между железнодорожными станциями, базами снабжения и частями...

К октябрю 1937 года на территории МНР была сосредоточена крупная подвижная группировка Красной Армии: 30 тысяч человек, тысячи ручных и станковых пулеметов, сотни орудий, 280 бронемашин и 265 танков. Подвижность ее подразделений обеспечивали пять тысяч автомашин всех типов. На

аэродромах и посадочных площадках было сосредоточено 107 самолетов. В состав корпуса вошли 36-я мотострелковая дивизия, одна механизированная и две мотоброневые бригады, мотоброневой полк, кавалерийская и авиационная бригады, части связи и многочисленные инженерные, автомобильные и строительные подразделения.

Корпус был мощным подвижным соединением, равного которому не было в частях Квантунской армии. Его появление на монгольской земле изменило стратегическую обстановку во всем дальневосточном регионе. Крупная механизированная группировка советских войск появилась именно в том районе Монголии, который был более всего приспособлен для действий механизированных частей – ровная безлесная степь и никаких естественных препятствий. В случае войны, а в ее возможность верили и в Москве, и в Улан-Баторе, слабые по численности и вооружению кавалерийские дивизии монгольской армии могли вести бои в тесном взаимодействии с советскими механизированными и мотоброневыми бригадами под прикрытием истребительных и бомбардировочных полков советской авиации. Ввод частей Красной Армии в республику обеспечивал в случае войны прикрытия наиболее удобного для движения японских войск направления от Калгана через Улан-Батор и далее вдоль реки Селенга к Транссибирской магистрали.

В кровавом 1937 году массовые репрессии в Красной Армии не обошли и части корпуса. Приведу только два примера, подтвержденные архивными документами. 18 сентября командир корпуса Конев подписал приказ об освобождении комбрига В. Ф. Шипова от должности командира мотоброневой бригады. От должности освобождался боевой командир, уже год командовавший этой частью в Монголии, хорошо освоивший монгольский театр военных действий. Этим

же приказом освобождался от командования мотоброневым полком полковник Покалн, так же как и Шипов, в течение года служивший в МНР. Основанием для освобождения послужил приказ Наркома Оборон. Оба командира увольнялись в запас. Это был формальный повод, после которого следовал арест, суд и, в лучшем случае, колымские лагеря.

Был арестован и комиссар корпуса корпусный комиссар Прокофьев. Его подпись еще встречалась в приказах корпуса до января 1938 года. Но уже в приказе № 07 от 14 января 1938 года появилась фамилия нового комиссара корпуса И. Т. Коровникова. Конечно, майор в такой должности выглядел несолидно, и ему спешно приказом Наркома было присвоено воинское звание «комбриг». Через четыре месяца он уже получает следующее воинское звание «комдив». Пройти за четыре месяца путь от майора до генерал-майора (соответствует званию «комдив») удавалось даже в тот бурный год немногим.

Ввод войск Красной Армии на территорию МНР в корне изменил военно-стратегическое положение на Дальнем Востоке. В случае войны РККА получила возможность действовать во фланг и тыл ударной группировки Квантунской армии, наступавшей из Хайларского района на Читу. Советские подвижные соединения, а в то время подобных соединений не было в составе Квантунской армии, получили выход к перевалам Большого Хинганского хребта и после захвата перевалов могли прорваться на центральную маньчжурскую равнину. Эта идея прорыва подвижных соединений через Хинган в центральную Маньчжурию была использована при планировании операции по разгрому Квантунской армии в 1945 году.

Обширные территории на юго-востоке Монголии, находившиеся с 1937 года под полным контролем Красной Армии, были использованы для создания

крупного плацдарма, предназначенного для развертывания подвижной стратегической группировки в случае войны с Японией. А к этой войне готовились упорно и настойчиво многие годы. Очень хотелось Москве взять реванш и за поражение в русско-японской войне, и особенно за японскую интервенцию на Дальнем Востоке в 1918—1922 годах. Нужно было показать всему миру, что Советская держава – это не отсталая Россия, над которой может глумиться какое-то азиатское государство, диктуя свою волю.

У юго-восточных границ Монголии строились дороги, узлы и линии связи, склады оружия, военной техники и боеприпасов. Сеть аэродромов могла вместить мощную воздушную группировку. В полной мере был использован опыт Квантунской армии по созданию маньчжурского плацдарма. К 1945 году плацдарм был создан, и ударная группировка Забайкальского фронта была в кратчайший срок введена в Монголию и размещена в этом районе, изготовившись для стремительного удара через перевалы Большого Хингана к Мукдену.

Как только Красная Армия получила в свое распоряжение монгольский театр военных действий, идея будущего грандиозного стратегического плана разгрома Квантунской армии, который был разработан и осуществлен в августе 1945 года, начала витать в воздухе. Изменившееся военно-географическое положение на Дальнем Востоке, после ввода частей Красной Армии в МНР, предопределило основные направления ударов этого плана. Эти изменения сразу же почувствовали аналитики в генеральных штабах и наиболее осведомленные журналисты и обозреватели крупнейших газет и журналов, внимательно следившие за событиями на Дальнем Востоке и исследовавшие силу и техническое оснащение Красной Армии.

В 1934 году в Париже на русском языке был выпущен сборник «Проблемы». Авторы – офицеры и генералы белой армии, жившие после гражданской войны в эмиграции. В статьях сборника анализировалось военно-политическое положение Советского Союза, рассматривались возможные варианты войны с Японией. Военный конфликт с дальневосточным соседом считался в те годы вполне вероятным, и, естественно, опытные генштабисты, прошедшие школу Первой мировой и гражданской, анализировали особенности будущего театра военных действий. Один из них – полковник Федор Махин в статье «Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке» считал, что основным районом военных действий в будущей войне России с Японией будет Забайкалье и примыкающий к его южной части район Восточной Монголии. Здесь, по мнению автора статьи, будут сосредоточены главные русские силы. Вторым по значению он считал Приморский район, который благодаря своей удаленности от тыла являлся самостоятельным районом. «Поэтому, – считал автор, – подготовка его к войне должна носить вполне законченный характер, то есть в нем должны быть заблаговременно сосредоточены и достаточные силы, и достаточные запасы...» В качестве вспомогательного он считал Приамурский район, который «будет служить ареной борьбы небольших войсковых групп за обладание путями сообщения, связывающими Забайкалье и Приморье», а также район северной Кореи с портами Расин и Сейсин.

Если посмотреть на карты операции по разгрому Квантунской армии, опубликованные в советских военно-исторических трудах, то видно, что основной удар наносился Забайкальским фронтом из восточно-монгольского выступа через Хинган на Мукден. Встречный удар наносился из Приморья также на

Мукден. И два вспомогательных удара наносились в бассейне реки Сунгари и по побережью Северной Кореи. Махин не только правильно определил направление главного и вспомогательного ударов в будущей войне, но и подчеркнул, что от исхода борьбы на Забайкальском направлении будет зависеть окончательный результат второго русско-японского вооруженного столкновения. «Таким образом, Забайкальский район приобретает значение главного, а Приморский – второстепенного, то есть такого района, в котором возможен временный неуспех русского оружия, не влекущий за собой, однако, окончательного решения войны».

Исход будущей войны с Японией был predetermined русским офицером в Париже за одиннадцать лет до того, как стрелы ударов были нанесены на стратегические карты в Генштабе Красной Армии и за два года до того, как был подписан Протокол о взаимопомощи между Советским Союзом и МНР и части Красной Армии были введены на территорию этой республики.

* * *

В 1935-м началась разработка документов перспективного планирования, связанного с развитием РККА. В Генштабе разрабатывался мобилизационный план на случай войны. При этом учитывалась обстановка в Европе и на Дальнем Востоке, а также угроза войны на два фронта. Конечно, одновременная война на Западе и на Востоке в то время была маловероятна, но генштабисты занимались планированием на перспективу, а через несколько лет ситуация могла радикально измениться. По этому плану намечалось иметь в случае войны 5000 боевых

самолетов и 9000 танков. Численность сухопутных войск определялась в 150 стрелковых и 22 кавалерийские дивизии, а общая численность – в 4,6 миллиона человек. В Генштабе считали, что этого достаточно для успешной войны в Европе и на Дальнем Востоке.

С учетом международной обстановки и возможной войны с Японией предусматривался вариант, когда военные действия развернутся только на Дальнем Востоке. В этом случае предусматривалась мобилизация только ОКДВА, Сибирского военного округа и Тихоокеанского флота. В случае войны с Японией развертывались 12 авиационных и 4 механизированные бригады, а также 22 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии. Общая численность отмобилизованной ОКДВА определялась в 525 тысяч человек. На вооружении этой группировки должно было быть 2200 танков и 1800 самолетов. В случае появления японского флота около Владивостока против него должны были действовать 54 подлодки и 130 торпедных катеров. Для середины 1930-х годов техническое превосходство, особенно в танках и самолетах, было на стороне ОКДВА, поэтому в Москве и Хабаровске не сомневались в успехе в случае войны. Таковы были расчеты Генштаба в 1935-м. Проект мобилизационного плана был завизирован начальником Генштаба Егоровым 15 марта и прошел через Комиссию Оборона при Совнаркоме.

Уже в апреле был разработан план развития вооруженных сил на 1936—1938 годы. Такие планы с учетом меняющегося военно-политического положения Советского Союза периодически разрабатывались в недрах Наркомата Оборона. В тот период середины 1930-х международная обстановка менялась часто, и в Москве старались учитывать все внешние факторы, которые могли повлиять на положение страны. Главным считался западноевропейский театр военных действий.

В докладе отмечалось: «Явно выявившийся немецко-польский блок, направленный в первую очередь против нас, и большой рост вооружений во всем буржуазном лагере делают западный театр вновь в качестве актуального фронта». Такой виделась обстановка из Москвы к лету 1935-го. При этом считалось, что присоединение к блоку Финляндии вполне вероятно, а это значительно ухудшало обстановку в районе Ленинграда.

В Генштабе считали вполне естественным, что в случае войны на Западе Япония не упустит благоприятного шанса и сразу же начнет боевые действия на советско-маньчжурской границе, и в первую очередь в Приморье. Поэтому война на два фронта считалась естественной, и в Москве готовились именно к этой войне. В том же докладе отмечалось: «Исходя из вероятности одновременной войны на обоих театрах, приходится признать, что западный театр нуждается дополнительно в значительном усилении...» Наличных сил подавления, в первую очередь самолетов и танков, было недостаточно, и этим трехлетним планом предусматривалось вдвое увеличить численность ВВС, доведя количество боевых самолетов к 1939 году до 10 тысяч. С учетом проведения всех мероприятий трехлетнего плана численность РККА в 1938 году должна была составлять 1475 тысяч человек. Для ОКДВА (без флота) предусматривалось 25 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, 5 механизированных бригад и 6 артиллерийских полков РГК, а также 1800 боевых самолетов сухопутных войск и 500 самолетов флота. На Дальнем Востоке создавался авиационный кулак из 2300 боевых машин. В Москве считали, что наличие такого кулака вблизи японских островов отрезвляюще подействует на горячие головы в японском генштабе. Выполнение таких мероприятий, особенно для Дальнего Востока, где многое

приходилось начинать на пустом месте в глухой тайге, требовало огромных ассигнований. Но в середине 1930-х на усиление военной мощи страны денег уже не жалели.

Если в конце 1920-х Реввоенсовету приходилось «драться» с Наркоматом финансов за каждую сотню миллионов рублей, то только на казарменное и аэродромное строительство по этому плану выделили 1,5 миллиарда. Общую сумму затрат автору подсчитать так и не удалось. Возникает вопрос: насколько реальным было такое планирование, соответствовало ли оно экономическим возможностям страны, не были ли все эти планы ничем не подкрепленной бумажной стратегией? К этому времени период шапкозакидательства конца первой пятилетки уже прошел, и в Генштабе научились правильно считать и планировать. К 1939 году основные цифры плана по общей численности и количеству боевых самолетов были выполнены. Во всяком случае весной 1935-го ни Ворошилов, ни начальник Штаба РККА Егоров, подписавшие документ, не сомневались в реальности этого плана.

* * *

Но если на сухопутных границах удалось добиться численного превосходства в людях и боевой технике, то при обороне морских границ, и в первую очередь в Приморье, положение было критическим. Военно-морского флота у Советского Союза на Дальнем Востоке в начале 1930-х не было. То небольшое количество мелких боевых кораблей, которое удалось сосредоточить в районе Владивостока, в оперативных документах Генштаба именовалось Морскими Силами на Дальнем Востоке (МСДВ). В Тихоокеанский флот

(ТОФ) они были переименованы, да и то только для поднятия престижа, в 1935-м, но флотом это небольшое количество кораблей, конечно, считать было нельзя. Владивосток, главная база флота, был хорошо прикрыт от нападения с моря – береговая оборона крепости была сильной. А остальное побережье Приморья с удобными бухтами для высадки морских десантов было почти полностью открыто. В случае войны Япония могла высаживать десанты в любом месте, не встречая серьезного сопротивления.

Такое положение очень беспокоило военное руководство в Москве и Хабаровске. Чтобы создать какой-то противовес мощному японскому флоту на Дальнем Востоке, туда начали перебрасывать по Транссибирской магистрали москитные силы (торпедные катера, малые и средние подводные лодки). Но их переброска через всю страну не решала кардинально проблему борьбы с мощным японским флотом, занимавшим в начале 1930-х третье место в мире после флотов США и Англии. Сталина, внимательно следившего за событиями на Дальнем Востоке, тоже беспокоили вопросы борьбы с японским флотом. И он, очевидно хорошо помня дискуссию 1928 года о роли малого флота в обороне побережья, поручил Тухачевскому разобраться с вопросами противодействия японскому флоту и высказать свое мнение. Тухачевский, будучи еще начальником Штаба РККА, выступал 8 мая 1928 года с докладом на заседании Реввоенсовета, посвященном проблеме морской войны. Тогда обсуждались вопросы, связанные с борьбой против мощного английского флота, который в случае войны с нашими западными соседями мог оказать им помощь, войти в Финский залив и подойти к Кронштадту. Тухачевский тогда выступал как идеолог малого флота, состоящего из москитных сил, береговой обороны и мощной сухопутной и морской авиации. Он

считал, что этих сил достаточно для успешного противодействия английскому флоту, имеющему в своем составе крупные боевые корабли. В начале 1930-х аналогичная ситуация сложилась на Дальнем Востоке. Только вместо Кронштадта был Владивосток, вместо английского флота – японский, а вместо теоретического конфликта – возможность вполне реального боевого столкновения. Поэтому Сталин и предложил теоретику малого флота разработать конкретные предложения по применению крупных сил авиации против линкоров и авианосцев японского флота.

22 ноября 1933 года на стол Сталина легла докладная записка на восьми страницах и короткое сопроводительное письмо: «При сем прилагаю, согласно Вашим указаниям, разработанную мною записку». Под обоими документами стояла подпись Тухачевского. В «Записке о методах борьбы с японским морским флотом в Японском море» он писал: «Практически, на ближайшие годы, для борьбы с наступающим японским флотом, нам придется применять воздушный и подводный флот, а также торпедные катера. Эти средства достаточны для того, чтобы при соответствующей организации и технической подготовке уничтожить те морские силы, которые Япония может выделить против СССР, не ослабляя себя для борьбы на Тихом океане». Чтобы определить количество боевых кораблей, которое Япония может выделить для боевых действий в Японском море, он обратился в 4-е Управление Штаба РККА. Аналитики военной разведки подсчитали, что против Советского Союза для обеспечения десантных операций на побережье Приморья японский флот может выделить 3 линкора, 3 авианосца, 14 крейсеров, 60—70 эсминцев и 10—15 подводных лодок. А всего 22 крупных и 155 мелких кораблей. Из этих цифр и исходил в своих расчетах будущий маршал.

Учитывая опыты практического бомбометания в американском флоте по списанным линкорам и крейсерам (в советском флоте такие опыты не проводились), Тухачевский пришел к выводу, что для уничтожения крейсера или равного ему по классу корабля достаточно попадания одной бомбы весом в одну тонну. Чтобы потопить линкор или авианосец, нужно попадание трех таких бомб. Учитывая проценты попадания в крупные и средние корабли, он подсчитал, что для потопления 22 крупных кораблей, которые мог выделить военно-морской флот Японии против Советского Союза, нужно сбросить 168 бомб с 84 самолетов ТБ-3. С учетом больших потерь от огня зенитной артиллерии, которые он определил в 128 бомбардировщиков, наличие на аэродромах около Владивостока авиационного корпуса в составе 212 ТБ-3 было достаточным для успешных действий против японского флота. В своей записке он отмечал: «Применение торпедных катеров, особенно волнового управления (управляемых по радио), и подводных лодок еще больше облегчит задачу авиации. Эта задача совершенно реальна, она совсем по-новому может дать оборот соотношения наших сил с Японией, но для выполнения ее необходимы немедленные организационные и учебные мероприятия.

Тухачевский предлагал перебросить на Дальний Восток имевшиеся в ВВС РККА 200 самолетов ТБ-1, поставить их на поплавки и использовать как торпедоносцы. Эти самолеты были спроектированы КБ Туполева по заказу Остехбюро именно для низкого торпедометания, и он предлагал использовать их по прямому назначению. Торпеды были в большом дефиците, их не хватало даже для строящихся подводных лодок. Поэтому предлагалось заказать 200—400 таких торпед за границей. Он предлагал сформировать на Дальнем Востоке еще один

авиакорпус из 200 бомбардировщиков ТБ-1 и всю эту группировку прикрыть с воздуха соответствующим количеством авиабригад истребительной авиации. В заключении своей записки он писал: «200 ТБ-3, 200 ТБ-1 с соответствующим числом разведчиков и истребителей создали бы нам господствующее положение в Японском море. Японская корабельная авиация оказалась бы беспомощной против этих сил, а базовая японская авиация за дальностью расстояния не сможет работать во взаимодействии со своим морским флотом. Наше же преимущество перед Японией заключается в том, что японские морские действия должны происходить в районе действий нашей базовой авиации».

Предложения Тухачевского, высказанные в записке, требовали длительных и серьезных организационных мероприятий. Для новых авиационных соединений нужно было строить аэродромы и ангары, мастерские и склады. Для каждой новой авиационной бригады, перебрасываемой из европейской части страны, на пустом месте нужно было строить городок на сотни семей. К авиационным базам и гарнизонам нужно было строить дороги для подвоза всего необходимого. Строить, строить и строить, затрачивая на это десятки миллионов рублей и сотни тысяч тонн материалов. Работы было не на один год. Автор записки понимал это, но он понимал и то, что другого пути для того, чтобы выиграть в схватке с японским флотом, нет. Не было у Советского Союза современных линейных кораблей, и их строительство в 1933 году не просматривалось даже в перспективе, особенно на Дальнем Востоке. Об авианосцах и тяжелых крейсерах вообще не думали. Поэтому идея воздушного кулака, предложенная им, была принята и поддержана Сталиным. Без одобрения генсека начинать такое грандиозное мероприятие было невозможно. Сталин внимательно прочитал записку, о чем говорят его

многочисленные подчеркивания, и как важный документ, который должен быть под рукой, отправил ее в свой личный архив.

За три года удалось сделать многое. К 1937 году в составе авиации флота была сформирована минно-торпедная авиабригада, на вооружении которой были торпедоносцы ТБ-1. Было сформировано шесть тяжелобомбардировочных авиабригад, имевших на вооружении 284 ТБ-3. И в дополнение к этому было сформировано четыре бомбардировочные бригады, вооруженные новейшими по тому времени средними бомбардировщиками СБ. 314 самолетов этого класса могли существенно подкрепить действия тяжелых бомбардировщиков против японского флота. Эта воздушная группировка отрезвляюще действовала на горячие головы в японском генштабе во второй половине 1930-х годов, когда на Дальнем Востоке была сформирована авиационная армия особого назначения (АОН). Не хотели терять тяжелые корабли и в главном морском штабе Японии. Поэтому руководство военноморского флота всегда было против северного варианта агрессии, предпочитая сражения с эскадрами флота США на просторах Тихого океана.

Глава четвертая.
1938 - 1940 годы. Проба сил

Маньчжурские партизаны

Советская военная разведка (Разведупр) прославилась еще в первой половине 1920-х годов своими диверсионными действиями на польской территории. «Партизанские» отряды, переправлявшиеся через границу, действовали на территории соседней Польши в районах Западной Белоруссии и Западной Украины, захваченных поляками в 1920 году. Несколько лет (с 1921 по 1924 год) на этих землях гремели выстрелы и взрывы, проводились нападения на железнодорожные поезда, полицейские участки, усадьбы польских помещиков. Нападали иногда и на тюрьмы, освобождая политических заключенных. «Партизан» не смущало то, что война уже кончилась, что между двумя государствами были установлены нормальные дипломатические отношения, а в Москве и в Варшаве сидели послы обоих государств. После очередного нападения отряды «партизан», часто переодетые в польскую военную форму, уходили от эскадронов польских улан на советскую территорию, где зализывали раны, отдыхали, пополняли запасы оружия и вновь при помощи советских пограничников переходили на польскую сторону, продолжая свою необъявленную войну.

В одну из февральских ночей 1925-го года отряд «партизан», одетых в польскую военную форму, по ошибке напал на советскую погранзаставу у местечка Ямполь. В Москве, не разобравшись в чем дело, обвинили поляков в вооруженном нападении. Разгорелся международный скандал, о котором много писала польская пресса. Политбюро рассмотрело вопрос о деятельности Разведупра и по предложению Дзержинского приняло решение: «активную разведку

во всех ее формах и видах на территории сопредельных стран прекратить». Но в начале 1930-х, когда отношения между Польшей и Японией приняли дружеские формы, польская дефензива (контрразведка) поделилась с японской разведкой той информацией, которой она располагала. Это касалось и советской агентуры в Польше, и активной разведки Разведупра. В Токио идею «активки» признали заслуживающей внимания и решили попробовать эту форму деятельности в Маньчжурии. Граница с Советским Союзом была рядом по Амуру и Уссури, а человеческого материала, пригодного для активной диверсионной деятельности, в Маньчжурии было достаточно: масса беженцев, пришедших туда после гражданской, забайкальские, амурские и уссурийские казаки, потерявшие в России все и ушедшие в Маньчжурию с атаманом Семеновым. Подрастало и молодое поколение эмигрантов, не знавшее Родины.

Людей, озлобленных на советскую власть, отнявшую у них все, было достаточно. И в середине 1930-х в штабе Квантунской армии решили приступить к формированию диверсионных отрядов из русских эмигрантов. В 1934-м году японская военная миссия в Харбине решила объединить все белогвардейские организации для установления централизованного руководства над их деятельностью, направленной против СССР. В том же году было создано бюро по делам русской эмиграции, в котором были объединены все белоэмигрантские организации в Маньчжурии. Бюро подчинялось японской военной миссии в Харбине. Через это бюро в Харбине и его подотделы в других городах японская разведка вербовала белоэмигрантов для диверсионной деятельности на территории Советского Союза.

По предложению Судзуки, офицера японской разведки из Харбинской военной миссии, в 1936 году из

числа членов Союза русских фашистов был сформирован специальный отряд. Вооруженный и оснащенный японской разведкой, под командованием Матвея Маслакова, помощника руководителя Российского фашистского союза Родзаевского, этот отряд осенью того же года был тайно переправлен через Амур на советскую территорию для террористической и диверсионной деятельности, а также для устройства фашистских подпольных организаций.

Для привлечения белоэмигрантской молодежи к активной разведывательной и диверсионной деятельности против Советского Союза японские власти совместно с правительством Маньчжоу-Го приняли закон о всеобщей воинской повинности для русской эмиграции как одной из народностей коренного населения Маньчжурии. Закон был принят на основе плана, разработанного японским полковником Макото Асано. В мае 1938-го японская военная миссия в Харбине создала специальную школу для подготовки диверсионных и разведывательных кадров из числа местной белоэмигрантской молодежи. Школа была названа «отрядом Асано» (по-японски «Асано-бутай»). В дальнейшем по типу этого отряда был создан ряд новых отрядов, которые являлись его филиалами и дислоцировались в различных пунктах Маньчжурии.

В 1945 году при разгроме войск Квантунской армии в плен попал генерал-лейтенант Янагито Гендзо. Генерал перед войной был начальником Харбинской военной миссии, и, естественно, его показания представляли большой интерес. Во время допроса он подтвердил показания Семенова и Родзаевского о деятельности русских белоэмигрантских организаций, добавив то, о чем те могли и не знать: подготовка разведчиков и диверсантов велась по прямому приказу командующего Квантунской армией генерала Умедзу.

Военные формирования белоэмигрантов маскировались как части армии Маньчжоу-Го, и поэтому генералу во время допроса был задан вопрос об отряде «Асано». Вопрос, конечно, был не случайным. Специальные диверсионные формирования для действий в тылу будущих противников были тайною тайн и для абвера, сформировавшего полк, а потом дивизию «Бранденбург», и для японской разведки. Вот отрывок из допроса Янагито Гендзо:

«Вопрос. Имели ли Вы отношение к белоэмигрантам в бытность Вашу начальником военной миссии в Харбине?

Ответ. Да, имел. По указанию командующего Квантунской армией мы должны были подготовить белоэмигрантов в качестве агитаторов, пропагандистов, разведчиков и диверсантов. Формирования белоэмигрантов маскировались как части маньчжурской армии. Часть белоэмигрантов служила в японской военной миссии и выполняла функции по пропаганде и разведке.

Вопрос. Имелась ли в бытность Вашу начальником Харбинской военной миссии школа для подготовки разведчиков, диверсантов и пропагандистов из числа белоэмигрантов?

Ответ. По указанию командующего Квантунской армией генерала Умедзу военная миссия обязана была подготавливать и воспитывать белоэмигрантов в качестве пропагандистов и разведчиков.

Вопрос. Что такое отряд «Асано»?

Ответ. Часть «Асано» являлась диверсионной частью, состоящей из русских эмигрантов.

Вопрос. Расскажите, кто ее организовал?

Ответ. Эта часть была организована приблизительно в 1936 году штабом Квантунской армии в лице помощника начальника 2-го отделения подполковника Ямаока.

Вопрос. Какова была численность отряда «Асано»?

Ответ. В составе отряда «Асано» было пять рот. В общей сложности в отряде было около 700 человек.

Вопрос. Какие задачи ставил перед собой отряд «Асано»?

Ответ. Задачей отряда «Асано» была подготовка на случай войны с СССР диверсионных частей. Командиром отряда был полковник маньчжурской службы японец Асано».

Как видно, японские разведчики перещеголяли своих немецких коллег из абвера. Батальон «Бранденбург» был сформирован позднее и, может быть, с учетом и использованием японского опыта. Но как собирались маскироваться диверсанты из «Асано» во время войны? И на это японский генерал дает исчерпывающий ответ:

«**Вопрос.** Была ли военной миссией заготовлена красноармейская военная форма для отряда «Асано»?

Ответ. Военной миссией было заготовлено некоторое количество комплектов красноармейского обмундирования, которые были предназначены для отряда «Асано» на случай войны.

Вопрос. С какой целью была заготовлена красноармейская военная форма?

Ответ. Для того чтобы переодеть в нее диверсантов из отряда «Асано» и таким способом обмануть Красную Армию».

* * *

В Советском Союзе тоже хорошо помнили «активку» середины 1920-х. Но если в начале 1930-х годов ведение активной разведки на западных границах против Польши и Румынии было невозможно в силу ряда причин международного характера, то на Востоке для

нашей разведки было полное раздолье. Огромная граница в тысячи километров с удобными местами для переправ на ту сторону через Амур и Уссури. Местное партизанское движение на территории «независимого» государства Маньчжоу-Го, которое мы никогда не признавали. Китайские партизанские отряды, прижатые войсками к границе, переправлялись на советскую территорию, отдыхали там, получали медицинскую помощь, оснащались вооружением и боеприпасами, радиосвязью, снабжались деньгами. И, что было не менее важно, командиры партизанских отрядов получали инструктаж и руководящие указания для дальнейшей боевой деятельности на маньчжурской территории.

Такая помощь и поддержка китайского партизанского движения началась сразу же после оккупации Маньчжурии войсками Квантунской армии и продолжалась все 1930-е годы. Высшее командование ОКДВА при встречах с китайскими командирами старалось координировать боевую деятельность партизанских отрядов, давая указания не только о методах повседневной боевой деятельности, но и о развертывании массового партизанского движения на территории Маньчжурии в случае начала войны между Японией и Советским Союзом. В случае войны советское командование рассматривало китайских партизан как диверсантов и разведчиков, действующих в тылу противника. Конечно, такое руководство, помощь, материальная и моральная поддержка могли рассматриваться как вмешательство во внутренние дела другого государства. Но в те годы, когда для усиления оборонной мощи дальневосточных рубежей хороши были любые средства, об этом не думали ни в Хабаровске, ни в Москве. Япония формально не могла предъявить претензий Советскому Союзу – партизанского движения на японских островах не было.

А с мнением непризнанного «независимого» государства можно было и не считаться.

Решение об активизации партизанского движения в Маньчжурии было принято в Москве на высшем уровне в апреле 1939-го. Разведка предупреждала о возможности серьезных провокаций на советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границах. На Дальнем Востоке запахло порохом, и НКО совместно с НКВД решили использовать руководителей маньчжурских партизан, перешедших границу и интернированных на территории Советского Союза. 16 апреля начальники управлений НКВД Хабаровского, Приморского краев и Читинской области, а также начальники погранвойск Хабаровского, Приморского и Читинского округов получили шифротелеграмму № 7770 из Москвы. В шифровке указывалось: «В целях более полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления Военным Советам 1-й и 2-й ОКА разрешается в случаях обращения руководства китайских партизанских отрядов оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой. Проверенных людей из числа интернированных партизан небольшими группами перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях и в целях оказания помощи партизанскому движению. Работа с партизанами должна проводиться только Военными советами».

Чекистское руководство должно было оказывать Военным советам полное содействие в этой работе. Органы НКВД на местах должны были осуществлять проверку и отбор китайских партизан, которые переходили на советскую территорию со стороны Маньчжурии, и передавать их Военным советам для

использования в разведывательных целях и для переброски обратно в Маньчжурию. Начальники погранвойск округов должны были оказывать содействие Военным советам и обеспечивать переправу на территорию Маньчжурии сформированных Военными советами групп и принимать переходящие через границу партизанские группы и связников. Кроме этого, Военному совету 1-й ОКА передавалась группа из 350 китайских партизан, которые были проверены органами НКВД и признаны надежными. Сколько китайских партизан, перешедших границу в 1938 году, было признано неблагонадежными и отправилось в советские концлагеря, неизвестно до сих пор. Военному совету 2-й ОКА передавались интернированные руководители партизанских отрядов Чжао-Шанчжи и Дай-Хунбин. Их также после инструктажа должны были перебросить на маньчжурскую территорию для руководства действующими там партизанскими отрядами. Под шифровкой стояли подписи двух наркомов: Ворошилова и Берия. Поскольку ни тот ни другой не могли в таком серьезном деле действовать самостоятельно и по собственной инициативе, то можно не сомневаться, что весь комплекс вопросов о военной помощи и активизации действий китайских партизан был согласован со Сталиным. Было ли соответствующее постановление Политбюро, пока неизвестно. Протоколы «Особых папок» еще не рассекречены.

В Москве, очевидно, были готовы пойти на серьезный дипломатический конфликт, если будет обнаружена переброска через границу, пусть даже и мелкими группами, нескольких сот партизан. И здесь стоит сказать о двойном стандарте. Японская разведка также перебрасывала на советскую территорию группы диверсантов (тех же партизан) из белоэмигрантов, но, конечно, без санкции военного министра или министра внутренних дел Японии. Наши газеты писали об этом,

когда обнаруживали и уничтожали их, как о провокации японской военщины. Подключались и наши дипломаты: вызовы в НКВД японского посла, ноты протеста и т. д. Когда же такой работой занималось наше военное руководство на Дальнем Востоке, не говоря уже о наркомах, то это принималось как должное и, конечно, без шума в печати, если протестовали японцы.

Как правило, контакты высшего советского командования с руководителями партизанского движения в Маньчжурии, проходившие на советской территории, были окружены завесой непроницаемой тайны. Документально такие встречи фиксировались очень редко. А если что и попадало на бумагу, то, как правило, с грифом «Сов. секретно. Особой важности. Экземпляр единственный». Участвовали в беседах кроме командующего и члена Военного совета только начальник разведотдела, его заместитель и переводчик. Особенно активизировались такие контакты в конце 1930-х во время конфликтов на Хасане и Халхин-Голе. В мае 1939-го в самом начале халхингольского конфликта, когда еще было не ясно, куда повернут события: в сторону локального конфликта или в сторону необъявленной войны, – состоялась одна из таких встреч.

30 мая командующий 2-й ОКА командарм 2-го ранга Конев (будущий маршал Советского Союза) и член Военного совета армии корпусный комиссар Бирюков встретились в Хабаровске с руководителем партизанских отрядов в Северной Маньчжурии Чжао-Шанчжи и командирами 6-го и 11-го отрядов Дай-Хунбином и Ци-Цзиджуном. На встрече был начальник разведотдела армии майор Алешин и его заместитель майор Бодров. Запись этой встречи – один из немногих документов такого рода, который сохранился в архивах.

Целью встречи являлся разбор соображений, представленных Чжао-Шанчжи: разрешение вопросов

переброски, дальнейшей работы и связей с СССР. Для периода мирного времени руководителю партизанского движения предлагалось связаться с партизанскими отрядами, действующими в бассейне реки Сунгари, объединить управление этими отрядами и создать крепкий штаб, очистить отряды от неустойчивых, разложившихся элементов и японских шпионов, а также создать отдел по борьбе с японским шпионажем в среде партизан. Видно, крепко доставалось китайским партизанам от японской агентуры, проникавшей в их среду, если на борьбу с ней указывал командующий армией.

В качестве дальнейшей задачи ставилось укрепление и расширение партизанского движения в Маньчжурии. Было признано необходимым организовать несколько крупных налетов на японские базы, чтобы поднять дух партизанских отрядов и подорвать веру в силу и могущество японских захватчиков. Предлагалось также организовать секретные базы партизан в труднодоступных районах Малого Хингана для накопления оружия, боеприпасов и снаряжения. Все это предполагалось получить при налетах на японские базы и склады. Китайским руководителям рекомендовалось связаться с местной партийной организацией для развертывания политической работы среди населения и проведения мероприятий по разложению частей маньчжурской армии и снабжению партизан через эти части оружием и боеприпасами.

Это были указания и рекомендации для мирного времени. Беседа, судя по стенограмме, велась корректно и в вежливой форме. Говорилось о большом опыте партизанской борьбы, который имел Чжао-Шанчжи, о его подготовке до перехода в Маньчжурию. Была обещана, в дальнейшем, надежная связь и

всесторонняя помощь по всем проблемам, которые обсуждались на встрече.

Основными во время беседы были указания и рекомендации о действиях китайских партизан в период возможной войны Японии против СССР. В этом случае предлагалось вести разрушительную работу в японском тылу, разрушать важнейшие объекты по заданию советского командования, поддерживать тесную связь и взаимодействие с советским командованием. Предусматривалось, что конкретные задачи партизанскому командованию будут сообщены с началом войны. Во время беседы Конев и Бирюков подчеркивали, что успех объединенных отрядов «зависит в большой степени от постановки борьбы со шпионской разлагательской деятельностью японцев в среде партизан». Поэтому при политотделе штаба партизанского движения предлагалось создать орган по борьбе с японскими шпионами и провокаторами. Конев и Бирюков также обратили внимание Чжао-Шанчжи на то, что «армия Маньчжоу-Го не крепка, японцы ей не доверяют. Партизаны должны использовать это обстоятельство и принять меры по разложению армии Маньчжоу-Го».

Предлагались и разрабатывались конкретные мероприятия для мирного времени. Планировалось из находившихся на советской территории китайских партизан организовать отряд примерно в 100 бойцов и переправить его через Амур на территорию Маньчжурии в один прием в конце июня. Такая численность отряда диктовалась наличным количеством боеспособных партизан, находившихся в это время на территории СССР. Остальные партизаны, которые оставались на советской территории, должны быть подготовлены как пулеметчики, гранатометчики, пропагандисты, санитары и после выздоровления и подготовки переброшены через Амур мелкими

группами. Советское командование заверило Чжао-Шанчжи, что оружие, боеприпасы, продукты, медикаменты, деньги будут выделены в соответствии с его запросами из расчета на 100 человек. Неудивительно, что китайский партизанский руководитель был очень доволен поддержкой и такой щедрой помощью.

Для успешной деятельности партизанских отрядов основным являлась надежная связь как между отрядами, так и штаба партизанского движения с советской территорией. Для этого предлагалось подобрать 10 грамотных партизан, тщательно проверенных и преданных делу революции, и прислать их на радиоподготовку на территорию Советского Союза. После подготовки, снабженные рациями, шифрами, деньгами, они будут переправлены в Маньчжурию для работы по радиосвязи между отрядами. Советские руководители высказали во время беседы и свои пожелания: «Для нас желательно получить от вас карты Маньчжурии, которые вы добудете у японо-маньчжурских войск (карты японского изготовления), японские и другие документы – приказы, донесения, сводки, шифры, письма, записные книжки офицеров и солдат. Желательно, чтобы вы снабжали нас образцами нового японского вооружения». Основным принцип, что за все услуги надо платить, соблюдался и здесь. Поддерживая и развивая партизанское движение, советская военная разведка получала взамен разветвленную разведывательную сеть на маньчжурской территории.

Интересным является вопрос о том, как и когда Чжао-Шанчжи попал на советскую территорию и где он находился во время полуторалетнего (очевидно, под стражей) содержания в СССР. В стенограмме совещания отмечается:

«Указание 5. По вопросам перехода и полуторалетнего содержания в СССР.

Переход Ваш на территорию СССР произошел без предупреждения советского командования, и командование о Вашем приходе не было поставлено в известность. Кем был инспирирован Ваш вызов, пока не установлено. Лицо, в ведение которого Вы поступили с приходом на советскую территорию, совершило преступление, скрыв этот факт от советских и военных властей. Лицо это понесло наказание. Как только нам стало известно о Вашем пребывании на территории СССР, была произведена проверка, и Вы получаете возможность возвратиться к активной партийной работе. Советское командование надеется, что Ваша воля к борьбе не ослабела».

Многое в этой истории было неясно и Чжао-Шанчжи, и он пытается в беседе с советским командованием прояснить обстановку, задавая различные вопросы. Вот выдержка из стенограммы беседы:

«Чжао-Шанчжи задает несколько вопросов:

1. Мне неясно, кто передал распоряжение, вызвав меня на советскую территорию. Было ли это распоряжение передано через Чжан-Шаобина представителем советского командования или он сам сделал это, получив указание из других источников.

Командарм и член ВС. Для нас пока ясно, что Вас спровоцировали на переход в СССР. По чьему указанию это сделано, нам пока установить не удалось, но выяснение этого вопроса производится.

Чжао-Шанчжи. Чжан-Шаобин, передавший мне распоряжение о приходе в СССР, на вашей территории бывал не раз. Нам нужно знать подробности для того, чтобы, придя в Маньчжурию, на месте уточнить подробности и принять нужное решение и меры.

Командарм и член ВС. У нас о Чжан-Шаобине имеется мнение как о плохом человеке. Вам на месте необходимо уточнить все детали этого дела. Мы, в свою очередь, примем меры для выяснения подробностей, результаты и решение сообщим Вам».

Поскольку стенограмма беседы пока единственный документ по этому делу, который удалось обнаружить в архиве, то можно сделать только несколько предположений. Если китайского партизанского руководителя вызвали в СССР за полтора года до беседы и все это время он сидел в тюрьме или лагере, то это могло произойти в октябре или ноябре 1937 года. В это время органами НКВД был разгромлен разведывательный отдел штаба ОКДВА. Начальник отдела полковник Покладек, его два зама и несколько сотрудников рангом ниже были арестованы и расстреляны по стандартному обвинению как японские шпионы. Руководство отделом было уничтожено, и все контакты и линии связи с китайскими партизанами были оборваны. Когда Чжао-Шанчжи в это время перешел на советскую территорию, то он, очевидно, сразу же был арестован как японский шпион, тем более что вызвать его могли или Покладек, или кто-либо из его замов. Когда же весной 1939-го начали разбираться в том, что натворили, то обнаружили уцелевшего китайского партизана. И после проверки выпустили его на свободу и поставили во главе партизанского движения в Северной Маньчжурии. Такая версия

выглядит достаточно правдоподобно, но, повторяю еще раз, это только версия автора.

Конечно, всего этого Конев и Бирюков не могли сказать во время беседы и пришлось изворачиваться, заявляя, что им было неизвестно о пребывании китайского партизана в Советском Союзе. А может быть, как люди в Хабаровске новые, только недавно назначенные, они и в самом деле не знали о том, кто сидит в лагерях и тюрьмах. Такая версия тоже имеет место быть. Неприятно прозвучал и вопрос о Блюхере. О нем оба военачальника знали, и пришлось выкручиваться.

«Чжао-Шанчжи спрашивает: Раньше главнокомандующим на Дальнем Востоке был Блюхер. Могу ли я узнать, почему его нет сейчас здесь?

Ответ. Блюхер отозван партией и правительством и сейчас находится в Москве.

Вопрос. Могу ли я узнать фамилии командующего и секретаря ВКП(б) по Дальнему Востоку?

Ответ. Сообщены фамилии тт. Конева и Донского».

Чжао-Шанчжи хотелось получить для своих отрядов побольше китайских партизан, которые переправлялись в свое время в Советский Союз. Его заверили, что ранее перешедшие на советскую территорию партизанские отряды направлены в Китай, а все находящиеся в СССР китайские партизаны будут даны ему для отбора. Действительно, в конце 1930-х многие китайские партизаны переправлялись с Дальнего Востока в Среднюю Азию и оттуда по трассе «Зет» (Алма-Ата – Ланьчжоу) в Китай. Китайский руководитель получил все, о чем просил – отказов не было. В конце беседы ему

еще раз сообщили: «Вас мы считаем главным руководителем партизанского движения в Маньчжурии и через Вас будем давать указания по всем вопросам. Одновременно будем поддерживать связь с отрядами, действующими территориально близко к советской границе».

Последний вопрос, который обсуждался на этом совещании – ответственность за возникновение конфликта между СССР и Японией в результате перехода партизанского отряда из СССР в Маньчжурию. Очевидно, возможный конфликт между двумя странами или резкое обострение отношений в штабе армии не исключали. Но в связи с началом халхингольского конфликта отношения и так испортились до предела, и еще один возможный конфликт мало что значил. А может быть, армейское начальство получило карт-бланш на проведение партизанских операций. Китайскому партизану в ответ на естественную озабоченность было заявлено: «Вы идете выполнять волю партии и никакой ответственности за возможные конфликты не несете. При переходе примите все от Вас зависящие меры предосторожности. Никто из партизан ни в коем случае не должен говорить, что он был в СССР. Разглашение тайны перехода затруднит дальнейшие связи с партизанами, затруднит возможности передачи оружия, патронов, медикаментов и др.». Заключительная фраза в беседе ясно говорит о том, что партизанское движение в Северной Маньчжурии не было самостоятельным (в 1939 году оно и не могло им быть) и развивалось под полным контролем из-за Амура. Очевидно, в Приморье была аналогичная ситуация. В Ворошилове^[3] был штаб 1-й ОКА. За Уссури на маньчжурской территории были другие партизанские отряды, а в штабе армии был свой разведотдел, который руководил их действиями. Но это

также только версия автора, которую он пока не может подкрепить архивными документами.

* * *

Прошло несколько месяцев. Чжао-Шанчжи вместе со своим отрядом благополучно переправился через Амур. Была установлена связь с другими партизанскими отрядами и начались совместные операции против японо-маньчжурских войск. Бои шли с переменным успехом. Были победы, но были и поражения, и неудачи. Удалось захватить кое-какие документы, которыми очень интересовались в Хабаровске. На советскую территорию ушли связные, неся образцы новой военной техники и сообщения о ходе боев. И в разведотделе армии после тщательного изучения всех полученных из-за Амура материалов и анализа обстановки в Северной Маньчжурии составили проект новой директивы для маньчжурских партизан.

Письмо-директиву командующему партизанами Северной Маньчжурии Чжао-Шанчжи утвердили командующий армией Конев и новый член Военного совета армии дивизионный комиссар Фоминых. На первой странице дата: 25 августа 1939 года и резолюция за теми же подписями: «Всю директиву передать отдельными распоряжениями».

В директиве указывалось, что основная задача до зимы – укреплять и увеличивать отряды, добывать оружие, боеприпасы и продовольствие. Рекомендовалось подготовиться к зиме, а для этого создать секретные базы в недоступных местах, подготовить в них жилища, запасы продовольствия и одежды. Базы должны быть подготовлены для обороны. Партизанам рекомендовалось пока воздержаться от разрушения шахт, железных дорог и мостов. Для

выполнения этих задач у партизан пока еще не было сил и средств. Предлагалось проводить более мелкие операции по нападению на железнодорожные поезда, золотые прииски, склады, шахты, полицейские участки. Основная цель таких нападений – накопить оружие, боеприпасы, продовольствие и одежду. Указывалось и на то, что такие нападения надо тщательно подготавливать. Необходимо производить разведку объекта нападения, составить план и обсудить его с командирами отрядов. Без тщательной подготовки неизбежны потери и неудачи. Были в этой директиве и рекомендации для Чжао-Шанчжи: «Самому Вам лично руководить нападениями не следует. Не забывайте, что Вы руководитель партизанского движения, а не командир отряда. Вы должны организовывать разгром всей системы, а не отдельных отрядов и групп. Вам нельзя рисковать по любому случаю. Вы должны учить командиров».

Партизанам обещали прислать динамит и подготовленных инструкторов для его применения, а также продовольствие, пропагандистскую литературу и топографические карты. И особенно благодарили китайских партизан за присланные материалы, захваченные при налетах на японские и маньчжурские гарнизоны и отряды: топографические карты, доклад японского топографического отряда, а также новые прицелы и дальномеры. Если судить по этой директиве, то дела у китайских партизан шли неплохо. Совершали, в общем, удачные нападения, вели разведку и агитацию, запасались к зиме, а зима в этих краях суровая, всем необходимым. Можно не сомневаться, что весной 1940-го года после суровой зимовки партизанское движение в Северной Маньчжурии при активной поддержке из-за Амура развернулось с еще большим размахом.

Японская разведка знала о том, что руководство партизанским движением осуществляется с советской стороны. Скрыть это, при массовой переброске китайских партизан, вооружения и боеприпасов через границу, было невозможно. И японские военные миссии в Маньчжурии делали все, чтобы противодействовать партизанскому движению. Методы этого противодействия были проанализированы в справке Управления НКВД по Хабаровскому краю, составленной в сентябре 1940 года. Карательные операции против маньчжурских партизан проводились с самого начала возникновения партизанского движения, т. е. с начала 1930-х годов. Но в последние годы японская разведка стала применять более утонченные методы. Для этой цели на территории Маньчжурии создавались ложные революционные организации и партизанские отряды. Основная задача – влить их в действующие партизанские отряды для разложения их изнутри. Создавались также и искусственные базы снабжения для партизан. Делалось все, чтобы внедрить свою агентуру в партизанские отряды и при ее помощи разгромить партизанское движение.

Японская разведка старалась использовать партизанские отряды в качестве канала для заброски своей агентуры в Советский Союз под видом интернированных партизан. Такой метод заброски не был тайной для советской контрразведки. В конце 1939 года, применяя агентурные методы, удалось вскрыть крупную провокационную корейскую «революционную» организацию, которая была создана разведывательным отделом штаба Квантунской армии. Членов этой организации должны были перебрасывать по каналам связи на советскую территорию для ведения разведывательной и диверсионной деятельности вместе с китайскими партизанами. Японской разведке было хорошо известно, что руководство партизанским

движением осуществляется советским военным командованием. Чтобы нащупать каналы этого военного руководства, было предпринято несколько попыток забросить на территорию СССР свою агентуру под видом «революционеров», чтобы она смогла получить военно-политическое образование, а затем вернуться обратно в Маньчжурию и занять руководящие посты в партизанских отрядах. С такими задачами в 1940 году на советскую территорию было направлено несколько квалифицированных японских агентов из корейцев. Потом их предполагалось направить в один из партизанских отрядов, действующих в горных районах на границе Кореи и Маньчжурии. Естественно, советская контрразведка делала все возможное, чтобы очистить партизанские отряды от японской агентуры и вывести ее на советскую территорию для разоблачения и предания суду.

Когда знакомишься с документами о деятельности советских и японских разведок, то невольно возникает ощущение зеркального отражения. С обеих сторон все одинаково. Советская военная разведка использует местное китайское и корейское население для организации партизанских отрядов на территории Маньчжурии, вооружает их, снабжает боеприпасами и продовольствием и перебрасывает через Амур и Уссури на маньчжурскую территорию. Японская военная разведка также использует эмигрантов и казаков, ушедших в Маньчжурию, также вооружает их, снабжает боеприпасами и продовольствием и перебрасывает через Амур и Уссури на советскую территорию. Руководители китайских и корейских партизанских отрядов проходят обучение в учебных центрах советской разведки. Руководители эмигрантских диверсионных отрядов проходили обучение в специальных школах японской разведки. Командующий Квантунской армии давал указания о деятельности

диверсионных отрядов. Командующий 2-й ОКА Конев давал указания о деятельности партизанских отрядов. Китайские партизаны вели разведку на маньчжурской территории по заданиям советской разведки. Белоэмигрантские диверсионные отряды вели разведку на советской территории по заданиям японской разведки. Могут сказать, что китайские партизаны вели борьбу за освобождение своей родины от японских оккупантов и поэтому пользовались помощью из-за рубежа. Но и белоэмигранты вели борьбу за освобождение своей родины от преступного советского режима и также пользовались помощью из-за моря. Можно и дальше продолжать сравнение, но и так уже ясно, что никакой разницы в действиях обеих сторон не было. Создается впечатление, что по обеим берегам пограничных рек сидели два матерых хищника, которые рычали друг на друга, скалили клыки и пытались при удобном случае вцепиться в глотку друг другу.

Перебежчики (Фронт и Люшков)

1938 год был богат на перебежчиков из Советского Союза. Вакханалия террора, убийств, фальсифицированных процессов и внесудебных расправ, развязанная Сталиным, должна была способствовать появлению людей, которые свободу и личную безопасность предпочли лубянскому подвалу и пуле в затылок.

Поэтому неудивительно, что из страны бежали. Но если в Европе перебежчики, или, как их тогда называли, «невозвращенцы», были разведчиками (Кривицкий, Рейс, Орлов) или дипломатами (Бармин, Беседовский), то на Дальнем Востоке через границу бежали командиры армии и НКВД. В истории известны пока только двое дальневосточников, перебежавших к японцам: майор Фронт и комиссар госбезопасности 3-го ранга Люшков. О Люшкове писали много после 1989 года, а фамилию Фронта скупое упоминали в мемуарах без каких-либо подробностей перехода границы и содержания его показаний.

29 мая 1938 года начальник артиллерии 36-й мотострелковой дивизии майор Фронт Герман Францевич сел в автомобиль и отправился в одну из частей дивизии. Дивизия дислоцировалась у монголо-маньчжурской границы и при разбросанности частей попасть из одной части в другую можно было только на колесах. Но до нужной части майор не доехал, а свернул в сторону границы, через которую благополучно переправился. Заблудиться он не мог. Местность была ровная, как стол, а Фронт был опытным командиром, отлично владеющим картой и компасом. На той стороне его радушно приняли, доставили в

ближайший разведотдел, и майор, придя в себя после рискованного путешествия, начал давать показания.

Фронт окончил Военную академию имени Фрунзе, потом служил в штабе дивизии в Чите, затем отправился в МНР, где и продолжал службу. Вынужден был убежать через границу, предполагая, что «станет жертвой усмирительной работы» (так в тексте показаний), и зная, что его рано или поздно возьмут из-за его немецкой фамилии, а тогда это было возможно. Были у него и разногласия с комиссаром дивизии, а это также было тогда чревато печальными последствиями. Офицером он был информированным, знал многое и о войсках Забайкальского военного округа, и о частях 57-го особого корпуса. И, конечно, во время многочисленных допросов в японской разведке выложил все, что ему было известно. Японская разведка получила отличную возможность перепроверить и уточнить имевшуюся у нее информацию о советских войсках на Дальнем Востоке и особенно на территории МНР, а также об оборудовании монгольского плацдарма, который, как показали события 1945 года, имел решающее стратегическое значение в случае войны с Японией.

Интересна судьба показаний Фронта. Все, что он выложил сотрудникам разведотдела японского генштаба, а его, очевидно, допрашивали в Токио, было переведено на японский язык и издано в виде отдельной брошюры, которую разослали в штабы пехотных дивизий для ознакомления. В июле 1939-го во время сражения у горы Баин-Цаган на Халхин-Голе была разгромлена дивизия генерал-лейтенанта Камацубара, кадрового разведчика и бывшего военного атташе в Москве. При разгроме дивизии он бежал, бросив офицеров, солдат и штабные документы. После халхингольских боев все захваченные документы были разобраны в разведотделе. Показания Фронта перевели

на русский язык и представили начальнику штаба 1-й армейской группы комбригу Гаспилову. Комбриг распорядился ознакомить с показаниями сотрудников штаба (на сопроводительном письме 8 подписей), и все документы были сданы в архив. После рассекречивания показания перебежчика и та информация, которую он выдал японской разведке, перестали быть государственной тайной.

Что же рассказал Фронт и что могла узнать японская разведка о наших войсках на Дальнем Востоке? Он сообщил, что в августе 1937-го из Забайкальского военного округа на территорию МНР была переброшена мощная группа подвижных войск в составе 36-й мотострелковой дивизии, 6-й механизированной бригады, трех мотоброневых бригад, одного сводного бронепоезда, двух кавалерийских полков, одной авиабригады и других частей. Эта группа, численностью более 30 тысяч человек, была организована в 57-й особый корпус с дислокацией частей в Улан-Баторе и восточных районах республики. Численность, нумерация корпуса и дислокация частей были указаны им абсолютно точно. Правильно он указал и на то, что корпус подчинялся Москве, а 36-я дивизия была механизирована летом 1937-го года. Правильно он говорил и о том, что в безлюдной и пустынной местности Дзямин-Удэ расположена крупная группировка советских войск численностью свыше 7000 человек и 1500 автомашин. Группа прикрывается с воздуха – в этом районе имеется аэродром. Правильно он указал и дислокацию других частей корпуса. 36-я дивизия в районе Саин-Шанда, механизированная и мотоброневые бригады в Ундурхане, различные части и штаб корпуса в Улан-Баторе. Место нахождения складов и аэродромов было нанесено на японские штабные карты также по его показаниям. Бомбардировочная авиация Квантунской армии получила новые цели для

бомбардировок в случае военного конфликта и использовала эту информацию во время боев на Халхин-Голе. В общем, японская разведка узнала о 57-м корпусе практически все. Конечно, что-то ей было известно и до этого. Агентуру в МНР она имела, а полностью скрыть ввод крупной группировки войск на территорию другой страны было невозможно, особенно учитывая то, что вводились десятки тысяч людей и тысячи машин. Артиллерийский майор подтвердил ранее имевшуюся в разведотделе информацию и существенно ее дополнил.

Абсолютно точно (проверено автором по архивным документам) сообщил Фронт и о численности и дислокации войск Забайкальского военного округа. Две кавалерийские дивизии, две стрелковые дивизии, механизированный корпус и все пять авиационных бригад. Не забыты были мотоброневая бригада в пограничном с МНР городе Кяхта и бурят-монгольская кавалерийская бригада в Улан-Удэ, танковые и кавалерийские школы и дислокация погранотрядов. Даже о такой совершенно секретной операции, судя по архивным документам, как передислокация 93-й стрелковой дивизии из Иркутска в Читу на место бывшей 36-й дивизии, ему было известно, и он сообщил об этом японской разведке. Очень подробно в показаниях он говорил об организации, численности и вооружении 36-й дивизии. И неудивительно, в штабе дивизии работал долго и в военных делах после академии разбирался хорошо.

Наиболее полную информацию японской разведке он передал об артиллерийском вооружении частей округа и частей 57-го корпуса. Профессиональный артиллерист хорошо знал свое дело. Типы и количество орудий, калибры и количество боеприпасов – этими цифрами забито несколько страниц его показаний. Для японской разведки это была подробная картина

оснащения боевой техникой (винтовки, пулеметы, орудия) как частей округа, так и частей корпуса. Таково содержание захваченного и переведенного документа. Информация была правдивой и ценной, хотя в некоторых вопросах Фронт признавал свою некомпетентность. Но несмотря на то, что о чем-то он и не мог сказать, выданная им информация имела для японской разведки большое значение. И не только цифровые данные, но и его рассуждения о возможных действиях советских войск в Монголии. В частности, он обратил внимание японского командования на возможные действия на монгольском театре таких специфических соединений, как мотоброневые бригады, на вооружении которых были только бронеавтомобили. В своих показаниях он отмечал, что «бронебригады, имея большую маневренную силу и поворотливость по сравнению с кавалерией, по значимости и способам использования имеют большие преимущества по сравнению с кавалерией и могут маневрировать на больших расстояниях. Их боевая сила соответствует кавдивизии. Бронебригада по сравнению с танковой бригадой не имеет большой ударной силы, поэтому используется ее маневренность, и употребляется она главным образом для окружения, обхода, расстроя тыла и т. д.». Через год во время боев на Халхин-Голе эти бригады действовали на флангах и замкнули кольцо окружения вокруг группировки японских войск.

* * *

О побеге Люшкова в Советском Союзе начали писать в 1990 году. До этого времени, хотя в конце 1930-х о нем писала вся мировая пресса, «в нашей стране не было перебежчиков». И в последующие годы он не был обделен вниманием прессы и историков. Так что

читателям нет необходимости представлять этого человека: его биография описана достаточно подробно. Интересно другое: что мог сказать Люшков, какие тайны разведки как генерал НКВД он мог выдать. Но об этом современные историки молчат – очевидно, сказать пока нечего.

Автор не составляет исключения. Не хочется заниматься фантазиями и гадать на кофейной гуще. Тем более что подробный доклад с его показаниями, отправленный в Берлин, был сфотографирован Зорге и переправлен в Москву. Но этот документ осел в архиве ГРУ, и добраться до него пока невозможно. Одно предположение все же можно сделать. Люшкову были известны цифры, которыми пользовались органы НКВД и пограничники на Дальнем Востоке. И наверняка эту ценнейшую информацию он передал японцам. Очевидно, эта информация позволила японской радиоразведке расшифровать одну из телеграмм советских пограничников. Расшифровка этой радиограммы привела к хасанским событиям – первому серьезному боевому столкновению РККА с частями японской армии. Это одна из версий событий тех далеких лет, но и она имеет право на существование.

Японская радиоразведка перехватила и расшифровала одну из радиограмм, переданную командованием Посыетского погранотряда. В ней отмечалось значение двух ранее не охранявшихся высот, расположенных на границе западнее озера Хасан у стыка границ Кореи, Маньчжурии и СССР. Отмечалось, что укрепление этих высот и занятие их постоянными гарнизонами позволило бы держать под наблюдением всю местность сопредельной стороны в направлении северных корейских портов и стратегическую железнодорожную линию, проходящую вдоль границы. В случае же организации наблюдения с этих высот японской стороной, подчеркивалось в

радиограмме, она получала аналогичные преимущества в отношении посъетского тылового района и морского побережья в направлении на Владивосток. В конце радиограммы испрашивалось разрешение приступить к фортификационным работам на высотах и организовать на них постоянное наблюдение.

Расшифровав радиограмму, японский генштаб армии принял во внимание оценку значения высот, данную советскими пограничниками, и решил не допустить занятия их советской стороной. Такая задача была поставлена командованию Корейской армии, которое отвечало за безопасность участка границы на этом направлении.

В связи с этим распоряжением генштаба императорской армии возникло острое соперничество между командованием и штабами Квантунской и Корейской армий, поскольку «квантунцы» сочли за величайшую несправедливость то, что не им было поручено «проучить» Советы. Накануне событий на Хасане один из высокопоставленных офицеров разведки штаба Квантунской армии даже направил командованию Корейской армии «личную» телеграмму, в которой указал, что в случае нерешительности Корейской армии «квантунцы» сочтут необходимым «дело наказания русских взять в свои руки».

К развязыванию конфликта японскую военщину подталкивало и одно из обстоятельств внешнего порядка. Япония, продолжавшая войну в Китае, после овладения в мае 1938 года городом Суйчжоу готовила новую операцию с целью захвата уханьского промышленного района, надеясь, что после падения Уханя Китай будет вынужден капитулировать. Однако в ходе подготовки этой операции у японской ставки возникло опасение, как бы Советский Союз, оказывающий Китаю значительную материальную помощь, не посчитал этот момент наиболее удобным

для широкого вмешательства в войну в Китае. Дело дошло до того, что некоторые высшие чины армейского генштаба были готовы прекратить все военные операции в Китае и перенести основные усилия на Север. Чтобы определить «истинные намерения русских», следовало, по выражению одного из старших офицеров генштаба армии, «провести разведку боем стратегического значения».

Подталкиваемое агрессивными «квантунцами» командование Корейской армии выдвинуло к хасанскому участку границы 19-ю пехотную дивизию со средствами усиления и некоторые другие части в качестве ближайших резервов. Не остался в стороне и морской генштаб: в нейтральных водах против устья реки Тумень-Ула было сосредоточено 15 кораблей японского военно-морского флота.

20 июля 1938 года японский посол в Москве Мамору Сигэмицу нанес визит наркому иностранных дел Максиму Литвинову и в ультимативной форме потребовал очистить от советских пограничников высоты Чжангуфэн (Заозерная) и Шачжаофэн (Безымянная) западнее озера Хасан, якобы принадлежащие Маньчжоу-Го. При этом посол пригрозил, заявив, что в случае отказа советской стороны Япония не остановится перед применением силы.

На протяжении второй половины июля мелкие группы японских военнослужащих неоднократно пытались нарушить границу, проходившую по водоразделу высот Заозерная и Безымянная. 15 июля при попытке вторгнуться на советскую территорию в районе высоты Заозерной был убит японский жандарм погранохраны. Назревавший конфликт мог вспыхнуть в любой момент. 22 июля Блюхер приказал привести в боевую готовность 40-ю стрелковую дивизию 39-го корпуса и Барабашский укрепрайон, а 24 июля – все

войска 1-й армии Дальневосточного фронта и выдвинуть в район Хасана подразделения 40-й дивизии для усиления пограничников. Одновременно было дано указание Тихоокеанскому флоту, находившемуся в оперативном подчинении фронта, привести в боевую готовность корабли и морскую авиацию к действиям по пресечению возможного нападения японского флота и авиации.

Чтобы уяснить сложившуюся обстановку в районе озера Хасан, Блюхер, находившийся в Хабаровске, уполномочил ответственного представителя командования 1-й армии провести расследование на месте столкновения, происшедшего 15 июля, когда был убит японский пограничник. Однако это распоряжение командующего фронтом вызвало резкий протест заместителя наркома внутренних дел Фриновского, не желавшего допустить каких-либо проверок действий пограничных войск, находившихся в ведении НКВД. Фриновского поддержал заместитель наркома обороны Мехлис, который в то время производил почти поголовную замену политсостава фронта. Поддерживая связь с Центром по своим каналам, Фриновский и Мехлис получили из Москвы указание «разобраться с Блюхером». С того момента они, действуя через особые отделы частей фронта, начали поиски и фабрикацию компрометирующих данных на Блюхера и регулярно докладывали их в Москву. Выводы представителей командования 1-й армии о факте нарушения границы советскими пограничниками, переданные Блюхером по прямому проводу наркому обороны Ворошилову, были опротестованы Мехлисом и Фриновским и квалифицированы как «политическая ошибка Блюхера, льющая воду на мельницу японцев».

Тем временем большинство частей и соединений 39-го корпуса из-за продолжавшихся арестов оказалось дезорганизованными и небоеспособными. Командиры,

наспех поставленные взамен арестованных, не знали ни личного состава, ни своих новых обязанностей и поэтому не справлялись с управлением своими частями и подразделениями. Многие части корпуса были неукомплектованы. Но, несмотря ни на какие причины, Москва требовала активных и, главное, успешных действий. На карту был поставлен международный престиж государства.

Рано утром 28 июля из Москвы в Хабаровск была отправлена очередная шифровка. Блюхеру, Мехлису, Фриновскому и Штерну сообщалось решение Политбюро о дальнейших действиях в районе Хасана: «... Японцы идут на скандал и провокацию не из-за трех-пяти метров территории, а добиваются того, чтобы мы оставили стратегически выгодную, принадлежащую нам высоту Заозерная. Этого мы не сделаем ни при каких условиях. Об этом наше правительство через Литвинова заявило на весь мир, и мы нашу позицию будем защищать всеми средствами». По поручению Политбюро в лице Сталина – Молотова шифровку подписал Ворошилов.

О том, как защищать свою позицию и какими средствами, стало ясно уже 4 августа. В этот день Нарком подписал сов. секретный приказ № 71 с. с., в котором требовал: «... Для готовности к отражению провокационных нападений японо-маньчжур и для того, чтобы быть готовым в любой момент нанести мощный удар зарывающимся наглým японским агрессорам по всему фронту, немедленно привести в полную боевую готовность войска Краснознаменного Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа...» В приказе предписывалось Военному совету фронта принять меры по прикрытию границ фронта. Войска прикрытия должны были быть готовы в случае новой провокации по особому приказанию из Москвы к немедленному, мощному и сокрушительному удару. В полную боевую

готовность приводились ВВС фронта и ЗабВО, это более двух тысяч боевых самолетов, а также части многочисленных укрепленных районов. Для удара из Забайкалья к границе подтягивались бригады 20-го танкового корпуса – основной ударной силы округа. Нарком требовал: «Все мероприятия по приведению частей в полную боевую готовность производить с сохранением военной тайны...» Все это было согласовано с Генштабом, и его начальник Шапошников также поставил под приказом свою подпись. А в это время события у Хасана продолжали развиваться.

29 июля командование Корейской армии, воспользовавшись густым туманом в районе хасанских высот, отдало приказ 19-й пехотной дивизии, которая в 16. 00 бросила роту пехоты на высоту Безымянная, где находился советский пограничный наряд в составе 11 человек. В результате ожесточенной схватки японцам, атаковавшим защитников высоты с двух направлений, удалось занять их позиции. Пять советских пограничников было убито и шесть ранено. Однако к исходу дня, после контратаки пограничников совместно с ротой поддержки из состава 40-й дивизии, японские нарушители границы были изгнаны за пределы советской территории.

30 июля японский армейский генштаб предоставил командованию Корейской армии право «применять силу в случае незаконного нарушения границы советскими войсками в районе высоты Чжангуфэн». 31 июля японское командование сосредоточило против высот Заозерная и Безымянная силы целого полка, поддерживавшегося многочисленной артиллерией. Внезапным ударом японцы сбили с высот наряды пограничников и силы поддержки в составе двух батальонов 40-й дивизии, отбросили их от границы на глубину до 4 километров и вышли на рубеж населенных пунктов Пакшехори и новоселки северо-восточнее озера

Хасан. Однако утром 1 августа японцы оставили занятый рубеж и отошли на высоты Заозерная и Безымянная, где стали поспешно возводить полевые укрепления. Высоты они считали своей территорией и захватывать явно чужую землю не хотели, хорошо понимая угрозу возникновения нового «инцидента».

В тот же день в штаб 40-й стрелковой дивизии прибыл Мехлис, который своим вмешательством в работу штаба внес еще большую неразбериху в управление войсками. Тем временем подход частей 40-й и 32-й дивизий и 2-й мехбригады задерживался из-за прошедших накануне ливней, которые превратили в непроезжее состояние единственную грунтовую дорогу, ведущую к району боевых действий.

Неподготовленный штурм японских позиций с ходу наличными силами в течение первых дней августа результатов не дал и только привел к неоправданным потерям. Все атаки пехоты и танков проводились в лоб, так как с начала конфликта приказом Москвы было строго запрещено переходить линию границы и вести огонь по сопредельной территории. Кроме того, нарком обороны Ворошилов, опасаясь ответных ударов, до 1 августа не разрешал использовать авиацию. Только после того, как командующий ВВС фронта комбриг Павел Рычагов доложил в Москву о перебазировании на ближайшие к району конфликта аэродромы более 250 истребителей и 160 бомбардировщиков, было разрешено нанести бомбо-штурмовые удары по высотам и огневым позициям артиллерии противника, препятствовавшей подходу частей 39-го корпуса к району боевых действий.

Захватив Заозерную и Безымянную, командование Корейской армии посчитало свою задачу выполненной и поэтому японцы, действуя по дипломатическим каналам, стали добиваться прекращения огня, надеясь оставить за собой захваченные высоты. Однако

советская сторона в ноте протеста, врученной министру иностранных дел Японии Угаки 2 августа, в качестве первостепенного условия урегулирования конфликта поставила отвод японских войск с советской территории. На это японская сторона не шла, и бои в районе озера Хасан продолжались.

Подтянув силы 39-го корпуса, советское командование 6 августа начало операцию по освобождению занятых японскими войсками высот. 3 августа приказом Ворошилова начальник штаба фронта Штерн был назначен командиром 39-го корпуса, а Блюхер был фактически отстранен от руководства операциями советских войск у озера Хасан, и 7 августа ему было приказано вернуться в Хабаровск.

Упорные бои за высоты продолжались до 10 августа. В результате решительных действий советских войск японцы были изгнаны с советской территории. Группировка противника, сосредоточившаяся у границы севернее озера Хасан, нарушить границу не осмелилась. Советские войска потеряли убитыми и умершими от ран 569 человек, ранеными – 2761 человека. Особенно большие потери были в танках: 24 уничтожено, 56 подбито и повреждено.

В конце августа в Москве состоялось заседание Главного Военного Совета, на котором были подведены итоги боев у озера Хасан и сделаны соответствующие выводы. На заседании было отмечено, что эти события явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности войск Дальневосточного фронта, которая вскрыла целый ряд серьезных упущений в подготовке войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта. В числе главных недочетов были отмечены неподготовленность выхода войск в район боевых действий по боевой тревоге, низкий уровень тактической подготовки. Все рода войск, особенно пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя,

сочетать огонь и движение, применяться к местности, что вело к неоправданным потерям. Отмечалось и неумелое использование общевойсковыми командирами танков и авиации.

Главным виновником всех бед был объявлен командующий войсками фронта Блюхер, якобы занявший «пораженческую» позицию и потворствовавший «врагам народа» и «заговорщикам», осуществлявшим свою «преступную работу по дезорганизации и разложению войск Дальневосточного фронта». Вскоре после заседания Главного Военного Совета маршал Блюхер и его брат военный летчик капитан Блюхер были арестованы и после жестоких пыток в ежовских застенках уничтожены. В конце ноября 1938 года, когда Блюхера уже не было в живых, Ворошилов на одном из заседаний Военного Совета назвал его заговорщиком, врагом Советской власти и «конченной сволочью», якобы собиравшейся вместе со своим братом удрать на самолете к японцам.

Аресты на Дальнем Востоке продолжались. В этом отношении весьма характерно донесение нового начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Ежову: «Операцию по изъятию белогвардейско-кулацкого элемента продолжаем... Всем областным управлениям НКВД даны указания немедленно арестовать и приступить к допросам всех лиц, проходящих по делам и заподозренных в диверсиях».

Осенью 1938 года управление Дальневосточного фронта было расформировано, а из его войск созданы 1-я и 2-я Отдельные Краснознаменные армии со штабами в Ворошилове и Хабаровске. Командующим 1-й ОКА был назначен комкор Штерн, 2-й ОКА – комкор Конев.

На приморском направлении были приняты дополнительные меры по укреплению границы и подготовке театра военных действий. На приграничных командных высотах размещались постоянные

гарнизоны, началось строительство стратегической железной дороги к Посъету, расширялась аэродромная сеть Приморья. Из уроков хасанских событий были сделаны соответствующие выводы.

Квантунская армия, по свидетельству японского советника при администрации Маньчжоу-Го Хосино, в период событий у озера Хасан вела себя «благоразумно» и не пыталась идти на обострение обстановки на других участках советско-маньчжурской границы. И все же, хотя хасанские события, по мнению Хосино, явились серьезным предупреждением для императорской армии, никто не сделал из этого надлежащих выводов, что стало одной из причин сокрушительного поражения Квантунской армии в степях Монголии осенью 1939 года.

«Дракон» поднимает голову

Антикоминтерновский пакт был заключен, и в обеих столицах начали подготовку к дальнейшему военному сотрудничеству. Первыми поняли все выгоды заключенного соглашения (секретного приложения к пакту) обе разведки. У абвера появилась возможность получить подробную и достоверную информацию о вооруженных силах СССР за Байкалом, на огромной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Разведывательный отдел японского генштаба получал подробную информацию о вооруженных силах СССР, расположенных в европейской части страны, мощностях военной промышленности в этом регионе, и в первую очередь авиационной и судостроительной. В столице островной империи очень интересовались работой ленинградских и николаевских судостроительных заводов, строивших малые подводные лодки и торпедные катера, предназначенные для усиления Тихоокеанского флота.

В начале 1937 года японское правительство провело реорганизацию разведывательных и контрразведывательных органов. При правительстве было создано специальное «бюро», которое должно было руководить всеми разведывательными организациями, установить жесткую централизацию в работе секретных служб. Эти мероприятия были направлены на усиление разведывательной деятельности против Советского Союза. Кадровые японские разведчики, работавшие под дипломатической «крышей» в составе посольства и консульств, руководили агентурой, забрасываемой в СССР, а также занимались вербовкой лиц японской,

китайской и корейской национальности, проживавших в основном в дальневосточных районах страны.

В 1937 году обе разведки уже сотрудничали, несмотря на то что тогда еще не было заключено никаких официальных соглашений между двумя разведывательными ведомствами. Это подтвердил и полковник Осима. Уже после войны, сидя на скамье подсудимых Токийского трибунала, он в своих показаниях отмечал: «... хотя в 1937 году и не было никаких тайных соглашений, германская и японская армии согласились снабжать друг друга разведывательной информацией о вооруженных силах России. В этом отношении было решено использовать белоэмигрантов, которых уже до этого немного использовали». Бывший генерал-лейтенант и посол немного поскромничал. Японская разведка и до этого использовала белоэмигрантов в полную силу.

В 1938 году тайное сотрудничество решили узаконить и четко определить взаимные обязательства между двумя разведками. Создавалась военная ось Берлин – Токио, и этот военный союз пользовался поддержкой со стороны тайных служб как Германии, так и Японии. Летом 1938 года Осима по поручению японского правительства начал переговоры с Риббентропом по этому вопросу. Проект соглашения о сотрудничестве разведок был представлен Осиме 28 июня 1938 года. В этом небольшом документе всего три пункта, и все они касались шпионажа против Советского Союза:

«Руководствуясь духом
Антикоминтерновского пакта от 25 ноября 1936
года, германский вермахт (за исключением
военно-морского флота) и японские
вооруженные силы пришли к соглашению в
следующем:

1. Обе стороны будут обмениваться поступающей информацией о русской армии и о России.

2. Обе стороны будут сотрудничать в проведении подрывной работы против России.

3. Обе стороны не реже одного раза в год будут проводить совместное совещание с целью облегчения проведения вышеупомянутого обмена информацией и подрывной работы, а также с целью особо подчеркнуть дух дополнительного протокола к Антикоминтерновскому пакту...»

Проект был переработан заместителем министра фон Вейцзеккером и представлен Риббентропу. В первый пункт добавили, что будут обмениваться информацией генштабов о русской армии и о России. Очевидно, в Берлине не хотели давать Японии информацию политической разведки и решили ограничиться только тем, что получал абвер от своей агентуры. Во втором пункте убрали слова о подрывной работе и заменили их на оборонную работу. Решили, что так благозвучнее, хотя смысл остался тем же. В третьем пункте слова о подрывной работе заменили на оборонную работу и убрали упоминание о духе дополнительного протокола, вставив несколько слов об интересах вермахта.

Немецкая разведка не только сотрудничала с японской разведкой в разведывательной деятельности против Советского Союза, но и самостоятельно занималась разведкой на Дальнем Востоке. Ее центр военной разведки в этом регионе – «Кригсорганизацион Дальний Восток» находился в Шанхае. Сотрудники центра работали под прикрытием дипломатических и торговых представительств. Интересовала их в первую очередь военная и политическая информация о

советском Дальнем Востоке. Для сбора этой информации использовались резидентуры в Маньчжурии и других провинциях Китая. Вся полученная информация пересылалась в Берлин дипломатической почтой. Конечно, деятельность этого центра не была секретом для японских военных миссий. Но союзнику не мешали, создавая благоприятный режим для разведывательной деятельности против СССР.

В точном соответствии с соглашением японская разведка уже в начале 1939 года развернула более интенсивную разведывательную, подрывную и диверсионную деятельность против Забайкалья и Дальнего Востока. Очень немного документов о деятельности японской разведки из центрального архива ФСБ рассекречено. Но и то, что стало доступно исследователям, дает достаточно полную картину тайной войны на Дальнем Востоке.

Японская разведка на азиатском материке, и в первую очередь в Маньчжурии, имела солидного помощника в лице «Российского фашистского союза». Эта белоэмигрантская антисоветская организация была создана в 1926 году в Маньчжурии. С 1933 года его деятельность проводилась под руководством японской разведки. С 1935 года к руководству союза подключилась и немецкая разведка. С 1936 года эта организация начала заброску в Советский Союз не только агентов-одиночек, но и вооруженных групп террористов и диверсантов. Конечно, как и всякая солидная организация, Союз имел свои программные установки и положения. На 4-м съезде, состоявшемся в январе 1939 года в Харбине, были подтверждены следующие положения:

1. РФС стремится создать мощный кулак из наиболее антисоветской части эмиграции.

2. Всю работу против Советского Союза РФС согласовывает с фашистскими государствами, готовясь к вооруженному выступлению вместе с этими государствами против СССР.

Съезд выразил готовность поддержать Японию и всякую страну в войне против СССР. Была также подтверждена необходимость посылки на советскую территорию террористов, шпионов и диверсантов. Эта организация была тесно связана с разведками и генштабами Японии, Германии и Польши, которые осуществляли ее финансирование для ведения подрывной работы против Советского Союза.

Члены союза проходили обучение в японских разведывательных школах. Экипировались, вооружались, снабжались всем необходимым перед заброской на советскую территорию на японские деньги. Задания получали в японских военных миссиях, там же и отчитывались после возвращения. Поэтому советской контрразведке приходилось действовать и против японской агентуры, и против агентуры РФС.

В апреле 1939 года разведотдел Управления погранвойск Приморского округа направил начальникам погранотрядов директиву об активизации борьбы с японской разведкой. В этом документе отмечалось: «Целый ряд материалов, имеющих в разведотделе, говорит о том, что японские разведывательные органы и штаб Квантунской армии за последнее время активизировали свою деятельность за счет выброски на нашу сторону отдельных воинских групп с целью захвата наших пограничников, создания провокационных конфликтов на границе, усиления разведки нашей погранполосы и укрепленных точек путем выезда офицерских групп к линии границы, выброски своей агентуры в интересующих японцев направлениях...» Следует отметить, что территория «независимого» государства также была на шпигована

нашей агентурой, которая проникала во все щели от Амура до Порт-Артура. Военные – разведотделы Забайкальского военного округа и ОКДВА, имели свою агентурную сеть. Полпредства НКВД Восточносибирского и Дальневосточного краев также имели свою агентурную сеть. Разведотделы погранвойск Забайкальского и Приморского округов старались не отставать от соседей и имели свои глаза и уши по ту сторону границы. Для агентурной работы использовали местное китайское население, которое после разоблачения и ареста перевербовывалось японской разведкой. В той же директиве указывалось: «Установлено, что японцы, перевербовав часть нашей агентуры и подставив нам свою, систематически направляют ее на разведку интересующих их пунктов, перебрасывая ее зачастую в разных направлениях, давая ей, помимо этого, задания распространять провокационные слухи, производить диверсионные акты и пр.».

Чтобы парализовать возросшую активность японской разведки, начальникам погранотрядов предлагалось провести для этого ряд мероприятий:

«1. Усугубить связь с закордонной агентурой для выявления возможных перебросок японцами разведчиков и диверсионных групп на нашу территорию.

2. При приеме агентуры тщательно анализировать материал, имея в виду, что японская разведка через подставных лиц может вводить погранотряды в заблуждение, дезинформируя нас.

3. Особо тщательно отнестись к материалам агентуры, проходящим вне срока.

4. Взять под активное наблюдение выявленные переправочные пункты японской

разведки, заострив на этом внимание закордонных агентов...»

Следует отметить, что перебежчиков, или, как их тогда называли, «нарушителей» границы, хватало с обеих сторон. Бежали от нас через Амур. Бежали и из Маньчжурии к нам тоже через Амур. Японцы ловили наших перебежчиков (конечно, не всех), вербовали их, если это удавалось, и засылали обратно. Наши пограничники занимались тем же. Ловили нарушителей (тоже, конечно, не всех), тоже вербовали и тоже засылали обратно. Поэтому симптоматична фраза в конце директивы: «К вопросу об использовании нарушителей границы для закордонной работы подходить особо внимательно, под личную ответственность начальников отрядов».

В одном из документов погранвойск Хабаровского округа от 25 апреля 1939 года, адресованном командирам погранотрядов, сообщалась дополнительная информация о деятельности РФС. На съезде в Харбине было принято решение о создании «национального фронта». Было достигнуто соглашение между фашистами и казаками о проведении антисоветской работы и образован «Дальневосточный отдел Российского национального фронта». Главой этой организации избрали атамана Григория Семенова. Было также принято решение о подготовке новых кадров террористов, диверсантов и шпионов для переброски на территорию Советского Союза. Вновь созданная антисоветская организация существовала на деньги японской разведки и работала под полным контролем Харбинской военной миссии. Вся информация, которую получали на советской территории агенты «фронта», передавалась сотрудникам миссии и отправлялась в разведотдел японского генштаба. Этот документ был подписан начальником погранвойск округа комбригом

Александром Федотовым и начальником разведотдела полковником Ильей Ивановым. В июне оба они были арестованы по стандартному обвинению в работе на японскую разведку и расстреляны. В тот год, уже при Берии, высокие звания и должности в погранвойсках не спасали от репрессий. Посмертно обоих реабилитировали в 1958 и 1995 годах.

Через два дня полковник Иванов подписал новую ориентировку, адресованную начальникам погранотрядов округа, о пресечении подрывной деятельности японских военных миссий против СССР. В документе отмечалось, что ЯВМ^[4] ведут большую работу по подготовке китайцев, владеющих русским языком, для диверсионно-шпионской работы на советской территории. Чтобы парализовать эту работу, предлагалось использовать имевшиеся у пограничников агентурные возможности и выявить китайцев, проживавших в прикордонной полосе Маньчжурии, владевших русским языком. При этом предлагалось тех китайцев, которые смогут проникнуть в японские разведывательные органы, обрабатывать и вербовать. Всех задержанных при переходе границы рекомендовалось «также фильтровать под углом возможности использования для разложения деятельности японских разведорганов». Предлагалось всю эту работу провести планомерно, продуманно и без всякой шумихи, немедленно сообщая в Хабаровск о результатах. На Дальнем Востоке создавалась система тотального шпионажа. Многочисленные ЯВМ, а их в Маньчжурии было около 30, вербовали русских фашистов, казаков, русскую молодежь, выросшую в Маньчжурии. Не забывали и китайцев, знавших русский язык. Разведывательные школы не могли дать солидную подготовку такому количеству агентуры. Поэтому иногда ограничивались кратким инструктажем

и отправляли через Амур на советскую территорию. Основной девиз – чем больше людей, тем больше информации было заимствовано у немецкой разведки, с которой тесно сотрудничали и опыт которой использовали. На нашей стороне было примерно то же. Вербовали и перевербовывали все, в чьи руки попадали люди с той стороны. Занимались этим в погранотрядах, в разведотделах Читинского и Хабаровского пограничных округов, в разведотделах краевых управлений НКВД. В случае согласия работать на советскую разведку отправляли обратно почти без всякой подготовки, да и какую подготовку можно было получить в погранотряде. С нашей стороны был такой же тотальный шпионаж с обязательными отчетами перед Москвой о каждом завербованном и перевербованном агенте. Из пойманных нарушителей границы на советскую разведку соглашались работать очень многие. Тех, кто не соглашался, обвиняли в шпионаже, диверсиях, терроризме. Финал для них был один – высшая мера наказания, в лучшем случае длительный срок в лагерях. Просто нарушителей в те годы не было.

Вот только один из примеров, взятый из сборника документов, опубликованных ФСБ. В июле 1939-го пограничники 63-го погранотряда Хабаровского пограничного округа при нелегальном переходе границы задержали трех человек. Василий Трофимов бежал в Маньчжурию в 1933-м. Иван Рогач был уроженцем Харбина. Леонид Хижин в трехлетнем возрасте был вывезен родителями в Харбин. После допроса все трое «сознались», что были завербованы представителем ЯВМ в Харбине, являются японскими агентами и входят в состав диверсионно-террористической группы. Очевидно, молодые ребята (самому старшему было 27 лет) отказались сотрудничать с разведкой, и им решили «пришить»

диверсии и террор. Для исполнения террористического акта следователи НКВД выбрали фигуру Григория Штерна, героя Хасана, в то время командовавшего фронтовой группой и находившегося за тысячи километров от Хабаровска на Халхин-Голе. В качестве диверсии определили им крушение воинских поездов, хотя никакой взрывчатки у них не было. Из оружия – один наган и две винтовки. С таким арсеналом только на командармов покушаться.

Начальник Управления НКВД по Хабаровскому краю комиссар госбезопасности 3-го ранга Никишов поспешил отрапортовать о задержании и 22 августа отправил шифровку в Москву, не дожидаясь окончания допросов. Суд состоялся 13 февраля 1940 года. Приговор был предрешен, и все трое получили высшую меру по знаменитой 58-й статье. Военная коллегия Верховного суда СССР сжалась, и Рогачу и Хижину дали по 10 лет. Хижин умер в лагере уже в октябре 1940-го, а Рогачу удалось выжить и дотянуть до 1944 года. Но в августе 1944-го он военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое вторично был осужден по той же 58-й статье. Добавили парню еще червонец. Но в июне 1959-го определением Военной коллегии Верховного суда СССР дело по обвинению Трофимова, Рогача и Хижина было пересмотрено, и февральский приговор 1940-го года был изменен. Знаменитую 58-ю статью переквалифицировали на 84-ю (незаконный въезд в СССР) и определили срок наказания в три года. В 1960 году Магаданский областной суд отменил приговор военного трибунала 1944 года в отношении Рогача и дело на него прекратил за отсутствием состава преступления. Так закончилась эта история. Не было японских шпионов, террористов и диверсантов. Были трое молодых ребят, которые перешли границу, чтобы посмотреть на свою Родину. Вот и посмотрели.

В конце августа 1939-го Никишов подписал очередную ориентировку, которая была разослана в подчиненные ему подразделения. В документе отмечалось, что по агентурным данным, а также следствием по делам японских разведчиков установлено, что японские разведывательные органы в Маньчжурии активизируют заброску на советскую территорию шпионов, диверсантов и террористов. Однако, отмечалось в документе, областное управление НКВД и погранчасти до сих пор ничего не сделали ни по линии разведки, ни тем более контрразведки, чтобы выявить японскую агентурную сеть на Дальнем Востоке. В конце документа отмечалось: «Неудивительно поэтому, что на сегодня мы не имеем ни одного серьезного агентурного дела по разработке японских шпионских резидентур, диверсионно-террористических групп, переброшенных на нашу территорию японскими и другими иностранными разведорганами».

Признание красноречивое, хотя нарушителей и ловили сотнями. По данным НКВД, представленным Токийскому трибуналу, в 1937 году задержали 208 нарушителей. В 1939-м – 217, в 1940-м – 241, в 1941-м в связи с началом войны цифра поднялась до 302. Но сколько среди них было опытных японских разведчиков, прошедших обучение в разведывательных школах и имевших опыт разведывательной работы? Сколько резидентур японской разведки было вскрыто и локализовано контрразведчиками Забайкалья, Хабаровского края и Приморья? Ответов на эти вопросы пока нет. В 1939-м время было другое. Такие контрразведывательные операции, как «Мечтатели» или «Большой корреспондент», были уже невозможны. Если бы такие операции проводили в конце 1930-х во время большого террора, то их исполнители стали бы

«японскими шпионами» еще до завершения операций, а желающих рисковать головой тогда не было.

Итоги тайной войны за 1939 год были подведены в специальной сводке погранвойск НКВД Читинского округа. К сожалению, нет аналогичных итоговых документов (в открытой печати) по Хабаровскому и Приморскому пограничным округам. В этой сводке отмечалось, что конец 1938-го и весь 1939 год характеризовались усилением деятельности японских разведывательных органов, дислоцированных против Читинского округа. На советскую территорию проводилась массовая выброска диверсионных банд и разведчиков. Использовались жители Маньчжурии – русские, китайцы и корейцы. В 1939 году 2-й (разведывательный) отдел штаба Квантунской армии провел специальное совещание с руководящим составом японских военных миссий. После обсуждения всех проблем были приняты практические решения, обязательные для исполнения военными миссиями, их филиалами и резидентурами. Предполагалось создание диверсионных групп и переброска их на советскую территорию для совершения диверсий. Первостепенными считались железнодорожные объекты. Предполагалось также создание маршрутной агентуры из числа перебежчиков – русских и китайцев, ранее проживавших на территории СССР, которых должны были забрасывать на нашу сторону. И, конечно, дезинформация через своих агентов-двойников.

Это были дополнительные задачи по активной разведке, и для выполнения военными миссиями был значительно увеличен отпуск денежных и материальных средств. Основной же задачей деятельности японской разведки на нашей территории являлась разведка военно-политического и экономического состояния Забайкалья. Японские разведчики, работавшие в этом районе, стремились

добыть сведения о частях РККА, находящихся на забайкальском направлении, их дислокации, численности и нумерации. Очень интересовали японскую разведку военно-воздушные силы Забайкалья: их численность, типы самолетов, места расположения аэродромов и посадочных площадок. Не оставались без внимания укрепленные районы и новое строительство, особенно на Даурско-Читинском направлении. И, конечно, состояние железных дорог, их пропускная способность. В общем, интересовало все, что было в Забайкалье. Конечно, этот район не был исключением. Такие же задачи ставились при ведении разведки и в районе Хабаровска, и особенно в районах Приморья.

Каковы были результаты работы читинских пограничников? С января по сентябрь 1939 года задержано 106 человек. Из них шпионов 36. Цифра вроде бы солидная, но русских агентов японской разведки было только трое – остальные китайцы. Японская разведка в основном перебрасывала через границу китайскую агентуру, хотя она была значительно ниже в работе по своей ценности и агентурным возможностям. Она легче выявлялась, так как в пограничной полосе не имела опорной базы. Конечно, против Забайкалья работала и русская агентура, но, как отмечалось в документе: «Мы задерживаем крайне незначительный ее процент». Итоги года были подведены в директиве от 7 декабря. В этом документе, подписанном начальником погранвойск НКВД Читинского округа, обосновывалась необходимость усиления разведывательной и контрразведывательной работы по японской линии и пересмотра планов работ разведывательных отделений погранотрядов. Такие требования были вызваны усилением разведывательной деятельности ЯВМ против СССР и массовыми забросками диверсантов и разведчиков на советскую территорию.

До 1939 года основным объектом деятельности японской разведки против СССР являлись районы Дальнего Востока. В эти районы выбрасывалась массовая агентура, состоявшая из русских эмигрантов, китайцев и корейцев. Они осваивали пограничные районы за Амуром, то есть тактическую прибрежную полосу, где были сосредоточены части прикрытия войск ОКДВА и Забайкальского военного округа. С 1939 года положение изменилось. Этому способствовало и установление более тесного контакта с германской разведкой, и изменившаяся обстановка в Европе и мире. Японская разведка, используя уже другие каналы, стала засылать свою агентуру на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, а также в крупные города центральной части СССР. Конечно, китайцев и корейцев для этого не использовали. Здесь нужны были другие люди с другой подготовкой. Вот только один пример такой активной разведывательной деятельности. 20 июля 1940 года заместитель наркома внутренних дел Украины отправил указания во все управления погранвойск республики. В документе сообщалось, что «по совершенно секретным данным, японская разведка из Риги направила в СССР агентов: одного в район Минска и трех агентов в районы западных областей УССР и БССР. Один из агентов является военным специалистом, бывшим кадровым офицером польской армии...» Для того чтобы разыскать переброшенную агентуру, предлагалось начальникам разведывательных отделений погранотрядов собрать «осторожным путем» тщательные справки о поляках, переброшенных на советскую сторону, обратить внимание агентуры на лиц, которые были до переброски в Латвии и Литве, профильтровать задержанных перебежчиков. В общем, сделать все, чтобы найти агентов японской разведки. Удалось ли найти? Ответа на этот вопрос пока нет.

В одной из докладных записок, отправленной из Хабаровска в Москву в феврале 1941 года, анализировалась деятельность Хабаровского пограничного округа. За 1940 год было задержано 600 перебежчиков, в основном китайцев. Русских задержали только 10 человек. Трудно поверить, что у японской разведки иссякли кадры русских эмигрантов. Очевидно, русских перебежчиков ловить было труднее, чем китайцев. Они после переправы через Амур сразу же могли двинуться в глубь страны или раствориться среди местного населения. Из задержанных перебежчиков 245 человек разоблачили как агентов японской разведки. Анализ разоблаченной агентуры показал, что она делится, в основном, на две категории: квалифицированную, хорошо подготовленную и массовую, направляемую с простыми военно-разведывательными заданиями без серьезного прикрытия. К контингенту квалифицированной агентуры относились китайцы, служившие в армии Маньчжоу-Го, и служащие полиции (43 человека). Японская разведка перебрасывала такую агентуру после серьезной подготовки с продуманными и сложными легендами. Основной целью агентуры из чинов полиции являлось оседание на жительство на советской территории, вербовка советских граждан для работы на японскую разведку, в первую очередь китайцев, проживавших в пограничной полосе, и создание новых шпионских резидентур. Перед агентурой из числа военнослужащих японская разведка ставила задачи по ведению глубокой военно-разведывательной деятельности на советской территории, вхождения в доверие и внедрения в центры по руководству партизанским движением в Маньчжурии. В заключении записки отмечалось: «Из числа разоблаченной японской агентуры, переброшенной в Советский Союз во второй половине

1940 года, заслуживают серьезного внимания лица, ранее проживавшие в СССР и имеющие родственные или иные связи, владеющие в совершенстве русским языком и хорошо знающие отдельные районы нашей территории...»

Такая агентура предназначалась не только для ведения разведки на Дальнем Востоке и в Забайкалье, но и на территории Западной Сибири. В отчетном докладе Управления НКВД по Новосибирской области за 1940 год отмечалось, что на основании анализа агентурных дел сотрудники Управления пришли к выводу, что японская разведка делает все возможное, чтобы насадить свои кадры диверсантов в промышленности области и на Транссибирской магистрали. По некоторой части дел разоблаченные агенты намечали активное проведение диверсий или летом 1942 года, или приурочивали их «к моменту проявления военной активности со стороны Японии на наших дальневосточных границах». В докладе также отмечалось: «Японская разведка развивает большую активность по созданию разветвленных повстанческо-диверсионных формирований из кулацкого, белогвардейского и прочего антисоветского элемента для активной вооруженной борьбы с Советской властью в момент военной интервенции...» Очевидно, у руководителей японской разведки были свежи в памяти антисоветские восстания в Западной Сибири в 1921 году, и по аналогии с прошлым решили еще раз организовать восстания в этом же районе в случае войны. Изменившуюся обстановку, когда подобное восстание было бы подавлено в зародыше, в Токио, наверное, не учитывали.

В заключение следует отметить, что положение на нашей стороне было аналогичным. Вся Маньчжурия, а не только ее пограничная зона, была набита нашей агентурой. Тут работали военные: разведывательные

отделы ОКДВА и Забайкальского военного округа, управления НКВД и пограничники. Все вербовали, перевербовывали и засылали через Амур и Уссури русских, китайцев и корейцев. О Квантунской армии знали практически все: численность, дислокацию, вооружение, фамилии и воинские звания командиров частей. О японских военных миссиях в различных городах Маньчжурии, а их было около 30, также имелась подробная информация.

В японских разведывательных центрах знали об активности советской разведки и старались принять соответствующие меры, чтобы обезопасить себя от проникновения советской агентуры. В качестве примера можно привести «План мероприятий Харбинской ЯВМ по усилению разведывательно-подрывной деятельности против СССР». Датирован этот документ 16 февраля 1940 года, то есть после ликвидации конфликта на Халхин-Голе, когда намечалось улучшение советско-японских отношений. В нем отмечается «... что теперь в связи с улучшением отношений активная разведывательная и подрывная деятельность Советского Союза, особенно в области подпольной работы, также резко возрастет. Поэтому мы в качестве контрмер должны усилить свою активность в области разведывательной и подрывной работы...» Для ведения более активной разведки аналитики из военной миссии предлагали направить разведчиков во вновь организуемые японские и маньчжурские консульства на территории СССР, включить разведчиков в число дипломатических и торговых служащих, перевербовывать советских разведчиков, активность которых, вероятно, возрастет, установить тайную сеть аппаратуры подслушивания в советских учреждениях, которые будут расширяться. Главное внимание контрразведки по-прежнему должно быть направлено на перевербовку. В документе также отмечалось:

«Поэтому теперь, в связи с урегулированием отношений между двумя странами, можно думать, что сеть разведчиков и диверсантов противника будет расширяться».

В одном японские разведчики были правы. Если сеть советских консульств на территории Маньчжурии была расширена, то обе разведки – и военная, и политическая, конечно, воспользовались этим благоприятным обстоятельством и постарались усилить свои резидентуры, прикрываясь дипломатической «крышей». Японская разведка на нашей территории занималась тем же.

Разгром ИНО в 1939 году

Весной 1939 года был разгромлен дальневосточный сектор ИНО и прекратили свое существование токийская и сеульская резидентуры политической разведки. Перестали работать такие японские источники, как «Кротов» и «Абэ», перестала поступать от них ценнейшая документальная информация. Сотрудники ИНО, прибывшие на следующий год в Японию для восстановления разведывательной сети, должны были начинать с нуля, не зная языка и специфических условий работы в этой стране. В этом разгроме и уничтожении агентурных кадров не было заслуги японской контрразведки. Японские источники ИНО остались живы и даже не были арестованы. А вот руководитель сектора и его сотрудники были арестованы, обвинены в измене и расстреляны. Как и в 1937—1938 годах, когда громили резидентуры ИНО в различных странах, постарались не контрразведки противника, а свои, сидевшие на Лубянке. И было это не при Ежове, а уже при Берии. Здесь постарались и оставили свои подписи не только он, но и начальники ИНО Деканозов и Фитин. Перефразируя известную поговорку – били своих, очевидно, думая, что бояться будут другие. На Лубянке завели уголовное групповое дело № 20997 по обвинению Клётного А. Л., Константинова В. М., Ермакова Н. П., Косухина Д. И., Тармосина С. Е., Добисова-Долина М. Е., Калужского Е. М. и Шебеко И. И.

Александр Клётный в середине 1930-х работал переводчиком советского посольства в Токио. Язык он знал хорошо, замечаний и претензий по службе не имел. В 1935 году кончился срок командировки, и он должен был вернуться в Москву. Журба (Шебеко)

сообщил в ИНО, что в Москву возвращается опытный переводчик, и рекомендовал взять его на работу в ИНО. Основания для такой рекомендации были, так как в Токио Журба привлекал его для работы с агентурой. Связь с основным источником резидентуры «Кротовым» также осуществлялась через него. Объяснялось это тем, что Журба хотя и кончил в 1925 году Восточный факультет Военной академии по японскому классу и много лет работал на Востоке и в Японии, но японским почти не владел. Письмо попало к Добисову, и так как переводчиков с японского не хватало, то он написал рапорт на имя Артузова с просьбой устроить Клётного в ИНО. Получив согласие начальства, он связался с Клётным через Наркоминдел. После беседы переводчику предложили заполнить анкеты. Никаких грехов за ним не было, рекомендации были хорошие, и в ИНО появился новый переводчик. Для начала ему поручили перевод документальных материалов, которые в фотокопиях поступали в Москву из Харбинской, Сеульской и Токийской резидентур. В частности, он переводил сводки штаба Квантунской армии о японской разведке в Приморье. Очевидно, в 1937-м он перешел на работу в Военную академию, заняв должность заведующего кафедрой японского языка. При этом он оставался неофициальным сотрудником ИНО как приходящий (внештатный) переводчик. В академии он и был арестован в конце 1938-го. Обвинение стандартное – если работал в Японии, то японский шпион.

Дальше все шло по накатанной колее – допросы, избиения, пытки и оговоры. Чтобы создать групповое дело, а это всегда поощрялось наркомвнудельским начальством, нужны были фамилии. Клётный, не выдержав пыток, называл тех, кого знал по Токио и по работе в ИНО. Возможно, он называл кого-то из Военной академии, но документальных доказательств у автора

нет и высказывать какие-либо утверждения нет оснований. Только по его показаниям и было сфабриковано групповое дело. Обвинение – измена Родине, шпионаж и работа на японскую разведку. В общем, стандартное дело со стандартным обвинением. Таких дел в 1938-м и 1939-м в НКВД фабриковали десятки и сотни.

Изложение последующих событий дается по протоколам допросов арестованных по этому групповому делу. Писать об этом тяжело, но надо. Современному поколению, родившемуся и живущему в другой эпохе и в другое время, иногда полезно напомнить о том, в какое время и при каком строе жили их деды.

Первые фамилии прозвучали уже в допросе 13 декабря 1938 года. Вот выдержка из этого допроса: «... Следующим лицом, о котором я хочу сказать как о японском шпионе, является Гудзь (вторая фамилия – Гинце), бывший резидент ИНО в Японии, а затем сотрудник Разведупра. Впервые о Гудзе я узнал от Журбы во время его приезда в ноябре 1935 года в отпуск в Москву. Журба говорил, что Гудзь является близким родственником Артузова, бывшего начальника ИНО, и когда последний был переведен заместителем начальника Разведупра, он устроил командировку Гудзю в Японию. Со слов Журбы я понял, что Гудзь был в курсе всей его шпионской работы в Токио и старался выдвинуться как первая скрипка и перед японской разведкой в деле расширения дезинформационной сети, и перед начальством НКВД, стремясь выделить себя как организатора и прямого руководителя сети, добывающей „информацию“. Журба добился того, что еще до его возвращения в Токио Гудзь в январе 1936 года был откомандирован из Токио в Москву. После возвращения Гудзя в Москву я с ним встречался в Разведупре в кабинете Покладека. Услышав мою

фамилию, он сам подошел ко мне и назвал себя, сказав, что он меня очень хорошо знает.

Вопрос. С какой стороны он вас знает?

Ответ. Я понял этот вопрос, я его иначе и понимать не мог, что я известен Гудзю как японский шпион. Обстановка моего знакомства с Гудзем заставляла меня сначала думать, что он устанавливал со мною связь, но в действительности связи по агентурной работе у нас не было, так как эта связь велась через Покладека. Но он, очевидно, был в курсе моей шпионской работы именно через Покладека. С Гудзем я еще раз встретился в Разведупре, если не ошибаюсь, в конце мая или в июне 1936 года. Гудзь спросил меня, приехал ли Андреев, и выразил желание привлечь его на работу в Разведупр. Я осторожно ответил, что Андреев получил распоряжение работать в НКВД, на что Гудзь подал реплику: «Ах, вот как» – и многозначительно посмотрел в сторону Покладека. После ареста Артузова я видел Гудзя в Разведупре в другом помещении. Он прошел мимо меня не здороваясь, по-видимому, опасаясь меня как лица, которому кое-что известно из его шпионской работы.

Вопрос. Какие разговоры у вас в это время были с Журбой?

Ответ. Особых разговоров шпионского характера в это время с Журбой не было, но следует отметить один разговор относительно Гинце, о котором я уже дал показания на одном из предыдущих допросов.

Вопрос. Гудзь – шпион?

Ответ. Со слов Журбы он мне известен как шпион, хотя непосредственно с ним связи не было. О причастности его к шпионажу я узнал тогда, когда Журба объяснил мне свои личные отношения с Гудзем, а именно то, что я уже показал на одном из предыдущих допросов.

Фамилии были названы, а для того времени, когда «чистосердечные призывания» или «признательные показания» были царицей доказательств, этого было достаточно, и следственная машина завертелась. Конечно, Клётный оговаривал всех, кого знал и с кем работал, и никаких конкретных доказательств, кроме его голословных заявлений, у следователей не было. А вот мнение самого Гудзя, которое он высказал через 60 лет: «Единственное, что в этих показаниях похоже на правду, это то, что Шебеко удалось добиться любыми средствами моего отзыва из Токио. В то время мне ничего об интриге Шебеко не было известно. И только когда я познакомился со следственным делом Шебеко в начале 1990-х годов, я узнал, что это было именно так».

Жизнь не всегда шла по заранее намеченной схеме. Фамилия Гудзя была названа в протоколе допроса Клётного. Казалось бы, чего проще: найти его домашний адрес и ночью приехать в воронке. Но он остался цел и даже не был арестован, продолжая водить пассажирский автобус по улицам Москвы. Так что иногда исключения из правил были и в то суровое время.

Очевидно, по показаниям Клётного из Токио отзывается Шебеко. После отзыва Гудзя в начале 1936-го он вновь становится резидентом и работает на этом посту три года, до марта 1939-го, благополучно избежав репрессий 1937—1938 годов. В связи с отзывом резидента основной источник Токийской резидентуры «Кротов» теряет связь с Москвой. 21 марта 1939-го арестовывают помощника начальника японского отделения Михаила Добисова. Но прежде чем начать его допрос, следствие решает еще раз допросить Клётного и удостовериться, не изменил ли он свои «правдивые» показания. Его допрашивали 27 марта. Под протоколом стояла подпись заместителя начальника ГУГБ Деканозова. Вот выдержка из допроса:

«Вопрос. Не оговариваете ли вы Журбу как японского агента?

Ответ. Нет, я его не оговариваю. Я твердо убежден, что Журба (Шебеко) является японским агентом.

Вопрос. Какие данные у вас утверждать, что Журба является японским агентом, если никто прямо вам об этом не говорил, так же как вы заявляете, сам Журба никогда с вами об этом не говорил.

Ответ. Данные заключаются в том, что представитель японской разведки Фусэ сказал мне, что Журба обратился ко мне с просьбой связать его с двумя японскими разведчиками. Далее, что он, Журба, рекомендовал меня Добисову, с которым впоследствии был связан по шпионской работе, и с Косухиным, о котором мне Журба сказал, что он заменит Добисова и что я буду иметь такие же отношения с Косухиным, как и с Добисовым. Сумма всех этих фактов, а также и то обстоятельство, что Журба представляет собою отдельную единицу в этой шпионской системе – создало у меня твердую уверенность, что Журба был связан с японской разведкой.

Вопрос. Назовите лиц, с кем вы были связаны по шпионажу?

Ответ. С Константиновым, Ермаковым, Позднеевой, Язгуром, Тормосиным. Из работников Разведупра я был связан до поездки в Японию с Покладеком и Лейфертом. После приезда из Японии – со Шлёнским и Сироткиным. По ИНО был связан с Добисовым. Когда он уехал, был связан с Косухиным. Я был связан в Сеуле с Шармановым, Мурзиным, Эсбахом и Кибардиным. В Токио я был связан с Пановым и Журбой. Из японцев был связан с Фурута и Абэ. В Кобе с Фусэ и по Токио с Фусэ.

Вопрос. Вы все честно говорите?

Ответ. Да, я говорю правду...»

На следующий день после допроса Клётного арестовали Евгения Калужского. 29 марта допрашивали Добисова. Возможно, для него это был первый допрос. Вначале, когда спрашивали о его работе, он обстоятельно отвечал на все вопросы. Первые вопросы о тех, кто уже арестован и кто будет арестован. Вот выдержка из протокола допроса:

«**Вопрос.** Расскажите, при каких обстоятельствах вы познакомились с Калужским?

Ответ. С Калужским я познакомился в начале 1935 года. Знакомство произошло после того, как он приехал из Сеула. Там он работал переводчиком консульства и был одновременно резидентом ИНО. В Сеул он уехал в 1931 году.

Вопрос. Как вы познакомились с Шебеко?

Ответ. Шебеко я встречал еще в Дайрене проездом в Мукден в 1930 году, когда он был генконсулом. Знакомство с ним носило официальный характер. В следующий раз я встретился с Шебеко в 1935 году, когда он приезжал из Токио в Москву по вызову Слуцкого. По служебным вопросам с ним говорили мало, так как сама агентура у него в Токио была небольшой: «Кротов», «Сахаров» и одна женщина «Вдова».

Вопрос. Когда вы работали в отделении в качестве помощника начальника отделения, какие наиболее секретные документальные материалы получали и каково было ваше отношение к оценке их?

Ответ. Хорошие документальные материалы мы получили из Сеула. Это были мобилизационные планы, кажется, за 1935—1936 годы. Этот материал доставал переплетчик, работавший в штабе Корейской армии. Я помню, что этот материал получил хорошую оценку от Ворошилова. Куренков, как начальник отделения, этот документальный материал оценивал также хорошо. Я не сомневался, что этот материал был правдивым. О правдивости этого материала я делаю вывод еще и

потому, что источник, дававший этот материал, доставлял также ряд сводок штаба Корейской армии о Приморье».

После выяснения всех обстоятельств его работы в Москве и за рубежом следователь меняет тему допроса и переходит к обвинению в шпионаже и работе на японскую разведку. Но на этом допросе «пришить» Добисову шпионаж в пользу Японии не удастся. Вот как происходил этот поединок между следователем и обвиняемым:

«**Вопрос.** Каких японских разведчиков вы знали лично?

Ответ. Никаких, кроме наших агентов, работавших в японской разведке, я не знал.

Вопрос. Вы были кем-нибудь завербованы, будучи на работе в ИНО или на закордонной работе?

Ответ. Нет. Никем я не был завербован ни в отделе, ни на закордонной работе.

Вопрос. Когда Клётный был привлечен в ИНО в качестве переводчика, был ли у вас с ним разговор по поводу мобилизационных планов, получаемых из Японии?

Ответ. Я не помню, чтобы Клётный со мной разговаривал по вопросу мобилизационных планов. Я также не помню, чтобы Клётный имел к этим документам какое-либо отношение.

Вопрос. А Калужский к этим мобпланам имел отношение?

Ответ. Да. К этим мобпланам Калужский имел отношение, так как он эти мобпланы переводил.

Вопрос. Вы с Калужским беседовали об этих мобпланах и других документах, получаемых из Японии?

Ответ. Да, с Калужским я беседовал. Но разговор этот был общий, и в беседе с ним я оценки этим планам не давал. Основное отношение к ним имел Куренков.

Вопрос. Как оценивал эти материалы Калужский?

Ответ. Насколько мне помнится, Калужский эти материалы оценивал положительно.

Вопрос. Кто давал оценку этому материалу?

Ответ. Оценку мобпланам давали Куренков и Калужский, они оценивали их положительно. У нас не было сомнений, что этот материал правильный и достоверный».

С мобилизационными документами, поступавшими из Сеульской резидентуры, разобрались. Мнение всех сотрудников сектора – материал подлинный и сомнений ни у кого не вызывает. И следовательно опять переходит к вопросу о «шпионской» деятельности Добисова. И снова с его стороны категорическое отрицание признать себя виновным.

«**Вопрос.** Вы помните, какую вы давали информацию и материалы из ИНО Клётному для передачи японской разведке?

Ответ. Никогда никаких информации и материалов из ИНО я Клётному или какому-либо другому лицу для передачи японской разведке или какой-либо другой разведке не давал. Это клевета, самая гнусная.

Вопрос. Клётный показывает, что он был связан с вами по шпионской работе с 1933 года. Подтверждаете вы это?

Ответ. Абсолютная клевета и ложь. Никогда я шпионом не был и никакой шпионской работы с Клётным или с кем-либо другим, как я уже показывал, я не вел.

Вопрос. Расскажите, каким образом вы связали Клётного по шпионской работе с Косухиным. Когда это было?

Ответ. Никакого отношения к шпионской деятельности Клётного, Косухина (если он таковой занимался) я не имел и никак их не связывал.

Повторяю еще раз, что я шпионом никогда не был и никогда не имел никакого отношения к шпионской деятельности Клётного. Все показания Клётного о моей якобы с ним связи по антисоветской шпионской деятельности являются сплошным вымыслом и клеветой.

Вопрос. Значит, вас Клётный оговаривает?

Ответ. Безусловно оговаривает, и мне непонятно даже после этих двух допросов, какие у него могут быть причины для этой кошмарной клеветы на меня».

Но через некоторое время после избиений и пыток Добисов сломался и стал подписывать в протоколах все, что вписывали туда следователи. В своих показаниях от 20 июня он признает, что был завербован японцем Исихарой в Китае в 1920 году, что в 1925 году установил шпионскую связь с Романом Кимом и продолжал с ним шпионскую работу. Много чего написано в этих «показаниях» и много фамилий названо. Вот только один пример:

«... **Вопрос.** Кто еще вам известен как агент японской разведки из сотрудников ИНО?

Ответ. Кроме Кима как агента японской разведки мне известны: Клётный – переводчик ИНО, Куренков – начальник 7-го сектора ИНО, Ермаков – переводчик ИНО. Роман Ким мне советовал: в связи с тем, что 7-й сектор ИНО целиком находится в руках японцев, поскольку его возглавил агент японской разведки Куренков, то я как бы остаюсь лишним с точки зрения выполнения заданий японской разведки по 7-му сектору, а поэтому было бы очень хорошо, если бы я добился перевода в другой сектор. Это осуществить мне не удалось».

* * *

Переводчик ИНО Евгений Калужский был арестован 28 марта. Работал он в Корее, был связан с Сеульской резидентурой и, очевидно, в 1934 году вернулся в Москву. Об этом человеке ничего не известно, поэтому на основании материалов следственного дела стоит сказать несколько слов и о нем, и о Сеульской разведывательной сети ИНО, созданной с его помощью.

В 1930 году он был переводчиком генконсульства в Сеуле. Перед отъездом из Москвы заведующий сектором Баранский сообщил ему пароль для связи с работником ИНО вице-консулом Кузнецовым. Последний должен будет назвать номер комнаты Баранского в ИНО. Так и произошло вскоре по приезде Калужского в Сеул. Кузнецов сообщил Калужскому, что у него имеется два агента: русский белогвардеец Яковлев и японский жандарм «132»-й. О вице-консуле и резиденте ИНО Кузнецове автору, к сожалению, ничего не удалось узнать. Неизвестно даже его имя. Так бывает – особенно в разведке. Человек годами работает, потом исчезает и уходит в небытие, хорошо, если своим ходом и без помощи «органов». Его личное дело прячут в архив, ставя на обложке штамп: «Хранить вечно». Оно и будет вечно храниться на архивной полке. И можно быть уверенным, что и через сотню лет ни один историк не получит доступа к этому делу.

«132»-й, он же «Абэ», он же... Далее надо было бы поставить подлинную фамилию. Но вместо этого приходится, как и в случае с «Кротовым», ставить трафаретную фразу: «По понятным причинам настоящая фамилия источника и сейчас (то есть в 2000 году) не может быть раскрыта». Это был самый лучший и результативный источник Сеульской резидентуры как по передаваемой документальной информации, так и по количеству привлеченных им «на материальной основе» других источников из жандармских и армейских подразделений. Это также единственный источник ИНО

в Сеуле, а потом и в Харбине, которому, как и токийскому «Кротову», был посвящен очерк в официальной истории службы внешней разведки (том 3-й, очерк «Под лучами восходящего солнца»). «132-й» бывал в консульстве по своей должности как представитель жандармского управления, занимающийся официальной охраной. Сначала Кузнецов и Калужский беседовали с ним в консульстве. Потом беседы перенесли на квартиру Калужского.

Резидентуры как таковой в Сеуле в это время не было. Когда в феврале 1932-го Кузнецов уехал в Москву, Калужский остался один. Но и в Москве не нашли подходящей замены и решили назначить резидентом Калужского, учитывая, очевидно, его небольшой опыт работы с Кузнецовым. Так Калужский стал резидентом, хотя он просил Москву не назначать его на эту должность, так как он не имел достаточного опыта работы с агентурой. Но Москва не отменила своего решения. Вскоре из Москвы прибыл технический работник для фотографирования документов и для шифрования. Через некоторое время «132-й» сообщил Калужскому, что он имеет возможность получить перевод на работу в Харбин. Запросили Москву, получили согласие, и основной агент резидентуры покинул Сеул. Его работа в Харбине – уже отдельная история.

Перед отъездом «132-й» рекомендовал Калужскому замену – двух японцев «Сая» и «Ли». «Сая» Калужский знал неплохо, так как по своей должности он часто мог приходить в консульство. Вербовка «Сая» состоялась при содействии «132-го». Калужскому было известно, что «132-й» иногда добывал материалы из штаба Квантунской армии через какого-то писаря и что в этой цепочке участвовал брат «132-го», которого перед отъездом он обещал познакомить с резидентом, но по каким-то причинам обещание не выполнил. Потом уже

Калужский узнал, что этот брат оказался связанным с резидентом Разведупра Эрнестом Эсбахом. Об этом разведчике тоже известно немного. Родился он в 1897 году в Курляндской губернии. В 1916 году окончил рижскую гимназию и с 1918 года – в РККА. После Гражданской с 1922 по 1927 год учился в Военной академии на основном и Восточном факультетах. После окончания учебы был направлен в Разведупр и с 1928 по 1933 год работал резидентом в Корее под «крышей» секретаря генконсульства в Сеуле. С 1934 по 1937 год работал в разведывательном отделе Тихоокеанского флота. Воинское звание – майор. В сентябре 1937-го его увольняют из РККА на основании того, что «в 1924 году подписал антипартийный документ „56“, при обмене партийных документов скрыл». Был ли потом арестован – неизвестно, следы теряются. Вот такая сухая биография у коллеги из Разведупра. Резидентура и своя разведывательная сеть у военной разведки в Корее, конечно, была. Район был стратегически важным и находился под наблюдением Разведупра. Но ни об этой сети, ни о результатах работы резидентуры пока ничего не известно. Краткая биография Эсбаха – единственное, что появилось в открытой печати.

Пришлось резиденту ИНО идти на прямой перехват этого брата. Он установил с ним связь, встретился и поговорил, сославшись на обещание «132-го». Брат, получивший псевдоним «Ким», согласился держать связь и с Калужским. Оставался ли он одновременно агентом Разведупра – неизвестно. Таким образом, у резидента оказались на связи «Ким», «Сай» и «Ли». Но в 1933 году «Сая» по службе перевели в Токио, а «Ли» был переведен в один из городов Маньчжурии.

А это уже из очередного допроса Калужского во время следствия: «Сай» был переведен в Токио на курсы усовершенствования жандармерии. Чтобы связать «Сая» с Токийской резидентурой, то есть с

Журбой, я использовал свою поездку в Токио в отпуск и назначил «Саю» явку в Токио. Но он на явку не явился. По Сеулу «Сай» знал фамилию Клётного. Поэтому он явился прямо в посольство и попытался разыскать меня, но меня уже в Токио не было. Впоследствии Журба с большим трудом установил с ним связь». Как видно, ни о какой серьезной конспирации речи не было. Была у Калужского еще одна вербовка. Некто Накобаяси служил в полицейском управлении, потом был уволен и устроился переводчиком в жандармерии. Его вербовка была проведена через «Кима». Калужский проработал резидентом до октября 1934-го, а затем вернулся в Москву и начал работать переводчиком ИНО. Его сменил молодой сотрудник ИНО Каспаров, который проработал резидентом в Сеуле до 1938 года. Из всех сотрудников японского сектора ИНО он, очевидно, был единственным, кто избежал репрессий 1939 года и продолжал работать в системе политической разведки.

Каспаров был молодым сотрудником, опыта конспиративной работы почти не имел и при контактах с японской агентурой мог наделать ошибок. Но, очевидно, у ИНО так же, как и при назначении Калужского, более солидной кандидатуры просто не было. Иначе чем объяснить то, что на такой ответственный пост в центре японской полиции и жандармерии, откуда в Москву шла ценнейшая военная документальная информация, вторично назначался молодой и не очень опытный сотрудник? Японская контрразведка в Сеуле была значительно слабее токийской контрразведки. Очевидно, в столице империи не предполагали, что советская разведка может качать такую ценную информацию из такого провинциального центра, как Сеул. Но если бы в Токио почувствовали опасность утечки информации и направили бы в Сеул группу опытных контрразведчиков, то последствия для Калужского или Каспарова были бы плачевными. Они,

несомненно, были бы раскрыты, а ценнейшая японская агентура провалена. Могут возразить, что этого не случилось и все кончилось благополучно. Но это не снимает ответственности с начальника ИНО Артузова, так как все резиденты ИНО назначались за рубеж только с его согласия. Можно еще раз повторить, что Артузов хорошо знал японскую агентуру в Сеуле и Харбине и знал ее эффективность. И было уже тогда ясно, что такую агентуру надо беречь, оберегать от возможных провалов и для ее руководства посылать в эти города более опытных резидентов.

Чтобы как-то подстраховать Каспарова и проверить работу Сеульской резидентуры по линии контрразведки, было решено направить в Сеул опытного контрразведчика. Поэтому токийский резидент Гинце (Гудзь) получил указание ИНО проинспектировать сеульскую резидентуру. К этому времени Каспарову удалось завербовать жандармского унтер-офицера («Кан»). Уже первые шаги в работе источника свидетельствовали о перспективности его деятельности. Поэтому Гинце предлагалось ознакомиться с техникой связи резидента с этим источником, чтобы избежать его провала. Вот как об этом вспоминает Гудзь уже в 1990-е годы: «Когда я был в Сеуле у Каспарова, дела шли неплохо, но по части конспирации он не был достаточно подкован. Я ему помог повысить ее. Наиболее серьезные материалы давал „Тур“, хотя сам он в них разбирался плохо. Я приучил его к тому, что нужно искать материал, касающийся СССР и японской армии. Это ему удавалось».

«Тур» был связан с братом «132-го» «Кимом». Он и был тем самым писарем, от которого «132-й» через брата получал документы для Калужского. Когда «132-й» уехал в Харбин, «Тур» был завербован через «Кима»

и начал передавать документы Калужскому, а потом Каспарову. Из допроса Калужского:

«Вопрос. «Ким» был связан с «Туром»?

Ответ. «Тур» был завербован при помощи «Кима» и около двух лет «Ким» был связан со мной и «Туром», то есть «Тур» через «Кима» передавал весь материал напрямую».

Такой была агентурная сеть сеульской резидентуры в первой половине 1930-х годов, и работала она очень результативно. Через генконсульство в Москву шли фотокопии ценнейших документальных материалов. Сеульская агентура в эти годы дала такие материалы, которые позволили иметь достаточно полное представление о японской армии и деятельности японской разведки, а также о военно-политическом положении Японии. Среди этих материалов можно отметить:

а) Большой обзор положения в Корее, составленный для японского парламента.

б) Материалы штаба о вооружении Корейской армии.

в) Сводка о деятельности атамана Семенова, о пребывании его в Японии и свидании с Араки.

г) Обзор о состоянии РККА на Дальнем Востоке, составленный штабом 19-й дивизии. Материал дал «Тур».

д) Сводки генштаба и штаба Квантунской армии об СССР и Маньчжурии.

е) Сводки Харбинской военной миссии.

Материал был очень ценным. Большой обзор использовался для составления военно-политических сводок, которые шли на самый «верх». Материалы штаба и обзор о состоянии РККА докладывались Наркому Обороны. Сводки об атамане Семенове и сводки Харбинской военной миссии использовались для «ведомственного употребления». В общем, все шло в

дело, и информация из Сеула полностью использовалась. Солидные материалы давал источник «Тур». Кроме обзора о состоянии РККА он передал сводки Харбинской военной миссии, сводки штаба Квантунской армии о ходе операций против партизан, протокол совещания командиров дивизий Квантунской армии. В беседах с резидентом «Тур» отмечал и у военных, и в жандармерии небрежное хранение даже совершенно секретных документов и отсутствие их учета. Это позволяло ему брать из штаба наиболее интересную документацию и после фотографирования возвращать ее обратно.

Вот как характеризовал «Тура» резидент Каспаров в 1935 году: «Завербован в 1932 году... Регулярно дает большое количество материалов, исключительно подлинников. Дал много ценных материалов по японской разведке в СССР, подготовке Японии к войне, международной политике Японии. Основные группы добываемых материалов: 1) секретные сводки и журналы Генерального штаба и других центральных органов, 2) сводки и оперативные документы японских органов в Маньчжурии – штаба Квантунской армии, Харбинской военной миссии и других военных миссий, 3) сводки и другие разведывательные и оперативно-стратегические материалы штаба Корейской армии, 4) описания маневров, руководства по боевой подготовке, материалы военного министерства».

Это была ценнейшая документальная информация для военного ведомства. Мобилизационные планы Корейской армии имели для Генерального штаба такое же значение, как и мобилизационные документы, добытые «Кротовым». А для ИНО наиболее ценными были материалы о провалах, грозящих агентуре советской политической и военной разведки в Маньчжурии, Китае и Корее, а также документальная

информация о деятельности японской разведки на территории советского Дальнего Востока.

После процесса 1939 года судьба «132-го» («Абэ») была решена. В Москве признавали, что он был ценнейшим источником Сеульской, а потом Харбинской резидентур. Но несмотря на это уже в январе 1939-го Центр дает указание Харбинской резидентуре прервать связь и с ним, и с другими источниками: «Вас никоим образом не должно смущать наше распоряжение о прекращении связи с большим количеством агентов – этого требуют существующие обстоятельства». Указание было категорическим без всяких объяснений и исключало какое-либо двойное толкование. После такого указания все связи Харбинской и Сеульской резидентур с агентурой были оборваны. Резидентам и сотрудникам оставалось только паковать чемоданы и возвращаться в Москву. Без агентуры им нечего было делать ни в Харбине, ни в Сеуле.

Последняя точка в истории «132-го» была поставлена в сентябре 1940 года. 3 сентября начальник ИНО Фитин в рапорте на имя Берии характеризовал его как «важнейшую фигуру японских разведывательных органов в Маньчжурии», которого подставила японская разведка для «дезинформации наших органов». Фитин считал, что при помощи этого агента японцам удалось проникнуть «почти во все каналы нашей разведывательной работы в Маньчжурии и Японии». А самого «132-го» он обвинял в том, что «являясь формально „ценнейшим“ агентом дальневосточного сектора и „родоначальником“ всей японской агентуры, фактически занимался вербовкой шпионов в пользу японской разведки. Так, например, им был завербован бывший резидент ИНО в Сеуле Калужский... сотрудник харбинской резидентуры Новак... Он имел прямое отношение к вербовкам на японскую разведку многих других бывших работников ИНО на Дальнем Востоке».

Через некоторое время в рапорте от 26 ноября, также отправленном Берии, Фитин вынужден был признать некоторые заслуги «132-го», отметив, что он «доставил нам ряд не лишенных ценности материалов и даже предупреждал о готовящихся арестах наших агентов, которым благодаря этому удалось заблаговременно выехать из Маньчжурии, доставлял некоторые списки перевербованной китайской агентуры погранотрядов и ОКДВА... от меня лично, не сообщая об этом своему начальству, делая это исключительно из-за материальной заинтересованности».

Но все-таки обвинения с этого японского офицера не были сняты. После разгрома Квантунской армии в августе 1945 года он был взят в плен и отправлен в один из сибирских лагерей. В официальной истории Службы внешней разведки говорится, что внешняя разведка разыскала его среди сотен тысяч военнопленных. Говорится также, что «по его делу было проведено новое следствие, которое полностью опровергло выдвинутые ранее против него обвинения, признав их несостоятельными и надуманными». Никаких документальных доказательств, подтверждающих этот тезис, в очерке нет. Трудно поверить, что сразу после войны всесильный Берия согласился, а без его согласия подобное дело тогда не пересматривалось, на пересмотр такого дела, тесно связанного с групповым делом сотрудников ИНО. Так что сидел бедняга в лагерях наверняка по полной программе до 1954 года, то есть 9 лет. Вот такая была своеобразная плата за многолетнее сотрудничество с политической разведкой. Хорошо хоть во время массовой реабилитации выпустили.

* * *

Пока Шебеко добирался домой из Токио, на него уже готовилось следственное дело. 26 марта заместитель начальника 2-го отделения ИНО оформил «Постановление о заведении следственного дела». В этом документе он пишет, что, рассмотрев следственные материалы на Шебеко, он нашел, что Шебеко «в период своей работы за границей долгое время находился в тесных дружеских отношениях с ныне разоблаченным врагом народа Юреневым» (посол СССР в Японии). Обвинялся Шебеко и в том, что, будучи резидентом НКВД в Токио, «он вел разведывательную работу, направленную по пути развала и самоликвидации резидентуры», и что основной и почти единственный его агент «Кротов» – «явная японская подставка, через которого Шебеко в течение ряда лет передавал крупные дезинформационные материалы, пытаясь ввести в заблуждение органы НКВД и военное командование СССР». В «Постановлении» утверждается, что такими дезинформационными материалами, как якобы установило следствие, являются все присланные Шебеко так называемые «мобилизационные планы японской армии». Вот такой букет обвинений был выдвинут против токийского резидента.

Основанием для таких обвинений были показания Клётного, которые он давал после того, как из него выбили признание, что он японский шпион. В «Постановлении» для доказательства обвинений против Шебеко приводится одно из показаний Клётного: «Шебеко является агентом, и я являюсь агентом, поэтому материалы, представленные им, должны быть дезинформационными». Такая вот логика – ты шпион и я шпион, поэтому все материалы – «деза».

Далее в постановлении отмечалось, что Шебеко, используя свои старые связи в НКВД, устроил в ИНО в качестве переводчика известного ему как резидента японской разведки в СССР старого японского шпиона с

1914 года Клётного. Поэтому заместитель начальника 2-го отделения старший лейтенант госбезопасности постановил:

«На гражданина Шебеко И. И. завести следственное дело по обвинению его по статьям 58-а, 58 – 3, 58 – 6 УК РСФСР. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание его под стражей. Следствие вести следственной части НКВД».

На этом документе две революции: «Согласен: начальник 5-го отдела ГУГБ комиссар госбезопасности Деканозов» и «Утверждаю: Л. Берия, 27 марта 1939 года». В соответствии с этим постановлением 8 апреля был выписан ордер на арест, и в тот же день Шебеко арестовали.

Таковы были реалии и методы следствия того времени. Старший лейтенант постановил, комиссар госбезопасности согласился, всесильный Берия утвердил, и человек исчез в лубянских подвалах. Передача следственного дела в Особый отдел НКВД означала верную смерть. Шебеко мог какое-то время продержаться на допросах в начале следствия. Но потом следователи все равно бы выбили из него все, что им было нужно. Так же, как это было и с Клётным. Можно только догадываться, через какие круги ада ему пришлось пройти, чтобы оговорить всех и вся и «сознаться», что он резидент японской разведки и старый японский шпион аж с 1914 года.

«Кротов» был главным источником резидентуры, и следователи задавали множество вопросов, желая разобраться, кто есть кто. Во время допроса 9 июня этому источнику было уделено основное внимание. Но интересовал следователей и «Сук». Как выяснилось из

допроса, этот источник был менее ценным, чем «Кротов». Вот выдержка из допроса:

«Вопрос. А источник «Сук» давал вам ценные материалы?

Ответ. Ценных материалов он не давал, если не считать полученные от него в 1938 году материалы из Военно-технического штаба, которым ИНО дало хорошую оценку.

Вопрос. Откуда этот полицейский получал такой материал?

Ответ. Он получил этот материал от своего приятеля Мацусито, который работает переписчиком в Военно-техническом управлении японской армии. «Сук» этот источник подготовил к вербовке для нас с моего согласия.

Вопрос. Марусима был завербован?

Ответ. Нет, не был завербован. Я его лично не видел, но о нем я разговаривал с «Суком».

Вопрос. Почему вы его не завербовали?

Ответ. Потому, что я не смог с ним встретиться лично, а «Сук», как он мне говорил, боялся сказать ему прямо, на кого он должен будет работать». В конце допроса характерное признание Шебеко: «Политической агентуры в Японии мне приобрести не удалось».

Шебеко продержался на допросах до 25 июля. Более трех месяцев он выдерживал жестокое физическое и психологическое давление. И только в этот день из него наконец выбили «признание»: «... После долгого размышления и отказа давать показания я пришел к выводу, что только правда и искренность в тягчайшем преступлении против Родины может несколько искупить мою вину». Человек был сломлен, «признание» выбито, и для следователей наступило благодатное время. Можно было задавать любые вопросы, заранее зная ответы. Можно было подсказывать любые фамилии

японских «шпионов» и получать от него безотказные подтверждения. В общем, можно было лепить дальнейшее следствие по заранее разработанному сценарию.

Я не привожу протоколов допросов дальнейшего следствия. После «признаний» в них уже не было ничего интересного. Да и фантазия у сценаристов была убогой. На дежурный вопрос следователя, кем и как был завербован Шебеко, тот по его подсказке ответил, что его однажды пригласил в ресторан секретарь японо-советского общества Секине и там его завербовал. Японский чиновник якобы вербует 2-го секретаря посольства за рюмкой сакэ! Остальные показания были похожи на это. Во время судебного заседания он отказался от своих «показаний», заявив, что они были сделаны в результате мер физического воздействия. Возможно, что от своих показаний отказался и кто-то еще из этой группы. Но на судей эти заявления не произвели впечатления – привыкли. Приговор – высшая мера для всех восьми подсудимых был предрешен заранее. Очередная судебная комедия закончилась.

В 1956 году, когда проводилась массовая реабилитация осужденных 1930-х годов, дошла очередь и до нашей восьмерки. В апреле в военной коллегии Верховного Суда СССР было пересмотрено это групповое дело. Следователи тщательно проверили весь материал, послуживший основанием для обвинения, и проанализировали следственный процесс, в котором было много темных мест. Были собраны дополнительные сведения от осужденных, вызваны и опрошены те люди, которые работали с ними и которые остались в живых после репрессий. После сопоставления и анализа всех материалов было принято постановление о том, что в деле нет состава преступления, оно полно признаков насильственного

воздействия на арестованных следователями, проводившими следствие. Отказ Шебеко на заседании суда от своих показаний также учитывался при пересмотре дела. Было принято решение о прекращении дела ввиду отсутствия в нем состава преступления. Все восемь осужденных были посмертно реабилитированы, и в деле Токийской резидентуры ИНО была поставлена последняя точка.

* * *

Борис Гудзь как один из участников событий того далекого прошлого высказал свое мнение по этому делу в весьма категоричной форме:

«Таким образом, было принято за истину, что Токийская резидентура ИНО не была очагом измены и дезинформации. Снято страшное обвинение с сотрудников ИНО в измене, и это логически приводило к необходимости пересмотра агентурной сети как подставки японской разведки. Такие источники, как „Кротов“, „Сук“, „Простак“ и другие, не были подставкой японских спецслужб, а на том этапе честно работали на нашу разведку. Это не значило, что все было идеально в работе и в руководстве этой сетью со стороны осужденных разведчиков ИНО. Недостатки в работе источников были, но не было основания к тому, чтобы считать их выданными японской разведке и якобы продолжавшими после этого давать дезинформационный материал.

Из следственного дела Клётного, Шебеко, Калужского, Куренкова, Косухина, Добисова и других можно сделать вывод, что все они якобы были японскими шпионами, что подтверждалось их «показаниями».

Таким образом, эта страшная липа оставалась в сознании исследователей, распространялась в справках, докладах, литературе до дня реабилитации всех проходивших по делу разведчиков. Возникает вопрос – отражено ли в анналах истории (в каких-то публикациях) то, что это было не так, что все эти разведчики, может быть, с переменным успехом как могли честно работали для советской родины?

Вопрос поставлен, но он остается без ответа. Конечно, десятилетняя работа Токийской резидентуры ИНО в 1929—1939 годах была отражена в какой-то служебной литературе. Учебные заведения у разведки есть и историю разведки там изучают. Вряд ли там после массовой реабилитации разведчиков и резидентов ИНО в середине 1950-х начали срочно переписывать историю своей службы. Но и в период брежневского застоя, когда о репрессиях 1930-х годов не принято было говорить, переписывать историю никто бы не осмелился. И может быть, и сейчас слушатели этих учебных заведений читают в своих учебниках истории о том, что все токийские резиденты 1930-х были японскими шпионами, японские источники – подставкой японской разведки, а ценнейшая информация – «дезой», которую гнали на самый «верх». Поэтому пусть этот небольшой очерк будет им напоминанием о том, что официальная история не всегда является истиной в последней инстанции.

Но разведка доложила точно...

Летом 1938 года, за месяц до начала конфликта у Хасана, Комитет Оборона принимает решение об усилении войск на Дальнем Востоке еще на 76 820 человек (протокол № 140 от 27. 6. 38 г.). Во время конфликта и после усиление войск в дальневосточном регионе продолжается также интенсивно. На Дальний Восток продолжали перебрасываться новые воинские части. В больших количествах по Транссибирской магистрали переправлялась на Восток из европейской части страны современная боевая техника: орудия, танки и самолеты. В Генштабе считали, что лишней боевой техники не бывает – в случае войны все пригодится, все пойдет в дело. В результате всех этих мероприятий к 1939 году на Дальнем Востоке было сосредоточено 450 тысяч личного состава, 5748 орудий и минометов и 4716 танков и танкеток. Это составляло 31 процент личного состава сухопутных войск Красной Армии, 20 процентов орудий и минометов от общего артиллерийского парка и до 26 процентов танков от общего количества. Что же имелось по ту сторону границы в частях Квантунской и Корейской армий?

Наиболее подробные данные о численности и вооружении японских войск приводятся в разведсводках Разведупра, где дается боевое расписание японской армии и наличие японских частей в различных районах: Китае, Маньчжурии, Корее, метрополии. В разведсводке на 20 февраля 1939 года общая численность японской армии определяется в 1753 тысячи человек. Из них в Китае – 752 тысячи, а в Маньчжурии и Корее – 420 тысяч. Орудий в войсках – 4300, из них в Китае – 1975, в Маньчжурии и Корее – 1300. Танков в Китае – 1295 и 620 – в Маньчжурии и

Корее из общего количества 2196. Самолетов соответственно 1360 и 445 из общего количества 3000. Конечно, можно сомневаться в том, что аналитикам в Разведупре удалось вычислить количество японской боевой техники в различных районах с точностью до нескольких единиц. Но даже если и отбросить естественные погрешности в таких расчетах, то все равно можно прийти к выводу, что китайский фронт оттягивал на себя так же, как и в 1938 году, половину численности японской армии и половину имевшейся на вооружении боевой техники. И еще один вывод из анализа разведсводок – в Маньчжурии и Корее войск и боевой техники было примерно в два раза меньше, чем в Китае.

Если по численности противостоящие группировки были примерно равны, то превосходство советских войск в боевой технике было подавляющим: по орудиям – в 4,4 раза, по танкам – в 7,6 раза. И это при значительно более высоком качестве советской военной техники. Проигрывала Квантунская армия и в количестве и качестве боевых самолетов. Еще в начале 1937 года на вооружении ОКДВА и Тихоокеанского флота было 2189 боевых самолетов, а воздушные бои во время конфликта на Халхин-Голе доказали превосходство советских летчиков и советской авиационной техники. Такой был баланс сил на Дальнем Востоке к началу 1939 года, и так же, как и в предыдущие годы, он был в пользу Советского Союза.

Но не успокоились в Токио. Японская агентура в Дальневосточном регионе была, и действовала она активно, несмотря на усилия пограничников и контрразведки НКВД. Транссиб – единственная железная дорога, связывающая Дальний Восток с остальной страной, – всегда была под постоянным контролем японской разведки. В Токио хорошо понимали значение этой магистрали и не жалели

лучшей агентуры, чтобы держать ее под контролем. И переброски по ней тысяч танков и орудий (за 1937—1938 годы было переброшено 2000 орудий и 1500 танков) были замечены и правильно оценены в Токио. В японском генштабе умели считать и усиление советских войск определили, в общем, правильно. Конечно, допустить двухкратное превосходство над Квантунской армией военное руководство империи не могло. И начался аналогичный процесс в Маньчжурии. Усиливались войска, в портах Маньчжурии разгружались транспорты с военной техникой и боеприпасами. Теперь уже заработала в полную силу агентура советской военной разведки в Маньчжурии. Под пристальное наблюдение были взяты все военные гарнизоны Квантунской армии. Отслеживалось строительство новых военных городков, казарм, складов и особенно аэродромов. Агентура отмечала прокладку новых железных и шоссейных дорог к границам Забайкалья и Приморья. Фиксировалось любое перемещение на территории Маньчжурии воинских частей и особенно появление новых частей из Китая или метрополии. Разведка делала все для того, чтобы командующие Краснознаменными армиями в Ворошилове и Хабаровске знали все, что творится на той стороне за Амуром.

Результаты агентурной деятельности военной разведки в Маньчжурии были отражены в многочисленных разведывательных сводках, которые выпускались и штабами армий, и Пятым управлением РККА (Разведывательное управление РККА было переименовано в Пятое управление 15 апреля 1939 года). Анализ таких разведывательных сводок – занятие очень скучное для историка. Как правило, в этих документах только цифры и факты: количество частей, их численность, вооружение, фамилии и воинские звания командиров. Если идет речь о новых

формированиях, которые зафиксировала агентура, то только место формирования, количество частей и тот район (Китай или Маньчжурия), куда они были переброшены. Если говорится о военно-воздушных силах, то также только номера частей, места нахождения аэродромов, количество самолетов и их типы. В общем, никаких имен и псевдонимов агентуры и никакой романтики – одна бухгалтерия. Военные документы (приказы, сводки, донесения) не терпят многословия. И молодых командиров приучают к краткости еще в военных училищах. Исследователь может только догадываться, какой иногда большой и тяжелый труд многих разведчиков требуется, чтобы в итоговом документе (например, месячной разведсводке Генштаба) появилось несколько сухих, составленных казенным языком фраз с агентурной информацией.

Вот только несколько примеров разведывательной информации за первую половину 1939 года. В разведсводке по Востоку, выпущенной Разведупром в конце февраля 1939-го, дается боевое расписание японской армии на 20 февраля. Общее количество частей вплоть до отдельных отрядов и рот, их распределение по театрам военных действий, общая численность сухопутных войск Японии. Дается также общее количество средств подавления: орудий, танков, самолетов. В этой сводке заметна тенденция, которая станет доминирующей для японской армии в 1939—1941 годах. Почти половину всех войск (752 из 1753 тысяч) и половину средств подавления Япония держала в Китае. Получая большую военную помощь из Советского Союза, Китай продолжал сопротивление, сдерживая огромную японскую группировку, которая в случае заключения мира была бы сразу переброшена в Маньчжурию к советским дальневосточным границам. Эту угрозу хорошо понимали в Москве и старались

сделать все возможное, чтобы сопротивление Китая не ослабевало.

В разведсводке № 07 от 30 мая, которую выпустил разведотдел 1-й ОКА, дается подробная дислокация японских войск в Маньчжурии и численность и дислокация частей армии Маньчжоу-Го, дислокация японских авиационных частей, подготовка маньчжурского плацдарма – строительство железнодорожных и шоссейных дорог, казарм, складов и аэродромов. В разведсводке № 26 от 20 июля (во время конфликта на Халхин-Голе) отмечается, что в январе – марте 1939 года в Японии сформировано 9 новых смешанных бригад, которые были сразу же переброшены в Китай. В этой же сводке отмечается формирование шести новых пехотных дивизий, появление которых уже отмечалось в Северном Китае и Южной Маньчжурии. Вывод из этой информации делается тревожный: «Формирование смешанных бригад и пехотных дивизий производится с целью замены ими некоторых пехотных дивизий на фронтах Китая и переброски их в Маньчжурию».

В авиационной разведывательной сводке № 29 от 22 июля, так же выпущенной разведотделом 1-й ОКА, говорится о действиях японской авиации в конфликте на Халхин-Голе и подробно раскрывается численность и дислокация японской авиационной группировки в этом районе. В сводке отмечается, что, по документальным данным на 12 июля, на Халхин-Голе действует 2-я авиационная дивизия в составе четырех авиационных бригад под командованием генерал-лейтенанта Хаяси. По тем же данным бывший командир дивизии генерал-лейтенант Гига отстранен якобы за неудачные воздушные операции. По данным этой сводки, главные силы японской авиационной группировки определяются в 320—350 боевых самолетов.

Наиболее полными были ежемесячные разведсводки по Востоку, которые выпускались в 1939 году Разведупром РККА. В сентябрьской сводке № 13 давалась подробная информация о пятилетней программе развития японской армии. Эта программа разрабатывалась с конца 1938 года специальной комиссией, в работе которой принимали участие генералы Мацуи, Янагава, Сугияма и несколько военных атташе, вызванных в Токио специально по этому вопросу. После разработки и обсуждения этого документа он был утвержден 74-й сессией японского парламента. По данным, заслуживающим доверия, пятилетняя программа (с 1939 по 1944 год) включала вопросы улучшения вооружения, усиления ВВС сухопутной армии и постройки укреплений. Наиболее ценным в сводке было боевое расписание японской армии на 15 сентября 1939 года. В Москве собрали, систематизировали и обобщили всю агентурную информацию из Китая, Маньчжурии, Кореи и Японии о численности и вооружении японских войск в этих районах и составили сводную таблицу, где с большой точностью подсчитали количество самолетов, танков, орудий, а также число дивизий, бригад, полков в каждом из этих районов. Получилась очень любопытная картина. Китайский фронт оттягивал на себя половину сухопутной армии империи и, в среднем, половину боевой техники, имевшейся в японской армии.

Такие же подробные и точные данные были представлены в сводке и по двум ударным группировкам, нацеленным на Советский Союз: Квантунской и Корейской армиям. Их общий численный состав был определен военной разведкой в 466 тысяч человек, а на вооружении имелось 2058 орудий, 406 танков и 990 самолетов. Эти цифры учитывали то резкое усиление Квантунской армии, которое началось после возникновения конфликта на Халхин-Голе. До мая

1939 года численность Квантунской армии была значительно меньшей. Численность и вооружение Корейской армии были постоянными уже несколько лет, и усиление этой группировки у границ с заливом Посьета и Владивостоком в связи с началом боев на Халхин-Голе в Токио не предусматривалось. Сводную таблицу в этой сводке дополняла подробная дислокация частей Квантунской и Корейской армий, а также дислокация группировки сухопутных войск в метрополии.

Такой была группировка войск в Маньчжурии и Корее. А что же было по ту сторону Амура и на монголо-маньчжурской границе у Халхин-Гола? Какие силы в разное время противостояли японским войскам? Если посмотреть наши официальные военно-исторические фолианты, то там невозможно найти никаких цифровых данных о численности и вооружении группировки наших войск в дальневосточном регионе. А вот рассуждений об агрессивности Квантунской армии, подготовившейся к войне с Советским Союзом, и угрозе нападения на наши дальневосточные границы, более чем достаточно. При этом не учитывается простая истина, что для успешного нападения нужно как минимум трехкратное превосходство. А такого превосходства на Дальнем Востоке у Японии не было с 1932 года. На этой сказке об «агрессивности» воспитывалось не одно поколение советских историков. Но если в конце 1930-х вопли об «угрозе» нужны были для нагнетания милитаристской истерии в стране, то в 2000 году старые рассуждения на эту тему уже не имеют под собой никаких оснований.

Если обратиться к некоторым кандидатским и докторским диссертациям по военной истории, в которых ввиду наличия грифа «секретно» полностью используются архивные данные закрытого типа, то баланс сил в этом регионе выглядит несколько в другом

свете. Как отмечалось в кандидатской диссертации Станислава Исаева, защищенной еще в 1981 году, группировка советских сухопутных войск на Дальнем Востоке на 1 января 1937 года составляла 290 тысяч человек. На ее вооружении имелось 3700 орудий, 3200 танков и танкеток и 2200 самолетов. Эти войска в полтора раза превосходили численность Квантунской армии и составляли более 25 процентов от общей численности РККА. За два года, и особенно во время хасанского конфликта, численность войск была увеличена до 450 тысяч, орудий – до 5700. По такому виду наступательных вооружений, как танки, у «обороняющейся» стороны было абсолютное превосходство – 4700 танков и танкеток при также полном превосходстве в качестве боевых машин. Как отмечается в диссертации, «в целом это в два раза превышало численность Квантунской армии». При таком балансе всякие рассуждения об агрессивности из-за Амура звучат нелепо.

В мае 1939-го начались бои на Халхин-Голе. И опять по Транссибирской магистрали на Дальний Восток потянулись воинские эшелоны с войсками и боевой техникой. Конфликт был серьезный, угроза перерастания его в необъявленную войну по типу китайской была большой. Поэтому ни войск, ни боевой техники не жалели. За восемь месяцев к сентябрю добавили 135 тысяч человек личного состава, 3000 орудий и 1300 танков. По численности советские войска превосходили Квантунскую армию на 125 тысяч человек, по орудиям и минометам – в 3,2 раза, по танкам – в 15 раз. Таким было соотношение «наступательной» и «обороняющейся» группировок на Дальнем Востоке к началу Второй мировой войны. Неудивительно, что при таком балансе японское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о прекращении огня и начале переговоров.

После окончания конфликта на Халхин-Голе и стабилизации обстановки в этом районе начался отвод японских войск, и это сразу же было зафиксировано тактической агентурной разведкой 2-й ОКА. В разведсводке № 51 от 5 ноября отмечалось, что переброска японских войск и техники с границы МНР на другие направления Маньчжурии в октябре продолжалась. Части четырех японских дивизий, подтянутых к району конфликта, а также части 23-й пехотной дивизии, участвовавшей в боях, возвратились в пункты постоянной дислокации. В разведсводке № 53 от 1 декабря также отмечалось, что продолжается возвращение автотранспорта, сосредоточенного в период боевых действий к границе МНР в район Хайлара, на Приморское направление и в центральные районы Маньчжурии.

Первая половина 1940 года в информационной деятельности военной разведки была такой же продуктивной, как и в предыдущем году. В разведсводке 2-й ОКА № 6 от 15 февраля 1940 года указывается количество японских частей в Маньчжурии и Корее, их дислокация и общая численность войск в этих районах – 485 тысяч человек, 2112 орудий, 557 танков и 886 самолетов. На первой странице сводки виза командующего армией комкора Конева, читавшего этот документ. 21 марта разведотдел Фронтальной группы выпустил сводку с обзором положения в Маньчжурии за февраль – март 1940 года. Документ предназначался для высшего командного состава и адресовался Военным Советам 1-й и 2-й ОКА, Забайкальскому военному округу и 1-й армейской группы. Два экземпляра сводки были посланы в Москву: начальнику Генштаба и начальнику 5-го управления РККА Проскурову. Разведчики из штаба Фронтальной группы (начальник разведотдела полковник Алешин, бывший начальник разведотдела 2-й ОКА) дали свою

оценку обстановки на Дальнем Востоке и решили довести ее до сведения Москвы. Вот выдержка из этого документа:

«1. После перерыва переговоров советско-монгольской и японо-маньчжурской смешанной комиссии по уточнению границы в районе Номон-Хан японцы начали форсировать подготовку новых провокаций на наших границах и усиленно готовиться к развязыванию войны против СССР.

При этом японцы, очевидно, возлагали большие надежды на то, что все внимание Советского Правительства и главные силы Красной Армии будут прикованы к финляндской границе и к возможному возникновению военных действий на советско-турецкой границе.

Усиление подготовки японцев к войне против СССР или, по крайней мере, к крупным провокациям выразилось в принятии дипломатических шагов, подготовке общественного мнения, усилении и частичной перегруппировке квантунской армии, усилении укреплений на границе и подготовке театра военных действий.

Попытка создать напряженную обстановку на нашей границе выразилась в многократных нарушениях японцами наших границ на земле и в воздухе на всех направлениях...»

Оценка, явно не совпадающая с оценками 5-го управления. Но, очевидно, в штабе группы в Чите она виделась именно такой.

В июне 1940 года Разведывательное управление Генштаба выпустило очередную разведывательную

сводку по Востоку № 7. В ней дается боевое расписание японской армии на 1 июня. По сравнению с боевым расписанием на 15 сентября отмечается увеличение числа дивизий с 41 до 49, а общей численности до 2100 тысяч человек. Из этого количества Китай оттягивал на себя 1200 тысяч человек, то есть более половины всех сухопутных сил империи. Количество дивизий и общая численность группировки квантунской армии, по данным Генштаба, за 9 месяцев осталась без изменений. Не увеличились и средства подавления: количество орудий, танков и самолетов. При таких постоянных показателях говорить о подготовке новой войны против Советского Союза было нельзя. Оценки, данные в разведсводке штаба Фронтальной группы, явно не соответствовали действительности и не подтверждались информацией Генштаба. Подобный документ, посланный таким серьезным адресатам, был явной ошибкой фронтовых разведчиков. Может быть, сказалась низкая квалификация сотрудников отдела (Алешин совсем недавно был майором и начальником разведотдела армии), а может быть, были и другие причины для такой грубой ошибки.

Из анализа разведсводок можно сделать два основных вывода. В 1938—1940 годах в Китае находилось более половины сухопутной армии Японии. Эта необъявленная война поглощала огромное количество людских и материальных ресурсов страны. Японская армия прочно завязла в Китае, и окончание конфликта и высвобождение японских войск с поворотом их на север или юг не просматривалось даже в перспективе. И второй вывод – при существовавшей в те годы плотной агентурной сети военной разведки в Маньчжурии никакое изменение численности и вооружения Квантунской армии не могло остаться незамеченным для штаба фронта в Хабаровске и

Генштаба в Москве. На этом направлении разведка выполнила свою задачу, и выполнила успешно.

Группа «Рамзай» информирует... (Военно-политическая информация 1938—1940 годов)

Советские биографы Рихарда Зорге не занимались серьезным анализом его информации, которую он посылал в конце 1930-х годов в Москву. Очевидно, такая задача перед ними и не ставилась. Кроме того, почти все радиogramмы, которые принимала радиостанция во Владивостоке из Токио, в 1960 – 1970-х годах были еще засекречены. Только несколько радиogramм, подтверждавших вылепленный по заказу образ Зорге, были доступны для его биографов. Положение изменилось в начале 1990-х во время архивной «оттепели». После августа 1991-го начали приоткрываться секретные архивы, и историки получили возможность заглянуть туда и посмотреть, что же хранится на их полках. Перед пятидесятилетним юбилеем разгрома Японии группа военных историков из института военной истории была допущена в «святая святых» – архив ГРУ к радиogramмам группы «Рамзай». Что-то из 18 томов переписки с Токио стало доступно для исследований, было рассекречено и в 1997 году наконец-то было опубликовано. И историки, пожалуй впервые, получили возможность достаточно полно сравнить и проанализировать информацию группы «Рамзай», но только с 1938 года.

Пока неясно, почему решили отобрать и частично рассекретить информацию группы «Рамзай» именно с 1938 года. Радиосвязь с «Висбаденом» была устойчивой и в 1936, и в 1937 годах. Серьезнейших международных событий в эти два года было много. И если судить по общему количеству радиogramм, то Макс Клаузен не сидел без дела. Только переговоры об антикоминтерновском пакте в 1936-м, о которых Токио подробно информировал Москву, значили очень много

для высшего политического и военного руководства страны. Очевидно, знакомство с этой уникальной информацией позволило бы историкам по-новому взглянуть на те военно-политические решения, которые принимались в то время на высшем уровне. Но архив ГРУ захлопнулся после архивной «оттепели», и вряд ли историки в обозримом будущем смогут снять с архивной полки очередной том радиogramм, переданных радистом группы «Рамзай».

Китайский «инцидент», как называли в Японии необъявленную войну в Китае, начался в августе 1937 года. Уже к концу года в японском генштабе поняли, что островная империя надолго увязла на азиатском континенте. Окончание «скоротечной и победоносной» войны не просматривалось даже в отдаленном будущем. Пришлось еще раз обращаться к своим немецким союзникам с просьбой о посредничестве. Об этом и сообщалось в радиogramме от 20 января. Полковник Отт сообщил Зорге, «что японский генштаб приведен в сильное замешательство перспективами продолжительной войны против Китая». Представитель японского генштаба Хомма посетил Отта, прося его побудить еще раз Траутмана (немецкого посла в Китае) добиться согласия Чан Кайши на ведение переговоров. Отт и его помощник майор Шолль предсказывали, «что с настоящего момента война в Китае начнет ослаблять Японию, и полагают, более уверенно, чем раньше, что японцы не смогут начать в этом году войну против СССР». Предсказание немецких военных разведчиков на этот раз оказалось точным. Сил и средств для ведения одновременно двух войн против Китая и СССР у Японии не было. Пришлось агрессию в северном направлении отложить до лучших времен, которые так и не наступили.

Очевидно, эта информация была отправлена не только в Москву, но и в Берлин. И с январской почтой

Отт получил распоряжение германского генштаба выяснить, будет ли немедленно после войны в Китае начата война против СССР или нет. Очевидно, очень хотели в Берлине, чтобы на наших дальневосточных границах начался серьезный военный конфликт. Но тот же Хомма заявил военному атташе: «... Японский генштаб подготавливает войну против СССР усиленными темпами, считая, что оттяжка времени может работать в пользу СССР. Однако даже эти ускоренные приготовления требуют времени по причинам: необходимо содержать большую оккупационную армию в Китае в течение длительного времени, необходимо основательно пополнить японскую армию после войны в Китае...» Поэтому нужно около двух лет, чтобы основательно подготовиться и начать войну против Советского Союза. Кроме того, Япония не собиралась без одновременного выступления своего германского союзника начинать войну с северным соседом. А Германия в 1938-м была явно не готова начинать войну на Востоке. И об этом хорошо знали в Токио. Заявление Хомма было записано Оттом для отправки в Берлин и показано Зорге. В Москву это заявление поступило 27 января. На тексте радиограммы резолюция начальника Разведупра: «НО-2. По всем этим телеграммам выпустить доброкачественное спецсообщение». Спецсообщения Разведупра выпускались с грифом: «Сов. секретно» и рассылались по специальному списку руководству страны: Сталину, Молотову, Литвинову, Ворошилову и другим высшим руководителям, то есть шли на самый «верх».

В телеграмме от 11 февраля Зорге сообщил информацию, полученную от германского посла Дирксена. Английский посол в беседе с послом Германии заявил ему, «что лучший способ будущего германского посредничества в японо-китайском конфликте – это совместные действия с

Великобританией, которая использует свое влияние на Китай, в то время как Германия должна использовать свое влияние на Японию, с тем чтобы они пришли к соглашению». Миротворцев, желавших примирить две воевавшие страны, хватало. Но целью этого перемирия должен был быть не мир на азиатском континенте, а, по мнению английского посла, сосредоточение внимания Японии на войне против СССР. Перемирие с Китаем, при сохранении всех завоеванных там позиций, и начало полномасштабной войны с северным соседом устроило бы и Англию, и Германию, да и Соединенные Штаты, так как отводило военную угрозу от района южных морей, где были американские колонии.

В июле из Берлина вернулся Отт, и после его беседы с советским разведчиком 29 июля в Москву ушла радиограмма с ценнейшей информацией. Отт сообщил Зорге: «Главными пунктами инструкции, полученной им от Гитлера и Риббентропа, являются указания об укреплении сотрудничества с Японией против Англии и СССР всеми средствами, жертвуя германскими интересами в Китае в такой степени, в какой это может быть необходимо для Японии, чтобы выиграть войну против Китая как можно скорее, но делая вместе с тем все возможное, чтобы побудить японцев прийти к соглашению с Китаем, даже хотя бы с Чан Кайши». Отт должен был выждать и, уловив момент, предложить Японии новое германское посредничество для заключения мира с Китаем и ликвидации «японо-китайского инцидента». В Берлине справедливо считали, что, продолжая изнурительную войну на континенте, Япония ослабевает с каждым месяцем. Слабый союзник был не нужен Берлину, и «ослабление Японии будет причиной того, что военный союз, основы которого заложены Осима, не будет заключен». Информация была ценнейшая, полученная из первых рук. И начальник Разведупра наложил на телеграмме

резолюцию: «Немедленно выпустить спецсообщение. 1. 8. 18 ч. 15 м.».

Так работали советские военные разведчики в Японии. И снова радиограмма из Токио. В столбцах пятизначных цифровых групп, которые до самого конца так и не смогла расшифровать японская дешифровальная служба, содержалась ценнейшая военно-политическая информация. В радиограмме от 3 сентября 1938 года сообщалась информация о подготовке тройственного пакта. Японский военный атташе в Берлине Осима послал телеграмму военному министру Итагаки. Германской разведке удалось перехватить и расшифровать это сообщение, которое было передано для информации в Токио послу Отту, а от него стало известно и Зорге. Инициатива, так же как и при заключении антикоминтерновского пакта, исходила от Германии. Риббентроп, после соответствующих переговоров с Италией, сделал предложение Осима о заключении трехстороннего политического и военного союза в связи с напряженным положением в Европе. Японский генштаб и премьер Коноэ, которому сообщили об инициативе Риббентропа, опасались быть вовлеченными в европейские дела в случае принятия этого предложения. Об этом и сообщал в своей радиограмме Зорге, добавляя при этом, что и японское военное командование, и правительство охотно примут германское предложение в том случае, если подобный союз будет направлен против СССР.

Это было первое сообщение советского разведчика о начавшихся военно-политических переговорах между тремя агрессорами. В своей телеграмме от 14 сентября Зорге подтвердил предыдущую информацию, сообщив, что активность Японии в возможной европейской войне будет зависеть от того, в какой степени эта война будет направлена против Советского Союза. По его мнению, возрастает решимость Японии (имелось в виду

руководство армии) «начать войну против СССР, когда СССР будет вовлечен в европейскую войну». 10 декабря в Москву поступила новая радиограмма из Токио. Рамзай после беседы с Оттом сообщал, что германский посол получил сообщение от лидеров нацистской партии о том, что между тремя странами будет заключен военный пакт. Причем для камуфляжа он будет якобы направлен против Коминтерна, а фактически против Советского Союза и других демократических стран.

* * *

В январе 1939 года уходит в отставку кабинет принца Коноэ. Новое правительство было поручено сформировать барону Киичиро Хиранума, ярому реакционеру и близкому другу милитаристов генералов Араки и Мадзаки. Смена кабинета в Токио на этот раз была зловещей и не могла не насторожить членов разведывательной группы Зорге. Слишком хорошо им была известна фигура барона – ярого врага Советского Союза и проповедника и глашатая японской агрессии. Нужно было быть предельно внимательными, чтобы вовремя вскрыть замыслы кабинета, возглавляемого таким премьером. И Зорге делал все возможное, чтобы своевременно предупредить Москву о грядущих событиях. Тем более что для этого были серьезные основания – на тайном заседании японского кабинета было принято решение: выступить против Советского Союза. Сообщения из Токио в Москву поступали регулярно. Короткая, сжатая до предела информация передавалась через радиостанцию Макса Клаузена в «Висбаден». Подробные, обстоятельные доклады с выводами и предположениями о возможном развитии событий, подкрепленные роликами микропленки, на

которой были изображены секретные документы, пересылались через курьеров и специальных связных. Разведывательная группа в Японии работала с предельной нагрузкой, с полной отдачей сил.

Более шестидесяти лет прошло со времени событий 1939 года. Но даже и сейчас большинство радиogramм и все доклады, переданные из Токио в Москву в том тревожном году, остаются неизвестными для историков. Некоторое количество радиogramм за этот год было опубликовано в 1971 году в сборнике дипломатических документов Министерства иностранных дел. Пожалуй, впервые в нашей исторической литературе информация советской военной разведки была, таким образом, приравнена к дипломатической информации, поступавшей от послов Советского Союза в крупнейших европейских странах. И подпись Рамзая, поставленная под радиogramмой, направленной в Генштаб РККА, по праву стоит рядом с подписью посла в Англии Майского, направившего свое письмо наркому иностранных дел. В 1997 году вышла вторая серьезная публикация радиogramм Зорге за 1939 год в московском издательстве «Терра». Собранные вместе радиogramмы – уже кое-что для исследования и анализа. И любой историк, исследующий проблемы развития взаимоотношений между Японией и Советским Союзом в конце 1930-х годов, не может пройти мимо той информации, которая поступала из Токио в Москву в это время.

Радиogramма, датированная 23 января. Сообщение о расстановке сил в правящей верхушке островной империи. Военные раскололись на три группы. Первая группа требует стремительной войны с Китаем до тех пор, пока весь Китай не будет захвачен. Вторая группа, представляющая Квантунскую армию, требует мира с Китаем и войны с СССР. Третья группа занимала среднее положение между первой и второй группами.

Прекратить операции в южном и центральном Китае, вывести оттуда японские войска в Северный Китай и Внутреннюю Монголию и сохранить за собой эти районы как базу развертывания войны с Советским Союзом. Это была наиболее многочисленная группа военных и политических деятелей Японии, к которой принадлежали генерал Итагаки, занявший к тому времени пост военного министра, генерал Террауци, премьер-министр барон Хиранума и другие члены правительства. В этой же радиোগрамме Зорге высказал свою оценку в расстановке сил. Он считал, что такая расстановка: «... не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае. Я полагаю, что японцы весной пойдут на провокации, которые приведут к местным инцидентам. Это будет сделано для того, чтобы отвлечь радикальные группы от войны в Китае». Это было первое предупреждение советского разведчика о халхингольских событиях. Уже в мае в районе Халхин-Гола начались первые столкновения советско-монгольских и японских войск.

Еще одно сообщение о готовящихся серьезных провокациях было получено военной разведкой в начале марта. Это была агентурная информация из Китая. По агентурным данным, английские круги в Китае считали весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию. При этом предполагалось, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было на Хасане. Такое вторжение, считали в Токио, необходимо, чтобы поднять патриотическое настроение в японской армии и народе. Поэтому это вторжение не будет глубоким, до «китайского инцидента» дело не дойдет, и японцы постараются быстро все уладить. Эта информация в виде спецсообщения была послана «наверх», то есть разослана по обычному списку, в том

числе и Наркому Обороны. Может быть, Ворошилов и сообщил об этом предупреждении на Дальний Восток. Но, судя по дальнейшим событиям, эта информация разведки до штаба 57-го особого корпуса в Улан-Баторе так и не дошла. Цепочка Токио – Москва – Улан-Батор, очевидно, где-то была разорвана.

Аналогичная информация была передана в радиোগрамме 12 марта. Посол Отт в беседе с Зорге высказал мнение, что «японцы готовы в любой момент подписать пакт, полностью направленный против СССР». Это мнение посла рейха было подтверждено в апреле, когда японское правительство официально известило правительства Германии и Италии (об этом стало известно после войны), что оно согласно подписать пакт, направленный также против Англии, Франции и США.

9 апреля еще одна радиোগрамма Рамзая. Информация о переговорах о военном пакте. Источник информации – посол третьего рейха в Японии генерал Отт. После долгого обсуждения Япония решила согласиться на военный пакт, направленный только против СССР. Причем некоторые группы военных, настаивавшие на пакте, направленном против демократических стран, оказались в меньшинстве. Японские морские круги категорически возражали против пакта, в котором противниками должны были быть Англия и Америка. Так же, как и в предыдущие годы, основной противник – Советский Союз. Любой военный пакт со своими партнерами, если этот пакт направлен против СССР, и никаких шагов для того, чтобы обострить взаимоотношения с двумя могущественными морскими державами, для успешной войны с которыми сил тогда еще было недостаточно. Информация исключительная по своему значению для оценки международного положения нашей страны весной 1939 года.

15 апреля радиостанция «Висбадена» приняла две радиограммы из Токио. В первой радиограмме источником информации был второй секретарь германского посольства, только что возвратившийся из Берлина, где он участвовал в ряде совещаний в Министерстве иностранных дел, на которых присутствовал Риббентроп, и поспешивший поделиться информацией с доктором Зорге. Секретарь заявил, что в течение ближайших двух лет политика Германии – достичь такой политической и военной силы, при которой Англия будет вынуждена без войны признать требования Германии на гегемонию в Центральной Европе и ее колониальные притязания. Главное внимание в это время будет сконцентрировано на французских и британских вопросах. Если этого удастся добиться, то Германия будет готова заключить продолжительный мир с Англией и напасть на Советский Союз. Конечно, Зорге не мог знать во всех подробностях тайные переговоры лондонских представителей с эмиссарами рейха, когда Гитлеру предлагались и колонии, и гегемония в Центральной Европе, только бы он повернул на Восток. Но последующие события в Европе были им предсказаны точно.

Источником информации второй радиограммы был опять генерал Отт. Посол получил сведения о военном пакте и поспешил поделиться ими со своим другом и советником. В случае если Германия и Италия начнут войну с СССР, то Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война начнется против демократических стран, подразумеваются Англия, Франция и США, то Япония присоединится только в том случае, если нападение произойдет на Дальнем Востоке или если СССР в этой войне присоединится к этим странам. Когда читаешь радиограммы Рамзая, то на первый взгляд все кажется

просто: встретился с секретарем посольства или с послом, поговорил, те откровенно поделились информацией, которая и была переправлена в Москву. Но за этой кажущейся простотой огромная работа, огромный труд. Нужны были годы напряженного труда, нужны были фундаментальные знания дальневосточных проблем, нужно было завоевать, и с большим трудом, звание лучшего корреспондента в Японии. И нужно было самому быть источником ценной информации для германских дипломатов, источником, которому они верили бы безраздельно.

Разведупру перед войной не везло на руководителей. Руководивший Разведупром после ареста в конце 1938 года Гендина комдив Орлов был отстранен от руководства и переведен на преподавательскую работу в Артиллерийскую академию. Через некоторое время его арестовали и расстреляли. Разведупр переименовали в 5-е управление РККА и во главе его поставили летчика, героя испанского неба комдива Проскурова, не имевшего никакого отношения к военной разведке. 17 апреля он ознакомился с этой радиোগраммой и отдал распоряжение начальнику восточного отдела: «НО-2. Спецсообщение. Список № 1: Сталину (2), Ворошилову, Молотову, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Берия, Шапошникову. Проскуров. 17. 4». В подлинности и ценности полученной информации у руководства разведки сомнений не было, если об этом сообщали руководителям страны. Очевидно, к этому времени период недоверия декабря 1937 года для Зорге закончился благополучно.

5 мая в Москву из Токио ушла большая радиোগрамма. Речь опять шла о военных переговорах между Германией, Италией и Японией. Но на этот раз на основании информации посла в телеграмме излагалось мнение руководящих кругов генштаба империи о

переговорах. Японская военщина всегда играла ведущую роль во внешней политике страны. И теперь она решила сказать свое веское слово. Руководители военно-морского флота и генерал Арита отказались заключать такой пакт, который был бы направлен не только против Советского Союза, но также против Англии и других стран. С Англией и США, которые наверняка поддержали бы ее в случае военного конфликта, ссориться было преждевременно, и руководство военно-морского флота хорошо понимало это. Поэтому, как сообщал Зорге, и Арита, и командование флота хотят избежать открытых трений с Англией и Америкой, не публикуя такого текста пакта, в котором ясно указывается, что он направлен не только против СССР. Возражений насчет заключения пакта, направленного только против Советского Союза, ни у Арита, ни у руководства флота, конечно, не было.

Источником информации для Зорге в немецком посольстве был не только Отт, но и его преемник на посту военного атташе майор Шолль. Фамилия майора часто появлялась в радиограммах, полученных Москвой из Токио в 1939 году. Но здесь, так же как и в случае с послом, обмен информацией был взаимным. Советский разведчик также снабжал немецкого дипломата ценнейшей для него военно-политической информацией, касающейся Японии. И это было естественно. Чтобы получить ценную информацию, нужно было очень многое знать и много давать своему собеседнику. Этот прием журналистов и разведчиков отлично усвоил Зорге и успешно применял его в Японии. В немецком посольстве он был признанным авторитетом по проблемам Дальнего Востока. Его дружбы добивались не только сотрудники посольства, но и приезжавшие из Берлина эмиссары рейха. В телеграмме от 31 мая по информации, полученной от Шолля, Зорге сообщает, что Данциг будет захвачен в

сентябре 1939 года. Эту информацию подтвердил и германский военный атташе в Москве генерал Кёстринг, прибывший с визитом в Токио. В беседе с Шоллем он сказал, «что главным и первым противником в настоящее время является Польша». Содержание беседы стало известно Зорге и было немедленно передано им в Москву.

И еще одно сообщение из Токио в Москву, датированное 24 июня, о тройственных переговорах. И на этот раз источником информации был посол Отт. Японское правительство выдвинуло новые предложения, которые в основном сводились к следующему: в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР; если Германия и Италия будут вести войну с Англией, Францией и СССР, то Япония также автоматически присоединится к Германии и Италии. Но если Германия и Италия начнут войну против Англии и Франции, то Япония начнет военные действия против этих стран только в зависимости от общей обстановки. Иными словами, только тогда, когда начало таких действий будет выгодно Японии. В течение полугода информация из Токио о тройственных переговорах подтверждала одно – японская военщина считает своим основным врагом Советский Союз и при поддержке Германии и Италии готова начать с ним войну в любое время. Только бы начали на Западе, только бы оттянули войска с Дальнего Востока, и тогда дивизии Квантунской армии сразу же перейдут в наступление. При этом не считались ни с чем. Ни с тем, что армия и экономика империи не выдержат войну на два фронта против Советского Союза и Китая, ни с тем, что техническое оснащение Квантунской армии значительно отстает от техники и вооружения советских дальневосточных войск, ни с тем, что крупных механизированных

соединений нет в Маньчжурии, но они есть по ту сторону Амура в советских войсках.

Информацию Рамзая из Токио подтверждал и дополнял своей информацией советский военный атташе в Японии. В сборнике документов только две его радиограммы, но и они весьма характерны. В телеграмме от 15 августа так же, как и в радиограммах Рамзая, подчеркивалось, что дворцовые и финансовые круги пойдут на заключение военного союза только против СССР, но не против всех демократических стран, чего требуют Германия и Италия. Представители военно-морского флота также поддерживали в то время могущественную финансовую группу, стоящую за расширение континентальной агрессии. Следующая телеграмма военного атташе была получена в Москве 31 августа. Шестая японская армия была разгромлена на Халхин-Голе, и правительство Хиранума после заключения советско-германского договора ушло в отставку. В телеграмме подчеркивалось, что, несмотря на смену кабинета, политика Японии в основном остается прежней. Первостепенной задачей остается продолжение агрессивных действий на материке и расширение военной подготовки страны. Также отмечалось, что следует ожидать урегулирования взаимоотношений с США и Англией и дальнейшей провокационной политики в отношении Советского Союза. Естественно, что такая информация имела большое значение при планировании внешнеполитических акций Советского правительства.

Информация Зорге была абсолютно точной, источники – вполне надежными. Но Зорге был не только разведчиком, но и крупным ученым, исследователем, крупнейшим специалистом по экономическим, политическим и военным проблемам Дальнего Востока. Он не только собирал и передавал в Москву ценнейшую информацию, но и давал свои оценки событиям в этом

районе земного шара. Именно потому, что он был крупным ученым и исследователем, его оценки и анализы событий были правильными и точными. Но лучше представить слово самому Зорге. Уже потом в тюрьме Сугамо в своих записках, написанных в камере смертников, он говорил об этой стороне своей разведывательной деятельности: «Наконец, благодаря своей исследовательской работе, я не только мог собирать необходимую информацию и точно передавать ее – я был в состоянии давать свою собственную оценку положению, с точки зрения экономической, политической, военной. В отправлявшихся мной радиограммах и докладах содержался не только основной материал, в них было много такого, что заключало в себе анализ, вытекавший из отдельных документов и донесений. Моим правилом было сообщать о вещах, в отношении которых для меня существовала полная ясность. Когда я считал, что мое мнение или политический анализ правильны, я без колебаний сообщал об этом в Москву».

Со специальными курьерами через Шанхай, Гонконг, Манилу и другие города из Токио в Москву поступали ролики микропленки с подробными докладами о международном и военном положении Японии. В них содержался анализ развития важнейших событий после того, как фактическая информация была передана через радиостанцию Клаузена. Опираясь на обширную информацию и результаты своей исследовательской работы, Зорге старался нарисовать правильную и объективную общую картину изменившейся обстановки и развития основных событий в мире. При этом главным в докладах 1939 года была внешняя политика Японии и Германии и их взаимоотношения друг с другом. В июне обстоятельный доклад поступил в Москву. Оценки и выводы о военно-политическом положении на Дальнем Востоке, перспективах военного сотрудничества

Германии и Японии и вероятных сроках готовности этих стран к будущей войне за мировое господство были абсолютно точными. Сейчас, спустя 60 лет, когда читаешь этот документ, удивляешься прозорливости и политическому предвидению советского разведчика. Вот выводы из этого доклада:

«1. Военное выступление Германии и Японии против СССР в ближайшее время маловероятно. Германия всецело поглощена подготовкой захвата Польши и борьбой против Англии и едва ли в ближайшем будущем сможет проявить интерес к вопросу войны против СССР. В течение нескольких ближайших месяцев должна решиться судьба Польши...

2. Затянувшаяся война в Китае вызывает напряжение всех сил Японии. Об одновременном развязывании войны против СССР без поддержки со стороны Германии не может быть и речи. Японские вооруженные силы – армия, флот, авиация – требуют основательной реорганизации и перевооружения... Завершение этой реорганизации потребует еще 1,5 – 2 года, то есть Япония будет готова к «большой войне» не раньше, чем в 1941 году.

3. Вступая в союз с Германией и Италией, японцы не будут себя связывать так безоговорочно, как Германия и Италия. Если Германия и Италия развяжут войну, то Япония предпримет на Дальнем Востоке определенные враждебные акты против Англии и Франции и, в частности, не пройдет в своих действиях мимо Сингапура».

В этом докладе перспектива и сроки развития событий как в Европе, так и на Дальнем Востоке были определены правильно. Вывод Зорге о том, что Япония еще не готова к большой войне с Советским Союзом, имел особенно важное значение для определения внешнеполитического курса нашей страны на Дальнем Востоке. Для того чтобы сделать такой вывод в июне 1939-го до августовского разгрома 6-й армии, когда уже многое стало ясным и в Москве, и в Токио, требовались смелость и мужество, ответственность за свои слова и обширнейшие и всесторонние знания всего комплекса дальневосточных проблем, на основании которых этот вывод и был сделан.

Чем же объяснялась эта казавшаяся фантастической прозорливость советского разведчика? Чем объяснить то, что, не имея доступа ко многим совершенно секретным документам, он мог прогнозировать развитие событий, абсолютно точно предсказывать их сроки и безошибочно определять пути развития агрессии Германии и Японии. Он был в первую очередь ученым, исследователем, а уже потом выдающимся разведчиком Второй мировой войны. И именно то, что он был ученым и исследователем, определило его блестящую деятельность в разведке. Поэтому в его арсенале и на его вооружении было все то, что бывает на вооружении ученого. Обширные знания, огромная работоспособность, проницательность ума. Отсюда и его блестящие оценки политических и военных вопросов, и великолепное прогнозирование событий в будущем, позволявшее ему заглядывать на годы вперед и не ошибаться.

И, может быть, самое главное, Зорге и его товарищи ясно представляли себе конечную цель своей разведывательной деятельности. Вся их работа в труднейших условиях на протяжении восьми лет, вся та информация, которую они получали, кстати вполне

легальными путями, обрабатывали и передавали в Москву, шла не во вред Японии и должна была способствовать только одному – миру между двумя странами. Мир – как высшая цель деятельности разведывательной группы. К его сохранению, к попытке отвести бедствия войны было направлено все. И это после войны начали понимать в Японии. Это мнение хорошо выражено в словах историка Акира Фудзивара: «В условиях международной обстановки того времени Зорге и его товарищи решали наиболее трудную задачу: как практически послужить делу борьбы за мир – и с высоким героизмом отдались деятельности, которую рассматривали как самую справедливую с точки зрения интересов человечества». Сказано это было несколько десятилетий тому назад, но и сейчас к этой оценке трудно что-либо добавить.

* * *

29 декабря 1939 года на стол начальника 5-го Управления РККА легла очередная шифровка из Токио. На этот раз информация поступила из аппарата военного атташе, не связанного с группой «Рамзай», и касалась попыток США направить политику Японии против Советского Союза. Военный атташе информировал Центр, что США согласны признать японские интересы в Китае, если Япония восстановит антисоветскую политику, и принять меры к заключению компромисса между Чан Кайши и Японией. Цель – направить Японию против Советского Союза и повернуть японские войска в Китае, крупнейшую группировку японской армии, на Север против советских дальневосточных границ. Одновременно с этим, по сообщению военного атташе, группа членов парламента выразила недоверие кабинету Абэ. Около

200 парламентариев, не согласные с политикой кабинета, потребовали изменения внешнеполитического курса империи и проведения антисоветской политики. По мнению военного атташе, эта информация заслуживала внимания.

В первых числах января 1940 года из Токио, на этот раз от группы «Рамзай», поступила информация, подтверждавшая сообщение военного атташе. На основе этой информации было составлено спецсообщение № 251029 с. с. от 8 января и за подписью Проскурова отправлено «наверх» по списку № 1. Адресатами были: Сталин, Молотов, Ворошилов, Мерецков, Берия и еще несколько человек. Был в этом списке и генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров, который как куратор военной помощи Китаю получал всю разведывательную информацию по Востоку. В документе сообщалось, что, по агентурным данным, заслуживающим доверия, немецкий посол Отт телеграфировал Риббентропу оценку правительственного кризиса в Японии. Далее цитируется телеграмма Рамзая: «Отставка кабинета Абэ неизбежна...», но «в ближайшем будущем Япония не в состоянии внести что-либо существенно новое в отношениях с США, Германией и СССР». В этом спецсообщении давалась также информация, полученная Зорге от немецкого военного атташе: «По агентурным данным, заслуживающим доверия, японский генштаб сообщил немецкому военному атташе, что японцы будут заигрывать с американцами до тех пор, пока американцы не заключат торгового договора, после чего японцы займут твердую линию по китайскому вопросу, которая также будет направлена и против американцев».

Следует отметить, что в отличие от ежемесячных разведсводок по Западу и Востоку, которые 5-е Управление выпускало с грифом «секретно» в тысячах

экземпляров, спецсообщения были разведывательными документами особого рода. Они выпускались нерегулярно, в зависимости от поступления ценнейшей разведывательной информации, имели более высокий гриф секретности и тираж не более десяти экземпляров. Естественно, наиболее ценная и достоверная военно-политическая информация, поступавшая в Москву по агентурным каналам, попадала на страницы именно спецсообщений, а не разведсводок. Военно-политическая информация группы «Рамзай» относилась именно к той категории информации, которая регулярно появлялась на страницах этих документов. Но даже и там при использовании информации группы ставилась постоянно фраза: «по агентурным данным, заслуживающим доверия». В 1940 году Центр полностью доверял Зорге.

1 февраля в Москве получили очередную шифровку Рамзая. Ожесточенные и упорные бои на Карельском перешейке эхом отзывались в далекой Японии. Маленькая Финляндия, оказывавшая сопротивление огромной армии восточного соседа, ставилась в пример японской армии, потерпевшей сокрушительное поражение у Халхин-Гола. Зорге сообщил, что Отт боится новой авантюры японского генштаба в связи с советско-финской войной. По мнению германского посла, японцы убеждены, что Советский Союз в этой войне потерпел большое поражение, несмотря на огромные силы, брошенные на Запад. Таким образом, снова появились старые идеи об агрессии в Сибири. И кроме того, японский генштаб вряд ли мог перенести позор поражения у Халхин-Гола. Таким образом, сообщал Зорге, сравнение маленькой Финляндии с горделивым японским генштабом делается все более и более не в пользу генштаба, особенно потому, что народ уже насытился войной в Китае. Эта большая

телеграмма заканчивалась выводом Зорге: «Я настойчиво предвижу необходимость подготовки дальневосточных границ ко всяким возможным осложнениям». Доводы разведчика были солидными и обоснованными, и Проскуров потребовал от руководителей восточного отдела Кисленко и Пугачева «срочно составить спецсообщение по этим данным, заслуживающим внимания». Очередное спецсообщение с информацией Зорге было отправлено «наверх».

18 февраля новая шифровка из Токио. Зорге удалось прочитать и сфотографировать январский доклад военного атташе германского посольства, направленный в генштаб. В этом докладе было подтверждено предыдущее сообщение Рамзая. Военный атташе отмечал в этом документе: «... японский генштаб еще не полностью отказался от надежды на будущую войну против СССР. Неуспехи СССР в войне против Финляндии и желание отомстить за Халхин-Гол являются сильными факторами политики японского генштаба».

6 марта из Токио поступило первое сообщение о планах Германии в Европе. Информация была получена от нового военно-морского атташе Германии в Японии контр-адмирала Пауля Венекера, которого Зорге хорошо знал. Новому источнику был присвоен псевдоним «Пауль». Во время беседы он сообщил советскому разведчику, что в берлинском руководстве в отношении дальнейших европейских событий имеются два основных плана. Первый план предусматривает весной этого года прорвать западный фронт или через Бельгию, или около бельгийской границы, развивая наступление в направлении французского, бельгийского и голландского побережья. В Берлине считали, что захват побережья Северного моря абсолютно необходим для одержания победы над Англией. Вторым планом, по мнению Венекера, заключался

в том, чтобы, «сохраняя спокойствие», то есть подождав с наступлением на Западе, сосредоточить все силы на укреплении своей экономической независимости совместно с СССР и остаться экономически сильной. Контр-адмирал, однако, считал, что Гитлер и Риббентроп предпочитают первый план и поэтому наступление на западном фронте начнется весной этого года. Дальнейшие события показали, что информация была правильной. За два месяца до начала наступления Москва уже знала об этом. Новый источник «Пауль» был солидным, информированным и не вызывал сомнений ни у Зорге, ни у Москвы. Конечно, ни о какой вербовке его не могло быть и речи, и он использовался только «втемную», так же как и Отт, и другие сотрудники посольства, которые делились информацией с Зорге.

Советско-финская война продолжалась, и ход военных действий оказывал определенное влияние на политику Японии по отношению к Советскому Союзу. 7 марта в Москву поступила шифровка из Пекина. Резидент советской военной разведки «Лок» сообщал в Москву о своей беседе с французским и американским военными атташе. По мнению этих военных дипломатов, «... японцы накапливают войска в Маньчжурии, рассчитывая, что весной представится благоприятный момент нанести нам удар в случае, если наш Дальневосточный фронт будет ослаблен перебросками на запад и если мы будем вовлечены в серьезный конфликт с западными державами». На следующий день эту информацию подтвердил советский военный атташе в Японии Гущенко. В своей телеграмме начальнику 5-го Управления он представил информацию о настроениях в Токио и об антисоветских публикациях в прессе и сделал вывод: «Эти факты говорят о подготовке новой провокации японцев на нашей границе».

Настроение в Токио как по мановению волшебной палочки изменилось после 12 марта. Окончание войны с Финляндией и подписание мирного договора между двумя странами вызвали растерянность среди правящих и военных кругов островной империи. В своей очередной радиограмме, посланной в Москву 15 марта (копии отправлены в Хабаровск и Владивосток), Гущенко сообщал реакцию японских военных кругов на заключение мира: «Считают, что СССР, развязав себе руки в Финляндии, усилит армию на Востоке, не исключена возможность повторения Чанкуфына (Хасана) и Номонхана (Халхин-Гола). Ожидают нажима СССР на Дальнем Востоке...» Резко и в лучшую сторону изменилось отношение и к Гущенко. Вот как он отметил это изменение в своей радиограмме: «Экстренно принял военный министр Хата – 12 марта, в этот же день принял заместитель начальника генштаба Савада, 15 марта получил приглашение от заместителя военного министра и заместителя начальника генштаба на обед 22 марта. Очевидно, хотят прощупать наши намерения, думаю, что в этом стараются также немцы».

В очередной сводке 5-го Управления по событиям на Востоке используется информация, полученная из радиограмм Зорге. В разделе сводки «Оценка антикоминтерновского пакта» трафаретная фраза, указывающая на его информацию: «По агентурным данным, заслуживающим доверия, германский посол в Японии Отт дает следующую оценку антикоминтерновской политике Арита...» По мнению посла, для того чтобы успешно закончить войну с Китаем, а в генштабе очень хотели закончить войну и высвободить огромную китайскую армию для переброски в Маньчжурию, эта война должна быть представлена как антикоминтерновская. Отт считал, что антисоветский характер своей внешней политики Япония использует для того, чтобы продемонстрировать

возможность заключения нового антикоминтерновского пакта, но на этот раз с Англией и США против СССР. В этой же сводке указывалось, что по информации Отта США дали понять японскому правительству, что если Япония воздержится от улучшения отношений с СССР, то это будет способствовать улучшению экономических отношений с США. Проанализировав полученную от Зорге информацию, руководство Управления пришло к выводу: «Японское правительство продолжает придерживаться антисоветской внешней политики. Пользуясь благоприятной для Японии обстановкой в связи с англо-франко-германской войной и демонстрируя свою антисоветскую позицию, Япония добивается от Англии и США политических уступок по китайскому вопросу, что способствовало бы капитуляции Чан Кайши и окончанию войны в Китае. Под сводкой стояла подпись начальника Управления Проскурова.

29 марта 5-м Управлением была выпущена очередная сводка по событиям на Востоке. На основании информации Зорге была дана оценка японо-германским отношениям. Как и в предыдущем документе, в начале сводки стояла так же фраза: «По агентурным данным, заслуживающим доверия...» В сводке сообщалось, что германский посол Отт совместно с германским государственным советником Хельфериг, прибывшим в Японию с задачей улучшить германо-японские экономические отношения, отправили телеграмму в Берлин. Оба германских дипломата предлагали Германии в целях отрыва Японии от Англии пойти на некоторые серьезные экономические уступки Японии. Но в Берлине считали иначе. В условиях европейской войны и морской блокады Германии она очень нуждалась в стратегическом сырье из стран Восточной Азии. Единственный надежный и безопасный путь доставки

этих материалов в рейх пролегал через Маньчжурию и далее по транссибирской магистрали до германской границы. Очевидно, были серьезные препятствия со стороны Японии при транспортировках через территорию «независимого государства». Поэтому на телеграмму Отта и Хельферига был получен ответ германского правительства, содержащий категорический отказ в каких-либо уступках Японии до тех пор, пока Япония не согласится на перевозки товаров для Германии через Сибирь. В телеграмме также подчеркивалось недовольство Берлина позицией, занимаемой Японией, и высказывалось неудовлетворение безуспешностью работы германского посла в Японии. У Отта уже не было тайн от Зорге, поэтому он показал телеграмму советскому разведчику, а тот сообщил ее содержание в Москву.

Основные радиogramмы группы «Рамзай» за 1940 год, содержащие наиболее ценную военно-политическую информацию, посылались по списку № 1 высшему политическому и военному руководству страны. Сталин, по всей видимости, читал все поступающие к нему радиogramмы. Один из старейших работников ГРУ генерал-майор Михаил Иванов в 1940 году работал в Японском отделении восточного отдела ГРУ и имел тогда доступ к делу «Рамзай» и всем телеграммам, поступавшим из Токио. По его воспоминаниям, отдельные прочитанные Сталиным шифровки с короткими замечаниями, дополнительными вопросами и характерной подписью синим карандашом («И. Ст. дата») возвращались в японское отделение, где оформляли дополнительный запрос резидентуре в Токио. Таких телеграмм с пометками Сталина «собиралось достаточно много, и они подшивались в отдельную папку с грифом „Сов. секретно. Особой важности“».

Сталин давно и хорошо знал фамилию Зорге. Но знал ее с негативной стороны. Летом 1933 года во время визита в Берлин Зорге встретился с резидентом Разведупра в Берлине Яковом Брониным. После нескольких встреч и бесед с Зорге Бронин отправил сообщение в Москву о якобы недостойном поведении Зорге, допускавшем нелестные выпады в отношении Коминтерна, ВКП(б) и Сталина. Информация из Берлина была серьезной, тогда уже к подобным сообщениям прислушивались внимательно, и спецсообщение о «высказываниях» Зорге за подписью начальника информационного отдела Никонова было отправлено Сталину. У Сталина была великолепная память, и фамилию Зорге он, конечно, запомнил. Запомнил не с лучшей стороны. В августе 1933 года Бронин был направлен в Китай и принял шанхайскую резидентуру Зорге, которую временно возглавлял Карл Римм. И опять, как и в Берлине, Бронин («Абрам»), поддерживавший курьерскую связь с резидентурой «Рамзая», сообщил в Центр, что Зорге в разговоре с курьером, выезжавшим к нему для связи, обсуждал политику Коминтерна и при этом высказал неверные для того времени политические взгляды. И, очевидно, этот политический донос в спецсообщении опять попал к Сталину. И неудивительно, что после двух таких сообщений Сталин очень скептически относился к информации из Токио в 1936 году. Его резолюция на сводке материалов от 19 июня 1936 года: «По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов. И. Сталин» – говорит о том, что доверия к информации Зорге у него не было.

Но это было в 1936-м. А в 1940-м в Управлении Зорге верили. Начальник Управления, герой испанского неба и Герой Советского Союза прославленный летчик комдив Проскуров не был разведчиком и в разведке не разбирался. Но в людях он, очевидно, разбирался.

Проскуров не знал токийского резидента, но он верил разведчику и свою веру подчеркивал в спецсообщениях, адресованных Сталину. Поэтому в этих документах стояла фраза: «По агентурным данным, заслуживающим доверия...». В обзорных документах разведки такая фраза означала высшую степень доверия разведчику.

В 1940-м информация Зорге высоко оценивалась в Центре. А как он сам оценивал свою работу и в каких условиях приходилось работать группе с началом Второй мировой войны? В какой-то мере ответ на этот вопрос дает подборка новых документов о группе Зорге, опубликованная в журнале «Новая и новейшая история» (№ 2 за 2000 год). В письме «Директору», то есть начальнику Разведупра, он пишет: «У меня такое впечатление, что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем, или, по крайней мере, на долгое время. Пока не будет иметь место новая ориентация или полная реорганизация, ничего добиться нельзя будет. Вернейшим я считаю – новые начинания с новыми силами. Мы постепенно становимся использованными, не нужными в отношении наблюдательных учреждений и важных лиц». Но для полной реорганизации разведывательной работы и всей группы нужны были новые люди, а их не было. За шесть лет существования группы ее основной состав, определенный еще при разработке операции «Рамзай», практически не изменился. В 1935-м сменили радистов, а в 1936-м в Токио на помощь Зорге отправили «Ингрид» (Айно Куусинен). В 1936-м в качестве транзитного резидента в Шанхай отправили «Алекса» (Боровича). И это вся помощь Центра за шесть лет. Но если учесть, что «Алекс» был отозван и арестован в июле 1937-го, а «Ингрид» была отозвана и арестована в конце 1937-го, то никакой помощи людьми в 1937—1940 годах Центр группе «Рамзай» не предоставил. Поэтому упрек Зорге «Директору»: «Мы должны были много лет

тому назад получить помощь, которая бы потом развилась в смену и привлекла бы новых помощников» – был вполне справедливым.

Но помощи не было. После разгрома центрального аппарата военной разведки в 1937-м опытных кадров Москва не имела. В Токио в помощь Зорге нельзя было послать новичков, не имевших нескольких лет стажа нелегальной разведывательной работы – провал был бы неизбежен. Даже такому опытному нелегалу, как Зорге, понадобилось несколько лет для акклиматизации в такой специфической стране, как Япония. Опытные кадры нелегалов Разведупра были перебиты, а те, что остались в живых (Радо, Треппер, Штёбе, Рут Вернер), нужны были в Европе. Именно там после начала Второй мировой войны находился главный фронт советской военной разведки. При всем значении Токио дальневосточное направление деятельности военной разведки было все же вспомогательным. Была и еще одна причина, почему группа Зорге не получала помощь людьми из Центра. После ареста начальника восточного отдела Карина из него выбили показания, что он немецкий шпион и выдал группу «Рамзая». Начальник японского отделения полковник Покладек после ареста был обвинен в том, что он японский шпион и также выдал группу «Рамзая». Преемник Покладека майор Сироткин был арестован в 1938-м, и из него тоже выбили показания, что он японский шпион и якобы тоже выдал группу «Рамзая». Но трижды выданная группа продолжала успешно работать. И в Центре решили, что группа или «под колпаком», или перевербована. Использовать информацию такой группы можно после тщательной перепроверки по другим каналам, а вот пополнять людьми, тем более опытными – незачем.

Знал ли очередной начальник Управления генерал Проскуров об этих показаниях? Может быть, знал, а может быть, и нет. Но генерал верил Зорге, и хотя не

был профессиональным разведчиком, но понимал, что после такой длительной работы на одном месте резидента надо отзывать. Но равноценной замены резиденту не было, да в той обстановке и быть не могло. Поэтому Зорге должен был продолжать работу. Такой вот парадокс. И резолюция на письме Зорге была достаточно дипломатичной: «Основательно продумать, как компенсировать отзыв Рамзая. Составить телеграмму и письмо Рамзаю с извинениями за задержку с заменой и изложением причин, по которым ему необходимо еще поработать в Токио. Рамзаю и другим членам его организации выдать единовременную денежную премию».

Очевидно, ничем, кроме какой-то суммы «амов» (американских долларов), нелегалов поощрить не могли. Разведчики в те годы награждались очень скупо. Как правило, чтобы получить орден Красного Знамени (для разведчика довоенного периода – высшая награда), надо было провалиться, сесть, отсидеть, а потом вернуться на родину. Какие чувства испытывал Зорге, получив сообщение о премии, – неизвестно. Через год в беседе с Сергеем Зайцевым он с горечью заявил, что он и его друзья работают на Советский Союз не ради денег. Конечно, для разведчика такого класса мелкая денежная премия за шесть лет смертельно опасной работы была оскорблением, но вряд ли московские руководители это понимали. Но его ответ был сдержанным и немного ироничным. Стоит привести это письмо полностью: «Дорогой директор! Получил Ваше указание – остаться здесь приблизительно еще на год. Как бы сильно мы ни стремились отсюда домой, мы, конечно, выполним Ваше указание и будем продолжать здесь работу. С благодарностью принимаем выданную Вами особую сумму для отдыха и отпусков. Единственная трудность состоит в том, что нелегко

будет получить отпуск. Если мы пойдем в отпуск, то это сейчас же понизит нашу информацию».

Зорге еще раз вернулся к проблеме замены через год. Обстановка изменилась, и он еще раз проанализировал ее в подробном письме новому начальнику Разведупра генерал-лейтенанту Голикову. 22 июля 1940 года он писал о болезни Клаузена и невозможности выполнения им в прежнем объеме легальной и нелегальной работы. Поэтому, отмечал Зорге, вопрос о его ассистенте должен быть поставлен в такой плоскости, чтобы последний мог его разгрузить не только на время болезни, но сумел бы по его указаниям здесь твердо легализоваться и одновременно постепенно принять на себя всю работу Фрица. Необходимо, чтобы Фриц самое позднее в начале будущего года после передачи своего легального дела и воздушной работы мог бы поехать домой для серьезного лечения и отдыха. Изменилась обстановка и для «Жиголо» (Вукелича). После поражения Франции он потерял аккредитацию агентства «Гавас» и журнала «Ви», и его положение стало шатким. Чтобы подыскать что-то новое для легализации, ему необходимо было обязательно съездить на родину «в отпуск». Но эти предложения не были приняты в Москве. Когда сгущались тучи у западных границ, было уже не до «отпусков» и ассистентов.

В этом же письме Зорге писал и о себе. Писал, что до конца европейской войны останется на своем посту. Но, по мнению «здешних немцев», война в Европе скоро кончится, и Зорге, естественно, беспокоился о том, что он будет делать после войны. Неожиданно исчезнуть из Токио, не вызвав серьезных подозрений, он не мог. И ему нужно было время, чтобы без ущерба для разведки и без потерь среди своих товарищей сойти со сцены. Поэтому «Директору» и был задан основной вопрос,

вполне естественный для того времени: «Могу ли я рассчитывать сразу же по окончании войны вернуться в Центр, где бы я мог, наконец, остаться и закончить раз и навсегда свое цыганское существование... Наступает уже время дать мне с моим опытом осесть на какой-либо работе в Центре...» Как видно из этого большого письма, желание работать в центральном аппарате военной разведки у Зорге было. И профессионал с его опытом и стажем нелегальной работы был бы незаменимым сотрудником Центра при том кадровом голоде, который вызвали репрессии 1937—1938 годов. Но такое перемещение из Токио в Москву было возможно только в том случае, если бы война в Европе действительно закончилась в 1940 году, как предполагало большинство немцев, живущих в Японии. В конце 1940 года, когда появилась первая информация о подготовке Германии к войне с Советским Союзом, вопрос о возвращении в Москву отошел на задний план и больше не поднимался.

В этом письме имеется очень интересная фраза, которая заслуживает пристального внимания: «Не забывают, пожалуйста, что мне уже между делом стукнуло 45 лет, что из них на службе у Вашей фирмы я провел свыше 17 лет за границей, а перед тем на службе у другой фирмы я провел еще 5 лет в путешествиях». Если в письме не было путаницы в цифрах, а проверить это можно только после публикации ксерокопии письма, то получается, что Зорге работал на Разведупр с 1923 года, а на Коминтерн – аж с 1918 года. Может быть, он был завербован военной разведкой сразу же после «германского Октября», в котором принимал участие? Но пока это только предположения автора.

Баланс сил (1938—1940 годы)

Если просмотреть историческую литературу советского периода, то можно обнаружить интересную закономерность. И в официальных многотомных изданиях, и в авторских публикациях говорится о японской угрозе. Увеличение численности Квантунской армии, увеличение танков, самолетов, орудий в Маньчжурии, строительство укрепленных районов (Уров) у советских границ, строительство аэродромов также у советских границ, интенсивное железнодорожное и шоссейное строительство, направленное к советским границам. Список подобных мероприятий можно долго продолжать, и все сказанное будет правильно. И как вывод из всего сказанного – Япония разрабатывает планы агрессии, готовит нападение, и огромная советская территория от Байкала до Владивостока находится под постоянной угрозой. Поэтому, жители этого региона, будьте бдительны, держите порох сухим и крепче сжимайте винтовку.

Для конца 1930-х, когда надо было скрывать все и вся, подобные утверждения имели смысл. Но через полвека, в конце 1980-х, когда многие секреты ушли в прошлое и были открыты некоторые архивы, подобные утверждения объяснить очень трудно. Если проанализировать уже рассекреченные документы, то станет ясно, что по ту сторону Амура на советской территории делалось то же самое. Увеличивалась численность войск ОКДВА и ЗабВО, увеличивалось количество танков, самолетов и орудий. Против японских укрепленных районов у советских границ строились в Забайкалье и особенно в Приморье такие же УРы у маньчжурских границ. На советской

территории также велось интенсивное железнодорожное и шоссейное строительство, направленное к маньчжурской границе. В районе Владивостока строились аэродромы для тяжелобомбардировочных бригад. И если японские бомбардировщики с маньчжурских аэродромов могли долететь до Владивостока и Хабаровска, то советские ТБ-3 могли отбомбиться над столицей империи и вернуться обратно – запаса дальности хватало. И ведь бомбили, правда, на бумаге. Желаящие могут прочитать роман Николая Павленко «На Востоке», изданный в 1937 году. Тем очень красочно показан пылающий Токио, уничтоженный советской авиацией во время будущей японо-советской войны. Список подобных мероприятий с советской стороны можно также долго продолжать, и здесь также все будет правильно. На советской территории было зеркальное отражение всего того, что делалось в Маньчжурии. И как вывод из всего сказанного – Советский Союз также разрабатывал планы агрессии, также готовил нападение.

И чтобы разобраться во всех этих противоречивых утверждениях и дать окончательный ответ, кто на кого собирался напасть, нужно заняться подсчетом сил и средств, сопоставлением фактов и намерений. Кто окажется сильнее, тот и готовит нападение. Более слабая страна никогда не будет готовить агрессию против своего более сильного соседа. Иными словами, нужен баланс сил в дальневосточном регионе накануне Второй мировой войны. Сухие цифры и факты, взятые из архивных документов, дадут более точный и правдивый ответ, чем рассуждения советских историков об «агрессивности» Японии и «оборонных» мероприятиях Советского Союза.

Когда советское военное руководство планировало увеличение РККА в дальневосточном регионе, оно,

конечно, не имело документов японского генштаба или штаба Квантунской армии. Единственными достоверными, проверенными и перепроверенными данными были данные военной разведки о численности и вооружении Квантунской армии. На них и опирались в Генштабе при текущем планировании усиления советских войск на Дальнем Востоке и при перспективном планировании, когда разрабатывались оперативные планы на случай войны с Японией. Конечно, данные военной разведки нельзя было считать за стопроцентную истину. Возможно, после сопоставления наших разведывательных сводок с документами японского генштаба, опубликованными в последние годы в Японии, могут появиться расхождения в цифрах, и японские документы будут истиной в последней инстанции. Но в конце 1930-х ничего другого у нашего Генштаба не было. Поэтому и современным исследователям при оценке ситуации того периода приходится пользоваться разведывательными сводками.

20 декабря 1938 года заместитель начальника Разведупра комдив Орлов направил в Генштаб справку о перебросках японских войск из Японии и перегруппировке их в Маньчжурию в октябре – декабре 1938 года. За это время из Японии на материк было переброшено 250 тысяч человек. В Маньчжурию перебросили 57 тысяч, 100 орудий, 35 танков и 55 самолетов. С учетом этих пополнений и возвращения в Японию старослужащих Разведупр определил численность Квантунской армии на 15 декабря 1938 года в 347 тысяч человек. На вооружении этой группировки по подсчетам военной разведки имелось: орудий – 1368, танков – 684 и самолетов – 475. К этому была добавлена численность Корейской армии в 54 000 человек с 248 орудиями, 33 танками и 120 самолетами. Можно считать, что эти войска были сосредоточены у

советских дальневосточных границ к 1 января 1939 года.

15 января 1939 года Орлов отправил начальнику Генштаба командарму 1-го ранга Шапошникову новую сводку по переброскам японских войск на 15 января. В сводке отмечалось, что, по имевшимся в Разведупре сведениям, «за вторую половину декабря и за первую декаду января 1939 года японские войска в Маньчжурии усилились на одну пехотную дивизию...» По достоверным сведениям, к этому времени в Маньчжурии была осуществлена организация штабов армейских групп. На основных операционных направлениях (Приморское, Благовещенское, Забайкальское) для удобства управления многочисленными пехотными дивизиями началось формирование армейских структур со своими штабами. При этом центральная структура командования Квантунской армии с ее штабом сохранялась. При такой организации штаб Квантунской армии начал выполнять функции штаба фронта. Японское военное руководство повторило советский опыт, когда перед хасанскими событиями был организован Дальневосточный фронт, в структуре которого были сформированы две армии. Но если подобное мероприятие советского командования, да еще перец Хасаном, а не после, выдавалось советскими историками после войны как миролюбивое и оборонительное, то такое же мероприятие японского командования расценивалось Разведупром в 1939-м по-другому: «На основании изложенного можно сделать вывод, что японское командование переводит Квантунскую армию на военное положение, о чем свидетельствуют следующие факты: 1) Реорганизация управления войсками с использованием форм и методов управления, характерных для военного времени...»

Вот такой двойной стандарт. Создание армейских звеньев управления на Дальнем Востоке и создание

фронта летом 1938-го как оборонительное и миролюбивое и создание таких же структур в Маньчжурии как подготовка к войне. Для сведения читателя: с 4 сентября 1938 года на основании приказа Наркома Оборона № 0040 для улучшения руководства войсками Дальнего Востока и повышения уровня боевой подготовки управление фронта было расформировано, и из войск фронта были организованы Отдельные Краснознаменные армии – 1-я ОКА и 2-я ОКА. Командующим 2-й ОКА был назначен командарм 2-го ранга Конев. Штаб армии дислоцировался в Хабаровске. 1-я ОКА объединяла войска, расположенные в Приморье, штаб располагался в городе Ворошилов. Командовал армией командарм 2-го ранга Штерн. Можно также отметить, что еще в пятилетнем плане развития вооруженных сил (1938—1942 годы), подготовленном в конце 1937 года, указывалось, что в основу разработки плана были положены требования: быть способными отразить нападение врагов одновременно на Западе и Востоке и перенести борьбу на территорию противника.

Какие силы были сосредоточены на Дальнем Востоке к 1939 году? После ликвидации хасанского конфликта усиление войск в этом районе продолжалось. Из центральных районов страны перебрасывалась боевая техника: орудия, танки и особенно самолеты. Перебрасывались также и отдельные воинские части. Транссибирская магистраль была забита воинскими эшелонами. Перебрасывалась военная техника, вооружение, боеприпасы и различное имущество, необходимое для формирования новых частей в случае начала войны. К 1939 году в этом регионе находилось 450 тысяч личного состава, 5748 орудий и 4716 танков. По орудиям наши войска превосходили Квантунскую и Корейскую армии в четыре раза, по танкам – в 6,6 раза. Что касается

боевых самолетов, то уже на 1 января 1938 года на Востоке имелось 24 авиационные бригады (из них тяжелобомбардировочных – 6, среднебомбардировочных – 4, истребительных – 5) с общим количеством боевых самолетов – 2623. Превосходство советских войск и в общей численности, и особенно в средствах подавления было явным. И в японском генштабе, конечно, об этом знали. В разведывательном отделе сидели специалисты, которые умели и добывать информацию, и считать, и анализировать.

Конечно, при таком соотношении сил можно было разрабатывать различные варианты плана «ОЦУ» – бумага все стерпит. Но при определении агрессивности и угрозы войны со стороны Японии надо исходить не из бумаготворчества, а из реального количества войск и боевой техники. А оно, конечно, было в пользу РККА. Следует отметить и то, что ни один из вариантов плана «ОЦУ» не был добыт военной разведкой. И при определении угрозы войны и в Разведупре, и в Генштабе могли пользоваться только общей численностью Квантунской армии и оценками военно-политического положения в этом районе. Могут возразить, что Япония находилась рядом с Маньчжурией и Кореей и при абсолютном господстве своего военно-морского флота в Японском и Южно-Китайском морях могла быстро перебросить, в случае необходимости, на материк любое количество войск и техники. И это было бы возможно, если бы не «китайский фактор». После начала японо-китайской войны в августе 1937 года китайский фронт поглощал все людские и материальные ресурсы империи. Япония увязла в войне с Китаем всерьез и надолго. И говорить об одновременной войне с Китаем и Советским Союзом не было смысла – сил на это не хватало.

15 ноября 1938 года Орлов доложил Шапошникову справку о возможностях мобилизационного развертывания японской армии и «Боевое расписание японской армии и ее территориальное распределение по состоянию на 15 ноября 1938 года». Аналитики разведки собрали, систематизировали и проанализировали всю разведывательную информацию по Японии, и получился любопытный документ. В Китае было сосредоточено 28 пехотных дивизий и одна бригада; две кавалерийские, четыре артиллерийские и две мотомеханизированные бригады, две танковых и четыре зенитных полка. Всего 700 тысяч человек, 2000 орудий, 930 танков и 1346 самолетов. В Маньчжурии находилось 10 пехотных дивизий, три кавалерийские, четыре охранные и две мотомеханизированные бригады, а также гарнизоны УРов, две артиллерийские бригады, три полка тяжелой артиллерии, два зенитных и девять артиллерийских полков. Всего в Квантунской армии было 320 тысяч человек, 1268 орудий, 648 танков и 420 самолетов. К этому добавлялась группировка Корейской армии в составе двух дивизий с частями усиления общей численностью 54 тысячи человек. В остатке, то есть в Японии, на Сахалине и Формозе, оставались только три пехотные дивизии с частями усиления и обозно-тыловые части общей численностью в 333 тысячи человек при 914 орудиях, 120 танках и 300 самолетах. Немного на случай предполагаемой войны с Советским Союзом. В Китае шли упорные бои, и перебросить оттуда в Маньчжурию какое-то количество дивизий было невозможно. А переброска с островов на материк оставшихся трех дивизий не делала погоды.

За время войны в Китае японская армия увеличилась с 380 до 1677 тысяч человек, а число дивизий возросло с 21 до 44. И все равно воевать с Советским Союзом было нечем. Китайский фронт «съел» половину японской армии. Смешно было

начинать войну с семью сотнями танков и шестью сотнями самолетов. Не говоря уже о том, что качество танковой и авиационной техники японской армии было значительно хуже, чем качество этой же техники в РККА. Так что все планы нападения на Советский Союз можно было не вынимать из сейфов до лучших времен.

Информация разведки и баланс сил учитывались Генштабом при разработке планов стратегического развертывания. Доклад об этом плане был написан 24 марта 1938 года начальником Генштаба Шапошниковым. Документ был настолько секретным, что его не доверили машинисткам, и все 40 страниц доклада Шапошников писал сам. Так в одном рукописном экземпляре этот документ и осел в архиве. Главная задача при разработке основ стратегического развертывания на Востоке заключалась в том, чтобы не допустить вторжения японских войск в пределы советского Дальнего Востока, нанести им решительное поражение в Северной Маньчжурии и удержать за собой побережье Тихого океана, Сахалин и Камчатку. Удержание Приморья считалось обязательным при любых обстоятельствах, поэтому здесь не допускалось ослабление группировки войск РККА.

В Генштабе считали, что наступление на сунгерийском направлении может носить лишь вспомогательный характер как операция, которая связывает приморское и благовещенское направления. Удар с благовещенского направления затруднялся переправой через Амур, а затем преодолением Малого Хинганского хребта. Но, несмотря на трудности, удар на этом направлении предусматривался потому, что мог содействовать продвижению советских войск из Забайкалья с задачей выхода в район Цицикара. Предполагалось, что с появлением наших крупных сил в Сунгарийской равнине южнее Цицикара в сочетании с наступлением от Благовещенска будет создано

наиболее выгодное положение, которое может заставить японское командование отказаться от наступления на приморском направлении. План войны в Маньчжурии был наступательным, никакая оборона на границе за сооружениями УРов не предусматривалась.

Особое значение в докладе придавалось Монголии. Этот театр военных действий оценивался как плацдарм, прикрывающий железнодорожное сообщение Дальнего Востока с Восточной Сибирью и поэтому имеющий особое значение. Этот же плацдарм был выгоден для наступления в обход Большого Хинганского хребта с юга на Маньчжурскую равнину. Следовательно, территория МНР должна была обязательно удерживаться расположенными там советскими войсками совместно с частями МНРА. В докладе Шапошникова указывалось: «Для решения задач на Дальнем Востоке, в Забайкалье и МНР необходимо развернуть 40 стрелковых дивизий, одну горно-стрелковую дивизию на Сахалине, 8 отдельных стрелковых полков, 5 кавалерийских дивизий, 7 танковых бригад, 3 бронебригады в МНР, 3748 орудий, 3525 танков, 2998 самолетов (вместе с флотом), в том числе: бомбардировщиков – 1524, истребителей – 958, разведчиков – 457».

В докладе также давалась разбивка сил и средств по операционным направлениям. Сосредоточение таких сил обеспечивало существенное превосходство над силами Квантунской армии и обеспечивало успешные операции на территории Маньчжурии. Вот как выглядело это сосредоточение в плане Шапошникова:

На Востоке предполагается создать следующую группировку войск:

– на территории МНР – 57-й особый корпус в составе трех стрелковых дивизий, одной

кавалерийской бригады, одной танковой и трех мотоброневых бригад и 100 самолетов.

- на забайкальском направлении - 14 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, две танковые бригады и 682 самолета.

- на благовещенском направлении - 7 стрелковых дивизий и одна танковая бригада, а на сунгарийском направлении - 4 стрелковые дивизии и одна танковая бригада, на этих двух направлениях иметь 1012 самолетов.

- на приморском направлении - 10 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 2 танковые бригады и 515 самолетов.

Считается, что с окончанием сосредоточения этих сил мы будем иметь превосходство над японскими войсками в пехоте и в технике (на 900 орудий, 2100 танков, а по самолетам - более чем в два раза).

Предполагалось, что для сосредоточения войск потребуется 35—45 дней. Однако в докладе оговаривалось, что если мы вступим в войну до окончательного сосредоточения японской армии, то наше превосходство в авиации и танках позволит нам, не ограничиваясь активной обороной, вести небольшие наступления на забайкальском и благовещенском направлениях. Основные положения доклада Шапошникова были использованы Генштабом при разработке летом 1945 года плана разгрома Квантунской армии. Доклад был рассмотрен 13 ноября 1938 года на заседании Главного Военного Совета и одобрен им. Но еще 26 мая по приказанию Наркома Обороны Блюхер был полностью ознакомлен с планом развертывания и записал задачи войск на Дальнем Востоке. Кроме того, ему были даны все другие расчетные данные.

1939 год начался с тревожных сообщений из Японии. 23 января Зорге сообщил информацию, полученную от майора Шолля, о растущей поддержке в японском генштабе действий в северном направлении и ускорении организации армейских групп в Маньчжурии. Военный атташе считал, что «это указывает на новую подготовку против СССР...» Такое же мнение было и у многих иностранных наблюдателей, находившихся в Токио. Но у Зорге и членов его группы была другая точка зрения. В своей телеграмме он сообщал: «Но я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае. Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к частным инцидентам». Как показали дальнейшие события, информация Зорге была правильной и поступила в Москву своевременно. Но до Улан-Батора, где располагался штаб 57-го особого корпуса, она, очевидно, не дошла, а если и дошла, то не была принята во внимание. Ни командование корпуса, ни штаб, ни войска, расположенные в МНР, не были готовы к началу боевых действий.

Почему же на этот раз в качестве мишени для новой провокации и крупных инцидентов была избрана территория республики? В реестре жертв японской военщины очередь Монголии шла вслед за Маньчжурией. В японском генштабе давно поняли важность географического и стратегического положения Внешней Монголии (МНР). Официальная японская печать неоднократно обвиняла СССР в намерении использовать территорию МНР в качестве трамплина для «большевизации» Внутренней Монголии,

Маньчжоу-Го и Китая. В правящих кругах Японии считалось, что снятие или хотя бы частичное ослабление этой «угрозы» явилось бы первым шагом на пути осуществления «континентальной политики» империи. С захватом Маньчжурии появилась идея создания «буферных зон» в пределах Внешней Монголии и Северного Китая. Всячески поощрялись сепаратистские движения Внешней Монголии, официально считавшейся составной частью Китая.

Правящие круги Японии мечтали о вхождении МНР в качестве составной части в «Великую Монголию», которая должна находиться в «сфере процветания великой Восточной Азии» под эгидой Японии. Японская военщина полагала, что если МНР окажется в сфере японо-маньчжурского влияния, то безопасность советского Дальнего Востока будет основательно подорвана, а в случае войны может сложиться такая ситуация, которая вынудит СССР без всякой борьбы оставить территорию всей Сибири. В японских оперативных планах МНР именовалась ключом к Дальнему Востоку, щитом, прикрывающим весьма уязвимую Транссибирскую магистраль, и базой для широких действий на территории Северного Китая. В связи с этим после Маньчжурии последовало вторжение японских войск в китайские провинции Жэхэ, Чахар и Суйюань, занимавшие охватывающее положение по отношению к юго-восточной части МНР, а также начало широкого строительства стратегических железных дорог в этих провинциях.

Вот оценка планов японского командования, данная в докладе о кампании в районе Халхин-Гола, составленном Штабом 1-й Армейской группы сразу же после окончания конфликта:

«Не имея возможности и сил, в связи с действиями в Китае, организовать более

широкие действия по захвату МНР – этого важнейшего для Японии военного плацдарма, в 1939 году японцы ставили перед собой более ограниченную задачу – захватить территорию МНР до реки Халхин-Гол. На ближайший период для японцев территория до Халхин-Гола являлась крайне необходимой и важной по следующим причинам:

Первое – японцы развернули строительство железной дороги Халун-Аршан – Ганьчжур, строя ее в обход Большого Хингана. По их плану дорога должна была пройти около высоты Номонхан Бурд Обо – в удалении от границы МНР не далее 2 – 3 километров, то есть под действительным пулеметным огнем противника.

Второе – Халхин-Гол и песчаные высоты по восточному берегу реки, в случае захвата их японцами и укрепления, создавали очень сильное прикрытие подступов к Хайлару и Халун-Аршану, в настоящее время пока очень слабо защищенных со стороны МНР».

Инициатором вторжения на территорию МНР было командование Квантунской армии, которое возлагало большие надежды на поддержку со стороны внутренней контрреволюции из числа феодальной знати и высшего ламаистского духовенства, составлявших «пятую колонну», а также на дезорганизованность Монгольской Народно-революционной армии (МНРА), обескровленной репрессиями 1937—1938 годов, когда было арестовано и уничтожено абсолютное большинство высшего и старшего командного состава МНРА. Учитывалось и то, что репрессии, начатые по примеру ежовских «чисток» в СССР, продолжались в МНРА и в начале 1939 года. Японское командование рассчитывало на то, что

продолжавшиеся репрессии в частях 57-го корпуса еще больше ослабят группировку советских войск в МНР.

Уже во время халхингольских боев особисты НКВД продолжали обнаруживать «японскую агентуру», которая якобы существовала в штабе корпуса. К японским шпионам и «врагам народа» причислили начальника штаба корпуса Кущева, помощника начальника штаба Третьякова, начальника оперативного отдела штаба Ивенкова. Для большей солидности к ним добавили заместителя Главкома МНРА Лупсанданая и ряд других видных работников Полпредства и ЦК Народно-революционной партии МНР.

Упущений в боевой подготовке войск и в подготовке театра военных действий было много. Сказывались неопытность командного состава, халатность и, может быть, какое-то благодушие – надежда на то, что ничего серьезного не случится. Вот как оценивалась обстановка перед началом боев в докладе штаба:

«Командование 57 ОК (особого корпуса), в лице комдива Фекленко, советники МНРА, штабы 57 ОК и МНРА проявили преступную халатность в деле подготовки восточного направления к развертыванию боевых действий.

Этого района ни Командование 57 ОК и МНРА, ни их штабы совершенно не знало и там не бывало. Командиры соединений и их штабы также никогда ни на одном направлении не бывали и учений не проводили. Связь и управление на этом направлении также не были совершенно подготовлены, и все базировалось только на один провод до Тамцак-Булака. Никаких узлов связи подготовлено не было. Никаких оперативных расчетов, отработанных соображений и документов на сосредоточение советско-монгольских частей, на случай

развертывания боевых действий ни в штабе 57 ОК, ни в штабе МНРА не оказалось. Части 57 ОК и части МНРА оказались очень плохо подготовленными, особенно плохо был подготовлен штаб 57 ОК...»

Оценка в докладе была жесткая. Конечно, если начальник штаба корпуса японский шпион, то оценка работы штаба в таком докладе, который предназначался высшему командованию, может быть только отрицательной. Но если спустя полвека отбросить все ложные обвинения, то все равно надо признать, что к возможным крупномасштабным конфликтам с частями Квантунской армии в 1939 году командование корпуса было не готово. И дело здесь не в том, что бои начались в восточном выступе. Начлись они в любом другом месте монголо-маньчжурской границы – результат первых столкновений был бы точно таким же. Не были мы готовы к серьезному конфликту, и исправлять просчеты и ошибки пришлось уже в ходе боев.

Бои на Халхин-Голе подробно описаны, с привлечением новых архивных документов, в биографических книгах о маршале Жукове, и нет смысла повторять уже написанное. Надо только отметить, что сразу же после начала майских боев началось новое усиление советских войск в дальневосточном регионе. Пополнялись людьми и боевой техникой части 57-го корпуса, переформированного в 1-ю Армейскую группу, пополнялись войска и боевая техника Забайкальского военного округа и части 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий. За летние месяцы по Транссибирской магистрали было перевезено много людей, танков и орудий. Все это позволило значительно увеличить мощь дальневосточной группировки и

добиться еще большего превосходства над частями Квантунской армии.

В результате этих мероприятий на Дальний Восток было переброшено несколько стрелковых дивизий и множество других частей (бригады, полки, батальоны). Общая численность группировки увеличилась на 135 тысяч человек и составила 582 тысячи человек. Количество орудий и минометов за эти месяцы увеличилось на 3000 стволов и составило 8738 против 3700 по ту сторону границы. Танковая группировка увеличилась на 1300 машин и составила 6088 танков против 650 по ту сторону границы. Такая вот арифметика и такой баланс сил, если от фраз об угрозе японской агрессии перейти к бухгалтерии.

События 1939-го и начала 1940 годов коренным образом изменили стратегическую обстановку на западных и восточных границах страны. Из разных районов к границам перемещались войска. В результате развертывания Красной Армии осенью 1939-го и зимой 1940 годов изменился боевой состав пограничных военных округов. Поэтому Главный Военный Совет уже 21 ноября 1939 года рассмотрел состав Красной Армии, изменившийся после начатой в сентябре скрытой мобилизации. Был также рассмотрен вопрос об обстановке в Европе в связи с началом Второй мировой войны и на Дальнем Востоке в связи с событиями на Халхин-Голе. В новых условиях пятилетний план строительства вооруженных сил, разработанный ранее, был пересмотрен. В план были внесены значительные изменения, и это привело к тому, что старый план стратегического развертывания 1937 года утратил свою силу. Поэтому в Генштабе уже в начале 1940 года начали разработку нового плана стратегического развертывания. Летом был разработан первый вариант.

К этому времени на Дальнем Востоке были проведены серьезные организационные изменения.

Импровизация лета 1939-го, когда для координации действий разрозненных сил Забайкальского военного округа, 57-го ОК, 1-й и 2-й ОКА была создана Фронтовая группа со штабом в Чите, уже не соответствовала сложившейся обстановке. В случае начала нового конфликта, а такой вариант летом 1940-го не исключался, управлять войсками под Владивостоком из Читы за несколько тысяч километров было невозможно. Поэтому в Москве решили вернуться к старому методу управления войсками – воссоздать Дальневосточный фронт (ДВФ). Управление ДВФ было сформировано с 1 июля 1940 года на основании приказа Наркома Оборона № 0029 в связи с общей реорганизацией управления войсками, расположенными на территории Дальнего Востока. Управление фронта находилось в Хабаровске и имело структуру, общую с типовой структурой военных округов. В состав фронта входили обе Краснознаменные армии, вновь сформированная 15-я Сунгарийская армия и Особый стрелковый корпус, войска которого прикрывали устье Амура, Сахалин и Камчатку. В это же время 1-я Армейская группа была переименована в 17-ю армию без увеличения ее численного состава, а в Забайкалье сформирована новая 16-я Армия.

Переговоры между Германией, Италией и Японией о заключении военного союза шли полным ходом, и внешнеполитическая обстановка в плане стратегического развертывания оценивалась как весьма тревожная: «Вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ». В плане отмечалось, что Япония может выставить против Советского Союза до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основная масса сухопутных войск будет сосредоточена против Приморья, и у советских берегов будет действовать сильный морской флот

Японии. В плане указывалось: «В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным фронтом Западный. Здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы. На Востоке, учитывая вероятность появления против нас значительных японских сил, необходимо назначить такие силы, которые полностью гарантировали бы нам устойчивое положение».

Что подразумевалось под формулировкой «устойчивое положение»? 17-я армия должна была, прикрывшись на южных и юго-восточных границах МНР и взаимодействуя частью сил с 16-й армией, нанести главными силами удар на Солунь, разбить японские части и, обходя с юга Большой Хинганский хребет, выйти на Маньчжурскую равнину. Основные силы армии состоят из трех мотострелковых дивизий, двух танковых и трех мотоброневых бригад и четырех кавалерийских дивизий МНРА. 16-я армия должна была, опираясь на укрепления Забайкальского УРа и взаимодействуя с частями 17-й армии, разбить японские части на Хайларском плато. В дальнейшем, действуя вдоль западной ветки КВЖД, выйти на маньчжурскую равнину к Цицикару. Такие планы были на Забайкальском направлении. Ничего оборонительного в них не было – сразу же разбить японские войска и вперед на маньчжурскую равнину, в тыл приморской группировки Квантунской армии.

Основные задачи Дальневосточного фронта также были наступательными. Фронт, сосредоточив войска, переходил «в решительное наступление с целью разгрома основной группировки противника против Приморья, имея в виду дальнейшее наступление в общем направлении на Харбин. Обеспечивать побережье Тихого океана, Охотского моря, Сахалина, Камчатки от возможных попыток японских войск

высадить десант...» Армии фронта также имели наступательные задачи: 2-я Краснознаменная армия должна была, опираясь на наши Уры, разгромить японские силы и форсировать с кораблями Амурской флотилии Амур. 15-я армия также должна была, опираясь на наши Уры, совместно с кораблями Амурской флотилии форсировать Амур и Уссури и разбить японские части. 1-я Краснознаменная армия, временно активно обороняясь на Иманском направлении и на фронте Полтавка – устье реки Тумень-Ула должна была нанести главный удар к северу от Гродеково. Тихоокеанский флот имел оборонительные задачи. Это понятно – при его слабости и малочисленности требовать от него активности было невозможно. Зато от военно-воздушных сил фронта требовалась активность с первого же дня войны: уничтожить авиацию противника и с первых дней войны обеспечить господство в воздухе, мощными ударами авиации по железнодорожным узлам Харбина, Мукдена, Чаньчуня нарушить и задержать сосредоточение японских войск, разрушить железнодорожные мосты через Сунгари у Харбина, разрушить корейские порты Юки, Расин, Сейсин. И по особому указанию Главного Командования производить налеты на японские острова. Так что не было оборонительных задач, да и не могло их быть при таком превосходстве в силах. Не сидела Красная Армия на своей территории за бетонными сооружениями УРов, а готовилась к наступательным боям на территории Маньчжурии.

Но обстановка в мире, в Европе и на Востоке, по сравнению с началом года, когда составлялся первый вариант плана, изменилась кардинально. Капитулировали и исчезли с карты Европы Франция и ее соседи. Та же участь постигла и скандинавские страны. После катастрофы под Дюнкерком была сброшена со счетов как сухопутная держава Англия, и вермахт

хозяйничал во всей Европе. На Востоке тоже не было ясности. Вопрос о том, куда повернет Япония, на Север или на Юг, был еще не ясен даже военно-политическому руководству империи. Поэтому срочно требовался новый план стратегического развертывания, отвечающий реалиям осени 1940 года.

В сентябре 1940 года в Генштабе была завершена разработка второго варианта плана стратегического развертывания. Доклад «Об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы» подписали новый нарком обороны Тимошенко и новый начальник Генштаба Мерецков. Сам документ был написан в одном экземпляре лично заместителем начальника Оперативного управления Генштаба Василевским. В таком виде он был представлен 18 сентября 1940 года на рассмотрение Сталина и Молотова. В докладе рассматривались наши вероятные противники, которые оценивались так же, как и в первом варианте плана 1940 года. Так же, как и в первом варианте, в докладе подчеркивалось, что документальными данными об оперативных планах вероятных противников как на Западе, так и на Востоке Генштаб не располагает.

В качестве выводов из оценки вероятных противников в докладе указывалось: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке – против Японии как открытого противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение». Считалось, что на Дальнем Востоке ближайшей целью японских войск будет овладение Приморьем. Это подтверждалось наличием против Приморья четырех японских армейских управлений, 7 пехотных дивизий и интенсивными работами по подготовке театра военных

действий. Надо учитывать, отмечалось в плане, «действия против наших восточных берегов и портов сильного морского флота Японии». При определении основ нашего стратегического развертывания указывалось, что в условиях «развертывания вооруженных сил на два фронта необходимо считать основным театром – Западный, здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы». На Востоке предполагалось назначить такие силы, которые полностью гарантировали бы устойчивость положения.

Основная формулировка «устойчивость положения» была такой же, как и в первом варианте плана, и чтобы добиться этой «устойчивости», предлагалось для действий на Востоке против Японии выделить 24 стрелковые, четыре моторизованные, две танковые и четыре кавалерийские дивизии, три стрелковых, три авиадесантных и восемь танковых бригад – всего 5740 танков. Численность авиации определялась в 44 авиаполка. Это составляло 3347 самолета, в том числе 692 самолета Тихоокеанского флота.

Основы стратегического развертывания на Востоке предусматривали при всех обстоятельствах не допустить вторжение японских войск в Приморье и обеспечить побережье от возможных попыток высадки десанта. Пользуясь в начале войны превосходством сил и возможностью разгромить японцев по частям, намечалось немедленно по окончании отмотилизования и сосредоточения войск перейти в общее наступление и разгромить первый эшелон японских войск. Предполагалось в дальнейшем иметь в виду действия по разгрому главных сил японской армии и по захвату Северной Маньчжурии. В случае военного конфликта на Востоке должны были действовать два фронта – Забайкальский и Дальневосточный.

Не изменились в этом варианте плана и задачи обоих фронтов. Основная задача Забайкальского

фронта – решительными действиями на направлениях Солунь, Таонань и Хайлар-Цицикар уничтожить солуньскую и хайларскую группировки японских войск, выйти в район Таонань-Цицикар (на Маньчжурскую равнину), а также надежно прикрыть южные границы МНР. Для Дальневосточного фронта основной задачей было разбить японские части на сунгарийском и приморском направлениях и обеспечить в дальнейшем успешные действия в Северной Маньчжурии, а также удержать Приморье и обезопасить побережье от возможных попыток высадить десанты.

Общий вывод из всего сказанного. Дальневосточная группировка во второй половине 1930-х годов не была оборонительной. Ее общая численность, включая Забайкальский военный округ и 57-й ОК, была в полтора-два раза выше численности Квантунской армии. По средствам подавления: авиации, артиллерии и танкам превосходство было подавляющим. Качественное превосходство боевой техники было также на стороне Красной Армии. При таком раскладе сил стратегия действий на Востоке была только наступательной. И это в полной мере было отражено во всех планах Генштаба. Оборона в чистом виде, то есть удержание границы, опираясь на свои УРы, не предусматривалась.

Японский генштаб также разрабатывал свои планы. Запущенная в работу еще в конце 1920-х штабная машина работала на полную мощность, не снижая оборотов. Один вариант плана «ОЦУ» сменялся другим, менялись направления ударов, но идея всех планов оставалась прежней – вперед на Север. В Токио так же, как и в Москве, не думали об обороне. И даже после таких серьезных поражений, как Халхингольское, продолжали упорно планировать то же самое. Чего здесь было больше – здравого смысла или самурайской

самоуверенности? Пусть японские историки попробуют ответить на этот вопрос.

Планирование новой войны против Советского Союза началось сразу же после заключения перемирия 15 сентября 1939 года. Японский генштаб работал с четкостью хорошо отлаженного часового механизма в тесном контакте с военным министерством, командованием Квантунской армии, командованием экспедиционной армии в Китае и морским генштабом. Основная цель всех этих разработок была прежней – «Разгром русской армии, дислоцировавшейся на Дальнем Востоке, и захват территорий к востоку от Большого Хингана».

По варианту плана, разработанного на 1940 год, японские войска должны были сосредоточиться на трех операционных направлениях: восточном, северном и западном. Основным направлением считалось восточное – против советского Приморья. Здесь предусматривалось формирование 1-го Восточного фронта в составе 19 дивизий, полностью укомплектованных и развернутых по штатам военного времени. Командованию фронта придавались танковые и артиллерийские полки, кавалерийские бригады, а также пять полков бомбардировочной авиации. На Амурском направлении, против Благовещенска, предусматривалось развертывание 4-й японской армии в составе трех дивизий, а в западной части Маньчжурии в районе Большого Хингана – 6-й армии в составе четырех дивизий. Командующий Квантунской армии, который должен был осуществлять общее руководство боевыми действиями японских войск, имел в резерве еще четыре дивизии.

В целом, к началу боевых действий против советских войск на Дальнем Востоке должно было быть сосредоточено 30 пехотных дивизий, маньчжурский плацдарм был полностью подготовлен к принятию и

размещению такого количества войск. К 1941 году вместимость казарменного фонда в Маньчжурии составляла около 39 пехотных дивизий. После начала боевых действий японское командование предусматривало перебросить в Маньчжурию пять дивизий с Японских островов и 10 дивизий из экспедиционной армии в Китае. Эти войска составляли уже второй стратегический эшелон, и их планировалось «ввести в сражение на направлениях за пределами Маньчжурии», то есть уже на советской территории.

Военные действия, согласно плану 1940 года, намечалось провести в два этапа. На первом этапе планировалось разгромить советские войска в Приморье, захватить Владивосток и Хабаровск. Затем предусматривался разгром советских частей на северном и западном направлениях, захват северного Сахалина и Петропавловска на Камчатке. Через шесть месяцев после начала военных действий планировалось оккупировать весь Дальний Восток и выйти к Байкалу. В общем, это было зеркальным отражением советских планов ведения войны на Дальнем Востоке. Разгром по частям войск противника и стремительный, всего за шесть месяцев, выход к Байкалу, когда в войне можно было поставить победную точку и начать «освоение» присоединенных к империи земель.

После разработки этого варианта плана войны с Советским Союзом начальник оперативного отдела генштаба генерал-лейтенант Кеодзи Томинага доложил его содержание начальнику генштаба маршалу принцу Канин. Затем, следуя уже сложившейся традиции, генерал и маршал посетили «сына неба» и ознакомили его с документом. В марте 1940 года император Хирохито утвердил план войны.

«Китайская карта»

Если просмотреть советскую военно-историческую литературу, выпущенную до 1991 года, то можно найти множество примеров, указывающих на подготовку японской агрессии против Советского Союза, разработку планов нападения на Дальний Восток, создание мощного плацдарма на территории Маньчжурии, усиление Квантунской армии, которая якобы к лету 1941-го представляла такую мощную силу, готовую в любой момент ринуться через Амур и Уссури и захватить все и вся от Байкала до Владивостока. Под эту концепцию японской агрессивности наши историки подгоняли все – даже «инцидент» с Китаем, рассматривая безнадежную войну империи с этой огромной страной как обеспечение своего тыла при подготовке основного похода на Север. При этом совершенно не учитывали тот фактор, что для осуществления этой якобы «тыловой» операции Япония направила в Китай и держала там до августа 1945 года такое количество войск и боевой техники, которое за все годы китайского «инцидента» более чем в два раза превышало численность и боевую мощь Квантунской армии. Если бы эта армада войск и боевой техники вместо Китая была бы направлена в Маньчжурию, то Квантунская армия увеличилась бы в три раза. И вот тогда-то положение Советского Союза на Дальнем Востоке стало бы действительно угрожающим, потребовав переброски в этот район таких сил и средств, которые страна могла бы и не выдержать. Но это уже относится к категории альтернативных исторических предположений: «что было бы, если бы...»

7 июля 1937 года у моста Марко Поло под Пекином раздались ружейные выстрелы. Началась очередная

перестрелка между китайскими и японскими солдатами. Подобные инциденты на линии перемирия китайских и японских войск происходили часто, и в руководстве гоминдановского Китая не обратили внимания на очередной инцидент. Но постепенно события нарастали. К 25 июля в районе конфликта были сосредоточены три дивизии и две бригады японских войск, а также более 100 орудий, 150 танков и 150 самолетов. Одна из дивизий (20-я) была переброшена в Китай из Северной Кореи. После упорных боев были захвачены крупнейшие города Китая Бейпин и Тяньцзинь, и к концу сентября в Северном Китае была сосредоточена японская экспедиционная армия численностью более 300 тысяч человек. Война, как и раньше, не объявлялась. И крупномасштабные боевые действия были названы очередным «инцидентом». Вторым очаг военных действий был создан японским командованием в августе 1937 года в районе Шанхая. Здесь при поддержке военно-морского флота был высажен десант численностью в 7 – 8 тысяч человек и начались бои за крупнейший порт Китая. К ноябрю 1937-го под Шанхаем было сосредоточено 115 тысяч японских войск, 400 орудий, 100 танков и 140 самолетов. После взятия Шанхая в конце ноября японские войска начали наступление на столицу Китая Нанкин. 12 декабря город был взят, но сомкнуть клещи и объединить северную и центральную группировки японских войск в Китае в 1937 году не удалось.

К 1938 году в японском генштабе подводили итоги. Молниеносной и победоносной войны, на которую рассчитывали в Токио, не получилось. Китайское правительство переехало в Чунцин и капитулировать не собиралось. Началась затяжная, изнурительная война, которая при наличии у Китая неограниченных людских ресурсов лишала Японию каких-либо шансов на победу в будущем. В Токио убедились, что в существующих

условиях легко войти в войну, но очень трудно из нее выйти. Китайский фронт стал тем фактором, который существенно влиял на обстановку в дальневосточном регионе.

После окончания Второй мировой войны в Японии было создано демобилизационное бюро, которое ликвидировало дела военного министерства. По данным этого бюро, представленным Токийскому международному трибуналу, численность японской армии в 1930—1936 годах была неизменной и составляла 250 тысяч человек. После начала «инцидента» в Китае она выросла к 1 января 1938 года до 950 тысяч человек, то есть почти в четыре раза. Резкий скачок в численности армии требовал и резкого скачка в финансировании сухопутных войск. По данным министерства финансов, также представленных трибуналу, бюджет военного министерства с 1931 по 1936 год увеличился с 247 до 515 миллионов иен. С 1937 по 1938 год произошел скачок с 2750 до 4251 миллиона иен. Из этих миллиардов половина была потрачена на войну с Китаем. Такова была плата за начало очередного «инцидента».

Грубейший стратегический просчет, допущенный высшим военно-политическим руководством империи и японским командованием, стал ясен уже к январю 1938-го. И в Токио начали искать выход из создавшегося тупикового положения. Эвакуироваться с позором с материка и стать посмешищем в глазах крупнейших стран мира было невозможно. Надеяться на победоносное окончание войны с таким колоссом, как Китай, было нереально. Оставалась надежда на почетный мир на выгодных для империи условиях. Но для прощупывания обстановки и для начала ведения переговоров с гоминдановским правительством Чан Кайши нужен был солидный посредник. И в Токио

решили обратиться к своему союзнику по Антикоминтерновскому пакту.

К концу 1937 года японский генштаб пытался использовать связи с Германией по пакту и дал указание японскому военному атташе в Берлине Осима обратиться с просьбой к командованию германской армии о предложении мира Чан Кайши через генерала Фалькенхаузена, германского военного советника при китайском правительстве. Конечно, подобное предложение не было отказом от агрессивных планов на континенте. Но длительная передышка очень нужна была империи. Воюющий Китай «съедал» столько людских, материальных и финансовых ресурсов страны, что империи нужно было остановиться, отдышаться и собраться с силами, чтобы продолжать завоевательную политику в Азии. Осима, следуя указаниям генштаба, 18 января 1938 года поднял перед Риббентропом вопрос о помощи, чтобы закончить китайский «инцидент». Министр иностранных дел рейха обещал содействовать, но высказал мысль о желательности сближения Германии и Японии на основе заключения военного договора. Эта информация была передана генштабу, и в июне 1938-го из Токио был получен ответ, одобрявший инициативу сотрудничества между двумя странами.

За развитием событий в Китае внимательно наблюдали не только в Токио, но и в Москве. Линия связи между советским посольством в Китае и Москвой работала с полной нагрузкой. И Сталин, и Ворошилов, а именно они определяли советскую военную политику на Дальнем Востоке, хорошо понимали, что Япония может увязнуть в трясине новой войны, и увязнуть надолго. А длительная война в Китае снимала угрозу советским дальневосточным границам. Можно было спокойно поворачиваться лицом к Европе и пытаться активно решать свои европейские проблемы. Поэтому вопрос о том, что воюющему Китаю надо было оказать военную и

материально-техническую помощь, был ясен для обоих лидеров уже в первые дни японо-китайской войны.

При этом Сталина, а Ворошилов думал так же, как Сталин, – своего мнения в 1937-м у него уже не было, – вряд ли интересовали проблемы интернациональной солидарности и братской помощи китайскому народу, о которой так любили потом писать советские историки. К режиму Чан Кайши он не испытывал никаких симпатий. Достаточно вспомнить налеты гоминдановской полиции на советское посольство и консульства в 1927-м, конфликт на КВЖД в 1929-м, многочисленные походы против Китайской Красной Армии в начале 1930-х и помощь, которую Советский Союз оказывал Китайской компартии и ее вооруженным силам. Но он как трезвый политик хорошо понимал, что после начала «инцидента» Советский Союз попал в положение «третьего радующегося», наблюдая схватку японского дракона и китайского тигра. В этой обстановке надо было помогать Китаю, и пусть они дерутся как можно дольше. В начале сентября 1937-го правительство Чан Кайши обратилось с просьбой к Советскому правительству принять в Москве китайскую делегацию для обсуждения вопросов, связанных с оказанием военной помощи Китаю. Согласие на приезд, конечно тайный, китайских представителей было сразу же дано, и уже 9 сентября Нарком Обороны провел первую встречу с китайской делегацией. На следующий день он сообщил Сталину о результатах переговоров.

По представленному делегацией списку предметов вооружения, которые Китай хотел приобрести, Ворошилов предлагал продать две эскадрильи бомбардировщиков СБ (62 самолета), две эскадрильи истребителей И-16 (62 самолета) и три эскадрильи истребителей И-16 (93 самолета). Во время первых переговоров китайцам отказали в продаже тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 и тяжелой артиллерии, но

согласились продавать бензин и машинное и моторное масла. Были высказаны предложения и о маршрутах доставки. Конечным пунктом доставки был определен китайский город Ланьчжоу. Самолеты предлагалось перегонять туда по воздуху, а запасные части и боеприпасы к ним – автотранспортом. Все остальные закупки (винтовки, пулеметы, орудия, боеприпасы) – морским путем в Кантон. Наиболее удобным считался маршрут до Ланьчжоу через территорию МНР. Он был короче маршрута через Синьцзян на 800 километров и мог почти полностью контролироваться советскими войсками. Но здесь требовалось учитывать и политические моменты. Ворошилов писал Сталину: «Однако нужно решать, удобно ли с точки зрения политической использовать территорию МНР для доставки оружия Нанкинскому правительству. По этому вопросу прошу дать указание возможно скорее, так как без этого не могут начаться подготовительные работы по переброске самолетов, о чем настойчиво просят китайцы». Намечалась знаменитая трасса «Зет», по которой в последующие годы перебрасывались оружие и боевая техника в Китай. Руководство операцией «Зет» (военная помощь Китаю) было поручено Разведупру.

В конце января 1938 года информация о попытках Японии добиться мирного урегулирования с Китаем поступила от группы «Рамзай». Зорге в телеграмме от 20 января информировал Москву о беседе с полковником Оттом. Военный атташе рейха в Японии сообщил советскому разведчику, что «японский генштаб приведен в сильное замешательство перспективами продолжения войны против Китая». Отт и его помощник майор Шолль считают, что война в Китае начинает ослаблять Японию. Поэтому, по их мнению, войны между Японией и Советским Союзом в 1938 году не будет. Империя прочно увязла в Китае, а сил и средств для одновременной войны против двух

азиатских стран у нее нет. В Токио так же, как и в Москве, понимали, что, пока идет эта война, советский Дальний Восток застрахован от японского нападения.

В Берлине тоже начали понимать обстановку на Дальнем Востоке. Возможный конфликт дальневосточного союзника с Советским Союзом очень интересовал германский генштаб, и военному атташе поручили выяснить обстановку. Отт беседовал с представителем японского генштаба и о результатах сообщил Зорге. 27 января в Москву ушла очередная информация об этой беседе. Японский представитель сообщил полковнику, что генштаб подготавливает войну против СССР усиленными темпами. В Токио считали, что оттяжка времени работает на СССР. Но, хотя желание воевать было, возможности воевать на два фронта у империи не было. Даже в случае перемирия в Китае нужно было длительное время держать большую оккупационную армию. Нужно было также пополнить японскую армию после непредвиденных потерь, а все это требовало огромных финансовых затрат. Кроме того, в начале 1938-го Германия была явно не готова начать войну против Советского Союза, а начинать односторонние военные действия в японском генштабе не хотели. Представитель японского генштаба, с которым беседовал Отт, заявил ему, что «два года являются максимальным, а один год – минимальным сроком для того, чтобы японский генштаб мог начать войну против СССР». Информация была исключительно ценной, и начальник Разведупра наложил резолюцию: «По всем этим телеграммам выпустить доброкачественное спецсообщение». Как правило, такие документы, как спецсообщения, рассылались высшему руководству страны.

Итак, Советский Союз уже в первые месяцы 1938-го получил почти двухлетнюю передышку на Дальнем

Востоке. Это был первый результат тех контактов в Москве, которые начались осенью 1937-го. Начало военных поставок в Китай значительно усиливало сопротивление китайской армии, и Япония все глубже и глубже погружалась в трясину необъявленной японо-китайской войны, окончание которой не просматривалось даже в отделенном будущем. Характерно, что оценки наших разведчиков в Токио оказались более точными, чем оценки аналитиков японского генштаба. Уже после ареста Зорге писал в своих записках: «Диксен и Отт были настроены оптимистично, утверждая, что Гоминдан необычайно слаб. Но я придерживался мнения, что враждебные действия будут продолжаться еще долго и что силу Гоминдана не следует недооценивать. Ни Дирксен, ни Отт не соглашались со мной. Однако ход событий обернулся так, как я и предсказывал. И потому и Дирксену, и Отту пришлось признать, что я был прав, и мои акции в посольстве соответственно выросли». Одзаки так же, как и Зорге, считал, что конфликт в Китае перерастет в крупномасштабную войну. Его выводы основывались на той информации, которую он получал из близкого окружения премьера Коноэ.

Упорные бои в Китае в 1938-м привели к некоторым успехам, которых удалось добиться японской армии. Двумя встречными ударами из районов Пекина и Шанхая удалось захватить стратегическую железную дорогу между этими городами и объединить две группировки японских войск, образовав единый фронт в Китае. Но это было все, чего удалось добиться Японии в Китае, затратив на это огромное количество сил и средств. К январю 1939 года, по сведениям, представленным демобилизационным бюро Токийскому трибуналу, численность японской армии была доведена до 1130 тысяч человек, а бюджет армии и флота, по данным министерства финансов, увеличился в полтора

раза и достиг 6 миллиардов иен. Но, несмотря на такие усилия, реальных предпосылок для успешного окончания войны с Китаем у Японии не было. Китайский фронт поглощал и новые формирования, и почти все бюджетные вливания империи.

Каким был баланс сил японской армии и как она распределялась по районам к 1939 году? Иными словами, каково было соотношение сил между Квантунской армией и японской армией в Китае? От ответа на этот вопрос зависел баланс сил РККА между Западом и Востоком, а также ответ на вопрос, куда направится острие японской агрессии на континенте – на Север или на Юг. В генштабе можно разрабатывать различные варианты плана «ОЦУ», но если основные силы армии сосредотачиваются в другом районе, отстоящем от советских границ на тысячи километров, то все генштабовские разработки могут спокойно лежать в сейфах. До окончания войны в Китае и сосредоточения огромной китайской армии у советских дальневосточных границ они не могут быть востребованы.

Основным источником при определении численности японских войск являлись разведывательные сводки по Востоку, которые в 1939—1941 годах регулярно издавались Разведупром с периодичностью примерно раз в месяц. Этими документами, где публиковались боевые расписания японской армии, пользовались и в Генштабе, и в штабах в Чите и Хабаровске. Эти же сводки ложились и на стол Наркома, давая возможность Ворошилову иметь достаточно четкое представление об обстановке на Дальнем Востоке. Конечно, вопрос о том, насколько точными являлись данные военной разведки, пока не решен. Японские документы о численности и распределении японской армии за этот период на русском языке не опубликованы, и автор не хотел бы

принимать цифры разведсводок за истину в последней инстанции. Но в те годы японских документов о численности и распределении японской армии у военного руководства страны тоже не было, и оно в своих расчетах и прогнозах пользовалось данными военной разведки.

В боевом расписании японской армии на 20 февраля 1939 года разведка определяла общую численность сухопутных войск империи в 1753 тысячи человек. Это в полтора раза превышало цифры демобилизационного бюро. Конечно, японские чиновники могли и занижить цифры, которые от них требовал Трибунал, и численность японской армии, показанная в разведсводке, может быть более предпочтительной. В Китае, по данным разведки, находилось 752 тысячи человек, в Маньчжурии – 359 и в Корее – 60 тысяч. Орудий соответственно – 1975, 1052 и 264; танков 1295, 585 и 34; самолетов – 1360, 355 и 90. В Китае было сосредоточено почти вдвое больше сил и средств подавления, чем в Маньчжурии и Корее, вместе взятых. В Китае были сосредоточены 24 дивизии из 35 имевшихся в японской армии, почти все танковые части, железнодорожные полки и полки связи. По сравнению с оккупационной армией в Китае части Квантунской и Корейской армий выглядели очень бледно. Основное внимание японский генштаб уделял в начале 1939-го Китаю и именно туда отправлял почти все вновь сформированные технические части японской армии.

Рихард Зорге, очень хорошо знавший обстановку в Токио, тоже считал, что китайский фронт в 1939 году – главный фронт для Японии. И невозможна никакая агрессия на Север до тех пор, пока в Китае идут боевые действия. После конфликта у Хасана Квантунская армия готовилась к новым боям. Но это была обычная боевая подготовка, которой занималась любая армия в мирное время. Зорге получил информацию от майора Шолля,

помощника германского военного атташе в Токио, об активизации военных приготовлений Квантунской армии. И 23 января 1939 года он в очередной радиограмме сообщал об этом в Москву. Но в этой же радиограмме он высказал и свое мнение о возможных событиях: «Но я и другие, – писал Зорге в этой радиограмме, – думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, т. к. японцы не в состоянии затеять войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае». В июне 1939-го Зорге подтвердил оценку событий, данную в январской радиограмме. В аналитическом письме руководству Разведупра он также отмечал невозможность для Японии вести две войны одновременно: «Война против Китая, стремление остаться и закрепиться в нем порождают чрезвычайную напряженность в Японии. Поэтому без поддержки Германии перед Японией не стоит вопрос одновременного ведения войны и с СССР. Чтобы ставить перед собой подобную цель, Япония должна прежде всего осуществить коренную реорганизацию своих армии, флота и авиации. По собственным японским прикидкам, на это уйдет по меньшей мере 2 – 3 года. Думается, что на этот срок Япония должна гарантировать себе передышку. Но это не значит, однако, что на указаний период следует исключать возможность крупных столкновений на границах с Монголией и Сибирью». Иными словами – на крупные провокации японское командование может решиться, а на войну с северным соседом японское правительство и военное руководство империи не пойдет.

По данным боевого расписания на 15 сентября 1939 года, положение на континенте и соотношение японских войск между Маньчжурией и Китаем несколько изменилось. Конфликт на Халхин-Голе потребовал от японского генштаба более пристального внимания к маньчжурскому плацдарму. Количество

пехотных дивизий не увеличилось, но общая численность войск возросла до 411 тысяч человек. Почти вдвое увеличилось число орудий и почти в три раза увеличилось количество боевых самолетов. Но за эти же месяцы численность японской армии в Китае увеличилась на 300 тысяч и впервые перевалила за миллионную отметку, а количество орудий увеличилось в полтора раза. К осени 1939-го, несмотря на затишье на китайском фронте, Япония держала в Китае миллионную группировку. И даже необъявленная война на монгольской границе не способствовала крупным переброскам японских войск к советским границам. Перебрасывались отдельные наиболее боеспособные авиационные подразделения, но они предназначались для завоевания господства в монгольском небе, а не для общего усиления военно-воздушных сил в предвидении будущей войны с Советским Союзом. Главный фронт на азиатском материке был в Китае, а не в Маньчжурии, и численность японских войск в Китаешний раз подтверждает эту истину. Такова была цена «китайской карты» осенью 1939-го.

К июню 1940-го общая численность японской армии, по данным разведывательной сводки № 7 по Востоку, увеличилась на 230 тысяч и впервые в мирное время перевалила за два миллиона человек. Характерно, что за эти девять месяцев численность Квантунской и Корейской армий практически не менялась. После Халхин-Гола армия зализывала раны и не думала о новых боевых действиях на советской границе. И в генштабе, и в военном министерстве маньчжурский театр считали второстепенным, и серьезных увеличений сухопутной группировки здесь не было. А вот в Китае численность японских войск за этот период увеличилась на 150 тысяч человек. Как и в предыдущие годы, китайский фронт «съедал» львиную долю общего увеличения японской армии. По данным военной

разведки на 1 июня 1940 года, на различных фронтах в Китае было в три раза больше японских войск, чем в Квантунской армии, и в два раза больше орудий и танков. То количество боевой техники, которое выпускали японские заводы, переправлялось в Китай, а не в Маньчжурию. Китайский фронт как губка всасывал людские и материальные ресурсы империи. А восполнять боевые потери японской армии в Китае и одновременно резко усиливать Квантунскую и Корейскую армии для будущей большой войны против Советского Союза Япония была не в состоянии. Нужно было выбирать что-то одно – Китай или СССР. И в Токио выбрали Китай и увязли в этой стране до 15 августа 1945 года – даты подписания командованием японской армии в Китае акта о капитуляции. Летом 1940-го Китай продолжал удерживать огромную японскую армию, не давая возможности японскому командованию перебросить ее к советским дальневосточным границам и начать серьезную войну против СССР.

К весне 1941 года численность и вооружение японской армии в Китае не уменьшилась. По данным разведывательной сводки № 3 по Востоку, на 1 марта 1941 года на всех трех китайских фронтах было 1100 тысяч японских войск, 900 самолетов, 750 танков и 2550 орудий разных калибров. По всем показателям это более чем в два раза превышало численность Квантунской армии к тому же времени. Разведкой не было отмечено никаких перебросок японских частей из Китая в Маньчжурию. В это время Китай продолжал удерживать миллионную китайскую армию, обеспечивая в значительной мере безопасность советских дальневосточных границ. Весной 1941-го, так же как и в 1940-м, Япония не планировала никаких серьезных военных конфликтов со своим северным соседом, и папки с различными вариантами плана «ОЦУ» лежали в сейфах генштабовских кабинетов.

Можно не сомневаться, что одним из факторов, повлиявших на решение высшего советского военно-политического руководства начать в апреле 1941-го переброску войск с Дальнего Востока на Запад, было наличие китайского фронта. При условии (с советской военной помощью) продолжения сопротивления Китая японской агрессии об окончании войны между двумя странами не могло быть и речи. Конечно, безопасность советского Дальнего Востока в первую очередь обеспечивала дальневосточная группировка РККА, значительно превосходившая по численности и вооружению Квантунскую армию. Но и наличие в течение нескольких лет китайского фронта имело в обеспечении этой безопасности очень большое значение. И об этом факторе не следует забывать историкам.

Глава пятая.

Война на Тихом океане

Север или Юг

Так же, как и в предыдущие годы, на Дальнем Востоке стояли друг против друга две вооруженные группировки. Амур и Уссури разделяли войска Советского Союза и Квантунской армии. Обе группировки были насыщены военной техникой, отмобилизованы и готовы вцепиться в горло друг другу по первому сигналу из Москвы или из Токио. Каким же был баланс сил к 1941 году? Кто обладал превосходством в силах и технике и для кого возможная схватка была предпочтительнее?

При разработке планов усиления вооруженных сил страны в Генштабе учитывали напряженность обстановки как на Западе, так и на Востоке, а также угрожающие события на фронтах Второй мировой войны после разгрома Франции и Англии на европейском континенте. Учитывалась и возможность, особенно во второй половине года, нападения на Советский Союз как Германии, так и Японии и угроза войны на два фронта. В этих условиях после окончания советско-финской войны летом 1940-го проводятся новые мероприятия по усилению дальневосточной группировки. Значительное увеличение вооруженных сил на Дальнем Востоке и нарастание там военной опасности требовали изменения структуры руководства советских войск. Существовавшая с июля 1939-го Фронтная группа уже не отвечала сложившейся обстановке. Поэтому было решено вернуться к уже проверенной форме управления войсками и снова развернуть Дальневосточный фронт, упраздненный в 1938 году.

С 1 июля по приказу Наркома Обороны № 0029 от 21 июня 1940 года снова разворачивается Дальневосточный

фронт (командующий – генерал-полковник Штерн). В Генштабе поняли, что в новой угрожающей обстановке замыкать на Москву руководство двумя Краснознаменными армиями нецелесообразно, и решили восстановить фронтовую систему управления. Фронт объединял 1-ю и 2-ю Краснознаменные армии, а также сформированную этим же приказом 15-ю армию. Тихоокеанский флот и Амурская флотилия подчинялись командующему фронтом (штаб в Хабаровске) в оперативном отношении. В это же время в Забайкальском военном округе формируется 16-я армия, а 1-я Армейская группа, дислоцированная в МНР, переименовывается в 17-ю армию, но без усиления численности. Помимо таких крупных формирований в Забайкалье формируются 4 дивизии – две танковых, одна моторизованная и одна мотострелковая, а также несколько бригад и полков. На границах с Маньчжурией появились и два новых укрепленных района.

Осуществление этих мероприятий потребовало усиления войск в дальневосточном регионе в 1940 году на 55 тысяч человек. Кроме того, в 1940-м на Дальний Восток было переброшено еще более 2000 орудий и минометов. После осуществления всех мероприятий 1940 года общая численность дальневосточной группировки составила 641 тысячу человек. На ее вооружении имелось 10 980 орудий и минометов и 6150 танков. С воздуха войска прикрывали 4540 самолетов. Советское командование сосредоточило на Дальнем Востоке к 1941 году более 20 процентов своих сухопутных войск, шестую часть орудий и минометов и почти третью часть танков от их количества в Красной Армии. Благодаря этому советские войска к 1 января 1941 года превосходили японскую группировку в Маньчжурии и Корее по численности в 1,5 раза, орудиям и минометам – в 4,8 раза и танкам – в 11 раз. По самолетам превосходство было в 4,5 раза – в

Маньчжурии и Кореи, по данным военной разведки (Разведсводка по Востоку № 1 на 1. 2. 1941 года), было 1050 самолетов. Баланс сил в этом регионе, так же как и в предыдущие годы, был в пользу Советского Союза.

Год 1941-й. Самый трудный, самый тяжелый год для обеих стран. Для Советского Союза в этом году – начало Великой Отечественной войны. Для империи – принятие решения о направлении главного удара и вступление в схватку за передел мира в союзе с Германией и Италией. Для Советского Союза – взятие Берлина и праздник Победы 9 мая. Для империи – день национального позора 3 сентября и подписание акта о безоговорочной капитуляции на борту флагмана американского флота линкора «Миссури». Флот империи был разгромлен, и третья держава мира прекратила свое существование. Но все это будет потом. А в начале 1941-го ни в Берлине, ни в Москве, ни в Токио никто не мог предвидеть таких событий. Обе наши разведки (ИНО и Разведупр) не строили долгосрочных прогнозов. В 1941-м прогнозирование событий на многолетнюю перспективу не было характерным для деятельности наших спецслужб. У обеих разведок не было тогда крупных аналитических центров, да и аналитиков соответствующего уровня тогда тоже не было. Поэтому по отношению к южному соседу основной задачей наших разведок было определение направления агрессии Японии. В том, что империя ввяжется в схватку за мировое господство, в Москве не сомневались. Слишком долго она готовилась к будущей войне, не скрывая этого. А вот куда нанесет удар? Над решением этой проблемы думали и на Лубянке, и в Большом Знаменском переулке. Думали об этом и в столице империи. В военно-политическом руководстве страны в течение всего предвоенного десятилетия шла ожесточенная борьба двух

группировок, определявших направление главного удара – на Север или на Юг.

В разработанных еще в 1923 году «Основах использования вооруженных сил» четко излагался принципиальный курс их применения, которого японское руководство неукоснительно придерживалось вплоть до возникновения в 1937 году «китайского инцидента». В «Основах» указывалось, что «... в принципе, операции против СССР следует проводить в основном силами императорской армии при поддержке части соединений военно-морских сил, в то время как операции против США необходимо вести главным образом военно-морскими силами при поддержке части соединений армии». До того времени, когда еще не предполагалось ведение широкомасштабной войны против Китая, специально планировались операции на случай возникновения необходимости направления частей армии и военно-морских сил в районы Северного, Центрального и Южного Китая.

К решительному удару в северном направлении Япония начала готовиться с первых дней существования Советского Союза, считая его своим самым опасным врагом. Японский генштаб армии ежегодно обновлял оперативные планы нападения на СССР. Захватив в 1931 году Маньчжурию, Квантунская армия приступила к созданию на ее территории плацдарма для завоевания восточных районов нашей страны. В то же время, в середине 1930-х годов, на милитаристские планы «крестового похода» на север все большее влияние стало оказывать продолжавшееся обострение японо-американских противоречий. Многолетняя политика США и западноевропейских держав, направленная на сдерживание вооруженной агрессии Японии на Юг, в зону их колониальных владений в Азии, и подталкивание японцев к войне против СССР, не могла сгладить усугубившиеся

разногласия западного мира с Японией. И та и другая стороны стали осознавать, что борьба за обладания природными богатствами Азиатского континента и бассейна Тихого океана не может решиться мирным путем.

Именно поэтому в 1936 году правящие круги Японии приняли решение о необходимости активизировать подготовку к войне сразу на двух направлениях: северном – против СССР и южном – против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжавшаяся в то время подготовка к широкомасштабной агрессии в Китае стала рассматриваться как составная часть экспансии на Юг, что нашло свое отражение в таких документах японского правительства, как «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил».

Хотя с того периода в числе главных противников Японии стал называться не только Советский Союз, но и США, война против СССР, как и прежде, рассматривалась в качестве неперемennого условия дальнейшей японской экспансии в Азии. В документе «Политический курс государства в отношении обороны страны», разработанном в середине 1930-х годов армейским генштабом, указывалось: «Хотя с точки зрения экономических нужд империи мы многое ожидаем получить в Китае и районах Южных морей, в политическом и военном отношении главным стратегическим оплотом является для нас Маньчжурия... Лишь ликвидировав угрозу на севере, возможно достичь целей политики государства в отношении Южных морей и Северного Китая». С таким выводом были согласны даже представители морского генерального штаба, которые всегда ориентировались на активные действия преимущественно в зоне Южных морей, против США и Великобритании. К примеру,

командующий 3-й эскадрой вице-адмирал Оикава, докладывая военно-морскому министру Нагано свое мнение по данному вопросу, отмечал: «Если мы выступим против России, то это будет война против врага, общего для всего мира, ибо СССР – страна коммунистическая... При этом можно ожидать соответствующих шагов и со стороны Германии».

В этот период, с середины 1930-х годов, в правящих кругах империи стали вестись постоянные споры относительно приоритетности того или другого направления, об определении первоочередного объекта нападения и о сроках реализации планов расширения экспансии на континенте.

Во главе сторонников форсирования подготовки к агрессии против Советского Союза стоял с начала 1930-х годов военный министр Араки. Он и его единомышленники поставили перед собою цель – осуществить нападение на СССР не позднее 1936 года, когда, по их мнению, «появятся и повод для войны, и международная поддержка, и все основания для успеха». Они настаивали на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против Советского Союза.

Оппозицию Араки и его приверженцам составляли сторонники последовательной и тщательной подготовки экономики и вооруженных сил империи, считавшие, что не следует спешить с реализацией планов войны против СССР, а сосредоточить внимание на укреплении позиций Японии в Китае. Представители оппозиций, возглавляемые генералами Нагато и Тодзио, заявляли, что для ведения «большой войны» против красной России «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для ведения всеобщей войны».

В середине 1930-х годов сторонники безотлагательного выступления против СССР составляли так называемую «северную» группировку

военных кругов Японии, которая опиралась на поддержку «молодых» промышленных концернов. Сферой приложения капиталов этих монополий являлись новые завоеванные территории.

Авантюризму «северной» группировки в определенной степени противодействовали влиятельные буржуазные лидеры политических партий и представители монополистических объединений из числа «старых» концернов, сферой деятельности которых была в основном промышленность собственно Японии. Более влиятельные «старые» монополии, имевшие большой вес в правительственных кругах, требовали сначала «переварить» Китай, а уж затем, овладев всеми его ресурсами, приступить к решению «северной проблемы». Они, конечно, не возражали против захватнических планов, направленных против СССР или Китая, но выступали за более осторожное развитие «континентальной политики». Они склонялись к мнению о целесообразности идти по пути «постепенного изживания дефектов в деле обороны империи, чтобы через десяток лет достичь полной готовности».

Со «старыми» концернами приходилось соглашаться даже некоторым известным своими антисоветскими настроениями представителям армии. Так, генерал Исихара, обращаясь к руководству военного министерства и армейского генштаба, заявлял: «Наиболее опасным для нас противником остается наш традиционный враг – Россия... Однако сейчас империя должна сконцентрировать свои усилия на увеличении своей экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза».

Планы овладения первоначально всем Китаем не вносили существенных изменений в военную политику Японии в отношении Советского Союза. В качестве

конечной победы японские империалисты всегда подразумевали победу над СССР. Военные операции на всех других направлениях (Маньчжурия, Китай, страны Южных морей и владения США и Великобритании) определялись как промежуточные.

Приступая летом 1937 года к новому этапу агрессии в Китае, японское военно-политическое руководство исходило из его скоротечности: после захвата важнейших административных и экономических центров Китая (вслед за чем, по мнению руководства, должна была последовать неизбежная капитуляция Китая), планировалось переключить все военные усилия на решение «северной проблемы», о чем свидетельствовали оперативные разработки генштаба японской армии.

Однако японские расчеты на скоротечную двух-трехмесячную кампанию в Китае провалились, и вооруженная борьба на китайском фронте, несмотря на первоначальные успехи японских войск, приняла затяжной характер. В условиях все большего вовлечения в военные действия в Китае Япония не осмеливалась открыть еще один фронт на севере. В январе 1938 года германский генштаб сухопутных войск по военно-дипломатическим каналам сделал запрос о сроках возможного начала военных действий Японии против Советского Союза. Представитель японского генштаба армии передал через германского военного атташе, что подготовка к войне с Советами ведется усиленными темпами. Вместе с тем, ссылаясь на трудности войны в Китае и на финансовые проблемы Японии, представитель генштаба указал, что «для подготовки войны против СССР Японии потребуется еще не менее года, но не более двух лет».

Готовясь к антисоветской агрессии, военно-политическое руководство Японии во второй половине 1930-х годов не могло не учитывать изменившееся

соотношение сил на Дальнем Востоке. Наиболее трезвые японские политики понимали, что Япония еще не готова к серьезной войне с таким сильным противником, как СССР. Они опасались преждевременного развязывания войны и считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно лишь после того, как появится уверенность в поддержке действий Японии другими державами. При этом особые надежды возлагались на совместное выступление против СССР с Германией, в связи с чем в правящих кругах империи зародилась идея заключения военного союза с европейскими союзниками Японии по антикоминтерновскому пакту.

Весной 1938 года японские дипломаты в западных странах развернули усиленную работу по сколачиванию антисоветского фронта для ускорения сроков начала войны против СССР как на Востоке, так и на Западе. Одной из целей этой деятельности было обеспечение императорской армии военным имуществом, а промышленности – сырьем и кредитами, необходимыми для быстреего завершения затянувшейся войны с Китаем. Кроме того, в Токио стремились к тому, чтобы в случае японо-советского столкновения поставки в Японию военных материалов не только не прекращались, но и возрастали.

Мюнхенский сговор правящие круги Японии восприняли как сигнал к началу объединенного нажима на СССР. В Токио полагали, что, организовав ряд инцидентов на советской границе и сумев при этом добиться успеха, можно будет поднять авторитет Японии в глазах западных держав и пресечь советскую помощь Китаю, что вынудит китайцев пойти на капитуляцию. Кроме того, в начальный период боев на Халхин-Голе японское руководство рассчитывало, что Германия поддержит действия Японии с Запада.

Бои в районе Халхин-Гола использовались и как важный фактор поощрения западных держав не только на продолжение, но и на активизацию политики умиротворения Японии. В условиях появления явных признаков решительной японской экспансии на Юг необъявленная советско-японская война представлялась Западу как возможность отвлечь внимание Японии от его владений в Азии и на Тихом океане. Ради этого западные державы готовы были пойти на значительные уступки Японии. Японское же руководство, со своей стороны, не могло упустить возможность шантажирования Запада. Существует достаточно оснований считать, что японские лидеры рассматривали свою халхингольскую авантюру как важнейший козырь в дипломатической игре с западными колониальными державами, что подтверждается и японскими документами. В «Секретном оперативном дневнике» Квантунской армии в связи с началом событий на границе МНР была сделана запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советских войск... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией».

Но если в отношении Великобритании подобные расчеты оправдались, то в отношениях с США они не дали ожидаемых результатов. 26 июля 1939 года США объявили об аннулировании японо-американского договора о торговле и мореплавании, заключенного еще в 1911 году. Этот шаг был предпринят после того, как Япония неоднократно игнорировала американские протесты по поводу действий японских войск в Китае. Аннулирование договора стало серьезным предупреждением для Японии. Оно явилось первым шагом на пути взаимного отчуждения США и Японии.

Таким образом, после длительных дебатов в правящих кругах Японии к концу 1930-х годов

большинство стало склоняться к нанесению первоначального удара на Юге – против США, Великобритании, Франции и Голландии для захвата их владений в Азии. Сторонники экспансии в зону Южных морей обосновывали свою позицию тем, что удар на Юг потребовал бы, по их мнению, значительно меньше сил, ибо никто из западных держав не имел значительного количества войск в своих колониях, а в связи с обострением обстановки в Европе они не имели возможности уделить достаточного внимания Дальнему Востоку.

В качестве причин неприемлемости северного варианта приверженцы удара на Юг называли поражение японских войск на Халхин-Голе, имевшее большой международный резонанс, наличие крупной группировки советских войск на Дальнем Востоке, невозможность немедленного решения проблемы стратегического сырья даже в случае быстрого успеха удара на севере, необходимость значительного количества войск для оккупации захваченной территории советского Дальнего Востока и неизбежность распространения широкого партизанского движения в тылу японских войск. При этом опыт прошлой интервенции учитывался в японском генштабе в полной мере. В общем, на Севере – одни трудности и никаких реальных выгод.

Поскольку для борьбы против западных стран требовался сильный военно-морской флот, Япония тратила на его создание огромные средства. К 1937 году его общее водоизмещение достигало 1900 тысяч тонн, и по мощи своих военно-морских сил Япония вышла на третье место после Великобритании и США.

Собираясь действовать на Юге, японское командование рассчитывало в первые же дни внезапными ударами изменить соотношение сил в свою пользу. Большие надежды морской генштаб возлагал на

превосходство японского флота в авианосцах и палубной авиации. Кроме того, императорская ставка собиралась максимально использовать выгодные стратегические позиции на Каролинских, Марианских, Маршалловых островах и островах Волкано и Бонин, что обеспечивало японским вооруженным силам ведение активных военных действий во всей центральной части Тихого океана, а наличие плацдармов на Тайване и в Южном Китае давало возможность без труда проникнуть в зону колониальных владений Запада в Юго-Восточной Азии.

Поражение японских войск на Халхин-Голе показало, что императорская армия еще не готова к единоборству с Красной Армией. «Японии потребуется еще два года, чтобы достичь уровня техники, вооружения и механизации, который продемонстрировала Красная Армия в боях у Номонхана (на реке Халхин-Гол)», – говорил германскому послу в Токио Отту премьер-министр Коноэ после прихода к власти. Именно по причине выявившейся слабости императорской армии решение «северной проблемы» откладывалось до начала неизбежного столкновения фашистской Германии с Советским Союзом.

Склоняясь к тому, чтобы направить свои основные усилия в зону южных морей, военно-политическое руководство Японии не отказалось от агрессивных планов против «Севера». И если действия на Юге предусматривалось вести в основном силами флота, то армия по-прежнему ориентировалась на войну с Советским Союзом.

После начала Второй мировой войны императорская ставка с учетом обстановки в Европе начала разработку стратегических планов ведения военных действий на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. При этом предусматривались оба варианта – как северный, так и южный. При «движении на север», в случае удачи,

предусматривался не только захват советской территории до Байкала, но и успешное решение китайской проблемы. В Токио рассчитывали на то, что в случае успешных действий против советских войск Чан Кайши пойдет на мировую, и затянувшийся «китайский инцидент» благополучно закончится. Кроме того, ярый антисоветизм в политике и стратегии мог надежно прикрыть разработку планов и подготовку к войне со своими конкурентами в Азии: Англией и США.

Группа «Рамзай» информирует. 1941 год

Зорге – выдающийся разведчик XX века, а 1941 год – апофеоз его разведывательной деятельности. Под этой истиной поставит свою подпись любой журналист, писатель и историк. Автор не составляет исключения. Но ставя априори свою подпись, он пытается анализировать сообщения группы «Рамзай» за 1941 год. Причем анализировать все, что было опубликовано, начиная от первых публикаций 1965 года до наших (2002 год) дней. При таком анализе появляются интересные закономерности, которые автор и хочет представить читателю.

Первые книги о Зорге были быстро написаны и выпущены в 1965—1966 годах сразу же после его реабилитации осенью 1964-го. Сергей Голяков и Владимир Позин в книге «Рихард Зорге» цитируют радиogramмы, полученные в Москве из Токио. 11 апреля «представитель генштаба в Токио заявил, что сразу после окончания войны в Европе начнется война против Советского Союза». 2 мая – «Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР... Критические сроки возможного начала войны: завершение разгрома Югославии, окончание сева, окончание переговоров Германии и Турции...». 15 мая – «Нападение Германии произойдет 20—22 июня». И последняя «знаменитая» радиogramма перед началом войны, на которую так любили ссылаться в дальнейшем советские историки. 15 июня – «Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня». За неделю до начала войны советский разведчик, сидевший не в Берлине, а на другом конце земного шара, якобы точно

предсказал не только день, но и время начала войны. Знай наших!

Юрий Корольков выпустил книгу «Человек, для которого не было тайн». Автор пишет, что первое сообщение о подготовке Германии к нападению на Советский Союз поступило из Токио за месяц до подписания плана «Барбаросса». Шифровка была якобы передана 18 ноября 1940 года. Текста этой телеграммы в книге нет. Автор также повторил телеграмму от 11 апреля, датировав ее серединой марта, а также телеграмму от 2 мая. Он не цитировал телеграмму от 15 мая, ограничившись в книге фразой «15 мая Рихард уточняет: война может начаться в июне», но сообщает о новой радиограмме от 19 мая: «Против Советского Союза будет сосредоточено 9 армий, 150 дивизий», и о радиограмме от 1 июня: «Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружить и изолировать отдельные группы». И, конечно, была повторена «знаменитая» радиограмма от 15 июня.

Еще один журналист Михаил Колесников выпустил книгу «Таким был Рихард Зорге». Он так же, как и Корольков, пишет о предупреждении Центра от 18 ноября, но не говорит о том, что было в этом предупреждении. Но дает и новую радиограмму от 28 декабря: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков – Москва – Ленинград...» Далее в книге говорится о новых радиограммах Зорге от 6 и 30 мая. В радиограмме от 30 мая говорилось: «Риббентроп заверил посла Отта в том, что Германия совершит нападение на Советский Союз во второй половине июня. Это не подлежит сомнению. Отт на 95% уверен, что война вот-вот начнется...» И еще одна радиограмма в этой книге без указания даты ее отправления: «Военный атташе Шолль заявил:

следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружить и изолировать различные группы. Война начнется 22 июня 1941 года». Колесников утверждает, что последняя предвоенная радиограмма Зорге с предупреждением о нападении была послана 17 июня и приводит ее текст: «Повторяю: 9 армий из 150 дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

И еще один пример. Небольшая брошюра была написана через 10 лет в 1976 году: «Подвиг Рихарда Зорге». Автор – профессиональный историк, профессор, доктор исторических наук Федор Волков. В аннотации указывается, что им использовались новые документы из архивов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Министерства обороны СССР, архивные дипломатические документы. Что же пишет маститый историк о работе советских разведчиков в первой половине 1941 года, какой новый документальный материал добавляет он? То же сообщение от 18 ноября о подготовке Германии к нападению на СССР без каких-либо конкретных фактов, та же телеграмма от 28 декабря. Волков цитирует новую телеграмму от 11 марта: «Среди высшего немецкого офицерства и кругов Гиммлера проявляются резкие антисоветские тенденции. ВАТ (военный атташе Кречмер) считает, что после окончания войны с Англией должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза. Рамзай», и повторяет телеграмму от 11 апреля. Цитирует он и новую радиограмму от 17 апреля и опять же повторяет текст радиограммы от 6 мая. Волков пишет, что в начале мая Зорге отправил радиограмму: «Ряд германских представителей возвращается в Берлин. Они полагают, что война с СССР начнется в конце мая». Точную дату отправления он не указывает. Но более полно цитирует телеграмму от 19 мая. И,

конечно, к достоинству этого исследования следует отнести публикацию почти полного текста телеграммы от 30 мая: «Германский посол в Токио Отт заявил, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт уверен на 95%, что война начнется. Косвенные доказательства для начала войны таковы: технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание вернуться в Германию. Отт потребовал от ВАТ, чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука через СССР сокращен до минимума». Волков опубликовал часть телеграммы от 1 июня, где говорилось, что «... начало советско-германской войны ожидается 15 июня», и первую половину телеграммы от 15 июня, где срок возможного нападения отодвигался на конец месяца: «Немецкий курьер сообщил, что между СССР и Германией начнется война в конце июня. Рамзай».

А вот дальше в своем исследовании Волков цитирует телеграммы, содержание которых находится почти на грани фантастики. «На восточной границе, – доносит Зорге в Центр после уточнения беседы с Шоллем, – сосредоточено от 170 до 190 дивизий, все они либо танковые, либо механизированные. Наступление немецкой армии будет проводиться по всему фронту. Главные его направления будут обращены против Москвы и Ленинграда, а затем против Украины...» Дату передачи этой радиограммы Волков не сообщает. Дату передачи другой тоже странной радиограммы он указал – 17 июня. Стоит привести текст этого документа, так как он вызвал наибольшее количество нареканий и сомнений у тех, кто анализировал информацию Зорге: «На советско-германской границе находится 9 немецких армий. По американским источникам, Германия имеет на границах против СССР 900 тысяч человек в первой линии и около

одного миллиона как резерв. Рамзай». Характерно, что он в своем небольшом по объему исследовании не упоминает «знаменитую» радиограмму, где якобы говорится о точной дате и даже времени («на рассвете») нападения Германии на СССР. Очевидно, некоторые историки разбирались в событиях лучше, чем писатели и журналисты, и не стремились брать грех на душу.

В советские времена скудные крупницы документальной информации о разведывательной деятельности группы «Рамзай», которые давало в печать ГРУ, канонизировались. Любая критика достоверности этой информации никогда бы не прошла через цензурные рогатки и не появилась бы в печати. Поэтому все то, что публиковали избранные руководством ГРУ авторы, считалось истиной в последней инстанции. И любые сомнения, и любая критика информации из Токио могла быть высказана только после августа 1991-го.

В конце 1991 года в небольшом по размерам литературном журнале «Молодая гвардия» была опубликована знаменательная статья, которая имела к истории обеих разведок прямое отношение. Доцент Валентин Сахаров дал своей статье заголовок «Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге...)». С момента публикации статьи прошло ровно десять лет, но серьезного аналитического ответа с анализом новых информационных донесений разведки так и не последовало. Обе наши разведки (ГРУ и СВР) не комментируют критические выступления в свой адрес и не вступают в полемику с авторами статей.

Одну цитату из статьи стоит привести полностью: «Страна отметила 50-летие начала Великой Отечественной войны. Эта война для советских людей в значительной степени остается войной неизвестной. Мы живем в мире исторических легенд. И одна из этих

легенд связана с деятельностью нашей разведки по раскрытию военно-стратегического замысла фашистской Германии накануне Великой Отечественной войны». Можно заменить 50-летие 60-летием, и она будет звучать так же актуально, как и 10 лет тому назад. За это время значительно прибавилось опубликованных и рассекреченных в архивах информационных документов обеих разведок. Но многие исторические легенды, связанные с деятельностью наших разведок, так и не рассеялись.

Рихард Зорге – величайший разведчик XX века. Это утверждение было задано нашим журналистам и историкам сразу же после первых газетных публикаций о нем. Именно задано руководством военной разведки, поскольку ни один из авторов, писавший о Зорге в 1960 – 1970-е годы, не получил доступа ко всем материалам, полученным от группы «Рамзай», и не мог иметь полное, а главное, правдивое представление о его разведывательной деятельности. Поэтому, когда не хватало фактов и аргументов для подтверждения эпитетов «величайший» и «выдающийся», в дело шли прямые фальсификации. Так было со «знаменитой» радиограммой от 15 июня, когда Зорге якобы за неделю до нападения сообщил Сталину точную дату начала войны – 22 июня. Действительно, 15 июня Зорге отправил в Москву две радиограммы. Их достоверные тексты сейчас опубликованы. Но в этих радиограммах даты 22 июня нет.

Перед проведением Токийского международного симпозиума, посвященного Рихарду Зорге, один из докладчиков Микумо, побывавший в России, обратился с вопросом к сотруднику отдела информации Министерства обороны Никанорову. Японского исследователя интересовал вопрос – сообщил ли Зорге точную дату нападения Германии на Советский Союз, как об этом писали раньше некоторые авторы книг о

Зорге. Ответ был категоричным: «Среди хранящихся материалов об отношениях между Советским Союзом и Германией нет документов, в которых бы сообщалась точная дата нападения. Таких телеграмм нет. В сообщениях Зорге указывалось довольно точное время начала военных действий – вторая половина июня. Что касается указания Зорге на 22 июня 1941 года как время начала войны, то я думаю, что его придумали авторы книг о Зорге. После того как имя Зорге стало знаменитым, некоторые авторы для придания большего интереса своим произведениям, скорее всего, подправили сообщение Зорге».

16 июня 2001 года «Красная звезда» опубликовала материалы круглого стола, организованного в редакции в преддверии 60-й годовщины начала войны. Одному из участников, полковнику СВР Владимиру Карпову, был задан вопрос: «Еще в 60-е годы опубликовали телеграмму „Рамзая“ с предупреждением: война начнется 22 июня. После этого и говорилось, что Зорге точно назвал дату». Ответ сотрудника пресс-бюро был категоричным: «К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказала однозначно, что война начнется 22 июня». Представители обеих разведок поставили точку в достоверности некоторых «сообщений» Зорге, о которых писали авторы в 1960-е годы. Через 10 лет после публикации статьи Сахарова было покончено с одним из мифов о Зорге.

Если проанализировать публикации 1960 – 1970-х годов с позиций сегодняшнего дня и той документальной информации, которая была опубликована к этому времени, то выявится интересная закономерность. Каждому автору разрешали публиковать определенное количество радиogramм. При этом достаточно достоверные радиogramмы (28 декабря, 11 марта, 2 и 30 мая) перемежались с

сомнительной информацией (сообщение от 18 ноября) и явной фальсификацией (15 мая, 15 и 17 июня). Конечно, для разведки заманчиво сказать, что еще за месяц до подписания плана «Барбаросса» советский разведчик, да еще из Токио, а не из Берлина, предупреждал Москву об опасности нападения. Но в таком случае надо было что-то сообщить и о содержании этой информации. Нельзя также все сваливать на авторов публикаций 1960 – 1970-х, когда речь идет о точной дате нападения на Советский Союз. Любая публикация о Зорге в то время проходила строгую цензуру ГРУ. И цензорам из этой организации достаточно было просто вычеркнуть явную фантазию любого автора. И если этого не было сделано, то только потому, что публикации подобных фантазий работали на имидж советской военной разведки и на имидж и популярность самого ГРУ. Соблюдение исторической правды здесь уже никого не интересовало.

* * *

Серьезный анализ информации группы «Рамзай» в 1941 году стал возможен только в последние годы. Эпоха фальшивых радиogramм и авторских фантазий – в прошлом. Вышел в свет сборник документов об истории военно-политического противоборства Советского Союза и Японии в 1930 – 1940-е годы, в котором впервые были опубликованы полные тексты радиogramм группы за 1941 год. Конечно, не все, но, что было опубликовано, можно анализировать, не опасаясь очередной фальсификации. В 2000 году исследователь Фесюн опубликовал книгу «Дело Зорге» с подзаголовком «Неизвестные документы». Это наиболее полная подборка документов, которые были взяты из «Дела Зорге», хранящегося в архиве ГРУ. В

предисловии Фесюн подчеркивает, что это, к сожалению, только малая часть документов, хранящихся в этом деле. Но, как говорится, процесс пошел, и лучше мало, чем ничего.

Первое серьезное предупреждение об угрозе со стороны Германии поступило из Токио 28 декабря 1940 года. В радиограмме отмечалось: «... с целью воздействия на политику СССР Германия на своих восточных границах, включая Румынию, имеет 80 дивизий. Если СССР будет активно предпринимать действия, противоречащие интересам Германии, то Германия сможет оккупировать территорию по линии Харьков - Москва - Ленинград...» В руководстве Разведупра информацию признали серьезной, и она была доложена Сталину и Молотову, то есть первым лицам государства. Естественно, что подобное сообщение в разведке всегда стараются неоднократно перепроверить, и руководство Разведупра наложило на шифрограмме резолюцию: «Необходимо перепроверить». Подтверждение этой информации поступило в Москву на следующий день. Вечером 29 декабря на стол начальника Разведупра легла расшифрованная радиограмма из Берлина.

Вот полный текст этого документа: «Альта сообщил, что Ариец от высокоинформированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений». Телеграмма была подписана «Метеором». Это был псевдоним помощника военного атташе Скорнякова. Начальник Управления Голиков потребовал перепроверить информацию и через пять дней доложить ему результаты перепроверки. Телеграмма была разослана по списку рассылки № 1: Сталину, Молотову, Наркому Обороны Тимошенко и Начальнику Генштаба Мерецкову. «Альта» была руководителем

разведывательной группы Разведупра в Германии Ильзой Штёбе, а «Ариец» – ее ценнейшим информатором, немецким дипломатом Рудольфом фон Шелия.

Соответствующее приказание «Метеору» было отправлено. «Альта» запросила у «Арийца» подтверждение. И уже 4 января в Москву поступила новая радиограмма «Метеора», в которой говорилось: «Ариец подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам». Берлин перепроверил и подтвердил информацию Токио. Вторая радиограмма «Метеора» также была разослана по списку рассылки № 1.

На радиограмме из Токио была и еще одна резолюция: «Сомнительное сообщение». Эту фразу можно было бы отнести на счет продолжавшего проявляться с 1937 года недоверия руководства разведки к Зорге и членам его группы. А можно предположить, что она относилась к цифре 80 дивизий, которые якобы были сосредоточены к 1941 году у советских границ. В этой телеграмме есть интересная фраза: «Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена». Военный атташе, называя цифру в 80 дивизий, вынужден признать, что это несколько многовато. Очевидно, он руководствовался указаниями, полученными в циркулярной шифрограмме из Берлина: «О силе немецких войск желательно сохранять неясность. В случае необходимости дать ответ относительно количественного состава войск, поощряйте всякую фантазию». Возможно, что перед отправлением на Восток его ознакомили и с указаниями ОКВ от 6 сентября 1940 года, в которых рекомендовалось: «Преувеличивать состояние и уровень соединений,

особенно танковых дивизий». Вот он как исполнительный офицер разведки и преувеличивал да фантазировал. Цифра в 80 дивизий была сильно преувеличена. В действительности по немецким трофейным документам на 1 ноября 1940 года на Востоке было сосредоточено всего 32 немецкие дивизии, а на 4 апреля 1941 года – 47 дивизий. Так что эта цифра в радиограмме Зорге была стопроцентной дезинформацией. Конечно, Зорге не мог знать ни указаний ОКВ, ни циркулярной шифрограммы, но Москве было от этого не легче.

18 января 1941 года в Москву поступили две радиограммы из Токио. Зорге, ссылаясь на информацию, полученную от посла Отта, сообщал, что основной задачей внешней политики Японии является «развитие пакта трех держав в военный союз с наступательными акциями Японии против Сингапура и, если будет необходимо, и против Америки». Во второй телеграмме было сообщение о готовящейся поездке министра иностранных дел Мацуока в Берлин. Цель поездки – обсуждение с руководством Германии вопросов пакта трех держав. В конце телеграммы была фраза: «... возможно, что Мацуока попытается дать новое развитие вопросу переговоров между СССР и Японией». Дипломатическое руководство в Москве получило первое сообщение о возможности со стороны Японии активизировать японо-советские отношения. Это позволяло наметить возможное направление во взаимоотношениях между двумя странами с учетом быстро меняющейся политической обстановки в Европе.

10 марта Москва приняла две радиограммы «Рамзая». Информации было много, и обе радиограммы Клаузен передавал по частям. Всего было передано пять частей (№№ 87—91). Премьер Коноэ беседовал с германским послом и разъяснил ему цели поездки Мацуока в Германию. Министр иностранных дел

империи должен был усилить энтузиазм перед пактом трех держав, который быстро ослабевает в Японии после поражений Италии в войне с Англией. Интересовали руководство Японии и дальнейшие действия Германии против Англии – будет ли высадка на британские острова. В Токио не исключали возможность заключения мира между Германией и Англией. В этом случае планы Японии по захвату Сингапура и продвижению на Юг ставились под сомнение. Наиболее ценной в радиোগрамме была информация о намерениях Японии в отношении Советского Союза. Зорге подтверждал предыдущую информацию о возможности заключения пакта о ненападении между двумя странами.

Во второй радиোগрамме говорилось о беседе Зорге с новым военным атташе германского посольства в Токио. Военный дипломат рейха говорил о резких антисоветских тенденциях среди высшего немецкого офицерства и окружения Гимлера. Он считал, что «по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза». Это утверждение атташе, переданное советским разведчиком в Москву, было явной дезинформацией. Все мероприятия по плану «Барбаросса» предусматривали скоротечную войну с СССР до окончания войны с Англией. А какие-либо признаки окончания войны между двумя странами не просматривались даже в перспективе. Но, несмотря на эту информацию, обе радиোগраммы произвели самое благоприятное впечатление в Центре. Копии радиোগрамм были отправлены Сталину и Молотову, а «Рамзаю» была отправлена радиোগрамма: «Ваши №№ 89, 90, 91, 87, 88 имеют значение. Д.». Индексом «Д» телеграммы подписывал начальник Разведупра Голиков. Сомнений в достоверности информации, как это было в конце декабря, теперь уже не было.

15 марта в Москву поступила короткая радиограмма. Отт показал своему другу доктору Зорге текст телеграммы Риббентропа. Текст был коротким, и советскому разведчику удалось его запомнить и передать в Центр: «Я прошу Вас при этом всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами побудить Японию к немедленному наступлению на Сингапур». Битва за Англию продолжалась, и в Берлине хотели с помощью своего союзника открыть против Англии еще один фронт на Дальнем Востоке и попытаться оттянуть туда часть военно-морского флота и авиации Великобритании. Информация была признана очень ценной и по распоряжению Голикова направлена Сталину, Молотову, Тимошенко и Жукову, который сменил Мерецкова на посту начальника Генштаба.

18 апреля новая большая радиограмма из Токио, переданная в четыре приема. Содержание радиограммы было посвящено внешней политике Японии после заключения советско-японского договора. Информация поступила от Одзаки, который посетил премьера Коноэ и имел с ним беседу о войне в Китае и о взаимоотношениях с Америкой в китайском вопросе. Наиболее ценной и интересной для Москвы была концовка радиограммы. Зорге сообщил: «Отто» (Одзаки) имеет некоторое влияние на Коноэ и других лиц и может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему». Он также сообщил, что «... имеет некоторое влияние на германского посла Отта и может подталкивать или сдерживать его от оказания давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура». Резидент в Токио просил указаний о том, как действовать: подталкивать ли Японию в южном направлении, чтобы обезопасить Дальний Восток, или отойти в сторону.

Пожалуй, впервые, если судить только по опубликованным документам, советские разведчики

превращались в агентов влияния на таком высоком уровне, как премьер страны пребывания и посол дружеской державы. И перед руководством военной разведки встал вопрос – как поступить. Дать ли согласие на оказание давления, пойдя на известный риск разоблачения разведчиков, или не рисковать и представить событиям развиваться своим чередом? Через несколько дней размышлений и взвешиваний всех «за» и «против» руководство Разведупра решило не рисковать. 24 апреля была отправлена радиограмма «Рамзаю». В ней подчеркивалось, что «... основной задачей является своевременное и достоверное сообщение обо всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР... Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит, и заниматься этим не следует».

Начиная с начала мая в сообщениях «Рамзая» преобладает информация о взаимоотношениях Германии и СССР и об угрозе нападения на нашу страну. Первая радиограмма была отправлена в Москву 2 мая. Зорге беседовал с послом и военно-морским атташе. Обсуждали вопрос о возможности нападения Германии и сроках нападения. Посол заявил разведчику: «Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой». Относительно возможных сроков нападения оба немецких дипломата были едины – время окончания сева в СССР или окончание переговоров между Германией и Турцией. По их мнению, «если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна». В радиограмме была и ключевая фраза: «Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в

мае, либо после войны с Англией». Но Гитлер уже 30 апреля принял решение о начале войны и определил день нападения – 22 июня. И начало войны планировалось вне зависимости от того, будет ли к этому времени окончена война с Англией или нет. Поэтому эта фраза в телеграмме советского разведчика была чистой дезинформацией. Голиков наложил резолюцию: «Дать в пять адресов», то есть отправить текст телеграммы руководству страны.

В телеграмме от 10 мая основной была информация о нажиме Германии на Японию с целью ее выступления против Сингапура. Военно-морской атташе Венекер запросил руководство военно-морского флота Японии о перспективности совместного германо-японского выступления против Англии. Берлин очень торопил своего дальневосточного союзника, рассчитывая на то, что тот ввяжется в мировую войну и откроет новый фронт в Азии. Адмирал Кондо заявил своему немецкому коллеге: «Японский флот сделал все приготовления для нападения на Сингапур, которое будет проведено в нужный момент, когда не будет другого выхода. Но пока есть возможность получать важное сырье из США, подходящий момент еще не наступил». Отт сообщил Зорге, что Гитлер дал понять Мацуока, что он ждет определенных и быстрых действий со стороны Японии против Сингапура. Германия толкала Японию к войне, а той хотелось еще выгодно поторговать с Америкой. Информация о беседах с Венекером и Оттом ушла в Москву, и Голиков наложил на текст радиогранмы резолюцию: «Дать в пять адресов», то есть сообщить всем, от Сталина до Жукова.

Две телеграммы от «Рамзая» поступили в Москву 19 мая. В одной из них сообщалась информация Одзаки о том, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР

Япония начнет военные действия против Владивостока. Информация Одзаки не вызывала сомнений в Москве и с той же резолюцией Голикова: «Дать в пять адресов» была отправлена «наверх». Во второй радиোগрамме Зорге, ссылаясь на информацию германских представителей, прибывших из Берлина, сообщает новые сроки возможного нападения Германии на СССР – конец мая, а также указывает численность немецких дивизий, сосредоточенных на советских границах – 150. Эта радиোগрамма не вышла из стен Управления. В ней были указаны более конкретные сроки нападения, но до точной информации (22 июня) было еще далеко. Что касается численности германской армии у наших границ в 150 дивизий, то она совершенно не соответствовала действительности. Разведупр получал информацию о сосредоточении германской армии из различных источников. И на 15 мая немецкая группировка на Востоке оценивалась в 119 дивизий, из которых якобы 13 танковых и 12 моторизованных. Общая цифра дивизий была значительно ниже той, которую сообщил Зорге. Но и она была сильно преувеличена. В действительности по немецким документам, ставшим известными после войны, у советских границ к 15 февраля было сосредоточено 66 пехотных, три танковые, одна моторизованная и одна кавалерийская дивизии. Всего 71 дивизия. Так что цифра, указанная Зорге, более чем в два раза превышала истинную цифру, была явно дезинформационной и в точности соответствовала директивам по стратегической дезинформации: «Преувеличивать состояние и уровень соединений, особенно танковых дивизий».

30 мая в Москве была получена одна из ценнейших радиোগрамм Зорге: «Берлин информировал Отт, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война

начнется...» Впервые за весь 1941 год Зорге сообщил достаточно точное время начала войны. Но эта радиограмма не вышла из Управления и предполагаемые сроки нападения не были доложены пятерке руководителей страны. Что послужило причиной? Одна из версий – предыдущая информация Зорге о возможном нападении в конце мая. Май прошел, а нападения нет – информация не подтвердилась, разведчик передал в Центр «дезу». Вольно или невольно – другой вопрос. Но факт передачи ложной информации был бесспорный, и недоверие к Зорге у руководства разведки, конечно, возросло.

1 июня радиограмма из Токио дополнила сообщение от 30 мая: «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда он выехал 3 мая...» В беседе с Зорге Шолль также сообщил, что, по его мнению, «наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии». Вот такая информация была получена в Москве. Эта телеграмма, так же как и предыдущая, не вышла из стен Управления и не была доложена руководству страны. Голиков усомнился в правильности указания Шолля о левом фланге и велел отправить Зорге телеграмму с требованием уточнить этот вопрос. Резолюция начальника Управления была жесткой, с явно выраженным недоверием к информации «Рамзая»: «... Как он сам считает, по существу, правильно или нет указание Шолля о левом фланге. В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая».

Информация из Токио продолжала поступать в Москву. 15 июня – очередная радиограмма: «Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает –

будет война или нет...» В этой же телеграмме сообщалась и позиция Японии в случае войны Германии с Советским Союзом. Зорге удалось увидеть начало телеграммы, которую Отт направил в Берлин. В ней говорилось, что «Японии потребуется около шести недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцы потребуют больше времени, потому что это будет война на суше и на море». И последняя радиограмма перед войной поступила от Зорге 20 июня. Советский разведчик сообщил: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии...» Еще одно, на этот раз последнее перед войной, предупреждение Москвы из Токио. Характерно, что в опубликованном тексте этой телеграммы нет никаких резолюций и пометок о рассылке.

Рассмотрены все достоверные и опубликованные в печати радиограммы Зорге за первую половину 1941 года. И возникает естественный вопрос – вся ли информация Зорге за этот период рассекречена и опубликована? Фесюн во введении к своей книге «Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы» пишет, что первоисточником послужило «Дело Зорге», хранящееся в Главном разведывательном управлении, малая (к сожалению) часть которого была рассекречена сравнительно недавно. Поэтому можно не сомневаться, что остались «за кадром» и какие-то радиограммы, посланные в Москву в первой половине 1941 года, и его отчеты и аналитические записки за этот же период, где он более подробно анализирует обстановку в Японии и подготовку Германии к нападению на СССР. Следует учитывать и то, что информация Зорге из немецкого посольства о подготовке Германии к войне с Советским Союзом не являлась основной для Разведупра. Основная

информация поступала из Германии и других стран Европы. Эта информация тщательно проверялась и перепроверялась и выводы руководства военной разведки (доклад Голикова от 20 марта) основывались на анализе именно этой информации. Информация Зорге по Германии носила вспомогательный характер. Естественно, что в начальном периоде (вторая половина 1960-х годов), когда кроме этой информации историкам и исследователям не было ничего известно, информация Зорге выглядела очень солидно и авторитетно и считалась истиной в последней инстанции. Но после августа 1991-го произошел такой информационный прорыв в этом направлении, что информация «Рамзая» отошла на второй план.

Если проанализировать всю информацию из Токио о подготовке Германии к нападению на Советский Союз за первую половину 1941 года, то можно сделать некоторые выводы. Основным источником информации для Зорге был германский посол и военный атташе. Они сообщали ему информацию о намерении Германии напасть на Советский Союз, говорили о возможных сроках нападения, численности германской армии у советских границ и направлении главных ударов. Их информация подкреплялась сведениями германских представителей, которые посещали Токио. Это относилось к периоду мая – июня, то есть когда взаимоотношения между Германией и СССР были накалены до предела и любая правдивая информация имела для Москвы первостепенное значение.

В телеграмме от 2 мая после беседы с послом и морским атташе указывались возможные сроки нападения: после окончания сева, после войны с Англией, – решение будет принято Гитлером в мае. Вся эта информация – «деза». В телеграмме от 19 мая со ссылкой на германских представителей, прибывших из Берлина, сообщался новый срок начала войны – конец

мая и численность немецкой армии у границ СССР – 150 дивизий. И то и другое – стопроцентная «деза». В телеграмме от 1 июня сообщалось со ссылкой на военного атташе в Бангкоке Шолля, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии. Германская группа армий «Север», дислоцированная в Восточной Пруссии, была самой слабой и главного удара не наносила. Главные удары наносились правым флангом группы армий «Центр» к Смоленску с поворотом на Север и группой армий «Юг» к Днепру с поворотом на Юг, то есть севернее и южнее припятских болот. Информация Шолля также была «дезой».

Чем же объяснить такую постоянную дезинформацию, которая шла из одних и тех же источников? И здесь нельзя не согласиться с Сахаровым, который в своей знаменательной статье, опубликованной еще в конце 1991-го, высказал предположение, объясняющее эту ситуацию. Немецкая контрразведка делала все возможное, чтобы как можно шире распространить дезинформацию о будущем конфликте с Советским Союзом. Всем военным атташе предписывалось специальным циркуляром распространять всяческие фантазии, чем они, как дисциплинированные офицеры, и занимались, надеясь, что их «деза» дойдет до неведомого резидента советской разведки. Отт и Шолль были не только дипломатами, но и профессиональными разведчиками. В их функции входила задача распространения дезинформации о военных замыслах вермахта. Этим, очевидно, и объясняется то, что в кулуарах германского посольства в Токио «свободно» обсуждались вопросы не просто государственной тайны, а сроки нападения, численность армии вторжения и направление главных ударов, которые были высшей тайной рейха, то есть тайной, лежащей далеко за пределами

профессиональных интересов дипломатов. Оба дипломата-разведчика отлично знали, что журналист, с которым они беседовали, по роду своей деятельности имеет широкие и разнообразные контакты и активно, вне контроля, обменивается информацией. Возможно, именно поэтому журналисту Рихарду Зорге, которого никто ни в чем не подозревал, была в «доверительной беседе» сообщена эта «военная тайна», чтобы он способствовал распространению желательной для штаба верховного командования вермахта дезинформации.

При анализе информации Зорге за первую половину 1941 года надо брать за основу только достоверную информацию, то есть радиogramмы, опубликованные в сборниках документов. Это 18 радиogramм, опубликованных в книге Фесюна, за достоверность и точность которых можно ручаться. Со знаменитыми радиogramмами о «точном сроке нападения» все ясно. Остальные радиogramмы, опубликованные в 1960 – 1970-е годы, можно вынести за скобки. Их достоверность, вполне обоснованно, можно поставить под сомнение. Если из 18 радиogramм убрать те, в которых говорится о политике Японии, и те, где передавалась явная «деза», то достоверной информации о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, которую передал Зорге в Москву, окажется не так уж и много.

2 мая – Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть страны. И с 30 мая сообщения о достаточно точных сроках нападения Германии на СССР. 30 мая – война начнется во второй половине июня. 1 июня срок начала войны переносится на 15 июня, а в телеграмме от 15 июня сообщается, что война задерживается до конца июня. И вряд ли можно считать серьезной информацией телеграмму от 20 июня, где сообщалось, что по информации германского

посла, война между Германией и СССР неизбежна. За два дня до нападения на СССР о неизбежности войны между двумя странами писала вся мировая пресса. Достаточно просмотреть бюллетени иностранной информации ТАСС, чтобы убедиться в этом. Так что Зорге не сообщил здесь ничего нового.

Информация из Токио

22 июня – черный день в истории Советского Союза. Начало войны – и сразу же изменилась деятельность обеих разведок. Что предпримет Япония? Воспользуется ли изменившейся ситуацией в Европе и мире? Будет ли продолжать подготовку к движению на Юг или, воспользовавшись моментом, ринется на Север? От правильных и точных ответов на эти вопросы зависело многое. И прежде всего возможность переброски войск с Востока на Запад. Для группы Рамзая начался последний этап деятельности. То, что было раньше, что казалось важным и значительным до этой даты, отходило на второй план. На первый план выдвигалась основная задача – как поведет себя союзница Германии на Дальнем Востоке? Воспользуется ли империя началом войны и выступит сразу же против Советского Союза или подождет разгрома Красной Армии и захвата Москвы? И в Москве с нетерпением ждали, что скажут разведчики в Токио. После 22 июня в Москве уже по-другому относились к информации группы. Ушло в прошлое недоверие и сомнения. Тем более что информация группы подтверждалась и перепроверялась информацией политической разведки. Эта информация поступала из разных стран, адресовалась «Павлу», то есть Берия, и в условиях начавшейся войны сразу же докладывалась членам Государственного Комитета Обороны (ГКО) и руководству Наркомата Обороны.

В 1996 году Пресс-бюро Службы внешней разведки опубликовало 25 радиোগрамм политической разведки, в которых дается позиция Японии в отношении СССР в 1941 году. В 1997 году было опубликовано также 20 радиোগрамм, переданных группой «Рамзай» с 23 июня

до конце работы группы. Всего 45 документов – немного, но уже кое-что. Можно проанализировать полученную Москвой информацию и сделать какие-то, но только предварительные выводы. И ждать, может быть многие годы, пока архивы обеих разведок рассекретят очередную порцию документов. Возможно, новый, более подробный анализ событий на Востоке во второй половине 1941 года придется уже писать исследователям нового поколения.

Война началась, и Москва делала все возможное, чтобы выяснить стратегические планы Японии по отношению к Советскому Союзу. Поэтому уже 26 июня Инсон (новый псевдоним Зорге) получил радиogramму из Москвы: «Токио, тов. Инсону (Рамзаю). Сообщите, какие решения приняло японское правительство в отношении нашей страны в связи с войной Германии с СССР. Сообщите о передвижениях войск к нашей границе. Начальник Первого отдела Четвертого управления». В тот же день в Москву была отправлена короткая радиogramма, в которой содержалась ценная информация о намерениях Японии в отношении Советского Союза: «Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу. Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». Голиков ознакомился с радиogramмой, отметил последнюю фразу и наложил резолюцию: «Членам ГосКО, НКО, НГШ». Время уже было военное, и вся важнейшая военно-политическая информация с Востока сразу же докладывалась в Государственный Комитет Оборона, Наркому Оборона и начальнику Генштаба. В этот же день из Токио от резидента политической разведки также поступила телеграмма с аналогичной информацией: «В связи с началом советско-германской войны внешнеполитические действия правительства

Японии, вероятно, будут следующими: Япония сейчас не имеет активных намерений против СССР, как то: объявить войну и встать на стороне Германии. Хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика, но, по крайней мере, на настоящее время таких намерений нет. В отношении СССР не будет предъявлено каких-либо требований и не будет объявлено своего определенного отношения. Япония хочет молча смотреть на развитие войны... Короче говоря, Япония сейчас пересматривает свою внешнюю политику и поэтому ее отношение к СССР еще не определено. Авторитетные японцы считают, что японская экспансия на юг скоро не осуществится, так как морской флот относится к этому весьма осторожно, а что касается севера, то армия к этому не подготовлена».

Эта телеграмма, адресованная «Павлу» (Берия), также была отправлена в ГКО Сталину и Молотову. И если Зорге мог передать в Москву только общие заверения министра иностранных дел послу союзного государства, то информация политической разведки была более подробной и благоприятной для СССР.

Следующая телеграмма была отправлена 28 июня. Источник «Инвест» (Одзаки) утверждал на основе имевшейся у него информации, что Япония выступит на Север сразу же, как только Красная Армия потерпит поражение. Германский посол Отт сообщил Зорге: Мацуока в беседе с ним заявил, что Япония выступит против СССР, как он об этом всегда заверял его, но точной даты не называет. Мацуока также сообщил Отту, а он – Зорге, что продвижение японских войск к Сайгону не может быть отменено. Поэтому Отт понял, что сейчас выступления Японии против СССР ждать не приходится. В этой же телеграмме сообщалось, что было принято решение, утвержденное императором, о движении на Сайгон и захвате всего уже бесхозного

Индокитая. Япония временно воздерживалась от выступления против Советского Союза. На этой телеграмме резолюция: «НО-4. Разослать т. т. Сталину, Молотову, НГШ. Голиков».

Очередная телеграмма была получена из Токио 3 июля. На этот раз информация исходила от германского военного атташе. Он сказал Зорге, что японский генштаб занимается деятельностью с учетом наступления немцев и неизбежности поражения Красной Армии, то есть готовится к нападению после поражения Советского Союза. Военный атташе считал, что Япония вступит в войну не позднее, чем через шесть недель, то есть примерно в середине августа. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин. Информация об этом была направлена членам ГКО и начальнику Генштаба. В этой же телеграмме сообщалось, что Одзаки также думает, «что Япония вступит в войну через шесть недель». Это подтверждение времени выступления из двух разных источников имело большое значение. Середина августа становилась критическим временем для советского Дальнего Востока.

Информация группы «Рамзай» дополнялась сообщениями политической разведки из Токио. Судя по содержанию того немногого, что было рассекречено, ИНО имело солидные источники в японской столице. Так, в телеграмме от 5 июля сообщалось, что скоро будут закончены приготовления к операции на юге, после чего сразу же начнется наступление в этом направлении. Что же касается отношений с СССР, то в телеграмме сообщалось: «... Политика в отношении СССР пока определяется следующими факторами: недавно заключен договор о нейтралитете, разрыв которого вызовет возмущение населения, не закончены приготовления для похода на север, вследствие этого Япония должна занять позицию нейтралитета... Япония

все же вступит в войну с демократическими странами и с СССР на стороне Германии, поэтому военные приготовления для движения на север должны быть ускорены с тем, чтобы в любой момент можно было бы начать военные операции против СССР». Эта информация была подтверждена через два дня. В новой телеграмме от 7 июля сообщалось: «Касаясь планов дальнейшей политики Японии, здесь считают, что Япония пойдет сначала на юг, а ни в коем случае не на север. Авторитетные политики полагают, что японское правительство объявит позицию нейтралитета, но эта позиция не сохранится долгое время... Общее мнение таково: воевать с СССР рано или поздно нужно, но сейчас еще не время, нужно получить как можно больше меньшими жертвами». Во второй телеграмме также от 7 июля шло подтверждение предыдущей информации: «Как стало известно, японское правительство решило не предпринимать прямые военные действия против Сибири и вместо этого решено продвигаться на юг. С этой целью японские войска перебрасываются из северной части французского Индокитая в южную. Подтягиваются войска и из других мест...» Характерна концовка этой радиогаммы: «Источник добавил, что, как бы японцы ни хотели начать движение на север, они понимают, что для этого нужно не менее 2 – 3 месяцев подготовки». Вывод из всей информации, полученной из японской столицы в начале июля – в ближайшие две месяца нападения Японии на Советский Союз не будет.

Две радиогаммы были получены в Москве от группы «Рамзай» 10 июля. В первой радиогамме сообщалось, что германский посол Отт получил приказ Риббентропа толкать Японию к войне и как можно скорее. Это очень удивило посла, который хорошо знал – Япония еще не готова к большой войне, и понимал, что поспешное вступление в войну на стороне

Германии было бы только видимостью войны. Эта информация была также передана членам ГКО и начальнику Генштаба.

Во второй радиограмме была передана информация, полученная от Одзаки. Он сообщил Зорге, что на совещании у императора решено не изменять план действий против Сайгона, но решено подготавливаться к нападению на Советский Союз в случае поражения Красной Армии. Эту же информацию подтвердил в беседе с Зорге и Отт. Но его информация была противоречивой. С одной стороны, подтверждение того, что Япония выступит против СССР в случае его поражения (в этом в Москве и так были уверены). А с другой стороны, посол утверждал, что «Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска». Это была явная дезинформация, может быть и непреднамеренная, со стороны посла. План «Барбаросса» предусматривал продвижение до Волги и конечной целью ставил достижение линии Архангельск – Астрахань. И ни в одном из немецких документов, разработанных после плана «Барбаросса», не ставилась задача продвижения немецких войск к Уралу. Была в этой радиограмме и информация, полученная от германского военного атташе, который телеграфировал в Берлин, что «он убежден в том, что Япония вступит в войну, но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку». Подтверждалась предыдущая информация о том, что август является критическим месяцем, когда надо ждать серьезных событий на Дальнем Востоке. Интересно, что на тексте этой радиограммы имеется примечание нового исполняющего обязанности начальника Разведупра генерал-майора танковых войск Панфилова: «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений,

данные сведения заслуживают доверия». В начале июля Зорге в Москве верили.

В тот же день поступило подтверждение этой информации и по каналам политической разведки. В телеграмме из Токио от 10 июля сообщалось: «По нашим сведениям, японский флот, стоявший на рейде в портах Иокогама и Иокосука, 7-го июля почти весь снялся с якоря и направился в южные порты. Офицеры флота между собой говорили, что сейчас самое благоприятное время для нападения на страны южных морей, так как СССР занят войной с Германией». Все телеграммы политической разведки с резолюцией Берия также посылались членам ГКО. Таким образом, ГКО, как высший орган власти в стране, был достаточно подробно информирован о политике Японии. При этом информация поступала из двух независимых источников и взаимно дополняла друг друга. Из анализа этих телеграмм можно сделать вывод – в начале июля ситуация на Дальнем Востоке была для Москвы благоприятной. Внезапное нападение японских войск на дальневосточные границы в это время не планировалось.

Через два дня, 12 июля, была получена очередная радиограмма Зорге, сообщавшая, что Отт рассказал ему о том, «что он обратился к Японии с предложением вступить в войну, но Япония пока что хочет оставаться нейтральной». По информации Зорге, в Японии продолжается борьба различных группировок за направление главного удара. Некоторые группы политиков и военных агитируют за выступление на юг, но им противостоит молодое офицерство Квантунской армии, которое рвется начать войну с Советским Союзом. Зорге также подтвердил предыдущую информацию о том, что подготовка к войне будет длиться самое большее шесть недель. И на этой радиограмме так же, как и на предыдущих, резолюция

Панфилова: «Членам ГКО, нач. Г. Штаба». В критические для Советского Союза дни информация группы «Рамзай» продолжала поступать на самый «верх».

30 июля – очередная радиограмма от Инсона (Зорге). Можно не сомневаться, что между 12 и 30 июля в Москву поступали радиogramмы из Токио. Но среди опубликованных радиogramм их нет. На основании информации, полученной от Инвеста (Одзаки) и Интери (Мияги) Зорге сообщил в Москву о начале новой мобилизации в Японии, в результате которой будет призвано более 200 тысяч человек. Таким образом, по сообщению Зорге, «в середине августа в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек». Цифры были явно занижены и не соответствовали действительности. В итоговой разведсводке по Востоку № 1 на 1 февраля 1941 года, опубликованной Разведупром, дается боевое расписание японской армии на 1 февраля. В этом документе общая численность сухопутных войск Японии определена в 2145 тысяч человек. За прошедшие полгода при усиленной подготовке к войне ни демобилизации, ни сокращения армии в Японии не было. И сухопутная армия за это время могла только увеличиться, значительно перевалив за два миллиона человек. В радиограмме также сообщалось, что «начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительные способности на Дальнем Востоке будут ослаблены. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать». Очевидно, японский генштаб готов был ринуться в драку на Севере, не дожидаясь решения правительства о начале войны с Советским Союзом. Руководство Разведупра было новым. Ни людей, ни деталей разведывательных операций они не знали, и поэтому на

радиограмме появилась резолюция: «НО-4. Доложите о всех этих источниках. Кто они». Подписались Панфилов и комиссар Разведупра Ильичев.

11 августа Москва приняла две радиограммы от группы «Рамзай». Обстановка на Дальнем Востоке была тревожной. В предыдущих радиограммах указывалось, что середина и вторая половина августа будут решающими для японского правительства, которое должно принять решение о начале войны с Советским Союзом. Мир на Дальнем Востоке висел на волоске, и в Разведупре с нетерпением ждали каждое новое сообщение Инсона. Порой радиограмма состояла всего из одной фразы: «Прошу Вас быть особо бдительными, потому что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца». Зорге еще раз напоминал о тревоге, о том, что надо быть бдительными и тщательно следить за тем, что делается по ту сторону границы. Во второй радиограмме говорилось, что несмотря на изменившуюся обстановку: «... японский генштаб совсем не собирается распускать обратно мобилизованных. В генштабе уверены, что в ближайшее время последует окончательное решение, тем более что уже приближается зима. Ближайшие две-три недели окончательно определяют решение Японии. Возможно, генштаб примет решение на выступление без предварительной консультации с правительством». Зорге отмечал в телеграмме, что позиция Америки становится все более антияпонской, а эмбарго на поставки из США усиливают экономическую блокаду Японии. Если добавить к этому замедление темпов наступления германской армии и ее большие потери на советско-германском фронте, то момент для вступления в войну на стороне фашистского агрессора был бы не совсем удачным. И все-таки японский генштаб готов был начать войну с Советским Союзом.

Разведупр в своих взаимоотношениях с резидентурой «Рамзай» исходил из двойного стандарта. В Москве признавали достоверность и ценность информации, которая поступала из Токио. Многие радиogramмы группы докладывались руководству страны и, конечно, сомнений не вызывали. Но когда дело касалось личности Зорге, когда руководство требовало справки и характеристики на этого разведчика и его товарищей по группе, то исполнители берут дело Зорге и пользуются старыми политическими оценками, которые давались ему еще в 1937 году. Вся положительная деятельность группы в 1938—1941 годах в расчет не принимается.

Начальник японского отделения восточного отдела Разведупра полковник Покладек еще в 1937 году в своем заключении писал о «несомненности дезинформации» тех сведений, которые поступали от группы «Рамзай». В какой-то мере полковника можно понять. По воспоминаниям работавшего с ним Бориса Гудзя он недооценивал значение агентурной разведки, предпочитая использовать для получения информации о японской армии материалы открытых источников. Да и резолюция Сталина о дезориентации материалов, полученных от Зорге, была ему известна. Если уж сам Сталин считает информацию Зорге «дезой», то рядовым сотрудникам Разведупра и сам Бог велел сомневаться. Но вот в сентябре 1937-го, когда Покладека уже не было в Разведупре, составляется новая справка на Зорге. Здесь уже совсем другие обвинения: «Политически совершенно не проверен. Имел связи с троцкистами. Политического доверия не внушает». В 1937-м утверждений о связях человека с троцкистами и отсутствии к нему политического доверия было вполне достаточно для вынесения смертного приговора или в лучшем случае десяти лет лагерей.

14 декабря 1937 года фактический руководитель Разведупра, хотя и числившийся первым заместителем, старший майор госбезопасности Гендин направил докладную записку Сталину. Документ был направлен с грифом «Сов. секретно» по адресу «ЦК ВКП(б). тов. Сталину», минуя наркома обороны, что уже говорило о том, кому в то время подчинялись органы военной разведки. На нескольких страницах подробно перечислялась та информация, которая была получена от группы «Рамзай» в 1937 году. В записке на основе информации, полученной от германского военного атташе Отта, дается военно-политическая обстановка в Японии и подробно излагаются планы японского генштаба по ведению войны с Советским Союзом. Информация была ценной и вполне достоверной. Но начало записки было оригинальным: «Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания». Вот так. Руководитель группы доверием не пользуется, но информацию поставляет ценную, раз она заслуживает внимания и сообщается самому Сталину. Самое интересное то, что Сталин не возмутился, получив подобный противоречивый документ, и не отправил его в мусорную корзину, а внимательно прочитал и на первой странице, как это он всегда делал, наложил резолюцию: «Мой архив. И. Сталин».

Чем же объяснить такое противоречивое утверждение руководителя военной разведки – полным доверием не пользуется, но информация заслуживает внимания? Конечно, дело Зорге он смотрел и сентябрьскую справку читал. Может быть, решил подстраховаться, сообщая о недоверии к Зорге. А может быть, по его мнению, ценная военно-политическая информация из Токио действительно заслуживала внимания на самом высоком уровне.

Сейчас еще нельзя дать однозначного ответа на эти вопросы.

Очередная и, очевидно, последняя докладная записка о Зорге была написана 11 августа 1941 года. В этом документе отмечалось, что Инсон (Зорге) работал под руководством бывших руководящих работников Разведупра, которые, оказавшись врагами народа, были арестованы и расстреляны (имелись в виду Берзин и Урицкий). Вывод из этого был однозначным: «если враги народа продались сами иностранным разведкам, то, спрашивается, почему же они не могли выдать Инсона?» В записке упоминался Карин, Покладек и Сироткин, которые в своих «показаниях» сообщали, что они выдали Зорге со всеми источниками немцам и японцам. В записке отмечалось: по «показаниям» Сироткина он якобы выдал Инсона уже в конце 1933 года! После этого Инсон начинает работать плохо, жалуется на усталость, усиленно просится отозвать его домой. Почти весь 1940 год Инсон настаивает на возвращении в СССР». Под докладной запиской стоит подпись начальника 4-го (восточного) отдела Разведупра генерал-майора Калганова. Высказав в записке свои замечания и рассуждения, генерал приходит к выводу: «Основной вопрос: почему японцы или немцы не уничтожат его, если он выдан им как советский разведчик? Всегда делается один вывод: японцы или немцы не уничтожают Инсона с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы». Мысль о том, что «показания» были выбиты, что группу «Рамзай» никто не выдавал и японской и немецкой разведкам она неизвестна, он не высказал. Думал ли он об этом? Вряд ли. Стереотип бесспорности «признательных показаний» действовал тогда в полной мере, и сомневающихся в их правдивости в руководстве военной разведки не было. Калганов не составлял исключений.

Вот таким был документ, составленный в Центре уже в ходе войны. Под сомнение ставилась вся дальнейшая информация группы «Рамзай», и эти сомнения высказал непосредственный начальник Зорге. Конечно, его мнение учитывалось руководством разведки при дальнейшем анализе и оценке информации из Токио. К этой информации в критические дни сентября, когда решался вопрос о том, выступит ли Япония на Севере и придется ли Советскому Союзу воевать на два фронта, в Москве относились с недоверием.

Большая радиограмма была передана из Токио двумя частями 12 и 15 августа. Информация шла из германского посольства. Риббентроп ежедневно слал телеграммы, чтобы воздействовать на Японию и заставить ее выступить на стороне Германии. Но в Токио ждали, когда Красная Армия потерпит поражение и основные силы дальневосточной группировки будут переброшены на западный фронт. Пока что соотношение сил на Дальнем Востоке и по численности, и по количеству и качеству боевой техники было в пользу Советского Союза, и японский генштаб, зная об этом, старался сделать все возможное, чтобы добиться паритета и в чем-то превзойти советские войска. Без этого выступление на Север выглядело бы очередной авантюрой. Это хорошо понимали в Токио и поэтому противились нажиму Берлина, толкавшего Японию в новую войну. Об этом и сообщал Зорге в своей радиограмме. Получил эту информацию Зорге от военного атташе германского посольства. После поездки в Маньчжурию и Корею он сказал разведчику, что «шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли четыре дивизии. ВАТ точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. Подготовка к операциям закончится между 20-м числом

и концом августа, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение на выступление японцев еще не принято». На этих радиограммах резолюция руководителей разведки: «Составить общую телеграмму из 2 Инсон и доложить перед отправкой членам ГКО, т. Мехлису, Нач. Г. Штаба». И две подписи – Панфилов и Ильичев. Положение страны было очень тяжелым, и оба руководителя разведки, очевидно, решили игнорировать докладную записку Калганова и отправили информацию Зорге на самый «верх», как и предыдущие его радиограммы.

Эта информация была передана в штаб Дальневосточного фронта, и в тот же день, 15 августа, Военные советы армий и ТОФ получили телеграмму командующего фронтом о возможном начале военных действий в ближайшие дни. Вот текст этой телеграммы, приведшей в полную боевую готовность войска фронта и корабли и подразделения флота.

«По данным РУ Генштаба, известно, что японцы начнут военные действия против СССР во второй половине августа без объявления войны и предполагают провести быстротечную войну. При этом главный удар японская армия будет наносить на Приморье в сторону Владивостока.

Предупреждая об этом, требую:

1. Поставить в известность командиров, комиссаров корпусов, дивизий, полков, комендантов, комиссаров УР и их батальонов и при всех условиях удерживать свое положение.

2. Быть готовым должным образом встретить нападение врага и дать решительный отпор при всяких обстоятельствах...»

И, наконец, 23 августа новая радиограмма, которая немного разрядила тревожную обстановку в Москве. Информация к Зорге поступила от Инвеста (Одзаки). Он сообщил, что Доихара и Тодзио считают, что для Японии еще не время вступать в войну с Советским Союзом. Конечно, Германия была очень недовольна таким поведением своего союзника на Востоке. Но Берлину пришлось смириться с положением. Одзаки также сообщил, что премьер Коноэ дал указание генералу Умедзу (командующий Квантунской армией) избегать каких-либо провокационных действий и что «обсуждение вопросов оккупации Таи и затем Борнео в правительственных кругах происходит более серьезно, чем это было раньше». Военная машина империи пока еще медленно разворачивалась в сторону южных морей.

11 сентября – новая радиограмма. Обстановка на Дальнем Востоке продолжает улучшаться. Отт сообщил Зорге, что он потерял всякую надежду на выступление Японии против СССР. Германский посол беседовал с бывшим японским послом в Италии Сиратори, который сказал Отту, что «если Япония начнет войну, то только на юге, где они смогут получить сырье – нефть и металлы», и что немцы не смогут получить помощь на севере – Япония не выступит против Советского Союза. Получил информацию и военно-морской атташе Германии Пауль Веннекер. Один из высокопоставленных офицеров военно-морского флота, с которым он беседовал, сообщил ему, что выступление Японии против СССР больше не является вопросом. Моряки не верят в успех переговоров Коноэ с Рузвельтом, и поэтому подготовка к захвату Таи и Борнео идет полным ходом. При этом взоры флотского командования обращаются к Маниле, которая также должна быть захвачена. А это означает неизбежную войну с США.

14 сентября Москва получила радиogramму, которая во многом повлияла на дальнейшие события во время битвы под Москвой. Об этой телеграмме писали все авторы первых статей о Зорге, ее цитировали и наши, и западные биографы Зорге. О ней упоминается и в знаменитом фильме «Кто Вы, доктор Зорге?». Руководитель военной разведки получает знаменитую радиogramму, сообщает ее содержание высшему советскому командованию, и на экране кадры документальной хроники – эшелоны с дальневосточниками, танками, орудиями без остановки мчатся с курьерской скоростью на Запад спасать столицу. Пospели они, конечно, вовремя, Москву отстояли, и Зорге был возведен в ранг ее спасителя. Для идеологической пропаганды 1960-х и 1970-х все это выглядело блестяще. Для истории – сомнительно. Но чтобы не быть голословным – сначала текст знаменитой радиogramмы, впервые полностью опубликованной только в 1997 году. Все отрывки из этого исторического документа, которые публиковались в течение 30 лет до этого, вызывали естественное сомнение у историков и у читающей публики. Сомнения ввиду категоричности утверждений, что именно Зорге, послав эту радиogramму, спас Москву.

«По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ^[5] на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени.

Источник Инвест выехал в Маньчжурию.

Инвест сказал, что после 15. 9 СССР может быть совсем свободен.

По данным источника Интери, один из батальонов 14пд, который должен был

отправиться на север (против СССР), оставлен в казармах гвардейской дивизии в Токио...»

Категорическое утверждение Одзаки о том, что Япония в 1941 году не нападет на Советский Союз, не могло быть принято без тщательной и всесторонней проверки. Слишком многое было бы поставлено на карту, если бы в Москве сразу согласились с подобным утверждением и начали переброску войск на советско-германский фронт. Такие сообщения проверяются и перепроверяются по несколько раз и по всем каналам разведки. А на все это нужно время. Так что предположения, что сразу же после получения радиограммы эшелоны с войсками пошли на запад, не проходят. В фильме и в газетных и журнальных статьях это выглядит красиво – в жизни все гораздо сложнее. Неудивительно, что на радиограмме появилась резолюция начальника Управления начальнику восточного отдела: «НО-4. Это надо крепко проверить». Генерал Калганов, получив приказ о проверке, отдал соответствующее распоряжение. Интересно, что эта радиограмма не была, как предыдущие сообщения группы «Рамзай», сразу же положена руководству страны. Очевидно, в Разведупре решили сначала все тщательно проверить, а уже потом отправить доклад в ГКО.

В этот же день из Токио поступила еще одна радиограмма от группы Зорге. «По мнению посла Отт сегодня вопрос о нападении Японии на СССР уже снят с повестки дня. Нападение Японии возможно лишь в случае крупномасштабной отправки войск с Советского Дальнего Востока...» В отличие от первой радиограммы это сообщение не вызвало сомнений в Центре. Резолюция, наложенная на эту шифрограмму, гласила: «Ознакомить всех. Подготовить спецсообщение».

Такой доклад был оформлен в виде спецсообщения Разведупра № 661584 от 19 сентября 1941 года. В документе использованы предыдущие радиограммы группы «Рамзай» и другие агентурные сообщения. На основе этой информации была проанализирована борьба в правящих кругах Японии вокруг внешнеполитического курса. В спецсообщении указывалось, что, по поступающим за последние дни донесениям агентуры Разведупра Генштаба, группировка сторонников немедленного вступления Японии в войну на стороне Германии исходит из того, что Япония должна воспользоваться происходящей войной на Западе для захвата Таи и Голландской Индии, без чего Япония будет испытывать большие трудности с началом войны против СССР. Отмечалось также, что Коноэ пока удается проводить свою линию, заключающуюся в стремлении создать необходимые предпосылки для успешных действий Японии как против Таи и Голландской Индии, так и против Советского Союза». Руководство разведки, анализируя обстановку на Дальнем Востоке, отметило также, что «за последнее время от агентуры Разведупра, связанной с немецкими источниками (имелась в виду группа „Рамзай“), поступил ряд сведений о том, что японское правительство якобы решило в текущем году не выступать против СССР, но войска, сосредоточенные в Маньчжурии и Корее, оставить там для возможного выступления весной 1942 года в случае поражения к этому времени СССР».

Сообщалось в документе, также по радиограммам группы «Рамзай»: «По агентурным данным, немецкий посол в Японии Отт в беседе с нашим источником заявил, что он потерял всякую надежду на выступление Японии против Советского Союза. По его мнению, Япония может выступить против СССР только в случае значительного ослабления Красной Армии на Дальнем

Востоке». В спецсообщении была полностью использована информация, полученная в радиограммах от 14 сентября. А вот выводы из анализа этой информации были несколько другими. Вот заключительный абзац этого документа: «Однако, несмотря на отсутствие единства в правящих кругах Японии, нет никаких признаков ослабления подготовительных военных мероприятий для нападения на СССР». Иными словами, подготовка к нападению на Советский Союз продолжается, и угроза войны на Дальнем Востоке остается, несмотря на все заверения из Токио о том, что после 15 сентября СССР может считать себя на Дальнем Востоке свободным от угрозы войны.

Выводы в спецсообщении от 19 сентября нашли косвенное подтверждение в информации политической разведки. В сообщении из Шанхая от 20 сентября, которое по приказу Берия также было отправлено членам ГКО, отмечалось: «По нашим сведениям, военные руководители Японии считают вопрос войны с СССР решенным и ждут удобного случая. Немцы уверяют, что Япония выступит после занятия ими Ленинграда. Если правительство Японии отойдет от оси, то армия начнет внутренний переворот и даже пойдет на убийство императора. Подтверждая вероятность войны с СССР, японцы начали сбор сведений о Красной Армии на Дальнем Востоке, о морских и воздушных базах на Камчатке, Охотске, Беринговом проливе и на железных дорогах. В японском генштабе утверждают, что Владивосток будет блокирован в сентябре и одновременно начнется наступление из Кореи и из Монголии на Верхнеудинск...» Как видно, информация политической разведки была иной, чем категорические утверждения группы «Рамзай». Поскольку информация обеих разведок шла в ГКО, то членам комитета, очевидно,

самим приходилось оценивать степень достоверности и важности сообщений обеих разведок и решать вопрос о том, сколько дивизий перебросить с Дальнего Востока на Западный фронт.

В конце сентября положение на московском направлении было очень тяжелым. Поэтому решение о крупномасштабной переброске войск с Дальнего Востока на Запад было принято на высшем уровне, воинские эшелоны с войсками и боевой техникой пошли на фронт. Наиболее интенсивные переброски проводились в октябре – ноябре 1941 года, то есть после получения информации Зорге о повороте Японии с Севера на Юг. И, хотя выводы руководства разведки и информация политической разведки расходились с категоричными утверждениями радиোগрамм Зорге, положение на фронтах было настолько тяжелым, что возможной угрозой нападения Японии пришлось пренебречь – удержание столицы было первостепенной задачей. После начала войны из Приамурья и Приморья было переброшено 12 дивизий. Из них в июле – первой половине сентября всего две дивизии, а 10 дивизий (из них три танковые) в октябре – ноябре. Из Забайкалья в сентябре – октябре на Запад было переброшено 5 дивизий. Из 17 переброшенных с Дальнего Востока дивизий 6 были направлены на Ленинградское стратегическое направление, а 11 – на Московское.

Очередные радиোগраммы, из опубликованных, были получены в Москве 26 сентября и 3 и 4 октября. Из Маньчжурии вернулся Одзаки. Из полученной в ЮМЖД информации он узнал, что «за последние два месяца в Маньчжурию прибыло около 400 тысяч новых солдат. Таким образом, общее количество солдат японской армии в Маньчжурии теперь составляло не менее 700 тысяч человек». В радиোগраммах также сообщалось: «Но ввиду того, что войны против СССР в этом году не будет, небольшое количество войск было переброшено

обратно на острова...» Одзаки также сообщил, что, по полученной им информации, не было перебросок японских войск из Северного Китая в Маньчжурию. В железнодорожной компании ему сообщили, что «командование Квантунской армии распорядилось призвать 3000 опытных железнодорожников для установления военного сообщения на сибирской магистрали, но теперь это уже отменено». И в заключение как общий вывод из полученной информации фраза в конце радиোগраммы: «Все это означает, что войны в текущем году не будет». Группа «Рамзай» еще раз подтвердила, что угроза нападения в 1941 году на Дальнем Востоке отпала.

3 октября в Москву поступила последняя, опять же из опубликованных, радиোগраммы Зорге. Та информация, которая в ней содержалась, подтверждала ранее высказанные в телеграммах предположения о том, что Япония поворачивает на Юг, оставляя активные операции в Маньчжурии до лучших времен. По информации Одзаки, полученной из окружения премьера Коноэ, японо-американские переговоры вступили в решительную фазу. В случае, если США не придут к реальному компромиссу до середины октября, Япония выступит сначала против Таи, а затем на Сингапур, Малайю и Суматру. Японцы рассчитывают, что оборона Суматры слабее, чем Борнео, а ресурсов нефти там значительно больше. До ареста Зорге оставалось 13 дней. Были ли после 3 октября радиোগраммы в Москву? Конечно были. В такой тяжелой и напряженной обстановке трудно представить двухнедельное радиомолчание группы «Рамзай». Наверняка за эти дни была получена и переправлена в Москву ценная разведывательная информация. Но она, к сожалению, неизвестна исследователям. И дать полный анализ информации группы «Рамзай» пока невозможно. Содержание последней радиোগраммы по

приказу Голикова было отправлено членам ГКО. Информация была признана ценной, и генерал-майор Калганов на тексте радиограммы наложил резолюцию: «Поблагодарить Инсона за последнюю информацию».

Уже после ареста Зорге в Москву поступила информация о возможности начала военных действий на Дальнем Востоке. Информация была получена Разведупром и передана командующему Дальневосточным фронтом. 26 октября командующие армиями фронта получили шифровку из Хабаровска: «Начальник Разведуправления Красной Армии сообщает о следующем: 1. Из Стокгольма сообщают, что 26—28 октября выступят японцы. Основной удар – Владивосток. 2. Из Вашингтона сообщают – по мнению высших военных китайских властей, японское нападение на Сибирь произойдет в ближайшие дни». Войска армий фронта были приведены в полную боевую готовность и приготовились к отражению нападения. Но на этот раз нападения не последовало, и через некоторое время была дана команда «отбой». Очевидно, в Разведупре подняли тревогу потому, что информация о возможном нападении Японии пришла одновременно из двух разных источников. На этот раз обошлось без начала войны. Но обстановка была очень серьезной и вряд ли соответствовала заверениям о том, что Дальний Восток может быть свободен от угрозы нападения японских войск.

После Зорге

Группа «Рамзай» была арестована, и поток важнейшей информации из германского посольства в Токио и из японских правительственных кругов и окружения Коноэ иссяк. Это сразу же почувствовали в Москве. Почувствовали в самый тяжелый момент, когда немецкие войска начали наступление на Москву. Обстановка на фронте была тяжелейшая, и от информации с Востока зависело многое, и в первую очередь – появится ли второй фронт на Востоке. Зорге сообщил в своей знаменитой радиограмме, что после 15 сентября Дальний Восток может быть свободен от угрозы нападения. Биографы Зорге и историки преподносили читателям эту информацию как апофеоз деятельности группы «Рамзай». Но в Москве, принимая к сведению донесения разведчиков, всегда старались проверить и перепроверить любую информацию по всем возможным каналам. И Разведупр не составлял исключение. Уже 26 октября командующий армиями Дальневосточного фронта получил шифровку из штаба фронта. Документ явно не соответствовал оптимистичной радиограмме из Токио, и поэтому стоит привести его полностью.

«Начальник Разведуправления Красной Армии сообщает о следующем:

1. Из Стокгольма сообщают, что 26—28 октября выступают японцы. Основной удар – Владивосток.

2. Из Вашингтона сообщают – по мнению высших военных китайских властей, японское нападение на Сибирь произойдет в ближайшие дни».

Информация из Стокгольма и Вашингтона явно не соответствовала информации из Токио, и в данном случае в Москве решили не рисковать и привели войска фронта в полную боевую готовность. И хотя тревога оказалась ложной и нападения частей Квантунской армии на этот раз не последовало, сам факт таких предупредительных действий говорит о том, что в Москве информации из Токио доверяли меньше, чем об этом пишут.

После 18 октября в восточном отделе Разведупра продолжали анализировать обстановку в дальневосточном регионе и регулярно выпускать спецсообщения по Востоку. В этих документах, которые посылались Сталину и членам Государственного Комитета Обороны (ГКО), другая оценка обстановки на основе полученной информации и другие выводы: Япония готовится к нападению на Советский Союз и увеличивает численность и вооружение Квантунской армии. Очевидно, использование этой информации привело к тому, что численность дальневосточной группировки Красной Армии не только не сократилась, несмотря на переброску на советско-германский фронт наиболее боеспособных соединений, но и увеличилась с 700 тысяч на 22 июня до 1340 тысяч на 5 декабря 1941 года.

Спецсообщение Разведупра от 3 ноября 1941 года: обстановка в Японии оценивалась как очень тревожная для Советского Союза. Отмечалось, что смену кабинета в Японии следует рассматривать как стремление руководящих кругов ускорить вступление Японии в войну против СССР. На этот раз основная агентурная информация поступила из Китая. По оценке китайских правительственных кругов, кабинет Тодзио считается предвоенным и от него можно ожидать внезапного военного нападения на СССР. В спецсообщении давалась информация о том, что «по агентурным

данным, полученным из Шанхая, японцы намерены выступить против СССР независимо от времени года, как только немцы добьются крупных успехов в наступлении на Москву». По тем же агентурным данным, подтверждалась ранее поступившая информация о том, что Япония ставит своей задачей овладеть в первую очередь Владивостоком, а также захватить северо-восточную часть МНР.

Как видно из этого документа, китайские источники Разведупра давали совсем другие сведения, чем группа «Рамзай». Нестыковка информации была очевидна, и в Разведупре, а следовательно, и «наверху» в это время больше прислушивались к информации из китайских источников. По данным этого спецсообщения, за период с 10 сентября по 30 октября состав и группировка японских войск против СССР существенно не изменилась. В Маньчжурии и Корее на 30 октября было сосредоточено 35 пехотных дивизий, 12 танковых полков, три кавалерийские бригады, два механизированных соединения, 20 артиллерийских полков и 35 авиаотрядов. Общая численность всех войск достигла 1150 тысяч человек. Для Квантунской армии последние месяцы 1941 года были вершиной могущества. И для военных руководителей в Токио было большим соблазном использовать эту грозную силу, чтобы попытаться решить «северную» проблему. Основной вывод, который был сделан в спецсообщении: «С приходом к власти кабинета Тодзио угроза военного нападения на СССР значительно возросла. В связи с провалом японского наступления на Чанша значительное увеличение группировки японских войск против СССР за счет снятия дивизий с фронтов Китая в ближайшее время маловероятно. Тем не менее японцы могут начать военные действия против Советского Союза при наличии уже сосредоточенных войск в Маньчжурии и Корее».

Члены ГКО продолжали получать информацию и от политической разведки. Сообщения разведчиков регулярно через Берию передавались в ГКО. Был ли в комитете какой-то орган, который сводил воедино подчас противоречивую информацию обеих разведок? Если в конце 1941-го такой структуры еще не было, то членам комитета, очевидно, приходилось самим заниматься оценкой и анализом разведывательной информации. А противоречий в оценке событий в дальневосточном регионе хватало. Вот только один пример. В тот же день, когда было подписано спецсообщение, по каналам политической разведки поступила информация из Токио. В ней говорилось, что «по данным, полученным от надежного источника, Япония пока не намерена наступать на Север. Твердо решено в ближайшее же время выступить на Юг. Япония сейчас не получает нефть и проживает свои запасы. Такое положение не может долго продолжаться. Остается единственный путь к Югу...» Информация была прямо противоположной той, которую представила военная разведка.

Через два дня 5 ноября новое спецсообщение Разведупра. Оценки обстановки на Дальнем Востоке, данные в предыдущем спецсообщении не изменились. Было отмечено, что японская военщина считает создавшуюся ситуацию наиболее благоприятной для захвата Таи, Голландской Индии и Советского Приморья. Однако к этому времени наметилась и другая тенденция – поворот Японии на Юг. От агентства Разведупра, связанной с английскими и японскими источниками, начали поступать сведения о том, что «наряду с продолжающимися мероприятиями против СССР со второй половины октября значительно усилились мероприятия военного характера против Таи». Основной вывод в этом спецсообщении заключался в том, что «главным объектом военного

нападения Японии по-прежнему остается Советский Союз, поэтому не исключена возможность повторения провокационных выступлений Квантунской армии на наших дальневосточных границах». Вот такой вывод был сделан руководством военной разведки. Однако при анализе обстановки отмечалась и другая возможность: «Японцы, поддерживая напряженную обстановку на границах СССР и продолжая сковывать наши силы на Дальнем Востоке, могут в ближайшее время предпринять внезапное выступление против Таи». Оценка обстановки была очень разноречивой – и на Север пойдут, и одновременно на Юг могут двинуться. Четкого ответа на основной вопрос – Север или Юг, военная разведка не давала.

Очередное спецсообщение было выпущено 9 ноября и также разослано членам ГКО. И так же, как и в предыдущем спецсообщении, основное внимание было уделено угрозе возможного нападения Японии на Советский Союз. В документе отмечалось, что, по агентурным данным, японское правительство намерено использовать «тяжелое положение» СССР и предъявить ему требования территориального характера. А те военные приготовления, которые проводились в это время в Маньчжурии, должны были подкрепить эти требования. Советский военный атташе в Токио также подлил масла в огонь, сообщив, что большинство офицеров русского отдела генштаба убыли в Маньчжурию. По поступившей агентурной информации, но уже из немецких источников, захват Владивостока японцами будет приурочен к моменту замерзания владивостокского порта. Эта информация больше походила на солидную «дезу». Весьма сомнительно, чтобы японские войска начали штурм такой крепости, как Владивосток, в преддверии зимы. У японской армии еще слишком свежи были воспоминания о многомесячном штурме Порт-Артура в начале века. А

ведь Владивосток был более мощной крепостью и у его фортов можно было застрять на всю зиму.

Была в этом документе и абсолютно точная информация. По тем же данным из немецких источников, правительство и генштаб Японии разработали план по захвату Таи и стран Южных морей. Военные действия на юге должны были начаться в середине декабря, и для этого была проведена мобилизация военно-морского флота. Этим же планом предусматривалось начало военных действий и против Филиппин. В этом же документе отмечалось: в правящих кругах Японии «полагают, что если немцы потерпят поражение под Москвой, то Япония не выступит против СССР до весны 1942 года, а ограничится действиями в районе южных морей». Однако в выводах этого документа было отмечено, что «нет никаких признаков ослабления опасности военного нападения на Советский Союз при благоприятной для Японии обстановке». Судьба Дальнего Востока решалась на подмосковных полях. Следует также отметить, что еще за месяц до начала войны на Тихом океане высшее военное руководство страны имело точную и конкретную информацию о возможных действиях Японии в районе южных морей. Вот еще один пример. В конце ноября 1941 года политическая разведка перехватила и смогла расшифровать телеграмму министра иностранных дел Японии, которую тот направил своему послу в Берлине. 27 ноября руководство разведки отправило расшифрованный текст в ГКО. Вот выдержки из этого документа: «Встретьтесь с Гитлером и Риббентропом и в секретном порядке объясните им о наших отношениях с США... Объясните Гитлеру, что основные японские усилия будут сосредоточены на Юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренного предпринятия действий на Севере». Информация была

документальной и полностью подтверждала сообщение Одзаки о том, что после 15 сентября Дальний Восток может быть гарантирован от нападения. Была ли эта информация военной и политической разведок своевременно передана в Лондон и Вашингтон? Архив ГКО не рассекречен до сих пор, и ответить на этот вопрос пока невозможно. Очевидно, историкам придется ждать не одно десятилетие, прежде чем они смогут дать точный ответ.

Интересно отметить одно обстоятельство. Если американская разведка, взломавшая перед войной японские дипломатические шифры, была отлично осведомлена о замыслах и действиях японского правительства, то английская разведка на Дальнем Востоке не имела достоверной информации о намерениях Японии. Английское командование не знало о том, как будет действовать Япония в ближайшие месяцы. В середине октября, то есть за два месяца до начала тихоокеанской войны, главнокомандующий английскими силами на Дальнем Востоке отправил в военное министерство телеграмму. Этот документ попал к одному из членов «кембриджской пятерки», был переправлен в Москву, и 23 октября его содержание было доложено членам ГКО. Английский генерал докладывал в Лондон, что «Япония сейчас концентрирует войска против русских и не может внезапно трансформировать эти силы на Юге... мы продолжаем утверждать, что при настоящем положении Япония менее всего хочет быть вовлечена в кампанию на Юге...» Поскольку основные операции будут на Севере, считал он, то японской армии потребуется определенное время, чтобы привести в порядок потрепанные части для использования их в южном направлении. Был и еще один фактор, который учитывал командующий: «период плохой погоды в районе Южно-Китайского моря с ноября по январь

включительно, – мы считаем крайне маловероятным, чтобы Япония могла бы сейчас планировать какие-либо операции на Юге в течение ближайших месяцев». Просчет был очевидным, а общий вывод телеграммы: «Суммируя сказанное, мы считаем, что в течение нескольких ближайших месяцев Япония будет стремиться избежать войны на Юге» – ошибочным.

Можно не сомневаться, что за месяц, с 9 ноября до 11 декабря, было выпущено несколько спецсообщений по Востоку. Но в открытых фондах РГАСПИ пока удалось обнаружить только два спецсообщения за декабрь. 7 декабря японский военно-морской флот напал на американскую базу Перл-Харбор и началась война на Тихом океане. Обстановка в регионе кардинально изменилась. Япония четко определила свою позицию, повернув острие агрессии на Юг. Казалось бы, для руководства военной разведки обстановка на Дальнем Востоке окончательно прояснилась и можно вздохнуть с облегчением – войны на два фронта не будет. Для японского правительства и высшего военного руководства империи было бы безумием добавлять к китайскому фронту и обширному театру военных действий в южных морях еще и фронт на Севере с таким грозным противником, как Советский Союз. В спецсообщении от 11 декабря давался состав японских сил на Юге и отмечалось, что, по агентурным данным, на Юг было переброшено 2 пехотные дивизии и 300 самолетов из Китая и 2 пехотные дивизии и 250 самолетов из Маньчжурии. Это было еще одним подтверждением поворота японской агрессии в южном направлении. В этом документе общая численность японских войск, сосредоточенных против СССР на всех направлениях, определялась в 30 пехотных дивизий, два мотомехсоединения, 12 танковых и 19 артиллерийских полков Резерва Главного Командования. В выводах отмечалось, что

сосредоточение японских войск для действий в районе Южных морей не повлекло за собой существенного ослабления группировки японских войск против СССР. Подчеркивалось также, что «опасность нападения Японии на СССР по-прежнему остается реальной».

Последнее спецсообщение 1941 года, обнаруженное в архиве, было датировано 16 декабря. Итоговый документ года имел, очевидно, большое значение для определения советской политики на Дальнем Востоке, и первый раздел был озаглавлен: «Повышение активности военных приготовлений Японии против Советского Союза». Вот начало этого раздела: «Недавно полученный нами документальный материал, исходящий из японских источников, подтверждает правильность всех ранее поступавших от агентуры РУ Генштаба данных о том, что Япония с началом германо-советской войны все свои усилия направила на подготовку военного нападения на СССР. Из этого документа явствует, что по первоначальным планам Япония должна была начать войну против СССР во второй половине августа 1941 года, а затем этот срок был перенесен на сентябрь; однако в силу целого ряда серьезных причин сроки начала этой войны были отнесены до благоприятного для нападения момента».

К сожалению, в спецсообщении, как обычно, нет ни слова, ни намек на то, где и кем получен документ, нет ни слова о характере документа. Но этим документом была полностью перечеркнута вся информация группы «Рамзай» о том, что после 15 сентября Дальний Восток может быть свободен от нападения Японии. В документе отмечалось, что с приходом к власти кабинета Тодзио и вступлением Японии на стороне Германии в мировую войну, опасность военного нападения на СССР вновь стала реальной и подчеркивалось – поступающие за последние дни агентурные и другие данные подтверждают возросшую

опасность выступления Японии против Советского Союза. Можно отметить и такое утверждение в спецсообщении: «По агентурным данным, японцы считают, что для ведения войны против США и Англии достаточно будет морских сил и ограниченного количества сухопутных войск. Главные же силы сухопутной армии Японии нужны для другой, большой войны на материке, причем делается намек на СССР».

Какие же выводы были сделаны руководством военной разведки в этом документе? Основной вывод был таким же, как и в предыдущем спецсообщении, – Япония, добившись крупных успехов в районе Южных морей, может одновременно с продолжением войны выступить и против Советского Союза. Это и было зафиксировано в выводах: «Следует учитывать возможность того, что Япония, в случае благоприятного исхода операций по овладению Сингапуром и Филиппинами, начнет военные действия против Советского Союза». После ознакомления с текстом спецсообщения от 16 декабря создается впечатление, что императорская ставка и генштаб ищут лишних приключений на свою шею. Помимо китайского фронта и нового обширного фронта на Юге им якобы хочется открыть еще один новый фронт на Севере. А может быть, через девять дней после начала тихоокеанской войны в Москве еще смутно представляли обстановку в этом регионе? Японская агрессия на Юге разрасталась, и там требовались все новые и новые силы и средства. Пал Сингапур, были захвачены Филиппины. Японские войска высадились на Новой Гвинее и подошли к границам Индии и Австралии. Японская авиация бомбила города Цейлона, и огонь войны перекинулся из Тихого в Индийский океан. Казалось, еще одно усилие, и у ног империи будет лежать вся покоренная Азия. Но руководство Разведупра продолжало считать, что

Япония готовится к войне с Советским Союзом и стремится открыть третий фронт на Севере.

Так поверило ли руководство разведки информации Зорге о том, что после 15 сентября Дальний Восток может быть свободен от нападения Японии? Если посмотреть выводы ноябрьских и декабрьских спецсообщений Разведупра, которые рассылались членам ГКО, то там одно и то же – угроза войны с Японией реальна, Япония готовится к войне с Советским Союзом. Не поверило руководство разведки Зорге и продолжало убеждать высшее руководство страны в возможности нападения Японии и захвата Приморья с Владивостоком. Даже после начала тихоокеанской войны, когда позиция империи стала ясной, в спецсообщениях были те же утверждения – вот захватит Япония Сингапур и Филиппины, остановится на Юге и начнет военные действия против СССР. Автору могут возразить: военное руководство прислушивалось к утверждениям разведки, и переброски войск с Востока на Запад прекратились в декабре. Но переброски прекратились потому, что с Дальнего Востока к этому времени уже высосали все боеспособные и хорошо обученные соединения. Дальнейшее ослабление дальневосточной группировки могло привести к нарушению паритета между советскими и японскими войсками, а этого военное руководство страны не могло допустить. Если бы на Дальнем Востоке оставались «лишние» обученные и боеспособные соединения, то наверняка их бы перебросили на Запад даже вопреки предупреждениям разведки об угрозе нападения.

На Дальнем Востоке обстановка менялась к худшему. Переброски на Западный фронт осенью 1941-го ослабили группировку Дальневосточного фронта, и это ослабление продолжалось и в декабре. Различные управления Наркомата Обороны тянули оттуда все что

могли, действуя по принципу, что на фронте лишних запасов не бывает. И если бы командующий Дальневосточным фронтом генерал армии Апанасенко выполнял все указания Москвы по переброскам на Запад людей, вооружения и материалов, то к новому году остался бы без войск и боевой техники. 11 декабря терпение у него лопнуло, и он отправил телеграмму Председателю ГКО Сталину, в которой подробно информировал его о соотношении сил фронта и Квантунской армии по различным операционным направлениям. Фронт имел 19 стрелковых дивизий, семь стрелковых, бригад, одну кавалерийскую, две танковые дивизии и шесть танковых бригад. Авиация фронта имела 50 авиационных полков. На вооружении этих частей было 3670 орудий, 1380 легких танков и 1800 самолетов. Войскам фронта противостояли части Квантунской и Корейской армий в составе 24 пехотных дивизий, одной кавалерийской бригады, восьми танковых полков, 14 артиллерийских полков и 35 боевых авиационных отрядов. На вооружении этих частей находились 3900 орудий, 885 танков и 1200 самолетов. В общем, несмотря на полуторакратное превосходство советских войск в танках и самолетах, японскому командованию удалось к началу 1941-го впервые с 1932 года достигнуть паритета в общей численности войск и в количестве артиллерии. Конечно, подобное утверждение действительно только при условии, что информация военной разведки об общей численности японских войск в Маньчжурии и Корее и их распределении по операционным направлениям: сахалинскому, сунгарийскому, хулиньскому, приморскому абсолютно точная.

Интересно отметить еще один момент. Телеграмма Апанасенко Сталину начиналась фразой: «Наступает время, когда Вы потребуете от войск Дальневосточного фронта активных действий». И еще одна фраза в

тексте: «При указанном соотношении сил и группировок японских войск в Маньчжурии для разрешения активных задач фронта требуется усилить войска фронта десятью стрелковыми дивизиями и десятью авиаполками, преимущественно вооруженными новой матчастью, и довести количество боеприпасов до 12 боекомплектов против имеющихся шести боекомплектов...» Очевидно, в Ставке или в Генштабе после начала успешного контрнаступления под Москвой решили разработать какую-то наступательную операцию на Дальнем Востоке, и о замысле этой операции знали Сталин и Апанасенко. Иначе зачем нужно было бы перебрасывать обратно десяток дивизий, так нужных на Западном фронте, и гнать через всю страну эшелоны с боеприпасами на Восток. Для успешной обороны паритета с японскими войсками было достаточно. Но это только предположение автора. Делать более конкретные выводы по одному документу, конечно, невозможно.

В начале 1942 года обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться напряженной. Военная разведка в своих спецсообщениях утверждала, что Япония готовится к войне с Советским Союзом и внезапное нападение может произойти в ближайшее время. После наступления сроков нападения, предсказанных в очередном спецсообщении, военная разведка называла новые сроки возможного нападения. Повторялись события 1941-го года, когда сообщались все новые и новые сроки нападения Германии на Советский Союз. Такая информация требовала поддержания дальневосточной группировки войск в состоянии боевой готовности и не давала возможности осуществить крупные переброски войск на советско-германский фронт.

Фашистская Германия, заинтересованная в выступлении Японии против СССР, делала все

возможное, чтобы побудить ее открыть новый фронт на Севере. В спецсообщении от 31 января 1942 года сообщалось, что, по агентурным данным, 10 декабря 1941 года Риббентроп обратился к японскому правительству с меморандумом, в котором немцы требовали ускорения выступления Японии против СССР. Министр иностранных дел Того дал следующий ответ на этот меморандум: «Японское правительство находит, что координация совместных действий против Советского Союза возможна только после успешного завершения операций в районах Южных морей. Последовательное проведение Японией своей твердой линии соответствует требованиям момента, а удары, наносимые японской армией и флотом на юге, имеют прямое отношение к Советскому Союзу. Японское правительство еще раз заверяет о том, что Япония выполнит все свои обязательства перед державами оси». Ответ японского дипломата был предельно ясен – закончим победоносную войну на Юге и только тогда откроем новый фронт на Севере. Но поскольку окончание войны с США и Англией не просматривалось даже в перспективе, то немецкому союзнику предстояло вести смертельную схватку с Советским Союзом один на один. В этом же документе говорилось, что, по агентурным данным, исходящим из японских источников, на специальном заседании японского кабинета 30 декабря обсуждался доклад начальника генштаба, в котором был изложен разработанный им очередной план войны против СССР.

В спецсообщении подробно говорилось о новой мобилизации в Японии и о формировании новых пехотных дивизий, танковых и артиллерийских частей. Общий вывод из всей полученной разведывательной информации: «... Учитывая то, что в операциях в районах Южных морей участвует до 20 пехотных дивизий, а в Китае активные боевые действия ведут не

более 10 пехотных дивизий, совершенно очевидно, что главные силы сухопутной армии – до 50 пехотных дивизий и основная масса танковых и артиллерийских частей – остаются неиспользованными и, по-видимому, предназначены для действий против Советского Союза». В спецсообщении подтверждалась предыдущая информация о переброске с ноября 1941 года по январь 1942 года из Маньчжурии в районы южных морей трех пехотных дивизий, одного артполка и 300 самолетов, а общая численность группировки японских войск против СССР на 30 января 1942 года, по данным военной разведки, определялась в 32 пехотные дивизии с частями усиления. Общий вывод руководства Разведупра: «В связи с тем, что сроки выступления Японии против Советского Союза тесно связаны как с общими стратегическими планами стран оси, так и со сроками решения основных задач, поставленных Японией в войне на Юге, нападение Японии на СССР возможно весной 1942 года». Этот вывод подкреплялся агентурной информацией о том, что в Токио в период с 1 по 12 января состоялись переговоры между Того и немецким послом Оттом о совместных действиях против СССР в апреле 1942 года. Но японское правительство подчеркнуло, что это соглашение является предварительным, и оговорило, что оно будет иметь силу только в случае успешных действий Японии против США и Англии и захвата важнейших баз в районах Южных морей. В спецсообщении отмечалось также, что, по агентурным данным, исходящим из японских источников, японское командование предполагает к концу марта закончить операции в районах Южных морей и в период апреля – мая выступить против Советского Союза.

Если эта информация соответствовала действительности, то, очевидно, уже через месяц после начала тихоокеанской войны в Токио планировали

очередной блицкриг по типу немецкого, рассчитывая за четыре месяца войны захватить всю Юго-Восточную Азию, закрепиться на подступах к Индии и Австралии и затем повернуть на Север против «главного врага». Замыслы были, если, конечно, были, грандиозными, и мечтать нельзя было запретить даже генералам из японского генштаба. К счастью, подобные мечтания явно не соответствовали скромным материальным возможностям империи.

В спецсообщении от 25 февраля уточнялась численность Квантунской армии: 32 пехотные дивизии, 12 танковых полков, 19 артиллерийских полков, две мотомеханизированные бригады, три кавалерийские бригады. Общая численность – 1100 тысяч человек, 1300 самолетов, 1000 танков и 5500 орудий. На основе поступавшей в основном агентурной информации руководство разведки пришло к выводу: «Столь быстрые и неожиданные для самих японцев успехи в войне против США и Англии вскружили голову руководящим кругам Японии и породили сумасбродные планы одновременного продвижения Японии на север против Советского Союза и через Индию на Ближний Восток с целью соединения там с германской армией». В документе также отмечалось, что нападение Японии на Советский Союз начнется примерно за три недели до начала весеннего наступления немцев на Восточном фронте. Указывались и более точные сроки: «Большинство источников в своих донесениях сходятся на том, что выступление Японии против СССР наиболее вероятно в марте месяце». Руководство разведки считало, что к этому времени Япония закончит операции в районе Южных морей, и освободившиеся дивизии и соединения авиации будут переброшены к советским дальневосточным границам. Общие выводы в этом документе были категоричными: быстрые и легкие победы Японии в районе Южных морей еще более

приблизили опасность нападения на Советский Союз, Япония в состоянии наличными силами начать войну против СССР. Эти выводы были доложены членам ГКО, то есть высшему военному руководству страны, и были приняты к сведению. Во время неудачного весеннего наступления на Западном фронте дальневосточную группировку не тронули и оттуда не взяли ни одной дивизии.

Прошел март, прошел апрель. Вопреки прогнозам руководства военной разведки, Япония не выступила. На дальневосточных границах было спокойно. Война на Тихом океане продолжалась, и ее окончание, также вопреки прогнозам, не просматривалось даже в перспективе. В столице империи в это время также было не до открытия нового фронта. 13 марта премьер-министр и начальники генштабов армии и флота обратились к императору с докладом. Полный текст этого документа стал известен только после войны. В докладе были сформулированы общие принципы дальнейшего руководства войной против США и Англии. Отмечалось, что было достигнуто военно-политическое превосходство над вооруженными силами противников и что нужно: «... воспользовавшись нынешним моментом, еще больше развить военные успехи, создать на длительный период благоприятную военно-политическую обстановку и заставить США и Англию перейти к пассивной оборонительной стратегии».

Специальный раздел доклада был посвящен «политике в отношении СССР в современных условиях». В этом разделе рекомендовалось «прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР», а также «прилагать усилия к тому, чтобы сохранить спокойную атмосферу в японо-советских отношениях...». Вопреки всем разведывательным прогнозам, империи не нужна была война с еще одной великой державой. Поворот

острия японской агрессии на Юг был окончательным и бесповоротным. Угроза советским дальневосточным границам была снята. Понимали ли это в Москве? И если понимали, то какие выводы делали из создавшейся обстановки? От ответа на эти вопросы весной и летом 1942-го зависело очень многое, особенно в связи с начавшимся летом немецким наступлением на Восточном фронте.

Очередное спецсообщение ГРУ Генштаба Красной Армии за № 138013 от 12 мая 1942 года. Первый раздел документа озаглавлен: «Подготовка Японии к войне против СССР». В разделе отмечалось, что, по агентурным данным, полученным ГРУ Генштаба, военные приготовления Японии против СССР не ослабевают. Информация поступала из разных источников. Советский военный атташе в Токио сообщал о дополнительной мобилизации в Японии. В феврале и марте было призвано 700 тысяч военнообязанных. Из них в Маньчжурию было направлено 63 тысячи человек, в Китай 40 тысяч и в район Южных морей 150 тысяч. Как видно из этих цифр, предпочтение было отдано южному направлению японской агрессии. Это косвенно подтверждалось и в самом спецсообщении. В нем отмечалось, что «по агентурным донесениям из различных источников и данным радиоперехвата, во второй половине марта и начале апреля группировка японских войск в районах Южных морей была усилена на пять пехотных дивизий, из них одна дивизия переброшена на Филиппины, две в Бирму и две дивизии на острова Голландской Индии». Такое усиление на Юге позволило японской армии закончить операцию по овладению Баатанским полуостровом на Филиппинах и расширить масштабы операций в Бирме. Информация о событиях на Юге была дана в спецсообщении точная. А вот выводы были несколько странными для такого солидного документа.

В первом пункте отмечалось, что японское командование продолжает качественное и количественное усиление Квантунской армии. По данным военной разведки, группировка японских войск в Маньчжурии в марте и апреле увеличилась на две моторизованные и одну пехотную дивизию. А во втором пункте говорилось о подготовке наступления совсем в другом месте: «В связи с неудачами англичан в Индийском океане и недостаточной готовностью Индии к обороне, создалась реальная возможность, что японцы предпримут решительные действия по захвату Индии». Вот такие выводы. И к войне с Советским Союзом готовятся, открывая новый фронт на Севере, и Индию не прочь захватить, открывая новый фронт в Индийском океане. В штабе военной разведки явно ошибались, приписывая империи несбыточные цели, не соответствовавшие ее скромным экономическим и военным возможностям.

И последний документ, имеющийся в распоряжении автора. Это спецсообщение ГРУ Генштаба за № 138561 от 20 июня 1942 года. Первый раздел документа с тем же названием: «Подготовка Японии к войне с Советским Союзом». Руководство военной разведки сообщало членам ГКО, что в течение мая и июня в ГРУ Генштаба поступило большое количество донесений от различных источников о намерении Японии напасть на СССР в течение лета 1942 года. При этом подчеркивалось, что значительная часть сообщений по этому вопросу исходит из американских, английских и китайских источников. Вполне понятно, что в этих странах очень хотели, чтобы Япония открыла новый фронт, так как это значительно ослабило бы накал борьбы в Бирме, Китае и на островах Южных морей. Но одновременно с этим сообщением в документе отмечалась встреча принца Такамацу, брата японского императора, с командующим Квантунской армией генералом Умедзу. По агентурным

данным из Токио и Харбина, принц посетил Маньчжурию в период с 25 мая по 3 июня. Во время бесед с Умедзу он указал генералу на необходимость отложить нападение на Советский Союз до более благоприятного момента. Конечно, принц действовал не по собственной инициативе, и его указание было равносильно приказу, отданному самим императором. Естественно, что такая информация перечеркивала все сообщения о намерении Японии напасть на Советский Союз летом 1942-го. Поэтому в выводах спецсообщения, подписанного начальником ГРУ генерал-майором Панфиловым и военным комиссаром ГРУ бригадкомиссаром Ильичевым, ничего не говорилось об угрозе нападения, а только отмечалось небольшое усиление Квантунской армии.

К каким выводам можно прийти, анализируя такие документы, как спецсообщения по Востоку? Какими источниками располагала на Дальнем Востоке военная разведка, кроме разгромленной группы «Рамзай»? В спецсообщении от 3 ноября говорится об агентурной информации, полученной из Шанхая, в спецсообщении от 5 ноября упоминается агентура Разведупра, связанная с английскими и японскими источниками, отмечается сообщение английского консула из Дайрена. В спецсообщении от 9 ноября говорится о донесении советского военного атташе в Токио и об информации, исходящей из немецкого источника, который довольно точно указал дату начала военных действий на Юге – середина декабря и отметил, что Япония начнет операции против Филиппин, к которым готовится флот и десантные войска. В спецсообщении от 16 декабря говорилось о документальном материале о подготовке военного нападения на СССР, полученном от японского источника. Эта трафаретная фраза «по агентурным данным, исходящим из японского источника» присутствует почти во всех спецсообщениях Разведупра

за первую половину 1942 года. В документе от 31 января 1942 года отмечалось, что, по агентурным данным, исходящим из японских источников, на заседании японского кабинета в докладе начальника генштаба был изложен план войны против СССР. Очевидно, японский источник был весьма солидным, если сумел получить такую ценную информацию. В спецсообщении от 12 мая отмечались донесение военного атташе в Токио, донесения наших советников из Китая и агентурная информация из Токио, Харбина, Сеула и Дайрена.

Конечно, это не полная и отрывочная информация об источниках военной разведки на Дальнем Востоке. Но ясно одно. Агентурные источники были в Японии, Корее, Маньчжурии. Советники в Китае и сотрудники военного атташата в Токио работали с полной нагрузкой. И обширная территория маньчжурского плацдарма была под пристальным агентурным наблюдением. О том, что там происходило, т. е. о перемещении частей и их усилении, своевременно докладывалось Москве. Это касалось также и основных событий в Токио. Очевидно, не одна группа «Рамзай» работала в Токио.

Автор ограничил рамки своего повествования периодом 1920 – 1930-х годов, доведя его до 7 декабря 1941 года, когда после нападения японского флота на Перл-Харбор Вторая мировая война началась в Азии и на просторах Тихого и Индийского океанов. Как разворачивались сражения тайного фронта после этой даты, как закончилась война для одной из воюющих сторон – японской разведки – тема уже другого исследования. В заключение хочу отметить, что все многочисленные выдержки из документов, без которых, к сожалению, нельзя было обойтись, взяты только из открытых документов, хранящихся в российских

государственных архивах. Ведомственными архивами автор не пользовался.

Заключение

2 сентября 1945 года Вторая мировая война закончилась и на Тихом океане. На борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции последнего агрессора. На земле наступил мир, и надо было подводить итоги прошедшей войны. Одним из таких итогов было наказание японских военных преступников. Так же, как и в Германии, в Японии был создан Международный трибунал, и на скамье подсудимых очутились японские политики, дипломаты и, конечно, военные. Генералы, командовавшие фронтами и армиями и виновные в чудовищных военных преступлениях, предстали перед судьями одиннадцати стран, воевавших с Японией. И начался долгий двухгодичный судебный процесс. В начале 1948-го семь подсудимых были повешены, а остальные получили различные сроки тюремного заключения. Оправданных не было.

Но в Токио судили не только политиков, дипломатов и руководителей военного ведомства, готовивших войну на Тихом океане. Судили и могущественную японскую разведку, представители которой заняли место на скамье подсудимых. Такие ее представители, как генералы Доихара, Мацуи, Минами, Осима, Итагаки сидели на скамье подсудимых прочно и рассчитывать на снисхождение судей не могли, несмотря на все старания защиты. Генералы второго уровня: генерал-лейтенанты Канда Масатанэ и Янагито Гендзо сидели в советских лагерях для военнопленных и проходили на процессе как свидетели обвинения, подробно рассказывая о своей разведывательной деятельности. Во время скоротечной советско-японской войны в августе 1945-го были разгромлены опорные пункты

японской разведки на континенте – японские военные миссии в различных городах Маньчжурии. Советской контрразведке достались богатые трофеи в виде сотрудников миссий и многочисленных документов. Можно не сомневаться, что на допросах из них вытряхнули всю информацию о японской агентуре и о разведывательной и диверсионной деятельности против Советского Союза. На какой-то период японская разведка прекратила свое существование на азиатском континенте.

Советское обвинение в Токио делало все возможное, чтобы деятельность обеих наших разведок на Дальнем Востоке не всплыла наружу и информация о них не попала в протоколы заседаний Трибунала. Если бы в те годы об этой деятельности стало бы известно то, что известно сейчас, то вполне возможно, что некоторые судьи по-другому отнеслись бы к различным обвинениям подсудимых. Но в первые послевоенные годы, когда разгорались первые сражения «холодной» войны, малейшие попытки защиты упомянуть фамилию советского разведчика Зорге, успешная работа которого в Японии уже не была тайной, встречали упорное сопротивление советского обвинения. Документ конгресса США о группе «Рамзай» был уже опубликован, и защитники некоторых подсудимых решили воспользоваться случаем и упомянуть о деятельности советской разведки в Японии.

Два дня, 28 и 29 января 1948 года, за свидетельским пультом Международного трибунала в Токио стоял свидетель обвинения подполковник Фриц фон Петерсдорф. Его разыскали в одном из лагерей немецких военнопленных в Советском Союзе и привезли в Токио для того, чтобы он дал показания о сотрудничестве военных ведомств Германии и Японии. В 1938 году он сменил майора Шолля на посту помощника военного атташе посольства Германии в

Токио и оставался на этой должности до января 1943 года. Его основная задача – контакты с японским генштабом и получение от японских коллег политической, военной и экономической информации, в первую очередь о Советском Союзе. В начале 1943-го подполковника отозвали в Германию и отправили на Восточный фронт. Там он попал в плен и за него взялись сотрудники военной контрразведки. Война была окончена, Германия разгромлена, скрывать было нечего, и бывший офицер вермахта был предельно откровенен в своих показаниях, рассказывая советским офицерам и о сотрудничестве с японским генштабом по вопросам обмена разведывательной информацией, и о контактах с немецким журналистом Рихардом Зорге, которого он хорошо знал несколько лет. Из показаний вычеркнули все те места, где упоминалась фамилия советского разведчика, и они были оформлены в форме аффидевита, то есть показаний, данных под присягой. И после войны в Москве продолжали ту же линию поведения, что и в военные годы – «Этот человек нам неизвестен». Советское обвинение получило четкие указания: всеми силами препятствовать упоминанию на процессе фамилии Зорге. И это указание неукоснительно выполнялось советским обвинителем генералом Васильевым.

Петерсдорф закончил давать показания и в соответствии с процедурой Международного трибунала начался его перекрестный допрос. Вопросы задавал американский адвокат Каннингэм, защищавший генерала Осима, приговоренного к пожизненному заключению.

Вопрос. Обсуждали ли Вы с другими сотрудниками немецкого посольства, кроме военного атташе, сведения, которые они получали или собирали?

Ответ. С 1940 года существовало конкретное распоряжение, в котором говорилось, что никто из

работников посольства не должен обсуждать своей работы с каким-либо другим лицом.

Вопрос. Обсуждали ли Вы сведения, полученные Вами, с другими сотрудниками немецкого посольства, кроме военного атташе?

Ответ. Нет.

Очень любопытный ответ свидетеля. Немецкие дипломаты, в том числе и военные, были очень исполнительными служаками. И любое распоряжение или приказ всегда выполнялся без каких-либо отступлений. Чем же тогда объяснить то, что и посол, и военный атташе, и его помощник обсуждали свою работу и сведения, полученные из японских источников, с немецким журналистом, авторитетным, эрудированным и влиятельным, пользующимся полным доверием, но не являющимся сотрудником посольства? Но обсуждения были и сведениями делились, хотя, может быть, и не в таком количестве, как в предыдущие годы. Об этом и Зорге писал в своих отчетах в Центр: условия изменились, и возможности получения информации стало значительно меньше. Но после наводящих вопросов Каннингэм переходит в наступление.

Вопрос. Вы говорите, что в процессе сбора информации Вы получали ее не только из японского генштаба, а также в различные периоды получали информацию о численности Квантунской армии от немецкого корреспондента Рихарда Зорге?

Фамилия Зорге была произнесена, и генерал Васильев сразу же вступает в юридическую схватку.

Генерал Васильев. Господину Каннингэму хорошо известно, что эта часть affidavita вычеркнута, и поэтому я возражаю против данного вопроса.

Председатель. Осталось ли в affidavite что-нибудь, что может оправдать постановку такого вопроса? В этом сейчас все дело.

Генерал Васильев. Нет, в аффидевите не осталось ничего такого...

Первая атака защиты была отбита. Но Каннингэм продолжал настаивать на том, что для суда очень важно выяснить, откуда в германское посольство поступала информация, которая потом отправлялась в Берлин. Он утверждал, что Петерсдорф и германский посол Отт получали информацию из одного источника, и хотел добиться того, чтобы суд признал этим источником советского разведчика Рихарда Зорге. Защитник ссылается на один из предыдущих протоколов допроса свидетеля.

Вопрос. Знаете ли Вы, какова была численность Квантунской армии в различные периоды времени?

Ответ. Да, знаю.

Вопрос. Из какого источника Вы это узнали?

Ответ. Частично от японского генштаба, а также от немецкого корреспондента Рихарда Зорге, от которого мы получали точные сведения о численности дивизий Квантунской армии, а также о номерах некоторых из них. Из немецкой миссии в Маньчжурии мы также получали некоторые сведения относительно численности Квантунской армии.

Вопрос. Были ли эти вопросы заданы Вам и дали ли Вы на них эти ответы на допросе 12 мая 1947 года?

Ответ. Да.

Вопрос. Теперь, что касается немецкого корреспондента Рихарда Зорге, от которого Вы получали «точные сведения о числе дивизий Квантунской армии, а также о номерах некоторых из них», какой пост занимал Рихард Зорге в немецком посольстве в то время?

Опять с возражением выступил генерал Васильев, утверждая, что вопрос выходит за рамки аффидевита и не имеет никакого отношения к вопросам, разбирающимся в суде. Генерал также заявил, что

сведения о численности Квантунской армии, полученные Петерсдорфом, настолько неполны и недостоверны, что эта часть его аффидевита была вычеркнута. Советское обвинение представило в качестве доказательства только ту часть показаний свидетеля, которая касается сведений, полученных им из японского генштаба. Но, очевидно, возражения генерала были для председателя недостаточно убедительными. Он отклонил возражения и разрешил свидетелю ответить на вопрос защиты. Пришлось генералу смириться и выслушать ответ, который был зафиксирован в стенограмме заседаний трибунала.

Ответ. Зорге был корреспондентом немецкой газеты и не занимал никакого официального поста в немецком посольстве.

Вопрос. Не давали ли Вы какие-либо из Ваших докладов господину Зорге перед тем, как посылали их в Германию или представляли Вашему военному атташе? Доверяли ли Вы ему?

Васильев возражает, утверждая, что вопрос не имеет никакой связи с аффидевитом свидетеля и нарушает все правила, установленные Трибуналом в отношении перекрестных допросов. Председатель отклоняет вопрос защиты, и словесный поединок продолжается. Каннингэм, ссылаясь на американский меморандум, задает Петерсдорфу вопрос, был ли Зорге сотрудником немецкого посольства. Подполковник категорически отрицает это. Тогда защитник заходит с другого конца, почерпнув эту информацию, очевидно, тоже из меморандума. Позднее некоторые из советских авторов книг о Зорге использовали этот же сюжет.

Вопрос. Помните ли Вы, что по утрам, после того как Зорге выпускал пресс-бюллетень о ходе войны в Европе, он в большинстве случаев завтракал вместе с послом?

Председатель. Генерал Васильев.

ГенералВасильев. Я возражаю против этого вопроса. Этот вопрос делает честь настойчивости господина Каннингэма, однако он не имеет никакого отношения к делу.

Председатель. Да, это тот же самый тип вопроса. Возражение поддерживается, и вопрос отклоняется.

Вопрос. Помните ли Вы...

Но здесь терпение лопнуло даже у флегматичного председателя Трибунала. Но после его резкой отповеди Каннингэм все-таки высказал свое мнение, назвав Зорге «отъявленным русским шпионом в истории».

Председатель. Должен же быть когда-нибудь предел этому. Господин Каннингэм, мы все еще контролируем действия суда и будем заниматься этим и впредь. Свидетель несколько раз отрицал очень настоятельно предъявленные ему заявления, и, мне кажется, нет необходимости продолжать дальше эту так называемую проверку памяти свидетеля.

Каннингэм. Ваша честь, свидетель уже показал в Москве, что одним из источников получаемых им сведений был Рихард Зорге, через которого этот свидетель получал свои сведения, и через которого получал информацию также посол Отт, и которому посол Отт показывал телеграммы, присылавшиеся из Германии, и советовался с ним, был самым отъявленным русским шпионом в истории, одним из таких шпионов. Это все, что я хотел сказать...

Утреннее заседание 29 января началось с продолжения допроса Петерсдорфа. Защитник задает уже набивший оскомину вопрос: «Господин свидетель, Вы можете нам сказать, какую информацию Вы получали от Зорге относительно Квантунской армии?» Здесь уже разъяснения пришлось давать генералу Васильеву: «... Мне кажется, что я должен объяснить, что мы не обвиняем германское посольство в том, что оно передавало информацию, полученную из японских

источников. Но мы обвиняем руководителей японского правительства, которые представляли эту информацию германскому посольству. Поэтому трибунал не может интересоваться, какие источники кроме японского правительства использовало германское посольство, и мы говорим сейчас только о японском генштабе». После обсуждения судьи отклоняют и этот вопрос защиты.

Казалось бы, все ясно и можно заканчивать. Но Каннингэм упорно старается увести суд в сторону. И он продолжает задавать свои вопросы, нисколько не смущаясь тем, что их отклонение ставит его в смешное положение. Причем фамилия Зорге обязательно имеется в каждом вопросе. Вопрос к свидетелю: «... Знаете ли Вы, из каких источников получал сведения Зорге?» Трибунал отклоняет вопрос. Следующий вопрос защитника: «Господин свидетель, Вы показали, что часть сведений Вы получали от господина Зорге. По указанию каких сотрудников германского посольства господин Зорге собирал информацию?» И этот вопрос отклоняется Трибуналом как не относящийся к делу. Третий вопрос защитника: «Помните ли Вы ту дату, когда Рихард Зорге прекратил предоставление информации военному атташе и Вам лично...?»

Опять пришлось вмешаться председателю Трибунала: «Большинство членов Трибунала считает, что этот перекрестный допрос является совершенно бесполезным и мы лишь попусту тратим время на вопросы, которые не оказывают нам никакой помощи. Мы должны обеспечить справедливый, но быстрый процесс. Подобный перекрестный допрос не диктуется интересами справедливости, и он, безусловно, мешает нам выполнять наш долг – быстро провести процесс». Но даже и это замечание, хотя американского защитника отчитали как провинившегося школьника, не возымело действия. Каннингэм продолжал упорно

задавать свои вопросы, и в каждом из них упоминался Рихард Зорге.

Вопрос к свидетелю: «Когда Вы узнали о том, что Рихард Зорге был русским шпионом?» Трибунал отклоняет вопрос. Следующий вопрос: «Известно ли Вам, что посол Отт был освобожден от своего поста в Японии по той причине, что он был замешан в деле Рихарда Зорге?» И этот вопрос отклоняется как не относящийся к делу. Тогда Каннингэм пытается зайти с другого конца, задавая по сути дела тот же самый вопрос: «... Известны ли Вам взаимоотношения, которые существовали между послом Оттом и Зорге после его ареста в 1941 году?» Поскольку вопросы, связанные с Зорге, продолжались, лорд Уэбб решил высказаться вполне откровенно. Вот заключительная выдержка из стенограммы заседания Трибунала.

Председатель. Этот вопрос о Зорге является совершенно второстепенным вопросом, который поднят, вероятно, для того, чтобы отнимать у нас время. Какое это имеет отношение к вопросам, разбираемым нами, или даже к вопросу о правдивости показаний данного свидетеля? Вы не показали этого.

Каннингэм. Ваша честь, я не хочу затягивать спор. Я лишь заявляю о том, что дальнейшее проведение перекрестного допроса покажет связь данного свидетеля с Одзаки Ходзуми, Бранко Вукелич, а также с японцем по фамилии Мияги.

Председатель. Я хотел бы знать, желает ли большинство Трибунала заниматься разбором вопросов о шпионской деятельности в Токио, или же оно намеревается ограничиться разбором вопросов, изложенных в обвинительном заключении? Мы сделаем перерыв для того, чтобы установить точку зрения большинства судей по этому вопросу, и я с готовностью подчинюсь любому решению большинства.

Лорд Уэбб не был лишен юмора. Объявили перерыв, и судьи ушли в судейскую комнату совещаться. Совещались пятьдесят минут. Мнение было единодушным. Всем надоела возня защитника вокруг имени советского разведчика, и на его дальнейших попытках увести Трибунал в сторону решили поставить точку. После перерыва выступление председателя Трибунала.

Председатель. Точка зрения большинства членов Трибунала сводится к следующему. Показания и прямой допрос свидетеля имели своей целью показать сотрудничество между Японией и Германией. Точность или неточность информации, на которой основано было это сотрудничество, а также источник этой информации являются чисто второстепенными вопросами, разбором которых мы не имеем права заниматься. Мы решили запретить дальнейший перекрестный допрос по этим второстепенным вопросам.

Юридический поединок в Токио закончился поражением американской защиты. Это был один из заключительных эпизодов тайной войны, бушевавшей на просторах Дальнего Востока в 1920-х и 1930-х годах. Конечно, генералу Васильеву была известна роль Зорге и группы «Рамзай» в разведывательной работе в Японии. Но в то время признать факт ведения разведывательной работы против Японии, с которой у Советского Союза были нормальные дипломатические отношения, он, конечно, не мог. Тем более что в приговоре Трибунала был специальный раздел о подрывной и диверсионной деятельности Японии против Советского Союза. Признание разведывательной и диверсионной деятельности с помощью маньчжурских партизан, Советского Союза против Японии перечеркнуло бы некоторые разделы приговора, и шестая глава: «Агрессия Японии против Советского Союза», которую готовило советское обвинение,

выглядела бы совсем не так, как этого хотели в Москве. И советское обвинение в условиях «холодной» волны делало все возможное, чтобы дело Зорге не всплыло на поверхность.

И это удалось. О Зорге и членах его группы больше не вспоминали, и их фамилии не появлялись в стенограмме заседаний Трибунала. В условиях послевоенного времени советские обвинители подобно Васильеву, даже когда они знали правду, должны были выкручиваться и отрицать любую причастность нашей страны к шпионской работе. Только через 16 лет Советский Союз официально заявил, что он вел разведывательную работу против Японии, присвоив своему разведчику в Токио звание Героя Советского Союза.

notes

Примечания

План «Оцу» – японский план нападения на СССР. План предусматривал использование территорий Кореи и Маньчжурии в качестве плацдарма для операций по захвату Советского Приморья. Как показал на Токийском процессе генерал-лейтенант Мияке, бывший начальник штаба Квантунской армии в 1928—1932 гг., «план операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР». В соответствии с планом «Оцу» намечалось нанести СССР два удара: первый – по направлению на Ворошиловск и Владивосток, второй – через Монгольскую Народную Республику в районе Читы. Строительство железных и шоссейных дорог, аэродромов и других военных объектов велось в точном соответствии с агрессивными замыслами.

Русский общевойсковой союз. Военная организация русских офицеров-эмигрантов.

З

Ворошилов-Уссурийский Приморского края, ныне г.
Уссурийск.

ЯВМ – японские военные миссии, действовавшие на территории Маньчжоу-Го.

5

МЧГ – Маньчжоу-Го.